

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

8 / 2013

Журнал
«Семь искусств»

Август 2013

Главный редактор
Евгений Беркович

Редакционная коллегия:

Лев Бердников, Борис Болотовский, Эдуард Бормашенко,
Юлий Брук, Элла Грайфер, Лорина Дымова, Борис Дынин,
Игорь Ефимов, Александр Журбин, Виктор Каган,
Борис Кушнер, Александр Ласкин,
Борис Тененбаум, Артур Штильман

Ответственный секретарь Изабелла Победина

ISBN 978-1-291-58928-3

«Семь искусств»
Ганновер 2013

Журнал

«Семь искусств»

Август 2013

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

Компьютерная вёрстка и техническое
редактирование Изабеллы Побединой

«Семь искусств»
Ганновер 2013

Содержание

Мир науки

Евгений Беркович	
Одиссея Петера Прингсхайма.....	6
Григорий Полотовский	
Несколько замечаний о мифотворчестве в истории математики	34
Борис Горобец	
В.И. Меркин	42

Культура

Мина Полянская	
Вокруг берлинской мемориальной доски	
Марине Цветаевой	65

Философия

Феликс Фельдман	
Религиозная философия Н.Бердяева	165

Психологические тетради

Виктор Каган	
Музыка детства	76

Социология

Андрей Алексеев	
Эксперимент социолога-рабочего	98

Музыка

Артур Штильман	
Джеймс Левайн – музыкальный директор и главный дирижёр Метрополитен оперы	179

История

Марк Цайгер	
Лохнесское чудо.....	191
Евгений Брейдо	
Агент	198

Мемуары

Ольга Янович	
Воспоминания об отце.....	201
Виктор Гопман	
В тополинах московских дворах	220
Нора Райхштейн	
Лохматые блокнотики	229

Лорина Дымова Литературные страсти	245
---	-----

Поэзия

Никольский Прения души и тела и их примирение	261
Бахыт Кенжеев Когда б умел я.....	255
Лариса Миллер «Стихи гуськом»	269

Проза

Александр Матлин Бернард Нахес, адвокат в законе	300
Александр Кацура, Валерий Генкин Дятлы-рояли	307
Зоя Мастер Городские.....	316
Игорь Ильин Тот, кто пришел с дождем.....	328
Михаил Юдсон Француз.....	344

Переводы

Авром Суцкевер (1913-2010) Перевод с идиша Игоря Булатовского Старый Яффо в дождь	349
Альберто Моравиа Перевод с итальянского: Моисей Борода Мыслитель	358

Люди

Розалия Степанова Уж лучше бы Ленин нашёл ему мазь	365
Лина Городецкая Сказочник Вадим Левин и его детская "взрослость"	385
Ирина Чайковская Владимир Маяковский и Лиля Брик: сходство несходного	395
Яков Корман Галич и Высоцкий.....	410

Читальный зал

Юрий Моор-Мурадов

Маяковский versus Цветаева.....439

Об авторах447

Евгений Беркович Одиссея Петера Прингсхайма

(окончание. Начало в №5/2013 и в №6/2013)

Часть вторая. Томас Манн – кормилец

Ординарный профессор

двадцатые годы постепенно возвращали мир и покой измученным народам Европы. Время залечивало раны, нанесенные мировой войной. До нее ни одна война в истории человечества не требовала столько человеческих жертв. Но постепенно жизнь возвращалась в нормальную колею. Налаживалась и жизнь наших героев. Каждый из них в своей деятельности добился общественного признания. В 1924 году роман *«Волшебная гора»*, наконец, вышел в свет и был восторженно встречен читателями, а еще через пять лет Томас Манн получил Нобелевскую премию по литературе.

Томас Манн делает доклад о Гете в Академии художеств, Берлин, 1932 г.
На заднем плане сидит Генрих Манн

Годом позже, в 1930 году, Петер стал ординарным профессором физики.

К профессору Прингсхайму на стажировку охотно приезжали молодые ученые из-за границы. Самыми известными стали, пожалуй, гости из Советского Союза.

Группа ведущих физиков, работавших в Берлине после Первой мировой войны. Среди них Альберт Эйнштейн, Джеймс Франк, Густав Герц, Фриц Габер, Петер Прингсхайм (в последнем ряду второй справа)

В 1926 году с Петером в качестве ассистента работал Сергей Иванович Вавилов, будущий основатель Физического института Академии наук СССР и президент этой академии. У Прингсхайма и Вавилова есть совместная статья в «Физическом журнале»¹.

С.И. Вавилов с группой студентов МГУ в 1929-30 гг.
(С.И.Вавилов сидит в первом ряду второй справа)

Через год на стажировку к Петеру в Берлин приехал другой будущий советский академик – Александр Николаевич Теренин. Результат их работы – статья о флюоресценции паров ртути². После

¹ *Pringsheim Peter, Wawilow S.J.* Polarisierte und unpolarisierte Phosphoreszenz fester Farbstofflösungen In: Zeitschrift für Physik. 37(1926), S. 705-713.

² *Pringsheim Peter, Terenin A.* Über die Bandensysteme im Spektrum des J2-

возвращения в Ленинград Теренин заведовал кафедрой в Ленинградском государственном университете и отделом в Государственном оптическом институте.

Петер успешно руководил научными работами выпускников Берлинского университета. Последние три докторанта профессора Прингсхайма защитились в Германии в 1932 году. На этом закончился относительно мирный, хотя и нелегкий период в немецкой истории – период демократической Веймарской республики.

В лаборатории А.Н. Теренина в ГОИ, Ленинград 1930 г.
(А.Н. Теренин сидит в первом ряду второй слева)

Приход нацистов к власти в Германии снова сломал судьбы миллионов людей и привел мир к новой, еще более кровавой войне. Не обошли стороной новые испытания и семьи Маннов и Прингсхаймов. Писателя вынудили уйти в изгнание, а Петер снова попал в концлагерь, и его жизнь вновь оказалась в опасности.

Арийский параграф

Свои преобразования Веймарской республики в Третий Рейх Гитлер начал с «чистки» государственных служащих, к которым относились, в частности, профессора университетов. Закон «*О восстановлении профессионального чиновничества*» („Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums“) от 7 апреля 1933 года был первым законодательным актом, в котором появились расистские формулировки. Так в §3 этого закона говорилось, что «*государственные служащие неарийского происхождения должны быть отправлены на пенсию*».

Исключения делались для тех чиновников, кто был принят на государственную службу до первого августа 1914 года (так называемых «старых служащих»), либо воевал за Германию или ее союзников на фронтах Первой мировой войны, либо имел детей или родителей, павших на той войне.

Еще один параграф этого закона (§4) позволял увольнять с государственной службы политически неблагонадежных, *«кто своей предыдущей политической деятельностью не гарантировал беззаветную преданность национальному государству»*. Под эту формулировку попадали социал-демократы и коммунисты, а также все, кто поддерживал идеалы Веймарской республики.

Специальным разъяснением, опубликованным 11 апреля 1933 года, определялось, кого считать *«неарийцем»* в §3 этого закона: если кто-то из дедушек или бабушек были неарийцами (прежде всего, евреями).

Меньше чем через месяц, 6 мая 1933 года действие этого закона распространили на приват-доцентов, которые не являлись государственными служащими.

Петер Прингсхайм из-за своего еврейского происхождения был в мае 1933 года временно освобожден от своих служебных обязанностей профессора, а пятого сентября того же года окончательно отправлен на пенсию. Выплата оклада прекратилась, бывшему высокооплачиваемому профессору пришлось снова думать о средствах к существованию.

Вот тут и пригодились связи его бельгийской жены Эмилии, с которой он обвенчался в 1923 году.

Петер Прингсхайм и Эмилия в зрелом возрасте

Петеру удалось получить место преподавателя в Свободном университете Брюсселя. Один из старейших бельгийских университетов основан в 1834 году, через четыре года после образования самого государства Бельгия из отколовшихся от королевства Нидерланды девяти провинций. Слово «свободный» в названии университета говорит о его независимости от какой-либо государственной религии (в отличие от католических или протестантских университетов того времени). Преподавание велось на французском языке.

Кафедрой физики на факультете естественных наук в то время заведовал знаменитый швейцарский профессор Огюст Пиккар³, прославившийся подъемом на изобретенном им стратостате в верхние слои атмосферы. Другое его достижение – спуск на батискафе в глубины Мариинской впадины Тихого океана – осуществилось уже после Второй мировой войны. Именно Пиккар и принял Петера Прингсхайма на свою кафедру в октябре 1933 года.

Свободный университет Брюсселя

Почти семь лет преподавал Прингсхайм физику в бельгийском университете. Сначала зарплату ему платил специальный фонд поддержки ученых, а с 1937 года Петера приняли в штат университета на должность доцента. В Брюсселе наряду с преподаванием активно продолжались физические эксперименты, начатые в Берлине, благо к Прингсхайму присоединились некоторые его бывшие немецкие коллеги и ученики, среди них Фриц Душинский⁴ и Эрнст Хиршлаф⁵.

³ Огюст Пиккар (Auguste Piccard, 1884-1962) – выдающийся швейцарский исследователь, физик, изобретатель стратостата и батискафа.

⁴ Фриц Душинский (Fritz Duschinsky, 1907-1942) – физик, родился в Чехии в еврейской семье, окончил Берлинский университет и защитил диссертацию под руководством Питера Прингсхайма в 1932 году. В 1934 году эмигрировал в Бельгию, где работал в Свободном Брюссельском университете под его же руководством. После прихода в Бельгию нацистов какое-то время находился на нелегальном положении в Париже, был выдан властям и депортирован в Освенцим, где погиб в 1942 году - см. *Wehefritz Valentin. Gefangener zweier Welten* (см. прим. 50), стр. 32.

⁵ Эрнст Хиршлаф (Ernst Hirschlaff, в 1940 году сменил фамилию и стал Ernest Hutten) – немецкий физик еврейского происхождения, работал под руководством Петера Прингсхайма сначала в Берлине, потом в Брюсселе и Чикаго, затем стал профессором теоретической физике в Лондоне. После прихода нацистов к власти в Германии бежал с фальшивым паспортом в Бельгию. Его мать и сестра Вера не смогли покинуть Германию, и были депортированы в Освенцим, где и погибли - см. *Wehefritz Valentin. Gefangener zweier Welten* (см. прим. 50), стр. 32.

Казалось, что Петер в Брюсселе нашел, наконец, тихую гавань, где он мог спокойно жить и работать, пока власти на его родине устраивают немислимые гонения на евреев. Однако иллюзия безопасности быстро развеялась, когда 10 мая 1940 года немецкие войска начали наступление против Франции и стран Бенилюкса – Голландии, Бельгии и Люксембурга. В этот же день бельгийские власти отдали приказ об аресте всех немцев, находившихся в стране.

Немецкие войска на улицах Брюсселя

Для несчастного Петера повторилась австралийская история: как немецкий гражданин он был схвачен на улице и отправлен в концентрационный лагерь в местечке Сен-Сиприен (Saint-Cyprien) на юге Франции.

Для родственников Петера наступили тяжелые времена – в течение нескольких месяцев никто не мог сказать, что с ним случилось, он просто бесследно исчез. Только в конце лета ему разрешили подать весточку и сообщить свой новый адрес: лагерь Сен-Сиприен (Восточные Пиренеи), квартал 1, барак 14.

Агнес Майер

Томас и Катя Манн к этому времени уже третий год жили в Америке. Первый раз писатель оказался в США в мае 1934 года. Его пригласил посетить Соединенные Штаты американский издатель Кнопф в связи с выходом на английском языке первой части тетралогии об Иосифе. После этой поездки Манн пересекал Атлантический океан еще несколько раз. Во время третьего посещения Америки писатель познакомился с известной журналисткой Агнес Майер, ставшей впоследствии его близким другом и настоящим ангелом-хранителем на весь период жизни семьи Манн в США. Прекрасно говорившая по-немецки Агнес взяла у писателя интервью, которое появилось в газете «Вашингтон Пост» 25 апреля 1937 года. Владельцем этой газеты и очень влиятельным человеком среди политической элиты США был муж Агнес – Юджин

(Евгений) Майер. Через него Агнес имела доступ к самым влиятельным людям Америки, включая президента.

Именно Агнес Майер смогла добиться назначения Томаса Манна профессором гуманитарных наук Принстонского университета. От такого предложения писатель не смог, да и не хотел отказываться, и в сентябре 1938 года его любимый письменный стол, за которым он работал в Мюнхене и в Швейцарии, уже стоял в просторной вилле, снятой у какого-то англичанина, в университетском городке Принстон, штат Нью-Джерси. Здесь писатель жил и работал до лета 1940 года, когда принял решение переселиться в Калифорнию.

Агнес Майер – супруга Евгения Майера, издателя «Вашингтон Пост»

Уехал он из Европы весьма вовремя. В марте 1938 года Гитлер присоединил к Третьему рейху свою родную Австрию, а через шесть дней после прибытия Томаса Манна в Нью-Йорк, 30 сентября того же года состоялось подписание печально известного «Мюнхенского соглашения», открывшего Гитлеру путь к захвату Европы. Как исторический курьез можно отметить, что церемония подписания проходила в резиденции фюрера (Führerbau), построенной в 1937 году и расположенной по тому же адресу улица Арси, 12, что и разрушенная нацистами вилла профессора Прингсхайма.

Вилла профессора Прингсхайма и резиденция фюрера
(ныне мюнхенская консерватория)

После «Мюнхенского соглашения» новая мировая война становилась неизбежной. Она и разразилась через год, первого сентября 1939 года.

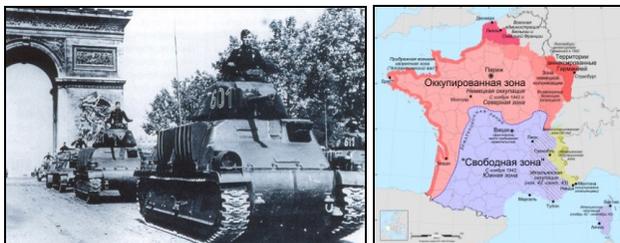
Вести из Европы доходили тогда до Америки быстро. Буквально в тот же день, 10 мая 1940 года, когда началось немецкое вторжение в страны Бенилюкса, Томас Манн записал в дневнике:

«Поздно лег, но хорошо поспал 7 часов. Подъем в 8 часов. Любимейшее утро. Побрился, принял ванну, оделся. Потрясающая новость о немецком воздушном и сухопутном нападении на Голландию, Бельгию и Люксембург. Непрерывные сообщения, в том числе, немецкие, что они уже в Гааге»⁶.

На церемонии подписания Мюнхенского соглашения

Военная операция немцев против Франции и стран Бенилюкса завершилась быстрой победой. Бельгия капитулировала первой – 28 мая 1940 года, через две недели после нападения Германии.

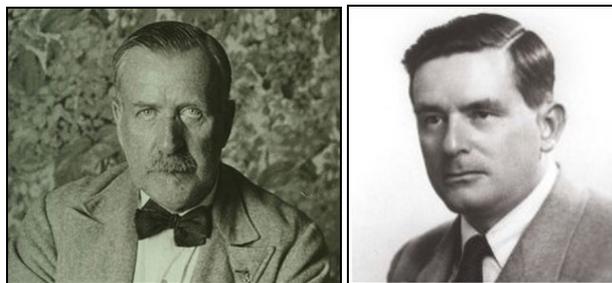
Оккупация Парижа, раздел Франции

Франция сопротивлялась немного дольше, но и на этом фронте немцы быстро одержали решающие победы: Париж пал 14 июня, а полная и безоговорочная капитуляция французов была подписана 22 июня того же года. Немцы оккупировали северную и западную часть французской территории, оставив юго-восток страны «Свободной зоной» со столицей в курортном городке Виши. Главой «правительства Виши» стал

⁶ Mann Thomas. Tagebücher. 1940-1943. Herausgeben von Peter de Mendelssohn. S.Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1982, S. 72.

престарелый маршал Петен⁷ – ему к тому моменту исполнилось уже 84 года. Лагерь, в котором томился Петер, лежал как раз в этой «Свободной зоне».

В доме Маннов надолго поселилось беспокойство за судьбу родных, оказавшихся на оккупированной немцами территории. Во Франции застряли брат Томаса Генрих и сын Голо (полное имя Ангелус Готфрид, Angelus Gottfried), в Бельгии потерялись следы Петера.

Генрих Манн и Голо Манн

Судьба Петера Прингсхайма беспокоила и его товарищей-физиков, оказавшихся в США, прежде всего, Альберта Эйнштейна, жившего в Принстоне по соседству с Маннами, и Джеймса Франка, который с 1938 года работал профессором физической химии Чикагского университета. В дневниковой записи Томаса Манна от 31 мая 1940 года есть упоминание о письме Франка из Чикаго, в котором тот интересовался положением Петера Прингсхайма в Брюсселе. Строчкой далее в той же записи Манн пишет:

«Ужин с К.[атея]. После этого пришел Эйнштейн, с которым мы обговорили проблему Петера Прингсхайма. Эйнштейн очень по-дружески предложил некоторые шаги»⁸.

Положение беженцев во Франции становилось день ото дня все безнадежнее. В оккупированной зоне за ними охотились немцы, в «республике Виши» французские полицейские. Параграф 19 договора о капитуляции Франции гласил: *«Французское правительство обязуется депортировать в Германию всех немецких граждан по первому требованию немецкой стороны»⁹.*

⁷ Анри Филипп Петен (иногда пишут Петэн; Henri Philippe Pétain; 1856-1951) – французский военный и политический деятель, глава коллаборационистского правительства Виши во время Второй мировой войны.

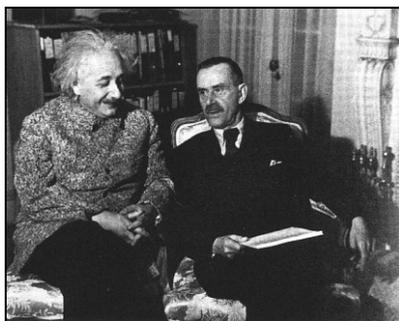
⁸ Mann Thomas. Tagebücher. 1940-1943 (см. прим. 108), стр. 87.

⁹ Fry Varian. Auslieferung auf Verlangen. Die Rettung deutscher Emigranten in Marseille 1940/41. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt a. M. 1995, S. 9.

По прямому указу маршала Петена полицейские отлавливали эмигрантов, не имевших французского гражданства, и заключали их в специально созданные для этого концентрационные лагеря.

Гонения на беженцев во Франции начались еще до полной победы немцев. Томас Манн пишет в дневнике 19 июня 1940 года:

«Ужас, что говорят об охоте на эмигрантов в Париже и в ближайших лесах. Там Гиммлер. Кошмар, кошмар»¹⁰.

Альберт Эйнштейн и Томас Манн – соседи по Принстону

А еще через шесть дней, 25 июня, когда сопротивление французов прекратилось, Томас снова возвращается к судьбе близких:

«Глубоко подавлен мыслями о происходящем во Франции, о Голо, Генрихе. Требование выдачи нацистам с именами вооруженных эмигрантов. Хотят их по-военному расстрелять! Возможно, Г.[енриха] прячут друзья, и ему удастся как-то перебраться через границу в Испанию. От Брайтбаха¹¹ известно, что Голо интернировали. Хоть бы его какая-то волна подхватила и выбросила на берег, где он мог бы быть в безопасности»¹².

Чрезвычайный комитет спасения

Готовность «правительства Виши» сотрудничать с Гитлером и выдавать Германии людей, бежавших от преследования нацистов, не на шутку взволновала интеллектуальную элиту Америки и тех иммигрантов, кому посчастливилось в это смутное время оказаться в безопасной стране. У многих в Европе оставались родственники или друзья. Франция долгое время считалась островом свободы на европейском континенте, где находили спасение беженцы из разных стран. А теперь им всем грозила

¹⁰ *Mann Thomas. Tagebücher. 1940-1943 (см. прим. 108), стр. 101*

¹¹ Йозеф Брайтбах (Joseph Breitbach, 1903-1980) – немецко-французский писатель и драматург, жил с 1929 года в Париже, друг Эрики и Клауса Манна.

¹² *Mann Thomas. Tagebücher. 1940-1943 (см. прим. 108), стр. 105.*

высылка в Германию и неминуемая расправа. Нужно было срочно спасти несчастных, это понимали все. Поэтому в том же июне 1940 года, буквально через несколько дней после подписания договора о французской капитуляции, в Америке был создан Чрезвычайный комитет спасения (Emergency Rescue Committee, сокращенно ERC), задачей которого была помощь антифашистски настроенным интеллектуалам - художникам, писателям, ученым, - кому грозила опасность попасть в руки гестапо. Томас Манн принял самое деятельное участие в организации этого комитета и в его работе, составил с помощью дочери Эрики список писателей, нуждавшихся в спасении. Необходимые деньги для деятельности комитета собирали у различных спонсоров, устраивали для этой цели специальные благотворительные мероприятия. Одно из таких собраний состоялось в доме Томаса Манна.

К этому времени Томас и Катя перебрались из Принстона в Калифорнию. Пятого июля они въехали в снятый до осени дом в городке Брентвуд (Brentwood) недалеко от Лос-Анжелеса. Здесь и собрались 28 июля 1940 года три десятка специально приглашенных гостей, журналистов, актеров Голливуда, продюсеров... На встрече выступил сам хозяин дома, а также председатель Чрезвычайного комитета спасения Франк Кингдон¹³. В результате удалось собрать 4500 долларов, о чем пунктуальный писатель в тот же день сделал запись в дневнике¹⁴.

В письме Агнес Майер от 9 августа 1940 года Катя жалуется: *«Наш дом сейчас превратился в настоящее бюро, занятое операциями спасения, Эрика выбивается из сил, и у меня голова идет кругом»*¹⁵.

В тесном контакте с ERC помогал беженцам Унитарийский исполнительный комитет (Unitarian Service Committee, сокращенно USC). Он был задуман руководством Унитарийской церкви США сразу после подписания печально известного Мюнхенского соглашения 1938 года, отдавшего Гитлеру часть Чехословакии. Первоочередной задачей USC было спасение евреев и антифашистов, оказавшихся на территориях, контролируемых нацистами. Томас Манн иногда выступал как представитель USC, так в письме от 23 июня 1940 года некой мисс Диварт (Elizabeth Dewart) он благодарит ее за помощь Унитарийскому исполнительному комитету в размере 10 долларов, *«которые пойдут на освобождение чешских детей»*¹⁶.

Вскоре Унитарийский исполнительный комитет распространил свою деятельность и на другие страны, оккупированные немцами, в частности, на Францию.

¹³ Франк Кингдон (Frank Kingdon, 1894-1972) – американский проповедник, впоследствии профессор и радиокомментатор, в 1940-41 годах председатель Чрезвычайного комитета спасения.

¹⁴ *Mann Thomas. Tagebücher. 1940-1943* (см. прим. 108), стр. 123.

¹⁵ Thomas Mann, Agnes E. Meyer. Briefwechsel. Herausgegeben von Hans Rudolf Vaget. S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main 1992, S. 223.

¹⁶ *Mann Thomas. Briefe 1937-1947*. Hrsg. von Erika Mann. S. Fischer Verlag, Frankfurt a.M. 1963, S. 146-147.

Судьба родственников, застрявших в республике Виши, не давала покоя Томасу и Кате. Стало известно, что сына Голо полицейские схватили на улице во время облавы и отправили в концлагерь в местечке Сан Николая под Нимом, в другом лагере Сен-Сиприен томился несчастный Петер Прингсхайм.

Чтобы вырвать человека из концентрационного лагеря, нужно было представить французским властям визу, выданную заключенному для въезда в Америку. Необходимым условием для выдачи визы было наличие работы в США или гарантия ее получения сразу по приезде. Кроме того, какой-то гражданин Америки должен был дать нотариально заверенное обязательство взять на себя все расходы, связанные с пребыванием беженца в США.

Госдеп оговорил доступ в страну беженцам из Европы таким количеством бюрократических ограничений, что только немногим счастливым удалось добраться до спасительного американского берега. Нужны были нечеловеческие усилия и помощь влиятельных американцев, чтобы преодолеть бумажные барьеры, выстроенные правительством США с целью не пустить в страну тех, для кого вопрос эмиграции был вопросом жизни или смерти.

Существенные ограничения на въезд в Америку новых иммигрантов были введены в 1924 году, когда приняли федеральный закон, определявший ежегодные квоты въезжавших в страну из различных стран (Immigration Restriction Act). Наиболее жесткий заслон был поставлен беженцам из Польши и России, львиную долю которых составляли евреи. Под действием этого закона количество иммигрантов в США резко сократилось: если в год принятия закона число въехавших в страну превышало 805 тысяч человек, то в 1925 году их стало уже менее 295 тысяч. Из них только девятнадцать тысяч беженцев приехали из Восточной Европы. Для сравнения можно отметить, что в 1914 году в страну въехали более 550 тысяч эмигрантов из этой части континента.

Последовавший в конце двадцатых, начале тридцатых годов экономический кризис еще более затруднил получение американской визы. В 1933 году Америка приняла только 23 тысячи иммигрантов, из них 12 тысяч – из Европы. Наибольшую этническую группу составляли итальянцы – их было почти три с половиной тысячи человек¹⁷.

Помимо жестких квот на въезд иностранцев в США, жалкий ручеек иммиграции перекрывался сотнями бюрократических уловок, осложнявшими получение въездных виз людям, которым в оккупированной нацистами Европе грозила неминуемая гибель. В 1940 году квоты на въезд в США были использованы менее, чем наполовину: 47,5%. В следующем году эта доля сократилась более, чем вдвое – 19,2%. В 1942 году доля использования квот стала и того меньше – 9,8%. А в последний год мировой войны в Америку смогли въехать только 7,9% от того числа, которое разрешалось законом об ограничении иммиграции¹⁸.

¹⁷ *Schweitzer Eva*. Amerika und der Holocaust. Knauer Taschenbuch Verlag, München 2004, S. 49.

¹⁸ *Wyman David S*. Das unerwünschte Volk. Amerika und die Vernichtung der

В середине сентября 1940 года Агнес Майер предложила еще один путь, как спасти Голо из лагеря во Франции. В письме от 16 сентября, адресованном Кате Манн, Агнес сообщает:

«...думается, что самым лучшим для меня было бы получить для Голо реальный контракт преподавателя истории в американском университете. Так как в качестве единственного места, где я, возможно, могу это сделать, выступает мой собственный колледж, я буду в среду консультироваться с нашими университетскими властями, чтобы понять, готовы ли они обойти формальности, давая Голо работу в такое позднее время, чтобы вытащить его из Франции. Если я буду настаивать на контракте, то, думаю, они сделают это для меня, и неважно, полностью ли выполнит Голо контракт, когда окажется тут, или нет. Как только контракт будет подписан, Государственный департамент вступит в это дело еще раз»¹⁹.

Идея Агнес очень понравилась Кате, и она в тот же день, 16 сентября 1940 года, отправила госпоже Майер телеграмму с последним адресом Голо во Франции. Более подробно Катя высказалась в письме Агнес от 18 сентября:

«Это хорошая мысль, организовать для Голо вызов от одного из университетов. Правда, доктор Джонсон из Нью-Йоркской школы социальных исследований уже пригласил Голо стать доцентом в его институте, но я не уверена, что это зачтется как настоящее назначение, и подобное в Вашем колледже могло бы, в конце концов, стать более действенным, так как Вы же связаны с Государственным департаментом, который, если он сочтет назначение серьезным, будет содействовать в выдаче французской выездной визы. Получение такой визы кажется вещь совершенно невозможной. Всем беженцам, которые до сего дня оттуда вырвались, среди которых, например, Фриц фон Унру²⁰, Леопольд Шварцшильд²¹, издатель «Нового дневника», и различные другие наши знакомые, удалось нелегально перейти французскую границу, и мы все время думали, что Голо тоже попытается это сделать. Но до сего дня у нас нет никакой информации ни о нем, ни о Генрихе Манне. Так и мой брат Петер Прингсхайм, бывший ранее профессором физики в Берлине, а потом в Брюсселе, находится все еще в Южной Франции, где он интернирован в каком-то концентрационном лагере, куда его заключили из Бельгии как немца. У него есть вызов в Беркли, блестящие рекомендации американских коллег,

europäischen Juden. S. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt a. M. 2000, S. 164.

¹⁹ Thomas Mann, Agnes E. Meyer. Briefwechsel (см. прим. 117), S. 234. В оригинале на английском.

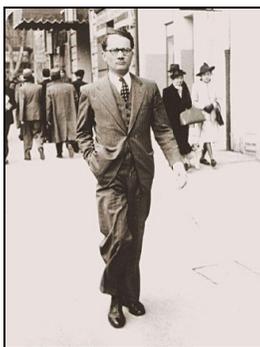
²⁰ Фриц фон Унру (Fritz von Unruh; 1885-1970) – немецкий писатель, художник и драматург, представитель экспрессионизма.

²¹ Леопольд Шварцшильд (Leopold Schwarzschild, 1891-1950) – немецкий публицист и социолог.

Эйнштейна и Джеймса Франка, но вытащить его оттуда представляется совершенно безнадежным делом»²².

К счастью, ситуация с Маннами во Франции через два дня благополучно разрешилась: утром 20 сентября в Брентвуд неожиданно пришла телеграмма из Лиссабона. В ней сообщалось, что Голо и Генрих уже ждут там корабль для отправления в Америку. «*Радость и удовлетворение*», – отметил Томас Манн в тот же день в дневнике²³.

Контракты с университетами негодились – зато сработали другие связи неутомимой Агнес Майер. Ее хороший знакомый граф Рене де Шамбрен (Rene de Chambrun), адвокат, крестный сын маршала Петена и зять Пьера Лаваля²⁴, в середине августа возвращался из Нью-Йорка во Францию. Агнес передала ему документы на Голо и просила содействовать его освобождению. В письме Томасу Манну от 10 августа она выражает уверенность, что все скоро уладится²⁵. Интуиция ее не подвела, получилось так, как она обещала.

Вариан Фрай

Однако освободиться из концлагеря было только половиной дела. Главной задачей оставалось выбраться из Франции и добраться до Америки. И в этом Голо Манну и его дяде, а также тысячам других беженцев, оказавшимся во французской ловушке, помог американский журналист, выполнявший в Марселе гуманитарную миссию, Вариан

²² Thomas Mann, Agnes E. Meyer. Briefwechsel (см. прим. 117), стр. 236.

²³ Mann Thomas. Tagebücher. 1940-1943 (см. прим. 108), стр. 151.

²⁴ Пьер Лаваль (Pierre Laval; 1883-1945) – французский политик-социалист, несколько раз был премьер-министром, активный участник правительства Виши.

²⁵ Thomas Mann, Agnes E. Meyer. Briefwechsel (см. прим. 117), S. 223.

Фрай²⁶, которого Генрих Манн называет в своих воспоминаниях «храбрым унитарийцем»²⁷.

Его направил во Францию Чрезвычайный комитет спасения, действующий в тесном взаимодействии с Унитарийским исполнительным комитетом. Задачей Фрая было найти и отправить в безопасное место около двух сотен интеллектуалов-антифашистов. Оказавшись в Марселе и оценив размер бедствия, Фрай взялся за более глобальную задачу - в общей сложности ему удалось спасти от двух до четырех тысяч человек, которых ожидала во Франции неминуемая гибель. Среди них писатель Леон Фейхтвангер, философ Ханна Арендт, художник Марк Шагал... За эти подвиги Фрай был единственным из американцев удостоен от Израиля звания Праведник народов мира.

В зависимости от конкретных обстоятельств Фрай подбирал для каждого своего подопечного тот или иной способ выбраться из зоны Виши. Для группы, в которую входили Голо и писатели Генрих Манн и Франц Верфель²⁸ со своими женами, Фрай выбрал нелегальный переход границы между Францией и Испанией. Путь через Пиренеи оказался нелегким для тучного Верфеля и уже немолодого, почти семидесятилетнего Манна. В своих воспоминаниях Генрих так описывает свои мучения: *«Вскоре тропинка потерялась в зарослях. Мы должны были каким-то чутьем прокладывать путь от одного валуна до другого. Мы напоминали горных коз, которые обычно тут обитают. Сегодня, в воскресенье, они остались дома, а передвигались только мы»*²⁹.

Если бы не помощь племянника, неизвестно, добрались бы они до цели. Генрих с благодарностью вспоминал поддержку Голо: *«Подъем по козлиным тропам оставил много горестных воспоминаний, он нас физически вымотал. Я последние десятилетия не поднимался ни на какую приличную гору, был неловок и немолод: часто падал на колючки... Много раз племянник поддерживал меня, после чего помогал моей жене, которой тоже доставалось. Он то выбирал крутой короткий путь, то возвращался назад, если мы расстроенные сидели на каком-то камне. Он не терял нас, часто трижды повторяя один и тот же отрезок пути»*³⁰.

Все испытания группа, в конце концов, преодолела и благополучно добралась до Лиссабона, откуда отправлялись корабли в Америку.

Томас Манн и Катя специально приехали в Нью-Йорк, чтобы 13 октября 1940 года встретить греческий корабль «Новая Эллада» со спасенными беженцами на борту. Помимо Генриха Манна с женой и Голо,

²⁶ Вариан Фрай (Varian Fry, 1907-1967) – американский журналист, руководивший спасением беженцев из Франции в годы Второй мировой войны.

²⁷ Mann Heinrich. Ein Zeitalter wird besichtigt. Aufbau-Verlag, Berlin 1978, S. 440-441.

²⁸ Франц Верфель (Franz Werfel, 1890-1945) – австрийский поэт, писатель и драматург.

²⁹ Mann Heinrich. Ein Zeitalter wird besichtigt (см. прим. 129), S. 442.

³⁰ Там же, стр. 443.

на американскую землю ступили Альфред Дёблин³¹, Леонгард Франк³², Франц³³ и Альма³⁴ Верфель, а также другие известные писатели и деятели культуры... Вместе с родителями их встречал в Нью-Йорке и Клаус Манн, оставивший об этой встрече воспоминания в книге *«Поворотный пункт»*:

«Почти все беженцы внешне в хорошей форме, отдохнувшие и загоревшие во время долгого путешествия по морю. Только госпожа Альма несколько поникла, но выглядит точно как свергнутая королева³⁵. Вообще, на ее долю кое-что выпало. Каждый несет в себе свою кошмарную историю. На ланче в отеле «Бедфорд» выступали родители, Гумперт³⁶, Аннемари Ш.³⁷, а также Генрих, который говорил о ночном побеге через францужско-испанскую границу. Крутая горная тропа, по которой приходилось карабкаться, была предназначена для коз, а не для писателя зрелого возраста, как с мягким юмором сообщил рассказчик³⁸.

Как видно, путь через Пиренеи надолго запомнился старшему из братьев Манн. Но самое страшное для него и для счастливых, спустившихся в Нью-Йорке вместе с ним по трапу «Новой Эллады», было позади. Тем же, кто оставался в побежденной Франции, была уготована ужасная судьба.

Лагерь Гюрс

После того, как Голо и Генрих оказались в безопасности, для Кати и Томаса первоочередной стала задача спасения Петера Прингсхайма.

И здесь снова главной надеждой оставалась всемогущая Агнес Майер. Новое письмо, целиком посвященное судьбе Петера, Катя пишет ей 28 сентября 1940 года:

«Дорогая Агнес,

Вы можете вообразить, какое внутреннее сопротивление мне приходится преодолеть, чтобы призвать Вас помочь моему брату, после

³¹ Альфред Дёблин (Alfred Döblin, 1878-1957) – немецкий писатель.

³² Леонгард Франк (Leonhard Frank, 1882-1961) – немецкий писатель.

³³ Франц Верфель (Franz Werfel, 1890-1945) – австрийский поэт, романист и драматург.

³⁴ Альма Малер-Верфель (Alma Mahler-Werfel, 1879-1964) – австрийская деятельница искусства и литературы, супруга и спутница жизни многих творческих людей: композитора Густава Малера, художника Оскара Кокошки, архитектора Вальтера Гропиуса и писателя Франца Верфеля.

³⁵ В оригинале «gestürzte Königin jeder Zoll» - скрытая цитата из «Короля Лира»: «Ein jeder Zoll ein König», что в переводе Бориса Пастернака звучит так: «Король, и до конца ногтей - король!»

³⁶ Мартин Гумперт (Martin Gumpert, 1897-1955) – немецкий и американский врач и писатель, друг Клауса и Эрики Манн.

³⁷ Аннемари Шварценбах (Annemarie Schwarzenbach, 1908-1942) – швейцарская писательница и журналистка, близкий друг Клауса Манна.

³⁸ *Mann Klaus. Der Wendepunkt. Ein Lebensbericht.* Rowohlt Taschenbuch Verlag, Reinbeck bei Hamburg 2007, S. 573-574.

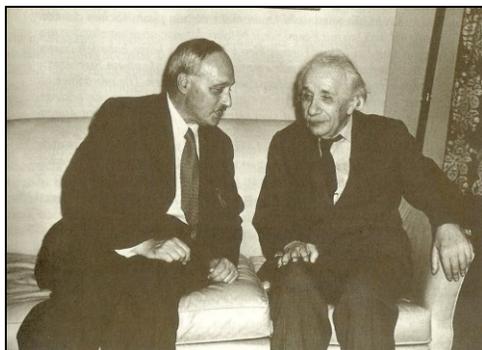
того, как Вы столько хлопотали за нашего Голо. Но положение моего брата столь скверно, и так хочется вытащить его из Франции, что мы еще раз взываем к Вашей доброте.

Мой брат Петер – весьма уважаемый физик, который до наступления Третьего рейха работал ординарным профессором Берлинского университета, а потом последние семь лет преподавал в университете Брюсселя. В момент немецкого вторжения его арестовали как немца прямо на улице и отправили во Францию, несколько месяцев он считался для нас без вести пропавшим, пока он не смог сообщить из концентрационного лагеря свой адрес:

Лагерь Сен-Сиприен (Восточные Пиренеи)

Квартал I, барак 14.

Какое-то время он находился на свободе, но потом его снова арестовали, и неизвестно, переживет ли он эту зиму, которая вообще во Франции довольно сурова, а для заключенных этого лагеря станет просто ужасной. При таких обстоятельствах бежать из лагеря он не сможет, а вот выездная виза для него была бы вполне возможна, так как он с точки зрения нацистов не замешан ни в каких политических делах. Эйнштейн, который к нему очень хорошо относится, различные другие его известные американские коллеги весьма энергично за него вступились, и он получил приглашение на работу из Беркли, правда, сначала только на один год, но уже прилагаются усилия добиться финансирования и на второй год, так что американскую визу он точно должен получить. Самая большая сложность состоит в получении французского разрешения на выезд, и тут как раз мы думаем, что Вы с Вашими связями могли бы чего-нибудь добиться»³⁹.

Джеймс Франк и Альберт Эйнштейн в Принстоне

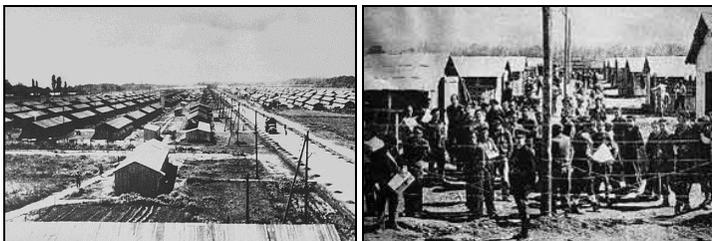
Среди упомянутых в письме Кати «известных американских коллег» наиболее активным был друг Петера Джеймс Франк, в то время профессор в Чикагском университете. В семейном архиве сохранилась переписка Франка со многими американскими университетами. Он искал

³⁹ Thomas Mann, Agnes E. Meyer. Briefwechsel (см. прим. 117), S. 238-239.

хоть какое-то место для Петера, ибо без этого невозможно было получить американскую въездную визу. Его усилия увенчались успехом: университет Беркли в Калифорнии подтвердил, что готов принять Прингсхайма, но с условием, что зарплату ему будут платить другие. Частично источником финансирования согласился стать «Чрезвычайный комитет помощи преследуемым иностранным ученым»⁴⁰, другую часть зарплаты обязался выплачивать своему шурину сам Томас Манн⁴¹.

Между тем положение во Франции осложнилось: лагерь в Сен-Сиприен оказался переполненным, и Петера вместе с тысячами других заключенных перевели в концлагерь Гюрс. Вот что об этом событии пишет в своих воспоминаниях «Люди в Гюрсе» Ханна Шрамм:

«В последние октябрьские дни 1940 года прибыли 3600 мужчин из расположенного на Средиземном море лагеря для интернированных лиц Сен-Сиприен; в основном это были немцы или австрийцы, эмигранты, которых в начале немецкого вторжения в Бельгию бельгийцы арестовали и отправили во Францию. Они побывали во многих сборных лагерях и, в конце концов, были размещены в Сен-Сиприен, расположенном недалеко от Перпиньяна⁴² ... Когда наплыв заключенных готов был разорвать лагерь, весь персонал был переведен в Гюрс»⁴³.

Лагерь Гюрс

Концентрационный лагерь в местечке Гюрс был создан сразу после окончания гражданской войны в Испании весной 1939 года, когда тысячи бойцов интернациональных бригад после поражения

⁴⁰ «Чрезвычайный комитет помощи преследуемым иностранным ученым» («The Emergency Committee in Aid of Displaced Foreign Scholars») был основан в США в 1933 году для спасения преследуемых нацистами европейских ученых. За годы существования (1933-1941) Комитету удалось переправить в США более 300 ученых, многие из которых стали нобелевскими лауреатами в различных областях науки.

⁴¹ *Wehefritz Valentin*. *Gefangener zweier Welten*. Prof. Dr. phil. Dr. rer. nat. h.c. Peter Pringsheim (1881-1963) (см. прим. 50), стр. 35.

⁴² Перпиньян - (Perpignan) – город во Франции, административный центр департамента Восточные Пиренеи, расположен в 13 км от Средиземного моря.

⁴³ *Schramm Hanna*. *Menschen in Gurs. Erinnerungen an ein französisches Internierungslager (1940-1941)*. Georg Heintz Verlag, Worms 1977, S. 88.

республиканцев бежали в соседнюю Францию. Чтобы изолировать огромное количество незаконных иммигрантов и упорядочить их переход к мирной жизни, власти спешно построили несколько сотен бараков и обнесли их колючей проволокой.

Состав заключенных менялся вместе с изменчивой европейской историей. В мае 1940 года на смену испанским республиканцам пришли «нежелательные иностранцы» - граждане Германии и союзных с ней стран, с которыми Франция вела войну. После капитуляции Франции в июне 1940 года правительство Виши стало отправлять в Гюрс евреев и антифашистов, которых собиралось выдать Германии по первому ее требованию. В это время в бараках Гюрса перед отправкой в лагерь уничтожения побывало около тридцати тысяч евреев⁴⁴. А когда в августе 1944 года фактически наступил конец режиму Виши, в лагерь Гюрс попали тысячи активных пособников нацистов, так называемых «коллорабационистов».

Бараки Гюрса строились наспех, их не предполагали использовать дольше нескольких месяцев. К осени 1939 года всех заключенных, отошедших от ужасов войны и готовых к мирной жизни, собирались отпустить. Никто в марте-апреле не верил, что через полгода в Европе вспыхнет новая мировая война. Но это случилось, и лагерные бараки снова переполнились.

Когда Петер Прингсхайм в октябре 1940 года оказался в Гюрсе, его ужаснули условия, в которых томились двенадцать тысяч несчастных заключенных. Бараки, основательно потрепанные за полтора года эксплуатации, практически не защищали от ветра и холода. В дождливые дни весь лагерь превращался в сплошное болото, и промокшим узникам не было возможности ни согреться, ни высушить одежду. В лагере свирепствовали болезни, несколько сотен человек умирало ежемесячно. Особенно трудно приходилось детям и женщинам, которые составляли три четверти всех заключенных⁴⁵. Среди них были и известные персоны: уже упомянутая Ханна Арендт, польская пианистка, возродившая клавесин в Европе, Ванда Ландовска⁴⁶, популярная киноактриса Дита Парло⁴⁷...

Почти все узники этого концлагеря были, в конце концов, депортированы в Польшу. Некоторых, правда, перевезли сначала в пересыльный лагерь Дранси, но конец у всех был один: около 90% всех заключенных Гюрса оказались уничтоженными в Освенциме. Тысяча с лишним заключенных умерли в самом Гюрсе. И только шесть процентов

⁴⁴ *Landau Edwin M., Schmitt Samuel* (Hrsg.) *Lager in Frankreich: Zeugnisse der Emigration, Internierung und Deportation*. Von Brandt Verlag, Mannheim 1991, S. 26.

⁴⁵ Там же, стр. 28.

⁴⁶ Ванда Ландовска (Wanda Landowska; 1879-1959) – польская пианистка и (преимущественно) клавесинистка, музыкальный педагог.

⁴⁷ Дита Парло (Dita Parlo, 1906-1971), – франко-немецкая актриса. Ее самые известные картины – мелодрама «Аталанта» (1934) Жана Виго и военная драма «Великая иллюзия» (1937) Жана Ренуара.

счастливчиков были освобождены и покинули предательскую Францию, казавшуюся до войны оплотом свободы⁴⁸. Чтобы человека освободили из Гюрса и выпустили за границу, за него должны были вступить влиятельные силы как внутри страны, так и за рубежом. У Петера Прингсхайма такие покровители нашлись, и 19 февраля 1941 года он письменно доложил вице-президенту Калифорнийского университета Монро Дойчу⁴⁹, что прибыл в Соединенные штаты и готов приступить к своим обязанностям преподавателя. Непосредственно работу в Беркли Петер начал первого марта 1941 года⁵⁰. Жена Петера Эмилия в течение всех военных лет оставалась в Бельгии⁵¹. Даже переписка с ней, находящейся в оккупированной немцами стране, была из Америки невозможна.

Работа в Америке

Среди коллег Петера по университету в Беркли было немало выдающихся ученых. Достаточно назвать Эрнеста Лоуренса⁵², создателя первого циклотрона, получившего в 1939 году Нобелевскую премию по физике. В Беркли этого молодого профессора звали «разрушителем атомов» (Atom Smasher). С начала Манхэттенского проекта по созданию американской атомной бомбы Лоуренс – один из активных его участников. А руководителем проекта и официальным «отцом атомной бомбы» стал другой профессор Калифорнийского университета в Беркли Роберт Оппенгеймер⁵³. Прингсхайм мог знать его еще по Европе: Оппенгеймер получил образование в Гёттингене, защитив диссертацию под руководством Макса Борна.

Петер читал студентам лекции по акустике и квантовой механике, а сам пытался продолжить работы по люминесценции, главному делу жизни. Результаты экспериментов, которые он проводил в Брюсселе со своими коллегами, пропали после его внезапного ареста, теперь многое приходилось начинать с самого начала.

⁴⁸ Landau Edwin M., Schmitt Samuel (Hrsg.) Lager in Frankreich: Zeugnisse der Emigration, Internierung und Deportation (см. прим. 146), стр. 31.

⁴⁹ Монро Дойч (Monroe Emanuel Deutsch, 1879-1955) – профессор классической истории, проректор Калифорнийского университета в Беркли.

⁵⁰ Wehefritz Valentin. Gefangener zweier Welten. Prof. Dr. phil. Dr. rer. nat. h.c. Peter Pringsheim (1881-1963) (см. прим. 50), стр. 35.

⁵¹ В подробнейшей биографии Томаса Манна, изданной Клаусом Харппрехтом, ошибочно утверждается, что Петер прибыл в Америку с женой: Harpprecht Klaus. Thomas Mann. Eine Biographie (см. прим. 80), стр. 1201.

⁵² Эрнест Лоуренс (Ernest Lawrence; 1901-1958) – американский физик, лауреат Нобелевской премии.

⁵³ Роберт Оппенгеймер (Julius Robert Oppenheimer, 1904-1967) – американский физик-теоретик, профессор физики Калифорнийского университета в Беркли, член Национальной академии наук США.

Удачей было знакомство Петера со студентом-физиком Марселем Фогелем⁵⁴, ставшим его соавтором. Однажды в университетской библиотеке, когда Прингсхайм отбирал книги по люминесценции, библиотекарь указал ему на студента, который перечитал по этой теме все, что было в фондах. Результатом совместной работы двух увлеченных исследователей стала книга *«Люминесценция жидких и твердых тел»*, увидевшая свет в 1943 году⁵⁵. Книга имела успех, в 1946 году она была переиздана, в 1948 году переведена на русский, а еще через три года – на немецкий языки.

В марте 1941 года Томас Манн и Петер Прингсхайм встретились во время одной торжественной церемонии: Калифорнийский университет в Беркли присвоил писателю еще одну, уже седьмую в Америке почетную докторскую степень – на этот раз в области юриспруденции. В дневниковой записи от 27 марта Томас, упоминая это награждение, отмечает: *«Встреча с Петером Пр.[ингсхаймом]»*⁵⁶.

На следующий день Петер повёл своего зятя в физический институт и показал экспериментальные установки, на которых физики изучали строение атома. Это произвело на писателя зловещее впечатление, о котором он написал в дневнике за 28 марта 1941 года: *«Посещение физического института вместе с Петером Пр.[ингсхаймом]. Жуткие установки для расщепления атома»*⁵⁷. Можно подумать, что интуиция Волшебника подсказала ему, к каким разрушительным для человечества результатам приведет прогресс в атомной физике всего через четыре с небольшим года.

Сохранилась фотография, на которой улыбающиеся Томас и Петер, оба в докторских мантиях и шапочках, пожимают друг другу руки, а между ними счастливая Катя влюбленно смотрит на мужа. По-видимому, эта фотография ввела некоторых авторов в заблуждение: они утверждали, что вместе с Томасом почетную степень получил и Петер⁵⁸. Это не так. Положение Петера в Беркли было совсем не таким радужным, как могло показаться с первого взгляда на праздничную фотографию, сделанную 27 марта.

Уже через два месяца, 26 мая 1941 года Петер имел долгий разговор с Раймондом Бёржем⁵⁹, руководителем университетского

⁵⁴ Марсель Фогель (Marcel Joseph Vogel, 1917-1991) – американский исследователь в области люминесценции и жидких кристаллов, много лет работал в исследовательском центре корпорации ИБМ.

⁵⁵ *Pringsheim Peter, Vogel Marcel. The Luminescence of Liquids and Solids and their Practical Application. Interscience publishers, New York 1943.* Русское издание: *П. Прингсхайм, М. Фогель. Люминесценция жидких и твердых тел. Государственное издательство иностранной литературы, М. 1948.*

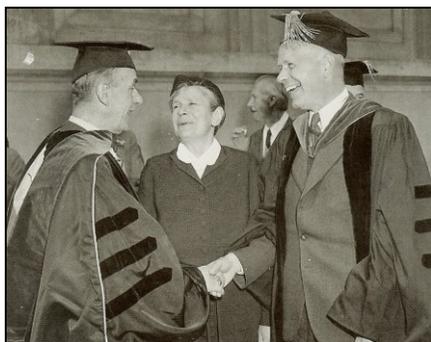
⁵⁶ *Mann Thomas. Tagebücher. 1940-1943 (см. прим. 108), стр. 242.*

⁵⁷ Там же, стр. 243.

⁵⁸ См., например, *Wysling Hans, Schmidlin Yvonne. Thomas Mann. Ein Leben in Bildern. Artemis, Zürich 1994, S. 369.*

⁵⁹ Раймонд Бёрж (Raymond Birge, 1887-1980) – американский физик,

отделения физики. Бёрж недвусмысленно дал понять, что договор с Прингсхаймом, первоначально заключенный на один год, продлеваться не будет. Университет заинтересован в привлечении молодых и перспективных ученых, а Прингсхайму как раз в марте этого года уже исполнилось шестьдесят. Все, что оставалось уже немолодому профессору, это искать другие университеты, которые не столь требовательны к возрасту своих сотрудников.

Во время церемонии присвоения Томасу Манну звания почетный доктор

О неуверенности Петера в своем завтрашнем дне говорит такой факт: когда в его присутствии Бёрж упомянул, что где-то в Техасе одной фирме требуется лаборант-спектрокопист, Петер с большим трудом удержался от унижения предложить себя для этой явно не профессорской должности⁶⁰.

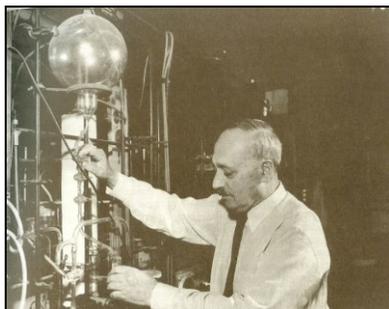
Срок окончания договора приближался, а шансов найти новую работу становилось все меньше. И тут, как и прежде, на выручку пришел старый и верный друг – Джеймс Франк. В январе 1942 года, когда Прингсхайму оставалось доработать в Беркли чуть больше месяца, Джеймс сообщил Петеру радостную весть: один из сотрудников Франка на год покидает его группу, так как переводится на выполнение военных заказов. Через год он должен снова вернуться на свое место, а пока Прингсхайм может работать в Чикаго, получая немалый для того времени оклад в три с половиной тысячи долларов в год (государственные чиновники получали в два раза меньше).

Счастливым, что целый год не будет думать, где найти средства для существования, Петер немедленно согласился и с первого марта 1942 стал сотрудником группы Франка в Чикагском университете. Так как война и через год не была завершена, договор с Прингсхаймом был продлен, и он проработал в Чикаго до августа 1944 года. Но эта

президент Американского физического общества, член Национальной академии наук.

⁶⁰ *Wehefritz Valentin*. *Gefangener zweier Welten*. Prof. Dr. phil. Dr. rer. nat. h.c. Peter Pringsheim (1881-1963) (см. прим. 50), стр. 37.

должность все равно оставалась временной, ее настоящий обладатель мог в любой день вернуться, и когда Петеру предложили заниматься физическими исследованиями для производственной фирмы, он без колебаний согласился оставить Чикаго. С первого сентября 1944 года он стал руководителем научного отдела компании «Рэй Контрол» («Ray Control Co.») в городе Пасадена в Калифорнии⁶¹.

Джеймс Франк в Чикаго

В конце 1944 года появились первые сведения о жене Петера Эмилии, оставшейся в Бельгии. Старшая дочь Томаса Манна Эрика в качестве военной журналистки работала в Европе, она находилась в составе американских войск, постепенно освобождавших Старый Свет от немецкой оккупации. Так она оказалась в бельгийском Антверпене, где стала разыскивать жену своего дяди. И это ей удалось! Она обнаружила Эмилию невредимой, недавно ставшей бабушкой: ее дочь от первого брака Жермен (Germaine) родила 6 октября 1944 года сына Андриенсена (Andriaensen). Его отцу не удалось даже взглянуть на своего ребенка: вместе с группой участников бельгийского Сопrotивления он был арестован немцами незадолго до рождения мальчика, и больше никто из членов семьи его не видел⁶².

Получив сообщение от Эрики, что Эмилия нашлась, Петер немедленно начал действовать, чтобы получить для нее разрешение приехать к мужу в Америку. Это оказалось нелегким делом, и только весной 1946 года супруги снова соединились.

Между тем дела на фирме «Рэй Контрол» в Пасадене шли все хуже и хуже, научные исследования, проводимые ее сотрудниками, сокращались, и хотя договор с Прингсхаймом заканчивался еще через полтора года, его уволили 9 июля 1946 года, хорошо еще, что выплатили выходное пособие.

Петер снова оказался в положении, когда срочно нужно было искать источник существования – теперь уже для двоих. Найти работу в его возрасте – Петеру уже исполнилось шестьдесят пять! – становилось

⁶¹ Там же, стр. 38.

⁶² Там же.

все более и более сложной задачей. Снова все надежды были на Джеймса Франка, и старый друг и на этот раз не подкачал.

Прежде всего, Франк добился для Петера временной ставки в Чикагском университете на четыре месяца: с 1 октября 1946 по 31 января 1947 года. Но это было, конечно, только временное решение. А требовалась хоть какая-то постоянная работа, ведь пенсию в США изгнанный из Европы профессор так и не заработал, и в разоренной войной Европе никто не собирался обеспечивать содержание без пяти минут американскому гражданину.

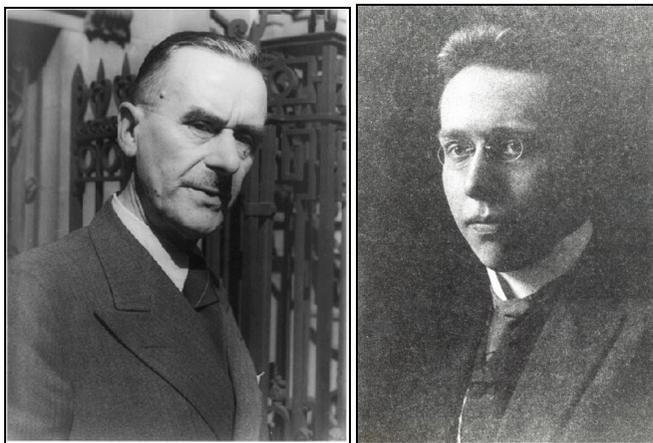
Получение американского гражданства для Петера тоже оказалось нелегкой задачей, процедура тянулась годами, и конца еще не было видно. Это тоже осложняло поиск серьезной работы, но Франк не опускал рук. Он смог убедить университет продлить договор с Прингсхаймом еще на полгода, но за месяц до окончания этого срока, в июне 1947 года Петера приняли на постоянную работу в недавно созданный государственный научный центр – Аргоннскую национальную лабораторию. Приняли, без сомнений, по настоятельной рекомендации Джеймса Франка. Центр был создан в 1946 году недалеко от Чикаго и получил название по расположенному рядом лесу. Организация лаборатории неразрывно связана с американским проектом создания атомной бомбы, известного как Манхэттенский проект, где Франк играл важную роль. В рамках этого проекта именно в Чикаго Энрико Ферми построил в 1942 году первый атомный реактор. Работы проводились в так называемой «Металлургической лаборатории» Чикагского университета, которой в рамках Манхэттенского проекта было поручено создание и эксплуатация реактора.

В 1946 году лабораторию переименовали в Аргоннскую и перевели за город, так как проводимые в ней работы представляли опасность для населения. Научное руководство и координацию исследований в лаборатории по-прежнему осуществлял Чикагский университет. После создания в 1947 году правительственной Комиссии по атомной энергии США (Atomic Energy Commission, АЕС) Аргоннская национальная лаборатория стала самостоятельным научным центром под управлением этой комиссии.

Можно сказать, что Петеру снова повезло – эти организационные перестройки позволили ему получить, наконец, постоянное рабочее место и доход, обеспечивающий его семье нормальное существование. В возрасте, когда в большинстве стран люди уходят на пенсию, Прингсхайм вынужден был начинать новую деятельность. О возвращении на прежнее место работы в Германии речь не шла, пенсию ему платить там не собирались, да и Берлинский университет находился в советской зоне, куда Петер вовсе не стремился попасть.

Томас был, конечно, в курсе проблем шурина. В одном из самых важных писем, написанных Манном после Второй мировой войны, он привел пример Петера. Дело было так. Молодой журналист Вернер

Шмитц⁶³ обратился к Манну с просьбой вступить за Эрнста Бертрама⁶⁴, бывшего ближайшего друга писателя. Бертрам с восторгом поддержал национал-социалистическую революцию в 1933 году, активно сотрудничал с нацистами, и теперь обвинялся новыми властями в соучастии в преступлениях Третьего рейха. Томас ответил Шмитцу большим письмом 30 июля 1948 года, в котором осудил духовные связи своего бывшего друга с гитлеровским режимом и поддержал запрет Бертраму преподавать в университете.

Томас Манн и Эрнст Бетрам

Рассуждая же об отказе дать пенсию автору классической монографии «Ницше», Томас Манн пишет:

«Признаюсь, что в мое чувство протеста примешиваются и отрезвляющие воспоминания: воспоминания о еврейских ученых, которых вытолкали в 1933 году с их кафедр и лабораторий, а коллеги с немецкой кровью не очень-то интересовались их судьбой. У меня есть шурин, уважаемый физик-теоретик, который в Германии должен был бы получать пенсию, а сегодня не знает, на что он будет жить в старости»⁶⁵.

В Аргоннской лаборатории нашлась работа как раз по основной специальности Прингсхайма – изучение флуоресценции и фосфоресценции. В 1949 году он выпустил обобщающую книгу по этим

⁶³ Вернер Шмитц (Werner Schmitz, 1919-) – доктор филологических наук, сотрудник Ахенской городской библиотеки, автор многочисленных статей в журналах и газетах.

⁶⁴ Эрнст Бертрам (Ernst August Bertram, 1884-1957) – немецкий литературовед и писатель, до прихода нацистов к власти – близкий друг Томаса Манна.

⁶⁵ *Mann Thomas. Briefe 1948-1955 und Nachlese.* (см. прим. 35), стр. 40.

проблемам⁶⁶. Кроме того, Петер руководил небольшой группой исследователей, изучавших оптические эффекты. Чарльз Дельбек⁶⁷, физик, попавший в группу Прингсхайма сразу после защиты диссертации, вспоминал о своем шефе:

«По моей оценке, Прингсхайм как руководитель группы был просто идеален. Он обладал глубокими знаниями во многих областях физики, имел богатый опыт и всегда был готов поделиться этим с сотрудниками лаборатории. Еще более важно - он был истинным джентльменом, что проявлялось в его уважительном отношении ко всем, кто его окружал, не только к вышестоящему начальству, но и к тем, кто был ниже его по положению. Он давал нам свободу самим планировать, проводить и интерпретировать наши эксперименты - с частыми дискуссиями о результатах, о проблемах, которые возникают, о том, какие эксперименты нужно будет проводить в следующий раз и т.д. Очевидно, его опыт подсказывал ему, что не всегда самый знающий и самый опытный ученый добивается результатов и выдвигает новые идеи, которые ведут к пониманию определенных явлений. К этому я хотел бы добавить, что он всегда обсуждал со всеми нами свои собственные эксперименты, и если существовала какая-то взаимосвязь с нашими опытами, то результаты мы публиковали совместно, причем авторы всегда шли по алфавиту - по его предложению...

В нашей группе мы работали вместе как друзья, в обстановке взаимопомощи, с общими научными целями, с уважением к способностям каждого из нас»⁶⁸.

Снова в Европе

Семь лет счастливой научной работы в Аргоннской национальной лаборатории пролетели незаметно, и в 1954 году настало время освободить место более молодому исследователю. Петер Прингсхайм вместе с Эмилией вернулись в Бельгию, выбрав для проживания старинный Антверпен. В этом городе жила дочь Эмилиии Жермен с сыном Андриенсеном. Петер, не имевший своих детей, относился к мальчику как к собственному внуку, много рассказывал о своей богатой приключениями жизни, бережно вводил его в мир естествознания. Андриенсен, по его словам, любил деда и гордился им⁶⁹.

Конечно, за семь лет работы в государственном научном центре США Петер не заработал себе пенсию, достаточную для жизни, но благородный жест Аргоннской лаборатории, сохранившей за ним

⁶⁶ *Pringsheim Peter*. Fluorescence and phosphorescence. Interscience Publ. New York 1949.

⁶⁷ Чарльз Дельбек (Charles Jarchow Delbecq, 1921) – американский физик, сотрудник Аргоннской национальной лаборатории.

⁶⁸ *Wehefritz Valentin*. Gefangener zweier Welten. Prof. Dr. phil. Dr. rer. nat. h.c. Peter Pringsheim (1881-1963) (см. прим. 50), стр. 40-41. Оригинал в книге дан на английском языке.

⁶⁹ Там же, стр. 41.

должность консультанта, позволил семье Прингсхаймов сводить концы с концами в Антверпене.

В мае 1956 года в Париже состоялся Международный конгресс по люминесценции. Организаторы пригласили Прингсхайма в качестве почетного гостя и в знак благодарности за заслуги предоставили ему право быть председателем на первом пленарном заседании. На конгрессе Петер вновь увидел многих своих товарищей, в том числе, ленинградца Александра Теренина, с которым он когда-то работал в Берлине.

В конце жизни пришло признание коллег и с его родины, когда-то изгнавшей его с профессорской кафедры Берлинского университета. В год, когда Петеру исполнилось 80 лет, он получил звание почетного доктора университета немецкого города Гиссен. В грамоте, которая хранится сейчас в архиве университета, говорится:

«Факультет естествознания и философии Гиссенского университета имени Юстуса Либиха, в лице декана, ординарного профессора минералогии и петрологии, доктора естествознания Рудольфа Мозебаха, действующего по поручению ректора университета, ординарного профессора анатомии, доктора медицинских наук и ветеринарии Августа Шуммера, присваивает звание Почетного доктора естествознания ведущему исследователю люминесценции, автору многочисленных научных статей и книг господину профессору, доктору естествознания Петеру Прингсхайму в знак его огромных заслуг в теории излучения и по случаю его восьмидесятилетия. Гиссен, 1 июля 1961 года»⁷⁰.

Грамота о присвоении звания почетного доктора

Петер Прингсхайм носил звание почетного доктора наук два с лишним года, он умер 20 ноября 1961 года, в Антверпене. Джеймс Франк прислал Эмили свои соболезнования и, в частности, отметил, как высоко

⁷⁰ Там же, стр. 41-42.

он ценил и ценит более чем полувековую дружбу с Петером, великолепным и редким по своим душевным качествам человеком, творчески одаренным и необыкновенно по нынешним временам образованным. В научной деятельности Петеру удалось многое. Но, пожалуй, важнее всего *«его человеческая верность и невероятная честность в отношении самого себя. Он всегда избегал хвалить свою работу и часто сам себя недооценивал. Помогая всегда другим, он постоянно забывал о своих интересах»*⁷¹.

На долю Прингсхайма выпали нелегкие испытания, он оказался узником концлагерей обеих мировых войн, потрясших человечество в беспокойном двадцатом веке. И выжить Петеру помогли друзья, высоко ценившие его «человеческую верность и невероятную честность». К таким друзьям Прингсхайма можно с полным основанием отнести и Томаса Манна.

⁷¹ Там же.

Григорий Полотовский

Несколько замечаний о мифотворчестве в истории математики

од мифотворчеством в этом тексте понимается выдвижение и распространение (повторение) утверждений, не подкреплённых источниками, а иногда и заведомо неверных. Конечно, “общественное сознание отчасти мифологично, и это давно не новость” ([1], с. 137). Однако ниже речь пойдёт о мифах, “въевшихся” в научную дисциплину и в её преподавание, а этого хотелось бы избежать.

1. “Мифы Древней Греции”. Известно, что о биографии Пифагора нам ничего достоверно не известно. Что же написано по этому поводу разными авторами? В недавно вышедшей книге [2] читаем: “Конечно, вся биография Пифагора является знаком вопроса. Родился он на богатом торговом острове Самос в Эгейском море рядом с Ионией. Учился у Фалеса и Анаксимандра. Был призёром Олимпийских игр по кулачному бою. По совету Фалеса отправился для усовершенствования знаний в Египет, учился математике у египетских жрецов”. Где же здесь знаки вопроса, если излагаются такие подробности?¹

В [3] написано: “Пифагор много путешествовал: есть сообщения о его длительном обучении в Вавилоне (и, возможно, в Индии), а также в Египте”. Совсем без всяких оговорок о долгих путешествиях Пифагора сообщается в [4] (с. 62), а в знаменитой книге Б.Л. ван дер Вардена [5] путешествиям Пифагора посвящен целый параграф (с.129-132). Этот ряд примеров легко продолжить², причём недавнее

¹ В числе которых часто повторяющаяся ошибка: победителем на 48-х Олимпийских играх, т.е. примерно за 20 лет до рождения Пифагора-учёного, был его тёзка (имя “Пифагор” означает “предсказанный Пифией” и не является уникальным).

² Отдельно в этом ряду стоит хорошая книга [6], в предисловии к которой честно написано, что вопросы, касающиеся биографии Пифагора, являются и “видимо, так и останутся предметом научных споров”; “автор предлагает свою версию биографии учёного”. Но вряд ли все читают предисловия, зато многие запомнят красочно описанные в основном тексте приключения Пифагора: “Здесь погибают безумцы, возжелавшие тайного знания, – троекратно повторило эхо округлого зала чей-то вкрадчивый голос...” и т.п.

популяризаторское издание [7] (тираж 300000) – явный претендент на наиболее полное собрание мифов о Пифагоре.

Всё это, по меньшей мере, странно, поскольку ещё в начале прошлого века известный немецкий философ Э. Целлер (1814—1908) писал [8]: *“Я считаю недоказанным пребывание Пифагора в Египте, но и доказать, что он там не был, также невозможно”*, а никаких новых источников с тех пор не обнаружено. Особенно это странно для публикаций, вышедших позже книг [9],[10], в которых Л.Я. Жмудь на основании тщательного анализа источников, упоминающих о путешествиях Пифагора, приходит к выводу: *“Итак, что же можно сказать о путешествиях, если первые свидетельства о них явно недостоверны, а основанная на них поздняя традиция не добавляет ни одной правдоподобной детали? Лишь то, что у нас нет оснований верить в их реальность”* ([9], с 23).

Следует заметить, что утверждение о путешествиях Пифагора не так безобидно, как это может показаться: оно служит одним из подтверждений тезиса о заимствовании греками математики древних цивилизаций Востока. Этот тезис не является общепризнанным – в частности, в [9], [10] приведены многочисленные контраргументы³.

2. Декарт, Ньютон и алгебраические кривые. *“Топологические описания кривых степеней 3 и 4 были получены Ньютоном и Декартом”*. В этой фразе, впервые, кажется, опубликованной в [11], а затем повторенной в трёх изданиях книги [12] (стр.39) и (немного другими словами) в [13] (стр.6), верным является, на мой взгляд, только утверждение *“описание кривых степени 3 было получено Ньютоном”*. Действительно, классификация⁴ неприводимых аффинных кривых степени 3 найдена И. Ньютоном [14]. Однако аналогичная по детализации (но проективная, а не аффинная, как у Ньютона⁵) классификация кривых степени 4, содержащая более 1000 типов, была получена лишь в конце XX века Д.А. Гудковым и его учениками. Что касается Р. Декарта, то хотя его *“Геометрия”* 1637 года (см. [15]), несомненно, сыграла исключительную роль для становления и развития *“полиномиальной культуры”*, рассмотренные им алгебраические кривые⁶ – декартов лист и овалы Декарта – не оказали влияния на развитие классификации алгебраических кривых. Более того, хотя разделение кривых на *“геометрические”* и *“механические”* принадлежит Декарту⁷, его вклад собственно в задачу

³ Замечу, что мне не известны работы, в которых дана критика основных положений книг [9], [10].

⁴ Эта более тонкая, чем топологическая, классификация содержит 78 типов.

⁵ Не знаю, был ли Ньютон знаком с проективной геометрией, но по существу он знал и проективную классификацию неприводимых кривых степени 3, состоящую из 5 типов.

⁶ Так же, как известные из древности конхоида Никомеда, циссоида Диоклеса и появившиеся в XVII веке парабола Нейля, строфоида Торричелли, лемниската Бернулли, улитка Паскаля и т. д.

⁷ По-видимому, именно это подразделение кривых на *“геометрические”* и

классификации алгебраических кривых, мягко говоря, незначителен. Дело в том, что Декарт предложил крайне неудачный параметр классификации: “Если уравнение будет восходить до трёх или четырёх измерений обеих или одной из двух неопределённых величин..., то кривая будет второго рода. И если уравнение будет восходить до пяти или шести измерений, то она будет третьего рода, и так далее до бесконечности для других кривых” ([15], стр. 33). Иначе говоря, Декарт причислял кривые степеней $2m - 1$ и $2m$ к одному роду m . Источником такого неестественного подхода было убеждение Декарта в том, что уравнение шестой степени приводится к уравнению пятой степени так же, как уравнение четвертой приводится к уравнению третьей (см. [15], стр. 35). Ферма возражал Декарту, считая, что в случае уравнения с двумя неизвестными такое сведение в общем случае невозможно, но общепринятому подходу – классификации алгебраических кривых по степеням уравнений – мы обязаны Ньютону.

Замечу ещё, что когда Декарт умер, Ньютону едва исполнилось 7 лет. Поскольку “описание кривых степени 3” неоспоримо принадлежит Ньютону, из процитированного в начале этого пункта тезиса следует, что Декарт нашёл “описание кривых степени 4” раньше, чем были расклассифицированы кривые степени 3, что, конечно, невероятно.

3. Биография и иконография Н.И. Лобачевского. Описание биографии Н.И. Лобачевского в недавнем издании [16] (тираж 100000) начинается со следующего интригующего заявления: “Место и дата рождения Николая Ивановича Лобачевского до сих пор вызывают споры среди биографов”. Действительно, это так ... было до 1948 года! Не знаю, из какого устаревшего текста списана эта фраза, но в любом случае это неуважение к памяти о многих замечательных людях, приложивших большие усилия для раскрытия загадок биографии Лобачевского. Ввиду недостатка места перечислю здесь только некоторые из имён, отсылая читателя за подробностями к моей статье [17]: математики А.В. Васильев (1853–1929), В.Ф. Каган (1869–1953), Д.А. Гудков (1918–1992), архивариус И.И. Вишневский (1862–1943), литературовед и архивист Л.Б. Модзалевский (1902–1948), историк Б.В. Федоренко (1913–2007), академик А.А. Андронов (1901–1952), архивист-палеограф Н.И. Привалова (1900–1987). Дата рождения Н.И. Лобачевского – 1 декабря (20 ноября по старому стилю) 1792 года – является общепризнанной с 1948 года, после публикации её в книгах [18],[19] В.Ф. Кагана, автора очень аккуратного и осторожного. Что касается места рождения, то с 1956 года (после публикаций [20] и [21]) нет сомнений, что это Нижний Новгород.

“механические” (т.е. в идущих от Г.В. Лейбница современных терминах – на алгебраические и трансцендентные соответственно) имеется в виду под словом “классификация” на стр. 31 в [4]: “Декарт нашёл единое построение для решения уравнений 3-й и 4-й степени с помощью параболы и окружности. Впрочем, использование геометрических построений в алгебре привело его к классификации алгебраических кривых и тесно связано с развитием аналитической геометрии”.

Другой миф в [16] – навязчивый штамп “11 (23) февраля 1826 года навсегда вошло в историю математики. В этот день <...> Лобачевский прочитал доклад, в котором сформулировал основные идеи новой геометрии”. Уже неоднократно отмечалось (например, в [17], [22]), что нет никаких данных о том, что Лобачевский прочитал доклад – известные документы лишь сообщают, что он представил на отзыв свою рукопись, которая утрачена и о содержании её нет никаких достоверных сведений.

Оставляя в стороне прочие ошибки в [16], ограничимся лишь вновь создаваемым мифом: “В разных городах нашей страны стоят памятники «Копернику геометрии»”. Мне известен только один памятник⁸ Лобачевскому – скульптура работы М.Л. Диллон, установленная в 1906 году перед зданием Казанского университета. К сожалению, до сих пор нет памятника Н.И. Лобачевскому на его родине, в Нижнем Новгороде.

Неблагополучна ситуация и с живописными изображениями Лобачевского. Ещё в 1988 году Б.В. Федоренко доказал в [22] (и это неоднократно отмечалось позже), что на портрете работы В.А. Щеголькова изображён не Лобачевский. Тем не менее, этот портрет до сих пор появляется в качестве портрета Н.И. Лобачевского в разных изданиях. Так, из 50 первых живописных изображений, выдаваемых поисковой системой “Google” по запросу “Н.И. Лобачевский”, 9 являются портретом неизвестного кисти В.А. Щеголькова. К сожалению, этот портрет неизвестного выступает в роли изображения Лобачевского и в книге [1] (стр. 153).

4. Сравнение Гудкова. В 1969 году Д.А. Гудков нашёл топологическую классификацию неособых вещественных кривых степени 6, ответив тем самым на один из главных вопросов первой части 16-ой проблемы Гильберта. При этом Гудков, заметив закономерность в таблице реализуемых расположений кривых степени 6, проверил эту закономерность для кривых более высоких степеней, строящихся известными в то время методами, и сформулировал её в виде сравнения (см. ниже). После безуспешных попыток доказать это сравнение Д.А. Гудков стал пропагандировать его – в частности, в 1971 году опубликовал это сравнение в качестве гипотезы в заметке в ДАН. Вот как пишет сам Д.А. Гудков в [23]: “Решение задачи о кривых шестого порядка позволило мне сформулировать следующую гипотезу: если $f = 0$ есть уравнение M -кривой чётного порядка t в $\mathbf{R}P^2$ и множество $V_+(f \geq 0)$ ориентируемо, то $\chi(V_+) \equiv (t/2)^2 \pmod{8}$ ”⁹. В том же 1971 году В.И. Арнольд в своей замечательной статье [24], открывшей, по общему признанию, современный период в исследовании топологии вещественных алгебраических многообразий, доказал указанное сравнение “наполювину”, т. е. по модулю 4, а не по модулю 8. В следующем году В.А. Рохлин доказал это сравнение в полном объёме и

⁸ Не считая нескольких бюстов.

⁹ Первоначальная формулировка Гудкова приведена ниже в цитате из [26].

при этом назвал его гипотезой Гудкова¹⁰. Такова вкратце¹¹ хорошо известная и многократно описанная в обзорах разных авторов история открытия и доказательства первого ограничения на топологию вещественных алгебраических многообразий, имеющего вид сравнения (до этого все ограничения имели вид неравенств).

До 2002 года В.И. Арнольд описывал эту историю точно также. Приведу только два примера: “Утверждение (1) (т.е. приведённое выше сравнение – Г.П.) (с заменой модуля 4 на 8) было сформулировано Д.А. Гудковым в виде гипотезы, подтверждённой большим количеством примеров. Хотя доказательство сравнения (1) не использует результатов Д.А. Гудкова, настоящая работа не могла бы быть выполнена, если бы Д.А. Гудков не сообщил автору о своей гипотезе” ([23], с.6); “Я вспоминаю, как И.Г. Петровский, ректор МГУ и основатель теории вещественных алгебраических кривых, попросил меня прочитать диссертацию Д.А. Гудкова. Гудков решил задачу о взаимном расположении овалов вещественных алгебраических кривых степени 6 в проективной плоскости. В этой очень сложной диссертации, которую я никогда не читал, я был поражен одним сравнением по модулю 8, высказанным Гудковым в качестве гипотезы¹²: $p - m \equiv k^2 \pmod{8}$, где p есть число овалов гладкой кривой степени $2k$, “содержащихся внутри” чётного числа овалов, и m есть число овалов этой кривой, содержащихся внутри нечётного числа овалов, при условии, что общее число овалов достигает своего максимального значения. <...> Сравнение Гудкова подтверждали все M -кривые, известные к тому моменту” ([26]). Однако в [12] В.И. Арнольдом написано, в частности, следующее: “Продумывая работу Гудкова, я заметил (выделено мной – Г.П.), что не только для кривых степени 6, но и для всех исследованных им кривых чётной степени проявлялись замечательные сравнения по модулю 8” ([12], стр. 42). Естественно, это вызвало недоумение тех, кто знал историю открытия сравнения Гудкова, а Е.И. Гордон¹³ в 2003 году написал В.И. Арнольду: “К сожалению, нашел в ней (т.е. в книге [12] – Г.П.) некоторую неточность на стр. 42-43, относящуюся к сравнению Д.А. Гудкова... Было бы очень хорошо, если бы Вы сочли возможным в каком-нибудь виде эту неточность исправить”. В своем ответе от 28 ноября 2003 года В.И.

¹⁰ Сейчас в литературе это сравнение называется обычно “сравнение Гудкова-Рохлина”.

¹¹ Подробности и ссылки на оригинальные работы можно найти в моей статье [25].

¹² В действительности в диссертации Гудкова ни сравнения, ни гипотезы не было: в то время Гудков ещё пытался доказать сравнение самостоятельно.

¹³ Профессор Е.И. Гордон (сейчас работает в США) проработал на кафедре Д.А. Гудкова около 20 лет; кроме того, Д.А. Гудков был близким другом его родителей и все обстоятельства, связанные с результатами и с докторской диссертацией Д.А. Гудкова, много раз подробно обсуждались у него дома.

Арнольд, настаивая на своей версии, снабдил её разными дополнительными подробностями, отметив при этом, что *“доказательств в письменном виде у меня нет”*. К сожалению, В.И. Арнольд стал повторять свою версию в последующих публикациях [13] и [27], снабжая её этими и всё новыми удивительными подробностями, противоречащими и тому, что В.И. Арнольд писал до 2002 года, и истинному положению вещей, о котором я могу судить как ученик Д.А. Гудкова, бывший с ним едва ли не в ежедневном контакте с 1970 до 1992 года. После появления публикации в УМН [27] Е.И. Гордон и я написали совместное подробное письмо в редакцию этого журнала, в котором на основании документов из архива Д.А. Гудкова (один из этих документов опубликован в [25], стр.192), а также всего корпуса имеющихся публикаций восстанавливали действительную историю открытия сравнения Гудкова, в которой мы убеждены. Одновременно мы послали электронную копию этого письма В.И. Арнольду и ряду известных математиков, в том числе ученикам В.И. Арнольда. К сожалению, редакция журнала даже не сочла должным сообщить о получении письма. Впрочем, нашей целью не была, конечно, публикация “против Арнольда” – письмо завершалось так: *“Вероятно, создавшаяся ситуация – результат известного явления специфической “абerrации памяти”, о котором хорошо написал Г. Цейтен [11]: “Декарт прозвил ту же недооценку того, чем он обязан другим, за которую его упрекали в области философии. Это нередкая ошибка великих умов, которые воспринятое у других тотчас же путем новой и самостоятельной переработки включают в свою собственную систему”*”. Мы хотели разъяснить математическому сообществу истинное положение дел и защитить доброе имя Д.А. Гудкова¹⁴. Надеемся, что в какой-то мере это удалось. Но мифы живут самостоятельной жизнью: так, на странице “Википедии”, посвящённой 16-ой проблеме Гильберта, история открытия сравнения Гудкова периодически излагается в версии Арнольда, а миф из раздела 2 этой заметки, снабжённый ссылкой на [12], присутствует постоянно.

5. Что делать? К сожалению, историко-математические мифы не исчерпываются рассмотренными выше – отмечу, например, мифы вокруг гипотезы Гольдбаха, детально разобранные в [1]. Что же со всеми этими мифами делать? В части, касающейся общественного сознания – по-видимому, ничего: что можно противопоставить закону природы? Замечательно подходит здесь сказанное недавно писателем и кинокритиком Ю.А. Богомоловым (см. <http://www.grani.ru/opinion/m.188292.html>) по поводу, не связанному с историей математики:

¹⁴ Я считаю необходимым сделать следующее замечание личного характера. Как и многие другие, я считаю В.И. Арнольда одним из самых выдающихся математиков нашего времени и отношусь к нему с глубоким уважением. Кроме того, я многим обязан В.И. Арнольду: он был оппонентом при защите моей диссертации и оказывал мне поддержку и в нематематических ситуациях. Но и своему учителю Д.А. Гудкову я обязан не в меньшей степени.

“Массовое сознание (и в особенности массовое подсознание) инфантильно. Оно готово воспринимать историю в форме сказок и легенд. Оно предпочитает реалиям их толкования. А беллетристику – документалистике”.

“Конечно, крот мифологии делает свое дело. Он роет глубже крота истории. А массовое сознание так устроено, что перед историей оно отдает предпочтение мифологии, которая и вытесняет из голов отдельных граждан картину того, что и как было на самом деле”.

Занимаясь же историей математики (в том числе чтением лекций или написанием книг) можно, конечно, поддерживать любые версии или изобретать собственные, но при этом весьма желательно чётко отделять версию от факта, а если позволяют время и место – то хотя бы упоминать об именующихся других версиях.

Библиографический список

1. *Успенский, В.А.* Апология математики [Текст] / В.А. Успенский. – СПб.: Амфора, 2009. – 554 с.
2. *Гильмуллин, М.Ф.* История математики: Учебное пособие [Текст] / М.Ф. Гильмуллин – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2009. – 212 с.
3. *Зверкина, Г.А.* История математики: Учебное пособие [Текст] / Г.А. Зверкина. – М.: М-ИИТ, 2005. – 108 с.
4. *Даан-Дальмедико, А.* Пути и лабиринты. Очерки по истории математики [Текст] / А. Даан-Дальмедико, Ж. Пейффер. – М.: Мир, 1986. – 431 с.
5. *Ван дер Варден, Б.Л.* Пробуждающаяся наука [Текст] / Б.Л. ван дер Варден – М.: ГИ-ФМЛ, 1959. – 459 с.
6. *Волошинов, А.В.* Пифагор: союз истины, добра и красоты [Текст] / А.В. Волошинов. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с. (2-е издание: М.: ЛКИ, 2007.)
7. Пифагор [Текст] // Ежегод. издание “100 человек, которые изменили ход истории” – 2008. – Вып. 19. (Изд-во “Де Агостини”).
8. *Целлер, Э.* Очерк истории греческой философии [Текст] / Э. Целлер. – М.: Типо-лит. Ю. Венер, 1912. – 256 с. (Переиздания: М.: Канон, 1996. – 334 с.; СПб.: Алетейя, 1996. – 294 с.)
9. *Жмудь, Л.Я.* Пифагор и его школа [Текст] / Л.Я. Жмудь. – Л.: Наука, 1990. – 188 с.
10. *Жмудь, Л.Я.* Наука, философия и религия в раннем пифагореизме [Текст] / Л.Я. Жмудь – СПб.: ВГЛ, Алетейя, 1994. – 375 с.
11. *Арнольд, В.И.* Топология действительных алгебраических многообразий [Текст] / В.И. Арнольд, О.А. Олейник // Вестн. Моск. ун-та. Математика. Механика. – 1979. – № 6. С. 7-17.
12. *Арнольд, В.И.* Что такое математика? [Текст] / В.И. Арнольд. – М.: МЦНМО, 2002. – 104 с. (Книга переиздана в 2004 и 2008 гг.)
13. *Арнольд, В.И.* Экспериментальное наблюдение математических фактов [Текст] / В.И. Арнольд. – М.: МЦНМО, 2006. – 119 с.
14. *Newton, I.* Enumeratio linearum tertii ordinis. Optics. London, 1704. P.138-162. (Перевод “Перечисление кривых третьего порядка” см. в книге: Исаак Ньютон. Математические работы. – М-Л.: ОНТИ, 1937. С.194-209.)

15. Декарт, Р. Геометрия [Текст] / Р. Декарт. – М.-Л.: ОНТИ, 1938. – 296 с.
16. Николай Лобачевский [Текст] // Еженедельное издание “Наша история. 100 великих имён”. – 2010. – Вып. 38. (Изд-во “Де Агостини”).
17. Полотовский, Г.М. Как изучалась биография Н.И. Лобачевского [Текст] / Г.М. Полотовский // Историко-математические исследования. Вторая серия. – 2007. – Вып. 12(47). С.32-49.
18. Каган, В.Ф. Великий ученый Н.И. Лобачевский и его место в мировой науке [Текст] / В.Ф. Каган. М.-Л.: ГИТТЛ, 1948. – 84 с.
19. Каган, В.Ф. Лобачевский (второе изд.) [Текст] / В.Ф. Каган. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1948. – 508 с.
20. Андронов, А.А. Где и когда родился Н.И. Лобачевский (Записка о месте и дате рождения Н.И. Лобачевского) [Текст] // А.А. Андронов. Историко-математические исследования. – 1956. – Вып. IX. С.9-48.
21. Привалова, Н.И. Дом, в котором родился Н.И. Лобачевский [Текст] // Н.И. Привалова. Историко-математические исследования. – 1956. – Вып. IX. С.49-64.
22. Федоренко, Б.В. Новые материалы к биографии Н.И. Лобачевского [Текст] / Б.В. Федоренко. – Л.: Наука, 1988. – 384 с.
23. Гудков, Д.А. Топология вещественных проективных алгебраических многообразий [Текст] // Д.А. Гудков. УМН. – 1974.– Т.29, вып.4(178). С.3-79.
24. Арнольд, В.И. О расположении овалов вещественных плоских алгебраических кривых, инволюциях четырехмерных гладких многообразий и арифметике квадратичных форм [Текст] // В.И. Арнольд. Функц. анализ и его приложения. – 1971. – Т.5, вып.3. С.1-9.
25. Полотовский, Г.М. Топология вещественных алгебраических кривых: история и результаты [Текст] // Г.М. Полотовский. Историко-математические исследования. Вторая серия. – 2011.– Вып. 14(49). С.177-212.
26. Questions à V.I. Arnold. Interview réalisé par Michèle Audin et Patrick Iglesias // Gasette des mathematicians. No 52, Avril 1992. P.5-12.
27. Арнольд, В.И. Недооцененный Пуанкаре [Текст] // В.И. Арнольд. УМН. –2006.– Т.61, вып.1(367). С.3–24.
28. Цейтен, Г.Г. История математики в XVI и XVII веках [Текст] / Г.Г. Цейтен. М.-Л.: ГТТИ, 1933. – 429с.

Борис Горобец

В.И. Меркин

Глава из книги «Выдающиеся МИХМовцы в создании ядерного щита страны»

правка. Владимир Иосифович Меркин (1914–1997) – инженер-механик, доктор технических наук (1964), лауреат Сталинских (1942, 1951, 1953), Ленинской и Государственной (1982) премий, награжден многими орденами и медалями. Родился в с. Смоляны Оршанского р-на Витебской обл. Окончил Московский институт химического машиностроения (1939). С 1939 инженер ГСПИ-3. Затем в ЦКБ-114 занимался созданием огнеметов и средств дымовой защиты для флота, за что награжден первой Сталинской премией. С 28 мая 1944 заведующий сектором № 6 в Лаборатории № 2, один из ближайших сотрудников И.В. Курчатова. Первая ядерно-оружейная тема — исследование способов сближения подкритичных частей ядерного заряда для осуществления взрывной реакции на быстрых нейтронах (1944–1946). С 1947 главный технолог проекта промышленного реактора «А» для получения плутония, разрабатываемого в НИИХИМе и Лаборатории № 2. В 1948–1949 главный инженер строящегося и сдаваемого в эксплуатацию промышленного ядерного реактора (завод «А» на комбинате № 817, Челябинск40; ныне Комбинат «Маяк», г. Озерск). В тяжелейших условиях пускового периода, в том числе в аварийных режимах эксплуатации, на реакторе было наработано количество плутония, необходимое для первой атомной бомбы. После вывода промышленного реактора на стационарный режим, с начала 1949 непрерывно работает в ЛИПАН (бывшая Лаборатория № 2, будущий ИАЭ и РНЦ КИ). Один из немногих ученых в списке персонально допущенных к ознакомлению с разведматериалами Бюро № 2 при председателе Спецкомитета Л.П. Берия. Участник создания целого ряда установок и реакторов, используемых в атомной промышленности. В 1969 году участник работ по созданию промышленного реактора нового поколения, руководитель научного семинара, объединяющего физиков, конструкторов, проектировщиков и технологов. В последние годы жизни — главный научный сотрудник РНЦ КИ.

«Направляется к академику Курчатову...»

О «доядерном» прошлом В.И. Меркина вспоминает теплофизик академик И.И. Новиков:

«Владимир Иосифович был творческой личностью. Мы познакомились в 1940 году. Тогда я после окончания физфака служил на флоте. Среди прочих была задача о создании средств дымовой защиты на флоте. Задача не новая. <...> Сначала просто давали избыток топлива, и выброс дымовой завесы шел через трубу. Затем стали использовать дымовые шашки, но они годились только для маломерных судов. Были нужны средства для быстрой маскировки больших пространств. Идея заключалась в выбросе паров кислот или других гигроскопических веществ, которые в сочетании с влагой атмосферного воздуха приводили к образованию тумана. Для разработки таких средств для флота привлекли ЦКБ-114, где за год до этого, по окончании Московского института химического машиностроения начал работать В.И. Меркин. Отработка оборудования и испытания проводились в Баку, на базе Каспийской флотилии. Лидирующая роль В.И. Меркина в этой работе определилась на стадии испытаний. Здесь проявились его характерные черты: умение работать с большими коллективами в условиях значительной неопределенности, когда могли быть и случались различного рода неожиданности. Выручали его энергия и замечательная интуиция. <...> Здесь в Баку нас и застала война. Как-то неожиданно пришло известие о присуждении Сталинской премии. Эта награда буквально окрылила В.И., он поверил в свои силы.

Фронту срочно понадобились новые виды вооружения, которые были у немцев, но которых не было у Красной Армии (огнеметы). Нам удалось создать несколько образцов, принятых на вооружение и сыгравших определенную роль в первые годы войны. В этой работе, да и раньше, нам пришлось тесно сотрудничать с В.В. Гончаровым, директором завода синтетического каучука. Летом 1943 года его срочно вызвали в Москву, как оказалось к Курчатову, в создаваемую Лабораторию № 2. <...> В.И. был призван на флот в звании старшего техника-лейтенанта, но уже к концу этого года по рекомендации Гончарова Меркин оказывается в Москве, в Лаборатории № 2» (цит. по Князеву [2004]).

В книге писателя и физика С.А. Снегова «Творцы (историческая повесть о современниках)» о В.И. Меркине говорится в следующем отрывке, относящемся к 1943 году, начальному периоду формирования курчатовской Лаборатории № 2.

«Физиков было много. Инженеров широкого профиля не хватало. Зельдович порекомендовал Владимира Меркина. Человек этот, выпускник Московского института химического машиностроения, до войны руководил экспериментально-конструкторской группой, с начала войны — на флоте, за разработку новых конструкций оружия награжден Сталинской премией. В дело войдет быстро — энергичен и деловит. Гончаров¹ горячо добавил свою рекомендацию — Меркин работал на его Бакинском заводе, инженер высокой квалификации!

¹ Гончаров Владимир Владимирович (1912-1994) — в 1943-1945 замначальника Лаборатории № 2 (Курчатова), ранее директор Опытного завода № 438 НКХП в Баку. В дальнейшем работал вместе с Меркиным

— Подходит! — сказал Курчатов. — Координаты Меркина мне на стол — вытребую.

Приехавшего вскоре по своим делам в Москву Меркина ошеломили новостью — немедленная, в два дня демобилизация, потом — в распоряжение зампреда Совнаркома. В кабинете Первухина² Меркину объявили, что он направляется к академику Курчатову, улица Бодрая, Лаборатория № 2. Меркин явился по адресу, когда в красный дом переезжали из Пыжевского пер. и из ИОНХа. Он смешался с толпой, кто-то закричал: “Чего стоишь? Подсоби!” Меркин подставил плечи под громоздкий ящик, внес его в здание и, разделавшись с работой грузчика, направился к Курчатову. Курчатов попросил показать наградные грамоты, их было немало — кроме Сталинской премии еще призы на закрытых конкурсах. Во время разговора Курчатов поднимался и прохаживался по кабинету. Немедленно вставал и Меркин. Курчатов сказал:

— Чего вы? Сидите, пожалуйста!

— Прошу прощения, военная привычка, — извинился Меркин.

Курчатов направил нового сотрудника в сектор Харитона. К середине 1944 года в красном доме трудилось больше пятидесяти человек ...» [Снегов, 1979. С. 350].

К концу 1944 г. в Лаборатории № 2 работало около 70 человек и было 8 секторов. Начальником сектора № 3 (конструкция атомной бомбы) был назначен В.И. Меркин. В нем научным руководителем был Ю.Б. Харитон. В октябре 1945 г. установили контроль за передвижением сотрудников внутри помещений Лаборатории № 2. В приказе говорилось, что «допуск в спецлабораторию производится по удостоверениям с отметкой-штампом “Якорь”, допуск в палатку Курчатова производится с отметкой на удостоверении пятиконечной звезды, в палатку Меркина — треугольника...» [АП, 2002. Т. 2. С. 23, 108, 130]. Так Меркин стал одним из первых и ведущих курчатовцев.

Опыты по синхронизации выстрелов

Расшифруем то, что сказано выше в Справке о начальном этапе работы В.И. Меркина в Лаборатории № 2 по исследованию способов сближения подкритичных частей заряда. Имеется в виду пушечный способ сближения. На ранней стадии исследований он был естественным и считался как в США, так и у нас основным для урановой бомбы. Но около 1944 года возникла идея более эффективного способа мгновенного создания надкритичности — имплозии, т.е. взрыва вовнутрь, который применим к плутониевому заряду (подробнее об этом говорится в

над созданием уран-графитового реактора.

² Первухин Михаил Георгиевич (1904-1978) — генерал-лейтенант инж.-тех. службы, в 1940—1946 зампреда СНК СССР, в 1942-1950 нарком (министр) химической промышленности СССР. В 1943-1945 куратор атомного проекта со стороны СНК СССР, в 1945-1953 член Спецкомитета, руководитель ИТС Спецкомитета, в 1947-1949 первый зам. начальника ПГУ. В 1950-х гг. член Президиума ЦК КПСС. Герой Социалистического Труда.

подразделе «Физические принципы...». Между тем, нельзя было оставлять непроработанной и пушечную схему подрыва атомного заряда, над которой, как сообщала разведка, продолжали работать американцы. Именно такая схема была осуществлена в их бомбе, сброшенной на Хиросиму.

В феврале 1945 г., т.е. еще до первых американских взрывов и создания Спецкомитета, И.В. Курчатов обратился к Л.П. Берия с письмом, в котором сообщал о «возможности сформулировать предварительные условия на техническую разработку проектов урановой атомной бомбы». В частности, он писал: «если будет показано, что деление ядер происходит в уране-238, а не в уране-235, отпадет необходимость в тех больших встречных скоростях двух урановых снарядов. <...> следует уже сейчас провести серьезные артиллерийские работы по осуществлению столкновения двух снарядов с массами по 5 килограмм при скорости их встречного движения в 3000 метров в секунду» [Курчатовский..., 1996. Вып. 6. С. 7]. Но позже выяснилось, что уран-238 можно «заставить» делиться только быстрыми нейтронами, а потоки таковых удалось получить лишь вследствие термоядерного взрыва, в сахаровской «слолке» (изделии РДС-6с); и реализовалось это только в 1953 г. Да, как выяснилось позже, пушечный вариант оказался сравнительно мало эффективным, и потому его можно считать тупиковой ветвью в создании ядерного оружия. Тем не менее, в проведенных опытах была отработана прецизионная техника синхронизации сверхбыстрых процессов, которая очень пригодилась в дальнейшем. Коснемся основных физико-технических результатов, изложенных в отчете пяти авторов; это В.И. Меркин, Ю.Б. Харитон, А.А. Александрович, А.А. Пяткин и Б.М. Кеда «Отчет по исследованию синхронизации выстрелов при разных условиях заряжания (эксперименты 1944—1946 гг. в Лаборатории № 2)» [Там же. С. 3-71].

В.И. Меркин писал: «Первая работа, которую нам предложил выполнять Ю.Б. Харитон, это выяснение условий синхронизации выстрелов из двух стволов, установленных параллельно, фиксируя при этом взаимоположение вылетающих при выстреле снарядов на расстоянии один метр. Необходимо было достигнуть такой синхронизации, чтобы разница во времени вылета снарядов не превышала существенно $0,0001\text{ с}$ <десятой доли миллисекунды> при начальных скоростях около 1500 м/с . <...> Начинать мы со стрельбы из армейских винтовок, <...> начиная от калибра 7,62, т.е. винтовки, и кончая калибром 75 мм, т.е. пушки...

Кратко изложим основные выводы авторов, важные для создания техники регистрации и синхронизации сверхбыстрых процессов, причем не только для военно-ядерных целей, но и для обычной артиллерии, конструирования и производства стрелкового оружия и ВВ. Будем следовать их собственным ВЫВОДАМ, сформулированным в отчете.

1. «Опыты <...> указывают на возможность достижения синхронности выстрелов (по положению снаряда вне ствола) в пределах $(2-3)10^{-4}\text{ с}$ при начальных скоростях снарядов $1200-1500\text{ м/с}$.

2. Указанная синхронность может быть получена при соблюдении следующих условий:

а. Высокое давление в канале ствола <...> не ниже 3500 атм. При этом <с ростом давления> уменьшается как абсолютное время всех периодов процесса выстрела, так и разница во временах между отдельными выстрелами. <...>

б. Наилучшие результаты получились при применении нитроглицеринового пороха баллистного типа с содержанием нитроглицерина 40%.<...>

в. <Наилучшим> условиям отвечает камера с отношением длины к диаметру не больше 2—3 и заряд с правильным и постоянным расположением элементов, образующих каналы, параллельно оси камеры.

г. Необходим достаточно мощный воспламенитель, содержащий большое количество раскаленных частиц и обладающий легкой воспламеняемостью и большой скоростью взрывчатого разложения. <...> лучшие результаты дал БС (KClO_3 и $\text{Pb}_2\text{Fe}(\text{CN})_6$) в отношении 2:1 в виде зерен 0,15—0,20 мм, сцементированных 1%-ным раствором баллистного пороха в ацетоне. <...> Недостатком БС является гигроскопичность: незначительное увлажнение резко изменяет скорость его взрывчатого разложения, что сильно сказывается на временах воспламенения основного заряда.

д. <...> необходимо пользоваться строго калиброванными стволами и снарядами (не ниже II класса точности ...). <...>.

Пуля, пробивающая лампочку

Главный технолог проекта

Недавно был опубликован печатный труд В.И. Меркина «Создание первых промышленных атомных реакторов Советского Союза» [Курчатовский..., 1996. Вып. 5. С. 8-2]. Следуя канве этой научно-исторической и мемуарной повести, а также сборнику [Создание..., 1995. С. 68-93] и многотиражным газетам Курчатова

института, конспективно перескажем содержание основных этапов строительства и пуска первого промышленного реактора в СССР с акцентом на личный вклад В.И. Меркина.

В 1943-944 гг. уже было известно, что в атомной бомбе можно применить любой из двух делящихся материалов — легкий изотоп урана (уран-235) или же новый химический элемент № 94, вскоре названный плутонием. Было также ясно, что получение того и другого — необычайно сложные, дорогостоящие и трудоемкие задачи. Уран нужно было разделять по изотопам, а плутоний создавать в процессе ядерной реакции в урановом котле (позже его стали именовать реактором). Какой из этих путей быстрее приведет к цели, тогда было неясно.³ Для изотопного разделения нужно было строить завод с тысячами молекулярно-фильтрационных каскадов для газодиффузионного обогащения природного урана. Для наработки плутония нужно было строить ядерный реактор и получать плутоний в облучаемых урановых блочках. Зато потом, как считали химики, новый элемент можно будет выделить из блочков путем растворения и осаждения по более или менее понятной технологии, поскольку химические свойства плутония и урана существенно различались. В СССР было решено идти обоими путями одновременно — путем разделения изотопов урана и путем конверсии (так пишет В.И. Меркин) урана в плутоний. Очевидно, роль сыграли разведанные, согласно которым по этим двум путям шли американцы, к тому времени уже получившие как почти чистый уран-235, так и плутоний-239. Таким образом, «теорема существования», т.е. предметность и разрешимость обеих задач была уже доказана.

«В один из дней Игорь Васильевич пригласил меня в свой кабинет и предложил заняться разработкой атомного реактора большой мощности, назвав ее впечатляющую величину. Особое внимание он обратил на ряд особенностей этого сооружения, связанных с необходимостью надежного управления цепным процессом ядерного деления, а также защиты людей от интенсивного радиоактивного излучения. Далее он подчеркнул. Что создаваемый реактор должен стать атомным котлом, в котором вырабатывается не только большое количество тепловой энергии, но и нарабатывается в значительных масштабах новый в таблице Менделеева химический элемент плутоний. Несмотря на неожиданность предложения и то, что небольшой коллектив сектора № 6, которым я руководил, ежедневно до поздней ночи трудился над другой, тоже важной и интересной задачей, я и мои сотрудники сразу же включились в захватившую нас новую работу. Так заразили энтузиазм и глубокая вера Курчатова», — писал В.И. Меркин в многотиражке «Курчатовец» [1993]. Так в 1946 г. В.И. Меркин стал одним из ведущих специалистов по научно-исследовательским физическим,

³ Заметим, что, начиная с 1960-х гг., вновь возникающие ядерные державы: Франция, Китай, Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея создавали свои атомные бомбы на плутонии. Так что его получение оказалось проще и дешевле, чем получение высокообогащенного урана (около 90% ²³⁵U).

технологическим и опытно-конструкторским работам, сопровождавших проектирование реактора для производства плутония.

Работа велась в рамках вновь созданного секретного ведомства — Первого главного управления при Совмине СССР (будущего Минсредмаша). Лаборатория № 2 осуществляла научное руководство созданием новейшего атомного промышленного объекта, вела основные научные исследования, привлекая многие проектно-конструкторские и исследовательские организации. Место для сооружения реактора выбрали на Южном Урале, в нескольких десятках километров от г. Кыштым, в местности, изобилующей озерами (сейчас там находится закрытый атомград г. Озерск). Строительство плутониевых заводов «А», «Б» и «В» комбината № 817 обеспечивалось финансированием через Госбанк без проектов и смет, по заявленным фактическим затратам, включая производство оборудования и проектно-изыскательские работы (что подчеркивается в книге [Создание..., 1995. С. 68]).

Одной из самых трудноразрешимых проблем в поставленной общей задаче было обеспечение реактора «котельными» материалами высокой чистоты. Нужны были уран, графит или тяжелая вода в невиданных количествах, сотнях и тысячах тонн. «К этому времени, — пишет В.И. Меркин, — уже было ясно, что каковы бы ни были преимущества тяжелой воды для применения в качестве замедлителя, ее нельзя будет получить в больших количествах в обозримом будущем. Поэтому в Лаборатории № 2 усилия в основном были направлены на получение чистого графита» [Курчатовский..., 1996. Вып. 5. С. 21]. Правительство поручило производство металлического урана бывшему заводу боеприпасов в г. Электросталь, Московской области (завод № 12), а графита — Московскому электродному заводу (МЭЗ).

Сначала решалась проблема чистоты графита. Он должен был быть эффективным замедлителем нейтронов, но не их поглотителем. Прежде всего, нужно было снизить количество примесей бора, кадмия, лития и некоторых РЗЭ, которые являются сильными поглотителями нейтронов. Так, содержание бора в промышленном электродном графите было $(1-4)10^{-4}\%$, а зольность 0,4–0,8%. Из-за этого сечение захвата составляло $(6 - 20) \cdot 10^{-27} \text{ см}^2$. Необходимо было снизить количество указанных примесей до сотысячных и даже миллионных долей процента и получить сечение захвата нейтронов не более, чем $5 \cdot 10^{-27} \text{ см}^2$. Эта задача была в конце концов решена путем обработки графита хлором во время обжига в печах. Измерения длины свободного пробега тепловых нейтронов в сверхчистом графите дали 48,5 см при плотности графита $1,7 \text{ г/см}^3$ и зольности 0,02%. «Это была крупная победа и важная веха на пути к осуществлению цепной реакции», — констатирует Меркин. Стоит заметить, что во время войны немецкие физики совершили, к счастью для остального мира, принципиальную ошибку. Их измерение длины свободного пробега тепловых нейтронов в графите дало величину, в несколько раз меньшую. Немцы не поняли, что все дело в примесях, иначе они тоже сумели бы, в конце концов, очистить свой графит. Но, решив, что графит вообще непригоден как замедлитель, немцы сделали

выбор в пользу тяжелой воды. Однако они не сумели ее получить, потому что англичане разбомбили завод по производству тяжелой воды в оккупированной немцами Норвегии, а запасов своей тяжелой воды у немцев было слишком мало.

Далее, по разведанным, в американском реакторе была применена не равномерная, гомогенная смесь урана и графита, а размещение их блоками. Наши физики-теоретики рассчитали уран-графитовую решетку так, чтобы существенно снизить резонансное поглощение нейтронов в определенной полосе их энергий (скоростей), которое обнаружилось в процессе замедления быстрых нейтронов до тепловых скоростей. Были приняты размеры цилиндрических урановых блоков диаметром 32 мм и высотой 100 мм, графитовых блоков $10 \times 10 \times 60$ см с шагом 22 см между урановыми блоками. При этих условиях расчетный коэффициент размножения нейтронов оказывался максимальным. В оптимальных условиях для управления реактором он должен составлять 1,07 (т.е. на 100 нейтронов, поглощаемых в ста ядрах урана при делении последних должно вылетать в среднем 107 нейтронов). В марте 1946 г. эксперимент дал коэффициент размножения $1,09 \pm 0,02$. Это была еще одна крупная победа.

25 декабря 1946 г., в 18 часов И.В. Курчатов с сотрудниками впервые на Евразийском континенте запустили самоподдерживающуюся цепную реакцию в опытном физическом реакторе Ф-1, построенном в Москве, в Лаборатории № 2. На нем стали получать плутоний в микроколичествах. Ранее, до пуска этого реактора, в распоряжении экспериментаторов были количества плутония порядка 10^{12} атомов, получаемые в результате облучения урана маломощным радий-бериллиевым источником в течение трех месяцев. Пуск Ф-1 позволил накопить плутоний в количестве около микрограмма, т.е. на три порядка больше. Это дало возможность нашим физикам и радиохимикам определить ряд новых свойств искусственного элемента. И, главное, теперь были яснее пути проектирования промышленного реактора для наработки плутония, которое для экономии времени велось одновременно с работами по строительству Ф-1.

Промышленный реактор должен был стать основой завода «А» на комбинате. Одновременно там строились заводы «Б» для химического извлечения плутония из урановых блоков и «В» для получения металлического плутония и изготовления деталей из него. Между собой специалисты называли будущий реактор «Аннушкой», тем более, что не разрешалось использовать терминов *котел* или *реактор* даже во внутренних документах; не рекомендовалось это делать даже в устной речи между собой. Работой по конструированию реактора и проектированию его технологических систем руководили: И.В. Курчатов — научный руководитель работ; Н.А. Доллежалъ (НИИХимаш) — главный конструктор реактора; В.И. Меркин — главный технолог проекта; А.А. Черняков — главный инженер строительной части объекта. Организацией производства и испытаний изделий из графита, урановых блоков и технологических труб руководили В.В. Гончаров (бывший

начальник В.И. Меркина по Баку) и Н.Ф. Правдюк. Группа физиков, теоретиков и экспериментаторов работала по проблемам физики реактора и радиационной защиты. Научное руководство производством урановых блоков вели А.А. Бочвар и А.С. Займовский, а графита — К.Г. Банников. Для выигрыша времени проектирование реактора велось одновременно с научными исследованиями. В связи с этим сделаем важное пояснение.

Курчатов был приглашен к Сталину впервые лишь 25 января 1946 г. Как ни странно, но Курчатов и Сталин встречались крайне редко (точно известно про всего две их встречи, вторая произошла уже после испытания АБ). В то же время, начиная с 1945 г. Курчатов регулярно связывался со Сталиным по телефону. О первой их встрече остались заметки самого Курчатова, хранившиеся в его личном сейфе в ИАЭ. Курчатов записал:

«Беседа продолжалась приблизительно один час с 7.30 до 8.30 вечера. Присутствовали т. Сталин, т. Молотов, т. Берия. Т. Сталин сказал, что не нужно искать более дешевых путей, что не нужно *<неразборчиво>* что нужно вести работу быстро и в грубых основных формах. <...>. Из беседы с т. Сталиным было ясно, что ему отчетливо представляются трудности, связанные с получением первых агрегатов, хотя бы с малой производительностью. <...>. Труден лишь первый шаг, и он является нашим основным достижением. <...>. были заданы вопросы об Иоффе, Алиханове, Капице и Вавилове и целесообразности работы Капицы... Было выражено <...>, на кого <они> работают и на что направлена их деятельность — на благо Родине или нет. Было предложено написать о мероприятиях, которые были бы необходимы, чтобы ускорить работу, всё, что нужно» [Курчатовский..., 1996. Вып. 13. С. 153].

Из этих записок видно, что Сталин решил не слушать советов Капицы о поисках более дешевых путей к атомной бомбе. Выигрыш времени был важнее любых затрат. Поэтому по решению Сталина и Берия задания, подписанные Курчатовым (а по конструированию бомбы еще и Харитоновом), шли немедленно на исполнение, без заранее составленных планов и утвержденных смет расходов, чего в СССР не было нигде. «Нам давали все», — вспоминал Харитон. Армия заключенных ГУЛага добывала и перерабатывала радиоактивную руду, строила спецгородки, комбинаты, полигоны...

Было рассмотрено три варианта реактора, существенно различающихся: 1) по расположению технологических каналов в графитовой кладке, 2) по распределению охлаждающей воды в каналах реактора и 3) по системе выгрузки высокорadioактивных урановых блоков — тепловыделяющих элементов (ТВЭЛов) с накопившимся плутонием. Все понимали, что выбор лучшего решения по этим трем узловым вопросам предопределяет сроки сооружения и успешность будущей эксплуатации реактора. Для решения данной проблемы Техсовет ПГУ назначил 1 июля 1946 г. комиссию в составе: И.В. Курчатов (председатель), Б.С. Поздняков, С.И. Щепкин, Е.П. Славский, Э.И. Ромм, В.И. Меркин, Н.А. Доллежал, Б.М. Шолкович, Ф.И. Рылин, А.А. Черняков, Н.Н. Кондрацкий, В.Ф. Калинин. (Обратим внимание на то, что в составе комиссии было двое михмовцев: выпускник МИХМа В.И.

Меркин и профессор С.И. Щепкин, заведующий кафедрой в МИХМе, специалист по контрольно-измерительной аппаратуре.)

В комиссии не было единства по одному из главных вопросов — располагать ли весь агрегат горизонтально или вертикально. Преимущества горизонтального варианта были следующие: одинаковая доступность обоих фронтов реактора для обслуживания, возможность применения двухползковой трубы, обеспечивающей большие зазоры на случай распухания блочков. Недостатки: трудность смены каналов; неравномерные деформации, в особенности при тепловой нагрузке; распространение воды по всей графитовой кладке при протечках из труб. Преимущества вертикального варианта были следующие: использование силы тяжести при выгрузке и разгрузке, простота схемы разгрузки — снизу; возможность пуска воды в каналы самотеком при аварии насосов. Недостатки — те, которые являются преимуществами горизонтального варианта.

Важно подчеркнуть, что в американском уран-графитовом реакторе, построенном в ядерном центре по производству плутония в Хэнфорде, стержни располагались горизонтально [Холловэй, 1997. С. 245]. Научно-технический совет <ПГУ> решил на своем заседании, продолжавшемся с короткими перерывами 92 часа, принять проект Н.А. Доллежала, разработанный в НИИХиммаше. За вертикальный вариант твердо высказались Курчатов, Поздняков, Славский, Меркин, Доллежал, Калинин и Кондрацкий. Остальные члены комиссии отдали предпочтение горизонтальному варианту. Для накопления опыта и подстраховки было предложено продолжить разработки и по другим вариантам, вплоть до холодных испытаний (в ГСПИ-11) и проектирования (в КБ-10 Минтяжмаша).

Не вполне ясно, какими соображениями руководствовались в этом случае Берия и Сталин, утвердившие проект Доллежала, ведь они категорически запрещали в других случаях отступать от американских схем, известных из разведанных. С одной стороны, понятно, что их убедил Курчатов, не побоявшийся и на этот раз взять на себя громадную личную ответственность. Можно подчеркнуть, что остались в разработке два подстраховочных варианта, вспомнить при этом, что сам Сталин советовал Курчатову (во время их встречи 25 января 1946 г.) работать широко, с размахом и средств не жалеть. Всё это так, но, на другой чаше весов был уран, которого в то время (вплоть до конца 1949 г.) в стране хватало всего на одну загрузку реактора. Можно было строить параллельно два реактора, но невозможно было запустить их одновременно. Как мы увидим в дальнейшем, именно это обстоятельство оказалось самым узким и даже критическим местом всего проекта, что привело к тяжелейшим авариям и переоблучению сотен людей в первые месяцы работы реактора.

Началась стадия эскизного проектирования, а затем и технорабочих чертежей реактора. Н.А. Доллежал вспоминал: «Каждые три-четыре дня в институт заезжал И.В. Курчатов обычно в сопровождении кого-либо из руководства ПГУ или директоров, сотрудничавших с нами, и неизменно В.И. Меркина, которого он называл

своим главным технологом» [Создание..., С. 76]. К моменту пуска Ф-1 (конец 1946 г.) проект реакторной системы для промышленного производства плутония был также в основном завершен. Началось изготовление оборудования. Чтобы представить себе, сколь грандиозным было начатое дело, перечислим те организации, которые участвовали в проектировании различных частей реакторного комплекса. Это НИИХиммаш, ВИГМ, ЦКТИ, ГСПИ-11 (Ленинград), ЭНИН, ВИАМ, НИИ-13, ВТЦЭМ, Проектстальконструкция, ИФХ АН, МХТИ, ЦНИИТМаш. ОКБ-12, НИИ-9, ОКБ Гидропресс, Уралмаш, Завод № 92, Теплоконтроль и др.

Для того чтобы понять принципы управления цепной реакцией, напомним еще раз, в чем состоит сущность ядерной реакции деления. В активной зоне находится обогащенный уран, содержащий обычно от 1% до 4% урана-235, остальное — уран-238. Медленный нейтрон налетает на ядро ^{235}U и делит его. В результате образуются чаще всего два ядерных осколка, из которых вылетает 2–3 быстрых вторичных нейтрона, а также выделяется энергия около 200 МэВ на одно деление. Вторичные нейтроны замедляются в графите, часть из них захватывается ядрами ^{235}U с делением, и цепная реакция продолжается. Другая часть нейтронов захватывается ядрами ^{238}U , которые после двух бета-распадов превращаются в плутоний ^{239}Pu . Для поддержания цепной реакции в уране требуется около 40% всех произведенных нейтронов. Необходимо суметь полнее использовать избыток нейтронов сверх этого количества для превращения неделящегося урана-238 в плутоний-239.

В.И. Меркин формулирует два принципа: 1) Основная проблема технологии реактора заключается в экономии нейтронов. 2) Размер реактора не может быть меньше критического. Из 1-го принципа вытекает, что в активной зоне можно использовать только материалы с малым поглощением нейтронов. Но на практике приходится делать реактор с размерами, больше критических, потому что другие свойства выбираемых конструкционных и технологических материалов (прочность, упругость коррозионная стойкость и т.д.) оставляют желать лучшего; и это тоже влияет на размеры реактора.

Были приняты следующие основные параметры реактора «А» [Курчатовский..., 1996. Вып. 5. С. 57]:

Тепловая мощность 100 тыс. кВт.

Размеры графитовой кладки: 9200 мм по диаметру и высоте.

Размеры активной зоны: 7600 мм по диаметру и 7400 мм по высоте.

Общий вес загрузки урана 150 т.

Общий вес графитовой кладки 1050 т.

Общее количество каналов кладки: 1162, в т.ч. рабочих каналов 1124, каналов системы управления защитой (СУЗ) 17, экспериментальных каналов 8, температурных каналов 2.

Количество рабочих блоков в канале 74

Общий расход воды 2500 куб. м./ч

Температура воды на выходе из реактора до 65°.

Наивысшая температура воды в части технологических каналов (т.к.) $85-90^{\circ}$.

Максимальная скорость воды в т.к. 3,3 м/с.

Давление воды на входе в канал 8 кг/см^2 .

Максимальная температура графита 220° .

Средний коэффициент неравномерности тепловыделения: по радиусу 0,513, по высоте 0,680

Максимальная мощность рабочего уранового блока в центральном канале 3,14 КВт.

Средний поток тепловых нейтронов в активной зоне $2,6 \cdot 10^{12}$ нейтр/($\text{см}^2 \text{ с}$).

После того как были выработаны указанные выше технические параметры, перед проектировщиками и, в частности, перед главным инженером строящегося реактора встала важнейшая **проблема управления реактором** — такого, чтобы исключить как неконтролируемое затухание цепной реакции, так и разгон реактора с переходом в неконтролируемую цепную реакцию с тепловым взрывом и разрушением.

Были рассмотрены факторы, которые приводят к уменьшению размножения нейтронов в реакторе в процессе его работы. Быстрый фактор — повышение температуры в активной зоне, приводящее к изменению давления воздуха при продувке графитовой кладки. Медленный фактор — отравление активной зоны продуктами деления, в частности, неделяющимися радиоактивными изотопами плутония ^{240}Pu , иода-131 и др. Для компенсации этих эффектов был предусмотрен запас надкритичности в 1,5—3% за счет увеличения размеров активной зоны. С другой стороны, необходимо держать под контролем эту избыточную критичность и иметь возможность в любой момент ее компенсировать введением в активную зону материалов, сильно поглощающих нейтроны. Из-за возникающих в активной зоне запаздывающих нейтронов среднее время жизни свободного нейтрона составляет около 0,1 с. Это — большое время, и оно позволяет надежно регулировать эффективный коэффициент размножения нейтронов $K_{\text{эф}}$. Например, при $K_{\text{эф}} = 1,001$ число нейтронов растет на 0,9%/с. При такой скорости размножения нейтронов вполне можно успеть уменьшить $K_{\text{эф}}$ до того, как энергия реакции выйдет из-под контроля. Отсюда вытекает еще один принцип конструирования реактора: активная зона должна быть такой, чтобы критичность не могла определяться одними только мгновенными нейтронами, чтобы обязательно присутствовали в изрядной доле и запаздывающие нейтроны, появляющиеся в цепочках распада осколков деления. Поэтому внесение конструктивных изменений в активную зону не должно изменять $K_{\text{эф}}$ больше, чем на 0,0073, величину, определяемую долей запаздывающих нейтронов. На практике для регулирования реактора применяют устройства, обеспечивающие плавное изменение $K_{\text{эф}}$ на 0,003.

Для осуществления принципов управления реактором было принято три системы: автоматического регулирования; ручного регулирования; аварийной защиты. В качестве регулятора применили стержни на основе карбида бора, поглощающие нейтроны. Стержни

вводятся в каналы, не загруженные ураном. Их было предусмотрено 23. Было установлено всего две причины, представляющие большую опасность: слишком быстрое извлечение стержней из реактора (быстрее, чем за 2 минуты); прекращение поступления охлаждающей воды, в частности, из-за вытеснения ее паром из каналов при наступлении кипения. Реакция системы защиты на исчезновение воды должна быть не позднее, чем за 2 с, поэтому предусматривалось время ввода 9 стержней за 0,5 с.

Следующей проблемой был **выбор материалов и конструкции узлов реактора**. Загрузка его происходит сверху, а разгрузка — снизу. Принципиальный механизм загрузки очевиден. Схема разгрузки гораздо сложнее. Основной разгрузочного механизма служат стальные кассеты. Они выполнены из передвижной балки с гидравлическим сервомеханизмом с упорно-разгрузочными устройствами по числу каналов, обслуживаемых данной кассетой. Одна кассета обслуживает один ряд каналов, расположенных вдоль полухорды круга в основании активной зоны. Когда сервопривод отодвигает стальной зуб, запирающий отверстие в кассете, то весь столб урановых блочков выпадает из данного канала в бункер, заполненный водой, и оттуда увозится транспортной системой. Удалять блочки из канала можно сразу все или же поштучно, считая снизу вверх. Кассетная система была разработана не сразу. Сначала под руководством Н.А. Доллежала была разработана другая система, которая была проверена в НИИХиммаше лишь на единичном канале. «На практике при использовании подобных разгрузочных механизмов урановые блоки часто застревали, и от этой системы пришлось отказаться. Горьковскому заводу № 92 (директор А.С. Елян) было поручено срочно разработать и изготовить новую систему разгрузки. Главным конструктором системы был назначен Ю.Н. Кошкин. Разработанная так называемая кассетная система была установлена на реактор, она оказалась работоспособной и впоследствии использовалась на всех реакторах подобного типа. Замена системы разгрузки задержала пуск реактора на несколько месяцев» [Создание..., С. 77].

Вода поступала в каналы сверху и отводилась снизу, причем на выходе осуществлялся поканальный контроль расхода воды, ее температуры и радиоактивности. Контролировалась также влажность воздуха, продуваемого через каналы. Опыт показал, что самая большая опасность коррозионного разрушения труб технологических каналов связана с попаданием воды на внешнюю часть трубы, соприкасающуюся с графитовой кладкой. Тогда появляется электрохимическая пара, которая приводит к образованию питтингов и далее течей. ВИАМ совместно с заводами авиационной промышленности создал специальный алюминиевый сплав САВ-1, из которого были изготовлены трехребристые трубы с анодировкой на внутренней и внешней поверхностях. Далее, поскольку уран активно реагирует с водой, то исключалось прямое помещение непокрытых урановых блочков в воду. Встала проблема надежной герметизации урановых блоков. Попадание воды на контакт с ураном приводило к разбуханию блока из-за образования гидридов урана, а далее — к ухудшению теплоотвода и

катастрофическому перегреву всей активной зоны. К решению этой проблемы привлекли до десятка больших коллективов. В результате огромной исследовательской работы была принята разработка ВИАМа: урановый сердечник диаметром 35 мм длиной 100 мм фосфатируется и затем заключается в выштампованный из алюминия высокой чистоты стакан с накладкой луженного снаружи доньшка. Затем следует закатка оболочки на торце и обогрев в пресс-форме, при этом калибруется размер блока. После чего проводится анодирование (сначала его не проводили, что приводило к тяжелейшим авариям, см. далее). Готовый блочок имеет диаметр 37 мм и длину 102,5 мм. Испытания, проведенные летом 1947 г., показали надежность указанных конструкций.

В качестве материала для регулирующих стержней был выбран спеченный карбид бора В₄С. Его достоинствами были: высокая температура плавления 2450°С, коррозионная стойкость в воде, химическая инертность по отношению к алюминиевой оболочке, высокая пористость 10–20%, что обеспечивало радиационную стойкость материала, слабая активированность нейтронами. Все это обеспечивало длительность работы при сохранении высокой нейтроно-поглощающей способности.

Далее, было необходимо заранее учесть опасность распухания урановых блочков и графита из-за облучения в реакторе, т.е. вследствие появления радиационных дефектов. Была учтена возможность распухания урановых блочков по диаметру до 1 мм, а графитовой кладки — до 50 мм по наружному диаметру. В дальнейшем оказалось, что изменения в уране и графите даже большие, чем ожидалось. Урановые блочки распухают из-за накопления в них продуктов ядерного деления. В графите под действием быстрых нейтронов изменяются кристаллическая структура, физические свойства и геометрия, происходит расширение графитовой кладки с искривлением периферийных каналов. К счастью, за 20 лет эксплуатации эти изменения в графите не вышли за пределы запланированных допусков. Исследование длительного влияния сильных полей радиации на материалы кабелей позволило выбрать оптимальные марки и размеры токонесущих проводов и резиновой изоляции.

Изучение проблемы выбора теплоносителя для отвода тепла из реактора показало, что из всех возможных вариантов — воздух, азот, углекислый газ, вода, ртуть — оптимальный вариант для первого реактора — вода. Были проведены опыты по определению температур в графитовых столбах, охлаждаемых водой, рассчитаны температурные поля в графитовой кладке.

Наконец, изучались нестационарности режима тепловых потоков. Коллектив Центрального котлотурбинного института во главе с М.А. Стыриковичем открыл важнейший способ снижения критических тепловых потоков, опасных для системы охлаждения реактора — регулирование частоты и амплитуды пульсаций методом дросселирования на входе. Это резко повысило надежность реактора.

Отдельной крупнейшей проблемой была **радиационная защита персонала**. Расчеты показали, что открытый реактор мощностью 100 тыс. кВт создает такое радиоактивное излучение, при котором человек,

находящийся на расстоянии 100 м, получает смертельную дозу за 2 минуты. При окружении реактора толстым защитным слоем из бетона, чугуна и других материалов наибольшие трудности возникали при защите от отверстий для перезагрузки урана и прокладки трубопроводов. Применялись лабиринтовые уплотнения, изгибы каналов, защитные пробки и т.д. Защита строилась со всех сторон. Над графитовой кладкой был размещен стальной бак высотой 4,5 м, пронизанный трубопроводами. Он был заполнен кварцевым песком в смеси с боратовой рудой (10% бора) для поглощения тепловых нейтронов. Сверху был положен слой в 35 см из чугуна дробы. Предусматривался и слой воды высотой до 2 м. Сбоку располагались стальные баки с водой (толщиной слоя в 1,3 м) с добавкой 5% жидкого стекла в качестве ингибитора коррозии металла. Снаружи размещались слои песка (1 м) и нормального бетона (2 м). Нижняя защита состояла из стали и воды и имела толщину, достаточную для доступа уже сутки спустя после остановки реактора. Хранилище для выгружаемых урановых блочков экранировалось слоями воды толщиной до 5 м, что обеспечивало защиту от гамма-излучения.

Были предусмотрены системы автоматизированные системы дистанционного удаления радиоактивных отходов, очистки газовых выбросов и стоков вод. В различных точках располагались дозиметрические приборы на все виды радиоактивных излучений. Весь персонал был снабжен индивидуальными дозиметрами, создана дозиметрическая служба регулярного контроля. Однако лишь с началом работы реактора «А» стало возможным оценить достаточно полно все источники радиационной опасности и загрязнения.

Главный инженер ядерного реактора

«С мая 1946 года начались подготовительные работы на выбранной правительственной комиссией площадке для атомной новостройки в районе большой череды озер на Южном Урале, — писал В.И. Меркин. — В сентябре, в компании с генералом А.Н. Комаровским и ленинградским проектировщиком А.А. Черниковым, по поручению Курчатова мне довелось участвовать в скромной церемонии закладки создаваемого атомного котла, и я видел, как на небольшой лесистой возвышенности солдаты, энергично орудуя кирками и лопатами, обыденно стали рыть котлован для укрытия в скальном грунте на большой глубине фантастического сооружения из стали и бетона, в котором будет много лет гореть атомный огонь. Так прозаически начиналась первая стройка атомного века в нашей стране.

Летом 1947 г. в Лабораторию № 2 пришло постановление правительства, подписанное Сталиным, о назначениях: И.В. Курчатова — научным руководителем строительства атомного комбината, В.И. Меркина — главным инженером сооружаемого атомного реактора, И.С. Панасюка — научным руководителем по физическим вопросам этого реактора. После этого, — пишет Меркин, — мы с Панасюком поехали на строительство, чтобы с главным инженером комбината Е.А.П. Славским решить вопросы организации опорной базы для подготовки к пуску реактора. Договорились о сооружении рядом с реакторной площадкой

отдельного здания и оснащении его всем необходимым для отладки пусковой аппаратуры и проверки приборов. <...> В первые дни января 1948 года Панасюк и я вместе с большой группой наших сотрудников, которых провожал на вокзале И.В. Курчатов, выехали на строительство нового объекта. В том же поезде в специально выделенных вагонах мы везли многочисленное оборудование и приборы, необходимые для контроля монтажа и пуска реактора. Вскоре на строительство выехал и И.В. Курчатов» [Меркин, 1993].

К концу 1947 г. коробка здания первого промышленного реактора была готова, что позволило приступить к монтажным работам. В газете РНЦ КИ «Курчатовец» публиковались воспоминания В.И. Меркина о проектировании, строительстве и пуске этого реактора. Литературный стиль этих заметок немного менее сухой и формальный, по сравнению с брошюрой того же автора «Создание первых...» [Меркин, 1993]. Приведем отрывки из этих записок.

«Здание с необычными подземными конструкциями из металла и бетона не совсем было закончено, когда приступили к одной из самых ответственных операций — кладке графита. Начинаясь она в марте, еще стояли крепкие морозы и завывали снежные вьюги. Необходимо было очень аккуратно выложить из графитовых блоков с общим весом более 1000 тонн активную зону реактора. В еще не полностью закрытом здании над полостью, образованной металлическими конструкциями реактора, был поставлен шатер, в который подавался нагретый чистый воздух. Этим создавался воздушный шлюз, не допускающий проникновения в огражденную зону холодного воздуха с пылью и грязью из помещения, где с шумом и грохотом велись строительные и сварочные работы. Из шатра теплый сухой воздух через люк поступал в зону кладки, благодаря чему для работающих там удалось создать прекрасные, комфортные условия. Проходить в реакторную зону и проносить графитовые блоки можно было только в белых комбинезонах, без металлических пуговиц, пройдя через охраняемый шатер и затем спустившись по лестнице через люк в верхней защите реактора. <...> По окончании установки ТК в кладку и завершении основного монтажа реактора вновь провели тщательное нейтронное зондирование активной зоны <для поиска участков, аномально поглощающих нейтроны>. Последовало заключение: общий индекс физического качества — на высоком уровне. <...>

Вспоминается случай, когда вмешательство Игоря Васильевича имело судьбоносное значение для стройки. Монтаж реактора в мае планировалось завершить. При подготовке к пуску одна из последних операций заключалась в установке разгрузочных кассет, она считалась очень ответственной, ведь после запуска реактора доступа к ним мы уже не могли иметь. Каждая кассета <...> имела мощные дистанционно управляемые клыки, посредством которых регулировалось положение урановых блоков в канале. <...> В Москве мы проводили комиссионно испытание двух видов кассет. Один был основан на чисто гидравлическом принципе управления, другой — на механическом. <...> безопасными зарекомендовали себя кассеты механические, разработанные в Сороме на пушечном заводе, где директором был А.С. Елян. В отношении

гидравлических имелись весьма существенные сомнения. Но, к сожалению, именно гидравлические кассеты были избраны конструкторами для заказа, и, невзирая на рекомендации представителей научного руководства и других причастных организаций, они были запущены в производство.⁴ В результате в апреле <1948> склады на объекте были завалены гидравлическими кассетами, и полным ходом велась их установка в аппарат. Тогда у меня возникло исключительное беспокойство: строительство приближается к концу, но нет уверенности в механизме перезагрузки. Что же делать? Ни Доллежала, ни Курчатова в то время на площадке не было. И я решил обсудить сложившуюся ситуацию с Игорем Панасюком. Он тоже сильно обеспокоился. С ним мы решили, не откладывая, идти к уполномоченному Совету Министров генералу И.М. Ткаченко⁵ Время было далеко за полночь. Генерал находился в своем кабинете. Мы представились, и он нас принял.

— Иван Максимович, — обратились мы к нему, нам угрожает несчастье, если гидравлические кассеты будут вмонтированы в реактор. Испытания показали: с ними работа без остановок не получится. Давайте позвоним Курчатову. Надо задержать установку кассет.

— Да вы что, с ума сошли! — воскликнул он в ответ.

— А если подумать?..

Игоря Васильевича удалось застать дома. <...> внезапный звонок по ВЧ не рассердил его. Напротив, наша идея сразу же была одобрена. Курчатов сказал, что соединится с нами через полчаса. И позвонил.

— Елян в восторге. Он начнет поставлять кассеты <механические, конкурентного типа> из Сормова через неделю.

Такой молниеносный поворот нас поразил. Месяц, два, три! А тут всего неделя, чтобы кассеты изготовить, еще доставить через полстраны! Но слово Еяна оказалось верным. Без особого шума остановили наладку, вытащили гидравлические кассеты из реактора и полностью заменили их механическими. <...> Серьезность и правильность нашего решения показало время: механические кассеты оказались безотказными. Они успешно прослужили 40 лет не только на первом, но и на всех других реакторах этого типа.

⁴ В.И. Меркин придерживается стиля изложения с умолчаниями. Он не называет тех, кто сконструировал гидравлические кассеты, не объясняет, почему И.В. Курчатов, подозревая их ненадежность, не потребовал их дальнейших испытаний, не наложил запрета на их серийное производство. Из другого источника [Создание..., 1995. С. 77] мы узнаём, что конструктором неудачной кассеты был коллектив Н.А. Доллежала (об этом сказано было выше).

⁵ Такие уполномоченные были на основных объектах и институтах, работавших по атомной проблеме, и имели полномочия наравне с директорами предприятий, они подчинялись непосредственно только Л.П. Берия и постоянно докладывали ему о ходе работ, состоянии кадров и происшествиях.

В первых числах июня была проведена завершающая монтаж работа по пуску охлаждающей воды по всем водоводам. Началась круглосуточная загрузка урановых блочков (около 70 тысяч) в технологические каналы. Эту <...> операцию взяли лично проводить Ванников и Курчатов, возглавившие первую бригаду, куда вошли и руководители объекта. <...> В любой момент могла начаться саморазвивающаяся ядерная реакция. Вот почему Игорь Васильевич установил строгий непрерывный контроль за развитием ядерного процесса в реакторе с самого начала загрузки. В дни пуска на меня как главного инженера и на всех начальников служб реактора легла нелегкая забота о безупречном действии систем управления и аварийной защиты, теплового контроля, дозиметрии, электропитания, подачи и регулирования охлаждающей воды.

Вечером 7 июня <1948> наступил решающий час. Положение командира и главного оператора на пульте управления занял Курчатов. <...> Я и начальник смены, дежурные инженеры не спускали глаз с индикаторов и приборов главного пульта и были готовы при появлении тревожных сигналов срочно ликвидировать неполадки. Поблизости, в пультуовой — высокие начальники: Б.Л. Ванников, Е.П. Славский, Б.Г. Музруков, готовые оказать поддержку и любую помощь. Вот взведены аварийные стрежни. Прекращена полностью подача воды в реактор <...>. Игорь Васильевич, нажимая на кнопку, постепенно извлекает последний запирающий стержень. Панасюк информирует о росте показаний импульсной ионизационной камеры. <...>. Курчатов продолжает выдвигать стержень, пока не получает сигнал о начале экспоненциального разгона нейтронной мощности реактора... Курчатов погасил цепную реакцию в половине первого ночи, когда мощность выросла до 10 кВт, <...> громко сказал: "Физика реактора в порядке <...>. Дальше будет решать уже не только физика, но и техника, технология. Пошли отдыхать"» [Там же].

«Но отдыхать ушли не все. Е.П. Славский, В.И. Меркин, сменные инженеры, техники и рабочие сразу же приступили к подготовке решающей операции — пуска реактора с водой. Эта подготовка заняла около двух суток» [Меркин, 1996. С. 98].

«10 июня Курчатов подал команду приступить к загрузке дополнительного количества урана, но с перерывом после каждой, строго заданной порции блочков. Лишь после загрузки пятой порции урана реактор с водой в каналах достиг критического состояния, когда было извлечено две трети последнего регулирующего стержня. <...> Мощность реактора в этот день была доведена до 1000 кВт. Все приборы и техника нового сложного объекта действовали превосходно. <...> Постепенное повышение мощности продолжалось несколько дней. <...>

17 июня Курчатов делает предостерегающую запись в журнале на центральном пульте: "Предупреждаю, что аппарат без воды оставлять нельзя ни при каких обстоятельствах" <...>. Наконец, наступил долгожданный день. 19 июня в полдень начался разгон реактора с нуля, и 22 июня 1948 года его мощность достигла проектного значения. От начала строительства до этого дня прошло всего один год и 8 месяцев.

Столько же времени заняла разработка и проектирование, считая с весны 1945 года, когда Курчатов дал этому полный ход.

С июля 1948 года началась эксплуатация на полной мощности первого промышленного атомного реактора страны. Его пуск убедительно показал, что процессом извлечения гигантских мощностей можно управлять. А от губительной радиации надежно защищаться. Началась выработка в заводских масштабах ранее неведомого неземного продукта атомного производства, нового ядерного горючего и взрывчатого материала — плутония. Из первых порций этого материала был изготовлен ядерный заряд для первого испытательного взрыва, произведенного, как известно 29 августа 1949 года в районе Семипалатинска» [Меркин, 1993].

В брошюре В.И. Меркина приводятся следующие основные физические характеристики реактора в установившемся рабочем режиме.

При производительности 100 г Pu/сутки тепловая мощность реактора составляет 100 тыс. кВт. На мощность в 1 кВт приходится $3,1 \cdot 10^{13}$ делений/с. Выгорание топлива составляет примерно 1 г ^{235}U на 1000 кВт/сут. Каждый акт деления ^{235}U приводит к образованию немногим менее одного атома ^{239}Pu . Сжигание ^{235}U компенсируется приростом ^{239}Pu . За счет последнего эффективный коэффициент размножения нейтронов не уменьшается при выгорании урана, поскольку сечения деления ^{235}U и ^{239}Pu близкие (у последнего на 20% больше). Оптимальное значение упомянутого коэффициента составляет 1,07. Перед передачей облученных блочков на радиохимический завод «Б» для извлечения плутония их выдерживали в бассейнах выдержки, совмещенных с блоком разгрузки, для того чтобы практически весь нептуний-239, получающийся как промежуточный продукт ядерной реакции от урана к плутонию, распался (его период полураспада 2,3 сут.). Одновременно распадались и короткоживущие радиоактивные осколки деления, так что суммарная радиоактивность урановых блочков снижалась в несколько раз. Постепенно удалось добиться повышения допустимой температуры графита с 335 до 675°C , для чего перешли на азотное дутье, вместо воздушного, с чистотой азота 99, 99%. Тем самым стало возможным в несколько раз повысить мощность реактора и скорость накопления плутония. Б.Л. Ванников, И.В. Курчатов, Е.П. Славский, Н.А. Доллежал, Б.Г. Музруков, В.И. Меркин и другие руководители жили более года в финских домиках вблизи строящегося объекта. Его регулярно посещали Л.П. Берия, А.П. Завенягин, М.Г. Первухин и другие представители Спецкомитета и ПГУ [Создание... С. 81].

Непредвиденные ситуации и аварии

Признавая громадные заслуги В.И. Меркина в создании первого промышленного реактора, следует, на наш взгляд, отметить в значительной степени отчетно-парадный стиль его текстов, с умолчаниями и приглаженным языком. Конечно, они содержательны и компетентны, изобилуют техническими параметрами, сведениями об основных результатах, преисполнены общим духом осознания великого дела, каковым было создание работающего реактора. Но серьезнейшие

неудачи были, их не могло не быть на пути создания совершенно новой научно-технической отрасли, когда не было опыта и аналогов, оставались неизвестными множество физико-технических и химических характеристик опаснейших новых материалов и реакций между ними. В тексте В.И. Меркина указывается на встречавшиеся серьезные трудности, но без углубления в драматические последствия и человеческие трагедии, с затушевыванием словесных оборотов. Так, он пишет о трудностях, тогда как происходили беды и бедствия, аварии с катастрофическими последствиями. В конце концов, по В.И. Меркину, трудности преодолевались, и это — главное. Почти ничего им не говорится о том, какой ценой они преодолевались. Между тем, для истории науки и техники важно всё. И не только по причине необходимости знать для дальнейшего опыта детали того, почему возникали аварии, но и из моральных соображений. Потому что «ядерный щит СССР был создан ценой здоровья и жизни десятков тысяч советских людей. Немало жизней положено в нашей стране и на развитие "мирного атома"», — справедливо констатируется на сайте [Российский...]. Вместе с тем следует учитывать, что В.И. Меркин писал свои воспоминания в начале 1990-х гг., когда далеко не всё еще было рассекречено, не было других публикаций на подобные темы. Срабатывала многолетняя профессиональная привычка молчания вообще и в особенности о неудачах: главное это — великое дело, ради которого «мы за ценой не постоjali». Он и сам повседневно подвергался большой радиационной опасности, наверняка также переоблучался, но не считал нужным это упоминать.

Много откровеннее написано о крупных неудачах и бедах, связанных с пуском и первым этапом работы промышленного реактора, в сборнике [Создание..., 1995].

Первая авария с катастрофическими последствиями для здоровья произошла почти сразу же, 19 июня 1948 г., сутки спустя после пуска реактора. Она была вызвана появлением так называемых «козлов» — забивке технологических каналов и невозможности выемки урановых блочков предусмотренным путем, т.е. снизу, с помощью кассеты.

"Козлы" в ТК и коррозия труб. «Вследствие неправильного срабатывания клапана холостого хода в одном из ТК оказалось затрудненным водоохлаждение. Произошли перегрев, спек урана с графитом. По аварийному сигналу из соответствующей ячейки реактора, поступившему на пульт, решено было реактор остановить. Разрушенные урановые блочки извлекали путем фрезеровки ячеек. Работы велись до 30 июля 1948 г. Но вскоре после нового пуска реактора в нем образовался второй "козел". «Реактор надо было останавливать и, следовательно, прекращать наработку плутония. Однако Б.Л. Ванниковым и И.В. Курчатовым было принято решение ликвидировать "козла" на работающем реакторе, что приводило к загрязнению помещений, переоблучению сменного персонала и бригады ремонтников и неизбежному попаданию воды в кладку. Наличие воды в графитовой кладке при ее контакте с алюминиевыми трубами вызывало их коррозию, и к концу года началась массовая течь каналов. 20 января 1949 г. реактор был остановлен на капитальный ремонт» [Создание..., С. 84].

Столь быстрая и сильная коррозия возникла на контакте алюминий—графит—вода, потому что из-за отсутствия опыта не было проведено анодирование поверхности труб. «Возникла сложнейшая проблема замены каналов и сохранения урановых блоков. Разгрузить урановые блоки через систему разгрузки было возможно. Однако их прохождение вниз по технологическому тракту (канал—шахта разгрузки—кюбель—бассейн выдержки) привело бы к механическим повреждениям оболочек блоков, не допускающим повторную загрузку их в реактор. А запасной загрузки урана в то время не было, так как добыча урана была еще недостаточна. Нужно было сохранить уже частично облученные, но сильно радиоактивные урановые блоки. По предложению А.П. Завенягина была предпринята попытка извлечь разрушенные трубы и, оставив в графитовых трактах урановые блоки, поставить новые анодированные трубы, однако это оказалось невозможным, так как при извлечении разрушенных труб, которые имели для центровки урановых блоков внутренние ребра, центровка столба блоков нарушилась — блоки сместились к стенкам урановых кирпичей. <...> были разработаны приспособления — штанги, позволяющие специальными присосками извлекать урановые блоки из разрушенных труб через верх в центральный зал реактора. Без переоблучения участников извлечения блоков обойтись было нельзя, — утверждает А.К. Круглов, автор статьи в книге «Создание...» [1995. С. 85].

«Надо было делать выбор: либо остановить реактор на длительный период, который по оценке Ю.Б. Харитона мог составить один год, либо спасти урановую загрузку и сократить потери в наработке плутония. Руководством ПГУ и научным руководителем было принято второе решение. Урановые блоки извлекали присосками через верх реактора с привлечением к этой “грязной” операции всего мужского персонала объекта. Было извлечено, как отмечает В.И. Шевченко <директор НИИ-9>, 33 тысячи урановых блоков в течение 34 суток. Урановые блоки должны были затем использоваться для повторной загрузки в новые трубы с анодированным покрытием. Однако замачивание водой всей графитовой кладки, имеющей в работающем реакторе температуру свыше 100°C, требовало ее сушки перед постановкой в активную зону новых ТК (технологических каналов) и загрузкой реактора ураном. <...> После выполнения всех работ по перегрузке реактора 26 марта 1949 г. в 13 ч 30 мин был начат вывод реактора на проектную мощность» [Там же].

Еще более драматическая информация об этой тяжелейшей аварии содержится на «Российском сайте ядерного распространения», в котором сообщается: «В течение полуторамесячной работы переоблучился весь персонал объекта. На такую варварскую и одновременно героическую операцию могли решиться, наверное, только в СССР. Работавший в течение первых двух дней на сортировке блоков И.В. Курчатов получил дозу облучения приблизительно в 250 Р и почти насильно был выведен из зала. По словам Е.П. Славского: "...эта эпопея была чудовищная! Если бы (Курчатов) досидел, пока бы все отсортировал, еще тогда он мог погибнуть!". В тот год около 60% работников реактора

получили дозы от 25 до 100 Р, а более 30%- от 100 до 400 Р. Допустимая доза облучения для ликвидаторов аварии была установлена специальным приказом директора комбината в 25 Р. Уже на четвертый день весь мужской персонал реактора набрал установленную норму облучения. Затем к работам были привлечены солдаты строительных батальонов. Рассматривалось предложение об использовании заключенных, но оно не прошло по режимным соображениям. Людей, даже при такой норме, все равно не хватало, наиболее сознательных рабочих привлекали для работ в реакторном зале дважды и трижды» [Митюнин. Эл. ресурс].

Зависание урановых блоков. «При нарушении оболочки блока вследствие образования продуктов коррозии урана уменьшался зазор уран—труба, сильно снижался расход воды через ТК. Система СРВ (слежения за расходом воды) позволяла в большинстве случаев предупредить зависание блоков в трубе и давала возможность без обрыва трубы специальной пешней пробить столб блоков в шахту разгрузки. Иногда происходили обрывы труб, и урановые блоки оставались без охлаждения в графитовой кладке. Реактор не работал, пока специальным инструментом уран не удаляли из графитовой ячейки. <...> Позднее учеными было установлено, что другой причиной зависания блоков является распухание уранового сердечника под действием нейтронного облучения. <...> Комиссия под руководством И.В. Курчатова, А.П. Александрова, Р.С. Амбарцумяна, В.В. Гончарова, В.И. Меркина и др. поручила ВИАМ (Р.С. Амбарцумян) с привлечением других институтов (НИИ-9, НИИ-13) и завода № 12 усовершенствовать технологию изготовления урановых блоков. Наибольший вклад по обеспечению надежности работы урановых блоков в начальный период эксплуатации промышленного реактора внес Р.А. Амбарцумян» [Создание..., С. 86].

Как рассказал автору заместитель директора Института молекулярной физики РНЦ КИ доктор физ.-мат. наук профессор Ю.В. Гапонов, действительно, в первые полгода у реакторщиков постоянно происходили течи в активной зоне реактора. Неанодированные урановые блочки очень быстро корродировались и распухали. Давили сроки. Первое испытание атомной бомбы правительством (читай: Сталиным) планировалось провести в 1948 году. Но когда стало ясно, что плутония не успеют наработать достаточно, то срок несколько раз переносили перенесли. Ученые и инженеры всё время находились в состоянии сильнейшего стресса, и не всегда он компенсировался трудовым энтузиазмом. Непроведение анодирования блочков первой загрузки было явным просчетом. Очевидно, эта технологическая операция не содержалась и в разведанных, так как Д.Холловэй пишет: «В 1948 г. Фуксу задали вопрос, как изготавливаются стержни из металлического урана, но он не смог помочь» Из доклада Г.Смита, опубликованного в США в 1946 г., Курчатова знал, что проблема оболочки стержней была одной из самых трудных [Холловэй. С. 247].

Распухшие блочки невозможно было выгрузить технологично, через низ реактора, не нарушив их целостности. Спасая ценнейший уран, которого тогда не хватало на вторую загрузку, пришлось вынимать блочки через верх. «И вот у них там всё это поднятое вверх висело

неделями — эти столбики из высокоактивных блочков. Получил ли Курчатов ту дозу, которая указывается выше? Вряд ли столь высокую, но несомненен сам факт, что он был значительно переоблучен, находясь в реакторном зале и лично руководя аварийными операциями. А полученную им дозу никто не знает».

Другие отклонения от нормального технологического режима. Случались заклинивание юбеля с облученными блоками в разгрузочной шахте и попадание в ТК различных деталей. В одну из смен <...> после пробивки зависших блоков в технологический тракт упустили пешню — металлический стержень длиной более 25 метров, что вызвало много непредвиденных работ в тяжелых условиях.

При ликвидации отдельных аварий дозы радиационного воздействия были недопустимо велики. Иногда последствия <...> были трагическими.

Работы по ликвидации последствий зависания блоков обусловили необходимость проведения калибровки графитовых ячеек и даже их рассверловки специально разработанными штангами и фрезами. Требовалось проследить операции в каждой графитовой ячейке, поэтому была введена система ведения истории ТК. <...> Дальнейшая эксплуатация реактора выявила массу недоработок в системах контроля технологического процесса, который непрерывно совершенствовался. Условия работы были приведены в норму только спустя 8—10 лет после начала эксплуатации реактора» [Там же. С. 87].

К 80-летию В.И. Меркина вышел посвященный его юбилею номер ежемесячной газеты [«Курчатовец», апрель 1994]. В передовой статье, подписанной руководством РНЦ КИ Е.П. Велиховым, Н.Н. Пономаревым-Степным, Н.А. Черноплековым и Н.Е. Кухаркиным, говорилось, в частности, следующее.

«Владимир Иосифович! Вы по праву можете гордиться тем, что активно участвовали в создании и пуске первого промышленного реактора и были его главным инженером, а также обеспечили научное руководство Института над созданием, пуском и эксплуатацией одного из последних наших промышленных реакторов. <...> Нельзя не отметить Ваш талант руководителя и наставника, о чем свидетельствует тот факт, что из недр сектора № 6, создателем и начальником которого Вы были на протяжении 20 лет, вышли десятки научных и руководящих работников нашего Центра».

Мина Полянская

Вокруг берлинской мемориальной доски Марине Цветаевой

*Я в Берлине надолго (...). Здесь очень хорошо жить: не город
(тот или иной) – Безымянность – просторы! Можно совсем без людей.
Немногожко как на том свете.*

Марина Цветаева. Письмо Пастернаку 29 июня 1922 года

...жду тем, движущей силой для моих работ о берлинской Цветаевой, и в особенности первой книги «Брак мой тайный...» являлась не любовь к Цветаевой, ибо не всегда любовь становится поводом для создания текста, а чаще всего – Случай, который, как всем известно, может обладать необыкновенной двигательной силой.

Дело в том, что 6 ноября 1996 года в Берлине состоялось открытие мемориальной доски, вернее, дощечки, напоминающей чуть ли не табличку, Марине Ивановне Цветаевой, на фасаде дома, где она прожила два с половиной месяца. Это событие в какой-то степени изменило мою судьбу, стало фактом моей биографии и, надеюсь - литературным фактом.

В книге «Флорентийские ночи в Берлине. Цветаева, лето 1922»¹ я уделила достаточно внимания «приключениям» этой мемориальной доски, однако для тех, кому не довелось прочитать книгу, я все же расскажу о столь важном факте в истории «берлинской» Цветаевой, причем, расскажу с дополнениями, заполнив, таким образом, некоторые белые пятна.

6 ноября 1996 г. позвонил нам писатель Фридрих Горенштейн и сообщил, что профессор-славист Свободного университета Берлина Клаус Дитер Зеэман (ныне уже покойный) пригласил нас на открытие мемориальной доски Марине Цветаевой. Мы, конечно, тотчас с Горенштейном и редакцией «Зеркала Загадок» (Борис Антипов и я, Игорь Полянский, главный редактор, не смог приехать) приехали к бывшему пансиону Элизабет Шмидт. Пансион, который в 20-х гг. облюбовали русские эмигранты, сохранился с прежним адресом и нумерацией:

¹ Мина Полянская. Флорентийские ночи в Берлине. Цветаева, лето 1922. Берлин: Геликон; М.: Голос-пресс, 2009.

Траутенауштрассе 9. Марина Цветаева жила там с дочерью Ариадной (и с приехавшим из Праги на две недели Сергеем Эфроном) летом 1922 г. До неё в том же 1922 г. в «русском доме в Вильмерсдорфе» (так его ещё называли) жил Илья Эренбург, а в 1924 г. незадолго до женитьбы на Вере Слоним в пансионе поселился 25-летний Владимир Набоков.

Марина Цветаева, 1925

На торжественном открытии среди присутствующих, кроме нас, были только немцы (русской публики не было). Доска удивила нас своей чрезмерной скромностью. Сотрудница Свободного университета Берлина Сильке Вабер, по чьей инициативе она была установлена, после её открытия рассказала мне, что 800 марок на латунную «дощечку» собрали студенты, а выступивший на открытии доски бургомистр Врацман отказался дать недостающие 400 марок на открытие бронзовой. В предисловии к моей книге «Брак мой тайный...» Фридрих Горенштейн писал: «Памятную доску Марине Цветаевой также установили не городские власти, а студенты-слависты Берлинского университета, собравшие на эту доску деньги – в складчину. О том, кстати, и облик доски свидетельствует, так же как и у Набокова. Это не тяжёлая, солидная мемориальная доска, а латунная тонкая дощечка, чуть побольше тех, которые вывешивают на дверях квартир с именами проживающих жильцов: «Профессор такой-то», «Зубной врач такой-то». На такие

таблички напрашивается надпись не «жил» или «жила», а «живёт» или «проживает»².

С тех пор, как 6 ноября 1996 г. состоялось это открытие, ушли из жизни многие его свидетели, произошли и метаморфозы с доской. Так, однажды она исчезла. Дом ремонтировался (реставрировался) несколько лет. Я неоднократно приходила «на разведку», чтобы убедиться, в сохранности ли витражи и лестницы, целы ли зеркала в вестибюле, хотя, как догадывается читатель, от меня ничего не зависело – я была лишь пассивным, но весьма заинтересованным наблюдателем. «Бедная» доска вначале упаковывалась, как и всё остальное ценное, а однажды – исчезла.

Берлин, Траугенауштрассе 9, открытие первой мемориальной доски Цветаевой 6 ноября 1996 года. Фридрих Горенштейн (в центре у доски), Борис Антипов, Мина Полянская, профессор Клаус Дитер Зеeman (спиной к нам слева) Фото Сильке Вабер, инициатора создания и установления первой мемориальной доски Цветаевой

Новый дом с новыми жильцами (старые разъехались из-за сильно повышенной квартирной платы) некоторое время простоял без доски, вызывая естественную тревогу: где доска? Тем более что я руководителя строительства предупредила о бесценности её содержания. В начале 2008 г., наконец, возникла новая доска, напоминающая первую, как две капли воды. И с тем же текстом. Воспроизвожу его:

² Горенштейн Ф. Читая книгу Мины Полянской «Брак мой тайный...» // Полянская М. «Брак мой тайный...» Марина Цветаева в Берлине. Берлин: Геликон; М.: Вече, 2001. С. 4.

In diesem Haus wohnte 1922
die russische Dichterin
Marina Zwetaewa (1892-1941)

В этом доме жила
Марина Цветаева
в 1922 г.

Доску установил заново один из руководителей берлинской фракции ХДС, поселившийся в этом доме, Фридберт Флюгер, которого я по счастливой случайности однажды встретила у дома. Он сообщил мне, что предыдущая, якобы, была испорчена во время ремонта и потому пришлось заменить её похожей. Оказалось, что Флюгер не знал ничего о денежном конфликте с первой доской, и я полагаю, что если бы знал, то нашёл бы средства даже и для бронзовой (не исключено, впрочем, что это мои «литературные мечтания»). Так мне показалось - во время нашей беседы. Я подарила Флюгеру экземпляр журнала «Зеркало с загадок» 1997 года со статьёй «История одной мемориальной доски» с параллельным немецким переводом. Мне показалось, что наша встреча смутила Флюгера, поскольку он в конце нашего разговора переменял вдруг свою позицию инициатора создателя доски и заявил, что он к ней почти не причастен, предложил мне визитную карточку и выразил желание увидеть меня на предстоящем вскоре торжественном открытии доски. Одного я не могла понять, и до сих пор не понимаю: зачем доску торжественно снова открывать, причём точно такую же, если она уже открывалась?

Между тем, повторное открытие латунной «дощечки» всё же состоялось 17 июля 2008 г., но создательница первой доски Сильке Вабер не была приглашена, а ко мне приглашение пришло вечером (тем же вечером!) после открытия, - от одной местной русской «цветаеведки» (существуют бессмертные «цветаевки»-активистки, которые творчества поэта не исследуют, книг не пишут, однако всех консультируют, а заодно и вводят таких, как Флюгер, доверчивых людей, в заблуждение

страстными, а чаще истеричными речами о Цветаевой). Мне рассказали, что на открытии Флюгер, в отличие Врацмана, держался в стороне от торжества, не проявлял активности и инициативы, т. е. во избежание курьёзов проявил благоразумную осторожность (судя по всему, статью в «Зеркале Загадок», где говорилось о Врацмане, и упоминался скупой гамельнский бургомистр из поэмы Цветаевой «Крысолов», он прочитал).

Фасад дома Траутенауштрассе 9 бывшего пансиона Элизабет Шмидт, где летом 1922 года жила Марина Цветаева.

Фото 2008 года Бориса Антипова

Таким образом, если бы не моя случайная частная беседа в 1996 году с Сильке Вабер, ныне живущей в провинции и к литературе отношения не имеющей, которую я вынесла на поверхность, быльём поросло бы первое открытие, заслонённое торжественным открытием второй латунной доски спустя 11 лет.

А поскольку Горенштейн умер в 2002 году, то летописцем этого события для русского читателя осталась только я. Я известила Германию об открытии доски в нашем журнале «Зеркало Загадок»³, заключив: «Благодарим берлинцев за уважение и память. Русский культурный ренессанс начала двадцатого века в лице Марины Цветаевой отмечен впервые доской. Это особенно важно и потому, что до сих пор не известно, где находится могила Цветаевой».⁴ В 2000 году я рассказала о

³Полянская М., Чернова Т. История одной мемориальной доски. Берлин: Зеркало Загадок, №6, 1997, С. 33-36.

⁴ Там же. С 36.

доске в «Браке моём тайном...», а в 2004 в книге о Горенштейне «Я – писатель незаконный...»⁵. Тем не менее, это бесспорное событие, стремительно уходящее в прошлое, обрастает мифами, как корабельное днище ракушками, прежде чем превратиться в достойные истории, не всегда, увы, соответствующей исторической истине.

Одно время ко мне стала наведываться немецкая славистка-цветаевед Мария Луиза Бот, которой я, по её просьбе, рассказала всё, что известно мне было о первом событии, после чего исследовательница сделала себя первоисточником информации о доске 1996 года и в публикациях, и на цветаевских симпозиумах. В конце лета 2012 года в Елабуге состоялась фотовыставка с участием Марии Луизы Бот с берлинскими адресами Цветаевой, Белого без ссылок на мои книги о Цветаевой и Белом⁶.

Эта Мария Луиза Бот, отчаянная дама, пламенная любительница досок, совершила похищение на Монпарнасском кладбище в Париже мемориальной доски с могилы (якобы подлежащей уничтожению) родителей Сергея Эфрона, созданной по инициативе Марины Цветаевой в 1938 году перед её отъездом в Россию, и привезла *кладбищенскую* реликвию - без документов - коллективу московского музея Цветаевой (явно смутившемуся таким несколько отдающим некрофильством поступком), уничтожив безвозвратно последние следы еще одной могилы семьи Цветаевых – Эфронов. Напомню читателям, что сохранилась могила только одного из членов трагической семьи в Тарусе – Ариадны Сергеевны Эфрон, дочери Марины Цветаевой и Сергея Эфрона. Такие вот страсти кипят еще сегодня вокруг Марины Ивановны Цветаевой.

Я позволю себе еще одно отступление досках. Осмелюсь даже и «планировать доски» (или одну доску на всех) в будущем, посвященные ещё и Эренбургу, и Набокову. И поскольку у Цветаевой летом 1922 г. часто бывал Андрей Белый, предлагаю ещё одну доску с приблизительной надписью: «В этом доме в 1922 году часто бывал выдающийся русский писатель и поэт Андрей Белый».

Кроме того, летом 1922 года сюда – к Цветаевой – прибывали письма (первое письмо пришло 17 июня!) Пастернака и таким образом «зачинался» знаменитый страстный почтовый роман, ставший литературным фактом. Как видим, дому как литературному памятнику цены нет.

Вначале 90-х, когда в подъезд еще можно было входить без препятствий, мне посчастливилось видеть подлинные старые, потертые перила и пилястры, венецианские зеркала, установленные в начале 20-го века, а также витражи со львами, которыми любовалась Цветаева и в особенности ее дочь Ариадна. Все это убранство дома после ремонта приобрело нарядность и блеск, которых не могло быть в 20-х г.г. у

⁵ М. Полянская. «Я – писатель незаконный...». Записки и размышления о судьбе и творчестве Фридриха Горенштейна. New York: Слово/ Word, 2003.

⁶// Полянская М. Foxtrot белого рыцаря. Андрей Белый в Берлине. СПб.: Деметра, 2009.

домовладелицы Элизабет Шмидт, сдававшей жилье эмигрантам, вдовы, потерявшей мужа в Первой мировой войне. Тип, доведенный до типизации (стандартизации даже) бережливой до мелочности квартирной хозяйки, не голодавшей только благодаря тому, что сдавала меблированные, а на самом деле полупустые, почти без мебели (кровать, тумбочка - были) комнаты эмигрантам, с откровенной неприязнью, если не сказать больше, описан во многих берлинских романах Владимира Набокова и рассказах Алексея Толстого.

Между тем, после реставрации квартиры в этом доме куплены частными высокопоставленными лицами.

И на сегодняшний день ситуация такова: появление русского эмигранта возле дома для владельцев квартир, подобно грязному пятну на только что вычищенном или отполированном серебре, о чем эти жители, к сожалению, высказываются. Владельцы даже и внешне выглядят жителями некоего другого, параллельного и абсолютно нелитературного мира. Таково мое внутреннее ощущение, впрочем, я могу и ошибаться. Одного из них, обладателя белого кителя с замысловатыми нашивками на рукавах не то администратора, не то морского офицера, а скорее всего, обладателя клубного пиджака... Да, это был пиджак некоего закрытого клуба, на который я смотрела с изумлением, ибо никогда ничего подобного не видела, но отчего-то вспомнила рассказ «Странные шаги» Честертона о закрытом клубе «Двенадцать верных рыболовов», в котором писатель обнаружил, что вечерний пиджак джентльмена не отличается от пиджака лакея.

Так вот: удалось господина в белом пиджаке уговорить впустить нас в подъезд, меня и цветаеведа из Нью-Йорка Марину Кацеву, возможно потому, что я показала ему свою книгу о Цветаевой – она яркая, синенькая, с большим портретом Марины, и может привлечь внимание из-за внешнего вида. Господин в белом смотрел на нас с изумлением насмешливым – надо же, какие страсти по поэту, не важно - какому, ох, уж эти русские. Я для солидности добавила, что одно время здесь жил автор «Лолиты» (берлинские романы было бы бесполезно назвать – знаю уже по опыту). Господин улыбнулся напряженно, и мне показалось, что в следующий раз «прорваться» в подъезд вряд ли удастся, поскольку не следовало произносить имя Набокова (и тем более, название знаменитого фильма), ибо оно, имя это, может вызвать еще большее паломничество русских, а, следовательно, принести еще большие неудобства.

А Цветаева, как известно, жила здесь в бедности. И Набоков - тоже. Такова ирония судьбы русских изгнанников-поэтов, некогда более благополучных, чем господин в кителе. Да, как поется в опере Чайковского, сегодня ты, а завтра я. Пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу. Не спорю с этим утверждением, поскольку это все равно, что спорить с расположением звезд на небесах.

Но я опасюсь вот чего: а вдруг в один прекрасный день доска опять исчезнет – на этот раз навсегда?

Кажется, что во время бомбардировок Берлина в 1945 году, прицельный огонь велся именно по «стратегическим объектам» русской культуры. Не существуют кафе «Прагедилле», «Леон», «Флора Дилле»,

где русские писатели устраивали литературные вечера, спорили о возможности творить вне России, и Цветаева, Ходасевич и Ремизов уверяли, что поэзия живет там, где живет поэт, спорили также об особой исторической миссии России, «умом Россию не понять», опять же о «загнивающем Западе». Война беспощадно стерла все следы, и нигде было бы установить мемориальную доску.

...Траугенауштрассе по-прежнему тихая, невозмутимая улица. «И ни морщины на челе», как сказал бы Фёдор Тютчев, и почему-то и сегодня, когда увидишь – в который раз - улицу испытываешь то, о чём написала Ариадна Эфрон: мимолетность *транзитности* окружающего, приостановившуюся, которая и позволяет рассматривать улицу отвлеченно и независимо, без боли любования и отрицания.

Марина Цветаева в деревенском синем платье крестьянского стиля «бауэрнкляйд», купленном в Берлине (в этом платье она проходила все 11 недель в Берлине) с дочерью Алей (Ариадной Сергеевной Эфрон)

Будто бы она не моя, чужая улица, что собственно соответствует истине. Дверь плотно закрыта, в подъезд не войти, как бывало раньше. И всё же можно заглянуть в дверное стекло в надежде окунуться в незримый мир прошлого, обнаружив чудо. Подъезд, украшенный зеркалами венецианского стекла, подъём по деревянной крутой лестнице с резными перилами. Белый берлинский свет, уже тускнеющий, наполняется цветами – оживают орнаменты витражей на окнах лестничных площадок. На стекле становятся зримыми обнаженная купальщица, и бирюзовая ваза с золотыми цветами, и фантастические львы, и диковинные растения.

Может быть, жизненный путь поэта и есть нескончаемый подъём по лестнице витражей, когда театр цветных романтических полутеней – гётевские, гелдерлиновские, клейстовские образы – завораживающие «schwankende Gestalten» – вытесняют явь. Последней ступеньки никогда не будет.

В Париже, по-настоящему осознав сущность своего берлинского пребывания, Марина Ивановна скажет, что ей, оказывается, в немецкой столице было хорошо, ибо встретили как поэта. А потом наступят времена, когда её не будут публиковать в Париже, а что касается предвоенной Москвы, куда Цветаева вернётся, то об этом трагическом (страшном!) периоде убедительно рассказано в одной из лучших книг о Цветаевой «Скрещение судеб» Марией Иосифовной Белкиной, свидетельницей событий (поисков следов пропавших мужа и дочери, а также поисков жилья и хлеба)⁷. В Москве надо было выжить физически, и было – не до стихов.

«Неполюбленный Берлин», как называет его Ариадна Сергеевна, в этот «транзитный» период оказался для Марины Ивановны плодотворной «болдинской осенью».

Цветаева подготовила к изданию сборники «Психея» и «Ремесло» и второе издание поэмы «Царь-девица», которые были напечатаны в Берлине в 1922-1923 гг. (Сборники «Разлука» и «Стихи к Блоку» были опубликованы в Берлине весной 1922 г.). Кроме того, написано около 30 стихотворений, рассказ в эпистолярной форме «Флорентийские ночи», а также эссе «Световой ливень», напечатанное опять же в Берлине летом 1922 г.

Цветаева посвятила Берлину стихотворение с названием «Берлину»:

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень.
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта – как рукоплесканье.

Поздравствовалося – и слилось
В оставленности златозарной,
Над сказочнейшими из сиротств
Вы смилоствивились, казармы⁸.

Берлинский дождь, казалось, убаюкивал боль пережитых лишений, однако город-казарма предоставил приют сказочнейшим сиротам. Сироты, золотоголовые сироты, сопровождаемые, как правило, злобными мачехами, чаще всего в немецких сказках братьев Гримм и других сказочников, - жертвы мачех, замышляющих нечто коварное, страшное. А послевоенный Берлин (проигравший войну) ничего не

⁷ Белкина М. Скрещение судеб. М.: Эллис Лак, 2008.

⁸ Цветаева М. Берлину // Цветаева М. Сочинения: В 2 т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 1. С. 197.

замышлял – это было очевидно. И Цветаева, так же как и Ходасевич, была благодарна «мачехе российских городов», пригревшей бездомных сирот. Марина, конечно, учуяла – казармы. С одной стороны, а с другой стороны, казармы, которые смилостивились. «Смилостивились ли, - вопрошает Ариадна Эфрон. – Да, пожалуй; спасибо казармам, когда, не снизойдя до того, чтобы заметить тебя, они тем самым предоставляют тебе возможность *пройти мимо*. Город – всегда взаимность. Первая стихотворная строка в Берлине была:

Под булыжниками, под колёсами.

Последнее берлинское четверостишие:

До убедительности, до
Убийственности - просто
Две птицы вили мне гнездо:
Истина – и Сиротство⁹.

Июльскими вечерами Марина возвращалась домой на Траутенауштрассе в своём «берлинском» синем платье – она купила себе платье синего цвета немецкого крестьянского стиля «бауэрнклийд», которое очень ей шло. Образ Марины в синем платье записан в её «Пленном духе». Именно так, по свидетельству Цветаевой, воспринимал её Андрей Белый: «Мне так хочется завидеть вас издали синей точкой на белом шоссе – так хорошо, что вы носите синее, какая в этом благодать! – сначала точкой синей, потом тенью синей, такой же синей, как ваша собственная, вашей тенью, длинной утренней тенью, вставшей с земли и на меня идущей... Знаете, синяя тень, наполненная небесной лазурью»¹⁰.

Меж тем, виденье, уму непостижимое, ожидает нас за углом – это дом, построенный в начале 20 века, над каждым его подъездом барельеф, а над одним из них - цветаевский лик. Слепок Марины. Это и в самом деле она - до неправдоподобности. Марине здесь – лет шестнадцать, с узнаваемой нами той самой короткой стрижкой с чёлкой принца, скорее, это лицо пажа на ватиканской фреске «La Messa di Bolsena», ещё сохранилась юношеская округлость щёк, от которой нужно избавиться (и она избавится от нее!), ибо негоже Поэту иметь какие бы то ни было несерьёзные округлости. Марина сделалась худенькой и стройной раз и навсегда.

Борхесовский сюжет: облик Поэта слеплен был неким скульптором, задолго до того, как Поэт здесь физически появился, натурализовался, как бы ожидая его, ибо Вечный Текст Поэта лежал в Универсуме, также ожидая его. Я обнаружила этот барельеф не сама.

⁹ Ариадна Эфрон. Страницы воспоминаний // Воспоминания о Марине Цветаевой / Сост. Л. Мнухин, Л. Турчинский. М.: Советский писатель, 1992. С. 208.

¹⁰ Цветаева М. Сочинения: В 2 т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 2. С. 267.

Осенью 2012 в Берлин из Бостона приехала цветаевед Марина Кацева и случайно (?) набрела на барельеф, а затем, потрясённая, мне его показала. Судьбе необходимы варианты, переключки, воспроизведения, дабы история повторилась. Это событие, увиденный мною - слепок лица Марины Цветаевой, ещё не освещено в исторических документах. Я впервые сообщаю об этом.

Только вот в чём вопрос: видел ли Поэт летом двадцать второго года свой скульптурный портрет, или же не заметил, прошёл мимо?

Виктор Каган

Музыка детства

*Я дал бы детям крылья, но оставил бы ребёнка
в покое чтобы летать он научился сам.*

Габриэль Г. Маркес

*Настоящее детство и то, что потом помнят,
реконструируют и исследуют взрослые, –
принципиально разные вещи. ...*

*Все тщательно выстроенные отношения взрослых с
детством – это культура освобождения и забвения.*

Ольга Балла

*Детство – чужая страна: говоря на одном и том же
языке, родители и дети нередко совершенно не
понимают друг друга.*

Бел Кауфман

детству во всей его многогранности посвящена практически необозримая литература – только список авторов потребовал бы объёма много большего, чем этот очерк, так что он ни в коей мере не обобщение проблем детства с выведением неких якобы универсальных закономерностей, а лишь попытка взглянуть на детство с точки зрения собственного профессионального и человеческого опыта, попытка припоминания.

От нескольких слов в год к 3000 слов в пять лет – т.е., к половине активного словарного запаса взрослого. Не столько благодаря нашему обучению, сколько обучаясь сам и решая при этом две совершенно разные задачи: встречая новые слова, находить в жизни то, что ими обозначается (Что это значит?), с одной стороны, и находить слова для обозначения того, с чем он сталкивается в жизни (Как это называется?), с другой. Он ничего не знает о проблеме означающего и означаемого, лингвистике, семиотике, теориях Р.Барта, Ж.Лакана, Ф. де Соссюра и других умных вещах, но прекрасно справляется с этими задачами. Сам справляется.

Принято считать, что половину пути умственного развития ребенок одолевает за первые пять лет жизни, потом в школьные годы – ещё 30%, а оставшиеся 20% приходятся на взрослый возраст. Цифры тут на аптекарскую точность не претендуют, но цифровая метафора сама по себе интересна – особенно, если её сопоставить с этапами развития мышления по Жану Пиаже¹

Сенсомоторный интеллект (от 0 до 2 лет), развивающийся как связь ощущений и действий;

Дооперациональная стадия (2-7 лет). Освоение речи, в которой словом объединяются и существенные, и поверхностные/внешние признаки.

Стадия конкретных операций (7-11 лет). Осваивается логическое мышление, развивается способность определять и классифицировать, но все это в поле конкретности и наглядности.

Стадия формальных операций (от 12 лет). Развитие оперирования абстрактными понятиями, понимания переносных смыслов и метафор, связывания настоящего и будущего (до этого сознательные усилия сегодня во имя будущего невозможны и уговоры типа: «Если хочешь стать Спайдерменом, кушай кашку» действуют только как разовые средства), способности воспринимать других людей как личности и соотносить свое поведение с их взглядами и ценностями. Переход к этой стадии знаменует переход ко взрослому мышлению, но происходит это далеко не у всех и мышление примерно половины взрослых соответствует третьей стадии.

Итак, половину пути умственного развития ребёнок проходит на первых двух стадиях по Пиаже. С присущим этим стадиям синкретическим мышлением совпадает то, что в последние 20-30 лет называют детским философствованием. Родителями и воспитателями оно обычно воспринимается как детскость (мол, маленький ещё – не понимает, но ничего, вырастет, поумнеет – пройдёт). Философы, физики, математики находят в нем немало новых идей. Описание его не входит сейчас в мои задачи, но примером могут быть «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, столь же хорошо понимаемые детьми, сколь плохо – взрослыми. И не ради красного словца в образах творческих людей часто подчёркивается присутствие чего-то детского. Очень трудно быть взрослым человеком и видеть мир детскими глазами. Развивающееся сознание стремится упростить картину мира, совместить ее с реальностью, уложить в достаточно простую и понятную схему. На помощь приходит так наз. инфантильное забывание – оно уведит первые несколько лет с присущим им мышлением в неосознаваемое, проявляющееся в отрывочных воспоминаниях, сновидениях, творческих актах, невротических переживаниях.

Если говорить о развитии личности, то кажется, что началом его служит появления в речи «Я». Однако, нельзя не согласиться с Эриком Эриксоном², рассматривающим развитие личности, начиная с рождения. Он выделил восемь стадий, на каждой из которых решается определённый конфликт развития, в зависимости от разрешения которого формируется та или иная личностная тенденция. Если присущий стадии конфликт остается неразрешённым, он будет продолжать решаться на следующих стадиях, затрудняя их прохождение, а исход разрешения конфликта будет сказываться на последующих стадиях. В таблице приводятся описания относящихся к детству первых пяти стадий из описанных Эриксоном восьми.

Возраст	Психосоциальная стадия	Предмет конфликта развития	Социальные условия	Психосоциальный исход
От рождения до года	Орально-сенсорная	Доверие к миру	Поддержка, удовлетворение основных потребностей, преемственность vs. Отсутствие поддержки, депривация, непоследовательность	Доверие Недоверие
От 2-х до 3-х лет	Мышечно-анальная	Управление своим поведением	Разумная дозволенность, поддержка vs. Гиперопека, отсутствие поддержки и доверия	Автономия Зависимость
От 4-х до 5-ти лет	Локомоторно-генитальная	Независимость от родителей и исследование своих возможностей	Поощрение активности, наличие возможностей vs. Отсутствие возможностей, неодобрение активности	Инициатива Чувство вины
От 6-ти до 11-ти лет	Латентная	Умения выживания и приспособления к миру	Систематическое обучение и воспитание, наличие хороших примеров для подражания и поддержки vs. Плохое обучение, отсутствие	Трудолюбие Чувство неполноценности

			руководства	
От 12-ти до 18-ти лет	Отрочество и юность	Самоопределение, формирование убеждений, взглядов, позиций	Внутренняя устойчивость и преемственность, наличие чётко определённых половых моделей для подражания и положительная обратная связь vs. Неясность цели, нечёткая обратная связь, неопределённые ожидания	Идентичность Смешение ролей

Пожалуй, наиболее ярко проявляют себя 2-я и по содержанию близкая к ней 5-я стадии. С появлением Я ребёнок вступает в так наз. кризис трёхлетних, проявляющийся дуэтом реакций упрямства (настояний на том, что – вспомним Жеглова из «Место встречи изменить нельзя» – «Я сказал») и негативизма (отвергания предложенного другими – как сказал один мальчик: «И не я, и не кашу, и не есть, и не буду»).

Приятели когда-то попросили меня посмотреть их 3-хлетнюю дочку. Дело было зимой и, когда они уходили, мать присела у вешалки надеть сапоги. Девочка села рядом и начала натягивать на ноги свои валеночки, но мать подхватила её на руки и принялась обувать. Девочка расплакалась, мать её подшлепнула и накричала – через минуту уже всюю бушевал скандал. Всего-то, что девочка хотела, это как мама и сама – тут бы только радоваться. Передо мной была точно разыграна причина того, по поводу чего они обратились. Девочку лечить было не от чего, после проработки с родителями их отношений с ней и к проявлениям её развития «симптомы» постепенно сошли на нет.

Победить ребенка в войне с этими реакциями очень трудно, но, если взрослым всё-таки удаётся сломать их о колено, победа обернётся Пирровой – зависимостью, подчиняемостью, социальной податливостью, существованием в тени силы и власти. Любой взрослый может тогда оказаться непререкаемым авторитетом – связанные с этим риски достаточно понятны, чтобы не живописать их. Потом что-то похожее происходит в подростковом возрасте, когда ребёнок осваивает происходящие с ним изменения, начинает ориентироваться больше на мнения сверстников, чем родителей, испытывает своё взрослеющее Я, хочет признания права на самостоятельность, хотя быть самостоятельным ещё побаивается. «Я не успеваю как следует привыкнуть к себе за день, а на завтра просыпаюсь опять совсем другая, и снова привыкаю к себе другой, и опять...» (девочка 13-ти лет).

Рассказывают родители 14-летней девочки... За ужином дочь говорит, что у подружки родители уезжают отдыхать на неделю: «Счастливая – они с сестрой будут сами». Отец – жене, толкнув её ногой под стол: «А кстати, мне предложили хорошие путевки на пару недель. Мы уже сколько не отдыхали. Поедем?» Девочка возмущённо: «Вы что – с ума сошли?! А как же я тут сама?» Если конфликт второй стадии так и не разрешён, теперь это может взорваться бунтом раба, срывом с цепи, а зависимость обернуться пленом у заслонивших родительскую семью новых авторитетов.

В идеале – если на всех стадиях условия развития были оптимальны – во взрослый возраст должна выйти способная доверять себе и миру, самостоятельная, инициативная, трудолюбивая, со сформированными идентичностью и системой ценностей личность. В обратном варианте – личность невротизированная: недоверчиво-подозрительная в отношении к себе и другим, несамостоятельная, безынициативная, ленивая, с внутренне-противоречивой идентичностью и недосформированной или деформированной системой ценностей. Трудно не заметить, что Эриксон описывает механизмы формирования характера личности на разных этапах развития, но не собственно личность как культурно-психологический феномен. Содержания личности остаются за пределами его рассмотрения. Идеально-положительный итог развития во взрослость был равно желателен для III-го Рейха, советской системы, Китая времён культурной революции и вполне демократических стран. При всём интересе таких вещей для социологии и этнологии детства это сейчас не моя тема. Здесь мне хотелось бы лишь подчеркнуть, что, безусловно, продуктивные и полезные для построения образования и технологий обучения и воспитания теории развития интеллекта, мышления, способностей, характера личности и др. не затрагивают мир переживаний ребёнка, а если и учитывают его, то лишь в контексте утилитарной целесообразности. Меня же интересует экзистенция детства.

Говоря об экзистенции, я имею в виду не только и, может быть, даже не столько экзистенциальную философию, обращённую к смыслу жизни и способам бытия, сколько и прежде всего экзистенциальные психологию и психотерапию с их отношением к человеку как бытию, пониманием «человека-в-его-мире», вниманием к свободе как выбору и ответственности и сопряжённым с этим тревогой и чувством вины. Это, строго говоря, феноменологический подход и феномены в нём – не те или иные отражённые в теориях медико-биологические и социальные характеристики, а живые переживания жизни и себя в ней здесь-и-сейчас.

Кажется, что открытие основных данностей существования – смерти, свободы, изоляции и бессмысленности, достигаемое методом глубокой личностной рефлексии и предполагающее глубокое размышление «о своей ситуации в мире, о своём бытии, границах и возможностях»³, ребёнку недоступно. Не потому ли экзистенция детства гораздо лучше отражена в художественной литературе (исключая, естественно, папку адресованного детям назидательного морализаторства), чем в психологической? И.Млодик⁴, говоря о ней, выделяет генеральную данность – само детство: «наблюдая за миром

взрослых, я изумляюсь тому, как настойчиво и эффективно временами взрослый мир намеревается лишить ребёнка этой данности. Как зачем-то даже из самого маленького ребёнка взрослые пытаются как можно быстрее сделать взрослого человека: нагрузить его взрослой ответственностью, лишить радости, обуздать восприятие, взять под контроль его развитие, лишить его спонтанности самовыражения и обусловить его внутреннюю и внешнюю жизнь ожиданиями взрослой среды». Входящие в данность детства «данности детского мира, как и экзистенциальные данности взрослого мира дихотомичны – ребёнок, как и взрослый, находится в постоянном разрешении внутренних противоречий:

- между наличием у него детства и неудержимым стремлением к взрослости, часто поддерживаемым взрослым миром;

- между сладкой психологической зависимостью и стремлением к болезненной независимости;

- между постоянными изменениями и стремлением к стабильности,

- между желанием быть защищённым взрослыми и столкновением с небезопасностью, нарушением границ, насилием и необходимостью выстаивать в этом;

- между ограничением собственных возможностей и верой в волшебное».

Думаю однако, что речь здесь идёт не об особых детских экзистенциальных данностях, а о тех специфических условиях детства, в которых рождается первый опыт встреч с выделенными И.Яломом данностями. Это хорошо видно по описанным Н.М. Нургалевой⁵ и в дополненном виде приводимым в таблице распространённым родительским директивам с кроющимися в них экзистенциальными посланиями и рисками:

Директивы	Послания	Причины	Последствия для ребёнка
Что ты ведёшь себя, как маленький? Скорее бы ты уже стал большим.	Быть взрослым хорошо, ребёнком – плохо. Не будь ребёнком.	Взрослым легче равнять ребёнка по своим меркам, чем вникать в его чувства и переживания.	Принятие на себя слишком большой ответственности; трудности отношений со своими детьми.
Глаза бы мои тебя не видели. Сколько тревог ты мне принёс. Мне не нужен такой плохой мальчик. Отдам	Не живи.	Виноватым ребёнком легче управлять.	Чувство вины, «Лучше бы меня не было». Чувство изоляции, одиночества. Страх смерти.

(медведю, Бабе-Яге, милиционеру. Возьму себе другого.			
Не умничай. Делай, что говорят.	Не думай.	Авторитарность, манипулирование ребёнком.	Недоверие к своим умственным способностям, опустошённость сознания.
Как тебе не стыдно бояться собаки? Как ты можешь злиться на папу?	Не чувствуй.	Защита от собственных эмоций.	Разрушение внутренней гармонии личности. Трудности проявления и выражения эмоций.
У тебя ничего не получится. Руки-крюки. Вечно у тебя всё наперекосяк.	Не будь успешным.	Скрытая зависть к успешности.	Ощущение незаслуженности успеха (случайно получилось, просто повезло).
Всегда тебе больше всех надо. Не высовывайся!	Не будь собой.	Заниженная самооценка, страх, что ребёнку будут завидовать, не любить или преследовать его.	Снижение самооценки, нивелирование себя.

Детство живёт – по крайней мере, начинает жить – в целостной данности существования, не дробя её на отдельные данности, не задаваясь вопросом о смысле жизни, которая сама и есть смысл. Путь ребёнка пролегает по лезвию Оккама в мир взрослого умножения сущностей, где возникают в числе прочих и экзистенциальные философия, психология, психотерапия. В уникальной целостности детства буберовские⁶ «страх Божий» и «любовь», диалоги «Я – Ты» и «Я – Оно», равно как счастье и ужас существования, бытийное и событийное нераздельны и неразделимы. Их разделяют, раскалывая эту целостность, травмы жизненных ситуаций, резонирующие с актуальными кризисами существования и их переживанием. Индивидуальная история этой фрагментации и есть история экзистенциального взросления. Парадоксальная закономерность и закономерный парадокс заключаются в том, что детство – сама экзистенция, тоска по которой собственно и составляет содержание экзистенциальной философии – ещё не может выразить самоё себя, а

взрослость с её изощрённым арсеналом средств выражения уже не обладает в желанной мере тем, что пытается выразить.

Эта парадоксальность в известной мере снимается, как только мы принимаем во внимание разницу путей выражения. Детство восходит от выражения экзистенции через переживание (про-живание, переживание и переживание – по Ф.Е. Василюку⁷) и поступок к выражению через речь, а взрослость совершает восхождение в обратном направлении. Ребёнку ещё трудно найти слова для выражения переживания, тогда как взрослому трудно пробить стену словесных штампов на пути к переживанию. Такой подход кажется противоречащим многим представлениям о психологии поступка⁸ предполагающим «сознательность субъекта» как необходимое условие выбора собственного пути, только в контексте которого действие может вырастать до поступка. Но достаточно отойти от взрослостцентричности и увидеть сознательность не как «объективный результат» развития, а как усилие осознания, достаточно увидеть глубину и напряжённость переживания и осознания даже в кажущихся взрослым обыденными или мелкими ситуациях, чтобы принять поступок как главное средство выражения экзистенции детства и перестать отказывать ребёнку в праве быть личностью, навязывая ему вербализацию как обязательный и единственный способ выражения себя и своих отношений с миром.

Это в полной мере относится к экзистенциальной терапии, казалось бы, неприложимой к детству: «Основная цель экзистенциальной терапии – помочь человеку лучше разобраться в своей жизни, лучше понять предоставляемые ею возможности и границы этих возможностей. ... всё внимание сосредоточено на понимании процесса конкретной жизни, ... её ... противоречий и парадоксов. Если человек видит реальность не искажённой, он избавляется от иллюзий и самообмана, отчётливее видит своё призвание и свои цели в жизни, видит смысл в повседневных заботах, находит в себе мужество быть свободным и ответственным за эту свободу. <...> она больше похожа не на психологический анализ личности, а на философское исследование жизни человека»⁹. Однако обращение к детскому философствованию, показывает, что оно и есть философское исследование жизни, выходящее далеко за рамки ограничений взрослых представлений о философии и выражающее себя не декларациями, а бытием, в котором видение реальности и есть сама реальность. «Никогда человек не бывает так серьёзен, как в детстве, – особенно в самом раннем, до слова. Никогда потом – может быть, разве что в самой глубокой старости – он не бывает так близок к корням бытия. В этом невозможно жить долго, от этого – чтобы быть самим собой – надо уходить, защищаться. Взрослея, человек поступает именно так»¹⁰

Достаточно взглянуть на детство без взрослой ностальгической предвзятости, чтобы увидеть его драматическую, а часто и трагическую напряжённость, услышать голоса кристаллизующихся данностей существования, усиленные тем, что ребёнок, в отличие от живущего в уже так или иначе освоенном мире взрослого, со всем – буквально и безо всяких исключений со всем! – встречается впервые. Это могло бы

казаться не стоящей внимания банальностью, если бы взрослые представляли истинное место новизны и её эмоциональную нагруженность в жизни ребёнка. Женщина, усыновившая 6-летнего мальчика, рассказывает: *«Месяца полтора он ходил по дому и спрашивал о самых обыденных вещах: а что это, для чего и что с этим делать? Душу щемило. Но в осадок я выпала, когда он помогал мне разбирать купленные продукты и я попросила его передать мне буханку хлеба, лежащую перед ним, а он, несколько раз осмотрев всё, уставился на меня растерянно и виновато. Я с ужасом поняла, что он видел хлеб только уже нарезанным и не мог узнать его в буханке».* Даже в самой благополучной жизни нагрузка новизной и связанными с ней стрессами у ребёнка на порядок больше, чем у взрослого, уже потому, что для него **всё** ново.

Типовые возражения сводятся к тому, что психические/психологические особенности детства и жизнь под зонтиком заботы взрослых защищают ребёнка от стресса – смена места жительства («переезд равен пожару») становится увлекательным приключением, а смерть любимой бабушки – вспомним «От трёх до пяти» К. Чуковского – радостью предвкушаемой возможностью крутить её швейную машинку сколько душе угодно. Но разве в самом содержании этих возражений не звучит и голос цензуры взрослого сознания? Но разве не застывают дети в ужасе перед тем, что взрослым кажется безобидным или приятным? Перед кем из взрослых не открывались бы драмы и трагедии, разыгрывающиеся в душе ребёнка? Но не закрываем ли мы глаза из страха окунуться в омуты реки собственного детства или почувствовать себя плохими родителями?

Никогда потом в жизни мы не бываем так свободны, но и никогда потом – так несвободны, как в детстве. Как бы ни были хороши взрослые, они хозяева детской свободы и уже одним этим ребёнок не свободен. Никто из нас не считает себя по отношению к ребёнку деспотом, но кто из нас ностальгически не вздыхал по времени, когда он был «полностью мой»? Получивший двойку ребёнок возвращается домой, где его встречает бабушка: «Ну, как дела в школе? Что получил?». Потом эта сцена повторится с приходом деда, мамы, папы, а потом за ужином – вариант семейно-публичного суда, единого в осуждении и живописании последствий. Не надо сильно напрягать воображение, чтобы представить себе собственную реакцию на ежедневные вопросы: «Ну, как дела сегодня? Сколько заработал? На ковёр не вызывали?». Исходно свободный внутренне ребёнок учится и пытается сохранять свою свободу в несвободном мире под кнутом и пряником, достаемыми ему в зависимости от соответствия ожиданиям его взрослых хозяев, в своё время прошедших тот же путь и научившихся смотреть на внутреннюю свободу, как на «лирический бантик» в сравнении с внешней стороной свободы. Цена детской несвободы поразительна.

Был у меня 11-летний пациент: пышный букет невротических симптомов, депрессивен и пласив, физическое здоровье, мягко говоря, не блестящее – бесконечные простуды, тяжёлый сколиоз, постоянно крошащиеся ногти... Для матери, судя по всему, не удовлетворённой

*браком, успехи мальчика стали *idée fixe*. Она, собственно, и парня-то на приём привела с вопросом, как бы его постимулировать. Отец был источником денег и «крышей» (мог, например, будучи чем-то недоволен в школе, позвонить директору и с вежливостью танка сказать, что у него в конторе десяток юристов без дела мается – они будут рады заняться школой). Мальчишка числился вундеркиндом и учился за троих, в свои 11 лет будучи в 7-м классе самой престижной школы на другом конце города и только на этом уровне начиная западать в учебе и теряться среди более старших одноклассников. Речь шла о возврате его в 6-й класс, но и мать, и я боялись ударить по его самолюбию, хотя хроническая школьная усталость была налицо. Как раз надвигались зимние каникулы – и я их продлил справкой на освобождение от учёбы. Через месяц мать рассказала, что несколько дней он просто отсыпался, а потом начал помаленьку играть в игры, в которые играл года в три, постепенно переходя к играм более старшего возраста, как бы навёрстывая детство, а спустя недели три впервые за несколько лет запел за игрой. Она как раз собиралась вести мальчика к ортопеду, но, взглянув на его спину, не обнаружила никакого искривления позвоночника. Поражённая, она посмотрела на его ногти (он раньше беспрерывно пил витамины, чтобы не ломались, но этот месяц она ему ничего не давала) – они были целёхоньки.*

Но где кончается свобода и начинается изоляция? Как данность существования она – исходное состояние ребёнка и источник страха, сравнимого со страхом смерти у взрослых. Выход из неё, обретение чувства включённости и принадлежности, чувства своей нужности и востребованности, переживаний принятия Другого и принятия Другим – всё это то, что в изоляции невозможно, как невозможно развитие речи, а то и выживание¹¹. Для ребёнка центр мира находится там, где он стоит, и только соединённость с миром даёт возможность быть его центром. Но мир может и сковать по рукам и ногам, засосать, поглотить.

Любовь как потребность и способность любить – ещё не данность, но заданность существования: уроки её ребёнок берёт у адресованной ему и проявляющей себя любви друг к другу тех, кто одаряет любовью его. Путь к открытию того, что «счастье, это когда тебя любят те, кого ты любишь» (так сказал мне 11-летний мальчик в тяжёлой реактивной депрессии, когда его мать через полгода после внезапной смерти любимого им отца занялась собой, передав его на попечение родственников и даже не позвонив в день его рождения) лежит так или иначе через страдание. Ловушки взрослых вопросов типа «Кого ты больше любишь – папу или маму?» или «За что ты любишь маму?» не только ставят ребёнка перед переживанием сепарации-изоляции, но и вызывают чувства вины и страха: если можно за что-то любить больше или меньше или вовсе даже не любить и бросить, что взрослые нередко и подтверждают: «Зачем мне такой?», «Отдам медведю (полицейскому...)», «Куплю другого» и проч. Сепарация и изоляция воспринимаются детьми крайне тяжело и в сегодняшних классификациях психических расстройств находим расстройства привязанности и связанные с разлукой тревожные

расстройства наряду с другими нарушениями, причинами или условиями которых является сепарация.

Вот, по закону парности случаев, два контрастных примера – две Тани.

Таня первая – 5 лет. Родители обратились из-за её ночных обмачиваний. Матери 48 лет, медсестра. Отец на 12 лет старше, бывший военный, мастер на заводе. Оба земные, «сочные» люди. Старшей сестре 19. У матери в 43 года нашли фибромиому, которая незадолго до намеченной операции оказалась беременностью на шестом месяце. Девочка – любимица семьи с ласковым прозвищем «фибромиомка наша» – живая, общительная, весёлая. С обмачиваниями было покончено довольно быстро.

Таня вторая – 5 лет. Родителям по 46 лет, кандидаты технических наук. Старшей сестре 17. Девочка от неплановой беременности – детей они больше не хотели, но беременность решили сохранить из соображений здоровья матери. Обратились из-за навязчивых действий у девочки: часто прерывает свои занятия, чтобы отиллэпать себя по попе. Скованная, подавленная, настороженная. Отца я не видел, но мать показалась мне суховато-рассудочной и не то чтобы не любящей девочку, но изрядно от неё дистанцированной и холодноватой. После трёх или четырёх месяцев совершенно безрезультатных усилий я перешёл к директивной работе и буквально потребовал от матери, чтобы как можно больше вещей она делала вместе с девочкой, в надежде, что это хоть немного сблизит их. Восприняла она моё требование недоверчиво-неохотно, но с присущей ей обязательностью старалась выполнять – по крайней мере, в этом убеждали её отчёты. Примерно через месяц она сказала, что, кажется, поняла, в чём дело, и рассказала, как это случилось. По дороге с работы она натолкнулась в магазине на «выброшенные» (1970-е годы, когда товары магазины «выбрасывали», а покупатели «доставали») платья для себя и старшей дочери. Помнила о моём требовании, но для младшей ничего не было и она решила, что ладно, в следующий раз. Дома они со старшей принялись примерять платья. Таня попыталась пристроиться к ним, её не заметили, она ушла в свою комнату, вернулась переодетой в другое платье и опять попыталась пристроиться к примерке. Опять не заметили. Она покрутилась-покрутилась и пошла к себе в комнату. «И тут меня прихватило, – сказала мать, – она медленно и понуро прошла несколько шагов, остановилась, сказала сама себе: «Никто меня здесь не любит, никому я не нужна» и ушла к себе. Для меня это было как удар и как озарение. Мне кажется, я поняла, в чём дело и дальше могу попробовать сама справиться». На то, чтобы навязчивости прошли, и девочка повеселела, ушло около восьми месяцев, но мать всё-таки сделала это.

Данность смерти это, кажется, то, что маленький ребёнок осознавать не может и от чего его стараются всячески ограждать. Но вот что говорит митрополит Антоний Сурожский¹²:

«Большинство детей, во всяком случае мальчиков, в какой-то период жизни играют в войну. Я тебя застрелил. Ты убит. Падай! И

ребёнок падает, и знает в своих чувствах, хотя и изнутри защищенности игры, что он мёртв; для него это означает, что он не имеет права участвовать в игре, бегать, не вправе шевельнуться. Он так и должен лежать. Вокруг него продолжается жизнь, а он не принадлежит ей; пока в какой-то момент он больше не может выдержать и вскакивает с возгласом: *Мне надоело быть мёртвым, теперь твоя очередь!* Это очень важный опыт, потому что через него ребёнок обнаруживает, что может оказаться вне жизни; а вместе с тем это происходит в игре, он защищён игровой ситуацией. В любой момент переживанию смерти может быть положен конец по взаимной договорённости, но чему-то он научился. Я помню, много лет тому назад в одном из наших детских лагерей был чрезвычайно впечатлительный мальчик, который воспринимал эту ситуацию настолько остро, что не мог вынести её напряжения; и я провёл с ним целую игру, жил, прятался, вступал в бой, был «убит» вместе с ним, чтобы он смог войти в этот опыт, который для него был не игрой, был слишком реален...

Ребёнок может познакомиться со смертью уродливым образом, и это искалечит его, — или напротив, здраво, спокойно, как покажет следующий пример (он взят из жизни, это не притча). Глубоко любимая бабушка умерла после долгой и тяжёлой болезни. Меня позвали, и когда я приехал, то обнаружил, что детей увели. На мой вопрос родители ответили: *Мы же не могли допустить, чтобы дети остались в одном доме с покойницей. — Но почему? — Они знают, что такое смерть. — И что же они знают о смерти? — спросил я. — На днях они нашли в саду крольчонка, которого задрали кошки, так что они видели, что такое смерть.* Я сказал, что если у детей сложилась такая картина смерти, они обречены через всю жизнь пронести чувство ужаса. При всяком упоминании о смерти, на каждых похоронах, у любого гроба — в этом деревянном ящике для них будет скрыт невыразимый ужас... После долгого спора, после того, как родители сказали мне, что дети неизбежно получат психическое расстройство, если им позволить увидеть бабушку, и что это будет на моей ответственности, я привёл детей. Первый их вопрос был: *Так что же случилось с бабушкой?* Я сказал им: *Вы много раз слышали, как ей хотелось уйти в Царство Божие к дедушке, куда он ушёл прежде неё. Вот это и произошло. — Так она счастлива? — спросил один из детей.* Я сказал: *Да.* И потом мы вошли в комнату, где лежала бабушка. Стояла изумительная тишина. Пожилая женщина, лицо которой много лет было искажено страданием, лежала в совершенном покое и мире. Один из детей сказал: *Так вот что такое смерть!* И другой прибавил: *Как прекрасно!* Вот два выражения того же опыта. Дадим ли мы детям воспринимать смерть в образе крольчонка, разодранного кошками в саду, или покажем им покой и красоту смерти?».

Консультировал в детской больнице задолго до того, как Сурожского прочитал. Девочке 8 лет, последние два года у неё диагностируют бронхиальную астму с учащающимися приступами, хотя аллерген не выявлен. В больнице уже две недели. Часто упоминает бабушку: «Бабушка говорит... бабушке нравится...». Но из истории болезни знаю, что она живёт с родителями и старшей сестрой. Прошу

нарисовать семью – пять фигур. Рисует квартиру – в этой комнате они с сестрой, в этой спальня родителей, в этой гостиная. А бабушка? А её, говорит, показав на гостиную, нет. А где она? Отвечает – не знаю, и начинает дышать тяжелее и с присвистом. Так часто начинаются её астматические приступы. Отвожу к медсестре, а когда возвращаюсь, как раз мать пришла. Оказывается, бабушка, которую девочка очень любила, два года назад тяжело заболела, ясно было, что она умирает, и девочку, чтобы не травмировать и руки освободить, отправили к тётке, вернув домой только после похорон. Девочка, не найдя бабушку, пыталась спрашивать о ней, много плакала, надолго поскучилась, месяца через три – первый приступ астмы. Ну, а на могиле-то с девочкой вместе бываете? – Нет, она и так очень переживает. Мы просидели около двух часов, мать успела поплакать, и мы составили чёткий план того, что и как рассказать девочке, как бывать с ней на кладбище и т.д. Потребовалось три месяца, чтобы приступы исчезли полностью и ингаляторы больше не нужны были.

Я не к тому, что по выражению одного доктора «Надо с младых ногтей приучать детей к мысли о смерти», и не к тому, чтобы взвалить на ребёнка всю тяжесть переживания смерти. Он нуждается не в этом, а в разделённом с близкими переживании, разъяснении, поддержке, ему нужно быть **вместе**, нужно попрощаться с ушедшим – провести границу между прежней и новой жизнью. Вместо этого девочка получила цепочку накладывающихся травм: зная, что бабушка больна, она переживала, ничего о ней не зная; оказалась оторванной от родителей и сестры – ни прижаться, ни поговорить; была в новом для неё месте и оторвана от своего, привычного; не имела возможности попрощаться с бабушкой; не получила никаких объяснений – и та, уйдя из реальности жизни, осталась в настоящем времени переживания. Даже только представляя это, вы могли почувствовать, как у вас раз-другой перехватило дыхание – у девочки это стало ядром астматических приступов.

Выделяя данности существования, мы не можем разделить их. Они всегда соединены, всегда система, в которой изменение одного элемента изменяет всю систему и состояние других элементов. Любовь к матери, настоящая на воспоминании из возраста полутора лет, когда ребёнок с бабушкиных рук смотрит вслед уходящей матери (девочка была оставлена у бабушки в деревне на полгода), наполнена неотделимым от неё страхом изоляции и делает мою 9-летнюю пациентку, не вылезающую из больниц по поводу «хронической пневмонии», своей рабыней.

Ребёнок ещё не задаёт себе взрослых вопросов о смысле жизни, но отвечает на них широким спектром поступков – от бытовых реакций отвергания до суицидального поведения. К каким бы экзистенциальным данностям мы ни обратились, имеющий глаза да увидит, имеющий уши да услышит – они наполняют собой детство, экзистенция которого по своей напряжённости и, повторю, драматичности и трагичности в лучшем случае не уступает взрослости.

Девочку 11-ти лет приводит на приём мать из-за недержания мочи и кала, которое саму девочку не только не тревожит, но, кажется, и нравится ей – она размазывает кал по стенке около подушки и т.д.

Картина впечатляющая! Только что вышедший из лона «большой психиатрии» – я набрасываюсь на симптомы и делаю все, что могу, пока однажды не замечаю, что девочка соревнуется со мной и побеждает. Каждый раз она приходит на приём, разве что не торжествуя: «Ну что?! Взяли вы меня?!». Уловив это, на очередном приёме в ответ на жалобы матери, что, мол, всё так же, если не хуже, и победный взгляд девочки, говорю матери: «Знаете, я был неправ. Ваша дочь достаточно выросла и достаточно разумна, чтобы самой определять, что ей нравится, а что нет. Какое я имею право отнимать у неё то, что ей нравится, и мучить её? Нравится – пусть делает» и прощаюсь. Мать онемела от возмущения, подхватила дочь и вон из кабинета, а через несколько недель позвонила и рассказала: «Я была страшно зла на вас, на дочь, на себя – что не добились продолжения лечения; мы молча прошли коридор второго этажа, спустились на первый, дошли до гардероба, оделись и вышли на крыльцо – всё в гробовом молчании; на улице она вдруг сказала: «Он что – совсем дурак, что ли?!» – и всё, с тех пор она суха и чиста».

То, что я сделал, было жестом отчаяния, а не осознаваемой методикой, но, анализируя случившееся задним числом, я вижу, что: 1) был искренен, а не манипулировал, 2) оказался самим собой, а не инструментом родителей в достижении их целей, 3) признал свободу девочки на принятие решений, 4) сцена была шоковой – потенциально трансовой. И девочка воспользовалась обретенной свободой, чтобы сбросить кандалы вынужденной, невротической защиты – она приняла свободу вместе с ответственностью за свои выборы, хотя никто её этому специально не учил.

Конец 1970-х. Мальчишка учится в 3-м классе. На первый приём доставлен мамой и бабушкой, которые хотя и сначала поговорить без него. Замечательная интеллигентная семья – по два поколения педагогов с обеих сторон, он хороший мальчик, почти отличник, но патологически упрям – отказывается петь в школе, хотя дома за игрой поёт; из-за этого перебивается с двойки на тройки по пению и хоть кол ему на голове теши. Тешут они этот кол, видимо, со всем педагогическим усердием, так как постепенно на поверхность выплывает, что он и простужаться чаще стал, и спит плохо, и аппетит пропал, и постоянно понурый какой-то. Явно удивляются моей просьбе поменяться местами с мальчиком, но выходят. Входит маленький затюканный апостол, здороваются, садится и, не дожидаясь моих вопросов, с такой взрослой горестной умудрённостью говорит: «Я понимаю, что нужно петь хором. Тем более, у нас страна такая. Но я же не виноват, что люблю петь один».

Зауважал я его донельзя и, по-моему, тогда впервые отчётливо подумал то, что раньше думалось короткими сполохами: общение с ребёнком требует от взрослого восхождения к детству с освобождением от иллюзии, что он – взрослый – в отличие от ребёнка видит реальность не искажённой. Основанием для этой иллюзии обычно служит убеждение в превосходстве своих опыта и познавательных способностей, хотя, как уже было сказано, далеко не у всех взрослых познавательное развитие

выходит за пределы конкретно-операциональной стадии по Ж.Пиаже, достигаемой ребёнком к 11-ти г.г. На стороне взрослых «опыт – сын ошибок трудных», но то, каким этот опыт рождается, решающим образом зависит от проделанной работы над ошибками, которая затруднена дважды. Во-первых, тем, что отнюдь не всегда и не каждый взрослый способен преодолеть защитное сопротивление при встрече с экзистенцией ребёнка и превращает помощь ему в невротически-защитное решение собственных проблем. Во-вторых, эффективность помощи определяется не только и не столько методиками и техниками, сколько встречей экзистенций ребенка и помогающего ему взрослого – встречей, смысл которой в сохранении и развитии аутентичной целостности существования, позволяющей совладать с травмой и взять у неё урок.

Когда только приходишь в детскую психотерапию, особенно – из психотерапии взрослой и медицинской, главная трудность и главное ждущее тебя открытие заключается в том, что приводящие ребёнка из-за симптома родители на самом деле приходят со своими проблемами. Они приходят не потому, что ребёнок сосёт палец или помаргивает, а потому, что это вызывает дискомфорт и тревогу у них. С высокой вероятностью можно предположить, что эти переживания не только вызваны симптомом, но и имеют отношение к его возникновению. За ними могут стоять самые разные проблемы – типологизации этих индивидуальных мозаик, уместные в научных исследованиях, в практике скорее мешают. Уповающий на научность своей профессии, видящий её как прикладную науку (applied science) психотерапевт часто полагает, что, объяснив это родителям, он решит проблему. Но родители воспримут это скорее как обвинение, отвергнут и открытое активное вмешательство в их переживания, и рекомендацию обратиться к психологу/психотерапевту («Вы что, хотите сказать, что я сумасшедшая?!») – попытки такого рода скорее всего приведут к потере пациента. Вместе с тем, они нуждаются в проработке своих связанных с ребёнком проблем и – явно или неявно – с экзистенциальными тревогой, чувством вины, встречей с данностями существования.

Женщина обращается по поводу замкнутости, необщительности, отгороженности от сверстников, эмоциональной холодности 14-летнего сына. Сам парень не видит в этом никаких проблем, тогда как мать в тревоге – не развивается ли у него шизофрения? По ходу разговора предлагаю ей цветовой тест отношений, в котором она обозначает сына серым, отвергаемым ею цветом. Минут через пять она сама возвращается к этому: «Вы, наверное, подумали, что я его не люблю, если выбираю для него самый противный цвет. Я люблю его очень, но я его совершенно не понимаю и это меня страшно угнетает». Мы продолжаем разговор, и она бесконечно спрашивает, не шизофрения ли у мальчика, не реагируя на мои отрицательные ответы, пока не говорю: «Вы так настойчиво спрашиваете, как будто хотите, чтобы я поставил ему этот диагноз». Она в ответ: «Я не хочу – я боюсь этого. И я чувствую себя виноватой. Я в общем-то и сама такая, как он. Я должна была выйти замуж за свою противоположность – общительно, лёгкого человека, а вышла за такого же, как я сама. Я

обеспечила сыну двойной груз наследственности и всю его жизнь панически боюсь, что он станет шизофреником». Она с видимым удовлетворением восприняла моё предложение прийти на следующий приём без сына. Мы встречались три или четыре раза, парня я так и не видел. Освободившись от чувств вины и страха, она смогла построить отношения с мальчиком так, чтобы не перегружать ни его, ни себя трудными для них обоих коммуникативными ожиданиями и требованиями, и между ними установились вполне гармоничные отношения двух людей, по Э. Кречмеру, шизоидного круга.

Это не экзистенциальная терапия как таковая, но работа в экзистенциальном поле, которая часто оказывается решающей, а иногда и разрешающей проблему ребёнка, на самом деле являющуюся проблемой обратившегося взрослого. Для ориентированного на борьбу с симптомами-мишенями терапевта это звучит по меньшей мере странно. Но достаточно отдать себе отчёт в реальных границах возможностей психотерапии и её принципиальной непредназначенности для отмены конституциональной индивидуальности, чтобы руководствоваться в ней – по крайней мере, на начальных этапах – житейской максимой: «Готовься к худшему и надейся на лучшее». Другими словами, исходи из того, что твоя задача – не изменить ребёнка, но помочь семье быть счастливой с ним-таким-какой-он-есть, а ему-такому-какой-он-есть – счастливым с семьёй.

Рабочий день (лекция, занятия с врачами-курсантами, шестичасовой поликлинический приём) закончился, когда раздался стук в дверь, и вошла женщина. Сил уже не было, на приём она не записывалась, но все попытки назначить встречу на другой день разбились об её упорство и то, что приехала она из области за несколько десятков километров и должна уехать домой последним поездом. Мяко говоря, я не был в восторге. Она начала говорить о 9-летнем сыне и уже через пять минут прорисовались история и картина того, что детские психиатры называют органическим поражением центральной нервной системы с синдромом гиперактивности. Но тут я поймал себя на том, что умотанный за 12 часов работы я гляжу то ли в стол, то ли внутрь себя, её не видя. Поднял глаза ... и через несколько минут оказался на гребне её искренней взволнованности, отчаяния, растерянности и переполняющих её чувств. Мы проговорили полтора часа, сомнений в диагнозе у меня не было, договорились о встрече через две недели уже с мальчиком вместе, чтобы я мог его посмотреть и обследовать. Она позвонила недели через три или четыре: «Спасибо, всё замечательно, сын в порядке, учится лучше, поведение изменилось». В ответ на мои вопросы: «Я просто взглянула на него другими глазами и увидела столько хорошего»

Задачи взрослых не ограничиваются только педагогикой, которая, по замечанию Л.Н.Толстого, «есть наука о том, каким образом, живя дурно, можно иметь хорошее влияние на детей, вроде того есть наша медицина – как, живя противно законам природы, всё-таки быть здоровым». Они требуют вслушивания в звучащую за словами и поведением музыку переживания. Точно так же задачи психотерапевта не

ограничиваются только ликвидацией симптомов, но требуют такого же вслушивания и выходят в открытое изменениям будущее, где ребёнок будет продолжать строить и перестраивать, переживать (про-живать и пере-живать) рождающийся и развивающийся сегодня мир своей экзистенции. Успешная поддержка ребёнка в его развитии как личности возможна там и тогда, где и когда взрослые начинают решать звучащие в отношении к нему собственные проблемы, большинство которых так или иначе связано с данностями существования.

Сказанное до сих пор может казаться общими словами и ими и останется без восхождения от общего к частному – от принципов к живому общению с **этим** ребёнком.

Мальчик 8-ми лет с трудным поведением дома и в школе рисует по моей просьбе семью (верхний рисунок – на первой нашей встрече), нижний – спустя три месяца:

Это был 1975 год, я недавно ушёл из взрослой больничной психиатрии в первую в стране амбулаторную службу для детей с неврозами, которой руководил её создатель д-р В.И.Гарбузов. Не было ни литературы, ни мастеров, у которых можно было бы учиться работать. Мы изобретали велосипеды, учились на ошибках и друг у друга. Тогда для меня эти рисунки были разве что иллюстрациями семейного давления на мальчишку и изменения ситуации после того, как его поведение вошло к колену. Я вернулся к ним в 1993 году, когда ситуация и опыт были

совсем иными, мы уже были знакомы с Россом Снайдером-мл., и я, редактируя книгу его и его родителей¹³, натолкнулся на такое описание:

«Когда 4-хлетний Зак пришёл в детский сад, он был подавленным и смущённым. Однажды в феврале они с воспитательницей-практиканткой разглядывали нарисованный в книге корабль. На картинке была большая чайка и две маленьких.

Зак: Маленькие птицы – хорошие.

Восп.: Маленькие – хорошие?

Зак: А большая – плохая.

Восп.: Большая – плохая?

Зак: Да. Маленькие хотят стать лучше плохих.

Восп.: Маленькие хотят стать лучше плохих?

Зак (показывая на большую птицу): Это моя мама.

Восп.: Плохая похожа на твою маму? (толкование слишком эмоционально нагружено).

Зак.: Нет. (Быстро переворачивает страницу)

До самого последнего вопроса воспитательница помогала Заку работать над проблемой, но её последнее замечание было слишком пугающим. Внезапно он ясно увидел Жизненный Мир, с которым ему приходится иметь дело, и это было чересчур. Было бы интересно спросить: «Иногда ты чувствуешь, что мама похожа на эту птицу?». Возможно, он смог бы продолжать, а дальше, зная его мать, она могла бы сказать: «Когда твоя мама очень огорчается, ты бы не хотел, чтобы это мешало тебе?». Это та ситуация существования, над которой Зак работал. Здесь важно не то, что он чувствовал, а то, что бы он мог сделать, чтобы мать не подавляла его».

И мой пациент с готовыми заклевать его родителями повернулся ко мне гранями, которые, работая с ним, я к сожалению не видел. Книга Снайдеров, пожалуй, лучшее после книги Я.Корчака¹⁴, что мне довелось читать об общении с ребёнком. По существу, это книга о том, как понимать ребёнка и как избегать проявлений непонимания: изменения темы, отсутствия ответа, спора, расследования, инструктирования, оценивания и поддержки. Непродуктивность первых трёх не нуждается в доказательствах. Непродуктивность остальных не так очевидна и их нетрудно обнаружить в репертуаре поведения многих взрослых не только с детьми, но и между собой.

Расследование стремится получить ответ на вопрос «Почему?». Как говорил мой директор школы: «Ну, рассказывай, как ты дошёл до жизни такой!». Мы никогда не спрашиваем: «Почему?», если речь идёт о том, что нам нравится. «Почему?» всегда связано с чем-то «плохим», содержит в себе обвинение и побуждает ребёнка скрывать свои чувства и защищаться.

Инструктирование, пишут Снайдеры, «делает важным взрослого, но отнимает независимость у ребёнка». Оно срабатывает как внушение невозможности думать и достигать цели самому. Тут дело, конечно, и в дозе, и в том, испытывает ли ребёнок нужду в нём. Когда ребёнку постоянно талдычат, что и как он должен делать, он просто перестаёт это слушать. Каждое невыполнение инструкции, после которого

ничего страшного или неприятного не случилось, ведёт к девальвации слова.

Оценивание – вроде бирок на действиях ребёнка: «Это плохо» или «Это хорошо». «Плохо» – удар по самоуважению, запускающий защитные реакции. «Хорошо» – может подталкивать угождать взрослым. И то, и другое сужает круг поведения до избегания порицаний и получения похвал, мешает выражать собственные чувства.

Поддержка стремится минимизировать или исключить неприятные переживания, но при всех её благих мотивах и разных формулировках («Всё хорошо», «Ты молодец», «Со всеми случается») оказывается сигналом того, что ребёнок не должен чувствовать того, что он на самом деле чувствует. Не хочется огорчать малыша и я говорю ему, что он хорошо поёт, вместо того, чтобы сказать, что у него не получается и помочь ему научиться петь правильно, но рано или поздно он столкнётся с неприятием его крика вместо пения там, где поддержки нет. Кто не уговаривал детей перед посещением дантиста или какой-то медицинской процедурой, что это не больно и не страшно? Но многие ли могут похвастать тем, что это сработало?

Понимание – «не просто техника или использование правильных слов. Это модель взаимоотношений. Оно не может использоваться как тонкое средство манипуляции ребёнком. Это ответ на сиюминутные чувства ребёнка, а не на то, что взрослый помнит о чувствах ребёнка в какое-то другое время»¹³ или думает, исходя из теорий развития, собственных страхов и т.д.. Понимание включает в себя: 1) понимание того, что именно ребёнок сказал, т.е., выделение из потока слов того, что для него важно, о чём именно он сейчас говорит; 2) слушание и помощь в прояснении чувств, 3) понимание ситуации существования.

Виктор Франкл¹¹ приводит замечательный пример понимания. Глубокий порез на руке у мальчика, отец везёт его в больницу, он спрашивает у отца, больно ли будет? Конечно, первое, что просится на язык, это обманывающая поддержка и невыполнимые инструкции типа «Держи себя в руках» или «Не бойся». Но отец говорит, что да, будет больно и далеко не все могут это выдержать, но он будет рядом и верит, что мальчик сумеет – и дальше по дороге они разговаривают об этом. В больнице мальчишке накладывают одиннадцать швов без анестезии – он без единой слезинки наблюдает за действиями хирурга и возвращается страшно гордый тем, что так здорово всё выдержал.

Можно ли тренировать понимание? Рассказывает Марта Снайдер (детям 3-5 лет)¹³:

«Играя в песочнице и пытаясь забраться в выкопанную им глубокую яму, Рик задевает Сарру ногой и на губе у неё выступает кровь. Она рыдает.

М.С.: Тебе очень больно, Сарра?

С.: Да.

М.С.: Немного течёт кровь.

С.: Я хочу к маме.

Ваш ответ: ...

Расследование: Ты что-нибудь разрушила у Рика? - Почему ты хочешь к маме?

Инструктирование: Иди и вымой лицо. - Рик, попроси у Сарры прощения.

Оценивание: Рик сделал очень нехорошо. - Перестань плакать – не так уж и больно.

Поддержка: Ты уже большая девочка. Кровь скоро остановится. - Это было случайно, Сарра.

Понимание: Когда больно, тебе легче, если мама рядом?

Так я и сказала. Сарра перестала бояться. Дальше я объясняю, чтобы помочь ей понять её переживания.

С: Да.

М.С.: Кровь уже останавливается, Сарра. Ещё немножко поболит, а потом всё будет хорошо».

И ещё:

«Однажды ночью шёл сильный дождь. Гремел гром, сверкала молния. На следующий день мама Клиффа сказала, что он боялся. Когда мы пьём сок, я начинаю говорить о грозе.

М.С: «Какая шумная гроза была вчера».

Малькольм: «Я не спал из-за неё. Я боялся, потому что молния так грохотала».

Салли: «Я тоже испугалась, когда начался большой шум».

Дин: «Это было похоже на выстрелы и мне не нравилось».

Клифф: «Этот грохот мог разрушить дома».

Ваш ответ: ...

Вот некоторые ответы студентов в ходе тренировки понимания.

«Клифф, он был таким громким, что ты подумал — он может разрушить твой дом?» Этот ответ близок к правильной интерпретации, но в нём сразу сделан вывод, который мешает Клиффу проработать пережитое самому. И он может быть неточным, так как Клифф не сказал, гром может разрушить его дом.

«Молния – очень сильная». Это заявление о фактических свойствах молнии не связано с чувствами или страхами Клиффа. На самом деле, оно может подтвердить его страхи. Этот ответ не исходит из того, что Клифф реагировал на гром, а не на молнию.

«Молнии обычно не попадают в дома». Это инструктирующий и поддерживающий ответ, с помощью которого делается попытка заставить Клиффа поверить сказанному и не бояться. Гораздо лучше понять его чувства, чтобы он продолжал работать над своими страхами и стал более открытым объяснениям.

«Гроза прошла и твой дом цел». Это заключение студента сделано в поддерживающей манере. Страхи преодолеваются быстрее, если ребенок может работать с чувствами в присутствии взрослого, который помогает ему увидеть эти чувства.

«Я знаю, что ты чувствуешь. Страшно, когда рушатся дома». Сказать ребенку, что вы знаете, что он чувствует, это вовсе не то же самое, что выразить его чувства словами так, чтобы он переживал ваше понимание. Стало быть, в первом предложении нет необходимости.

Второе предложение — это одна из возможных интерпретаций. Другая может заключаться в том, что Клифф испугался силы звука и что вначале он не боялся. И эта версия опять-таки останавливает внутренний процесс ребенка.

«Он был таким громким, что ты подумал, он может разрушить дома?» Это хороший понимающий ответ, особенно, если он дается в соответствующей интенсивности чувств ребенка манере.

Я ответила: «Молния была очень яркая и гром очень громкий».

После этого все они начали разговаривать, а я давала им информацию, помогающую понять происходящее в грозу.

Салли: «Молния сжигает дома».

М.С: «Не слишком часто, Салли».

Боб: «Иногда молнии ударяют в деревья, вот почему нельзя стоять под ними».

Клифф: «В наше дерево она ударит?»

М.С: «Наше дерево живёт долго-долго, но в него молния не попадала. Если начнётся гроза, мы зайдём внутрь, потому что иногда молнии всё-таки попадают в высокие деревья».

Экзистенция детства открыта миру, но ребёнку она дана первыми своими ростками и в переживаниях — осознать и выразить её он ещё не может, а взрослым трудно эти ростки разглядеть и страшно прикасаться к драме их развития в экзистенцию взрослого. Неувиденная и от этого ещё более уязвимая она продолжается во взрослость, чтобы в пору увядания придти наконец к закатной гармонии или, наоборот, разгореться пожаром («С некоторых пор у меня на правом глазу бельмо, впоследствии я буду косить и окривею, но пока это ещё незаметно» — пишет Ж.-П.Сартр в «Словах»¹⁶ — книге как раз и описывающей рождение и первые шаги экзистенции).

Ребёнок как «носитель свойств» куда ни шло ещё может быть объектом. Собственно, именно таким он и предстаёт в методических руководствах для педагогов и воспитателей — объект, в который вкладывают знания, исправляют характер, программируют поведение. Курсы готовящих к этому педагогических институтов — нечто вроде курсов теории машин и механизмов, сопротивления материалов, техники безопасности и т.п.: они учат обращению, а не общению, воздействию, а не взаимодействию. В этих своих ипостасях, схватываемых и описываемых науками, ребёнок — музыкальный инструмент, на котором можно играть, лепя из глины его возможностей мелодию. Он не ответит взрослым словами Гамлета: «Вы собираетесь играть на мне. Вы приписываете себе знание моих клапанов. Вы уверены, что выжмете из меня голос моей тайны. Вы воображаете, будто все мои ноты снизу доверху вам открыты. А эта маленькая вещица нарочно приспособлена для игры, у неё чудный тон, и тем не менее вы не можете заставить её говорить. Что ж вы думаете, я хуже флейты? Объявите меня каким угодно инструментом, вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя».

Но ребёнок не «носитель свойств» (хотя, конечно, они у него есть и заслуживают внимания), не объект — он субъект с его стремлением

быть и становиться не кем-то по планам взрослых, но прежде всего самим собой. Он хочет играть вместе со взрослым – дуэт на заданную тему, импровизацию, джем-сэйшн... Мелодии образования и воспитания, когда они не вырастают из фона переживания ребёнком себя, мира и себя в мире, срываются в марши насилия или какофонию и ребёнок в хорошем случае оказывается расстроенным инструментом в кабинете детского психиатра или психолога, а в плохом – нарушителем спокойствия взрослых, стремящихся исправить его теми же средствами, которыми привели к этому.

И закончу словами Януша Корчака: «Вы говорите: дети меня утомляют. Вы правы. Вы поясняете: надо опускаться до их понятий. Опускаться, наклоняться, сгибаться, сжиматься. Ошибаетесь. Не от того мы устаём, а от того что надо подниматься до их чувств. Подниматься, становиться на цыпочки, тянуться». Счастливый труд, от которого и уставать не грех... игра стоит свеч.

Литература

- ¹ - Пиаже Ж. *Избранные психологические труды*. — М., 1994
- ² - Эриксон Э. *Детство и общество*. — СПб., 2000
- ³ - И.Ялом *Экзистенциальная психотерапия*. – М., 1999
- ⁴ - И.Млодик – *Экзистенциальные данности детства*. - <http://hpsy.ru/public/x3067.htm>
- ⁵ - Н.М.Нургалиева *Родительское программирование как источник социально-психологических проблем ребёнка*. - http://www.tvoyrebenok.ru/programm_deti.shtml
- ⁶ - М.Бубер *Два образа веры*. – М., 1995
- ⁷ - Василюк Ф. Е. *Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций*. — М., 1984
- ⁸ - Леонтьев Д. *К психологии поступка*. Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2006, №2/9, стр. 153-158
- ⁹ - Кочюнас Р., Сарган Г. *Экзистенциальная психотерапия*. Публикации сайта Центра практической психологии "Катарсис и К", 2000
- ¹⁰ - О. Балла *Двойкодышащие* Независимая газета - http://exlibris.ng.ru/koncept/2009-02-05/6_atlantida.html
- ¹¹ - Rene A. Spitz *Hospitalism – an inquiry into the genesis of psychiatric conditions in early childhood*. Psychoanalytic Study of the Child. 1945,1, p.p. 53-74
- ¹² - А.Сурожский *Жизнь. Болезнь. Смерть*. http://azbyka.ru/otechnik/?Antonij_Surozhskij/zhizn-bolezn-smert
- ¹³ - Марта Снайдер, Росс Снайдер, Росс Снайдер-мл. *Ребёнок как личность*. М.-СПб., 1995
- ¹⁴ - Януш Корчак *Как любить ребёнка*. – М., 1980
- ¹⁵ - В.Франкл *Человек в поисках смысла*. – М., 1990
- ¹⁶ - Ж.-П.Сартр *Слова*. – М., 1966

Андрей Алексеев

Эксперимент социолога-рабочего

(Из «Писем Любимым женщинам»)

ак называемые «Письма Любимым женщинам» были первой формой описания процесса и предъявления некоторых результатов предпринятого автором в начале 1980-х годов исследования производственной жизни «изнутри», глазами рабочего. Впоследствии они вошли в состав книги: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1- 4. СПб.: Норма, 2003-2005.

Здесь приводятся несколько писем-отчетов друзьям из вышеуказанного цикла.

А. А. Май 2013

Содержание:

= **Театр жизни и эпистолярное хулиганство**

= *«Формула разгильдяйства» и вынужденная инициатива (Кто сошел с ума?)*

= **Притча о Генеральной линейке**

= **Наладчик и бригада («партизанщина»)**

= **Итак, я ловлю рыбу... (Перевернутый шаблон и вокруг него)**

= **«Я вот уже два года здесь работаю...»**

= **Пояснение к оглавлению: «Закодированный архив»**

Из тома 1 названной книги:

Глава 2. Театр жизни на заводских подмостках (начало)

Несколько вступительных слов

Авторский цикл «Письма Любимым женщинам», датированный 1980–1981 гг., образовался из реальных писем конкретным людям. Письмо, адресованное одному корреспонденту, рассылалось (в копиях) и всем остальным. В итоге возник «сериал», с первоначальной аудиторией 5–7 чел. Впоследствии аудитория существенно расширилась. (Апрель 1999).

...Человек играет только тогда, когда он является человеком в полном смысле слова, и только тогда является он человеком вполне, когда играет...

Шиллер

... Не музыки нам нужно, не палитры и не резца, нет! — черт бы вас побрал, лгунов, притворщиков e tutti quanti; мысли живые подайте, живую беседу с людьми ведите... Искренняя речь — людям — вот чего хочу...

М. Мусоргский

... Каждый переделывает и изменяет самого себя в той мере, в какой он изменяет и переделывает весь комплекс взаимоотношений, в котором сам он является узлом, куда сходятся все нити...

Антонио Грамши

(2.1). *Театр жизни и эпистолярное хулиганство*

[Собрание писем открывается авторским обращением ко всем корреспондентам (июль 1980). — А. А.]

Предупреждение

Эпистолярное хулиганство — самое подходящее определение этому странному жанру!

Не дневник... Хотя есть и от дневника, с его соединением «зарубок памяти» для себя с кокетливой «исповедью для других». **Не** личный архив... Хотя как иначе объяснить эти бесконечные вставки и приложения.

Уж, конечно, **не** литература... Хотя человек с литературным талантом на месте вашего корреспондента нашел бы, чем поживиться. **Не** научные эссе... Хотя тут решусь утверждать, что, скажем, к социологии эти письма имеют гораздо большее отношение, чем многое из того, что ею называется.

Не публицистика... Зачем залезать на трибуну за дружеским столом?

Что-то от театра есть...

А почему бы и нет? Эдакий вот «балаган», где зрителей не больше, чем актеров. А в пределе — единственный актер разыгрывает «сцены из общественной жизни» перед единственным зрителем. Сегодня — перед одним, завтра перед другим... А собери публику — пожалуй и не сумеет. А играть-то есть чего. И есть перед кем. Вон, Любимых сколько!..

Только перед возлюбленными-то и играть.

Вот, кажется, и осмыслил. А то перечитал подряд пяток своих писем и чуть машинку не отставил: что же это я делаю? ...И все-таки — **эпистолярное хулиганство!**

* * *

В каждом письме, имеющем вполне определенного адресата, выражен свой «интим». Но, как будто, не такой, который следовало бы прятать от других Возлюбленных. Личное послание, если и компрометирует адресата, то разве лишь тем, что корреспондент может позволить себе — так с ним разговаривать. Сама же «драматургическая фактура» и вовсе общезначима... Посторонний в этих листках, пожалуй, ничего не увидит... Нужно лично знать корреспондента, чтобы понять, что же тут происходит.

Это только на первый взгляд кажется, что здесь происходит нечто странное с личностью и с обществом. А на самом деле — все так, как происходит повседневно с каждым.

(Вот только не каждый устраивает из своей жизни «театр» или формирует сериал из личных писем.)

* * *

Нравственное лицо моих адресатов исключает возможность такого использования этих писем, которое могло бы поставить автора в затруднительное положение. Но хоть пять экземпляров, а — «тираж»! Поэтому внутренний цензор побудил при перепечатке перевернуть все фамилии (кроме своей собственной, разумеется). Так что, все написанное — и правда, и вымысел... Кому — правда, а кому — вымысел.

...Так-таки — ни для кого, кроме как для Любимых? Ну, запрета корреспондент не накладывает. Если у возлюбленных есть свои Любимые, **могут и те прочитать**. Только не советую показывать тем, кому сам автор не написал бы подобного письма, не мог бы написать...

* * *

Эпистолярное хулиганство, театр жизни, социологический балаган — как ни назови — это одна из форм жизненного самовыражения. Самовыражения, осмелюсь заметить, осознанно и принципиально дилетантского.

Уж нанюхались «профессионального»!.. Науки и пропаганды, да и театра профессионального, пожалуй. Кому-то еще не надоело: и ходить в современный театр, с его репертуаром, и режиссировать, и играть в нем... И хорошо, что не надоело (или, по крайней мере, терпимо). Что бы было, если бы вдруг все профессиональные театры закрылись!

Ну, а дилетанту легче. Он играет не в чужие игрушки. Он свои строит.

Гуляет, как собака без намордника...

* * *

И последнее замечание. Есть у автора одна нескромная претензия. Как ни относиться к этим «заметкам из жизненной самодеятельности» сегодня, это — **документы**.

Не «исторические», и даже не «документы времени» (масштаб не тот, да и фигура не тех масштабов), а своего рода «рентгеновский» снимок сознания человека, принадлежащего к определенному социальному слою, к определенному поколению, к определенному социально-психологическому типу людей в обществе Развитого социализма.

Так что, помру — не выбрасывайте...

Даже если предположить, что потомки научатся докапываться до тайников нашего обыденного сознания лучше, чем мы сами это умеем (а ведь не умеем!), — не грех им помочь, не слишком себя утруждая. Пожалуй, такую претензию сочинитель все же имеет. ...Это последнее замечание можно было высказать, а может — лучше было и оставить при себе.

Андрей Алексеев, июль 1980

Ремарка: нестандартный протокол.

Как видно, попробовав себя в непривычном жанре, автор вскоре испытал потребность как-то объясниться (оправдаться?) перед своими корреспондентами (да и перед самим собой...). Случайно найденный тогда способ игрового эпистолярно-дневникового самовыражения уязвим: и с научной, и с литературной, и даже, пожалуй, с этической точки зрения.

Но, хочется думать, что, прочитав эти «заметки из жизненной самостоятельности», читатель согласится, что — ситуационно! — задача протоколирования эксперимента социолога-рабочего была решена. (Сентябрь 1999).

Как оглянешься окрест,
В мире много странных мест,
А присмотришься сурово —
В мире странном все не ново:
Труд с восхода дотемна,
Да ошибок пелена.

Сэмюэл Джонсон. Английский писатель XVII века.

(Эпиграф к фантастическому роману Кристофера Приста «Опрокинутый мир». Иностранная литература, 1983)

(2.2). «Формула разгильдяйства» и вынужденная инициатива (Кто сошел с ума?)

[Ниже — первое из «Писем...» (февраль 1980). Его персональные адресаты:

— Ирина Владимировна Прусс — журналист и социолог, сотрудник журнала

«Знание-сила» (тогда и теперь). Живет в Москве.

— Розалина Владимировна Рыбкина — социолог. В то время жила и работала в Новосибирске, ныне — в Москве. Ныне — профессор, докт. экон. наук, зав. лабораторией экономической социологии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Это и все последующие письма публикуются здесь в сокращении. — А. А.]

Здравствуйте, мои Милые!

Это письмо я адресую одновременно вам обоим. Поскольку сообщать мне двум Любимым женщинам предстоит одно и то же, зачем «тратиться на лишний конверт»? Все же приношу извинения за это коллективное обращение.

<...> Есть и еще одно оправдание такому обращению. Три месяца назад, когда управляемое людьми Провидение собрало нас троих в Москве на целую неделю, под одну надежную крышу [в квартире Ирины Прусс. — А. А.], нашел я, в вашем лице, столь блестящих оппонентов и «сестер милосердия», что семинару по проблемам личности А. впору было превратиться из психологического в психиатрический.

«Консилиум» так и не вынес окончательного приговора, но на всякий случай рекомендовал элеотерокок, который этот странный «больной» благополучно забыл на столе... Но как же я могу теперь не

отчитаться перед Тобой, Ира, и перед Тобой, Инна, за выполнение всех дружеских «врачебных» предписаний?

[Первая реакция некоторых друзей автора на его решение «сменить профессию» была: «Ты сошел с ума!»]. — А. А.]

Итак, читайте отчет наладчика технологического оборудования Ленинградского завода полифонических машин, или «Полифонмаша».

(Такой «псевдоним» был присвоен в письмах Ленинградскому заводу полиграфических машин. А. А.).

Этот непринужденный отчет можно было бы назвать: **Мнимый больной**, или мудрость чудака.

(Замечу в скобках, что исследование логики жизненного развития само по себе — предостойнейший предмет, вызывающий пристальный интерес автора этого письма в последнее время.)

* * *

...Как вы уже знаете, моя миграция из одного социального института в другой совершилась не без трения, но мягко.

Социальный институт «Завод» проявил меньшую гибкость и способность адаптировать действия Индивида, чем «Институт», включающий в себя «гениев организации» и «светочей науки». Компьютер **науки и идеологии** (состоящих ныне в законном браке) недолго пребывал в ступоре. С полминуты тревожно помигив лампочками и рассчитав все мыслимые и немыслимые варианты, он выдал оптимальное решение: «Не заметить нельзя, запретить нельзя, значит — надо поддержать и помочь». Возник своего рода негласный, но очень авторитетный комитет по содействию А. Н. Алексееву в его замысле. И уже через неделю пущенная Индивидом шутка о «патриотическом почине» вернулась к нему обратно из Директивного *[партийного. — А. А.]* органа, без тени улыбки.

Что касается социальной машины, именуемой **Завод**, то она, при аналогичных исходных данных, целых две недели в ноябре оставалась в шоке. И вышла из него лишь под влиянием легкого «щелчка сверху».

После чего оформление на работу пошло рутинным путем, без особых происшествий. <...>

* * *

3 января 1980 г. (а не 31 декабря 1979 г., как подсознательно намечалось Индивидом) состоялось увольнение, а 4 января — прием.

А еще через несколько дней известным постановлением, ограничивающим текучесть, дверца за любопытным Индивидом захлопнулась до 1981 г. Ибо второе увольнение «без уважительных причин» в течение года лишает непрерывного стажа.

В первый же день появления Индивида на работе начальник цеха не выразил ни поспешности, ни вообще желания разрешать новому рабочему какое бы то ни было (не говоря уж о научном!) совместительство.

И этот сюжет, как не самый интересный и, уж всяко, второстепенный, в дальнейшем изложении опустим.

* * *

Формально выделяемыми этапами истекших полутора месяцев жизнедеятельности Индивида в новом качестве были:

1) три дня **созерцания** уникального на заводе станка — пресс с координатным столом и револьверной головкой (в просторечье именуется — «ПКР»);

2) десять дней стажировки на соседнем заводе и **обучения** работе на английских станках соответствующего типа, которые там благополучно служат вот уже десять лет (а их неудачная советская копия стоит тут же... в разобранном виде);

3) месяц самостоятельной **творческой** деятельности на своем заводе по запуску ПКР КО-120 (это — представитель новейшего поколения отечественных координатно-револьверных прессов; снабжен пневматикой и электроникой; впрочем, последняя сломана во время транспортировки станка). Стоит этот памятник научно-технической революции, соединившейся с преимуществами социализма, в цехе уже год.

(Во время написания письма я еще не знал, что этот станок стоит в цехе уже около двух лет. — Примечание 1980 г.)

Сроки гарантийного ремонта не работающего оборудования, оказывается, истекают быстрее, чем работающего. Так что уже прошли. Попытки выпустить (отштамповать) на ПКР хоть одну партию годных деталей успеха не имели. Поскольку начальство, как видно, «не может», а рабочий в такой ситуации — «не хочет».

<...> Довольно скоро странная готовность цехового руководства принять на работу за станком человека с высшим филологическим образованием (и со степенью кандидата философских наук) проявилась как случай «цыгана, продававшего на базаре кобылу»... Но при всем разнообразии мотивов действующих лиц этого водевиля сложилась **интрига**, лучше которой не мог бы выдумать автор и режиссер этой социологической драмы. Ибо оказалась обнаружена, извлечена и освещена та самая **капля**, в которой отражается **море** социальной реальности.

<...> В том «театре абсурда», в котором все мы так или иначе играем свои роли, открывается богатое поле для разнообразных социальных и социально-психологических импровизаций. И Индивид, поняв, что ситуация — «тестовая», рассудил, что социальный **эксперимент** как метод исследования посильнее включенного наблюдения.

...Лучший способ понять некоторый механизм — это разобрать его и собрать обратно. Познавательный эффект **действия** не сравним с простым феноменологическим описанием. Не говоря уж о том, что сама по себе проблема, что обстоятельства делают с человеком, куда менее интересна, чем проблема, что человек может сделать с обстоятельствами.

Для познания системы (организации) лучше всего наблюдать последствия собственных действий с ней. Если нельзя отменить «принцип дополненности», надо поставить его себе на службу...

* * *

<...> Уже первые недели прикосновения к новым сферам нашего многослойного (но неотвратно движущегося к социальной однородности) общества (в тогдашнем *обществоведении движение к социальной однородности*) рассматривалось как позитивная тенденция. А. А.) позволили экспериментатору получить результат, который, будучи эмпирического происхождения, может претендовать на вклад в теорию. Мое нынешнее положение вполне укладывается в выведенную вашим корреспондентом **«формулу разгильдяйства»**. (Это — цензурный вариант, аналог более точного и фонетически близкого непечатного выражения, имеющего широкое хождение в рабочей среде.)

Разгильдяйство =

незаинтересованность + некомпетентность + безответственность.

Уже определив этих «трех китов», на которых стоит наша Земля, Индивид заметил, что введенное понятие — «разгильдяйство» — объемлет эмоциональный, когнитивный (познавательный) и волевой аспекты. То есть обнаруживается, так сказать, транзитивность с известными психологическими моделями. Это повышает уверенность в необходимости и достаточности данного набора компонентов. Хотя само по себе «разгильдяйство» принадлежит скорее все же к системе **социологических**, а не психологических понятий. Разгильдяйство может приобретать человеческие, теплые формы, включать в себя стихийную доброжелательность, простоту отношений, готовность к взаимопомощи, как преимущественно у рабочих.

Разгильдяйство «в чистом виде» выражено в низовом руководящем звене — не столь человеческом, как рабочий класс, но не столь бюрократичном, как менеджеры [*здесь имеются в виду хозяйственные руководители. — А. А.*] и чиновники. Наконец, на более высоких ступенях социально-производственной иерархии представлена форма, густо замешанная на бюрократизме: разгильдяйство напыщенное и самодовольное, выступающее как **концепция жизни** (в отличие от разгильдяйства как самой **живой жизни**, представленной в низах).

«Разгильдяи-мертвяки» и «разгильдяи-люди», с тонкой гаммой взаимопереходов и оттенков... Хотя я предпочел бы избегать употребления этого понятия для определения отдельных субъектов. Это не обозначение человека, а **социальное качество**. Каждый человек в отдельности вроде бы и не разгильдяй, а в целом — массовое разгильдяйство!

То есть — это качество **системное**, характеристика структуры, а не каждого отдельного элемента.

Этой общей, системной, энтропийной тенденции, наглядно выразившейся в описанной выше «доэкспериментальной» ситуации внедрения новой техники (ПКР), в данном случае противостоит частная, личностная, неэнтропийная интенция. Носителем последней (опять же в конкретном случае ПКР) выступает экспериментатор, он же — **социолог-наладчик**, осторожно прикасающийся к различным кнопкам машинного и социального пультов, анализирующий последствия всякого своего действия для планирования следующих действий.

Вообще, активная жизненная позиция — «антиразгильдяйство» — является не системным, а **личностным** качеством субъекта...

Ремарка: упрощенная схема!

Разумеется, схема — примитивизирующая, сводящая все дело к оппозиции: «я — они», или «субъект — среда». В жизни — и «разгильдяйство» не универсально, и «антиразгильдяйство» не абсолютно.

То есть и «разгильдяй», и «антиразгильдяй» являются таковыми всегда в определенном отношении, в конкретных сферах жизнедеятельности; а в других — могут выступать носителями противоположного качества. (Сентябрь 1999).

...Соединение минимального производственного и изрядного научного и социального опыта составило тот потенциал, который Индивид стал реализовывать, памятуя, что аккумулятор не разряжается, а подзаряжается во время движения автомобиля.

Поведение социолога-наладчика с самого начала третьего этапа (самостоятельная работа) было довольно нетривиальным, но во всяком случае органичным и, похоже, ситуационно точным. *[Самооценка хоть и комплиментарная, но реалистичная. — А. А.]* Его (это поведение) можно определить как реализацию принципа «вынужденной инициативы».

Вынужденная инициатива есть оптимальный способ существования субъекта в море разгильдяйства. В основе ее (в генетических корнях) правомерно усматривать защитную, деятельно адаптивную реакцию организма на воздействие среды. Однако низшие организмы реагируют лишь на непосредственные, сиюминутные стимулы. Высшие же организмы (к которым автор смеет себя отнести) способны реагировать на ожидаемые и предвосхищаемые стимулы.

Опережающее отражение, активная самооборона, вынужденная инициатива — есть общее в этих понятиях. Вынужденная инициатива — это инициатива, упреждающая неблагоприятные для субъекта последствия ее отсутствия. Это — адекватная ситуации активность, не меньшая и не большая, чем необходимо для реализации цели, понятной окружающим людям и не отвергаемой ими.

Понятными целями здесь являются: (1) запустить станок (оживить «памятник»); (2) не быть виноватым (за задержку пуска, за чужой брак и т. п.). Других целей у Индивида действительно нет (целей соответствующего уровня; сверхзадачи — не в счет!). *[Имеются в виду исследовательские, социологические «сверхзадачи». — А. А.]* Эти цели можно и нужно осуществлять и декларировать, декларировать и осуществлять.

Вторая из названных целей придает инициативе превентивный характер. При этом ответственность не перекладывается на других (вверх, вниз или вбок), как обычно делает разгильдяй, а строго распределяется между самим собой и окружением.

Антиразгильдяйская интенция воплощается в «вынужденно-инициативных» действиях, обеспечивающих осмысленное дозирование ответственности. Принцип дозированной ответственности есть существенная альтернатива практике так называемого «воспитания

ответственности» (что обычно совпадает с массовой безответственностью). В зависимости от жизненной активности субъекта и особенностей ситуации, в которой он действует, человек может «взять на себя» больше или меньше, но в любом случае ответственность должна быть дозирована, а инициатива — вынуждена. Иначе его «не поймут», сочтя либо дураком, либо «себе на уме»...

Линия поведения, отвечающая изложенным выше антиразгильдяйским принципам (вынужденная инициатива, дозированная ответственность), всегда проходит по «лезвию бритвы». Успех определяется искусством осуществлять постепенное введение (с последующим закреплением) новых образцов поведения, при безусловном отказе от навязывания их окружающим.

Не «Делай как я!», а «Хочешь — делай, не хочешь — не делай. Но сначала посмотри, как я это делаю». Кстати, в сфере производственной рутины (а вовсе не социального творчества!) это давно стало азбукой рабочей педагогики. <...>

* * *

Вернусь, однако, к последовательному описанию событий.

Полуинтуитивной находкой, своего рода наитием был отказ Индивиды от попыток отштамповать на ПКР хоть какую-нибудь готовую деталь — в условиях абсолютной неготовности к этому не только его самого, но и станка, техпроцессов [*здесь — технической документации. — А. А.*], технологической оснастки и т. д. Такая попытка перепутала бы все факторы последующего брака, поломок инструмента, неисправностей пресса.

Черпая из своих более или менее скромных социальных, научных и производственных ресурсов, экспериментирующий наладчик перехватил инициативу у цехового технолога (благо у той — инициативы просто не было...) и стал совершать так называемые «технологические пробы».

Когда пробиваемые прессом отверстия на выбранном в качестве образца стальном листе начали уходить далеко в сторону от положенных им мест (причем на простейшей модели характер и тенденции ошибок стали очевидными), экспериментатор объявил, что дальнейшие операции со станком — бессмысленны. А необходима — проверка координатной системы.

Предпринятая им на следующий день проверка с измерительными приборами показала, что координатная (геометрическая) система ПКР установлена с ошибкой точности, в несколько раз превышающей допустимую по техническим условиям! Так на третий день самостоятельной работы этого «странного рабочего» выяснилось то, чем за целый год не удосужились поинтересоваться его предшественники...

Ремарка: без ложной скромности.

Не следует ни переоценивать, ни недооценивать проницательность новичка, каким был в то время социолог-рабочий. Минимальная стажировка на соседнем заводе все же позволила правильно оценить состояние вверенного ему оборудования. Может и при некотором преувеличении личных достижений, ситуация в целом

здесь и далее описана — по горячим следам — адекватно. (Сентябрь 1999).

...Заявление о том, что базовые линейки [установочные планки координатного стола. — А. А.] составляют вовсе не прямой, а тупой угол, было воспринято цеховой администрацией без удовольствия, но с разгильдяйским хладнокровием. Отвесив начальству первую дозу его ответственности, Индивид занялся опробованием операций, за которые ответственны теперь уже не геометрическая, а иные (механическая, электрическая и т. д.) системы станка.

В каждой из этих систем обнаруживалось нечто, исключаящее ее (системы) нормальное функционирование. Но важно, что делалось это последовательно и с интервалами, обеспечивающими самообучение, овладение очередной технической подсистемой (ведь — «работать все равно нельзя!»).

Через неделю, когда все это перераспределение ответственности усилиями заинтересованного экспериментатора (создающего себе условия для роста собственной компетентности!) было уже осуществлено, социолог-наладчик понял, что пора проявлять новую вынужденную инициативу. А именно — проверить обеспеченность техпроцессов пробивным инструментом (матрицы, пуансоны и т. д.). Как оказалось, оснастка для ПКР содержится в таком же разгильдяйском состоянии. Вынужденный дожидаться ремонта станка, еще не вступившего в эксплуатацию, наладчик-штамповщик взял на себя функции сначала технолога, потом инструментальщика, чему никто не препятствовал...

Ремарка: бахвальство.

Вот это — уже гипербола! Функции технолога, как, впрочем, и некоторые другие «посторонние» функции, наладчику ПКР действительно довелось взять на себя, но гораздо позже. Пока же — всего лишь ознакомление с состоянием инструментального хозяйства своего станка... (Сентябрь 1999).

...На протяжении двух недель с лишним цеховой технолог Нюся Копырина (в «Письмах...» использовались почти исключительно псевдонимы. А. А.), загипнотизированная антиразгильдяйством своего подшефного, не успевала осваивать поступающие к ней, с отпечатками грязных пальцев, рукописные документы под названиями:

- 1) «Перечень недостающих (не найденных?) в инструментальной кладовой пакетов пробивного инструмента (пуансон, матрица, съемник) для станка ПКР, с указанием деталей, для изготовления которых эти пакеты необходимы»;
- 2) «Список техпроцессов ПКР, обеспеченных шаблонами в инструментальной кладовой в цехе . 3»;
- 3) «Обеспеченность техпроцессов на ПКР необходимой документацией, шаблонами, инструментом».

И, наконец, под собственное хорошее настроение: «Оперативная сводка о положении дел на технологическом фронте по ПКР (после исправления части инструмента и заказа на шпонки)».

Все эти документы имели вид самодельных ведомостей с обозначением по каждому из 30 техпроцессов в колонках: (а) годности

шаблона (да, нет); (б) наличия на этот шаблон формуляра (есть, нет); (в) какого инструмента не хватает и т. п. Технолог переписывала мою информацию уже в свои ведомости и перепасовывала вверх и вбок (из-за чего в цехе иногда возникали мелкие межведомственные конфликты).

Впрочем, не только на ней начал сказываться эффект «Тома Сойера, который красил забор». <...>

[Здесь опущено описание, в том же стиле, еще нескольких «подвигов», или эпизодов борьбы наладчика ПКР с «негэнтропийными» тенденциями в инженерной подготовке производства. — А. А.]

* * *

<...> Итак, в противоположность «не нашему» *[ситуативный смысл: принадлежащего «буржуазной социологии».* — А. А.] методу включенного наблюдения, наладчик координатно-револьверного пресса цеха № 3 «Полифонмаша» предлагает в качестве методической новинки наблюдающее **включение** (окружающих) в собственную и коллективную деятельность.

Это — сознательное, контролируемое субъектом, включение новых факторов в наблюдаемую реальность, с готовностью испытать непосредственно на себе их обратное влияние. Такое введение в действие новых факторов, поскольку осуществляется человеком, который знает, чего хочет (в данном случае — запустить станок), не является беспорядочным, случайным. Средства подчинены цели, а не наоборот. Причем импульс исходит не сверху, а **изнутри и снизу**. <...>

Например, после месяца ожидания регулировки механической части станка (что должен делать вовсе не он, но те, кто должен, не делают!) социолог-наладчик отправляется на «родной завод» (где он проходил стажировку) и получает там консультацию. А на следующий день ставит цеховую администрацию перед фактом, что со станка сняты все кожуха. И приглашает начальника тех. бюро цеха принять участие в необходимой регулировке. Тому деваться некуда. Полдня провозились вместе. Проблема была, на первый случай, решена.

Так происходит постепенное принятие на себя ответственности, напоминающее спуск автомобиля с горки, но не с опущенными тормозами, и даже не на тормозах, а, как говорят шоферы, — **на скорости**. То есть — с включенным сцеплением, когда колеса тормозятся самим двигателем. Последний, однако, вынужден наращивать обороты, под действием разогнавшейся машины.

(Известно также, что при севшем аккумуляторе можно завести автомашину, спуская ее с горки, с включенным зажиганием. Ей придется завестись, если, конечно, есть бензин.)

Такое расширение зоны собственной ответственности, подогреваемое заинтересованностью и опирающееся на растущую компетентность, осуществляется... также дозированно! И является естественным развитием стратегии и тактики «антиразгилядского» поведения в разгилядской среде. *[Опять — примитивизирующая схема! См. ремарку выше. — А. А.]*

По всем классическим правилам и канонам включенного наблюдения следовало бы «слиться со средой», пассивно

приспосабливаясь к ней, и наблюдать за естественным ходом событий. И что бы «наблюли»? А лишь процесс гниения, вкупе с самим загнивающим наблюдателем. *[Пожалуй, неплохо сказано! — А. А.]*

Как видите, с совершенно неожиданной стороны приходит подтверждение и новая интерпретация известного тезиса о партийности науки.

* * *

Но что же было дальше? Тоже очень поучительно. В середине третьей недели самостоятельной работы наступил момент, когда у социолога-наладчика как будто иссякла фантазия по дозированному перераспределению функций (и ответственности) в свою пользу. Это усугублялось тем, что «все зависящее от него он начинал и кончал», а «все зависящее от начальства даже и не начиналось».

Тогда Индивид испытал органическую потребность в новой вынужденной инициативе, сопоставимой с известными действиями **Балды**, посредством веревки на берегу моря (сказка Пушкина). 6 февраля была составлена и запущена «Служебная записка», которую прилагаю. *[Здесь эта записка опущена. — А. А.]*

Служебная записка начальнику цеха от наладчика ПКР была предварительно продемонстрирована пенсионеру-инструментальщику Степану Филипповичу, у которого писалась на глазах. Тот оценил ее как разумную предохранительную меру. Потом текст был показан цеховому технологу, которой оставалось только со всем согласиться.

Следующим читателем был начальник тех. бюро, Авдейчиков, который, вздохнув, сказал, что его **мощи** не хватает, а «дело есть дело» (т. е. никаких обид).

Однако до начальника цеха рабочему дойти не дали. Сказали, что сначала надо обязательно к заместителю. Тот же оставил служебную записку у себя — для передачи начальнику. (Начальник цеха С. позднее заметил в разговоре, что не привык получать служебные записки от рабочих).

Через три дня прислали «главного проверяльщика» нового оборудования, контрольного мастера из РМЦ *[ремонтно-механический цех. — А. А.]*. Вместе с ним были произведены все положенные по паспорту станка контрольные процедуры технической приемки и выяснено, что базовые линейки действительно составляют тупой угол.

Причем с тем самым отклонением от прямого в 0,4 мм (а разрешено — 0,05!), какое было определено инициатором этой проверки еще три недели назад. Вообще же, ни по одному из шести заданных параметров координатная система в нормативы не укладывается, и все параллельные линии рано или поздно пересекаются (т. е. «по Лобачевскому», а вовсе не «по Эвклиду»!).

В тот же день на стол начальника цеха лег акт технической приемки. В нем удостоверялось, что станку (еще не работавшему!) необходим глубокий и ответственный ремонт. И вообще это уже прерогатива чуть ли не главного инженера завода.

(Примечательно, что на английских станках потребность в переустановке базовых координатных линеек возникла лишь на десятый

год работы. Мне повезло присутствовать при этой сложной операции на заводе, где проходил двухнедельную стажировку.)

Так прошли свои «полевые испытания» выдвинутые и проведенные вашим корреспондентом принципы вынужденной инициативы и дозированной ответственности. <...>

* * *

Самый надежный способ **управления снизу**— это когда вышестоящий разгильдяй принимает вынужденное для себя (но предусмотренное подчиненным!) решение, как свое собственное (если все условия для этого самим подчиненным созданы). Своего рода — «дистанционное управление»...

Тут надо сказать, что плановый или — того хуже — внеплановый ремонт станка местными некомпетентными силами поставил бы под вопрос сам факт запуска ПКР (не говоря уж о сроках!). *[Ремонтная служба цеха никогда не имела дела со станками этого типа. — А. А.]*

Тогда был избран выход, на который Балда давно намекал, — пригласить «левака», т. е. мастера-аса, обслуживающего по геометрической части английские станки на соседнем заводе. Теперь начальство уже само попросило социолога-наладчика разыскать и пригласить этого аса для переговоров.

...Поистине мое **наблюдающее участие**⁷ — куда более эффективный и продуктивный метод, чем участвующее (включенное) наблюдение! И в научном, и в практическом отношениях... (*«Наблюдающее участие»... Кажется, первое, спонтанное употребление этого словосочетания, нечаянное изобретение термина. А. А.*)

Смею думать, что это не только метод исследования, но и «метод жизни», заслуживающий разработки.

* * *

Еще несколько замечаний.

Чем ниже по лестнице социальной иерархии, тем в более светлые и теплые тона окрашивается разгильдяйство (в отличие от «угрюмого» разгильдяйства высокого начальника). Собственно, внизу разгильдяйство очень избирательно, а в трудовых контактах работающих рядом людей часто превращается во взаимную доброжелательность и непринужденную... ответственность (т. е. как бы в собственную противоположность!). Сергей Р. [*С. М. Розет. — А. А.*], социолог-слесарь (в отличие от социолога-наладчика), рассказывал, как его товарищи без лишних разговоров исправляли допущенный им, по неопытности, брак, чтобы не пострадали ни сам Сергей (в зарплате!), ни репутация участка. Очень сложный и, в рамках отмечавшегося выше «системного» качества, разумно организованный мир взаимных зависимостей и ответственностей...

<...> Интерес к человеку среди рабочих — это интерес скорее не к личности, а к **живой душе**. Ну, как если бы кошка мяукала — надо дать молока или выпустить на двор. Зовет человек — подойдут, спрашивает — покажут, просит — дадут. Вызывает раздражение та кошка, которая

мяукает беспричинно (бывают такие вздорные животные!). «Кошка», знающая чего ей надо, встречает понимание.

Отсюда правило (если угодно, практические рекомендации новичку): сначала подумай, потом спроси; не спрашивай второй раз того же самого; ищи помощи, когда действительно исчерпал свои собственные ресурсы.

В течение нескольких дней социологу-наладчику таким образом удалось обзавестись тем минимумом полезных приспособлений, которых не спросишь в инструментальной кладовой, но без которых не проживешь. Например, медный пестик, которым можно колотить по любому стальному предмету, без боязни повредить его или пострадать самому. Или подходящий (тоже медный!) стержень для выталкивания пуансонов из пуансонодержателей.

Давалось это всегда по конкретному поводу, для данного случая, но... **навсегда**. Так что больше повода для затруднений в соответствующем деле не возникало.

К четвертому или пятому дню, при убывании частоты обращений Индивида к окружающим и при возрастании частоты обращений окружающих к нему, эти две величины сравнялись. И образовался некий «баланс общения». Вообще же, при отсутствии условий и необходимости, можно месяц проработать рядом с человеком и лишь обмениваться кивком при утренней встрече. А при наличии повода или необходимости — можно «пообщаться» с ним целых полчаса. В условиях общепризнанного начальственного разгильдяйства рабочие предпочитают использовать прямые производственные связи.

Если, скажем, мне для оснащения станка нужны шпонки и кому-то поручено их делать, то этот кто-то придет и спросит, «устроят ли тебя такие» или «как тебе удобно» (т. е. какой размер надо строго выдержать, а на какой начхать). В следующий раз и я уже постараюсь обойтись без посредников... И сначала спрошу у вероятного исполнителя, может ли он это сделать, а потом согласую вопрос с начальством.

Есть особая прелесть в непосредственных связях по формуле: **«Как тебе удобно»**. Они возможны в отношениях только по горизонтали, исключаящих необходимость «дистанционного управления»...

Ремарка: «Как тебе удобно...»

Пожалуй, это первое зафиксированное в тексте наблюдение социолога-рабочего, относящееся к проблеме внеформальной производственной активности и рабочей самоорганизации. (Сентябрь 1999).

* * *

<...> О социальном происхождении экспериментатора уже известно всем, кто удосужился об этом спросить. Вызвать замешательство это могло разве что у администрации, и то на первых порах. Не придуманный мотив смены обстановки («отдыха от учрежденческой суеты») удовлетворяет всех. Человек оценивается по его поведению, а не по происхождению. Его ситуация водолаза, пытающегося извлечь со дна морского затонувший корабль, вызывает куда больший интерес, чем анкетные данные.

Что касается интереса самого социолога-наладчика к окружающим, то этот интерес не выходит за пределы встречного. Обо мне знают примерно столько же, сколько я о других. И узнать больше я пока не стремлюсь...

Разумеется, Балда состоит на всяком там профсоюзном и партийном учете. Цеховой комитет проштамповал рабочему . 03445 разрешение на трехмесячное совместительство, против которого уже не стал возражать начальник цеха.

(А по просьбе профессора Ладова [В. А. Ядов. — А. А.], подкрепленной официальным отношением института, заводской отдел кадров умудрился разрешить совместительство на целый год. — Примечание 1980 г.)

Было бы ненужным бахвальством [*предыдущее бахвальство было, конечно же, «необходимым»*]... — А. А.] утверждать, что социолог-наладчик не допустил за этот месяц ни одной технической ошибки. Пять пуансонов в ходе проб все-таки сломаны, из них два — по прямому указанию технолога. (*Автор считает сегодня это заявление не благородным. Примечание 1980 г.*). Похвалиться могу лишь тем, что ни одна из совершенных ошибок не была повторена. [*Все-таки «похвалился»!*].. — А. А.]

Все эти ошибки были потом резюмированы в «Инструкции по технике безопасности», составленной наладчиком ПКР самим для себя — тоже вынужденная инициатива, иначе ему пришлось бы расписываться за выполнение тех правил (из добытой на соседнем заводе инструкции), которые справедливы для английского станка, но категорически противопоказаны для советского. Фрагмент из этой инструкции, которую передал начальству в отпечатанном на собственной машинке виде, прилагаю. <...> [*Здесь это приложение опущено.* — А. А.]

Ремарка: письма с приложениями.

Вообще, почти ни одно из писем социолога-рабочего не обходится без «приложений», в качестве которых часто выступали деловые документы: служебные записки, замечания по технологическим процессам, акты производственных испытаний и т. п. Некоторые письма состояли почти исключительно из «приложений». (Сентябрь 1999).

* * *

Итак, этот социолог-расстрига и «странный рабочий» (*наиболее употребительным самоопределением в то время у автора было: «социолог-наладчик». — А. А.*) в новой ситуации не играет ничьей роли, кроме **своей собственной**. В этом, кстати, залог его душевного комфорта и внутри коллективного благополучия.

...В социологических кругах предметом живейшего интереса является «феномен А.». Будто бы тот изобрел «философский камень» и превращает социологическую бронзу в золото. Всякому хочется потрогать за шерстку этого экзотического зверька, чтобы убедиться, что мех настоящий... На самом деле, это — всего лишь одна из естественных форм реализации философии осмысленной жизненной активности (которую ваш корреспондент склонен исповедовать, не спеша

формулировать). Это — жизненная стратегия строгого подчинения цели — Смыслу (при максимальной конкретизации осмысленных целей).

Что касается тактики, то мне остается завершить «любомудрствование» постулированием последнего принципа — **социально-опережающего поведения**. Имеется в виду создание и опробование новых образцов поведения, адаптация их к системе и адаптация системы к ним. Выживший образец поведения становится **социальным прецедентом**, после которого и относительно которого не столь диким становится чуть опережающий уже и этот прецедент новый шаг. (Своего рода выращивание «генофонда» образцов социального творчества.) Нет ничего удивительного в хорошем настроении вашего корреспондента, чувствующего себя кем-то вроде селекционера, которому вроде бы удастся новый сорт.

Разумеется, речь идет о внедрении образцов поведения, отвечающих представлению экспериментатора о возможном и желательном — таком, что адекватно ситуации, но не воспроизводит, а **преобразует** и формирует ее.

Но оставим эти экзистенциальные и социологические сюжеты до встречи. <...>

* * *

В заключение позволю себе развлечь милых корреспондентов некоторыми сопоставительными данными самофотографии жизненного времени по известной Вам методике. (*Имеется в виду авторефлексивная методика «Время жизни».* — А. А.).

Сравнению подлежат: январь-февраль 1979 г. и 50 дней 1980 г. (т. е. январь + 20 дней февраля). Для фона приведены данные за весь 1979 г. (учитывающие время отпуска и т. д.). Расчет — в часах среднесуточного времени.

<...> [*Здесь опущены табличные данные.* — А. А.]

А теперь — данные о «времени творчества» по месяцам. 1979 г.: январь — 3,8 час. в сутки; февраль — 3,4; март — 3,9; апрель — 2,3; май — 1,5; июнь — 2,5; июль — 5,1; август — 1,5; сентябрь — 0,8; октябрь — 1,6; ноябрь — 1,4; декабрь — 2,7. В среднем — 2,5. 1980 г.: январь — 3,2; февраль — 4,8 (в среднем за 20 дней).

Переструктурирование жизнедеятельности — в последние 2 мес. — происходит не только между зоной вынужденной (инструментальной) деятельности и зоной свободной (осмысленной) деятельности (в пользу последней), но и внутри самой «зоны свободы»: творчество, восприятие, общение.

Причем сами эти определения наполняются новым содержанием!

Например, в «творчестве» исчезает господство письменных текстов, в «восприятии» — так наз. профессионального и общекультурного восприятия; повышается удельный вес «иногое» творчества и «иногое» восприятия. <...> Пожалуй, здесь можно говорить о движении в сторону гармоничного развития личности от гипертрофированного профессионализма.

(Чтобы уж совсем не выглядеть в глазах Инны «ренегатом», признаюсь, что две «профессиональные» работы (не считая промежуточных результатов) за эти 50 дней все же выполнены. Одна — статья об использовании качественных методов в исследовании образа жизни; другая — о разработке частотных словарей как поисковым этапом контент-анализа.)

Разумеется, и это письмо я не отношу к разряду нетворческих занятий...

Добрый миллион «творческих личностей» занимается на работе тем, что с души воротит, а после работы берутся с машиной. Почему бы не наоборот — на работе возиться с машиной, а после работы — заниматься чем хочешь?

На этой прозаической (что имел в виду, употребляя это слово? Скорее всего, ничего не имел в виду. Примечание 1980 г.) ноте закончу свой отчет, полагая доказанными выдвинутые выше тривиальные и нетривиальные предположения.

Ремарка: хорошее настроение!

Пожалуй, жизнеощущение автора в тот период лучше всего может быть выражено французским: bon humeur — «хорошее настроение». (Сентябрь 1999).

* * *

Перечитав письмо, нахожу, что некоторые высказанные в нем философско-социологические соображения представляют не сугубо-личный интерес. А именно: «формула разгильдяйства», принцип вынужденной инициативы, принцип дозированной ответственности, метод наблюдающего участия, практика «дистанционного управления» снизу, постулат социально-опережающей деятельности... Равно как и отдельные наблюдения касательно «соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма». (Это — одна из стандартных, весьма популярных в свое время формул советского обществоведения. — А. А.)

Так что я даю согласие на использование этого письма в журналах «Знание-сила» или «ЭКО» (смотря какая редакция больше заинтересуется) — разумеется, с сохранением авторского надзора.

(Ну, тут автор увлекся! Предупреждением к комплекту этих писем настоящее заявление денонсируется: «письма — только для друзей...». Примечание 1980 г.).

За фактическими справками можно обратиться к № 6 «Экономической газеты» за 1980 г., где вкладыш «Страницы передового опыта» посвящен моему предприятию, а одна из статей — принадлежит бригадир той самой комплексной бригады, среди верстаков которой (по «формуле разгильдяйства») установлен мой станок, коему полагается размещаться (как, скажем, координатно-расточному) в изолированном помещении.

В общем, я не сомневаюсь как в изобретательности, так и в такте моих корреспондентов. И уж совсем в заключение уместно процитировать «неизвестного поэта»:

...Не бойтесь заново начать,

Не бойтесь вовремя бросать,
Не бойтесь начинаться...

(К сочинению этих строчек автор письма имеет косвенное отношение, но, смею заверить, не в качестве автора, равно как и не в качестве адресата.) *(Эти стихотворные строки принадлежат С Ф Минаковой)*

* * *

Это письмо может рассматриваться как ответ на запрос Инны — «как идет ОЖ (*образ жизни*. – А. А.) после 3 января...». Похоже оно не поспеет к ее защите. *(Имеется в виду защита докторской диссертации. – А. А.)* Но, надеюсь, застанет в Москве. И все же — ни пуха, ни пера!

Любящий вас социолог-наладчик (Балда; Тиль Уленшпигель),
15.02.80

Ремарка: это был — манифест!

Первое письмо, как бы ни относиться к его форме, было своего рода профессиональным, а также жизненным «манифестом» социолога-рабочего на начальном этапе эксперимента.

Я попытался здесь, по ходу дела, откомментировать этот текст — для прояснения своего современного отношения к тогдашней ситуации, своему месту в ней и тогдашнему способу их отображения.

Соответствующего комментария заслуживают и остальные «Письма...».

Но впредь ограничусь минимумом примечаний и ремарок, предоставив читателю, при желании, заняться этим самому. (Сентябрь 1999).

...Игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием «иног бытия», нежели «обыденная жизнь»...

Й. Хейзинга. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992, с. 41.

...Сцена представляет зрителю события правдоподобно выдуманные; жизнь, предположительно, преподносит нам события реальные и обычно неотретированные...

И. Гофман. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000, с. 30.

...Личностное знание — это интеллектуальная самоотдача, поэтому в его претензии на истинность имеется определенная доля риска. Объективное знание такого рода может содержать лишь утверждения, для которых не исключена возможность оказаться ложными. Все утверждения, которые вы найдете в этой книге — это мои личные свершения, плоды идей интеллектуальной самоотдачи. Они претендуют на это и только на это...

М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985, с. 19.

<...>

(2.8). *Притча о Генеральной линейке*

[Персональный адресат этого письма (август 1980) — Н. Я. Шустрова/ — А.А.]

Милая Нина!

<...> Мой «эпистолярный роман» **обрастает сюжетными линиями.**

Иногда они завершаются в пределах отдельно взятого письма.

Развязка наступает в реальности еще в период описания данной моделирующей ситуации (т. е. пока письмо еще не отправлено). Хотя в момент начала письма эта развязка зачастую еще неизвестна.

Так, я **успел** написать (предыдущее письмо), что участок печатных плат, на который мне было предложено пойти в «псевдоадминистраторы» (вместо того, чтобы овладеть смежной рабочей специальностью шлифовщика) приказом директора завода вновь отторгнут от нашего цеха («фразвязка»).

А если бы клюнул я на крючок нашего начальника цеха, то оказался бы социологом-наладчиком, «откомандированным» на другое производство, и потерял бы всякий контроль над событиями, которые буду сейчас излагать и осмыслять.

Выпускать же из-под контроля ситуацию ПКР нельзя. Тут только не догляди...

* * *

...Выглядываю я вчера из своего «кабинета», посреди дня. И присидел-то я в нем невылазно часа два, не больше. Вижу — толпа у моего агрегата.

А там, оказывается, гибочный пресс рядом на таях висит, и поворачивается этакая двухтонная махина в воздухе в 10 см от моего капризного координатного стола, как бы раздумывая, вдарить или не вдарить. А такелажник, подозрительно румяный, взгромоздился сапожищами на револьверную головку ПКР, чтобы до заевшей тали достать. А то они своего «слона» поднять — подняли, а опустить не могут. Наш цеховой механик стоит тут же, наблюдает.

Стас, наладчик штампов, который меня недавно научил спаривать пуансоны с матрицами через марлю, тоже ждет, когда же «вдарят»... Увидел меня — смеется: «Ну, сейчас будет п-ц твоему ПКРу...». И в самом деле, **это самое** будет.

Это называется — «установка нового оборудования». Окончательно его установят, конечно, не в 10 см, а в 2-х метрах от моего станка (это которому изолированное-то помещение положено!). Ну, а пока — вот так.

Опустили, наконец. Револьверную головку (т. е. подход к ней) мне забаррикадировали (не в фигуральном, а в буквальном смысле). Дверцу шкафа с инструментом можно теперь приоткрыть только на 45 градусов. Балансировку станка по уровню нарушили, к счастью, немного (видимо — просто за счет дополнительной нагрузки на бетонный пол рядом).

Варварство? Нет, социально-производственная **норма**...

Ну, я еще Копырина с Авдейчиковым (цеховые инженеры) в наблюдатели пригнал. Зафиксировал, так сказать ситуацию... А сам ушел

в инструментальный цех и в ОГТ, куда меня вызвали для очередного разбора их прегрешений.

Есть картины, которые лучше не наблюдать, чтоб потом нельзя было сказать: «Куда смотрел?». С самого-то начала я все равно не видел...

Тут надо признаться, что и внутреннее беспокойство, и внешнее хладнокровие были у социолога-наладчика чуть-чуть напускными. Ибо несколькими днями раньше я успел снять со станка пантограф, самую деликатную часть координатной системы, и демонтировать ту самую Главную линейку, о злоключениях которой Вам кое-что уже известно (а основной рассказ еще впереди!). Вот если бы они к этой Линейке своим «колоколом» на весу приложились (а приложились бы наверняка — она далеко выступает), тут уж ПКРу точно было бы то самое, что имел в виду Стас.

Это — пример завязки сюжета. Интересно: когда же они соберутся установить гибочную машину на свое место, как все это будет, чьими усилиями и т. п. <...>

* * *

Все мои моделирующие ситуации начинаются **естественно**. Развиваются — тоже естественно, с осторожными коррективами экспериментатора. На выходе — социальная модель или, если угодно, сюжет.

А вот пример сюжетного хода в развивающейся ситуации, когда вдруг выясняются обстоятельства, проливающие новый свет на предшествующую (и как будто законченную) сюжетную линию. Ранее я писал о своем «конструктивном» усовершенствовании станка — подкладках под матрицедержатели. В итоге — заготовка лежит на плоскости матрицы, а не провисает.

Я-то думал, что вторгаюсь в конструкцию, тревожился, что пуансону до матрицы стало ближе, стало быть у него меньше «разбег» для удара, да и залезает он в матрицу глубже (что, может быть, тоже нехорошо...).

И вдруг узнаю, что я приподнял те самые матрицы, которые кто-то из ОГТ, еще до моего появления на заводе, по недомыслию, припустил (тоже, как будто, в соответствии с цеховыми пожеланиями: моему предшественнику что-то в высоких матрицах не понравилось).

Припустили, начав заказывать матрицы меньшей высоты. При этом не только возникло обнаруженное мною провисание заготовки, но и съёмники (те самые пресловутые съёмники, из-за которых было столько сыр-бору в предыдущем письме!) перестали доставать до заготовки, перестали что-либо «снимать» и превратились в декоративное излишество.

Так действовал отдел главного технолога в прошлом году. А в этом — наладчик раскрутил производственную машину в обратную сторону: чтобы не переделывать несколько сотен матриц, устроил подкладки под 24-мя матрицедержателями, в которых эти матрицы должны сидеть. Как видно, этой рацией была исправлена не недоработка конструкторов (как я думал вначале), а ошибка технологов. Однако «признался» отдел главного технолога в этом только вчера, когда

подкладки были уже изготовлены. И слишком подозрительным стало, почему же только теперь «заработали» съемники, ранее прыгавшие в револьверной головке вхолостую.

Моделирующую ситуацию нельзя насилловать. Паук ждет муху: если та зацепится за паутину, он поможет ей еще больше запутаться и высосет. А нет, так нет... Впрочем, более «благородной» была бы аналогия с рыбаком, который водит рыбку, но не дергает, пока наживка не заглочена.

И еще один пример **развивающейся** ситуации. Те самые злополучные съемники, которые с узкими отверстиями (помните, в предыдущем письме?), продолжают поступать от инструментальщиков, вопреки обнажившейся производственной нелепиче.

Почему? А дело в том, что слишком хлопотно для отдела главного технолога в куче заказов (иногда давних) выскидывать те, которые еще не выполнены, чтобы внести исправления в чертежи. И в тех. Бюро инструментального цеха отказались искать эти документы, ибо там тоже все в куче и не один мой ПКР задает им работы...

А рабочие-инструментальщики не могут выйти из обозначенных на чертеже размеров (хотя бы им это и было кстати). Ведь над ними — свое ОТК. Убедившись, что сделано по чертежу, их ОТК передает свою продукцию в инструментальную группу нашего цеха, где мастер подписывает приемочную ведомость... Кладовщица пересчитывает по штукам, приходится и ставит на полку. Только тут я на страже: это — не годится! (Теперь уж я не сторожу, кладовщица Фаина сама просит проверить, а то и сходить с нею в инструментальный цех.) Такой вот «заколдованный круг»...

Социолог-«рыбак» наострил уши: клюет! Поскольку исправлять чертежи надо в первую очередь те, которые, выйдя из ОГТ, еще не воплотились в металл в инструментальном цехе, проявляю деликатную готовность перелистать всю книгу заказов за два года (это происходит в тех. бюро инструментального).

Когда речь идет о том, чтобы выполнить **чью-нибудь** работу, тут — «зеленая улица» инициатору. Я потратил меньше часа, чтобы убедиться, что почти все, что было неверно заказано, уже сделано (тоже неверно!).

Поздновато хватился... Максимум десяток съемников остался еще в работе у инструментальщиков. Я записал их номера, на всякий случай сообщил цеховому технологу Копыриной и посчитал для себя этот сюжет исчерпанным, точнее — не состоявшимся. Стоит ли из-за одного десятка, на фоне нескольких сотен съемников с узкими отверстиями, будоражить ОГТ?

Но отдел главного технолога вдруг взбудоражился сам. Похоже, эта история (без моего участия!) всплыла где-то на более высоком уровне.

Узнав нечаянно, что я располагаю списком оснастки, которая заведомо потребует ремонта, ОГТ поспешило (почему в среднем роде? да как-то больше пристало называть производственное подразделение — «**оно**») запросить этот список, причем даже не у Копыриной, а у меня лично. Да еще благодарили...

(Не важно, что оставшихся не изготовленными съемников всего десяток; важен не объем брака, а опасность «разоблачения».)

Так, рыба, которая показалась настолько мелкой, что и подсекать лень, вдруг с таким усердием стала заглатывать наживку, что пришлось вытащить, раз уж ей так это понадобилось...

Все эти примеры иллюстрируют способы зарождения, формирования и развития того, что я назвал **моделирующими ситуациями**

* * *

Примером далеко не оконченого **сюжета** (моделирующей ситуации) являются наши взаимоотношения с начальником цеха <...>. Похоже, что моя неприязнь к нему есть лишь отражение массового накапливающегося раздражения.

В ДНД (вот уж поистине советский вариант английских мужских клубов) рассудительный, независимый (беспартийный), работающий на заводе 30 лет, имеющий собственную автомашину, шлифовщик Г. И. замечает вскользь, уж и не помню, по какому поводу: «Сколько их перевидал в цеху, а такого <...> не было. Да я бы и пяти минут не стал слушать то, что вы (рядом на скамейке сквера сидят бригадир и член партийного бюро) по полчаса выслушиваете.

С бригадами разговаривает как с мусором...» (Передразнивает начальника: «Я не потерплю неуважения к себе!»). Те молчат, вроде согласны. А речь идет о «нечистой» борьбе за чистоту на рабочих местах, по случаю очередных комиссий. Начальник цеха, видите ли, **после рабочего дня** проверяет эту чистоту, находит неаккуратно сложенные листы, костерит мастеров, а те не хотят отвечать за бригадиров (теперь же рабочая демократия!), требуют, чтобы и бригадиры дожидались этих начальственных обходов, а вот когда начальник сонзволит — через 15 или через 30 минут после окончания рабочего дня — неизвестно.

А бригадиры отказываются задерживаться. Тогда начальник осмеливается собрать их для «накачки» по этому поводу.

В очередной день, когда как раз разразился этот микроконфликт (по серьезным вопросам конфликты, как правило, не возникают), я нарочно, переодевшись, уселся возле своего станка (я же «сам себе бригадир!») и прождал полчаса этого обхода (накануне будто бы и на ПКР обнаружилась пыль — что ж гримировать «покойника?»). Не дождался. Бригадиры, хоть и ворчали, но 15 мин. дожидались, потом ушли. Мастера оставались, когда я уходил.

Во дворе я встретил (35 мин. после окончания рабочего дня) какую-то высокопоставленную делегацию, ведомую директором, с начальником нашего цеха в составе свиты.

Позиция Г. И., молчаливо разделяемая активистами, дает повод предположить целесообразность «доразвития» моделирующей ситуации наших взаимоотношений с нач. цеха до публичной плюхи ему на каком-нибудь партсобрании или партхозактиве. Заслужил он ее давно. Но получит вряд ли раньше конца года. Форсировать вредно.

Смысл же плюхи (разумеется, не формулировка!) мог бы состоять в констатации, что... имеет место тенденция **возрастания**

степени (соответственно — масштабов) разгильдяйства по мере возрастания уровня руководства...

* * *

В обыденном сознании картина разгильдяйства предстает перевернутой. Может показаться, что много стрелочников приносят больше вреда, чем один диспетчер. На самом деле — наоборот. Впрочем, много диспетчеров тоже приносят меньше вреда, чем один начальник железной дороги.

А уж если по большому счету, то дело и не в стрелочнике, и не в диспетчере, и даже не в начальнике, а в Уставе путей сообщения!

Кстати (уже выходя за пределы данного сюжета): при массовой узурпации компетенции снизу вверх и массовом же перекладывании ответственности сверху вниз, происходит перенасыщение, соответственно, того и другого вверху и внизу. В итоге, низы оказываются совершенно **безответственными**, а верхи — совершенно **беспомощны**. И всем плохо! Но подробно об этом — в другой раз.

* * *

Перейду к главному сюжету этого письма. Он будет носить отчасти философский (во всяком случае — аллегорический) характер.

Назову этот сюжет: Притча о Генеральной линейке, или модель овладения системой. Модель строится на техническом материале.

Система — пресс с координатным столом и револьверной головкой. Генеральная линейка — двухметровая траверза координатного стола, ныне хранящаяся отдельно от станка (в моем «кабинете»).

* * *

...Первое соприкосновение Человека с Системой вызывает благоговейный трепет, ужас перед ее сложностью и непостижимостью.

Это — первое ощущение. Однако по мере расширения кругозора и возникновения первого опыта обращения с ней складывается убеждение, что Система плоха, уродлива (сделана «по-советски», при транспортировке стукнута, при установке перекошена) и, прежде чем заработает, должна быть капитально отремонтирована.

Предпринимается официальная экспертиза Системы. В итоге выясняется, что все ее показатели выходят за пределы допустимого и не согласуются между собой. Итак, нужен ремонт, переделка.

Вопрос — **что** ремонтировать? Заменяются подшипники, просверливаются недостающие дырки, подбиваются клинья, одна за другой снимаются и шлифуются координатные линейки и направляющие — все, что можно сделать в местных условиях и подручными средствами. А чего нельзя — так стоит ли и проверять? (говорят знающие люди).

Отшлифованные линейки не лезут в гнезда, исправленные подшипники не хотят крутиться... Но мы их заставим, и линейки подколотим, чтобы влезли, стервы, и под прямым углом стояли друг к другу, и параллельны были базовой линейке, ну, а та — чтобы с Генеральной не расходилась в направлениях! Нам ведь — чтобы концы с концами свести и чтобы дырочки Система пробивала **параллельно самой главной линейке**, а остальное все — «х-ня!».

Еще до того, как был достигнут этот желанный результат, было у Человека прозрение (ну, вроде атомистического представления древних): а вдруг та самая Генеральная линейка (которую и проверять нечего, ведь она Самая главная) — **кривая**? В каком смысле кривая, как и на что может повлиять ее кривизна — об этом не думалось. Не тот был уровень развития, так — наивная догадка.

Может и кривая — ну и что? Работает же Система!

Все, что поддавалось исправлению, отремонтировано на славу. Только чуть тревожили странные показания приборов в некоторых узлах. Система заработала. И тут обнаружилось, что дырки она бьет, хоть и параллельно Генеральной линейке, но как-то несуразно. Дырочки словно боятся отодвинуться к краям стального листа, а все как-то к центру жмутся. Поближе к центру и друг к другу... Такие «компанейские» дырочки! А относительно Генеральной линейки все стоят по струнке...

Назвал Человек это эффектом **сжимающейся вселенной** и задумался. Отчего же она «сжимается»? И вспомнил свои наивные прозрения. А вдруг Генеральная — кривая? Но теперь он уже был умудрен техническим опытом и заклинания его не удовлетворяли. Если она кривая, то почему же вселенная сжимается, а не перекашивается, к примеру?

Все, что можно было отремонтировать, было уже исправлено. Так что оставалось Человеку эту Систему совершенствовать. Он это делал, и не безуспешно. С полдюжины было всяких рационализаций. Все более точно работала Система, по самым разнообразным параметрам. Вот только сбегание отверстий друг к другу оставалось. А при этой неприятности все остальные результаты обесцениваются.

И ведь не то чтобы ученическая была задачка. Нет, и более развитые цивилизации с такими странностями природы не сталкивались: «Не бывает такого, и basta!»

Тогда вернулся Человек вновь к убеждению в **кривизне Генеральной линейки**. И не потому, что понимал, как может ее кривизна вызывать подобные эффекты. А потому, что больше уж грешить не на что было. Ведь все остальные узлы Системы — с Генеральной линейкой согласованы.

Придумал, наконец, объяснение. Столь же хитроумное, сколь может показаться современному человеку геоцентрическая модель Птолемея. (Тому ведь надо было как-то сообразовать мировоззрение с астрономическими наблюдениями; вот он и придумал «эпициклы» — планеты вращаются вокруг Земли, но не сами, а по кругам, центры которых находятся на геоцентрических орбитах.) Измерения как будто показывают, что

Генеральная линейка изогнута в вертикальной плоскости. Значит, надо ее выпрямлять.

Вот только червячок сомнения был: а не должны ли были бы отверстия в таком случае не сбегаться к центру, а напротив — к краям разбегаться? И насколько? Но настолько изощренной была эта геометрическая гипотеза, что не хватило у Человека на ее окончательное

подтверждение пространственного воображения (не говоря уж о тригонометрической эрудиции).

Тем не менее, выхода не было, и стал Человек готовиться к **Великой операции**. Говорит:

«Оперировать (снимать эту Главную линейку к чертям собачьим да выпрямлять) все равно надо. Может, обновленная Система будет не лучше прежней. Но и с этой Генеральной ей больше никак нельзя...»

* * *

До сих пор содержание притчи суммировало один из сквозных сюжетов всего сериала. Особенно существенны в этом плане второе (Вам) и пятое (адресованное Светлане) письма. Вы без труда идентифицируете в этой притче нашу технико-ремонтную эпопею с Бубликовым и мою индивидуальную эпопею с реконструкцией ПКР. Впрочем, Вы, дорогая Нина, много еще чего здесь идентифицируете!

Прямо-таки жуткое какое-то сходство обнаруживается у этой модели с более глобальными.

Известно, что человеческий зародыш в своем утробном развитии повторяет основные стадии развития живой природы. Неужто то же происходит с человеческим познавательно-преобразовательным овладением миром («онтогенез», повторяющий «филогенез»)? Но, видит Бог *[интересно, все время писал с маленькой буквы, и вдруг, «нечаянно», написало тогда с большой. — А. А.]*, я ничего не выдумал. Вот где обнаруживается преимущество сериала, сочиняемого во времени. Не мог же я во втором письме предусмотреть, что будет в пятом. А в пятом — не знал, что будет в седьмом...

А было вот что (я еще закончу притчу, а сейчас — «прямым текстом»). Есть у меня двоюродный брат Володя *[В. В. Абрашкевич. — А. А.]*, моложе меня на пять лет, физик-экспериментатор, инженер-электрик, инженер-механик, инженер-радиотехник, уж не помню, что еще. Да просто — талантливый человек, технический выдумщик, изобретатель, способный из подручных средств изготовить любой агрегат, от трехколесного автомобиля до медицинского прибора.

В деда пошел (а он, Петр Михайлович Пузанов, был едва ли не первым в Петербурге инженером-механиком, ездившим на автомобилях собственной конструкции и изготовления). И в прапрадеда (Павел Петрович Аносов, известный металлург, изобретатель русского булата).

Так вот, рассказал я Володе свою техническую задачку. А он (станка в глаза не видевший!) порисовал, порисовал на листочке и говорит: «Похоже, что твоя генеральная линейка — кривая. Только не в вертикальной, а в горизонтальной плоскости».

[Искажение в вертикальной плоскости — фронтальный вид; в горизонтальной — вид сверху. — А. А.]

И в самом деле, похоже на то. **И просто** — ну, прямо «Коперник» против моего «Птолемея»!

Вызвался Володя посмотреть станок. Организовал я ему разовый пропуск на завод. Три часа после окончания рабочего дня мы занимались привычными для меня измерениями. Но, в отличие от прежних, с

перспективой их последующего использования для тригонометрических вычислений. Еще через день Володя, уже дома, эти вычисления произвел.

В тот самый день, когда он считал, я приложил к траверзе координатного стола обычную мерительную линейку, позволяющую оценить плоскостность. Раньше это не приходило в голову, потому что моя Генеральная частично скрыта кареткой, которая по ней ездит. Но можно же померить, хотя бы в доступных местах... Этого измерения мы с Володей не производили просто потому, что не было под руками подходящего инструмента. Я получил **эмпирическое подтверждение** искривленности траверзы, и именно в горизонтальной плоскости, как и предсказывал Володя. Между мерительной линейкой и плоскостью Генеральной обнаружилась щель 0,08 мм (при длине мерительной линейки 0,5 м).

Володя получил тот же результат **расчетным путем**, на материале всех остальных, косвенных измерений, которые мы делали вместе. Это в точности соответствовало и величине «сжатия вселенной» (порядка 0,1 на расстоянии 100 мм). По расчетам младшего брата, Генеральная линейка ПКР имеет вид двухметровой дуги окружности радиусом полкилометра. Это как будто немного... Но достаточно, чтобы перевести станок в самый низкий, седьмой класс точности.

Еще неделю я потратил на приобретение разрешения «разломать» станок и вынуть из него кривую Генеральную линейку.

Разрешение должен был дать Авдейчиков, замещавший тогда зам. начальника цеха. И он, наконец, это разрешение дал — **накануне** выхода того из отпуска (чтобы дальше думал, что делать, уже зам. нач. цеха?). Все дело в том, что траверзу длиной два метра надо исправлять на гигантском шлифовальном станке, чтобы пройти эту длину за один заход. Иначе дуга может превратиться в восьмерку или во что-нибудь вообще несообразное.

Но окончание этой истории лучше описать, возвратившись к жанру притчи.

* * *

...Уже решившись на **Великую операцию**, не исключая даже возможности ее осуществления революционным путем (если не будет согласия начальства), Человек решил посоветоваться с Младшим братом.

Брат, который по техническим системам собаку съел, предположил, что Генеральная линейка и впрямь искривлена. Но — совсем в другой плоскости! То есть — братья не разошлись в кардинальном вопросе о кривизне Генеральной. Вот только угол зрения у Младшего оказался вернее.

Гипотеза Младшего брата была подтверждена совместной братской деятельностью, где сочетались экспериментальный и теоретический моменты. Вычисления сошлись с наблюдениями. И основа Системы предстала вместо прямой — даже не восьмеркой, а правильной дугой окружности радиусом в полкилометра.

Теперь стало ясным, почему так упорно не садились в свои гнезда все остальные выпрямленные на первых этапах овладения Системой ее элементы. Ведь все они выстраивались по Генеральной

линейке. А она-то и была кривой! И когда Человек (вместе с Мастером старого типа) подколачивал под выпрямленные остальные линейки клинья, он **искривлял** их обратно (в полном соответствии с кривизной Генеральной линейки).

Интересно пояснить эту модель графическим изображением.

<...>

[Здесь рисунок опущен. — А. А.]

...Бедные линейки «Б» и «Д»! Представляю, как они устали подлаживаться под кривую Генеральную линейку «А»! *[Здесь игра слов: «усталость металла». — А. А.]* Но ничего, они — **каленные и упругие**; выпрямить Генеральную, и все благополучно встанут на свое место, без напряжения. А сама-то Генеральная, между прочим, **сырая** (т. е. не каленая). Вот ее, как sogni, так она и останется...

Но если Человеку ясно, **что** делать для оздоровления Системы, то остается открытым вопрос — **как** делать... Уж больно громадна Генеральная. Нет в окружающей нас Галактике таких шлифовальных станков, чтобы ее привести в норму (подрезать горб, стесать концы). Вот и ищем.

Во избежание иллюзий, что, мол, и так жить можно, **вынул человек** Генеральную линейку из Системы. Стоит теперь Система без Генеральной. А та — лежит в кладовой, ждет своей участи.

(Примечательно, что Генеральная линейка была изъята из Системы, так сказать, легально — «парламентским» путем. Но это случилось накануне того дня, на который Человек назначил для себя революционные действия. Впрочем «парламентарии» того, разумеется, не знали. Разве что могли предчувствовать...)

Чтобы покончить с технической стороной дела, взгляните на рисунок. <...>

[Здесь опущен рисунок, поясняющий геометрическую загадку «сжимающейся вселенной» при искривленной Генеральной линейке. Опущены также тригонометрические расчеты и комментарии к рисунку. — А. А.]

* * *

Теперь — мораль из Притчи:

А. Человек проходит следующие стадии **познавательного и практического** (считайте это одним словом!) или духовно-практического овладения Системой:

- 1) Мистический ужас перед Системой;
- 2) законное возмущение ее несовершенством;
- 3) наивное подозрение, что Самая главная линейка — кривая;
- 4) отказ от «дурных мыслей» и честный ремонт всех второстепенных узлов;
- 5) подгонка этих узлов под Генеральную линейку (исходя из предположения о ее прямызне);
- 6) Великое разочарование;
- 7) творческие поиски и всемерное усовершенствование Системы;

- 8) второе Великое разочарование;
- 9) убежденность в кривизне Генеральной линейки;
- 10) выдвижение ложного предположения о механизме этой кривизны;
- 11) подготовка Великой операции (изъятия Генеральной линейки из Системы);
- 12) счастливое открытие истинного механизма кривизны, накануне операции;
- 13) Великая операция — Система без Генеральной линейки;
- 14) изыскание конкретного способа замены извлеченной из Системы Генеральной линейки или исправления ее кривизны;
- 15) ??

(Вы скажете, что неплохо бы сначала 14-й, а потом уже 13-й пункт. Вы будете правы. Но скажите, где и когда было иначе? Мой сюжет моделирует **реальные** ситуации, а не благие пожелания.)

Б. Второй вывод: Система — железная Дура, а Человек остается человеком.

В. Гляди в Корень (не нами сказано!).

Г. Ищи Младшего брата.

* * *

<...> Извлечение Генеральной линейки состоялось утром в пятницу 25 июля.

До обеда занимался всяческими измерениями. Потом привел Авдейчикова, чтобы показать ему, как двухметровая траверза, лежа на координатном столе, пляшет на собственном горбу. А будучи перевернута обратной стороной, пропускает под себя лепесток щупа толщиной 0,3 мм. И так, не только теория сошлась с вычислениями, но и

расчеты подтверждены эмпирической очевидностью. (Правда, последнее обычно происходит только тогда, когда Генеральная линейка из Системы уже вынута).

С тех пор прошло уже десять дней... Может быть, Вы знаете, где в Ленинграде есть гигантский шлифовальный станок? <...>

* * *

Любимые скоро взвонят: что за «производственный роман»! Сколько можно поить их пойлом из железных опилок? А где же **люди**?!

Но я уже отрекался от звания «инженера человеческих душ». Люди для меня существуют в **отношениях** (в частности, в производственных отношениях). Я не лезу в души. Я изучаю **ситуации**. Иногда помогаю им созреть. Люди для меня предстают — в **действиях**.

Я, признаться, с большим доверием отношусь к своим реконструкциям людских мотивов, чем если бы люди сами стали их объяснять. Мне дороги не отдельные подслушанные словечки и мысли (хоть я и с большим уважением отношусь к этому способу познания).

Мне, повторяю, интересны действия, ситуации и отношения.

* * *

...А отношения складываются месяцами. Я могу себе это позволить.

Сейчас — скорее для себя, чем для Вас — попробую составить список лиц, с которыми у социолога-наладчика за полгода возникли **отношения**.

Некоторые из них являются повседневными, некоторые эпизодическими, но это такие отношения, которые можно считать **двусторонними**. В них решительно преобладает деловой аспект, но встречаются и эмоциональные вкрапления.

В трех-четырех случаях можно констатировать даже баланс эмоциональной и деловой компонент.

(Порядок здесь произволен) — инструментальщик...; инструментальщик...; технолог...; зам. начальника цеха...; наладчик штампов...; слесарь...; мастер инструментальной группы...; сменный мастер...; слесарь-инструментальщик...; токарь, член парткома завода...; мастер РМЦ...; токарь, профгруппорг участка...; шлифовщик, парторг цеха...; старшая кладовщица участка...; начальник цеха...; рабочий...; бригадир слесарей...; ведущий технолог ОГТ...; технолог ОГТ...; механик цеха...; начальник участка печатных плат...; слесарь-ремонтник...; слесарь-ремонтник, пред. цехкома...; шлифовщик...; шлифовщик...; фрезеровщик...; начальник тех. бюро цеха...; конструктор цеха...; работник ОГМ...; бригадир токарей, ответственный за ДНД...; шлифовщик, сосед по раздевалке...; кладовщица...; табельщица...; начальник ОТК цеха...

<...> Из этого списка, пожалуй, десяток могли бы на сегодня получить здесь **развернутые** социально-психологические портреты. Много это или мало? Скорее мало. Я — не экстраверт.

Но есть, повторяю, то великое достоинство в моем положении, что мне некуда спешить.

// К трим из этого списка я сам испытываю чувство глубокой и искренней признательности. Это: Федор Филиппович К., Иван Александрович С. и Станислав П. — все трое рабочие.

По крайней мере трое должны бы испытывать не меньшую признательность мне. Это: Нюся Копырина, Мглистая, Кабаковцев — все трое ИТР.

Однако ни я по отношению к этим трим, ни они по отношению ко мне своей признательности пока явно не выражают.

К двоим я испытываю ненависть (*похоже, что «классовую»...* *Примечание 1980 г.*). Это: С. и Кесарев — оба ИТР. (Надеюсь, взаимно).

К двоим — презрение. Это: Е. и К. — оба не рабочие, но и не ИТР, а так — придурки. (Полагаю, что соответствующего ответного чувства они ко мне не питают.)

Ко всем остальным я либо расположен, либо индифферентен эмоционально. Соответственно, и они ко мне (либо то, либо другое). //

Ремарка: «ненависть» и «презрение»...

Фрагмент, выделенный (//), позднее цитировался на партийном собрании цеха (апрель 1984), где обсуждалось «дело» социолога-рабочего. (Сентябрь 1999).

...Кроме перечисленных шестерых, которым я благодарен либо которые должны быть благодарны мне, а стало быть я тоже им

симпатизирую (такова человеческая натура — симпатизируют не только «спасителям», но и «спасенным»), есть еще четверо, в отношениях с которыми эмоциональная компонента (с моей стороны) могла бы превышать обычную расположенность. Это: Авдейчиков, но слишком большой лентяй;

Рафаил, но слишком суетлив; Ксения, но слишком криклива; Голиков, но слишком — ни рыба ни мясо. (Первые двое — ИТР, последние — рабочие).

Думаю, что этот круг за полтора года вырастет раза в два-три, при сохранении тех же пропорций, т. е. структуры взаимоотношений.

...А Вы, Нина, никогда не пробовали подводить подобные балансы своих служебных контактов?

Да, есть у меня «референтная группа». Это: Федор Филиппович и Иван Александрович, иногда я кооптирую в нее Станислава. Это люди, с которыми я иногда обсуждаю свои режиссерские замыслы. Надо сказать, очень достойный «худсовет».

Есть у меня еще «референтная группа» и на соседнем заводе. Это: социолог-слесарь Сергей Р. [*С. М. Розет. — А. А.*], слесарь-инструментальщик Бубликов, технолог Херувим.

С первым мы встречаемся у метро «Петроградская» по средам, после работы (к сожалению, не каждую среду: либо он не придет, либо я, но так у нас и договорено). Глубиной и оригинальностью экзистенциально-производственных наблюдений Сергей, полагаю, превосходит меня. Может быть, потому, что я **играю**, а он — **живет**. Как жаль, что он не пишет писем своим Любимым женщинам... Мы пьем вместе кофе, иногда вино, и неторопливо обсуждаем наши жизненные проблемы.

С Бубликовым и Херувимом давно не виделся. Но ужО похвастаюсь им про свою Главную кривую линейку.

Ну, и еще одна «референтная группа» — Младший брат (Володя). Он, кстати, оказался единственным участником эпопеи ПКР, начисто лишенным разгильдяйства (напоминаю: незаинтересованность, некомпетентность, безответственность).

Я склонен приложить к этому письму текст **памятки** для меня, составленной им: «Что и в какой последовательности надо сделать, чтобы **все** было хорошо». (См. приложение). <...> [*Здесь это приложение опущено. — А. А.*]

Кажется, он переплюнул меня по добросовестности и обстоятельности. Почитайте. Это же немисливо! Я все-таки тоже немного разгильдяй...

Я спросил Володю: «Сколько бы ты потратил времени на выполнение всей этой программы-минимум, **если бы тебе не мешали?**» Он ответил: «Месяца два».

Что ж, с нашими временными накладными расходами, в этой разгильдяйской стихии, думаю, что и он потратил бы года полтора. А у меня их нет.

* * *

Милая Нина!

Письма Вам мне удаются «не переводя дыхания». На написание этого вчера затрачено 8 часов, и сегодня — 4, итого: 12 часов чистого жизненного времени. <...>

Ваш социолог-наладчик, 5.08.80

...Любой опытный механик знает главнейшее, что надежно проверить и настроить сложнейший механизм можно только в строгой последовательности, т. е., как говорят в народе, «**плясать от печки**», в противном случае все расстроится и запутается еще больше и больше времени потребуется, чтобы вернуться к «печке»...

А. Г. Солипатров

(2.9). *Пляшущие на угольях*

[Персональный адресат этого письма (август 1980) — Р. В. Рывкина.— А. А.]

Дорогая Инна!

<...> Добросовестность моей реакции на твою августовскую записку вышла за границы разумного. Об этом Ты можешь судить по характеру и объему приложений к этому письму.

Вот видишь, как опасны трогательные заявления вроде того, что «продолжение **очень** важно и сейчас стоЕт в списке ценностей на **первом** месте... (1) потому что ты (т. е. я), (2) потому что жизнь...». Мой ответ Тебе — на десятках страниц... Не получился бы эффект «обезьяньей лапы» (по Винеру).

Но деваться Тебе уже некуда и придется потратить полный рабочий день. На одно только чтение. Про жизнь и... про меня. <...>

Я собираюсь выслать Тебе также комплект **всех** писем (это же — восьмое!), которые уже перепечатаны; это целая папка, которую я пока боюсь доверить почте, но все же, вероятно, решусь — ценной бандеролью, если это письмо не потеряется.

Папка эта будет — **Тебе насовсем**.

В общем, получив это письмо, подтверди, пожалуйста, получение его **телеграммой**, даже не читая. Это будет для меня сигналом выслать все предыдущие письма, да и это — перепечатанное — впридачу. Так что мучаться над каракулями Тебе больше не придется.

(Ну, а уж как Ты справишься с восприятием восьми «писем Любимым женщинам» подряд, я не берусь прогнозировать. Для этого надо испытывать уж очень нежные чувства к корреспонденту...)

* * *

Разумеется, не надо Тебе продолжать старое «полуписьмо» с постраничными замечаниями на мое самое первое. Вообще, по отношению к этому «эпистолярному хулиганству» не надо накладывать на себя никаких моральных обязательств. Единственная обязанность — уверить корреспондента в получении.

Читать можно подряд, можно выборочно; можно — сегодня, а можно и через год.

Если бы мы жили в одном городе, наверное, уж раз десять за год встречались бы. (Или чаще?) Что-то друг другу рассказывали бы, показывали...

Вот и это восприятие стоит «растянуть». Так сказать, со сдвигом по фазе.

Подобно тому, как мы наблюдаем звезды, отстоящие от нас на расстоянии нескольких световых лет. Все же я отвечаю на некоторые твои замечания и реплики. Ибо там есть моменты, не обсуждавшиеся в последующих письмах.

О так называемом «почине»

Если не хочешь большого шума, организуй «микрошум». Попробуй-ка иначе нейтрализовать противодействие официальных инстанций эксцентричным поступкам субъекта, от которого привыкли ожидать, что он чего-нибудь выкинет, но **этого** — не ждали. Вот они и успокоились, увидев в странных действиях нечто **им** понятное. И, кстати, вовсе не противоречащее действительным намерениям социолога (исследовательский мотив).

Как объяснить секретарю парткома или начальнику отдела кадров завода, что ты не диссидент? Успокаивающий звонок из обкома партии снял это (довольно правдоподобное) подозрение с кандидата философских наук, вдруг заинтересовавшегося наладкой координатно-револьверных прессов. Вот и весь «щелчок сверху»...

Вспоминаю, как я снимался с учета в Д-ском РК КПСС. Положено по такому случаю встречаться с секретарем райкома. Я безмолвно отдал ему копию докладной записки Ядова Сигову. Тот, прочитав, сразу перевел в **свои** понятия: «Вероятно, будет докторская диссертация!». И пожелал мне успеха.

Ну, а сосед-инструментальщик на заводе выбрал с моего «блюда» мотив экзистенциальный, более ему понятный. Хоть я и исследовательского не скрывал... Только формулировал в терминах обыденного сознания: «Интересно!».

Так что не шум, а минимизация шума. Что-то вроде профилактической прививки. Я поступил туда, куда хотел. Я никакого вызова социальным институтам не сделал. Лучший ныряльщик тот, который входит в воду без брызг. В том-то и дело, что я не хочу ничего никому доказывать. Но я исключаю возможность швырять мне вслед камни.

Человек залезает на конкретную скалу вовсе не затем, чтобы все за ним лезли. Каждый пусть лезет на свою скалу. А кто-то, глядишь, заберется и на Эверест.

В свете сказанного, я вовсе не стремлюсь к тому, чтобы все рабочие, скажем, писали служебные записки начальнику цеха. Максимум того, что я хотел бы «доказать» (уж коли употреблять это слово): **и так — можно!**

Что такое всякий более или менее не тривиальный (в глазах окружающих), однако органичный (для данного человека) поступок? Это есть мини-вклад в увеличение индетерминизма человеческого поведения,

в преодоление всех нас тяготящей тенденции сужения свободы выбора. Вот и вся игра!

Можно круто менять способы жизни, не травмируя себя и не эпатуруя систему. Резервы свободы поведения нормальных, не исключительных людей — далеко не исчерпаны.

Вот и все мое «нравоучение». (В отличие от предыдущих писем, я здесь не скоморошествую!)

О «юмористическом настрое»

Согласен, действительно — перебор. Если бы только первое письмо такое, а и остальные — «с выкрутасом». Я называл это «ерничеством», «балаганом»... А ведь это — опять самопрививка. Убрать пафос инъекцией заведомого псевдопафоса. Надуть щеки, чтобы не надорваться. Каждый должен быть сам себе психологом. Вот я и проявил такую «вынужденную инициативу» — по отношению к собственной психике и письму.

Нестинары (пляшущие босиком на углях) именно пляшут, не останавливаются. Горящие угли — **Истина, Суть, Жизнь!** Остановишься — тут и самые привычные подошвы сгорят.

Мы зажаты корсетом профессионализма, автоцензуры, стремления увидеть свое сочинение в печати. Так вот, хочешь прорваться к Сути — раскрепости себя так, чтобы было заведомо «не профессионально», «не прилично», «не печатно» (ни там, ни сям!)... Говори так, как можно только с «очень близкими» или с «очень далекими» разговаривать.

Исключи внешние цели (кроме разве столь невинной, как побудить улыбнуться возлюбленную).

Есть опасность — сорваться в фиглярство... Но друзья поймут, что ты просто учишься — **как-то иначе**. Не так, как умеешь, ибо это не удовлетворяет. Пожалуй, и научиться уже не успеешь... Но кабы знать — чему? Лучше не знать.

Как остроумно заметил С. Моэм, боги смеются, когда люди достигают того, чего хотят.

<...> В твоих пометах к страницам моего первого письма узнаю рецензента-профессионала. Вот тут, мол, «блеск», а тут — «ужас»... Да не может там быть ни «блеска», ни «ужаса» — в личном (ну, полуличном) письме! Просто — еще одна попытка расширить свободу самоосуществления.

Я вот уже 16-ю (рукописную) страницу пишу без «желтой кофты». Но отсюда вовсе не следует, что обрел серьезность. Другое дело, что я не отношусь с большей серьезностью, чем к этому письму, к тоннам социологической, скажем, макулатуры. В ней так редко попадаются «жемчужные зерна»...

Но это уже факт не моего персонального, а общественно-научного развития и опыта. <...>

О совместительстве

Произведя за эти полгода около 15 печатных листов профессионального научного текста (по преимуществу отчеты, но есть и статьи; тут и совместительство в ИСЭПе, и группа «Социология и театр»),

я остаюсь «в форме». Вот только я сам выбираю работу, а не она меня. В принципе, меня совсем не отталкивает профессиональная социологическая работа за деньги, но в качестве **наемного работника**, а не **крепостного**.

В институте подразумевается, что я вернусь через два года (предположения о более раннем возвращении как будто рассеялись). В цехе я намеренно объявил, что поступаю туда **не меньше**, чем на два года (и в серьезности своих намерений повода сомневаться не дал).

Как поступлю на рубеже 1981–1982 гг., сейчас не знаю. Намеренно и здесь организую себе свободу выбора.

Кому что надо...

Ты спрашиваешь, почему **тебе надо**, а **им — не надо** (запустить станок)?

Дело в том, что (помимо общего объяснения «формулой разгильдяйства»), ввиду фиаско отдела главного технолога с подготовкой техпроцессов, запуск программной продукции на ПКР отложен генеральным директором до будущего года. Стало быть, до очередного втыка цеховому начальству далеко.

А я не хочу, чтобы с ПКР возникли неприятности в 1981 г. Ибо все втыки, которые они тогда могли бы получить, бросят тень и на меня. Вот и приходится спасать начальство от будущих неприятностей, не желая делить их с ним. О нет, далеко не так уж бескорыстен социолог-наладчик! Просто мне не улыбается «сидеть в луже», хотя бы и в хорошей компании...

И еще: то, что сегодня можно сделать **как следует**, надежно, то потом, в спешке, — только плохо, **кое-как**. <...>

Путешествие Генеральной линейки

Но вернусь к текущим событиям. 20 августа Генеральная линейка, почти месяц пролежавшая в «кабинете» социолога-наладчика в ожидании своей участи, была завернута в **кумач** (других тряпок не нашлось). И на специально заказанном для этой цели автобусе перевезена к Станкостроительному заводу. Там ее, на улице, перегрузили на автомашину этого последнего. Которая уже доставила ее к шлифовальному гиганту.

Удивишься, почему такие хитрости? А потому, что это — «левый» заказ, результат личной договоренности двух главных механиков. При этих условиях отшлифуют — за несколько дней. А то, чего доброго, понадобилось бы полгода на согласование этого вопроса между двумя министерствами (заводы относятся к разным министерствам!).

Генеральную линейку, завернутую в кумач, «похудевшую» на полмиллиметра, должны были вернуть сегодня, 22 августа. Но что-то заело и в левых договоренностях. Это позволило мне написать настоящее письмо.

...Устранить имеющееся искривление траверсы по 4-м рабочим поверхностям (I=1900). Обеспечить плоскостность и взаимную перпендикулярность рабочих поверхностей (плюс-минус 0,01) за счет минимальной шлифовки «на ровно»...

(Из требования на ремонт траверсы станка ПКР КО-120. 20.08.80)

Единство в многообразии

Ну, осталось 2,5 страницы (рукописных) до конца. Надо хоть как-то замотивировать Приложения.

[Приложениями к этому письму были различные работы автора, журналистские и научные, от 60-х до 80-х гг., посвященные проблемам производственной жизни. — А. А.]

Что общего во всех этих текстах? В конечном счете — единый **субъект** и единый **объект** отражения, но тот и другой в развитии. Сам выбор темы, жанр, способ решения темы являются отражением этого своеобразного переплетения двух «динамик» — общества и человека.

Я мог бы, наверное, и сейчас написать, как 15–20 лет назад, о том «как меня учили»... Но зачем, когда сегодня «яйцам» приходится учить «куруцу». (Напомню, что полгода назад я впервые взял в руки штангенциркуль; в первые «хождения в рабочие» мне с этим универсальным инструментом дела иметь как-то не приходилось.)

А ситуация, описанная в журналистском опусе «От людей не спрячешься»? Ныне, с развитием «участия трудящихся в управлении производством» прошла мода на коллективные письма рабочих в редакции. И не то чтобы бояться — а незачем. «Социально зрелый» нынче пошел рабочий класс... А тут (в статье 60-х гг.), как само собою разумеющееся, три «коллективки» с одного завода, в одну и ту же редакцию, почти в одно и то же время.

Вот так меняется объект. А субъект? Да неужто один и тот же человек писал про «производственный мир» — в этих сочинениях 15-летней давности и в сегодняшних?! Подпись не оставляет сомнений.

Человек един в своем многообразии, как мир многообразен в своем единстве.

Впрочем, пора улыбнуться над собой, чтобы от псевдопафоса не сбиться на настоящий пафос, который как раз и неуместен в моем нынешнем, вовсе не публицистическом жанре (это письмо). <...>

Пока все — про Жизнь и про Себя, точнее — про Себя в Жизни и про Жизнь в Себе. Где тут что — поди разберись. <...>

Андр. Алексеев, 22.08.80

Ремарка: задал работы адресату!

Кроме вышеприведенного, письмо сопровождалось еще семью приложениями, на сотню машинописных страниц. Среди них: журналистские очерки прошлых лет, научные отчеты, тексты «замечаний по технологическим процессам».

Для освоения всех этих материалов адресату, действительно, понадобился бы целый день. (Сентябрь 1999).

...Обезьяна отличается от других животных тем, что умеет смеяться над другими. Человек отличается от обезьяны тем, что умеет смеяться над собой.

...Даже если вы трудитесь на благо человечества, вы делаете это для своего удовольствия.

...Не столь важно, чего ты достиг, сколько то, как это достигнуто.

...Свобода есть осознанная внутренняя необходимость, в соответствии или вопреки необходимости внешней.

...Собственная жизнь — весьма интересный объект для включенного наблюдения.

Максимы А. Из дневника. 1974–1975.27

...и развернулось напоказ

в лист Мебиуса серо-утлый,

где можно быть одновременно внутри и вне...

Сергей Розет (из поэмы «Лес»)

<...>

Глава 3. Театр жизни на заводских подмостках (продолжение)

(3.6). Наладчик и бригада («Партизанщина»)

[Персональный адресат этого письма (август 1981) — А. К. Назимова]. — А. А.]

Дорогая Алла!

Тебе еще не наскучило складывать в папку мои письма?

Кому, как не соавтору исследования общественной активности рабочих на производстве, рассказать мне историю партизанского освоения координатно-револьверного пресса в цехе №. 3 «Полифонмаша»?

Помнится (нет, лучше перепишу!), в нашей недавней статье на соответствующую тему есть следующие строки:

«...Заранее предупредим, что в данной статье речь пойдет лишь о социально-одобряемых и институционально-организованных формах общественной активности на производстве, т. е. об официальных формах такой активности. Это накладывает ограничения не только, так сказать, количественные, ибо вне поля зрения исследователя оказывается известная масса инициативных видов производственной деятельности. Уместно предположить, что условия и мотивы «неофициальной» активности, механизмы ее формирования — иные..., а это означает, что наши выводы будут иметь ограничения и содержательного характера...»

[Статья А. Н. Алексеева и А. К. Назимовой «Общественная активность советских рабочих» была опубликована в сборнике «Рабочий класс СССР на рубеже 80-х годов» (М.: ИМРД, 1981). — А. А.]

Так вот, расскажу об этой не официальной, **не санкционированной** активности. Причем об активности — не только твоего корреспондента (а то о нем, того гляди, создастся впечатление Лягушки, взбивающей масло в горшке с молоком, чтобы не утонуть).

Письмо это назову: **Наладчик и бригада.**

* * *

Я уже сообщал, что мой ПКР размещается между станками и верстаками, за которыми трудится первая на заводе комплексная бригада, работающая на единый наряд. Ее возглавляет Игорь Вас Лозовой, недавно награжденный орденом «Знак почета». Зам. председателя совета бригадиров завода.

Вообще, наш цех — зачинатель БФОТ (бригадные формы организации труда). 80 процентов всех рабочих цеха состоят в бригадах.

Что касается Лозового и его бригады, то приведу обширную выдержку из заводской газеты:

«...Уже два года существует эта бригада, работающая на один наряд. И люди в ней подобались разные. На первый взгляд, необычно, что сюда охотно идут люди, имеющие высшее и среднее специальное образование...

(Среднее специальное — у Игоря Смирнова; а под высшим — имелся в виду... социолог-наладчик, т. к. бригадир показал корреспондентке на мой станок, где я в тот момент для них «партизанил», а та не уточнила, являюсь ли я членом этой бригады. — А. А.)

...Но продукция, которую выпускает бригада, очень сложная. Это детали и узлы к фотонаборной технике, которую недавно стали выпускать на заводе. И рабочему требуются глубокие знания, умение точно рассчитать, высокое мастерство. Все это можно сказать о слесарях и фрезеровщиках, которыми руководит кандидат в члены партии И. В. Виноградов.

Много учеников было у него. Присылали парнишек из ПТУ, ничего не умеющих, с трудными характерами. И к каждому находил он свой подход. Сколько сил приходилось вложить, чтобы воспитать из них настоящих мастеров своего дела! Но никто из ребят не ушел с завода, после армии обязательно возвращаются на завод.

Один из бывших учеников Виноградова И. А. Смирнов говорит о наставнике:

— Он своей отзывчивостью обязывает нас работать еще лучше.

На первый взгляд — парадокс: отзывчивость и вдруг обязывает! В бригаде Виноградова так: внимание к человеку, забота о нем, помощь ему стали преградой разгильдяйству и нерадивости.

У Игоря Васильевича много забот: сейчас, с бригадой, добавились и функции мастера — распределять задания, планировать работу, следить за дисциплиной, учить молодых, воспитывать людей.

— Да, много стало хлопот, но зато теперь интереснее работать, — говорит Виноградов.

Сам он трудится на заводе тридцать четыре года. Совсем юным пришел сюда из ремесленного училища, получив специальность слесаря-сборщика. Сначала собирал токарные станки. Потом постепенно овладел многими специальностями, стал мастером высшего класса и учит других. Сейчас каждый в его бригаде может работать на двух-трех операциях *(не операциях, а типах операций. — А. А.)*.

Сам Игорь Васильевич всегда идет впереди. Десятую пятилетку он выполнил за три года и почти полностью успел завершить еще одну...» («Строгость бригадира» — «Трибуна машиностроителя», 1981, 3 июля)

Между прочим, все **правильно** написано. (Была в этой статейке и «лажа», да не стал это переписывать.) А Лозовой, действительно, идеальный бригадир! Деятельный и доброжелательный. «Слуга царю, отец солдатам...».

На этом же участке есть и другая комплексная бригада, того же профиля. Это — «последователи». Возглавляет ее Толя Филин, которым администрация не очень довольна.

<...> В партию Лозовой вступил недавно, без особой охоты. Но — «куда денешься», раз зачинателем оказался. Положение обязывает... Во всяком случае, он обрел это положение, будучи беспартийным. Своего (а теперь — бригадного!) не упустит. Но и в конфликт зря не полезет. В меру покладист.

...Пришли в цех о его бригаде кинематографический сюжет снимать. Возвращаюсь с обеда — станок мой включен, а один из слесарей на нем кнопки нажимает! Да не помнит, какую нажал... А у меня не все пуансоны с матрицами спарены (пришлось потом каждое гнездо проверять!).

Оказывается, киношники попросили Игоря: мол, этот станок в кадр попадает, так пусть кто-нибудь «поизображает». «Надо — пожалуйста!» (Лозовой).

Я тогда только-только станок отрегулировал и еще боялся, что второй раз не сумею... А вообще-то — нечего в револьверной головке не спаренный инструмент держать (это я уже — про себя!).

Вот какой был смешной эпизод (как социолог-наладчик чуть в кино не попал). Но это — к слову. Суть же — впереди.

* * *

Первую программную продукцию на ПКР, после его капитального ремонта, я выпустил, как Ты знаешь, в ноябре 1980 г. И тогда же стало ясно, что очередной производственной загрузки станку нет и в ближайшие месяцы не предвидится. Взял я листок бумаги и написал на нем:

«Можно пробовать на ПКР:

— стальные листы толщиной до 2 мм, алюминиевые — до 3 мм; круглые отверстия диаметром от 1,5 до 50 мм; пазы и окна любых размеров; максимальный размер детали — 500x500, минимальный — 100x200;

— если заготовка «в угол», то обеспечивается точность расстояния от базы — 0,2 мм; точность отработки межцентровых расстояний — 0,2;

— возможность штамповки — в зависимости от наличия инструмента; запас комплектов (пуансон — матрица) в цехе — около 300.

А. Алексеев. 28.11 80».

Отдал Лозовому. Он: «Партизанить?» (очень, кстати, точное выражение!). Я — ему: «Пожалуйста!». Тот спрятал листок в ящик верстака. И тем дело пока кончилось. В декабре я ушел в отпуск. В январе вернулся. Работы нет. И не светит.

Это я теперь рассматриваю свои простои как нормальную компенсацию свободным временем за низкий заработок повременщика (150 руб.). А тогда без производственной загрузки чувствовал себя неудобно. А слишком настойчиво требовать загрузки или дополнительной работы — будет выглядеть, словно я заработать хочу. Но мне и зарабатывать больше сейчас не очень удобно, пока справку на

совместительство дают. (Что-то вроде ситуации пенсионера, которому не нужен заработок, лишаящий его пенсии.) Да и какой, в самом деле, дурак будет у них себе лишнюю работу за ту же плату требовать?

Другое дело — бригаде **облегчение** сделать (это словечко уже позднее возникло, его Лозовой употребил). В таком случае мой альтруизм приобретал не абстрактное, а вполне конкретное содержание (что тоже было осознано много позднее). В нем (этом альтруизме) обнаружилась вполне деловая база и экономическая сторона.

Мой негласный договор с бригадой Лозового был заключен при обстоятельствах, о которых не могу вспомнить без улыбки.

* * *

Не избалованный личным (т. е. личностным) вниманием соседей по рабочему месту, да и сам никого своим вниманием не обременявший, я был немало удивлен, когда мой ближайший сосед, фрезеровщик Виталий в первый послеотпускной день заметил, что у меня годовая юбилей со дня поступления. Надо же, помнит... (А ведь дай бог двумя десятками слов мы оба обменялись за целый год.)

Тогда я решил, что надо... «оправдывать ожидания». Моему первому наставнику Федору Филипповичу подарил в день получения авторучку в футляре, Ване Сидорову — подстаканник, а кладовщице Фаине — духи (это — по случаю своего «юбилея!»). Эти трое в свое время приютили меня в инструментальной кладовой, а потом Ваня и отдельным «кабинетом» обеспечил...

Если подарки от «юбиляра» еще можно было толковать двояко: то ли выражение благодарности, то ли «мелкий подхалимаж», — то другая моя «акция» была однозначной и вообще рутинной. В этот же день принес я с собой бутылочку домашней настойки и троим соседям по рабочему месту (наладчик штампов Стас, мой предшественник на ПКР Игорь С. и «подавший идею» фрезеровщик Виталий) предложил — **за 30–15 мин. до конца рабочего дня** заглянуть в каморку УСП, по случаю моей годовщины.

Заглядывали по очереди, от 15-30 до 16-00: Ваня, Игорь, Стас; Ф. Ф. уважил, тоже заглянул, но ему спиртного нельзя, а «инициатор» Виталий, оказывается, ничего такого в виду не имел и **никогда** на работе не принимает.

Вообще в цехе выпивают, но по-тихому, и я интуитивно попал в точку, создав возможность для последовательных визитов, а не устраивая «коллективную пьянку». Тут всего-то 100 грамм с яблоком, но важна идея, символ!

Последним оказался Игорь С., и мы с ним, как и с остальными, минут 5–10 обсуждали мои дела («именинник» всегда имеет на это право!).

Возникло (признаюсь, у меня) огорчение по поводу обнажившегося дна бутылки и недообсужденных вопросов. Да вот беда — оказывается, Игорь сегодня с обеда работает и должен прихватить половину вечерней смены.

(А дело в том, что на заводе, особенно в то время, шла **демонстрация** работы сверхурочно, чтобы видна была напряженность

плана. По очереди каждый получал талончик, который должен был пробить, выходя с завода часов в 19–19.30. А поскольку действительной надобности в сверхурочной работе в ту пору вовсе не было, то очередник, со всеобщего ведома, выходил с обеда, т. е. просто передвигал свой рабочий день. Зато было «очевидно», что без сверхурочных программу никак не выполнить — выигрыш для администрации, и заработать столько никак нельзя — выигрыш для рабочих!»)

Игорь объяснил мне, что выйти надо через одну проходную, а вернуться на завод через другую и сказать, что забыл полочку в духовке. У меня еще хватило ума положить в сумочку старые ботинки, выйти и вернуться с ними, чтобы видно было — зачем сумочка («камуфляж»!).

А в этот вечер («сверхурочно», т. е. с обеда) кроме Игоря С. работали еще бригадир Игорь Лозовой и Саня Кузькин (ростом с крошку Пусьгина, по прозвищу «Амбал»). Вернулся я благополучно, вошел в свою каморку, вышел... и захлопнул дверь, оставив ключи на подоконнике. (Никогда такого не бывало, а тут случилось!)

Подхожу к Игорю, смущенный: вот, «все есть», а под замком. Что слесарю отмычку сделать... Да замок хитрый. Тут мобилизовались все сверхурочники. Бригадир решил — выставить стекло (дверь — со стеклом). И выставили, и вставили обратно, с энтузиазмом и бескорыстно. И сам бригадир не загордился: раз «юбилей» — не только можно, но и должно отметить.

Два Игоря и Андрей обсудили перспективы сотрудничества, но решений не принимали. Просто каждый другого понял и «взял в голову».

Потом чуть-чуть и «Амбала» угостили, но тот, как известно, заводится с пол-оборота, и ему, как было сказано, больше 100 граммов давать нельзя.

Должен оговорить (вовсе не из цензурных соображений!), что история эта — не типичная, ни для юбиляра, ни для его «гостей». Просто вот такое интересное стечение обстоятельств и непринужденное развитие событий.

Было это 13 января 1981 года... А 14 января — началась **партизанщина**. «Примкнул к бригаде», — выразился Стас.

* * *

На координатно-револьверном прессе удобно пробивать маленькие отверстия, которые обычно сверлят. Или — большие, которые обычно растачивают. Можно прорубать пазы, которые обычно штампуют на других прессах. Можно, комбинируя удары, вырубать большие окна, которые обычно фрезеруют. «Золотая машина!», по выражению одного из рабочих.

Надо сказать, что Лозовой действовал куда осмотрительнее наших технологов. Он предлагал мне проштамповать не всю деталь, а лишь отдельный паз в детали. Тот, который для него наиболее трудоемок. А на ПКР, глядишь, можно это сделать... Но карты штамповки, понятно, нет.

Значит, нужно самому рассчитать эту карту. Потом — взять обычную заготовку детали и изготовить из нее самодельный шаблон,

непосредственно на станке, пользуясь координатной сеткой и микроскопами.

Когда первый паз его устроил, Лозовой предложил мне связку отверстий. Потом — почти целую деталь.

<...> Вся эта работа поначалу привлекала внимание мастера участка не больше, чем изготовление металлических обложек для «Писем любимым женщинам». Да она и была не видной. Подумаешь — один паз из десятка... По ходу дела понадобилась какая-то новая оснастка. С подачи Лозового ее изготовили, легальным порядком. То есть — администрация не увидела в «партизанщине» какого-либо нарушения. Напротив, мастер перехватил инициативу у бригадира и заказал мне деталь, оказавшуюся записанной уже за бригадой Филина.

Одновременно шла работа по испытанию нового поколения поступивших из инструментального цеха шаблонов. И эта партизанщина происходила как бы **между делом**, никому не колола глаза. А бригаде (той или другой) она приносила скромное «облегчение».

Экономическая заинтересованность бригад состояла в том, что мои пазы и отверстия естественным образом записывались на их счет, как если бы делались не на ПКР. Но до середины февраля эта экономическая выгода была еще относительно невелика. Интерес бригадиров к моему станку резко возрос, когда социолог-наладчик, подогреваемый их запросами, решился отступить от стандартной технологии штамповки на ПКР. И — перевернул шаблон!

* * *

Чтобы Тебе было более или менее понятно: отверстия на листовой детали, согласно чертежу, могут размещаться на любом участке ее площади. Но для станка существует так называемая «мертвая зона». Это та часть детали, которая ухватывается пневмозажимами. И пробить отверстие там, понятно, нельзя.

В официальной технологии эта проблема решается использованием заготовок с технологическим припуском. Тогда пробивать отверстия можно в любой точке будущей детали. А припуск потом отрезают. Ну, а если заготовка — без припуска (как в нашем случае), то можно попробовать штамповать в два захода. Сначала — все, кроме «мертвой зоны». А потом, перевернув и шаблон, и деталь, также и то, что раньше попадало в эту зону.

Правда, тут есть обязательное условие — чтобы заготовки были строго прямоугольные и одинаковые по габаритам. Иначе, при перевероте шаблона, требуемые расстояния отверстий от краев листовой детали выдержаны не будут.

Ну, слесарям эти технологические особенности моего станка, хоть и понятнее, чем Тебе, но мало интересны. Лозовому интересен результат. Можешь войти в «мертвую зону» — войди! Надо для этого перевернуть шаблон — переверни! Лишь бы все размеры были в допуске.

Лозовой спрашивает: «Это можешь пробить?» — «Могу». — «А это?» — «Тоже». — «Отлично! А эту связку отверстий?» — «А эту не могу». — «Жаль... А может, как-нибудь?» — «Боюсь размеров не

выдержать. Заготовки-то ведь могут быть и не одинаковые...» — «**Будут одинаковые!** Давай, Алексей, под мою ответственность».

Уж очень ему не хочется отдельно эти отверстия просверливать, раз все остальное — я могу. Требование на «одинаковость» никаким ГОСТом не предусмотрено. Но Лозовой знает, что их (заготовок) разной — в пределах допустимого для данного случая. Итак, сработал комплекс заинтересованности (экономической), компетентности (технической) и **ответственности** (моральной) — в предвидении конечного результата. (Напомню «формулу разгильдяйства»: незаинтересованность + некомпетентность + безответственность.)

Вот тогда-то наладчик ПКР перевернул шаблон и впервые **вошел в «мертвую зону»**. Это было 20 февраля 1981 г. А 23 февраля состоялось открытие XXVI съезда партии. Я считаю, что мы с Лозовым достойно встретили партийный съезд.

* * *

С этого момента начался триумфальный и тернистый (развязка еще впереди!) партизанский поход в тылу отдела главного технолога. Разнеслась молва, что наладчик ПКР может сам и техпроцессы рассчитывать, и шаблоны делать, а главное — пробивать отверстия в допуске, где бы они на детали ни размещались.

Следующую субпорядную работу для ПКР у Лозового перехватил бригадир Филин. Лозовой обижался: раньше эту выгодную деталь делала его бригада. Но Толик договорился с мастером. И мне пришлось сказать «своему» бригадиру: «И рад бы, да ты **не зевай!**».

«Ф-...» — крупная панель, с большим окном и доброй сотней разнокалиберных отверстий. Разумеется, с отверстиями и в «мертвой зоне», с размерами, заданными от разных баз, да еще не вся оснастка для ее изготовления имеется.

Толик и член его бригады Серега — люди деловые: «Чего тебе нужно?» — «Для этой детали есть старый шаблон, но в нем надо припуск срезать». — «Срежем!» — «Пару отверстий в шаблоне передвинуть». — «Передвинем!» — «У меня искатель на 6 мм, а тут 7-миллиметровые отверстия в шаблоне. Можете новый искатель сделать?» — «Сделаем!».

На следующий день все было готово. Куда начальнику тех. бюро цеха Авдейчикову до такой разворотливости! (Делали не сами: тут и токарь нужен, и фрезеровщик, а закаливать искатель — так и вообще в другом цехе.)

Ну, и я решил сделать им подарок: «Попробую вместо керна *[своего рода наколка на металле, разметка. — А. А.]* вам сразу 1,5 мм отверстия пробить. Только если пуансон сломаю, вы уж мне его сделайте». — «Ладно!». Толя Филин посоветовал подкоротить пуансон (скорее уцелеет!). Когда не уцелел и второй, пришлось задуматься. Так возникла **тайная рация**, в виде тонкого пуансона, переделанного из более толстого, так что: а) прочность повысилась; б) никто и не знает, что тонкие поломаны.

Почему же эту рацию я никогда не стану оформлять? Все дело в том, что по нарядам (даже если эту деталь когда-нибудь переведут на ПКР) штамповщик получит свое, за кернение, а слесарь — свое, за

сверловку. А если они еще в одной бригаде, так и то и другое — «в общий котел». И кому какое дело, как возникли отверстия. Были бы в допуске... Ну, года через два заметят, может быть, срежут расценки. Так ведь их и так срежут, не глядя. Так что рабочая инициатива не без успеха корректирует нелепости тарифной системы.

Филин и Лозовой советовали не торопиться, особенно **когда смотрят** (а визитеров было много!). Я ответил, что — **не дурной**. И они успокоились.

<...>

* * *

16 марта наладчик ПКР приступил к выпуску первой **легальной** (не партизанской!) партии деталей. В импровизированном соревновании рабочей инициативы с бюрократической машиной последняя приковывалась на исходный рубеж с опозданием на четыре месяца (запуск ПКР состоялся еще в ноябре).

Не было такой ямы, в которую административная машина не заехала бы колесом, а то и всеми четырьмя. Все ее злключения добросовестно отражены в **сводном** акте производственных испытаний от 9.04.81, который прилагаю.

<...> [*Здесь текст акта опущен. — А. А.*]

Если в январе-феврале я был занят производственной деятельностью (в любых ее формах!) примерно 2/3 рабочего времени (благодаря партизанщине), то в марте оказался загружен почти на 90% (не фигурально, а буквально!).

Это было веселое время и эффектное зрелище: социолог-наладчик, «гарцующий» на координатно-револьверном прессе. Пора бы уж коню и споткнуться... А то как-то неловко и рассказывать.

В апреле производственные задания, обеспеченные документацией, оснасткой и заготовками, иссякли. Только разбежался — стоп, дорога перерыта. Ладно. Я в ту пору начал уже воспринимать свои простои как заслуженный отдых повременщика.

При всей лихости партизанских прорывов социолога-наладчика, мое отношение к точности соблюдения размеров, заданных в чертеже, было куда более трепетным, чем у остальных рабочих. Там, где слесарь меряет штангенциркулем один раз, я мерил трижды. Там, где отклонения в допуске, слесарь не станет заниматься подрегулировкой. Я же минимизирую отклонение, для надежности. Знаю, что «пройдет», но «держу руль выше, чтобы не снесло».

При внимательном отношении к запятым, корректоры могут не заметить пропущенную строчку. (Кажется, один из томов БСЭ вышел с опечаткой — буква «У» вместо «Е» на титуле.) При выпуске первой **целой** партизанской детали для бригады Филина я смотрел не только в чертеж, но и в первоначальный вариант техпроцесса на ПКР (от которого потом отказались). В нем был удобно представлен список требуемого пробивного инструмента. И вот на чертеже диаметр отверстия 11 мм был заменен на 10, а в этом списке, понятно, нет.

Только пробив половину партии, я обратил на это внимание. Сказал бригадиру. Тот: «Ничего, пойдет». И наверно «пошло» бы, если

бы Толик предупредил сборщиков (как это обычно делается). Отверстия эти служат не для крепления чего-либо, а для того, чтобы просунуть в них лампочки, имеющие самостоятельное крепление. Просто вокруг ободка лампочки на светлой панели получится даже не щель, а 0,5-миллиметровая темная каемочка...

Панель попала на сборку уже в конце апреля. К этому времени поражение регулярной технологической армии в соревновании с партизанским отрядом стало уже свершившимся фактом. И вот такое «ЧП».

Как мне сообщил мастер, готовилось взыскание всем: и тем, кто партизанил, и тем, кто не пресек, в том числе и ему. Мне оставалось обезоружить его утверждением, что виноватым считаю только себя. Толя Филин ко всей этой истории отнесся флегматично: не такое бывало! Цеховой технолог Копырина готовилась безвинно пострадать (полагаю, не без морального удовлетворения, по поводу обуздания слишком самостоятельного наладчика ПКР).

* * *

...И вдруг тот же мастер Т-в сообщает о новом повороте событий: «Бумагу (выговор) порвали!». Это совпало с визитом на завод заместителя министра. И надо тому показать, что, между прочим, координатно-револьверный пресс работает. А у меня, как на грех, даже партизанских заказов нет.

Социолога-наладчика **попросили** (это именно так надо говорить!) подготовить ПКР для штамповки тех самых «корзиночек», которыми пять месяцев назад ознаменовался запуск моего станка. Добыли для этого пятьдесят заготовок (тогда-то была тысяча!).

Но тут работы всего на час-полтора. Значит, надо, все наладив, **сидеть у станка**, чтобы, как только зам. министра появится, **врубить**. А вдруг зам. министра подойдет и что-нибудь спросит... Ну, вы понимаете, черт его знает, что рабочий ответит, если накануне получил выговор. Такова нормальная административная логика...

В день визита я — для восстановления навыка (к каждому рисунку штамповки надо привыкнуть) — отштамповал подряд десяток «корзиночек». Мастер заволновался, что для **часа икс** — не останется. Готовились к встрече высокого гостя и остальные. Два часа я наблюдал за одной дверью, пока меня не предупредили, что войдут через другую. А зам. министра вообще пошел по другой лестнице. И весь наш участок остался «в дураках с вымытой шеей»!

Зато накануне разгромили пролет от заготовок и готовых деталей (загромоздив ими кладовую, куда визитер не заглянет). А со двора убрали новые станки, простоявшие там под снегом всю зиму. И еще, вероятно, были проведены другие не бесполезные мероприятия. Отношение рабочих к подобным спектаклям деловое и беззлобное: «Политика партии!» (Лозовой).

* * *

В мае было затишье и на партизанском фронте, и в частях регулярной армии. А в конце месяца наступил период моей бурной производственной деятельности, продолжавшийся весь июнь. Этот

период официально отражен в сводном акте производственных испытаний от 9.07.81.

<...> [Здесь текст акта опущен. — А. А.]

В это время легальный и нелегальный выпуск деталей на ПКР перемежались. По количеству затраченного рабочего времени они примерно равноценны. По степени сложности техпроцессов — несопоставимы. Объем партизанской продукции в акте несколько занижен. Там указаны только обозначения, прошедшие на моем станке полную обработку. Частичные же поделки не отражены (из соображений как скромности, так и конспирации...).

Лозовой вошел во вкус партизанщины. Не успевал я скрыться в свой «кабинет», как он стучался «на прием» (его выражение). Наша «подпольная» деятельность стала в известном смысле рутиной. В установлении очередности всегда отдавалось предпочтение легальным производственным заданиям, но иногда официальному заказу приходилось подождать, пока не будет закончена отработка партизанского. Мастер был одинаково заинтересован в тех и других (в смысле сроков сдачи).

Технологи ревновали. Ибо им наладчик ПКР ни одной неувязки не спускал, отражая эти неувязки в актах. При этом оставался неувязчивым, поскольку каждый раз сам же и предлагал выход из положения. Бригаде же Лозового куда более головоломные технологические трюки социолога-наладчика преподносились задарма. Если бы я хоть одну легальную партию задержал, из-за ихних же просчетов, я стал бы в глазах технологов «саботажником». Так же — получалось, что я еще больше набиваю себе цену.

С Лозовым иметь дело было одно удовольствие. Бригадир не забывал говорить, что «Родина тебе скажет спасибо, а технологи отругают». Оперативен без суетливости, внимателен без навязчивости, осмотрителен без перестраховки. Ходил я у него в молодцах. Когда Лозовой забывал указать мне на связку отверстий, которую ему еще желательно пробить, он говорил: «Ах, не сообразили мы с тобой, Алексей!». Но когда я сам пропустил в чертеже одно отверстие (которое потом пришлось просверливать отдельно), он также относил эту ошибку за наш общий счет.

Вообще, даже между производственными подразделениями (не говоря уж об отдельных рабочих) не принято возвращать брак, если можно как-то выкрутиться. Твою недоработку обычно устраняют или замазывают другие. Рассчитывая карту штамповки в одной из деталей, я сместил четыре отверстия. Дело поправимое: надо пробить новые, а ненужные — заглушить вырубкой от тех же отверстий. Я первым заметил это, сказал, что сам исправлю. Лозовой: «Ты давай, Алексей, жми дальше, а мы поправим». Один из слесарей глушил отверстия, таская детали к металлической плите по одной (чтобы в глаза не бросалось). Когда я освободился, я стал **ему помогать**. И мы быстро справились, в четыре руки.

<...> Отличием новых партизанских деталей от прежних была их повышенная сложность. Так что наладчик уже не мог обойтись расчетами

в тетрадке. Понадобилось делать свой чертеж развертки детали (в официальном чертеже она показана уже в загнутом виде). С пересчетом всех размеров для карты штамповки. Но у наладчика ни кульмана, ни стола, ни доски. Голь на выдумки хитра: если завернуть в ватман заготовку детали (1,5 мм толщиной, сталь), то можно чертить и на коленях — эскиз в натуральную величину.

Тут сама будущая деталь выступает в функции чертежной доски. Кажется, эти самодеятельные чертежи вызвали у работников ОГТ ревность не меньшую, а даже большую, чем стопа нелегальных панелей.
<...>

* * *

«Монополия» социолога-наладчика требовала каких-то ограничений. Самое разумное было бы приставить к нему учеников. И администрация встала на этот путь.

В начале июля Нюся Копырина показала мне составленную в тех. Бюро цеха учебную программу. В нее входило обучение расчетам карт штамповки, т. е. проектированию техпроцессов. (В этом, как явствует из вышеизложенного, я преуспевал теперь лучше технологов).

У социолога-наладчика спросили, согласен ли он обучать учеников (за положенную плату, разумеется). Я, конечно, согласился. Предполагалось, что обучение будет завершено до осени. Однако к нему еще не приступали. Кто помешал? Лозовой!

Дело в том, что учеников предполагалось набирать из его бригады. Тем самым ПКР фактически стал бы бригадным оборудованием. И я вошел бы в состав бригады, разумеется. Это планировалось давно. Да сначала надо было загрузить станок. Сделано это было лишь отчасти, и то больше благодаря партизанщине. Но первый вопрос, который должен интересовал бригадира, — сколько не в натуре, а **по расценкам** можно выработать на этом станке.

(Тема нормирования и оплаты заслуживает отдельного разговора. Здесь же замечу только, что предложение Лозовому выделить учеников из состава своей бригады совпало по времени с целой серией легальных производственных заданий, которые, при достаточно трудоемкой наладке, по расценкам ПКР стоили бы гроши.)

В общем, бригадир справедливо рассудил, что при **таких** расценках и при **таком** планировании на ПКР можно и «прогореть». И отказался давать учеников: «Ищите слесаря-повременщика!». Тут бюрократическая машина забуксовала.

Лозовой мне сам об этом рассказал. И мы с ним на будущее договорились о согласованных действиях: либо вместе — **за**, либо вместе — **против** моего вхождения в бригаду. **Пока** — против! Ничего не поделаешь. Экономика определяет политику...

Ну, а легальные техпроцессы, между тем, шелкались как орешки. Попалась, например, деталь «Ф-...» — та самая, которая год назад уперла меня лбом в загадку «сжимающейся вселенной». Вся партия была выпущена за несколько часов. А в прошлом году (при кривой «Генеральной линейке») возился с нею чуть не неделю. <...>

* * *

Но должен же на голову рыцарю ПКР свалиться хоть какой-нибудь да кирпич! Иначе все это начинает походить то ли на сказку, то ли на мистификацию. Или (с другой стороны): «Что за свадьба без цветов? Пьянка, да и все». Цветы? Кирпич на голову? Пожалуйста!

...В последних числах июля. Встревоженный Лозовой: «Маханули мы с тобой, Андрей (к этому времени бригадир уже перестал путать мою фамилию с именем). Два отверстия забыли в панели сделать!» — «Панели уже покрашены?» — «Да!» — «А просверлить нельзя?» — «Панель лицевая — для подмазки колера не подберешь». — «Выход какой-нибудь есть?» — «С конструкторами согласовывают. Да дело далеко зашло...».

Лезу в свой кустарный чертеж (заменяющий карту штамповки). Есть там эти отверстия! Может, в шаблоне забыл сделать? И там есть. А в готовых деталях они отсутствуют. Не технологическая, а **психологическая** издержка технологии штамповки с переворотом шаблона. Эти два отверстия привязаны размерами к одной базе, а расположены ближе к другой. Когда перевернул шаблон, казалось само собой разумеющимся, что они уже пробиты (раз тяготеют к противоположному краю).

Первую, пробную деталь этого обозначения Лозовой собственноручно проверял, по моей просьбе. И поддался другой психологической ошибке: когда держишь в руках деталь, хочется сверить ее с чертежом, а не наоборот. Все, что в металле, есть и на бумаге. Но не все, что на чертеже, есть в металле.

Лозовой: «Ну да, все понятно... Всюду они есть, а не заметили!» — «Что теперь будет?» — «Неприятности. Само собой, кронштейн можно снизу прилепить, если конструктора согласятся».

Дело было в пятницу 24 июля. В понедельник (27 июля) спрашиваю у Лозового: «Ну как?». Лозовой: «Мне выговор». Я: «А мне?» — «Ну, деньги же мы получили. Ты — чист, как огурец!». Мда! И то сказать, не хочешь кирпича на голову — не ходи под карнизом. А карнизы у нас — широко-о-о-кие... Конечно, на пару с Лозовым выговор схлопотать веселее было бы. Но, сидишь в дерьме — не чирикай!

В среду (29 июля) читаю на стенке распоряжение, от 28.07.81. Переписывать постеснялся, цитирую по памяти:

«Распоряжение

При штамповке детали «Ф...» наладчик Алексеев (раб. 03445) не выполнил двух отверстий, на что бригада 001 (бригадир В-в) не обратила должного внимания. В результате чего узел «Ф...» пошел на сборку с отклонением и была поставлена под угрозу срыва программа июля-месяца.

1. Наладчику т/оборудования Алексееву за допущенное отклонение от чертежа

детали «Ф...» объявить выговор по цеху.

2. Бригадир В-ва и ст. мастера участка Т-ва за недостаточный контроль за работой

своих подчиненных предупредить.

3. Начальнику ОТК цеха Л-чу указать на недопустимость подобных случаев.

Начальник цеха А. С-к.»

После такого хода в записях шахматных партий принято ставить восклицательный знак. Ход сильный! Фактом является, что начальник цеха в последнюю минуту изменил собственное (или подготовленное кем-то из его подчиненных) решение, объявив выговор наладчику ПКР вместо бригадира. Теперь — что этот факт **означает**?

1) Начальник цеха проявил несомненную **широту мышления**, определив ситуацию не согласно форме, а согласно действительному положению вещей.

2) Нач. цеха проявил **дальновидность**, обеспечив наладчику ПКР взыскание, на случай, если в дальнейшем его социальная активность станет чрезмерной.

3) Нач. цеха проявил определенную способность к построению **тестовых ситуаций**, заманивая социолога-наладчика в ловушку опротестовывания выговора, перекладывания вины, наконец, апелляции к форме, против сути (мол, где записано, что это моя работа?).

Но, при всем том, это распоряжение начальника цеха имеет ряд обратных (т. е. противоположных его целям) эффектов.

1) Начальник цеха хотел пресечь (или по крайней мере ограничить) партизанщину наладчика ПКР и бригадира; он ее своим распоряжением узаконил.

2) Нач. цеха имел в виду доставить наладчику как бы неприятность, а доставил облегчение и удовольствие от того, что наказание сосредоточилось на нем, а не на бригадире.

3) Нач. цеха полагал не лишним несколько осадить слишком самоуверенного субъекта, однако скорее способствовал росту его авторитета в рабочем кругу. Ибо, как выразился Лозовой: «За то **нам** (именно так он сказал!) выговора и выносят, что мы **работаем**. А кто не работает, тот выговоров не получает». И то верно!

...Деталь, конечно, исправили. Бригада между делом изготовила 65 небольших кронштейнов, на которых снизу будет крепиться то, что должно было бы крепиться сверху (кажется, связка проводов). Одна партия машин выйдет в мир с небольшой мутацией. Что касается наладчика ПКР, то он ожиданий начальника цеха не оправдал — выговор воспринял как заслуженный. И на следующий день обратился к Лозовому... за новым партизанским заказом. Выполнил его за полтора дня и ушел в свое подполье, писать это письмо.

Сегодня (6 августа) меня извлекли — для легального производственного задания. Но, разумеется, заготовки оказались отрезанными без припуска, а техпроцесс и шаблон — с припуском. Единственный выход — опять же **перевернуть шаблон**. И мастер самолично попросил об этом наладчика.

* * *

...В том и состоит психическое здоровье (чего желаю всем возлюбленным), чтобы на Систему не обижаться. Ее можно изучать, ее можно переделывать (иногда — уничтожать), с ней можно — **играть!** Состязание Тореадора и Быка — прекрасная метафора Жизни. Успеха Тебе в твоих «корридах»! <...>

Твой социолог-наладчик, 4–6.08.81

Ремарка: «Если рабочим не мешать...»

Здесь уместно процитировать современную книгу по социальной психологии:

«...Анализ феномена изменения аттитюдов и когнитивного диссонанса, предпринятый приверженцами одноименной теории, заострил всеобщее внимание на том, что представляет собой, возможно, наиболее важный вклад социальной психологии в исследование мотивации, а именно на значении воспринимаемой личной ответственности и личного выбора...»

Когда люди убеждены в том, что они свободно избрали свой способ поведения как средство непосредственного выражения собственных целей и аттитюдов, социальные процессы развиваются совсем по-иному, чем в случае, когда люди считают, что их насильно заставили вести себя подобным образом или когда их действия контролируются внешними вознаграждениями...

Рабочие, получающие указание выполнять определенные задания в установленном порядке, работают зачастую как низкопроизводительные автоматы и угрюмо «вкатывающие» повременники. Но если тех же самых рабочих попросить организовать свою работу самостоятельно, они начинают действовать как свободные профессионалы, вносящие собственный вклад в успех общего предприятия...». (Л. Росс, Р. Нисбет. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 1999, с. 55)

Как явствует из вышеприведенного письма социолога-рабочего, рабочих не надо «просить» организовать работу самостоятельно, а иногда достаточно просто «не мешать» им делать это... (Май 2000)

(3.7). Итак, я ловлю рыбу... (Перевернутый шаблон и вокруг него)

[Персональный адресат этого письма (июль-август 1981) — Г. Ж.. — А. А.]

Здравствуй!

<...> То пусто, то густо от твоего корреспондента. Была «летопись», теперь — «драматические картины». Причем уже из 1981 года, который систематически пока не описывался. Совсем как в современном кинематографе. Или в драме 80-х гг.

То, что последует, написано неделю назад, даже раньше чем предыдущее письмо Тебе. Но ведь и это в монтаже допускается...

* * *

6-й день очередного простоя после полуторамесячного периода почти полной производственной загрузки.

Помещение «филиала» инструментальной кладовой цеха. В его передней, ближней к входной двери, части расставлены на стеллажах или валяются на бетонном полу массивные штампы. В глубине, за деревянным шкафом и не задернутой занавеской, рабочее место цехового художника: письменный стол, заваленный рулонами, ватманами, деревянными каркасами для плакатов. Внутренний телефон. В середине, на проходе, притулившись к металлическому стеллажу, стоймя

установлен деревянный ящик, на который положен лист из полимера площадью 1000 X 350, толщиной 2,5 мм; тут же металлическая, с гибкой шеей, лампа, из тех, что служат для освещения рабочей зоны токарных или фрезерных станков. К ящику приставлены два стула — один с мягким сидением и спинкой, другой — жесткий, с круглым деревянным сидением, оба вращающиеся, на винтовой стойке, из тех, что служат для оборудования слесарного рабочего места. На жестком сидении лежат кальки техпроцессов, а на «столе» из ящика и полимерного листа сейчас ничего не лежит, а перебывало на нем много всяких бумаг и предметов за год, прошедший со времени оборудования этого «резервного» рабочего места социолога-наладчика на те часы, дни и даже недели, когда координатно-револьверный пресс остается без загрузки.

Такова экспозиция — время, место и обстоятельство написания этого письма. (Забыл, как это называется в драматургическом жанре — описание просцениума, что ли?)

Добавлю, что цеховой художник Володя П. уже третий день как в отпуске. Дверь заперта на французский замок, который снаружи может открыть только старшая кладовщица Фаина. Ну, а если кому из бригадиров, мастеру или технологу понадобится наладчик ПКР, то постучат, и я оборву письмо на полуслове, чтобы вникнуть в очередную технологическую неувязку или немедленно приступить к выполнению очередного производственного (чаще — «партизанского», чем официального!) задания.

Через открытое окно со двора проникает свежий воздух, через закрытую дверь — цеховой шум. Мой станок — в десятке метров от этого «кабинета».

Такова, повторяю, экспозиция.

11-30 — время обедать, т. к. через полчаса, когда в цехе наступит официальный обеденный перерыв (что меня на простое не касается), в заводской столовой будет очередь, на получасовое стояние, а сейчас — только на 15-минутное.

А если я чуть-чуть задержусь и не успею пообедать до 12-ти, то ко мне в очереди пристроится Игорь Вас. Лозовой, тот самый, для которого я сейчас нелегально выпускаю на своем станке некоторые детали фотонаборного комплекса «Каскад», по самодельной технологии (как описано в одном из предыдущих писем).

...Он увидит, что я читаю в очереди... пьесы (был томик М. Рошина, теперь — И. Друцэ), и, как обычно, будет удивляться, как это я **читаю** пьесу, ведь ее **смотрят**, а если пьесу читать, то «мысли разбегаются»... (А ведь верно!)

* * *

Попробую систематически описать, что же «произошло» за эту неделю простоя. В известном смысле, она характерна для данного типа времяпрепровождения на заводе (теперь, благодаря нашей с Лозовым и другим бригадиром — Филиным самодельности, все более не типичного).

Как будто за эту неделю не произошло **ничего**, заслуживающего «социологического» описания. Вот разве что заводская профсоюзная конференция...

В понедельник (20.07) мною была проявлена «не вынужденная» инициатива посещения этой конференции, посвященной ходу выполнения коллективного договора. Большинство делегатов, отметившись в списках, ушли. Я же, не будучи делегатом, пришел, не отметился и остался.

Делегатов в нашем цехе не выбирали, не было такой процедуры на цеховых профсоюзных собраниях (которых я не пропускал). Так что, явившись без спроса, я не нарушил профсоюзную демократию, а разве что бюрократическую разнарядку.

Узкой, прагматической целью моего посещения этого мероприятия было — узнать точку зрения профсоюзов и администрации относительно «хода выполнения» того пункта заводского соц. обязательства на 1981 г., который относится к моему станку. Однако о внедрении «групповой обработки деталей на многопозиционном прессе» (что намечалось на 3-й квартал этого года) содокладчики (гл. инженер и зам. пред. профкома) умолчали, так что повода уличить ОГТ в очковитательстве у наладчика ПКР не нашлось. Ну, что ж, отложим до следующей профсоюзной конференции...

Теперь — о моих заводских «досугах».

16.07 (четверг), пробив последнее отверстие в последней заготовке последней из спущенных на ПКР производственных партий около 9 час., уединился в своей каморке.

Чем занимался? Разрабатывал «Предложения для общесекторальной методики исследования образа жизни». Изобрел, кажется, остроумный способ выявления общей направленности личности в ту или иную жизненную сферу на всяком данном этапе жизни, через не затруднительный для человека ответ на вопрос, какое именно из упомянутых им «важных жизненных событий» последнего времени повлекло за собой «существенное изменение» его образа жизни. Потом читал «Пламя» Н. К. Рериха.

Пятница 17.07 и понедельник 20.07 полностью ушли на кодирование опросных листов «Ради чего мы живем, или 100 вопросов о том, чего человеку надо». Когда-то и Ты апробировала этот полуцыганский тест, и я брал на себя смелость ранжировать Твои «жизненные стремления», по совокупности ответов. Теперь мы со Светланой М. [С. Ф. Минакова. — А. А.] располагаем массивом анкет, заполненных студентами-вечерниками, и я собираюсь после «Личности в процессе жизни» написать отчет под названием «Чего человеку надо».

В кодировании анкет, между прочим, по той схеме, которая разработана для данного вопросника, много общего со штамповкой стальных листов. Те же алгоритмы, тот же темп, тот же характер возможных ошибок.

В промежутке между пятницей и понедельником была суббота, на которую нынче выпало дежурство в ДНД (добровольная народная дружина). Этого аспекта жизни сейчас касаться не буду.

Во вторник 21.07 закончил кодирование и спрятал 158 кодировальных листов, готовых для передачи на ЭВМ, под полимерный лист на «рабочем столе».

В этот же день продолжал заниматься Рерихом — делал выписки из его биографии в серии «ЖЗЛ». С удовольствием читал 100-страничную рукопись полного, не урезанного журналом «Театр», варианта работы Виталия и Катерины Д. [В. и Е. Дмитриевские. — А. А.] «Право на театр», включающей серию интервью зрителей о театре и режиссеров о публике.

Среда (22.07) была посвящена писанию 13-го из известной Тебе серии писем, включающего в себя, в качестве приложения, текст доклада «Образ жизни и жизненный процесс». Письмо это адресовано Людмиле [Л. К. Дудченко. — А. А.], вчера вечером я его перепечатал и сегодня отправлю.

В тот же день читал, конспектировал симпатичную статью Леонида Г. [Л.А. Гордог. — А. А.] в «Молодом коммунисте» — в дискуссии о желательном для нашего общества типе личности.

...Я описываю только **заводские** будни, опуская внезаводские контакты, домашние труды и приятное одиночество вечером одного из июльских дней, когда, наконец, убедился, что мои усилия по «истиранию из памяти» близких и далеких даты своего рождения не пропали даром, так что теперь и я, наконец-то, имею моральное право освободить себя от соответствующих проявлений внимания к окружающим. (Предпочитаю не регулировать это внимание календарными датами.) Судя по твоей телеграмме, по счастью, единственной, с Тобой у меня в этом плане вышла «недоработка»...

Засидевшись накануне за машинкой, я не выспался, а утром, не имея сил приняться за что-нибудь осмысленное, вдруг обнаружил, что дремать сидя хуже, чем лежа. Поскольку за всю эту неделю производственная надобность во мне возникала лишь однажды (такой вот простой!) и можно было ожидать, что не возникнет и сегодня, я воспользовался прикрытием шкафа в художническом закутке, чтобы протянуть ноги, подложив под себя ватник художника, а под голову — кумачовые тряпки с устаревшими лозунгами. Тут в дверь постучали...

* * *

...Кажется, я однажды уже сравнивал себя с рыбаком, который ловит «социологическую рыбу» в омуте заводских буден.

Рыбой для меня, как можно понять из предыдущих писем, являются **моделирующие ситуации**. Наверное, уже ползавода усеяно крючками с вкусными, обольстительными «червячками», насаженными мною. Я терпелив, как настоящий рыбак. Забегая вперед, скажу, что сегодня клонула Большая рыба.

Итак, в дверь постучали. Это дернулся поплавок...

Наживка была заброшена мною 16 марта, т. е. четыре месяца назад, в виде рационализаторского предложения, зарегистрированного под № 236/81, под названием «Изменение технологии штамповки на станке ПКР КО-120 деталей, имеющих отверстия или пазы в так наз. «мертвой зоне» пробивки». С учетом прежнего, неудачного опыта, когда попытка пригласить цехового технолога в соавторы (другого

предложения!) кончилась тем, что «рация» (как здесь говорят) так и не дошла до БриЗа, я сделал на этот раз все формально неуязвимо: «ни с кем не советуясь».

Кстати, о стратегии и тактике эффективного поведения. Очень важно различать ситуации завоевания союзников и изоляции противников. Не зови вероятного противника в союзники. Это — дело дохлое. Но не изолируй потенциального союзника. Последний обидится, коли ты не пригласишь его в «советчики» (даже если тебе его помощь и не нужна), и станет противником (что совсем ни к чему!). Вероятный же противник должен встать перед совершившимся фактом. А если ты вздумаешь с ним «советоваться», то он воспользуется полученной от тебя информацией, чтобы осуществления твоего замысла не допустить. Ну, это так, мимоходом.

...Рационализаторское предложение кануло в канцелярские дебри. Отсутствие реакции в течение трех с половиной месяцев меня устраивало. Ибо никто не мог помешать мне за это время его (это предложение) явочным порядком **внедрить** (в своих «нелегальных» техпроцессах). Впрочем, об этом чуть позже.

Технология штамповки на координатно-револьверных прессах с **переворотом шаблона** могла бы стать сюжетом для притчи, вроде «Легенды о Генеральной линейке». Чтобы предложить эту технологию, надо иметь скорее гуманитарное, чем техническое образование, а можно и никакого не иметь. Идея проста, как Апельсин, и радикальна, как Гильотина. <...>

[Здесь опущено описание идеи штамповки с переворотом шаблона, коротко изложенной выше: раздел «Наладчик и бригада...». — А. А.]

Ну, если кандидат философских наук сумел растолковать это кандидату искусствоведения (без пяти минут!), то инженер рабочего и подавно должен был бы понять. Однако кроме здравого смысла и технической целесообразности бывают еще, как у нас принято говорить, **«нюансы»**.

1) В технических стандартах (по крайней мере в тех, которыми здесь принято пользоваться) отсутствует само понятие одинаковости габаритов листовых заготовок в пределах производственной партии. Этими же стандартами предусмотрено применение технологического припуска в случаях, когда нужно пробить отверстие в так называемой «мертвой зоне».

2) Заинтересованности в экономии металла и живого труда у наших технологов нет. Есть разве что заинтересованность, чтобы не отругали за их непроизводительную трату.

3) Согласно существующим социальным нормам, в период освоения нового оборудования и т. д. надо проявлять поменьше выдумки и изобретательности, а лишь бы как-нибудь «крутилось»... Тогда открывается широкое поле для последующей рационализации, эффект которой равен убытку от ранее сделанной глупости. (Существует даже такое понятие — «несвоевременное» ращпределение.)

4) Всяк сверчок знай свой шесток! Стыдно, что это предлагает рабочий, пусть он даже кандидат каких-то там наук, **такие** предложения положено подавать самим технологам (и, разумеется, своевременно!).

Итак, «рация» — радикальная, не нужная, преждевременная и... не скромная! Ну и ладно. «Наше дело — подать предложение, а ваше дело — отклонить», — сказал я цеховому конструктору Рафаилу, занимающемуся регистрацией рацпредложений.

Но не надо держать социолога-наладчика за столь уж бесшабашного «бомбометателя». Я следовал обоснованному в одном из предыдущих писем принципу **адапционного** (социального и даже технического) нормотворчества.

1) Не применяются в стандартах понятия параллельности сторон и одинаковости заготовок? Но зато есть допуск на габарит заготовки (т. е. на расстояние между сторонами). Обычно уж очень этот допуск мягкий, «свободный» (до 1 мм!). Если сделать его жестче (до 0,2), то будут обеспечены и параллельность, и одинаковость. И при рутинном фрезеровании заготовок по краям, целой пачкой, это достигается без усилий.

2) С того момента, как в предложении указано (а указано!), что металл и труд затрачиваются непроизводительно, для технологов появляется угроза быть отруганными за нерасторопность.

3) Предложение обозначалось как «изменение технологии», т. е. предлагалось решение задачи, которая раньше уже была решена, только не рационально (технологический припуск!). Оно (предложение) позволяло посчитать эффект, равный прежнему убытку, по крайней мере — **запланированному** убытку, благо, ввиду отсутствия массового выпуска деталей, его (убыток) еще не успели «реализовать». Но рационализатор сознательно не отнес свое предложение к **еще более общему случаю**, относительно которого и пробивка детали по всей площади, и сама идея переворота шаблона являются частным эпизодом. (О чем скажу ниже).

4) Что касается «сверчка», то тут социолог-наладчик вполне сознательно забирался по своему шестку еще повыше, поскольку всей предшествующей деятельностью успел его (шесток) изрядно нарастить.

Претенциозным, но справедливым было утверждение о том, что область применения новшества - **все** обозначения деталей, где ныне используется припуск. А таких - добрая треть всех спроектированных техпроцессов и пока неведомое количество не спроектированных.

Интересно мне было также, как они посчитают экономический эффект... По закрученной интриге в начале этого рассказа можно предположить, что в дверь постучали, чтобы сообщить, что мое предложение принято или, наоборот, отвергнуто. Но это была бы слишком мелкая «рыба», и такую рыбак вылавливал и раньше. Нет, тут интереснее...

Как я уже говорил, почти четыре месяца никакой реакции не было.

За это время я успел «внедрить» это свое предложение в техпроцессах, которые сам спроектировал, идя навстречу экономической

заинтересованности бригады слесарей (которым после этого оставалась только одна операция гибки, а все разметочные, сверловочные, расточные и фрезерные операции заменял - «задарма» - мой пресс).

Без применения своего предложения не только в плане вхождения в «мертвую зону» (собственное содержание «рации»), но и в обобщенном смысле - выдерживания расстояний от стороны, противоположной основанию («базе пробивки») - я бы эти детали выпустить просто не смог.

Мастер в подробности не вникал, а бригадир рассматривал мою доморощенную технологию как естественный способ «выкрутиться», когда важен конечный результат.

9 апреля, т. е. три недели спустя после подачи «рации», я писал сводный акт производственных испытаний по поводу трех «легальных» техпроцессов, где упомянул и о «нелегальных» (все равно - все видят!). Этот акт используется в письме Тамаре [Т. М. Дридзе. - А. А], как образец «эталонного текста» для лингвосоциопсихологического анализа. Про «нелегальный» техпроцесс «Ф-...» там было сказано, между прочим, следующее:

«...Пробивка пазов и отверстий была осуществлена по всей площади детали, включая так наз. «мертвую зону», без использования технологического припуска (это технологическое новшество, применимое не только для данного обозначения, отражено в рационализаторском предложении <...>, поданном в БРИЗ цеха № 3 26.03.81)...»

Запомни этот №. - «Ф-...» (ружье, которое выстрелит!).

А среди «легальных» техпроцессов, конечно же, попался и такой, где расстояние одного из отверстий требовалось sobлюсти от стороны, противоположной основанию. Я пробил одну деталь, зову цехового технолога — решить вопрос: ПКР рассчитан на работу только от одной базы (ну, как бы всегда танцевать «от печки»...). Раз на расстояние между противоположными краями (сторонами) заготовки допускается большое отклонение, значит, отверстие, пробитое от одного края, будет относительно другого края **не на месте!**

Уж так хотелось им сообщить наверх, что все в порядке! Пересчитали, исправили в чертеже (!), согласно уже отштампованной детали, благо принципиального значения данный размер не имеет. Но в очередной акт пошла моя запись:

...Значительное количество предусмотренных к штамповке на станке ПКР КО-120 листовых деталей имеет конструктивные размеры, заданные от противоположных баз, что не позволяет выдерживать эти размеры одним заходом, при котором размеры выдерживаются только от базы пробивки. Необходимо... (и т. д.; см. упомянутое выше более ранее письмо).

Высказывалось и записывалось такое замечание и раньше. Правда, мне приходилось обосновывать его только расчетным путем. Но ведь у наших <...>, пока им браком в металле перед лицом не потрясешь, затылок не зачесется... Будем считать это **первым звонком** к началу представления.

Я им говорю: **думайте!** А сам... уже придумал, и предложение подал, и испытал на практике. ...Но вот исчерпался небогатый запас годных к употреблению и обеспеченных «отоваренными» заготовками легальных техпроцессов. В мае-июне косяком пошли «нелегальные». Технологи заглядывают через плечо, переживают, но приостановить не могут — ведь для программы, для плана все делается!

В краткие промежутки между очередными партизанскими заказами просматриваю свежеспеченную техническую документацию, где предусмотрена штамповка на ПКР, тыкаю ее разработчиков носом в ту же проблему.

«Как же нам быть? Может, перевернуть шаблон, как Вы тут делаете?» — «А я еще два с половиной месяца назад предложил, Вы разве мою рацию не видели?» — «Нет, ничего не получали», — не сморгнув глазом, отвечает руководитель группы из ОГТ. (А ведь только у нее мое предложение и может лежать на заключении...)

Это был второй звонок.

* * *

...Ладно. Снова пошли легальные техпроцессы. Опять размеры от разных баз, а в карте штамповки — от одной. Делаю первую деталь из партии — по **их** правилам. Даю мастеру: решайте, я предупреждал. Он к технологам: решайте!

Мастеру нужно бригаду обеспечить работой — последующими, после моего станка, операциями. Мастер Николай К. — временный (сам он фрезеровщик, недавно закончил технический вуз, но от своего станка уходить не хочет, только замещает штатного мастера, который в отпуске).

Он говорит: «Штампуй с отклонениями, под мою ответственность». (Мастер еще почему заинтересован: хоть техпроцесс и новый, но заготовки отоварены и наряд выписан — еще по старым расценкам. Стало быть — работу сделаю я, повременщик, а оформить можно, как если бы выпускалось на других станках, где сдельщики.)

Иду к бригадиру: «Игорь, тебе с отклонениями делать или без?» — А ты как можешь?» — «Если по технологии, то с отклонениями. А можно и без, ну, ты знаешь...» — «Делай — **без!**».

Но это я постольку могу «без», поскольку (проверил!) случайно оказались соблюдены параллельность противоположных сторон и одинаковость заготовок в пределах партии. Тут даже шаблон переворачивать не надо. Всего-то небольшая подрегулировочка... Делаю — без отклонений.

А между тем цеховой технолог прознала, что техпроцесс уже новый, а мастер по прежним расценкам собирается наряд закрывать. Стоят у моего станка с мастером и лаются. Она — что мастер хочет «материально выгадать». (Деньги-то небольшие на этот раз; вот когда я свои «нелегальные» лицевые панели выпускал, по полторы сотни отверстий, это было чувствительно.) А Николай — взорвался: «Да если бы я не велел это штамповать, вы бы еще неделю вопрос решали!».

Я выключил станок, с интересом слушаю. «Это не к Вам», — нервно говорит технолог Копырина. — «Вижу, что не ко мне».

Итак, выпустил я эту партию без отклонений, но в акте производственных испытаний пишу, со всей добросовестностью:

««Ф-...» ...Кроме того, самим техпроцессом исключалось соблюдение размеров 12, 24 и других, взятых на чертеже детали от базы, противоположной базе пробивки. Эти размеры неизбежно повторяют отклонения габарита заготовки 316 -0,5. Выпуск партии в этих условиях осуществлен под ответственность администрации участка, ввиду производственной необходимости... Размеры 12 и 24, в силу изложенного выше, **не** выдержаны.

А не слишком ли он смелый — мастер — штамповать с отклонениями? Смелый — потому что не только технологи предписывают делать брак, но и конструкторы перестраховываются. Значительная часть размеров, в том числе и эти, в действительности вовсе не требует такой точности. В итоге — на бумаге допуска ужесточаются, на практике же эти требования не выполняются, но... в пределах, обеспечивающих возможность производственному механизму «крутиться».

(При этом тот, кто распоряжается, в случае какого ЧП, всегда может свалить вину на того, кто не выполнил ненужных указаний; ну, а исполнитель приобретает фактическое право даже и разумных требований не выполнять, если — пока — удастся обойтись без ЧП.)

Итак — третий звонок!

* * *

Поскольку рационализация моя, как уже сказано, у всех на виду, руководитель группы ОГТ Мглистая, глядя в мою самодеятельную карту штамповки, замечает: «А разве у нас техпроцессов с переворотом шаблона не было?» — «Во всяком случае **до марта** этого года не было», — невозмутимо отвечает Балда.

Этот разговор происходил уже в начале июля, когда я решил лишь дождаться нашего цехового конструктора, уполномоченного по БРИЗу Рафаила из отпуска, чтобы навести формальные справки о судьбе своей мартовской рации.

5 июля. Рафик — первый день на работе, и сам притащил мне бумажку, на которой, за подписью нач. технологического бюро и главного технолога завода, начертано:

«...Алексеев. Предложение отклонить, ввиду того, что предложенный способ изготовления детали значительно увеличивает трудоемкость за счет фрезерования контура в допуске 0,1 и пробивки элементов в заготовке за две установки вместо одной».

Я даже не стал выключать станок, просматривая эту бумажку. Во всяком случае мотивировка отказа формально безупречна, хотя по сути сомнительна. Но меня, как исследователя, официальное принятие и отклонение предложения удовлетворили бы одинаково.

Спектакль еще только начался. И это — еще не самая большая «рыба»...

* * *

Отклонив предложение наладчика, ОГТ не только уклонился от возможности сэкономить металл и труд (ладно, «мертвая зона!»), но и

закрыл себе выход из собственного технологического тупика: как быть с размерами, заданными от противоположных баз? (Их ведь только и можно sobлюсти либо перевернув шаблон, либо штампуя деталь за две установки).

Пришла пора писать очередной акт производственных испытаний. (Ох, уж эти мои акты! В отделе главного технолога небось рады были бы уничтожить сию «летопись» внедрения ПКР. Да, получая машинописные тексты, понимают, наверное, что есть и копии... Впрочем, ни один из работников ОГТ не говорит прямо, что эти акты до них доходят. Но, зная психологию моей бывшей «секретарши», а ныне — начальника тех. бюро цеха Копыриной, я почти уверен, что она не оставляет у себя оба передаваемых мною ей экземпляра каждого акта. Все реакции на эти акты — косвенные, прямой — ни одной!) <...>

[Здесь опущены цитирования из акта производственных испытаний, в котором отражена сложившаяся проблемная ситуация. — А. А.]

...Как видишь, в этом акте есть **констатация** сложившегося положения. (Этот сюжет там как бы вскользь затронут.) Есть **требование**: «...надо изыскать грамотное решение». (Хорошенькое дело — «изыскать»: ну, поищите, поищите, коли мое не нравится...)

Чего же не хватает для полноты картины? — **подарка!** (Сокрушительным видом оружия в социально-психологических поединках является... великодушие.)

Когда-то, по моему настоянию, чтобы обеспечить прямоугольность заготовок (без чего, как уже приходилось писать, координатный пресс обойтись не может, т. к. пробивает отверстия на заданном расстоянии не от фактической левой кромки заготовки, а от **воображаемой**, которая строго перпендикулярна базовой) — так вот, ради обеспечения прямоугольности заготовок во **все** техпроцессы была заложена специальная операция фрезерования кромок (тогда угол между сторонами будет действительно прямой).

Но, как и все остальное, это нововведение было осуществлено без ума — универсально, даже и там, где такой необходимости вовсе нет.

Операция фрезерования сторон заготовки, которая раньше (до внедрения ПКР) не предусматривалась, удорожает продукцию, а для несложных деталей фактически «съедает» экономический эффект от использования координатно-револьверного пресса.

(Отсюда, кстати, следует, что не всякую листовую деталь экономически выгодно делать на новом станке, я уж не говорю о том, что чем фрезеровать после отрезки, для обеспечения прямоугольности, не лучше ли сразу отрезать «поаккуратнее». Но это уже другие сюжеты и другие «наживки»...)

Пока же факт, что дурак, которого заставили молиться богу, успел разбить себе лоб. И самое время и подходящий случай положить ему на этот лоб холодный медный пятак. **В том же** акте наладчик пишет:

«...Техпроцессы «Ф-...» и «Ф-...». Конфигурация детали, имеющей в развертке вид длинной узкой полосы с единственным рядом пазов, расположенных по одной линии, параллельной базе пробивки,

делает избыточной фрезерную операцию, направленную на обеспечение строгой взаимоперпендикулярности сторон заготовки. Размеры 19 и 40 могут быть выдержаны на ПКР и независимо от этой операции. **Предлагаю:** исключить фрезерную операцию (002) в техпроцессах «Ф-...» и «Ф-...»»..

Вот это — **нормальное** (для рабочего) рацпредложение! И если его оформить, то, пожалуй, приняли бы... Только стыдно называть это «рацией» (уж больно невнимателен был тот, кто запроектировал здесь операцию фрезерования). Да и резона нет: экономия в двух партиях по 65 штук — 2 рубля. Каким же может быть вознаграждение рационализатору?..

Но, в конце концов, это у меня здесь, так, попутное замечание рабочего-исполнителя, а вовсе не «рация». Важно, однако, что «обиды не затаил»... Кушайте на здоровье! Мы вам таких «предложений» несколько десятков накидали бы, кабы не лень было оформлять. Уж извлекайте выводы сами из актов наладчика.

Итак, **дарю** родному производству 2 рубля в ответ на их отказ повысить его эффективность на несколько сотен рублей.

* * *

... Кажется, бывают рыболовные крючки как трехлапчатые якоря. Насадил я на каждую «лапу» по жирному червяку и ушел спать. А к удочкам привесил звоночек, чтобы не проспать. Не проспал.

Теперь — два (всего-то и было два!) **события** этой, описываемой здесь недели.

Сначала технологи спохватились за «мертвую зону» и припуск. Есть тут еще один, не слишком эффективный (точнее, редко применяемый) способ эту зону минимизировать: так сказать, пробивать отверстия не «по собственным пальцам» (в условном предположении, что заготовку держат голыми руками, на самом-то деле — пневматические захваты!), а как бы «между пальцами»... Способ этот предусмотрен ГОСТом, но высчитывать расстояния между пальцев и попадать ударами в промежутки — себе дороже.

Тем не менее, если низы предлагают мертвую зону вообще ликвидировать, должны же верхи хоть немножко ее поубавить. **Не** грех даже им в этом помочь.

Выйдя из своего «убежища» несколько дней назад на полчаса, я с готовностью продемонстрировал начальнику группы из ОГТ — непосредственно на станке — что тут можно сделать. (На этот раз освобождаю Тебя от технических подробностей.) Заметив мимоходом, что вообще-то «игра не стоит свеч», тем более, что в большинстве уже разработанных техпроцессов это все равно не позволит обойтись без технологического припуска (см. выше).

Мглистая проявила интерес. (Сама она ГОСТ, вероятно, читала, но одно дело — ГОСТ, а другое — в натуре увидеть.) Но и эта ситуация для рыбака — так, мелкая рябь на воде. Рыбка «играет»...

А вот сегодня (пишу это уже несколько дней спустя, но сохраняя целостность начатого 23 июля фрагмента) — **клюнула**, да какая!

* * *

Постучалась в мою каморку технолог из ОГТ Софья Шпанова. Ей поручено рассчитать техпроцесс «Ф-...». (Помнишь, я просил Тебя обратить внимание на это обозначение — «ружье, которое выстрелит»?)

Зная, что я эту сложную панель в партизанском порядке уже выпускал — и без припуска, и с размерами от разных баз, Шпанова пришла **посоветоваться**. Тут — ничего особенного. Они уже год, как стали советоваться с рабочим-наладчиком. Но на этот раз...

«Вы ведь выпускали эту деталь без припуска...» — «Да». — «Может, и нам так сделать (т. е. в техпроцесс записать)?». Молчу. — «И еще тут размеры от противоположных баз. Вы, кажется, шаблон переворачивали?..» — «Да». — «Так как Вы нам посоветуете запроектировать?» — «Конечно, я могу Вам посоветовать сделать так, как написано в моем рационализаторском предложении. — говорю. — Но ведь ОГТ его отклонил. Теперь использовать его с вашей стороны было бы... некрасиво». — «Как же нам быть?» — «Не знаю».

Ушла докладывать. Ибо явно не по своей инициативе приходила. А старшую над нею (Мглистую) я то и дело встречаю в цехе... Приходила она и ко мне (насчет минимизации той же «мертвой зоны»). А про рацию — ни гу-гу! Начальники любят препоручать щекотливые дела своим подчиненным.

* * *

...«Социологическая рыба» (большая) клонула! Но она еще в воде. И этот сюжет получит продолжение.

Во-первых, посмотрим, как они теперь спроектируют «Ф-...» или какой-нибудь другой техпроцесс этого типа. Скорее всего, сделать по-моему все же не решатся (с учетом произведенной «разведки», убедившись, что я про свою отклоненную ими рацию не забыл).

Но ведь для размеров, взятых от противоположных баз, у них и выхода другого нет... Сделают по-старому — я опять выпущу партию деталей по-своему и без отклонений, а в акте — зафиксирую отклонения. И опять им втык — ведь отклонения эти технологически заданы! (Парадоксальная, кстати, ситуация: обычно **делают** с отклонениями, а пишут — **без**. Я же поступаю наоборот. Вот так переворачиваются «социальные шаблоны»...)

Что ж, я знаю, как их «выручить», не унижая: как ни в чем не бывало, написать новое рационализаторское предложение — уже не про «мертвую зону» и припуск, а про технологию штамповки деталей с **размерами, взятыми от противоположных баз**. (Предыдущее предложение войдет туда как частный случай, а новое, обобщающее — будет и подавно «не слесарево»...)

Но форсировать события не надо. Пусть еще рыбка поплавает на крючке. <...>

* * *

Это недопустимо! Оказывается, в этом письме — 57 вместо положенных 53 (рукописных) страниц. Я вышел из габаритов. (Все-таки выдерживать размеры надо от «основания», а не от противоположной стороны — путем соединения фрагментов, написанных в разное время.)

В конце концов, можно подождать и твоего приезда. К этому времени Рыба будет уже в котелке. Мы сварим из нее уху и съедем.

Андр. Ал. (Рыбак), 27.07 — 3.08.81

(3.10). *«Я вот уже два года здесь работаю...»*

Ремарка: премьеры «социолога-наладчика»

*Нижеследующий документ — автостенограмма выступления на партийном собрании цеха (1981) — прилагался к одному из «Писем...». Интересна история возникновения этого текста. То было **первое** не «бюрократическое» (служебные записки, замечания по техпроцессам и т. п.), а **публичное** выступление социолога-рабочего (в данном случае — перед коммунистами цеха). Решился на такую «акцию» автор этих строк лишь к концу второго года работы на заводе. В итоге всей предшествующей деятельности «социолог-наладчик» вправде был рассчитывать на общественную поддержку. И он ее получил. (В первые месяцы работы в цехе вряд ли получил бы...) Но опыта публичных выступлений «в рамках эксперимента» еще не было. И эта «премьеры» готовилась долго и тщательно. («Актер» разучивал роль чуть ли не перед зеркалом!)*

Монолог наладчика ПКР должен был восприниматься (и был воспринят) как импровизация, «живая речь». (Декабрь 1999).

...Избавиться от боязни сцены и обрести легкость выражения можно лишь в том случае, если удастся высвободить сознание, прикованное к мелочам, и сосредоточить его на ясном понимании той деятельности, в которой мы заинтересованы в первую очередь...

М. Полани («Личностное знание»)

Автостенограмма выступления на партийном собрании (декабрь 1981)

<...> Как я понимаю, решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС и речь тов. Брежнева на этом пленуме нацеливают на полнейшее использование всех ресурсов в народном хозяйстве, на слаженную работу всех производственных звеньев, на решительное пресечение бесхозяйственности.

Важным ресурсом повышения эффективности труда является качественная и ответственная **инженерная подготовка производства**. Я вот уже два года здесь работаю, присутствую, наверное, уже на двадцатом партийном собрании [*собрания проводились ежемесячно. — А. А.*], однако не помню, чтобы об этом когда-нибудь говорилось. А надо бы.

За примерами — недалеко ходить. Взять хотя бы мой координатно-револьверный пресс. Как все, наверное, знают, ПКР был запущен чуть больше года назад. Правда, сначала мне пришлось этот новый станок разобрать по винтику, а потом собрать обратно. Но это дело уже прошлое. И, как говорят, обычное. Виноватых сейчас уже не найдешь. Да и другие проблемы на очереди.

Производственное использование ПКР началось спустя три месяца после того, как он был приведен в рабочее состояние. Оказалось, что технологические службы завода, несмотря на всю оказанную им цехом помощь, **не готовы** к эксплуатации нового станка.

Мне могут сказать — не на цеховом собрании об этом говорить. Но я думаю, кому надо — будет сообщено. К тому же, эта критика и к цеху относится. Потому что, когда ОГТ выдавал технологический брак и липу, цеховая администрация стояла в стороне. И если я здесь об этом не скажу, резонно будет у меня спросить — чем же тебя трибуна цехового партийного собрания не устроила?

Что мы имеем на сегодняшний день?

По документам значит, что на ПКР переведено изготовление аж шестидесяти обозначений деталей для фотонаборного комплекса. Цехом получены соответствующие извещения. Прежние техпроцессы как бы аннулированы. На самом деле за этот год штамповку на координатно-револьверном прессе прошли всего тридцать обозначений. Причем, добрая половина из них выпущена **вопреки** поступившей технической документации. Неудовлетворительная инженерная подготовка постоянно ставит производство деталей на ПКР в аварийные ситуации.

Каковы причины такого положения?

1) Элементарные ошибки в картах штамповки. Была такая панель, в которой технологи из ОГТ умудрились неверно рассчитать координаты целой сотни отверстий из двухсот.

2) Систематически приходится использовать не ту оснастку, которая указана в техпроцессе. Из тридцати обозначений, дай бог если половина выпущена по фирменным шаблонам. Остальные же — по самодельным шаблонам, изготовленным непосредственно на ПКР (когда не оставалось другого выхода).

3) Систематические нарушения ГОСТа. Причем технологи откровенно не хотят решать возникающие проблемы. В расчете на то, что рабочий как-нибудь сам выкрутится».

После выпуска всякого нового обозначения я пишу акты производственных испытаний. Есть обозначения деталей, прошедшие через ПКР уже не один раз. Так вот, оказывается, что ни одно замечание из этих актов, к моменту повторного прохождения, не учтено! Хоть кол на голове теши. Ошибки технологов обходятся дорого. Ведь они воспроизводятся в металле оснастки. Эту оснастку зачастую приходится списывать еще до того, как она побывает в деле. Несколько раз эти ошибки ставили цех перед угрозой срыва программы.

Так обстоит дело с **технической подготовкой**. Но не лучше — и с планированием производства, и с экономической подготовкой (говоря о ПКР).

Систематически приходится как-то изворачиваться, чтобы не сорвать программу. Скажем, когда заготовки уже отоварены в габарит детали, а для ПКР необходим технологический припуск. На днях так случилось с обозначением, адресованным на ПКР уже повторно. То есть за три месяца никто не удосужился исправить то, на чем уже успели обжечься!

Выбор обозначений деталей для перевода на ПКР часто не продуман. Если сравнить по маршрутным картам трудоемкость изготовления одних и тех же деталей **до** и **после** введения штамповки на ПКР, то можно найти такие, где себестоимость не понизилась, а

увеличилась! Вместе с тем, есть такие обозначения, где ПКР сулит большую экономию. И здесь рабочий класс соображает куда быстрее инженеров.

Я не раскрою никакого секрета, если скажу, что тридцать программных обозначений, официально переведенных на ПКР, — это лишь половина всей реально выпущенной на нем продукции. А другая половина — это наша с бригадами Виноградова и Сыцевича инициатива и самодеятельность. Ведь возможности координатно-револьверного пресса, если подходить к делу по-хозяйски, действительно очень велики.

Я тут прикинул: примерно четверть рабочего времени сейчас наладчик ПКР тратит на выпуск продукции по официальным техпроцессам. Столько же — на выполнение заказов бригадиров (а теперь — и мастера!) по разработке и осуществлению неофициальных техпроцессов. Остальное — уходит на ревизию работы технологов, исправление их ошибок, составление актов и прочее. Что, вообще-то, не мое дело. Но приходится заниматься этим вместо инженерных служб.

Однажды, при партизанском изготовлении детали, я пропустил одно отверстие. И получил, как я считаю заслуженно, административное взыскание. Но я не видел, чтобы кто-нибудь был наказан за **массовый** и повседневный брак в инженерной подготовке производства на ПКР. А ведь это и есть та бесхозяйственность, на преодоление которой нацеливает ноябрьский Пленум.

И последнее. Наладчику ПКР понадобился почти год, чтобы капитально отремонтировать новый станок (хотя, строго говоря, этим должны были заниматься ремонтники). А у инженерных служб было **три года** на то, чтобы подготовить производственное использование нового, теперь уже вполне исправного оборудования. И что же? Если брать обозначения деталей, обеспеченные соответствующей технической документацией, то ПКР сейчас загружен, как я уже говорил, не более чем 25 процентов! Если бы я работал не повременщиком, а сдельно, то мне закрыли бы нарядов в октябре на 60 руб., а в ноябре — и того меньше.

Конечно, с «партизанщиной» вышло бы куда больше. Но я согласен делать «не свою работу», но не согласен получать «не свою зарплату».

При полноценной производственной загрузке можно было бы прикрепить ПКР к бригаде, перевести штамповку на сдельщину. И пора бы уж! Я лично в этом заинтересован. Однако с такой инженерной подготовкой это невозможно.

Спыхватываются лишь тогда, когда приезжает какое-нибудь высокое начальство. Вот тут меня просят отложить сегодняшнюю работу на завтра. Чтобы потом, при высоких гостях, показать, что ПКР КО-120 работает. Что ж, я разок согласился — чтобы «коллектив не подводить»... Тем более, что станок сам по себе теперь действительно на ходу. Но вот для постоянной, не парадной загрузки высокопроизводительного оборудования энергичных мер так и не принято.

И если мне сейчас, как водится, скажут, что уже «ставили вопрос», я отвечу: «Значит, **плохо ставили**, раз воз и ныне там».

14.12.81

Ремарка: от «Писем...» — к «хронике».

На этом фактически заканчивается основная сюжетная линия цикла «Письма Любимым женщинам» (1980–1981).

Его сменил следующий, «хроникальный» цикл — «Выход из "мертвой зоны"» (1982).27 (Сентябрь 1999).

(3.11). Пояснение к оглавлению: «Закодированный архив»

[Ниже — своего рода «заключение» к «Письмам...» (июль 1982).

Разослано всем адресатам одновременно. — А. А.]

Мои дорогие!

На протяжении двух лет вы получали, порциями, не регулярные, но продолжающиеся заметки — о «приключениях социолога-наладчика» и на иные темы. Поскольку получился своего рода сериал, я назвал его: **«Письма Любимым женщинам».**

Возможно, кто-то и сберег все, что я посылал. На этот случай — вот вам полное «оглавление». Я делал его по своему комплекту. Номера страниц соответствуют тем, что у вас, поскольку была всего одна машинописная закладка. <...>

* * *

Как относиться к этому эксцентричному предприятию? В известном смысле, я просто мультиплицировал свой личный архив. Логика его составления импровизационна. Это — **неочевидная целостность очевидного хаоса** (что, впрочем, можно сказать и о самой человеческой жизни).

Всего тут — 18 больших писем плюс многочисленные документальные приложения. Это — своеобразный жизненный и научный отчет перед друзьями.

Вместе с тем, каждое отдельное письмо в свое время было также актом межличностного общения. Присутствовал и игровой момент. И в «стилистике» каждого отдельного письма, и в аранжировке всего собрания. (Об этом специально говорится в «предуведомлении» 1980 г.)

* * *

Игра продолжалась, пока себя не исчерпала (в письмах, но не в жизни).

Кое-где, похоже, «перехлестнул»... Эта дружеская эскапада уже стоила вашему корреспонденту (хорошо, если только ему!) нравственных терзаний. Но дело уже сделано. (Утешаюсь тем, что по отношению к самому себе я допускал куда большую нескромность, чем по отношению к своим адресатам.) <...>

* * *

В отличие от писем, как таковых, не предназначенных для «посторонних», приложения к письмам сплошь составлены из документов, имеющих (или имевших) самостоятельное официальное бытие. Приложения иногда превышают по объему сами письма. Они имеют свой смысл и безотносительно к письмам, хотя иногда в контексте приобретают «второй смысл». Сами же письма без этих приложений (хотя бы то были «замечания к технологическим процессам») существенно теряют в своем содержании.

* * *

Напомню, что ни одного действительного наименования места действия, не говоря уж о реальных фамилиях, в текстах нет. Может, пару раз где и проскочило, но пойдй теперь определи, где правильно... (Зато цифры и даты все точны!)

Отделить правду от мистификации (и не только в фамилиях) нелегко, даже вам. В этом смысле, архив — «закодирован». <...>

* * *

К чему все эти оговорки? А к тому, что сейчас, похоже, круг читателей этих писем вышел за пределы первоначально избранного автором. Как «эпистолярному хулигану» стало известно, среди друзей некоторых из моих возлюбленных нашлись охотники читать сии отчеты — как некую «документальную прозу»...

Что ж, смирюсь с этой инициативой. Мои письма — принадлежат вам. Но все же прошу: не выпускайте их за пределы круга ваших **личных** друзей. В остальном — можете делать с ними все, что хотите.

* * *

<...> Наконец, ни я сам, ни, тем более, вы — редактировать эти записки не станете. **Архив отредактированный — все равно, что фальсифицированный. Письма**, переписанные после их получения, — уже не письма (это — запрет самому себе!). <...>

* * *

<...> Итак, вот мое **оглавление**.

Письма Любимым женщинам (заметки из жизненной самодеятельности):

(Здесь и далее — в скобках указаны инициалы персональных адресатов. — А. А.)

—Предупреждение: театр жизни и эпистолярное хулиганство.

—Пояснение к оглавлению: «Закодированный архив».

1. Кто сошел с ума? (И. П. и Р. В.)32
2. Мастер и подмастерье. (Н. Ш.)
3. Новый человек со стороны. (А. Н.)
4. Инициативы вынужденные и не вынужденные. (А. Н.)
5. Эйфория овладения. (С. М.)
6. Совершенно секретно. (Г. Ж.)
7. Притча о Генеральной линейке. (Н. Ш.)
8. Единство в многообразии. (Р. В.)
9. Отчет социолога-наладчика.
10. 49 писем как одно. (Н. К.)
11. Как переплыть реку. (Т. Д.)
12. Страдания доктора Петруччио (Анкета для моих любезных корреспонденток)
13. Образ жизни и жизненный процесс. (Л. Д.)
14. Летопись ПКР (оживший памятник). (Г. Ж.)
15. Итак, я ловлю рыбу... (Г. Ж.)
16. Наладчик и бригада (партизанщина). (А. Н.)

17. Программа социолога-наладчика.
18. Записки с ума не сошедшего. (Н. Ш.)
—Письмо без номера (адресованное мужчинам).
—Суд Любимых («эпилог»).
—Приложение: Где-то, когда-то, давным давно... (40 волховских приветов).

Андр. Алексеев, 20.07.82

[Некоторые письма при их публикации в составе данной книги

— переозаглавлены.

Конкретными адресатами «Писем...» были:

— Т. М. Дридзе, Л. К. Дудченко, Г. Ж., Н. С. Катерли, Н. А. Крюкова, С. Ф. Минакова, А. К. Назимова, И. В. Прусс, Р. В. Рыбкина, Н. Я. Шустрова.

Спасибо им! — А. А.]

Первый вариант

— Я хочу еще писать, но править

Не хочу! — воскликнул Сименон.

Верно! То же самое и я ведь

Ощущаю, а не только он.

Пусть уж будет все как будет.

Коль себе ты веришь самому!

Пусть другие здраво и рассудят,

Что когда писал ты и к чему.

Да и мало ли бы что такое

Вычеркнулось собственной рукой,

Чтобы жить, других не беспокоя,

Или собственный храня покой.

И наивен тот, кто завещает

Взять лишь то, что выправил он сам.

Этой тщательности не прощают

Даже и взлетевшим к небесам.

И еще потом смеются: — Гляньте!

Как ни тщился он перо кусать,

А ведь было в первом варианте

Много лучше! —

...И пошло писать.

Л. Мартынов. Неопубликованные стихи // Новый мир, 1985, . 1, с.

161)

Полное собрание «Писем Любимым женщинам» см. в книге: Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. СПб: Норма, 2003-2005 (Электронная версия - <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>).

См. также: А. Алексеев. О наблюдающем участии и драматической социологии - <http://www.cogita.ru/kolonki/andrei-alekseev-1/a.-alekseev.-o-nablyudayuschem-uchastii-i-dramaticheskoi-sociologii>

См. также: Алексеев А.Н. Познание действием. Так что же такое «драматическая социология»? В журнале: Семь искусств. Наука. Культура. Словесность - <http://7iskusstv.com/2013/Nomer4/Alekseev1.php>.

Феликс Фельдман

Религиозная философия Н.Бердяева

Философская судьба Н. Бердяева

едавно исполнилось 70 лет со дня смерти одного из самых выдающихся русских философов Николая Бердяева. Известно религиозно-гуманистическое отношение философа к евреям и к еврейству. Для Бердяева евреи и еврейство – это прежде всего еврейский народ, никогда как народ не исчезающий, не растворявшийся и никогда не долженствующий исчезнуть. Более того, по Бердяеву без решения проблем этого народа нет перспективы разрешения всемирной истории. В этой связи ниже следующий очерк общих философских взглядов Н. Бердяева как философа и человека может послужить основой понимания его взглядов на роль евреев в истории.

Самый известный на Западе русский философ Николай Александрович Бердяев (19.3.1874-23.3.1943) писал по поводу своего появления на свет божий: «Я не могу помнить первого своего крика, вызванного встречей с чуждым мне миром. Но твердо знаю, что я изначально чувствовал себя попавшим в чуждый мне мир...»¹.

Мир, в котором Бердяев родился, был миром дворянско-аристократическим. К нему принадлежали его родители, имевшие связи, которые восходили к царской семье. Именно об этом мире он вспоминал впоследствии как о чем-то доисторическом. От своего отца, профессионального военного Бердяев унаследовал бесстрашие, вспыльчивость, конфликтность с обществом и вольтерианство. Мать философа, имевшая и французские корни, была крещена православной, но чувствовала себя католичкой и француженкой. Поэтому глубокой семейной набожности Бердяев не приобрел, однако над смыслом жизни задумывался очень рано и очень рано, без чьей-либо помощи, изнутри пробудился в нем интерес к философии. В 14 лет им были уже прочитаны А.Шопенгауэр, И. Кант, Гегель, немного позже Д.С.Милль, взятые из богатой библиотеки отца. Ни кадетский корпус, ни естественный

¹ Бердяев, Н. Самопознание: (опыт философской автобиографии). 2 изд., Paris (УМСА-Press) 1983, с. 11 (В дальнейшем источник цитирования указывается кратко = Самопознание...).

факультет университета, в которых он проявил неспособность к регулярному и извне навязываемому обучению, не стали источником его образованности. Из-за его чувства неукорененности на земле родилось в нем чувство хронического недовольства "миром сим" и стремление к иному миру. Это стремление стало его жизненным мотивом отношения и к революции, и к религии.

Зрелый Бердяев был революционером духовного плана с крайне обостренным чувством свободы. Конечно, каждая личность подобно духовной монаде, т. е. потенциально в себе, обладает метафизически одинаковой глубиной свободы. Но в действительности, в ее проявлении, говоря гегелевским языком, "для себя" не каждая - обладает одинаковой глубиной свободы. В этой способности Бердяев был наделен божественным даром. Однако, неразвитая, еще в юности она проявляла себя в симпатиях к политической революционности в России, к социализму, причем вначале не марксистскому, а индивидуалистическому социализму Михайловского. Бердяев и под конец жизни считал, что «ест правда, есть божественный луч во всяком освобождении»².

Мировоззрение Бердяева начинает формироваться с религиозных исканий, сначала неосознанных и навеянных литературой, а не философией. Огромное влияние оказали на него романы Л. Толстого, Достоевского и Ибсена, заострившие для свободолюбивого юноши проблему личности и индивидуальности, отношение к жесвятыням и лжегероям истории. Затем Шопенгауэр углубляет его презрение к условиям гибнувшего аристократического мира философским обобщением о неподлинности, неокончателности всего эмпирического мира, а Кант потрясает его воображение своим принципиальным различением мира явлений и мира "вещей в себе", порядка природы и порядка свободы, также как и признанием каждого человека целью в себе и недопустимостью его превращения в средство.

Бердяев - активная натура. Недовольство миром порождает в нем желание изменить мир. Здесь нет для него альтернативы. Существует только вопрос: как? период с 1894 по 1907 годы и были поиском ответа на этот вопрос. Но в любом из периодов его творчества всегда можно выделить два аспекта: страстное желание познать истину и смысл жизни и страстное желание изменить мир согласно истине и смыслу. Неудивительно, что Бердяеву нравились пророки, социальные реформаторы и бунтари. Впоследствии он назовет много имен из этого ряда. Но в середине 90-х годов XIX века это был для него Карл Маркс.

Отношение Бердяева к Марксу и марксизму сложно и неоднозначно. Оно требует специального исследования. Высказывания Бердяева по этому поводу и его оценки противоречивы. То он пишет, что никогда не был марксистом, то он же нередко говорит о своей марксистской школе³ особой чувствительности к марксизму, о своем критическом марксизме⁴. На альтернативный вопрос, циркулирующий в

² Указ. соч., с. 76.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 132

литературе о Бердяеве - чем был для Бердяева марксизм: роковым попутчиком или действительной потребностью, можно было бы ответить вполне неальтернативно: роковой потребностью. И в то же время нужно говорить очень условно о марксистском периоде у молодого Бердяева, поскольку, если рассматривать этот период с бердяевской, экзистенциалистской точки зрения, то марксизм в его мироощущении в 90-х годах занимал только надводную и лишь поэтому хорошо видимую часть айсберга.

К. Каутский, признававший в определенное время Бердяева теоретиком марксизма, и Ленин, обвинявший его в измене марксизму, заблуждались по-своему каждый. Бердяев, возможно, и не дотянул до марксизма, но он никак не мог допустить для себя быть вторым в марксизме и уж никак не мог быть марксистом ленинского плана. Во всяком случае в сер. 90-х годов марксизм нашел в лице молодого Бердяева пытливого и революционно настроенного мыслителя, а для Бердяева он явился единственной, оказавшейся под рукой революционной теорией совпадавшей с его серьезными революционно-практическими устремлениями. Об этом свидетельствует его казалось бы наиболее марксистская книга "Субъективизм и индивидуализм в общественной философии", посвященной критике того же самого Н.К. Михайловского, на которой шесть лет назад сделал также и Ленин свое марксистское заявление. Основу бердяевской книги составляла идея трансцендентального сознания как субстанции, определяющей истину, добро и красоту. Эта абстракция, безусловно не марксистского типа, определила и специфическое движение Бердяева в марксизме. Бердяев допускает, что пролетариат по социально-психологическим причинам ближе к истине и справедливости, чем буржуазия, почему и имеет право на революционное изменение общества. Любопытно, что место духовной монады в его философской конструкции этого периода занимает класс, а не личность - противоречие, которое не могло долго оставаться незамеченным и которое он должен был преодолеть в будущем. Только вот в какую сторону - это уже зависело, может быть роковым образом, от развития политических обстоятельств.

Бердяев до конца жизни уважал Маркса как мыслителя западного типа и признавал его правоту в защите интересов трудящихся масс того времени. Эти идеи Маркса Бердяев будет видеть впоследствии в общем ряду тех научных открытий о скрытой природе человека, которая заключена, по его мнению, в христианском учении о греховности человеческой природы и сочтет возможным включить эту правду в свою философию свободы. Но процесс осознания места этой правды в христианской философии станет тяжелой духовной работой его ума вплоть до последней его книги "Царство духа и царство Кесаря". В ней он будто бы найдет решение того, что не удалось в первой его книге. Бердяев вновь возьмет на себя главные проблемы, поставленные марксизмом относительно жизни в мире Кесаря: проблему повышения достоинства труда и, соответственно, значения трудящегося человека. В этом заключена правда, говорит Бердяев. Но, чтобы видеть в ней религиозную правду, надо понять, что труд - основа и средство жизни в мире Кесаря,

должен быть подчинен цели жизни - творчеству, царству свободы, царству Духа, а не наоборот. В этом состоит, по его мнению, "религиозная правда персонализма"⁵.

Истины ради надо сказать, что утверждение достоинства труда видится Бердяеву все еще как победа над эксплуатацией посредством социалистической революции. Поэтому в системе взглядов Бердяева сохраняется и "правда коммунизма". Но это только буква учения. По духу же совершенно ясно, что по Бердяеву марксизм как учение есть только отражение Логоса в падшем мире, а постановка им проблем есть обобщение и абсолютизация лишь одного из объективированных состояний подлинно реального мира. Марксизму не отказано в праве искать, но отказано в праве насаждать в мире ложь. Социальные задачи, которые имеет в виду социализм – «это реальности известного часа истории»⁶, постановка же им мессианистических задач - это утопия. То, что есть правдивого в социализме и пробивается в марксистской мысли через социальную обобщенность - снимается в религиозной правде персонализма. Марксизм исчерпывает свою подсобную роль, а обозначенная им правда находит свое завершение в христианстве.

К концу 90-х годов у Бердяева появляются духовные интересы, не связанные с марксизмом, и на которые марксизм не мог дать ему ответа. Он посещает лекции по критике материализма профессора Г. И. Челпанова, встречается с Л.Шестовым, читает его книгу о Ницше и о Достоевском, пытается прорвать замкнутый круг теоретических исканий к проблеме смысла жизни и назначения человека, но фактически 1903 г. для него творчески пустой период. В 1904 г. он встречается с С. Булгаковым, повернувшим к христианству и православию, и летом этого же года начинает сотрудничать в Санкт-Петербурге с представителями "Нового религиозного сознания". Его собственные религиозные искания не впитаны пока в философскую ткань, он остается на почве свободной духовности, а в его революционности все больше закрепляются этические начала. Он за новый мир, но обосновывает его на свободе и творческом акте человека.

1907 г. в духовной свободе Бердяева - решающий. Он переживает двойную реакцию. С одной стороны, - это реакция на проявление материальной силы так называемой малой русской революции, в результате чего он окончательно осознает, что "дух есть свобода и революция, материя же есть необходимость и реакция, и она сообщает реакционный характер самим революциям"⁷. С другой стороны, это реакция на упадочническое и несерьезное богоискательство. Бердяев считал себя причастным к "новому религиозному сознанию", но в Санкт-Петербурге он не может принять поверхностные схемы и сектантскую атмосферу Мережковского, строившего нечто вроде новой церкви

⁵ Бердяев, Н. Царство Духа и царство Кесаря. Париж (Имка-Пресс) 1951, с. 154 (= Царство Духа).

⁶ Там же, с. 161.

⁷ Бердяев, Н. Самопознание... С. 154.

Святого Духа, в котором раскроется тайна Плоти. Его отталкивает и "мистический анархизм" Г. Чулкова и В. Иванова, у которых свобода превращается в произвол и не обусловлена поиском истины на трудном пути творчества. Для Бердяева религиозные искания означают постановку новых проблем, с этим он связывает возможность своего приближения к христианству. Но эти религиозные искания еще не означали для него ориентации на православие и надежд на традиционно-православную церковь. Его поворот к православию был сначала, пожалуй, внешним - как реакция недовольства богоискательским окружением. Лишь с зимы 1907 г. он чувствует сильную тягу к религиозной серьезности и к религиозному реализму, утверждает в мысли, что дело Духа возможно на почве той духовной силы, которую предоставляет русское православие. Бердяев возвращается в Москву, принимает участие в религиозно-философском обществе "Памяти Вл. Соловьева", по-новому перечитывает его, славянофилов, углубляется в Оригена, Григория Нисского, Исаака Сириянина. Это было время завершения внутреннего переворота. Он оформился в последующие годы литературно "Философией свободы" (1911) и особенно книгой "Смысл творчества". (1916), в которой были заложены метафизические основы всего его мирозерцания.

Последующая общественная деятельность Бердяева как до революции 1917 года, так и после ее вплоть до периода его высылки из советской России в 1922 г., а также в эмиграции была всегда направлена на сохранение русской духовной культуры, прежде всего, философии. В 1919 г. он руководил, основанной им в Москве «Вольной Академией Духовной Культуры». В 1922 г., уже в Берлине он вместе с С. Франком и Б. Вышеславцевым основывает "Религиозно-философскую Академию", которая в 1924 г. переводится в Париж. В 1925 г. он участвует в организации и редактирует журнал «Путь» - орган русской религиозной мысли.

Как для практической деятельности, так и для творчества Бердяева характерна постановка глобальных задач. В своей организаторской работе он берет ориентиры экуменические, стремясь к сближению и восстановлению разорванных частей христианского мира⁸. Поэтому для него важно обеспечить выход «русской религиозно-философской мысли на европейскую и мировую арену»⁹. Стремление к обоснованию «вечного в православии»¹⁰, стремление увидеть наиболее истинное в религии «сквозь оболочку религиозной казенщины»¹¹ было всегда характерно для Бердяева. Также и здесь, на Западе ему приходится преодолевать «культурную одичалость», религиозную и социальную «реакционность»¹² значительной части русской зарубежной среды. Революция породила свой религиозный опыт. Это обязывало к постановке

⁸ Бердяев. Н. Типы религиозной мысли в России. Париж (Имка-Пресс) 1989, с. 708 (= Типы...).

⁹ Там же, с. 705.

¹⁰ Там же, с. 7.

¹¹ Там же, с. 8.

¹² Там же, с. 705.

новых тем и к творческой мысли, а не к возвращению к дореволюционным или к предреволюционным настроениям. И за это приходилось бороться.

На Западе основная проблематика Бердяева остается той же: назначение человека, его оправдание творчеством. Внутренняя задача, которую он ставит перед собой, как философ - это максимальное проникновение христианства в мысль, т.е. перенесение центральной роли в философии с космоса на человека, так как «христианская философия есть философия субъекта, а не объекта, "Я", а не мира»¹³. В этом, собственно, он видит отличие христианского гнозиса от античного и нехристианского. Внешне он стремится реализовать в мере своих сил задачу, сформулированную им в период духовного переворота, а именно: «Как возможен всемирное соединение в Боге, как возможна общественность религиозная, как возможен вселенский исторический путь во Христе, а не личное только спасение...»¹⁴. Очень характерная для философа позиция, приоткрывающая его отношение к иудейскому мессианизму.

В достаточно ритмичном творчестве Бердяев создает на Западе главные свои произведения. Из них наибольшее значение для понимания его мировоззрения имеют книги: «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики»; «Я и мир объектов. Опыт об одиночестве и общении»; «Дух и реальность. Основы богочеловеческой реальности»; «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистской философии». Для понимания метафизики Бердяева - «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация»; «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого».

Николай Александрович Бердяев прожил долгую и плодотворную жизнь. Только за последний ее период в Клямаде под Парижем им было написано 12 книг, а в целом его перу принадлежат 483 единицы (книг и статей). Он сам считал, что только в последних работах достиг терминологической ясности и последовательности в выражении своей мысли, но всего себя так и не успел выразить до конца. Для историко-философской науки это влечет возможности глубокого исследования этого оригинального мыслителя. Это тем более важно, что Бердяев - христианский философ и результаты его творчества имеют не национально-русский только, но и международно-универсальный характер.

Оригинальность философии Н. Бердяева

Бердяев философ многогранной учености. Хорошо известно, что его философия питалась из многочисленных источников от индуизма до современных ему философских учений. У исследователей его творчества, порой, может создаться впечатление эклектичности его взглядов. Собственно говоря, таким представляла его советская критика¹⁵.

¹³ Бердяев, Н. Самопознание... с. 118.

¹⁴ Бердяев, Н. Новое религиозное сознание. СПб., 1907, с. 10.

¹⁵ См., например, Кувакин В.А. Религиозная философия в России. М.

Для историка философии процесс вхождения старого знания в новое и тайна его перерождения является самым увлекательным и вместе с тем наиболее ответственным исследовательским моментом. Философия Бердяева весьма благодарный в этом отношении предмет. Конечно, знание, выработанное Бердяевым, не возникло из совершенного «ничто», чем является его свобода; оно сотворено им, выработано - это опорой на предшествующее знание. Но в то же время нельзя отказать Бердяеву в оригинальности. Приведу один, но характерный пример.

Известна любовь Бердяева к средневековой мистике, к Майстеру Экхарту, к Я. Бёме. Любопытно, что имя Я. Бёме Бердяев всегда поминал в своих молитвах. Но вот как отличаются у М. Экхарта и Бердяева основные категории об Абсолютном и человеке. Оба исходят из неизреченного «Ничто». У Экхарта это Gottheit, у Бердяева - это свобода, у Экхарта Божество (Gottheit) есть бесосновная основа (Ungrund) Бога, у Бердяева - несотворенная свобода, у Экхарта учение пантеистично, следовательно, зло подчинено Богу. У Бердяева зло вне Бога, оно есть отпадение творения от Бога и образ творения, каким оно не должно быть. У Экхарта природа человека тождественна природе Божества. У Бердяева природа человека подобна природе Абсолютного Человека-Христа. У Экхарта душа через диалектику "Искорки" (Funklein) погружается в божественное «Ничто» и сливается с ним. Для Бердяева, для которого душа есть универсальное в индивидуальном, неприемлемо растворение личности в безликой божественности, в отвлеченном божественном единстве, что, как он считает, противоположно христианской идее о человеке и богочеловечности. В вечности человек обоживается, но сохраняет свою человечность. Экхарт близок духу Индии. Бердяев, как и Бёме, семитически-каббалистичен. Экхарт национален. Бердяев хочет быть сверхнациональным и сверхконфессиональным.

Если продолжить подобные параллели, то можно, конечно, найти точки пересечения и влияния на Бердяева Иоанна Дунса Скотта, Я. Бёме, Фр. Баадера, И.Канта и т.д., но в большей мере можно обнаружить, что идеи тех или иных философских учений служили ему толчком для пробуждения мысли, взятой, как говорил Бердяев, в целостность духа. Так, в Ницше он воспринимает не столько идеи, сколько само явление Ницше. Вместе с Ницше он переживает его драму, его стремление к высоте; но там, где Ницше остается «посюсторонним», «верным земле» - Бердяев – «потусторонен», трансцендентен. И Ницше, и Бердяев остро, эсхатологически ставят проблему человека. Но пафос Ницше, его героизм и экстаз с убитым Богом завершаются возведением на костях погибшего человечества жуткого Идола Сверхчеловека. Бердяев же, в соответствии с христианской традицией берет человека во всем аспекте, включая его бессмертия, и приходит к антроподице.

Бердяев многим обязан немецкой философии, в особенности Канту. Только по отношению к Канту, признавался Бердяев, у него осталось «что-то» на всю жизнь¹⁶. Но Бердяев не кантианец в строгом

(Мысль) 1980, с. 141-184.

¹⁶ Бердяев, Н. Самопознание... С. 107.

смысле слова. Его не устраивает религия в пределах только разума, категорический императив и этический формализм, невозможность по Канту духовного опыта, закрытость у него «вещи в себе». Бердяев активизирует кантовский априоризм, внедряется в сферу ноуменального, возбуждая иррациональные силы в человеке и разрушая железный занавес рационализма. Если для Канта «вещь в себе» в общем-то, мертвая для познания сфера, и он смиряется с этим, становясь на путь агностицизма, то Бердяев, наоборот, делает установку на познаваемость "вещи в себе", но "не через понятие"¹⁷. Трансцендентность требует гносиса. Он вообще закладывает иное понимание реальности. Подлинной реальностью по Бердяеву является «мир субъективный и персоналистический»¹⁸.

Философия Бердяева - религиозный персонализм. Это означает не только особый взгляд на человека, но и особый подход, особые требования к религии. Бердяев считает возможным поэтому существование антиперсоналистической религии и этики и, соответственно, христианства, антиперсоналистской христианской теологии. Такую религию он называет «религией социальной обыденности»¹⁹. В то же время Бердяев говорит, что «христианство есть персонализм»²⁰. Это выглядит противоречивым, но философ и не хочет отказываться от подобных противоречий. В одной из своих лучших книг: «О рабстве и свободе человека» он разъясняет: «Противоречия, которые можно найти в моей мысли,- противоречия духовной борьбы, противоречия в самом существовании, которые не могут быть преодолены кажущимся логическим единством. Подлинное единство мысли, связанное с единством личности, есть единство экзистенциальное, а не логическое. Экзистенциальность же противоречива»²¹.

Стоит подчеркнуть, что Бердяев - верующий вольнодумец, революционер духа. Творчество, царство свободы, царство Духа - это тот масштаб, который накладывается Бердяевым на все проявления деятельности человека в материальном мире. Отсюда вытекает характерная и неизбежная для его мышления переоценка ценностей в отношении ко всем философским учениям прошлого. Так, например, у Гегеля Бердяев находит тот порок, что из-за завершенности его философской системы динамика духа остановлена как бы на полпути. Это ложно символизирует о наступившем конце мира, в то время как «до конца мира,- пишет Бердяев,- противоречие не может быть снято. Поэтому мысль неотвратимо упирается в эсхатологическую перспективу. Эсхатологическая перспектива бросает обратный свет на мысль и порождает противоречивость и парадоксальность внутри мировой жизни»²².

¹⁷ Там же, с. 110.

¹⁸ Там же, с. 111.

¹⁹ Бердяев, Н. О рабстве и свободе человека. Париж (Имка-Пресс) 1939. С. 38 (= О рабстве...).

²⁰ Бердяев, Н. Самопознание,.. с. 335.

²¹ О рабстве,.. с. 10.

²² Там же.

Как персоналист Бердяев имеет, разумеется, немало общего с этим течением философской мысли. Многие роднит его, в особенности, с французским персонализмом. Такие идеи Мунье и Лакруа как наличие в человеке спиритуальной энергии, обращенной к Богу и объясняющей смысл активности человека; поиски среднего пути, основанном на внутреннем содержании личности и отличающего его принципиально от тоталитаризма и индивидуализма; персоналистская и общинная революция; «неподлинность» земного существования, существование в этом мире путем личностных потерь и отсюда христианская интерпретация смерти как "просветления" - имеет место и развитие также и у Бердяева.

Точки сопряжения есть у Бердяева и с американским персонализмом (Боун, Брайтмен, Флюэллинг): принцип плюрализма, атака на гносеологического субъекта, отношение к науке и дискурсивному мышлению, религиозная философия, личность с ее экзистенциальным опытом как единственная реальность, принципиальная враждебность человека и общества. Но есть отличия и, что особенно важно, у Бердяева при определенной общности проблем и взглядов рассмотрения, при котором он не только дистанцируется от неприемлемого, но и синтезирует в себе все в прошлой философии ценное.

Так, для Бердяева не все, что носит имя персонализма приемлемо. У Лейбница, Штерна, Лосского мир представлен как иерархическая система личностей. Лейбниц вынужден из-за этого конструировать предустановленную гармонию; близок к этому и Лосский в своей концепции мира как «единого целого»; у Штерна - личность «психофизически нейтральная», «интегральная целостность», теряющая свою автономность и самоценность. В иерархическом персонализме принижается главное в личности: ее субъективность, т.е. обязательность экзистенциального центра, чувствилища радости и страдания, наличие личной судьбы. Человеческая личность получает здесь лишь свою долю ценности, как часть целого, часть личностей более высокой ступени: наций, общества, государства, мирового целого. Личности коллективные, личности сверхличные в отношении к личности страдающей (Бог, человек) не более как иллюзия объективации, отличающиеся массивностью, но не целостностью, универсальностью. Есть лишь субъективные личности. Космос же, человечество, нация и пр. «находятся в человеческой личности, как в индивидуализированном универсуме или микрокосме»²³. Только такая точка зрения есть последовательный персонализм, считает Бердяев.

При сопоставлении взглядов Бердяева с Флюэллингом также нетрудно установить, что он сходится с ним в вопросе о моральном выборе личности, определяемым ее творческой активностью и свободой. Немалый вклад, как и Флюэллинг²⁴, вносит Бердяев в концепцию возврата философии к личным истокам и ценностям в связи с неизменно обнаруживавшей себя иллюзорностью усилий человека на построение

²³ Там же, с. 37.

²⁴ См.: Twentieth century philosophy. N.Y., 1947, p. 327.

прогрессивных общественно-исторических структур, так называемого объективного мира. И вместе с тем он идет гораздо глубже в мировоззренческий и историко-философский контекст. Бердяеву становится ясным, что без проникновения в тайну трансцендентного невозможно постижение смысла человеческого существования и выявления реальных ценностей. Ему ясно и то, что обходной путь, предложенный томизмом, т.е. рациональное, дискурсивное постижение Бога, обнаруживающего себя в мире конечных вещей, также несостоятелен, так как иллюзорным и падшим, абсурдным и небожественным в его концепции оказался весь предметный мир. Следовательно, философия не только не должна оставаться «служанкой богословия». В этом случае она стоит на ложном пути и зашла в тупик, так как познает ложный мир. Как раз наоборот. Её предметом только и может быть первореальность, т.е. положительная метафизика или абсолютное бытие. А это есть путь непосредственного гностического проникновения в тайну трансцендентного через опыт религиозного переживания. Можно сказать, что по Бердяеву, персоналистская философия единородная сестра богословия.

Бердяев ставит очень высоко значение и роль философии, гносиса, мистики в победе царства Духа над царством Кесаря. Но в истории человечества существовали и существуют десятки философских школ и направлений, «пленных мировой данностью»²⁵, и, иначе говоря, путающих в своих построениях логические категории с Логосом, придающих логическим категориям, которые от мира сего, высший и абсолютный онтологический смысл. Такое наукообразное философствование есть ложная философия. И ложность ее не в отдельных положениях и достижениях, которые могут быть истинными, а в ее устремленности: к свободе или необходимости, к творчеству или приспособлению, к искусству выхода за пределы этого мира или к науке согласования себя с этим миром. Это, собственно говоря, и есть основной водораздел, основной вопрос философии. В истине живет Логос, в этом ее ценность и смысл. Но можно ли постичь Божественный Логос через доказательство? И откуда, спрашивает Бердяев, так твердо известно, что истина это то, что наиболее доказано? Существует гносис, который не только не зависит от науки, но и превышает ее. «Догматы Христовы - непостижимы, сверхразумны и отречение, отвержение соблазнов рациональных есть условие религиозного гносиса»²⁶.

Между Богом и человеком, между Истиной и человеком стоит непрощенный посредник - человеческое сознание, которое есть всегда ограниченное сознание. Оно источник прельщений и рабства человека у бытия и у идеи Бога, у космоса и у природы, у общества и у цивилизации, у самого себя, у национализма, аристократизма, коллективизма и т.д. поэтому у персоналистской философии много работы. Но не на пути абсолютного послушания категориям философского познания. Как не должна персоналистская философия быть в послушании у богословия, так

²⁵ Бердяев, Н. Смысл творчества. М. (Правда) 1989, с. 270 (= Смысл...).

²⁶ Бердяев, Н. Философия свободы. М., 1989, с. 214.

не должна она быть в послушании у категорий науки. И то и другое порождает схоластику. Философия должна быть свободна от любого вне ее находящегося авторитета и не ей присущих способов познания. Её задача находить наиболее совершенные формулировки истины, увиденные в интуиции и синтезировать формулы²⁷. Бог открывает человеку истины религии. Истины же философии открываются человеком. Внутренне свободным творческим актом в соединении Божественного и человеческого, религиозного и философского окончательно познается единая истина²⁸.

Бердяев как христианин

В своей духовной автобиографии, изданной в Париже уже посмертно, Бердяев написал, что с детства в его душу более всего запали слова из Евангелия: «Не судите, да не судимы будете» (Мат. 7,1). В истории человечества это, видимо, самый трудный совет из Нагорной проповеди Христа. Во всяком случае, уже в послесловии к этой книге Архимандрита Киприяна сталкиваемся с проблемой понимания. Критиковать или осуждать - вот в чем основной вопрос для всякого аналитика чужого творчества. Попреки и осуждения вытекают из нежелания понять, а не из потребности критиковать. Если, например, автор статьи «Марксизм и Россия: по следам мысли Н.А. Бердяева и за ее пределы» Р. Гальцева информирует читателя о его «*еретическo-утопических* замыслах "третьего завета" и "нового религиозного сознания»²⁹, то это свидетельствует больше о желании упрекнуть и осудить отпавшего от ортодоксии, а не покритиковать за, собственно, сами идеи. А может быть, блаженной памяти старого режима, и припугнуть, дабы кто-либо из обретших долгожданную свободу интеллектуалов поостерегся примкнуть к точке зрения философа. Не следует удивляться после такой «критики», что нехристианское действие рождает нехристианское противодействие. Как раз тот образ отношений, о котором постоянно и с горечью предупреждал Н.А.Бердяев, попреки подобного характера провоцируют ответ: «Не всякий говорящий Мне: „Господи! Господи!“ войдет в Царство Небесное...» (Мат. 7,21).

О критериях надо всегда помнить. Бердяев постоянно жалуется на непонимание. Непонимание отношения его к советской России, которое превращается для него в настоящую трагедию. Незнание и непонимание его главных идей, вопреки его всемирной известности. Непонимание специфики его философствования, характера его дуализма, идей объективации и эсхатологии. Особенно же достается идее несотворенной свободы, в которой ортодоксальные круги православных, католиков и протестантов видят ограничение могущества Бога. Зато, с другой стороны, случается, что его хвалят враги.

Действительно, философия Бердяева имеет склонность к парадоксам и крайностям, и они вытекают из особенностей его

²⁷ Бердяев, Н. Смысл,.. с. 285.

²⁸ Там же, с. 290.

²⁹ Немецко-русский философский диалог. Выпуск 1. Москва 1993, с. 87 (курсив мой - Ф.Ф.).

религиозности. «Уже с детства,- пишет Бердяев,- стал определяться мой духовный тип как духовно-внутренний и свободный»³⁰. Он постоянно подчеркивает, что «изошел в своей религиозной жизни из свободы и пришел к свободе»³¹. Здесь ясно, что Бердяев уже не в состоянии усвоить религию, как он говорил, педагогически, то есть ортодоксально и некритически. Он понимает религиозную жизнь как творчество, а не как воспитательный, и тем более не как судебный процесс. Для него отречение от бесконечной свободы духа равносильно отречению от Христа. Христианство воспринимается им только как религия любви и свободы и именно в этом направлении идет развитие его философии. Он и называет себя «представителем свободной религиозной философии»³². Это не политическая характеристика, в смысле произвола, а мировоззренческая. Она означает гностическое проникновение в Тайну. Пока человек религиозный агностик - он раб. Для бердяевской же философии не существует той последней Тайны Бога, которая в принципе была бы закрыта для человека, так как в бесконечности своего духа человек божественен.

Бердяев не хочет рассматривать христианство как завершенную религию. «...Я всегда верил, - пишет он, - что существует не только универсальное христианство, но и универсальная религия. Христианство есть вершина универсальной религии. Но самое христианство не достигло еще вершины, оно еще не завершено»³³. Этим связано его различие христианства исторического и эсхатологического. Бердяевские характеристики исторического христианства не лестны. Здесь очень важно понять, что под историческим он понимает не просто христианство, которое было в прошлом. Подобное христианство может еще сохраниться и в будущем. В то время как эсхатологическое имело место и в прошлом. Различие их не временное. Их различают наличие или отсутствие животворящих и духотворящих истоков. Еще в «Смысле творчества» Бердяев писал: «Догматическое сознание вселенских соборов было лишь объективированным переводом того, что непосредственно увидалось в мистическом опыте»³⁴. "Христианство - мистика внутреннего человека и христианство - всемирно-историческое приспособление человека внешнего, ведомого к высшим целям. Тогда только понятно становится трагическая двойственность христианства в истории, нерелигиозность его внешней христианской истории»³⁵. Приспособительность исторического христианства к законам этого мира породили его пассивность, подавленность апокалиптических настроений, мстительный характер его эсхатологии, ошибки в учении о промысле Божиим, в идее о Боге как мироправителем, царствующем в природном мире. Такие идеи и

³⁰ Бердяев, Н. Самопознание,.. с. 192.

³¹ Там же, с. 199.

³² Указ. соч., с. 206.

³³ Там же.

³⁴ Бердяев, Н. Смысл, с. 499.

³⁵ Там же, с. 500.

становятся, по мнению Бердяева, мишенью атеизма, который выполняет, кстати, очистительную роль.

Причина такого экзотерического пути христианства, конечно, не простая. Он был вынужденным из-за темноты простого народа, среднего уровня сознания, приниженного уровня воспринимающей стихии, которая не могла воспринимать образ Христа без привычного устрашения, угрозы наказания. Восприятие чистой человечности, чистой духовности, которые только и божественны, трудно греховному человеку, они кажутся ему чуждыми, далекими и недоступными. По этой причине истина о богочеловечности, то есть человечности Бога, связанная с Боговочеловечением оказалась скрытой за «условными и символическими рамками догмата»³⁶. Поэтому образ Христа, считает Бердяев, во многих местах Евангелия виден преломленным как бы в тусклом стекле; поэтому же в притчах есть жестокость и беспощадность и Бог, порой, выглядит в них более жестоким, чем средний гуманный человек XIX века.

«Я не сомневался в существовании Бога, не в этом мое мучение»³⁷, - заявляет Бердяев. Его мучение в остро переживаемой философом богооставленности мира и человека. В мире необычайные победы зла и непомерные страдания человека. В таком мире царствует не Бог, а князь мира сего. И, если христианство является откровением духовного мира, то оно не соединимо с законами этого мира. Есть другой, эзотерический путь, путь активного эсхатологизма, который революционен к историческому христианству. Эсхатологическому христианству принадлежит будущее. Конечно, приходится ждать, чтобы возгорелся огонь с неба, но возгорится он не без дерзновенной активности человека, не без человеческого огня. Конец мира не фатален - он дело Богочеловеческое, «общее дело». Такая религиозная жизнь нелегка, в ней риск и нет гарантий. Зато в ней есть искание Царства Божьего, а не формальная символика Богопочитания; в ней соблюдение правды, а не жертвоприношения Богу. Те, кто становится на путь духовных исканий, «проходит через внутреннюю духовную пытку, как раньше проходили через пытку внешнюю»³⁸. Но это и есть путь к новой эпохе Духа, эпохе эсхатологической. Это - оправдание духовной пыткой, обновленное Христианство, религия святого Духа. Она условие персоналистической революции, создающей небывший мир. Но явление такого мира означает уже и конец мира.

Бердяева не понимали порой, даже друзья. Вспоминая личные беседы с философом, Архимандрит Киприан в послесловии к книге Бердяева «Самопознание...» указывает на его «боязнь принятия церкви как высшего бытия, боязнь „иерархического персонализма“ в таком принятии Церкви...»³⁹ и подчеркивает с досадой, что для Бердяева «Церковь, к сожалению, осталась такой же объективацией, как и многое

³⁶ Бердяев, Н. Самопознание,.. с. 353.

³⁷ Там же, с. 355.

³⁸ Указ. соч., с. 355.

³⁹ Бердяев, Н. Самопознание,.. с. 417.

другое»⁴⁰. Однако у Бердяева было острое историческое чутье, когда он с горечью писал более полувека назад: «Я обращаюсь не к завтрашнему дню, а к векам грядущим. Понимание моих идей предполагает изменение структуры сознания»⁴¹.

Бердяева не понимают и сегодня. И часто не желают понимать у него на родине, в России. Может быть этот пример устарел, но он характерен в позиции сегодняшней православной церкви в России и повторяется в храмах многократно по тому или иному случаю. 11 декабря 1993 года на волне радиостанции "Свобода" был сообщен печальный случай. В одной из московских православных церквей за благословением к священнику подошла ветхая старушка, назвавшаяся внучкой Сергея Соловьева, брата известного русского религиозного философа Вл. Соловьева. Вместо благословения священник разразился бранью на старого человека. Он кричал, что церковь проклята вся семья Соловьевых, а с ней заодно также Бердяев и целый ряд других представителей русского религиозного ренессанса конца XIX начала XX века.

«Не судите, да не судимы будете».

Истина, над которой трудился Бердяев, добывалось им в особом измерении. Чтобы проникнуться ею, необходимо заглянуть в себя так глубоко, чтобы никакие бури на поверхности групповых, классовых, национальных, государственных и пр. интересов не в состоянии были помешать созерцанию ее общечеловеческого содержания. Но и этого мало. Необходимо достичь, как считал Бердяев, еще мистической глубины, т.е. глубины созерцания не только чистым, но и сильным разумом, чтобы обручиться со свободой, которая только и обращает истину в творческий, эсхатологический акт. Но, впрочем, и такую истину осудят еще не однажды. Тогда где-то и когда-то под небом встанет новый борец правды и произнесет слова Евангелия, которые так любил Николай Бердяев: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Иоанн 8,7).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, с. 377.

Артур Штильман

Джеймс Левайн – музыкальный директор и главный дирижёр Метрополитен оперы

Из книги воспоминаний
«В Большом театре и Метрополитен опере»

щё живя в Москве, мне как-то попала статья в журнале «Америка» о молодом талантливом американском дирижёре Джеймсе Левайне, который в середине 70-х годов стал самым молодым главным дирижёром и художественным руководителем лучшей оперной компании США – Метрополитен Оперы. Статья была переводом на русский и, естественно, перепечаткой из какого-то популярного американского журнала. Правда она не давала почти никаких биографических данных о молодом дирижёре.

Когда я пришёл в МЕТ в марте 1980 года Левайну было 37 лет, а когда я закончил там свою работу – ему исполнилось 60. Естественно, что за почти четверть века всё претерпевает огромные изменения – сама жизнь, люди, взгляды общества на мораль, политику, искусство. Лишь одно никогда не меняется – время. Оно неуклонно воздействует на всех без исключения людей или, как часто говорят – *«биологические часы идут для нас всех»* – как самых знаменитых, так и для всего остального рода человеческого. Вполне понятно, что человек, стоящий во главе такого театра, порой сам становится объектом невольного исследования своего психологического и физического состояния со стороны многочисленных коллег – оркестра, хора, солистов, балета и т.д. В 1980 году, Джеймс Левайн был тем, что называется в Америке «*prince*» – милым, обаятельным, тактичным. Нельзя сказать, что свои лучшие качества он с годами утерял или они как-то поблекли, но он стал к концу 90-х терять чувство меры времени для «разговорного жанра» – увы, распространённая дирижёрская болезнь! Выше уже отмечалось, что внимание людей во время репетиций имеет ограниченные пределы для концентрации, после чего происходит её естественное «отключение». Если в мои ранние годы работы в МЕТ – 1980-е – он говорил или старался объяснять очень мало, то через десять-двенадцать лет начался этот самый процесс злоупотребления «разговорным жанром». Было ли это связано с возможно уже тогда начавшимся заболеванием – сказать трудно, но по времени это всё же как-

то совпало с первыми, переживаемыми дирижёром проблемами со здоровьем.

Нагрузка, которую он нес, была невероятной. Я помню один день, субботу в середине 80-х, когда мы играли «Парсифаль» Вагнера с 12 до 5 вечера, а с 8-и до 12 - второй спектакль – «Кармен» Бизе. Обе оперы дирижировал Левайн. Разумеется, за такие переработки платили довольно много денег всем – оркестру, хору, обслуживающему персоналу, но как мог выдержать за пультом 9 часов **сам дирижёр** – было выше моего понимания. Да и не только моего. Практически в течение всего сезона Левайн действительно *жил* в театре, находясь там с самого утра до позднего вечера: после утренних репетиций с оркестром работал затем днём с певцами, занимаясь индивидуально с молодыми вокалистами, тщательно шлифуя партии их репертуара (сам аккомпанировал им на рояле), затем дирижировал текущими спевками к новым постановкам. Так проходил день, а вечером, как правило, он дирижировал своим спектаклем. Его поразительная работоспособность и любовь к самому процессу работы, неистощимое и доброжелательное терпение в его индивидуальных занятиях с певцами, репетиции с хором и сценой под рояль – то есть ещё в процессе создания спектакля на начальных этапах работы – всё требовало его присутствия, и оно всегда было самым активным и творчески плодотворным.

Кроме того, каждый год, со второй половины декабря он уезжал в Мюнхен, где начинал свой сезон с симфоническим оркестром, которым до него руководил всемирно известный музыкант и педагог Серджиу Челибидаке (*Sergiu Celibidache*). Возвращался Левайн в Нью-Йорк где-то в середине февраля – начале марта и начиналась заключительная часть сезона – новые постановки под его руководством. После сезона в те годы мы записывали с ним на компакт диски всю тетралогию Вагнера, оперы Верди, сочинения Альбана Берга, Шёнберга, Малера, Симфонии Бетховена, «Дон Кихот» Рихарда Штрауса – всего не перечить. Затем с конца 80-х начинались заграничные гастроли – туры в Европу, Японию. С начала 90-х Левайн начал также серию абонементных симфонических концертов в Карнеги Холл со всемирно известными солистами – певцами: Маргарет Прайс, Рене Флеминг, Лучано Паваротти (*Luciano Pavarotti*), Пласидо Доминго, пианистами Альфредом Бренделем, Евгением Кисиным, скрипачами Вадимом Репиным, Максимом Венгеровым и другими знаменитостями.

Осенью 1994 года он объявил, что со следующего сезона «постоянным приглашённым» дирижёром будет дирижёр из Петербурга, главный дирижёр Мариинского театра Валерий Гергиев, и что теперь Мюнхен потребует несколько больше времени, чем раньше, но он надеется, что это никак не отразится на его работе в MET. Было непонятно, что могут изменить эпизодические появления Гергиева в MET, когда на нём лежит огромная нагрузка в его собственном театре – Мариинской опере? Что, собственно, и произошло – Гергиев периодически дирижировал рядом спектаклей, другие дирижёры вели свои запланированные спектакли, но практически **всю** новую продукцию театра выпускал по-прежнему сам Джимми Левайн. Его собственная

нагрузка в театре нисколько заметно не уменьшилась. Заметны лишь были его более частые переезды из Нью-Йорка в Мюнхен и обратно.

После окончания сезонов в МЕТ и Мюнхене в летние месяцы он принимал участие в камерном фестивале в Швейцарии (Вербье-фестиваль), где собирались его друзья-ансамблисты, они же солисты оркестра МЕТ. Кроме того 12 лет – с конца 70-х он участвовал в ежегодном Байройтском вагнеровском фестивале, а также летнем Зальцбургском Фестивале, и кроме всего вёл «Равиния фестиваль» – летний фестиваль Чикагского Симфонического оркестра. Так что его «отдых» также был вполне музыкальным и весьма насыщенным. Теперь посмотрим, что пишет официальный сайт МЕТ Оперы о Левайне сегодня, то есть после того, когда Левайну пришлось полностью отменить два последних сезона в МЕТ по состоянию здоровья (2011-13 г.). (Перевод даётся с небольшими сокращениями).

Вэн Клайберн и Джеймс Левайн в летней музыкальной школе в Вермонте, начало 1950-х

«Джеймс Левайн, родился 23 июня 1943 г в Цинциннати. США.

Блестящий американский пианист и дирижёр Джеймс Левайн – выходец из музыкальной семьи. Его дед с материнской стороны был кантором в синагоге; его отец руководил танцевальным оркестром; его мать была актрисой (хорошо осведомлённый о жизни и биографиях многих музыкантов мой друг Альберт Котель рассказывал, что родители Левайна владели в Цинциннати универсальным магазином, что возможно было во второй половине их жизни. – А.Ш.). Он начал играть на рояле ещё маленьким ребёнком. В возрасте 10 лет он был солистом в Концерте №2 для фортепиано с оркестром Мендельсона в молодёжном концерте Симфонического оркестра Цинциннати. В 1956 году он начал свои занятия с Рудольфом Серкиным в Музыкальной школе Марльборо (Вермонт). В 1961 году поступил в Джульярдскую школу, где стал студентом курса дирижирования у Жана Мореля. Одновременно он брал уроки дирижирования на летних курсах у Вольфганга Вакано в Аспене. В 1964 году, окончив Джульярдскую школу, он присоединился к программе

«Американские дирижёры» при Балтиморском симфоническом оркестре, где он получал уроки у таких знаменитых дирижёров, как Альфред Валленштейн, Макс Рудольф и Фаусто Клева (последний был знаменитым оперным дирижёром и много выступал в МЕТ Опере в 1940 годах – А.Ш.)

В 1964-65 гг. Джеймс Левайн начинает свою работу как ассистент Джорджа Сэлла (чешский дирижёр Георг Щель – А.Ш.) в Кливлендском Симфоническом оркестре. В 1966 году он организует «Университетский кружок- оркестр» при Кливлендском Музыкальном Институте. Он также ведёт летний студенческий оркестр музыкального института Оклендского Университета (1967-1969) В 1970 году он сделал успешный дебют с Филадельфийским Симфоническим оркестром во время летнего сезона и в том же году в Уэльской Национальной опере и в Опере Сан-Франциско. Его дебют с Метрополитен Оперой состоялся в 1971 году с оперой «Тоска» во время летнего фестиваля. Успех дебюта был таким большим, что это привело к назначению Левайна главным дирижёром МЕТ Оперы уже в 1973 году (в связи также с неожиданным уходом Рафаэля Кубелика с этого поста – А.Ш.)

Под руководством Джеймса Левайна начался золотой век МЕТ Оперы. За время своего директорства он привёл оркестр и хор к невиданному когда-либо и несравнимому ни с чем уровню высочайших художественных достижений и общественному признанию этих достижений. Левайн тратил семь месяцев работы в театре (что не совсем так, а скорее было совсем не так, что не умаляет никак вышеописанных достижений – см. выше список его ежегодных гастролей с различными оркестрами мира – А.Ш.). Эта его работа привела к премьерам опер Моцарта, Верди, Россини, Арнольда Шёнберга, Игоря Стравинского, Альбана Берга, Курта Вайля, Гершвина, Корильяно, как и большого количества стандартного и не-стандартного репертуара, специально заказанного для МЕТ: опер Тан Дуна, Тобиаса Пикера, Джона Хербиссона.

Маэстро Левайн вёл театр во время многих американских и международных туров, включая Всемирную выставку в Севилье ЭКСПО-92, тур во Франкфурт-на-Майне в 1994 году и в 1996-м, и три визита в Японию. Джеймс Левайн организовал абонементные серии симфонических концертов в Карнеги холл с такими солистами, как Евгений Кисин, Сильвия Мак Нэйр, Анна-Софи фон Оттер, Самуэль Рэми. Левайн регулярно выступает с оркестром Венской Филармонии в Вене и также в европейских столицах, США и на Дальнем Востоке. Каждый сезон он выступает с оркестром Берлинской Филармонии, а с «Чикаго Симфони» работает уже более 20 лет – руководит летним Равиния – фестивалем. С 1975 года он ежегодно выступает на Зальцбургском летнем Фестивале. С 1997 года – главный дирижёр Мюнхенского филармонического оркестра, а с 1982 по 1993 постоянно дирижировал «Парсифалем» Вагнера на ежегодном Байройтском фестивале, с 1994 по 1998 там же дирижировал всей тетралогией Вагнера «Кольцо Нибелунга».

Левайн также выдающийся пианист и партнёр в исполнении камерной музыки, особенно песен Малера и Р.Штрауса...»

Пожалуй, на этом можно остановиться в цитировании количества работ и занятости Левайна в прошедшие годы. Интересно, что подумают медики, прочитав такой список работ одного дирижёра в течение одного сезона и может ли это повлечь за собой какие-либо серьёзные последствия для здоровья? Впрочем, жизнь показала, что увы, не только может, но к сожалению это произошло уже в начале 90-х годов. Посмотрим, что об этом говорит тот же сайт.

«Здоровье Джимми Левайна начало ухудшаться. В 1994 году ему начало причинять страдание развитие болезни Паркинсона (в действительности - в самом начале 90-х – А.Ш.), В 2006 году при падении на сцене в Бостонском Симфони-Холл он повредил сухожилие, в 2008 году у него была удалена правая почка в связи с опухолью; в 2009 он подвергся многочасовой операции в связи, как официально указывалось, с «грыжей позвоночного диска», после повторной операции в 2010 году и ещё двум в мае и июле 2011 года - всё это привело к потере чувствительности ног и, как следствие отмене двух сезонов в MET - 2011-2013, уходу с поста музыкального директора и главного дирижёра Бостонского симфонического оркестра и всех других выступлений, запланированных ранее.

После интенсивной терапии он снова обретает чувствительность ног и в прошедшие месяцы начал ходить. Он сказал, что врачи надеются на полное выздоровление в определённое время. Но пока он дирижирует сидя в кресле на колёсах - wheelchair. Он был одет в чёрную рубашку вместо фрака (имелся в виду его недавний майский концерт 2013 года с Евгением Кисиньм в Карнеги Холл – первое выступление после длительного перерыва - А.Ш.) Верхняя часть его тела выглядела свободной, а жесты сильными и точными, которые делали звучание оркестра таким же, каким оно было при том самом – старом Левайне».

Вот такая новая, последняя обнадеживающая информация. В июне 2013 года ему исполнилось 70 лет. Пожелаем здоровья и творческого долголетия одному из крупнейших оперно-симфонических дирижёров мира.

Возвратимся к работе с Левайном в Метрополитен опере. Ещё весной 1990 года режиссёр Франко Дзеффирелли и Джеймс Левайн работали над новой постановкой оперы Моцарта «Дон Джованни». Эта постановка была приурочена к 200-летней дате со дня смерти великого композитора и готовилась для следующего сезона. В сезоне 1990-91 года и 1991-92-го исполнялись также «Свадьба Фигаро», «Прощение Тита», «Похищение из сераля», «Волшебная флейта», «Идомея», «Дон Джованни» и «Так поступают все». Таким образом, в каждом из этих сезонов мы играли с Левайном целый фестиваль моцартовских опер. Собственно премьера состоялась ещё весной 1990-го. «Дон Жуан» назывался всегда в MET по-итальянски «Дон Джованни» и новая постановка была роскошной даже для MET – все костюмы были заказаны

в мастерских Ива Сен-Лорана (*Yves Henri Donat Mathieu-Saint-Laurent*). Мне пришлось принимать участие в маленьких сценических оркестрах, играющих в конце первого акта в замке Дон Жуана и в процессе постановки сам Дзеффирелли много раз выходил на сцену и объяснял участникам их задачи во время действия оперы. Так например он просил музыкантов непринуждённо выходить на сцену до своего выступления в «Менуэте», брать в руку бутафорские «бокалы» и делать вид, что мы принимаем участие в «парти». Идея его была несколько экстравагантной – во все былые времена хозяева отлично знали, что музыкантам нельзя давать ни пить ни есть до окончания их работы, а тут... Однако мы все, конечно же, беспрекословно подчинялись указаниям великого маэстро, но чувствовали себя не совсем естественно. Надо сказать, что просто пройти по сцене в театральном костюме с инструментом в руках до начала своей игры в определённое время, то есть почувствовать себя на сцене в качестве *участника действия* оказалось делом совсем непростым. Сразу же во всём теле ощущалась какая-то неестественная скованность. В чём было дело? Ведь мне лично приходилось столько раз выходить на сцену со скрипкой в руках, а тут... Да, но тогда я выходил на сцену, чтобы играть, *исполнять* на своём инструменте музыкальные произведения, а теперь нужно было выходить, чтобы *изображать* музыканта XVIII века, прогуливающегося по залу замка Дон Жуана. Иными словами, даже для элементарно простого прохода по сцене необходимы какие-то иные навыки, не музыкальные, а именно сценические, которых, естественного ни у кого из нас быть не могло. Но всё приходит с опытом. Уже после двух репетиций мы чувствовали себя вполне свободно и уверенно в «роли» музыкантов на балу у Дон Жуана.

В музыкально-исполнительском отношении эта часть последнего раздела первого акта довольно трудна. Три сценических оркестра играют одновременно свои партии, в это же время танцует балет, поют певцы и необходим абсолютно точный и надёжный контакт с дирижёром. На предварительных репетициях Левайн часто поднимался на сцену, стоял и слушал каждый маленький оркестр рядом с исполнителями, особенно наш, третий оркестр, состоявший из трёх скрипачей и одного контрабаса. Почему? Потому что этому оркестру Моцарт поручил самый трудный материал – довольно виртуозные пассажи, украшающие тему Менуэта и делающие её какой-то совершенно иной – сверкающе-весёлой и живой. В результате мы даже удостоились отдельной строки в рецензии на эту постановку. Рецензент написал в журнале «Опера», что вся сцена Менуэта казалась восхитительным «Тортом», который разрезался «ножом» третьего оркестра на замечательные куски этого «Торта».

Каждый раз мы проводили дополнительные репетиции перед спектаклем и, честно говоря, это я заставлял своих коллег всякий раз исключительно тщательно и многократно репетировать этот номер до абсолютно идеального качества ансамблевой игры и синхронного исполнения, тем более что Левайн дирижировал всегда эту сцену в очень подвижном темпе. Интересно отметить, что акустика в театре была настолько великолепна, что мы отлично слышали «отдачу» нашего звука в зале во время исполнения, а Левайн успевал послать нам свой привет, в

знак своего удовлетворения сыгранным, сразу после окончания сцены. Такие моменты приятно вспоминать ещё и потому, что они всегда символизировали идеальную точность и художественное совершенство работы всех звеньев театра MET. Быть участником этого оркестра столь много лет – уже немалое достижение даже в личном плане.

Другое важнейшее свойство Джимми Левайна: в опере Моцарта «Волшебная флейта» особенно проявлялось его уникальное качество ансамблиста – всем нам казалось, что мы участники камерного ансамбля, вместе с Левайном музицируем в той единой духовной сфере, о чём шла речь в главе о Геннадии Рождественском. Вообще Левайн обладал удивительным чувством музыки Моцарта, что всегда давало ему возможность раскрытия глубин драмы и трагизма в опере «Дон Жуан», которые оставались совершенно «незамеченными» другими дирижёрами. Это драгоценное свойство таланта Левайна ставило его в ряд самых выдающихся интерпретаторов Моцарта второй половины XX века. Ощущение глубины и значительности скрытого для большинства обычных дирижёров *особого внутреннего смысла* многих важнейших эпизодов музыки Верди, Вагнера, Штрауса, Малера, вне всяких сомнений делали Левайна одним из крупнейших музыкантов мира.

Джеймс Левайн репетирует

Его удивительная способность создавать *концертную атмосферу* даже на обычной репетиции – атмосферу музыкальной праздничности и глубокой значительности интерпретации – делали любое, даже репетиционное исполнение с ним музыкальным откровением. Остальное было делом профессионализма оркестра – ансамбля высшего класса и абсолютного совершенства в сыгранности и синхронности взаимодействия всех групп, вне зависимости от жанра музыки – оперы, балета или симфонии. С Левайном это было делом совершенно простым – его руки были ясными, точными, он не делал ничего лишнего (чем с особенным удовольствием занимаются сегодня молодые дирижёры, по

меткому выражению моего покойного друга Агамирова-Саца «их руки находятся в таких беспокойных движениях, как будто они ночью обкрадывают кассу банка»), давая полную эмоциональную и артистическую свободу своему оркестру, легко и без каких-нибудь специальных средств или жестов поддерживая естественный баланс звучания различных групп, и самое главное – всё время ощущая и передавая всему оркестру тот образ идеала звука, который он желал услышать и который всегда был «знаком» оркестра Метрополитен оперы. Каким образом он это делал, остаётся загадкой даже для участников работы с ним в те лучшие годы. Вероятно, в том и заключена некая мистика выступлений этого дирижёра, когда оркестр, его участники делают нечто такое, чего в обычное время, с другими дирижёрами почти никогда не происходит. Поэтому Левайн так ценил все репетиции и выступления Карлоса Кляйбера. Он, как никто другой, мог оценить тот вклад в звук оркестра, который Кляйбер делал (сознательно или совершенно инстинктивно – не имело значения) буквально на каждой репетиции, в каждом эпизоде музыки Пуччини, Верди, Штрауса. При том, как и Кляйбер, Левайн никогда не объяснял желаемый им характер звука – он всегда получался как бы сам собой, но всегда был стилистически самым естественным для данного композитора и самым красивым. А если требовалось в соответствующих местах – величественным и возвышенным, заставляющим публику сопереживать со всей эмоциональной отдачей, которая всегда остро ощущается исполнителями – и солистами, и оркестром, и хором, но прежде всего – самим дирижёром.

Джеймс Левайн дирижует заключительной частью «Реквиема» Верди Оркестр Метрополитен оперы. Солистки Мэрилин Хорн и Леонтина Прайс. Начало 1980-х

Другое важнейшее качество Левайна-интерпретатора – пианиста и дирижёра – его длинные линии развития музыкальной фразы никогда не распались на отдельные куски. Эти линии всегда натурально сочетались друг с другом, будь то мелодические или полифонические, следуя логике развития мысли композитора исключительно явственно и понятно всем

без исключения слушателям, раскрывая сокровенную глубину исполняемой музыки – в зале театра или в концертном зале. Эти длинные фразы были столь же естественны как в музыке Малера, так и в симфонических местах опер Вагнера, в любом сочинении Моцарта, как и в сочинениях Бартока или Стравинского. Это ценнейшее исполнительское качество Левайн бережно нёс всегда через все произведения оперного и симфонического творчества великих композиторов прошлого и настоящего, и оно также причисляло его к величайшим музыкантам XX века.

Работая с Левайном в его лучшие годы, мы никогда не уставали от репетиций, хотя в предсезонное время они ежедневно длились с перерывами – пять часов самой интенсивной работы. Происходило это потому, что никогда не было бессмысленной зубрёжки (в ней и не было надобности!), никогда не было «пустых мест», когда дирижёр пользуется репетиционным временем «для себя», освежая в памяти текст партитуры. Ничего подобного и никогда не происходило на репетициях с Левайном. Он сразу же создавал концертную атмосферу, то есть атмосферу исполнения *на публике и для публики* и потому, как уже говорилось, даже его репетиции становились сразу же волнующим музицированием только во имя музыки, как таковой, её высшего духовного, эмоционального и философского смысла. В таком ключе все репетиции с ним были высшим исполнительским процессом, требующим полной вовлечённости, эмоциональной отдачи и артистизма всех участников оркестра, хора и солистов. Именно поэтому все спектакли и концерты с ним проходили с необычным подъёмом – всё было подготовлено на репетициях, а на спектаклях или концертах было исполнено с ещё большим энтузиазмом и вдохновением. Конечно, это было нелегко, но зато нашей общей наградой всегда было несравненное удовлетворение от высокохудожественного и совершенного исполнения музыки великих композиторов.

При воспоминаниях о любом крупном музыканте, танцоре, певце или дирижёре мы должны исходить в своих оценках главным образом по *вершинам* исполнительского творчества того или иного артиста. Вполне понятно, что почти никому не удавалось на протяжении всей жизни на сцене находиться в пике своих творческих возможностей. Быть может, если судить по записям на пластинки за исключением одного С.В.Рахманинова. Он «не успел» снизить траекторию своего уровня исполнения – ушёл из жизни почти в 70-летнем возрасте, лишь за несколько месяцев до конца жизненного пути сделал записи двух своих переложений из Ми-мажорной Партиты Баха для скрипки соло – Прелюда и Гавота. В этой записи мы слышали того же Рахманинова, который был записан на пластинки в лучшие годы – с 1928 по 1940. Но его пример, конечно, исключение из правил. Большинство величайших исполнителей в своей карьере всегда имели свой взлёт – годы величайших творческих достижений – и свои годы снижения параболы эмоциональной мощи и исполнительского мастерства, что вполне естественно для жизненного цикла любого человека. Так что даже ретроспективно мы должны оценивать уровень великих артистов по их главным достижениям, а не по

их неудачам или по годам снижения их физических и соответственно, творческих возможностей. Поэтому рассказ о Джеймсе Левайне, как мне кажется, по крайней мере для меня, должен закончиться на 2003 году – времени моего окончания работы в МЕТ. А если посмотреть на всё время, проведённое там, то кажется, что всё же пик расцвета работы Левайна в МЕТ пришёлся на 1994 год – время исполнения во Франкфурте-на-Майне «Песни о Земле» Густава Малера.

Как уже говорилось, в 1994 году оркестр МЕТ с Джимми Левайном отправился на неделю во Франкфурт-на-Майне для исполнения «Песни о Земле» Густава Малера и программы из произведений Моцарта – фортепианного Концерта с солистом Левайном, Симфонии №40 соль-минор и Мотета для сопрано с оркестром. В известной мере та поездка, хотя и продолжалась всего неделю, была исключительно важной. Вероятно она осталась пиком, вершиной творческого содружества дирижёра и оркестра. За мои 23 года никогда оркестр не играл лучше, тоньше, эмоциональнее и красочнее, чем в ту недельную поездку в этот старинный город. Мы играли там в старом здании оперы, которое и называлось «Alte Oper». Здание было построено в 1880 году на пожертвования граждан города. Среди них активное участие принимали банкиры города еврейского происхождения: Рафаэль Эрлангер, Адольф Гольдшмидт, Эмиль Ладенбург, Мейер Карл фон Ротшильд, Рудольф и Сигизмунд Зульцбах и Макс Штеттхаймер. Сегодня их имена, кроме представителя семейства Ротшильдов ничего не говорят не только нам, но и немецким гражданам. В своё время филантропы еврейского происхождения Франкфурта играли огромную роль в развитии города, строительстве госпиталей, улучшении транспорта и вообще условий жизни горожан. За что и получили «спасибо» от новых властей в 1933 году. Всё это я узнал из альбома, купленного в Еврейском музее Франкфурта – большом здании на набережной реки, большую часть времени совершенно пустынного – не было тогда ни туристов, ни желающих ознакомиться с этим музеем. Хотя это и не имеет прямого отношения к нашим гастролям, но об этом нельзя не упомянуть. Во время нацизма еврейская община – одна из старейших на территории Германии – исчезла с лица земли. После войны были сделаны большие усилия для восстановления хотя бы какой-то видимости присутствия этой общины, членами которой было семейство Ротшильдов. В общем, Музей, несмотря на множество экспонатов, представлял собой грустную картину.

Во время войны здание «Старой Оперы» сгорело, после войны было восстановлено и... снова сгорело! Тогда было решено построить новое здание для оперного театра, а старую оперу восстановить как концертный зал. Что и было сделано. В этом здании произошло в своё время, в 80-е годы важное событие – в концертном исполнении была сыграна с небольшими сокращениями опера Вагнера «Лоэнгрин» под управлением гениального Карлоса Кляйбера. Были там и другие исторические выступления.

Директор Театра устроил после премьеры «Песни о Земле» приём, во время которого и рассказал нам, каких трудов ему стоило уговорить Кляйбера продирижировать «Лоэнгрином» в концертном исполнении.

Карлос Кляйбер здоровается с концертмейстером Реймондом Гневеком во время антракта нашей репетиции. Франкфурт, Май 1994 года. Тогда мы видели Кляйбера в последний раз.

(Фото любезно сделано с видеоплёнки Элизером Рабиновичем. Спасибо, дорогой Элизер)

Мне было бесконечно интересно увидеть лица молодых немецких слушателей малеровской музыки, то есть людей, родившихся уже после войны, успешных финансистов, представителей большого бизнеса страны. Собственно меня интересовал один вопрос: ощущают ли эти высокообразованные люди метания духа в гениальном малеровском сочинении, именно связанных с его еврейским менталитетом?

Пожалуй Густав Малер – единственный композитор в истории музыки, внутренний мир которого сравнительно легко идентифицируется. Так, по крайней мере казалось мне всякий раз, принимая участие в исполнении его сочинений с Джимми Левайном. Впрочем, с этим предположением согласятся далеко не все, в том числе и представители молодого поколения немцев, ставших на этот раз нашими слушателями. Мне казалось, что они совершенно не воспринимали эту идею вообще, ощущая Малера таким же венским классиком, каким был, скажем Брукнер.

Почему Малер, названный историками музыки "неоромантиком", является по моему мнению исключением? Потому что композитор сам ответил на этот вопрос: "Везде я чувствую себя чужим – в Австрии как чех, в Германии – как австриец, и во всём мире – как еврей..." Несмотря на крещение, без которого он бы не смог занять пост музыкального директора Венской Придворной Оперы, несмотря на выдающиеся художественные достижения театра под его руководством, он всегда чувствовал своё изгойство, а крещение сделало его ещё более ранимым – отказ от самого себя давался ему нелегко... Кроме того его личную жизнь нельзя было назвать счастливой. Женившись на падчерице известного

венского художника Карла Мёлля Альме Шиндлер – женщине, впрочем незаурядной, которая и сама была композитором, Малер в её лице вряд ли нашёл надёжную поддержку. Принципиальная антисемитка (хотя по иронии судьбы её последний муж – писатель и поэт Франц Верфель – тоже был австрийцем еврейского происхождения), женщина, имевшая ряд романов при живом муже (самый известный был с архитектором Вальтером Гропиусом – основателем школы архитектуры и дизайна "Баухауз"), Альма Шиндлер родила в браке с Малером двух дочерей, одна из которых умерла от скарлатины в возрасте пяти лет. Смерть дочери была сильнейшим ударом для композитора, так и не оправившегося от этой потери до конца своей жизни в 1911 году. Ему был лишь 51 год. Можно предположить, что личные обстоятельства жизни Малера были в значительной мере причиной его трагического видения мира, его бегства от самого себя. Как часто в его музыке лишь на секунду промелькнёт мажор, одиноким солнечным лучом подчеркнув окружающую тьму бурных и трагических событий жизни художника.

И вот во Франкфурте всё это как-то странно сплелось: напротив Еврейского музея – через реку находился Музей Баухауза, а в Старой Опере мы исполняли Малера...

О посещении концерта Карлосом Кляйбером рассказывалось в главе о его работе в MET Опере. Там мы видели его в последний раз.

Успех исполнения этого гениального сочинения был колоссальным! В финальных страницах, как мне казалось, мы достигли в нашем общем музицировании вершин, которых достигал лишь один Бруно Вальтер с английской певицей Кэтлин Фэрриер в этом сочинении (запись 1952 года с тенором Юлиусом Патцак).

Этот концерт остался в памяти одним из самых волнующих выступлений оркестра MET со своим бессменным руководителем. И тогда, и сегодня кажется, что именно на том концерте все мы достигли какой-то высшей точки в воплощении гениальной музыки, которой, быть может, уже никогда не удастся достичь... Почему-то именно в этом сочинении Малера Левайн, совершенно индифферентно относившийся к любым делам, связанным с еврейскими праздниками или Израилем, ощутил необыкновенно остро важнейший момент этого необычного шестичастного вокально-симфонического цикла, написанного на тексты древнекитайских поэтов в немецком переводе. Как тонко заметил, комментируя это сочинение известный критик и философ Теодор Адорно: «Малер одел как *«маску»* – китайский костюм, чтобы подчеркнуть свою «отдельность» – иными словами свою еврейскую самоидентификацию. Эта интересная мысль Адорно возникает всякий раз, когда вспоминаешь о том исполнении с Левайном «Песни о земле» Малера в мае 1994 года во Франкфурте-на-Майне.

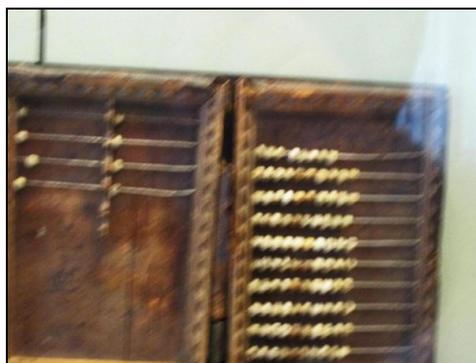
Марк Цайгер

Лохнесское чудо

(Анекдотический случай, происшедший
с любителями истории)

осмотрите на эту фотографию.

Старинные счёты из Томска

Старинные счёты на фото, сделанном мобильным телефоном.

Это не просто старинные счёты, это лохнесское чудо. Почему так? Потому, что вынырнув на поверхность, эти счёты как сквозь землю провалились.

С чего начиналось

Дело было так. Один московский приезжий сфотографировал эти счёты на свой мобильный телефон. Фотография позволяет установить, когда это было: 2 октября 2011 г в 10 час. 37 мин. И передал фото моему московскому знакомому доц. Дмитрию Михайловичу Златопольскому. А Златопольский переслал мне. Я определил, что эти счёты были изготовлены в XVII веке, у меня по этому поводу написана книга «Арифметика в Московском государстве XVI века», в которой подробно показано, как эти счёты использовались современниками Ивана Грозного и позже.

А дальше началась детективная история. Д.М.Златопольский сообщил мне, что фотография сделана в Томском краеведческом музее

(так ему сказал автор фотографии). Началась длительная переписка с Томским областным краеведческим музеем и, в конце концов, Марина Владимировна Зима, главный хранитель музея, заверила Златопольского в том, что в музее нет такого экспоната. Обратились к автору фотографии, он не помнит точно, где он её сделал, но указывает, как возможный вариант на зал, находящийся либо в отделе редких книг, либо поблизости. В отделе рукописей и книжных памятников научной библиотеки ТГУ (Томского государственного университета) этих счётов тоже нет, об этом сообщила зав. отделом Галина Иосифовна Колосова. Я обратился в музей археологии и этнографии Сибири ТГУ, этот музей был создан ещё до революции и его создатель Василий Маркович Флоринский составил трёхтомный каталог экспонатов музея (1888 г.). Но заведующий музеем Юрий Иванович Ожередов сообщил мне, что этих счётов ни в музее, ни в каталоге нет. Попутно он отметил, что каталог Флоринского и другие подобные источники изучил доцент кафедры отечественной истории университета Вячеслав Вениаминович Шевцов, он монографию написал по исторической метрологии России, но и В.В.Шевцов не узнаёт этой фотографии.

Вот и получается: экспонат оказался в 2011 г., а потом «сквозь землю провалился».

Чудо вынырнуло в Тобольске

Уже после того, как был написан приведенный выше текст, я показал его Д.М.Златопольскому и спросил, может ли он назвать имя фотографа? Нет никакой проблемы, ответил Златопольский. Фотографом был Александр Владиленович Пурник, главный специалист исследовательского центра “Библиотека, Чтение, Интернет” при Российской государственной библиотеке для молодёжи. Автор блога “Планета е-книг”. Занимается проблемой электронной книги (е-книги) и как контента и как устройства.

Выдвигаю как версию, что он приезжал в Научную библиотеку ТГУ в командировку по этим вопросам. И сотрудники библиотеки, скорее всего, показали ему то интересное, что было у них под рукой.

А сам А.В.Пурник сообщил следующее:

«Год назад побывал я в Тюмени на III открытом слёте молодых библиотекарей Тюменской области “Библиотека в XX веке: новые возможности и технологии развития” (01-04 октября 2011). Возили нас в какой-то город (почему-то я посчитал, что это Томск) в краеведческий музей.

Там я сфотографировал необычные счёты и сообщил, что сфотографировал их в краеведческом музее в, если не ошибаюсь, Томске. Дальше выяснилось, что в Томском краеведческом такого экспоната нет.

Ну не был я в библиотеке ТГУ и стало ясно, что причина скорее всего очень простая и (скорее всего) дело в “небольшой” ошибочке). Не выдержал я и связался с Тюменской областной научной библиотекой им. Д.И.Менделеева и уточнил КУДА же нас возили-то.

Выяснилось, что тайна, как и ожидалось, базируется на ошибке: возили нас в Тобольск, а не в Томск. Остался пустяк - найти экспонат в Тобольском краеведческом музее и получить качественное фото».

Я запросил Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник и получил ответ, который подготовила Любовь Николаевна Жучкова:

Дата: 28 ноября 2012 г.

Счеты, о которых вы ведете речь, входят в состав нашего музейного фонда. В данное время экспонируются в постоянной экспозиции Дворца Наместника. Музейный предмет поступил от Василия Николаевича Пигнатти в начале XX века. В.Н. Пигнатти - петербургский филолог и юрист, дважды сослан в Тобольск царскими властями (в 1899 и в 1903 году). В 1917 г. назначен Временным правительством Тобольским губернским комиссаром. Исполнял обязанности казначея и секретаря распорядительного комитета Тобольского музея, а также производил археологические раскопки на Искере.

Счеты костяные в деревянном, покрытом кожей, футляре в форме книги. Медные шарниры. Датированы XVIII в. Размеры: 22x15 см

Ну вот, лохнесское чудо вынырнуло, следствие окончено. Где-то в глубине сознания остаётся вопрос: почему столько внимания уделено каким-то старинным счётам, которые не нужны никому, какая в этом польза? Зачем столько сил было потрачено?

На этом примере мы видим, что добывание исторических фактов – это не такое простое дело, оно требует настойчивости и убеждённости, чтобы не опустить руки, когда кажется, что уже ничего невозможно сделать.

О чём могут рассказать старинные счёты

1587 год – эта дата считается годом основания русского города Тобольска. А подданство российскому царю означало и посошное налоговое обложение всех проживающих на тобольской земле народов.

Слово «посошный» происходит от слова «соха» - деревянный инструмент для вспашки земли в средневековые времена. Какая его связь с налогами? Первоначально это слово использовалось в Московии, находящейся под властью Золотой Орды для распределения ясака – налога, который платили в Орду московские князья: налог распределялся по сохам, причём за соху принималось крестьянское хозяйство с двумя-тремя мужиками, которое занималось земледелием (первые упоминания о сохах относятся к 1423 и 1462 гг., хотя есть указания и на более раннее (1275 г) употребление этого термина). Позже содержание сохи изменилось – за соху стали принимать территорию распаханной земли, которая измерялась в четяхх (в XVII в. за четь принималась половина десятины, т.е. 0,5560 га). Размеры пашни, входящей в соху были различными для разных областей и владельцев земель. При Иване Грозном была установлена новая поземельная единица налогообложения - «большая соха», в которую по Судебнику 1550 г. входило для бояр, дворян и царских придворных 800 четвертей хорошей земли на одном поле (при трехполье, тогда использовавшемся в Московии); для церковных и монастырских земель размер сохи устанавливался в 600 четвертей; для земли государственных крестьян (черные) - 500 четвертей. Иными словами, от обложения по числу крестьян перешли к обложению по площади пахотных земель.

Для подсчёта количества сох в уезды Московского государства высылались царские служилые люди, как правило, писец и подьячий. Они составляли описание земель – «сошное письмо». В нём каждое имение описывалось отдельно. Перечислялось число деревень в имении, дворов в деревне, количество пашни паханой, перелога, дикого поля и пр. в четях, сена в копнах, леса в десятинах и затем делали расчет, сколько сох или долей сохи составляет это имение. При больших размерах сох второй половины XVI века отдельное имение обычно составляло не целую соху, а некоторую ее дробную часть. Писцам приходилось вычислить, какую часть сохи оно составляет. Вот здесь и нужны были им счёты.

Надо сказать, что в XVI-XVII веках в Московском государстве числа записывались не так, как сегодня, по системе, введённой Петром Великим, а с помощью букв славяно-русского кириллического алфавита. В нижеприведенной таблице показаны буквы т.н. числового алфавита (под буквой таблицы записано её название и числовое значение). В алфавите были и другие буквы, например, буква бѹки, которая числовых значений не имела – числовые значения перешли в славянский алфавит из греческого, который был в Византии, а в нём буквы со звуком Б не было, была только буква бетта, которая превратилась в славянское вѣди.

Числовые значения букв славянской кириллицы - славянский числовой алфавит

Ѧ (аз) 1	Ѣ (вѣди) 2	Ѓ (глаголь) 3	Ѧ (добро) 4	Ѥ ѥ (естъ) 5	Ѧ (зелѣ) 6	Ѧ (земля) 7	Ѧ (иже) 8	Ѧ (фитѣ) 9
Ѧ (и) 10	Ѧ (како) 20	Ѧ (люди) 30	Ѧ (мыслѣте) 40	Ѧ (наш) 50	Ѧ (си) 60	Ѧ Ѧ (си) 70	Ѧ (покой) 80	Ѧ (червь) 90
Ѧ (рѣ) 100	Ѧ (слово) 200	Ѧ (твѣдо) 300	Ѧ (уч) 400	Ѧ (ферт) 500	Ѧ (хер) 600	Ѧ (пси) 700	Ѧ (от) 800	Ѧ (ци) 900

Славянский числовой алфавит

Были и другие особенности записи чисел в старинной системе. Например, числа от 11 до 19 записывались так, как мы их произносим – сначала единицы, а потом десятков. Но это – только для второго десятка, в записи всех остальных чисел слева шли десятки, а справа – единицы. Ниже приведена фотография старинных часов-курантов Суздальского кремля, на которых цифры показаны буквами, и вы видите особенную запись чисел, соответствующих 11 и 12 часам.

А как же можно было считать на счётах с числами, записанными подобным образом? Для этого применялась специальная вспомогательная таблица, которая называлась «дщица счетная». Она помогала преобразовывать числа, записанные кириллическими буквами, в расположение костей на счётах. В те времена при подсчётах сох и их частей использовали только четверти (чети) и трети, их половинки,

четвертинки, восьмушки, и т.д.). Такие части называли с помощью приставки пол, повторяющейся несколько раз. Например, пол-пол-пол-чети – это $1/64$. А пол-пол-полтрети – это $1/24$.

Реставрированные часы-куранты Суздальского кремля

Особое искусство требовалось для сложение третей и четвертей и их производных. Об этом можно прочитать в моей книге, упомянутой выше.

Обратите внимание, что в секции для дробей счётов, выставленных в музее, был ещё один стержень, следы которого заметны в средней деревянной перегородке, где кусочек отломился. На этом стержне были три кости справа (для третей) и четыре кости слева (для четей). И когда этот стержень потерял свою и опору посредине и выскочил из боковых гнезд, счёты частично перестали выполнять свою функцию, и их забросили в дальний угол (выбросить совсем рука не поднялась). Так они и сохранились до наших дней. Эта счёты, по-видимому, были изготовлены в XVII веке.

Известный историк, проф. Р.А.Симонов пишет: «Для России XVI в. при проведении поземельного налогообложения огромную проблему составляла необыкновенно увеличившаяся территория страны: в 10 раз за сто лет. Как писал по этому поводу Карл Маркс: «Измученная Европа, в начале царствования Ивана едва замечавшая существование Московии, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства». Можно себе представить, что кадастровая перепись огромных площадей земли, разнообразной по качеству, назначению и расположению (пашни, леса, луга, пустоши, взгорья, озера, реки, степи, тундра), казалась невыполнимой за короткое обозримое время. И, тем не менее, она была решена, что является вопросом исключительной исторической и практической важности. Ведь если бы налоговое обеспечение не было своевременно проведено, то государство в новой неимоверно расширившейся величине, не имея необходимых средств, не выдержало бы тяжести расходов на свое существование, и просто рассыпалось на массу мелких уделов». И далее

Симонов отмечает, что реформа налогообложения способствовала появлению в России слоя грамотных людей, умеющих считать: «Надо было научить огромную армию полуграмотных или вовсе неграмотных писцов быстрому измерению и кадастровому расчёту больших земельных массивов сложной конфигурации... Математизация XVI в. породила в стране интерес к точному знанию, направила в нужное русло существовавшую умственную энергию людей».

Послесловие

Когда я писал вышеприведенный текст, я совсем не собирался его публиковать. Просто писал информацию для экскурсоводов Тобольского историко-архитектурного заповедника: к ним съезжаются туристы и они показывают то, что у них есть. Никто, конечно какими-то там счётами не заинтересуется. Но если, показывая эти счёты, рассказать современную детективную байку, связанную с ними, то экспонат запомнится лучше. Я послал рассказ вместе со своей книгой в ТГИАМЗ (этим «хулиганским» словом сокращённо называется музей в Тобольске), и вдруг получаю просьбу – нельзя ли рассказ опубликовать в новом журнале «Юниум», который музей собирается издавать? – Конечно, можно. Но уж вы пришлите мне фотографию этих счётов получше качеством.

И вот журнал вышел в свет и мне прислали фотографию этих счётов. Я её (фотографию) перевернул вверх ногами – именно в таком положении счёты использовались в XVII веке и так они отрисовывались в соответствующих «счётных мудростях».

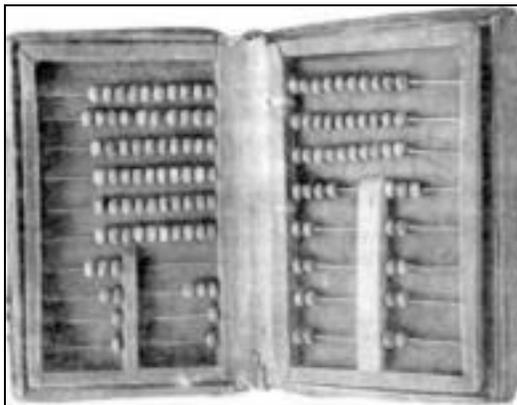

Счёты из Дома Наместника в Тобольском музее-заповеднике

Подобные счёты имеются и у коллекционеров. Ниже приведена фотография счётов из статьи, найденной на сайте антикварного магазина TransAntique. (Мне пока не удалось связаться с администрацией магазина и узнать, кто является владельцем этих счётов и где он живёт, но надеюсь, что когда-то узнаю.)

И, как всегда, когда найдено какое-то решение, оно влечёт за собой дополнительные вопросы. Например, почему на нижней проволоке

счётов из Тобольска только восемь косточек, а не десять? Моя версия такая: косточки счётов выполнены из дерева, которое само по себе, является материалом, склонным трескаться. (В справке из музея указано, что счёты костяные, но на фотографии похоже, что они деревянные.)

Счёты XVI-XVII века

Скорее всего, первоначально на нижней проволоке было десять костей, но позже, от непрерывного щёлканья одна кость треснула и развалилась. Если на проволоке счёт осталось девять костей, то этой проволокой ещё можно пользоваться. Просто, когда все кости окажутся слева, счёт продолжается, а когда требуется добавить ещё одну кость к тем девяти, что слева, вот в этот момент надо все девять костей передвинуть вправо, а на вышележащей проволоке передвинуть влево одну кость (означающую десяток). А вот когда разрушилась ещё одна кость и осталось восемь, то этой проволокой пользоваться уже нельзя. А раз нельзя, то остальные кости уже не будут подвергаться разрушительным щелчкам. Поэтому, когда мы видим на счётах недостаточное число костей на проволоке, очень часто число этих оставшихся костей оказывается равным восьми.

В заключение хочу отметить, что история арифметики оказалась такой веточкой истории, в которой до сих пор остаётся много неизвестного, но об этом – в другой раз.

Евгений Брейдо

Агент

Сценка из петровских времен

действующие лица:

Петр I Великий – русский царь
Головин Федор Алексеевич – государственный канцлер, граф,
генерал-адмирал, генерал-фельдмаршал.
Меншиков Александр Данилович – наперсник Петра
Толстой Петр Андреевич – посол в Константинополе (в пьесе не
появляется)
Макаров Алексей Васильевич – секретарь Петра

Петр и Макаров

Петр: - «Ну, что там у тебя?»

Макаров: - «Да вот, Толстой доносит из Константинополя.»

Петр (как всегда, нетерпеливо): « -Ну?»

Макаров (передает письмо): « - Взгляните, Государь. Затеяник у нас Петр-то Андреич.»

Петр (читает):

"Молодой подьячий Тимофей, познакомившись с турками, выдумал обасурманиться. Бог мне помог об этом сведать, я призвал его тайно и начал ему говорить, а он мне прямо объявил, что хочет обасурманиться; я его запер в своей спальне до ночи, а ночью он выпил рюмку вина и скоро умер; так его Бог сохранил от такой беды".

(Фыркнул в усы)

-«Ишь, разгулялся Петька. Головин где?»

Макаров: «Через полчаса должен быть с докладом. Если не изволите отменить.»

(Кланяется)

«Меншиков еще рвался.»

Петр: «-Этот всегда рвется. Головина вначале.»

Макаров: «-Слушаю.»

Петр: «-Еще что важное?»

Макаров: «Да так, по мелочи, срочного с утра больше не было.»

Через полчаса те же и Головин.

Петр (передавая ему письмо): «-На, читай»

Головин (читает, про себя): «-Ему бы самому такую стопочку.»

Петр: «-Твой агент?»

Головин (отшатываясь): «-Зачем мне к Петьке агентов посылать, помилуй, Петр Алексеич?»

Петр: «-Я не спрашиваю, зачем. Твой или нет? Варьянтов у нас три. Или вправду подъячий в басурманы подался и стал за Петькой шпионить, или он из вас вот кем-то послан за Толстым приглядывать (Петр глянул в упор сначала на одного сподвижника, потом на другого), или сам собою какие-то Петькины делишки выведаль и тот его порешил. Учиняем следствие. Макаров, зови Меншикова. Тоже фигурант.»

Головин: «-Государь, а может он, вправду, того, сам помер, а? Бывает ведь, мрут.»

Петр (ласково): «- Да бывает, Федя, бывает. Ты скажи, если твой агент, не опасайся, это даже и правильно было бы, за Толстым глаз нужен. Я бы и двух послал.»

Головин (про себя): «-Да там и так три, только хрен их Петька расколлет.»

Вбегает Меншиков в расшитом кафтане и при шпаге. Влюбленно смотрит на царя.

Меншиков (не обращая внимания ни на кого, кроме Петра): «Звал, Государь?»

Петр (долго и испытующе смотрит на любимца, потом говорит, закуривая поданную Макаровым трубку): «-Слыхал про Толстого?»

Меншиков: «Что он подъячего отравил, сука?»

Все оборачиваются и внимательно смотрят на Меншикова. Тот понимает, что проговорился и ... была не была:

Меншиков: «-Бес попутал, Государь. Приставил к Толстому человечка. Так он же, сучий потрох, только и норовит в глотку вгрызться. Сколько он Тебе доносов на меня писал, а?! Выблядок Милославский.»

Петр некоторое время ходит по комнате, поглядывая то на Меншикова то на Головина.

Петр (Макарову): «Сколько у нас человек у Толстого-то в посольстве?»

Макаров (вздыхнув): «Было девять, теперь вот восемь только осталось.»

Петр: «-Так.»

Резко поворачивается к Головину.

«-Ты скольких послал за Толстым следить?»

Усы угрожающе зашевелились.

«-Не ври!»

Головин (быстро и тихо): «-Троих.»

Петр (Меншикову): «-Ты?»

Меншиков отступает на шаг.

Петр протягивает вбок руку, Макаров рысью бежит в угол комнаты, возвращается с дубинкой и вкладывает ее в руку Петра.

Петр (Меншикову): «-Ну?»

Меншиков (с уважением глядя на палку и украдкой вздыхая): «-Троих, Государь»

Петр (отдавая Макарову дубинку): «-И мы двоих. Так, Макаров?»

Макаров: «-Ну да. Любовницу его и писаря.»

Петр: «Диктуйте Макарову поименно, господа министры, каждый своих людей.»

Диктуют. Макаров записывает.

Петр: «-Макаров, двойные агенты есть?»

Макаров: «-Никак нет, Государь.»

Петр: «-Так что, правильно я понимаю, господа министры, ... вашу мать, что только один этот подьячий и не был никем подослан?»

Все хором: «-Так, Государь.»

Петр (обводит всех троих взглядом): «Почему? Забыли, что ли, про него в бардаке?»

Молчат.

Меншиков (осторожно): «-Шебутной он какой-то был, Царствие ему небесное. Придурковатый вроде. Ни к какому делу негодный.»

Петр: «Агенты что пишут? Макаров?»

Макаров: «-Так то и доносят, что Толстой самолично пытал и отравил. Про басурманство ни слова. Как же, дали бы ему там обасурманиться, среди стольких-то глаз.»

Меншиков и Головин вместе: «Точно так, Государь.»

Петр: «Так что ж это, выходит, Петька-то умнее нас всех оказался? Агентов раскрыл, но не может же он зараз все свое посольство уморить, а про этого одного не понял чей, да и порешил от греха, чтоб голову свою умную больше не ломать. Третий вариант в рассмотрение не берем – случись что, кто-нибудь бы донес.

Все: «-Истинно, Государь.»

Занавес

Примечание: Автор благодарен Борису Тененбауму за вовремя рассказанный ему исторический анекдот, положенный в основу этой маленькой пьесы.

Ольга Янович

Воспоминания об отце*

От автора

ти записки – попытка отдать часть того громадного долга, который лежит на каждом из нас и размеры которого постигаешь в полной мере лишь тогда, когда родителей-кредиторов уже нет рядом. Долга тем большего, чем сложнее было их существование на момент твоего рождения.

Моих родителей, с их огромной разницей в возрасте и воспитании, соединило, помимо любви, желание составить целое из осколков двух семей, принесенных в жертву времени – революции, гражданской и отечественной войнам, годам репрессий. Мой дед со стороны отца был разорен революцией и умер от тифа во время красного террора. Моего другого деда, отца матери, арестовали (в третий раз) в 1937 году и он погиб в Карлаге. У папы во время немецкой оккупации Киева и Ростова-на-Дону погибли двоюродные сестры и их семья.

Родители были бедны, что тогда было обычным и вполне нормальным для интеллигенции. Быт был убогим, но общение между друзьями – выжившими, не предавшими друг друга – было их богатством. Богатством был даже анекдот – всё шло «в дело». Поэтому вспоминать отца, окруженного друзьями и коллегами, мне легче. Он почти целиком состоял из своей работы, она была его существом, воздухом, досугом, она наполняла общение с друзьями. И награда была в той теплоте, которую ему дарили все, кто его знал.

Так получилось, что вся наша семья теперь живет в Америке. Либеральные перемены, до которых папа не дожил, привели в движение деловые пружинки в тех, кто даже не подозревал их в себе. А когда стало возможным немислимое ранее заключение самими гражданами контрактов на работу за рубежом, многим захотелось «второй судьбы». Вот и наша семья постепенно перебралась на Запад. Мы с мужем стали первыми переселенцами, опровергшими вошедшее в моду утверждение, согласно которому художники и музыканты якобы никому не нужны: я скрипачка, муж – художник-график, мы оба не стали менять профессии, остались тем, чем были. Сестра Анна, переводчик, совершила подвиг,

* Яков Иосифович Рецкер (1897, Таганрог – 1984, Москва) – российский лингвист, переводчик и лексикограф, классик науки о переводе, автор ряда учебников и учебных пособий по переводу, составитель фразеологических словарей.

освоив программирование, дочь ее стала уже здесь переводчиком с французского, продолжив дело матери и деда. Наш сын – рыжий, как и его дед, и такой же музыкальный, вопреки тому же клише, – играет на рояле в окрестностях Нью-Йорка. И конечно же, с нами живет мама, которая всё из мной написанного помнит и дополняет тем, чему я не была свидетелем.

Доставшиеся мне от папы любовь к Марку Твену, Фитцджеральду, Хемингуэю, «Ворону» По, интерес к ловкому, непереводамо-лаконичному английскому языку помогают мне переносить – не скажу: тяжесть, но, что греха таить – некоторую чужеродность американской жизни. И, вызывая дорогие мне тени, помните и мой родной язык.

Между молотом и наковальней

Они сидели друг против друга – два человека, вышедшие из одной и той же привилегированной среды и получившие прекрасное образование. У обоих отцы были богатыми коммерсантами, купцами 1-й гильдии, и семьи их не знали тягот и ограничений российского еврейства. Оба свободно говорили по-французски, не раз бывали в цивилизованной Европе. Этим сходство исчерпывалось.

Она в юности была хрупкой светлоглазой девушкой, смотрелась этакой мечтательной институткой, «барышней из приличной семьи», а позже отличалась сухой холодной бледностью и неженским пронзительным взглядом. По звериной жестокости, отметившей её участие в процессе, который в исторических пособиях советской эпохи назывался *триумфальным шествием советской власти по нашей стране*, она превзошла всё, доступное здоровому человеческому воображению. Солженицын назвал её «фурия революции». Страна знала её под именем Землячка, и за свою революционную деятельность на юге России в гражданскую войну она удостоилась самых высоких правительственных постов.

А человек, сидящий напротив, был моим отцом и был вызван к ней на приём. Ей предстояло разобраться с его социальным происхождением, его судьбой в эпоху великих перемен, с его отношением к этим переменам.

Он ничего не скрыл. Ни того, что был сыном заводчика, ни своего юнкерского прошлого. Вот только отношение его к великим событиям осталось невыясненным. И тогда она сказала: «Вы можете быть нам полезны, стране нужны специалисты со знанием иностранных языков, но надо определиться с выбором платформы, решить, кем быть: молотом или наковальней?» Он ничего не ответил.

Годы спустя он признавался, что выйдя из её кабинета, почувствовал себя тем, чему полагается быть *между* наковальней и молотом – куском металла или любым другим предметом, форму которого молоту назначено изменить. И делать это надо при помощи битья, битья...

Отец

Он родился в год смерти Брамса. Родился в Таганроге, где было ещё немало тех, кто помнил гимназиста Антона Чехова, ещё сам Чехов

был жив, был жив и Лев Толстой, а в гимназии папе предстояло через несколько лет сесть за «чеховскую» парту, как лучшему ученику класса.

Семья Рецкеров была одной из самых богатых в Таганроге. Мой дед, Иосиф Леонтьевич, начинал свою карьеру приказчиком. Каждую свободную от трудов минуту он тратил на то, чтобы самостоятельно заполнить всеми доступными премудростями громадную пропасть, отделявшую его от воспитанной гувернантками и приходящими учителями Груней Краковой – дочкой таганрогского богача. И только когда торговое дело у него пошло, решился он явиться пред будущим тестем – властным, держащим всю родню, богатую и бедную, в рыжем волосатом кулаке. Отец желанной Груни, кстати, немедленно давший свое согласие на брак, в папиных рассказах о Таганроге попал в длинный ряд комических персонажей и запомнился мне как «дедушка Краков».

Он был истово верующим иудеем и всё небожественное подвергал сомнению: «Яша, почему ты знаешь, что Наполеон был? Ты его видел? Таки что же ты говоришь?! Никогда не верь тому, что ты сам не видел!»

Яша Рецкер с родителями и сестрой

Как-то внуку Яше удалось подслушать дедову молитву, в которой он искренне благодарил Бога за то, что тот *не создал его женщиной*. Это мальчика так озадачило, что для религии не осталось никакого свободного пространства в голове, тоже рыжей, кстати сказать.

Умирал папин дедушка Краков, по насмешке судьбы, в родильном доме, среди тех самых женщин, которых не жаловал. Он наотрез отказался ехать в госпиталь, где не было кошерной еды.

Итак, к моменту появления на свет моего папы Иосиф Рецкер уже всюду варил пиво на собственном заводе. Делал он это энергично, но честно, не зарываясь, не жалея «долива после отстоя», по выражению советских времен. Богател быстро, аккуратно, рабочие его любили, и дело процветало. В городе он постепенно сделался чем-то вроде еврея-западника, в синагогу перестал ходить, был принят в Английский Клуб, а по вечерам местный батюшка навещался в его богатый, лучший в городе дом – поиграть в карты. Шторы при этом конспиративно задвигались, чтобы не «засветить» духовное лицо перед синодальным начальством.

Ф.Г.Раневская

Иосиф Леонтьевич любил музыку, меценатство его не было данью моде или желанием нравиться. Он давал деньги городу на организацию оперных спектаклей и концертов знаменитостей, в Таганрог приезжали скрипачи Кубелик, Губерман, пианист Гофман, певцы из Ла Скала. Груня надевала на концерты громадную шляпу и ревниво следила за дедом, который в качестве устроителя хлопотал вокруг певиц и балерин, то и дело влюбляясь в них. «Подкармливал» он также и полицию, чтобы та не допускала погромов местных евреев, а с ними разных прочих «брюнетов» – греков, армян. В красивом приморском городе – разношерстном, успешно торгующем, богатое население жило довольно мирно.

К пятилетнему барчуку Яше ходила француженка, и на эти уроки приводили соседскую девочку Фаню Фельдман. Учительница хорошо знала свое дело: и Яша, и маленькая Фаня, в будущем великая русская актриса Фаина Раневская, очень скоро заговорили по-французски. Отец Фани Григорий Фельдман был тоже богат, и с некоторых пор к

берегам Турции стало плавать их общее с Иосифом Рецкером торговое судно.

Но ни любви к пивоварению, ни тяги к заморской торговле в Яше не замечалось, а потому напирала на образование. Здесь было поле командования честолюбивой Груни, у которой четверка по латыни могла вызвать нервный припадок. Любя мать, Яша старался изо всех сил и к 13-ти годам знал два европейских языка, литературу, историю и играл на рояле.

Его учителем фортепиано в Таганроге был один из воспитанников знаменитого Блуменфельда. Мне даже иногда казалось, что руки папы на клавиатуре похожи постановкой на руки великого ученика Блуменфельда - Владимира Горовица. Так учили в те времена, когда в обиходе пианистов было слово «туше» и по роялю не били, к нему прикасались. Играть отец не переставал до последних дней своей долгой жизни.

На деда Иосифа, как на купца первой гильдии, не распространялся закон о черте оседлости. Он имел право жить в обеих столицах, ездил в Москву и Петербург по делам коммерции, ходил в концерты, в оперу, и когда Яшу было решено послать в консерваторию, то поехали сперва в Москву. Но в вестибюле Московской консерватории они прочли объявление о квоте на приём «лиц иудейского вероисповедания». Справедливости ради надо заметить, что эти ограничения для евреев не касались консерваторий – это был, по всей видимости, «вдохновенный экспромт» приемной комиссии, желание угодить кому-то из попечителей, или просто выброс антисемитской энергии. К тому времени небогатая, местечковая родня Рецкеров уже сильно пострадала от «православия, самодержавия и народности» и поэтому даже ради консерватории ни православным, ни более *нейтральным* лютеранином становиться мой неверующий папа не захотел. И направились в Петербургскую консерваторию, к Глазунову, слывшему либералом. Яшу приняли.

Кстати, в то время другой Яша, Хейфец, (или, как звали его на самом деле, Иосиф) уже учился в Петербургской консерватории у Леопольда Ауэра и на его выпускном концерте папе удалось побывать. Из музыкальных воспоминаний отца я помню также, как Глазунов, в то время ректор, превосходно зная всех питомцев консерватории, однажды вызвал папу после очередного выступления и, похвалив его музыкальность, посоветовал перейти от Майкапара к Дроздову, который гораздо лучше работал над «пианизмом». Заодно посоветовал заняться дирижированием.

Катастрофа

Первая мировая война, гибель на германском фронте двух братьев матери положила конец его музыкальной карьере – Яша решил идти на фронт бить немца. Иосиф Мудрый посоветовал сначала научиться отбиваться и отстреливаться. От консерватории до Михайловского артиллерийского училища было ходу три минуты. Он переселился в казармы.

Юнкером, благодаря привычке с семи лет ездить верхом, он стал отменным. Я видела вольтижировку только в цирке, а в Михайловском училище это было чем-то вроде зачета по гаммам, также как и стрельба и сбивание деревянной болванки со столбика шашкой на полном скаку. Отец и в этом был отличником. Общение с аристократами, которых было немало среди товарищей, тоже было весьма непринужденным, несмотря на его еврейство. По вечерам играли на рояле в четыре руки, беседовали о музыке и стихах, стараясь приглушить ощущение того, что надвигалось на страну и казалось даже страшнее войны.

Мы в семье иногда шутили над папой, что октябрьский переворот произошел по его личному недосмотру, ведь он был одним из тех самых юнкеров 1-ой батареи 11-го, ускоренного выпуска, которых отозвали назад в Михайловское училище накануне падения Временного Правительства, оставив Зимний Дворец без защиты.

Но в ночь на 23 октября 1917 юнкер Рецкер всё ещё стоял на часах у кабинета главнокомандующего войсками Петроградского военного округа полковника Георгия Петровича Полковникова. И он стал свидетелем того, как один за другим представители знаменитых полков – Преображенского, Измайловского – рапортовали об отказе своего полка защищать Временное правительство, завершая фразой: «Вся власть Советам!» Последнего депутата полковник принял, даже не вставая. На Петроградской стороне уже громили склад оружия, князь Голицын просил прислать вооруженный отряд, чтобы разогнать толпу, а послать было некого, и с полковника градом лил пот, несмотря на холод. Ему, по всей видимости, положение было ясно уже за два дня до падения правительства.

На фотографии у Полковникова глаза совершенно трагические, такая же была и уготована ему судьба – он был казнен большевиками в 1918 году.

Отец, самозабвенно любивший историю, не хуже Ленина усвоил «уроки французской революции» и никаким лозунгам не верил, ни в какие партии не вступал. Товарищ по полку по фамилии Каннегисер пытался его пристыдить за непричастность к партийной борьбе, на что отец весело отвечал, что предпочитает быть в «партии Скрябина и Рахманинова». Спустя некоторое время юнкер Каннегисер убил председателя Петроградской ЧК Урицкого и погиб сам.

Вскоре после революции отец получил удостоверение прапорщика в Генеральном штабе и заодно узнал, что с румынского фронта, куда ему предстояло направиться, солдаты уже бегут. Он получил письменное назначение «в распоряжение главнокомандующего вооруженными силами на юге России» и отпросился в отпуск домой. Надо было спасти семью, так как в Таганроге уже хозяйничали большевики. О спасении состояния он уже и не думал.

Уже по дороге на юг стало ясно, что кровавая волна поднимается и скоро накроет с головой. А пока что настигла его в вагоне поезда всего лишь испанка. Лежа на верхней полке, из-под шинели, сквозь марево забытья, услышал он сиплый голос: «Жида есть?! Это там кто у тебя, старуха? Жид?» «Так то ж офицер, вон шинель ихняя, жар у

яво, беднаво!» И сапоги протопали мимо, а кто это был, белые, зеленые, баба-спасительница не сказала.

В родном городе в первые же дни, во время уличных беспорядков его выволокли на улицу и повели к комиссару. Кто-то донес, что из окна их дома, одного из самых богатых в городе, стреляли. Стрелять, понятно, было из чего, но Яша был благоразумен и понимал историческую бесполезность подобных действий. Пока его вели, сестра Женя всю дорогу то повисала на его шинели, то бросалась на колени перед солдатами. У комиссара дело бы кончилось быстро и плохо, спасло неожиданное обстоятельство.

Из почти младенчески-ранних воспоминаний отца я помню две истории. Он – маленький, пятилетний, из детской наблюдает за родителями. Они собираются куда-то, в гости или в театр, мать с белыми плечами перед трюмо, а отец, в зеркале любуясь её красотой, застегивает ей на шею колье: «Поздравляю, Грунечка! У нас – миллион». И второе: в конторе отца, где Яша неведомо как очутился вечером и, необнаруженный, из-за портьеры смотрел, как приказчик с завода припадал бородой к сапогам новоиспеченного миллионера и вопил: «Иосиф Леонтьич, Христом-Богом, не надо пристава, всё отработаю, бес попутал» и тому подобное. Много позже узнал Яша от отца, что приказчик растратил заводские деньги. Иосиф Леонтьич простил. Комиссар, к которому папу привели на расправу спустя много лет, оказался тем самым благодарным приказчиком. Отца отпустили.

Шинель офицерская спасла ему жизнь тогда, в поезде, она также грела и он, сняв погоны, продолжал её носить, за что в Харькове зимой 19-го получил ножом в спину – бандиты сорвали её с истекающего кровью, но всё еще стоящего на ногах офицера. Отец, не имея при себе оружия, не стал отвоевывать добро, а добежал до квартиры, где жил у тетки. И опять – судьба. Нож угодил в костяное перекрестье подтяжек, скользнул, поранил сильно, но не вглубь. Добротная шинель еще раз спасла его от расправы.

Гражданская война застала его в Харьковском университете, на факультете права. Но очень скоро будущий адвокат Яков Рещер убежал, куда глаза глядят с судебного процесса, на котором оправдали насильника и убийцу девушки из богатой семьи на основании его пролетарского происхождения. Этот путь отец для себя закрыл.

Мой дед Иосиф умер вскоре от брюшного тифа, которым переболел и папа, впоследствии перенесший еще сыпной и возвратный тиф. Оставив всё, не оглядываясь на то страшное, что совершалось в родном городе над остатками их счастливого бытия, мать с младшим братом Мишей переехали в Москву. Средств к существованию не было.

Деньги, и немалые – оставались в ценных бумагах, нереализуемых в советской России. В торговом судне, приписанном к порту на юге Франции, половина которого, уже недоступная, принадлежала отцу. В брошенном в панике большом и светлом Таганрогском доме, где в 19-м году расположился штаб Деникина. И в бриллиантах, которыми в блаженном полусне Яшиного детства Иосиф любовно обвил лебяжью шею своей Грунечки.

Но предстояло ещё одно трудное и опасное семейное дело. В Швейцарии, в Лозанне, жила другая сестра папы, Полина, большая костным туберкулезом. Её отправили лечиться задолго до всех катастроф, и хоть родителей она почти не помнила, но жизнь ей спасли. За её пребывание на курорте и лечение никто не платил несколько лет. Отец взял материнские ожерелья и отправился через границу, пока это было можно.

Мне, после многократного пересечения рубежей то в бывшем советском, то в русско-американском обличье, представляется, что ненасытная Русь – матушка испокон веков норвила выпустить граждан за свои пределы голыми и обречь на голодную смерть на чужбине. Я верю, что современное таможенное правило не выпускать любой неодушевленный предмет старше пятидесяти лет, а также всё авторское, «неконвейерное», берёт начало от произвола старинных незаконных времен. В опасные двадцатые годы то, что вёз отец и что не обнаружили таможенники, могло стоить ему жизни. Он завернул бриллианты матери в носовой платок и сунул его в карман. При осмотре громко сморкался в камни и клал платок на стол, как бы предлагая для инспекции. Брезгливость советских Чичиковых спасла ему жизнь, в который раз повисшую на волоске. Сестру он привёз на родину, заплатив за все годы её содержания в Швейцарском раю. Ей предстояла тяжёлая жизнь инвалида в стране, которая сама превратилась в такового.

«Лингвы»

Одним из любимых английских стихотворений папы, как в подлиннике, так и в блестящем переводе М.Лозинского было “If” Кипплинга. Конечно, сонеты Шекспира и «Ворона» По он ставил на недостижимый пьедестал, но «Заповедь» Кипплинга была его кодексом поведения. Поэтому он пережил потерю дома, завода, отказался от своей доли за пароход, зная, чем грозит в советское время владение такой собственностью и «никогда не пожалел о том».

ЗАПОВЕДЬ

Перевод М. Лозинского

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.
Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твоё же слово

Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена, и снова
Ты должен всё воссоздавать с основ.
Умей поставить, в радостной надежде,
На карту всё, что накопил с трудом,
Всё проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно всё пусто, всё сгорело.
И только Воля говорит: «Иди!»
Останься прост, беседа с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и твёрд с врагами и с друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, –
Тогда весь мир ты примешь как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек.

Много раз в своей жизни благословлял он память Иосифа Мудрого и Груни Честолюбивой, настоявших на приобретении знаний, которых никакие войны и экспроприации не смогли уничтожить в облысевшей после тифа, но ясной голове их сына. В двадцать пять лет Яша, помимо немецкого и французского, уже знал английский, который выучил самостоятельно, положив перед собой Библию на трех языках. Подмечая и мысленно корректируя множество разночтений и неточностей в переводах великой книги, он вдруг почувствовал интерес, близкий к азарту, и понял, что решилась его профессиональная судьба. Он стал искать работу переводчика.

Таким образом ещё в начале двадцатых - в самое безнадёжное, нищее, голодное время – он наметил для себя путь литератора, теоретика искусства перевода, обреченного всю жизнь преодолевать феномен непередаваемости, труднообъяснимости того, что ему было понятно в чужих, ставших почти родными, языках. В этом выборе главным для него было поделиться с людьми радостью, упоением от прочитанного.

Но сперва надо было развить устные навыки, отбывать повинность толмача, набраться лихости, моментально выталкивая слово на поверхность, в речь, не залезая за ним в карман.

Отец нанялся в одну из первых советских нефтяных компаний переводчиком с немецкого и французского. Вскоре на собрании коллектива объявили, что требуется переводчик для торговых переговоров в Италии. Волшебное имя страны зазвенело счастливым аккордом в душе износившегося, худого, уже обременённого семьёй Яши.

В юности, богатым барчуком, он изрядно поездил с родителями и успел вкушать от Европы Роскошной и Благополучной. В Италию они не успели – в поезде прочли в газете об убийстве эрцгерцога Фердинанда и заспешили домой.

Он хорошо помнил изысканную мебель лучших гостиниц Гамбурга и Женевы, обеды в пульмановских вагонах и туалеты дам в казино на Юге Франции. Потому-то на рабочем собрании, не раздумывая, сначала руку вздернул, а уж потом спросил, когда ехать. Выяснилось – через три недели.

Старушка-итальянка не была профессиональным педагогом, но щебетала без пауз, а папин музыкальный слух и гимназическая латынь помогали уловить структуру предложения. Многие существительные уже были в багаже, другие – просились. Итальянский шел, «как к себе домой».

Всё бы сошло ему с рук, но при первом же соприкосновении с носителями языка на месте выяснилось, что московская итальянка была родом из Неаполя и её чириканье так же отличалось от той речи, которую папа услышал в Милане, как говор одесских торговков от языка московских присяжных поверенных.

Не добившись понимания, он, не моргнув глазом, соскользнул на французский. Носителя языка отец попросил сохранить всё в тайне от советских негодяев, которые все до единого были потомственными пролетариями. Их руководитель – добродушный малый - сморкался в два пальца и вытирал их об занавеску не таясь, приговаривая: «Мы не аристократы!» Отец не церемонился, отучал. Успех его небольшого обмана был полный, если не считать заказанных им в ресторане четырёх супов вместо трёх блюд с десертами (между прочим, всё было съедено без жалоб!) для своих подопечных.

Не думаю, чтобы он хорошо заработал в той поездке. Не могу ничего сказать и об успехе нефтяного предприятия. Но когда несколько лет назад, на площади Святого Марка я смотрела, как покачиваются на зеленой воде привязанные черные лакированные лодки, вспомнила его слова: «Я был в Венеции три дня и две ночи. Не спал ни минуты. А когда уезжал, плакал».

Он был немного сентиментальным, мой отец. Но не слишком.

Немного семьи, частной собственности и государства

О начале своей жизни я крепче всего помню то, что у меня была бабушка, а у родителей не было квартиры. Даже комнаты не было, только семь метров в коммунальном раю, отгороженных от других обитателей рая линиялой портьерой.

Рай – не будь он коммунальным, назывался бы так без всякой иронии, так как располагался в самом желанном для московского интеллигента месте города, у Никитских Ворот - стенка в стенку с церковью, где венчался Пушкин, напротив особняка Горького и в трёх минутах ходьбы от Консерватории. Не говоря уже о Кремле, Ленинской библиотеке, большинстве музеев Москвы. Местонахождение квартиры, а также отсутствие денег, было аргументом отца в бесконечных спорах родителей по квартирному вопросу и я, рано узнав, что играть можно не только на пианино и скрипке, но и на нервах, поняла, что загадочная «нервная почва» находится как раз там, где живут мои родители.

Живя с бабушкой и дядей в большой комнате, которая тоже помещалась в коммунальной квартире, я в мечтах летала «от ворот до

ворот» - от Красных Ворот к Никитским. Иногда мечты сбывались, и я попадала к родителям на семь метров. Там был старый, лысый, с мохнатыми золотыми бровями, интересный папа. Молодая, душистая, очень нервная мама. Там же была старшая сестра, были две крошечные куклы с полным набором мебели и ночным горшочком в наперсток, в который папа как-то, пока мы спали, капнул чаю, уверив нас, что это сделал игрушечный мальчик Гансик. Были наши прогулки. Мы с сестрой ходили в скверик, где сидел Алексей Толстой из чугуна, а однажды, благо район был посольский, присоединились к организованному около красивого особняка «стихийному возмущению» группы, недовольной убийством *«доброй Лумумбы злыми канализаторами»*. Так я и объяснила папе, которому наш гражданский протест стоил новой банки чернил, переброшенной через ограду бельгийского посольства.

Папе было не до «канализаторов», он все время работал над словарем, а мама переживала квартирную ситуацию. Когда меня забирали на Никитскую, мы спали с сестрой валетом на раскладушке, пинались ногами, хихикали до икоты и жизнь на время приобретала смысл. А утром меня уводили к бабушке от Никитских Ворот к Красным Воротам, а поскольку ни те, ни другие нельзя было увидеть, то эта процедура перемещения представлялась мне бессмысленной и лживой. И я громко роптала, чтоб не сказать скандалила.

Я.И. Рецкер, 1963 год

Отец, никогда не забывавший про свой возраст, долго не решался занять денег на первый взнос за квартиру и довел мамину «нервную почву» до того, что всё произраставшее на ней источало ядовитые пары. И тогда институтские коллеги любимого всеми Рецкера сложились и пришлось уступить. Начали строиться.

Девятиэтажный дом на Садовой Самотечной, смотревший во дворы и на лабиринт старинных кривых переулков был *кооперативным*, розово-кирпичным и весьма интеллигентным домом. Общаться культурно можно было не выходя из подъезда, а то и в пределах этажа. Там жили профессора, научные работники, переводчики и даже адвокат. Дом был в том районе единственный по своей новизне - в тесном окружении одноэтажных домов прошлого века. Никто тогда не понимал, какое сокровище представляет собой этот оазис старины и никто домишки не ремонтировал. Вокруг нашего совместно - частного владения всё ещё теснились фургончики, в которых народ жил, веками дожидаясь бесплатного жилья. А до той поры «фургонные» дети, презиравшие нас, царапали на чистой стене около лифта: «Штоп вы все здохли кто живёт в этом доми! Копиталисты!»

Квартира у *копиталистов* была однокомнатной, но тот, кто помнит переход от пятидесятих к шестидесятым, поймёт наше состояние счастья. В кухне можно было не только сидеть вокруг стола, но и поставить топчан. Не только распахать утварь вокруг плиты, но и повесить книжные полки. Таким образом, папа получил кабинет, спальню и библиотеку.

В то, для многих пока ещё бестелевизорное, время одним из наших развлечений – бегством от унылой школьной обязаловки, сладким, порой запретным, плодом – было чтение книг. Когда об этом рассказываешь детям сегодня, они жалеют «бедных предков». Внукам, боюсь, этого уже не растолкуешь. Книгу извлекали у меня из-под одеяла, из ванной комнаты, из-под парты на уроке физики, а однажды отец «накрыл» меня с любимыми мушкетерами на нотном попнитре, в то время как скрипка отдыхала на диване, а магнитофонная bobина воспроизводила по двадцатому разу наигранную накануне гамму.

Мы читали и постепенно выстраивали своё суждение по вопросам, волновавшим наших родителей, а также тех людей в огромной стране, кто добывал информацию не из громкоговорителя, а при помощи проволоки, прикрученной к антенне коротковолновой «Спидоль», и выведенной другим концом в форточку. Тогда сквозь всесоюзную радиоглушилку прорывались западные «голоса» и мы узнавали, что Хрущева «ушли» на пенсию, что Пастернак, а позже Синявский и Даниель – сурово пострадали за свои сочинения, которые почему-то так никому и не дали почитать. Когда глушили уж очень рьяно, отец настраивался на Би-Би-Си и новости слушали «на языке», а папа при этом работал на синхроне, восхищая нас темпом перевода.

Книги мы с сестрой читали одни и те же: по совету отца, либо вопреки его заявлению, что «всякому овощу - своё время» - в полном несоответствии с возрастом и пониманием. Кое-что было контрабандой из его *кухонной* библиотеки и читалось тайком. Таким образом, «Яму» Куприна я прочла в десять лет, пряча её в туалете меж водопроводных труб, а год спустя – «Госпожу Бовари». Судьба бедной Эммы меня так расстроила, что я поделилась впечатлением с одноклассниками. Они были не готовы к осознанию природы адюльтера в условиях буржуазной Франции и в свою очередь поделились с родителями. Последовало

несколько недоуменных звонков в школу, а из школы – отцу, поскольку знали, что он имеет отношение к печатному слову. Ему не надо было рассказывать, что Флобер не входит в программу предмета «родная речь» в четвертом классе и он, посмеявшись, всё-таки провёл со мной беседу.

К счастью, Мадам Бовари как-то проскочила, но вот Тартюф, по моей инициативе и недосмотру учительницы прочитанный в восьмом классе «по ролям» вызвал бурю. На первом же родительском собрании вопрос о чтении вслух «неприличной бульварной пьесы» был поднят одной неначитанной мамашей. Учительницу вскоре уволили. А так как литературе вообще в то время сильно доставалось, то мой отец, не успев еще опомниться от переживаний за более современных отечественных авторов, переживал и за учительницу, и за Мольера.

На то самое время и пришелся подслушанный нами поздний, ночной разговор родителей на кухне. Разговаривали они по-английски, раздраженным громким шепотом и впервые отец – обычно мягкий, уходящий от конфликтов, не уступил напору и уже на родном языке категорически отказался подавать заявление в секцию переводчиков союза писателей, «организацию, полную трусов и *канээсэсовцев, устроивших над прекрасным поэтом судилище в духе сама знаешь, каких времен*». *...И не попал он в цех зазорный...*

Это своё упрямое неприятие режима отец в беседах обычно скрывал из деликатности, либо - стратегически его приберегая на крайний случай. Но ему, чьей профессией были язык и речь, общение с людьми было необходимо, как музыканту инструмент. И поскольку этим инструментом – речью – владел он виртуозно, язык легко мог довести его до Магадана, как других доводит до Киева. Он это понимал и сдерживался, как мог. Но не всегда получалось.

Я часто думаю, что в годы террора, помимо везения, свойственного, как известно, многим рыжим людям, отца спасло от ареста его спокойное добродушие, отсутствие «пробивных» качеств и постоянное занятие своим и только своим делом. Спасло отсутствие врагов, а также частичная глухота - следствие тифа. Анекдот ему можно было рассказать только громким голосом и только в правое ухо, что было лучше делать тет-а-тет. Таким образом, количество потенциальных доносителей резко сокращалось. Знание истории и логики помогло вывести нетрудную формулу происходящего и понять, что следует за отменой нэпа и судебными процессами над бывшими лидерами. Не надо было видеть гильотину, чтобы догадаться, куда исчезают близкие и друзья.

В 37-м году папа снимал комнату недалеко от Арбата, в большом доме на Садовой. Как-то во дворе к нему подошел дворник, оглянувшись вокруг и прошептал: «Яша, съезжай с этой квартиры - третий день понятиям хожу, *они* этот дом себе прибрать хотят!». Ни минуты не думая, отец собрал вещи и перебрался к друзьям на время. Это было неосознанным движением бывшего артиллериста: голову не высовывать!

Другим инстинктивным поступком, без всяких патриотических громких фраз, было то, что в сорок пять лет, с тромбофлебитом и глухотой, он записался в ополчение, когда немцы подходили к Москве.

Мне он объяснил так: в дверь ломались и надо было эту дверь подпереть плечом, либо выйти на порог с палкой. Чем-то вроде этого, за недостатком винтовок, папу и вооружили, когда он с группой других педагогов-добровольцев маршировал по двору института иностранных языков. Он бы погиб, скорее всего, как те, кто шагал справа и слева, но полковник вдруг вызвал его из строя: отца отправляли в Ставрополь-на-Волге, куда эвакуировали отделившийся от института Военный факультет иностранных языков – надо было срочно готовить переводчиков для фронта.

Там мои родители впервые встретились – мама была его студенткой по курсу перевода с английского. Судя по тому, с каким восторгом оба вспоминали об этом времени, оно было чуть ли не самым счастливым в жизни родителей. Думаю, еще и потому, что в ту пору люди перестали исчезать по ночам – «органам» уже не до того было.

Было ещё по крайней мере два случая, грозивших ему уничтожением. Папа учился в литературном институте, где в то время госэкзамен по марксистским дисциплинам был, помимо наказания скукой, как в годы моего студенчества, ещё и небезопасен по идеологическим причинам. Завалить его – всё равно что не сдать экзамен на выживание. Отец взял билет и прочел вопрос: «Изложить вторую особенность третьей черты... по товарищу Сталину». В глазах потемнело и, сославшись на дурноту, он выскочил в коридор. Кто-то из членов госкомиссии устремился за ним. Это оказался друг, известный переводчик. «Ради бога, не уходите, возьмите другой билет, не губите себя!» Папе было под сорок, это было его последнее образование и после подобного демарша он мог завершить его на Колыме. В другом билете оказался Сен-Симон, вдруг ставший совсем родным.

И последний, почти самоубийственный поступок, в котором проявилось его здоровое отвращение к подлости и лжи, нежелание её терпеть больше ни одного дня, папа совершил в период «зрелого сталинизма». Шли процессы врачей-«вредителей». На собрании институтских педагогов предлагалось «осудить» и «заклеймить» их. Мой отец встал и сказал: «Либо я сошел с ума, либо мы все здесь – ненормальные. Я ничему этому не верю». И вышел. История последствий не имела, так как кампания вскоре была прекращена из-за смерти её вдохновителя.

Редакторы

К отцу ходило много людей – юных студентов иная, «подзащитных» аспирантов постарше, молодых профессоров, ещё вчера бывших его учениками, ещё более зрелых переводчиков и педагогов с курсов, где они повышали переводческое мастерство под его руководством. Наконец, приходили немолодые профессора-коллеги, многие из которых тоже когда-то учились у него.

Вне зависимости от цели посещения появлялся кекс, и в разговорах за чаем профессиональное неизбежно перемешивалось с темой дня.

Составители-редакторы мудреных фразеологических словарей - французско-русского и итальянско-русского - делились на две редакции – на «французов» и «итальянцев».

Словари были толстыми, составлялись долго, и редакторы приходили часто. Визит иногда начинался с анекдота, который меня первым делом просили держать при себе, если я на тот момент оказывалась в комнате. Трудно было оказаться где-нибудь ещё при наличии в квартире только комнаты и кухни. И я сидела в углу, слушая про «смысловые единицы», «идиомы», «фразеологизмы» не понимая ничего, но любуясь остроумным изяществом, с которым отец настаивал на своем, легко находя нужный пример, цитату, значение слова.

Редакторы, соавторы всегда казались, а иногда и были, хорошими друзьями. Зачастую их сближало именно это внимательное, полное активного интереса и добродушного любопытства отношение отца к каждому из них. Мне нравилось всё в этих визитах – умные, мгновенно подхватывающие чужую мысль люди, игра в слова и их объяснение, нравилось шутливое, полное целительного сарказма, обсуждение наболевшей у всей интеллигенции темы – «действительности».

Действительность эта в конце шестидесятых очень по-разному распорядилась судьбами интеллигентов – гуманитариев в кругу, образованном отцовскими двумя словарями. Но у нас в доме, на этих словарных совещаниях, абсолютно никакие различия в возрасте и положении работающих с папой людей не учитывались, не имели значения. В коллективе авторов мог быть и талантливый аспирант, и немолодая усталая редакторша, нагруженная целой оравой внуков и ухаживающая за парализованной матерью.

Из регулярно сидевших за столом авторов французского фразеологического словаря на самой высокой ступеньке профессионального успеха находился профессор Владимир Григорьевич Гак.

Их с папой сводило вместе взаимное профессиональное любопытство, лингвистический азарт с равной долей восхищения друг другом. Гак был бывшим учеником, совершившим громадный (особенно для еврея, в те времена!) карьерный скачок от талантливого студента к ранней профессуре. Разница в возрасте и папино безупречное чувство меры исключали обсуждение некоторых спорных моментов, таких, например, как вынужденная партийность Гака, заведующего одной из кафедр МГИМО. Это был ещё весьма молодой ученый, до сияния отлакированный за границей, постоянно востребованный везде, где мечталось побывать гуманитариям-лингвистам не говоря уж об их школьницах-дочерях. Я с замиранием души ловила рассказы о Сорбонне, где он читал лекции, о том, как, работая над словарем аргос – «блатного» французского разговорного языка, - он часами простаивал с микрофоном на парижских перекрестках, записывая непристойности. Сотрудник из «органов», приставленный следить за ним подумал, что напал на более важную, чем его собственная, шпионскую операцию и со страху прекратил наблюдение.

Вернувшись из одной такой поездки, Как пришел к нам с громадным тортом. В торте, как он объявил, пряталась монета. С первым же робким надкусом я её обнаружила у себя во рту. Владимир Григорьевич достал из портфеля складную бумажную корону и предложил мне, обладательнице монеты и стало быть, королеве праздника, выбрать короля. Я, заливаясь краской, выбрала его. Профессор с тонкой улыбкой сперва украсил бумажной короной свою красивую, с волнистыми темными волосами голову, затем наклонился и поцеловал мне, пионерке, прогульщице, д'Артаньяну - драчливой задире, презирующей все «бабское», руку. Этот момент своей биографии я считаю торжественным приобщением к высокой женской касте и часто потом, когда жизнь в Союзе смахивала на будни ломовой лошади по характеру выполняемых работ и размерам вознаграждения, я вспоминала Гака и говорила себе, что я – леди. И как учил папа, старалась не ныть.

Главным семейным иностранным языком был английский. Почти все, кто приходил к родителям, его понимали, работали с ним, шутили на нём и обменивались всем, что, в обход официальных запретов, читали или подслушивали по радио – трансляции «на языке» не глушились. Среди «англичан», помимо подруг мамы по инязу и студентов отца, были две маленькие старушки. Одна из них носила знатную фамилию Холмская и была похожа профилем и причёской на Гоголя, доживи он до её лет. Отец говорил, что она не только переводчик-виртуоз, но и княжна, и я умирала от желания услышать от неё что-нибудь княжеское. Она была девицей, маленькой, высохшей, сутулой, одинокой.

Мария Федоровна Лорие и приходила часто, и на полках книжных присутствовала, была, как и крохотная Холмская, сухощава (интеллигентные люди вообще тогда занимали очень мало пространства), но в отличие от одинокой Холмской, была семейным, общительным человеком. Переводы её с английского в некоторых случаях оказывались настолько ярче оригинала, что, перечитав в эмиграции подлинники некоторых её трудов, я поняла, в какой степени авторы обязаны именно ей своей популярностью в России. Так что фамилия Лорие - по-французски *лавр* - была ею вполне заслужена.

Серовы

Из папиных «французов» ближе всех была Ольга Александровна Серова, а семья Серовых была гораздо роднее, чем бывают просто семьи друзей.

Ольга Александровна была внучкой русского художника Валентина Александровича Серова. Французский у неё был, как и у папы, языком раннего детства, с той лишь разницей, что подкреплялся постоянной связью с ветвью серовской семьи, жившей во Франции. Её бойкая, как струйки ручья между круглыми камешками, французская речь была, по признанию отца, лучше его собственной. Она обожала папу, называя его «мой ненаглядный Рекс», и отношение её вполне разделялось всеми в доме на Большой Молчановке, где разветвленная Серовская семья занимала почти весь верхний этаж.

В семье её звали Олечкой, она была незамужней, но в голову бы не пришло прибавить к этому «одинокой женщиной». Невысокая, плотная, гордо несущая свой великолепный бюст, Олечка ослепляла улыбкой, убивала остроумием. Нос с горбинкой ей очень шел. Вообще она была похожа на английскую королеву Викторию, только красивее, гораздо более породистая, и трудно было представить её в трауре по принцу Альберту. Говорила она низким контральто, а чем лучше был анекдот, тем ниже по регистру её раскатистый хохот.

Она была естественной и неотделимой частью семьи, точнее, двух семей своих двоюродных братьев, и, если в клане Серовых случались неприятности – болезни, измены, развод, это было её личным несчастьем, с которым она приходила к папе. Скрывая это не только от нас с сестрой, но даже от мамы, они закрывались в его кабинете, и оттуда долго звучала французская речь.

Каждую Пасху мой отец, в котором не было никакого религиозного тяготения (кроме знания Библии), приводил нас к Серовым, и это было визитом в золотой век, в навсегда ушедший уют старинной интеллигентной московской семьи. Папа соглашался со мной, что бывать у Серовых – всё равно что каким-то чудом прыгнуть на страницы «Войны и Мира» прямо в дом Ростовых.

Несмотря на это сходство, по советским понятиям семья Серовых вполне подходила под тогдашнее, весьма размытое определение богемы. В этом гуманитарно-художественном доме в любое время дня могли быть люди, не живущие в нем постоянно: то гости, то по чьей-то просьбе пригетые на несколько дней провинциалы, либо те, кто вообще оказался без жилья и бессрочно дневал и ночевал у Серовых. Застолья были многолюдными, фамилии людей за столом звучали как оглавление в моем учебнике литературы.

За Пасхальным столом мне удавалось пристроиться между Пестелем и Тютчевым, и оба были «настоящими». Пестель за фамилию провел какое-то время на лесоповале и вернулся без руки. Он был невероятно красив, мягок, добр и благороден и напоминал профилем знаменитый медальон, я очень жалела его из-за черной ненастоящей руки, на которую старалась не смотреть. Он был меломан и весьма уважительно (мне было десять лет!) интересовался моим мнением о разных скрипачах, хотя и свое имел наверняка.

Сама квартира Серовых казалась мне одушевленным действующим лицом, почти персонажем, как это бывает с поместьями и шкафами в песках.

В доме на Молчановке было много от *fin de siècle*: крыльцо над просторными дверями подъезда, широченным винтом закрученная лестница, в середине её спокойно уместился бы лифт, но его не сделали, и все преодолевали эти марши, из-за старинных высоких потолков еще более длинные. Ещё на подходе к двери мы забавлялись собачьим дуэтом с разлетом в октаву. Дверь открывали, и Джан, огромный чау-чау, здоровался ухающим басом, выходящим из фиолетовых недр его пасти. Как бы извиняясь за суровость своего вида и голоса, он изображал на физиономии вполне различимую улыбку, а неразгибаемый крендель его

хвоста усердно ходил по густомохнатой спине, в которую погрузить руку было сплошное наслаждение. Между его лапами, как безбилетный театрал меж колонн Большого Театра, суетилась Тишка, хитрая родственница Каштанки. Она заливалась собачьей колоратурой и убедившись, что Джаник занят приемом гостей, убежала в кухню пожрать из его миски.

Из просторной прихожей двойные двери, всегда открытые, приглашали в большую гостиную. И первым, что все видели, главным богатством дома и гордостью семьи, как бывает нефтяная скважина или алмазные копи, была Европа на спине Быка: красавица, похищенная, но не испуганная, влажный глаз быка, ласковые волны с нарядными завитками. Картина тогда «кочевала» между Третьяковской галереей и Большой Молчановкой, она принадлежала семье, и я, когда в эпоху нашей бесквартирности отец сдавал меня Серовым, часто пристраивалась напротив в кресле, в которое скульптор Антокольский посадил своего «Ивана Грозного».

С Ольгой Александровной Серовой связана вся, с самого начала, семейная жизнь родителей. И некоторые почти анекдотические ситуации.

Отец решил, что в тринадцать лет, по прочтении «Мадам Бовари», его дочь вполне созрела для изучения французского. Преподавал он мне просто: открыли книгу, читаем. Мама была категорически против этого метода, а я, пользуясь их несогласием, манипулировала ситуацией и халтурила вовсю. После освоения правил, согласно которым один звук часто выражается тремя буквами, а концы слова часто вообще произносить нельзя, мы принялись за чтение. Мопассана «прокатили», Гюго – тем более, и я попросила «что-нибудь моё любимое». Он сам предложил «Три мушкетера». Открыли книгу на первом же диалоге, и я возликовала: понятно было всё! Книжку я читала на тот момент одиннадцать раз (а после – ещё семь раз), и немудрено было запомнить диалоги наизусть. Само собой разумеется, я притворилась, что перевожу. В конце нашего урока отец объявил, что я перевожу лучше Любимова, и в этот момент пришла Ольга Александровна. Ей тут же предъявили гения перевода, и я уже не помню как, но она-то меня и «расколола». Скорее всего, задав простейший вопрос. За чаем отец, к моему удивлению, заявил, что мой обман – весьма неплохой метод для изучения языка и вспомнил свой опыт с тремя Библиями.

Мы продолжали ещё какое-то время заниматься, что было педагогическим подвигом папы – учить упрямых нерадивых подростков можно только в виде исключения, если состоишь с ними в родстве и если есть чувство юмора, которого ему было не занимать.

Экспромты

Отец не любил жары, и отдыхать мы ездили только на север. В Юрмале собирались московские знакомые с детьми и внуками, папа брал с собой работу, продолжалась все та же «филологическая поэма», в которую включали нас с сестрой, превращая мои каникулы в ад, поскольку скрипка путешествовала с нами, и её тоже полагалось эксплуатировать ежедневно. Сестра занималась английским с мамой –

подготовку к поступлению в иняз отцу не доверили по причине его экзотического метода преподавания и ещё потому, что у папы, несмотря на его музыкальный слух и знание многих языков, именно английское произношение было ужасным, он ведь учил его самостоятельно и книжно, фонетика осталась за бортом.

В Прибалтике, как известно, дождь если заладит, то все неправильные глаголы и все гаммы до семи знаков выучишь. У природы как бы начинается «насморг»: то льёт, то моросит, а ты считаешь оставшиеся дни каникул и слушаешь классическую музыку на открытой эстраде, надев свитер под плащ-болоню.

Вдруг появляется на небе просвет – и впервые за неделю и мы лихорадочно записываем пляжные причиндалы в сумки, отец тоже идет, все гадают, ледяная ли в море вода или просто холодная и вдруг: кап! Еще раз, чаще: кап-кап!! И с ускорением, а мы уже в ярости, и – к родителям: зачем не поехали на юг?! И тут мой отец останавливается и изрекает: «С неба падает моча Лебедева-Кумача!»

В те далёкие годы Игорь Губерман был нам совершенно неизвестен, думаю, это был папин экспромт, который достиг цели – день был спасен.

Он не стрелял экспромтами зря, но если требовалось понизить температуру семейной ссоры или помешать нагнетанию конфликта, то он быстро, профессионально «выдавал» их, и иногда это оставалось в изустных архивах.

В последнее время, блуждая по Интернету, я часто пытаюсь вообразить, что отец рядом. Вот он с любопытством исследует Википедию, находя немало неточностей, захлеб слушает и смотрит концерты на «Ютьюбе» и читает на многих языках исторические ссылки. Я уверена, что Интернет он поставил бы рядом с изобретением Гуттенберга. Но он обожал библиотеки и не захотел бы их исчезновения, как и упразднения книги. Ничто не заменило бы ему красиво и грамотно изданной любимой книги, приятной тяжести тома, естественного мягкого света, падающего на страницу от лампы или из окна и, наконец, того удивительно уютного аромата старых томов, который я вдыхаю здесь, в далекой Америке всякий раз, когда открываю шкаф с русскими книгами из библиотеки моего отца.

Автор выражает глубокую признательность профессору Дмитрию Ивановичу Ермоловичу, известному российскому лингвисту и переводчику, ученику Я.И.Рецкера, за неоценимую поддержку и помощь в написании этой статьи.

Виктор Гопман

В тополиных московских дворах

первоначально я выбрал для названия строчку общеизвестную – "А у нас во дворе", но тут же, устыдившись ее тривиальности, пустился в поиски чего-то менее самоочевидного. И нашел, по некотором размышлении. У позднего Визбора:

Я гитарой не сильно владею
И с ладами порой не в ладах –
Обучался у местных злодеев
В тополиных московских дворах.

В пору цветения тополей все кругом заносило пухом. Слой пуха, запутавшегося в газонной траве, был похож на свежевывающий ноябрьский снег, который тоже замечен только на газонах, будучи растоптанным на тротуарах и раздавленным на мостовой. Тогда, в конце сороковых, никому и в голову не приходило подрезать тополя, и пух летел беспрепятственно, создавая краткую иллюзию зимы в летнем городе. Каждый двор был обнесен – не забором, разумеется, а штакетником: ограда чисто символическая, способная задержать разве что тополиный пух, да и то на уровне травы. Залежи пуха накапливались, таким образом, у основания штакетин, по периметру двора, еще четче и явственнее обозначая его границы. Потому что при всей своей символичности, ограда была оградой: она отделяла дом от дома и, главное, жильцов одного дома от прописанных на той же улице жильцов пусть и соседнего, но все же другого строения. Не уверен, что сказанное было справедливым для взрослых, но для нас, пацанов (впрочем, и для девочек, равно как и для ребят постарше) принадлежность к конкретной группе по месту жительства была фактором безусловным, и понятие "сосед" значило больше, чем "одноклассник" или, допустим, "ровесник".

Внутри ограды помещался дом как таковой, а также принадлежащие ему дровяные сараи (на задворках) и деревянный столик, вокруг которого четыре лавочки – доски, каждая на двух столбиках, без спинки. Потому что когда со спинкой – это все-таки скамейка, предмет мебели самодостаточный и обходящийся без стола, то есть, стоящий отдельно, обычно поближе к входной двери. Скамейку прочно оккупируют лица женского пола, как правило, продвинутого возраста,

перемывающие косточки окружающим, что не мешает некоторым из них заниматься также и вязанием. А на лавочках у столика сидят те, кому спинки и не надо: после работы или по воскресеньям – взрослые мужики-доминошники, вечером же, когда уже стемнело настолько, что даже в прятки играть невозможно – школьная молодежь. И так, стало быть, на один дом: столиков – обычно два (и, соответственно, восемь лавочек), скамеек – по числу подъездов, и сараев – согласно числу квартир.

Школьная молодежь проводила во дворе все время, свободное от учебы, причем атмосфера там царила совершенно демократическая. Особой дискриминации не наблюдалось – ни по половому признаку (к участию практически во всех играх допускались девчонки – за исключением, разумеется, тех, кто имел стойкую репутацию ябеды или плаксы), ни по возрастному (в одной компании могли оказаться и те, кто моложе десяти, и те, кто старше шестнадцати), ни по этническому или там конфессиональному (впрочем, дом был преимущественно великоросским, за исключением нашей семьи и еще одной татарской). Ну, разумеется, поближе к вечеру малолеток загоняли домой, а старшеклассники продолжали свои дела. Разные, вплоть до невинных обжиманий по кустам. Но засветло все играли единым коллективом. В чирика, к примеру. Или в шандр. А ближе к сумеркам – в прятки. Для жеребьевки, естественно, использовались считалки, но не какие-нибудь розово-сусальные, типа "На золотом крыльце сидели...", а строгие и четкие:

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана:
Буду резать, буду бить,
Все равно тебе водить!

И водящий определялся таким образом в один круг, без ненужных рассусоливаний. Повернувшись лицом к стене дома, он принимался с максимальной скоростью считать до пятидесяти, после чего отправлялся на поиски играющих, которые к тому времени рассыпались по всем возможным укромным местам. Впрочем, бывали шустрые ребята, которые нахально вставали за спиной водящего, и едва он говорил: "Пятьдесят!", тут же хлопали рукой по стенке: "Палочка-выручалочка!" На такую хитрость, разумеется, существовало противоядие – по окончании отсчета времени надо было сказать волшебную фразу: "Кто за мной стоит – тому три кона водить!" И ничего, что рифма глагольная – главное, что заклинание действенное.

Не все забавы, впрочем, были столь невинными. Существовали еще и пристеночек, и расшибалка – игры не просто на деньги, а и с деньгами. На землю ставился столбик мелочи, все монеты орлом вверх – первичный взнос игроков, он же банк (если пользоваться карточной терминологией), после чего его либо разбивали ударом битки (расшибалка), либо ребром битки ударяли об стенку дома, с таким расчетом, чтобы отскочившая битка развалила столбик (пристеночек). Далее обе игры развивались в сходном направлении: надо было ударом битки перевернуть монету вверх решкой, и тогда она становилась

собственностью удачливого игрока. В качестве битки использовались старые монеты, Бог весть как дожившие до наших дней; лучше всего для этой цели годились царские пятаки. Особенно екатерининский, сантиметра четыре в диаметре и добрых полсантиметра в толщину.

Кстати об азартных играх: карты как таковые вообще-то не поощрялись. Старшие товарищи (то есть, уже получившие паспорт) как бы по умолчанию полагали, что карточные забавы – это исключительно двадцать одно, бура, сика и так далее, то есть игры на деньги и потому пригодные лишь для избранных, а для подрастающего, беспаспортного, поколения неподходящие. Такая была своеобразная забота о нравственном облике молодняка. При этом забывалось, что существует масса невинных игр – в дурачка, пьяницу и так далее. И потому если пацаны садились за столик во дворе с колодой карт (по большей части самодельных – откуда бы взяться настоящим), их немедленно прогоняли: "Не хрена тут!" Впрочем, и старшие товарищи могли занимать столики лишь до того часа, когда во двор выходили взрослые мужики, постучать после работы в козла. Интересно, что домино считалось игрой не то, чтобы недетской, а скорее для детей не предназначенной.

Когда совсем темно, рассаживались на лавочках вокруг столика, и начинались разговоры. Самые разные – содержание определялось половозрастным составом компании. От невинного пересказа шедевров мировой приключенческой литературы и вплоть до бесед на весьма щекотливые темы, якобы базирующихся на личном опыте (это, разумеется, не раньше, чем всех представительниц прекрасного пола родители загоняли домой).

Здесь уместно напомнить, что обучение в средней школе было раздельным вплоть до моего пятого класса (то есть, до 1954 года); 1 сентября 1954 года мы пришли в шестой класс своей бывшей мужской школы, шеголяя в только что введенной форме (сероватая гимнастерка с ремнем или китель без ремня – по желанию), где и столкнулись с соученицами, которые ходили в своей форменной одежде (коричневые платья и черный – по праздникам белый – фартук) с самого первого класса. А до этого дня мы общались с ровесницами противоположного пола исключительно во внеучебное время, в домашней – то есть, в дворовой – обстановке.

Но вернемся на вечернюю лавочку. Бывало – хотя и не часто – к нам подсаживался вышедший покурить великовозрастный сосед, имевший за плечами опыт ходки, и заводил рассказы о лагерном житье-бытье. Слушали внимательно, задавали уточняющие вопросы. Рассказчик от ответов не уходил, повторяя при этом неоднократно, как заклинание: "Смотрите, пацаны, не попадитесь". Так вот и мы, подобно Визбору, "обучались у местных злодеев", обучались разному – хотя, увы, не игре на гитаре, потому что ни в нашем дворе, ни в соседних такого инструмента не было. Ни у кого. Впрочем, это не мешало нам петь те же песни, которые можно было услышать в любом дворе послевоенной Москвы – и классическую "Мурку", и романтическую "В Кейптаунском порту", и драматическую "В нашу гавань заходили корабли", и трогательную "Серебрится серенький дымок", и душещипательную "Вот бледной луной

озарился // Старый кладбищенский двор", и трагическую "Где-то там, в притонах Сан-Франциско", и, конечно, ту, что про юнгу Билли, который вернулся из Северной Канады...

На лавочках мы сидели, разумеется, в теплое время года. Зимой двор заносило реальным снегом – не тополиным пухом, и потому делать там было нечего. Основным зимним развлечением было катание с горки. В округе имелось сооружение довольно уникальной конструкции: здание районной котельной, даже не одноэтажное, а – как бы это поаккуратнее сказать – высотой в три четверти этажа. Но все же чуть выше полуподвала. Дверь и окна были только с одной стороны, а остальные стороны представляли собой глухие стены. И вот после первого же хорошего снегопада там собирался народ. Катали снежные шары, сгребали снег к стене, противоположной входу, и через какое-то время, после еще пары снегопадов, там образовывалась шикарная горка. Которую общими усилиями неустанно продолжали расширять и удлинять на протяжении всего зимнего сезона. Эта горка была как водопой в джунглях, где на протяжении ограниченного времени (примерно час на закате) и хищники, и травоядные вместе подходят к воде, и никто никого не трогает. Точно также на горке всю зиму мирно сосуществовали пацаны, живущие в разных домах (а точнее: принадлежащие к разным дворовым коллективам), и никаких особых конфликтов между ними не наблюдалось.

Зимой выпадали дни полного счастья – когда из-за морозов мы не ходили в школу. Еще с вечера начинали слушать прогноз погоды, и если возникала вероятность падения столбика за тридцатиградусную отметку, то голосу диктора, читавшего утренние (семичасовые) "Последние известия", внимали как гласу пророка. И вот, бывало, сообщив, что "в Москве тридцать градусов", он добавлял сладостную фразу: "Сегодня занятия в городских школах по седьмой класс включительно отменяются". Ура! Значит, можно сидеть дома и целый день делать, что хочется – ведь уроков тоже не задано.

Но вернемся к деревянным сараям. Когда по нашей улице учредили центральное отопление, дрова стали не нужны. Устарели вместе со скороговоркой "На дворе трава, на траве дрова". Скороговорка, впрочем, обрела новый смысл меньше чем через полвека, когда народные массы стали проявлять к траве регулярный и вовсе нездоровый интерес. Но мы не о язве наркомании. Мы о деревянных сараях. Потребность в дровах исчезла, и – в полном соответствии с извечной российской мудростью (свято место пусто не бывает) – там стали держать всякое барахло, которое жалко выкидывать. В некоторых сарайных конурках и отнорках возникли, как бы сами собой, разного рода лежбища – преимущественно самодельные топчаны, застеленные всякого рода тряпьем. Вовсю велись разговоры, что ребята повзрослее занимаются в этих сараях такими делами, о которых в далекие послевоенные годы мы, десятилетние сопляки (да и пацаны постарше, у которых уже усики пробивались), могли только болтать. В чисто теоретическом плане. Хотя старшие товарищи, отслужившие в армии, по всей вероятности, приводили туда время от времени местных шалашовочек – но, думается, в основном все происходило на общественных началах. Все-таки в целом

моральный облик дам тридцатых годов рождения был достаточно устойчивым – что определялось в первую очередь боязнью попасть на язык вездесущей общественности. Заметим также, что фраза из популярного монолога Хазанова (а точнее говоря, Лиона Измайлова) "Но чтоб за деньги – никогда!" не есть плод поэтического (или, там, сатирического) воображения, а взята из самой гущи российской жизни. Ну, вообще-то, может, где-то в центральных районах столицы нашей родины... Или, скажем, в зоне Комсомольской площади, то есть у трех вокзалов... Но на периферии, пусть и столичной... Нет, я лично не слыхивал такого. А ведь, сами понимаете, если уж и становилось известным что-то нехорошее про девушку, так скорее это был перебор, чем недоговоренность. "Люська – она со всеми...", "Никому не отказывает – только попросить надо уменючи...", и все такое прочее – да, говорилось. Но вот чтоб за деньги...

В общем-то, рискну утверждать, что соблюдение заповеди насчет "блудодействия и наполнения земли развратом" достаточно строго регулировалось общественным мнением (ведь если "по взаимной склонности" – какой же это блуд!), а вот насчет того, чтобы "не укради" – тут дело обстояло не столь однозначно. В двухэтажных домах на нашей улице было по двенадцать квартир, да в каждой квартире по четыре-пять семей – итого порядка пятидесяти ячеек общества, причем в основном это были не нуклеарные (то есть, отец-мать и их не состоящие в браке дети), а расширенные семьи (то есть, когда под одной крышей ютилось более чем два поколения). И можно смело сказать, что члены как минимум двух (на круг) семей в каждом доме были замечены в вольном – в той или иной степени – отношении к восьмой заповеди. Подчеркнем: замечены не небесным судьей, а вполне земным судом – обычно одним из Московских районных. К большинству этих замеченных применимы слова, сказанные Юрием Визбором про одного из своих дворовых приятелей: "Подсел слегка, // Потом опять...", хотя имелись и более серьезные люди. В частности, в нашем доме жила семейка Деминых, в количестве четырех братьев, и если младшие исчезали (и появлялись, и вновь исчезали) на различные, хотя и не очень длительные, периоды времени, то старший тянул серьезный срок, по всей вероятности, за вооруженный грабеж, хотя многие утверждали, что и вовсе по мокрому делу (так-то звучало еще престижнее). И все мы нежились в ореоле его славы. Все пацаны, жившие в этом доме. Впрочем, еще раз следует заметить, что слово "дом" было не очень употребительным; говорилось – "двор". Именно как у Аксенова – "Рыжий с того двора".

Так вот, в числе прочих льгот пацаны с нашего двора пользовались практически неограниченной свободой передвижения по окрестностям. Допустим, мать посылала кого-то из нас за керосином... Да, сегодня этот вид топлива используется преимущественно для нужд реактивной авиации, и царящий на летном поле запах жженого керосина ассоциируется с ветрами дальних странствий и романтикой большой – в положительном смысле этого слова – дороги. А в те времена керосинки и керогазы были доминирующим бытовыми приборами, используемыми для приготовления пищи – от печей народ уже отошел, а к поголовной

газификации еще не приблизился. Значит, давала мать бидончик емкостью 3 литра, а литр керосина стоил 1 рубль 40 копеек (цены, разумеется, до денежной реформы 1961 года). Таким образом, задачка на два действия: сначала умножить рубль сорок на три, а потом полученную сумму вычесть из пяти (потому что проще всего было дать ребенку пятерку, в естественном расчете на сдачу) – 80, стало быть, копеек. Но эта нехитрая арифметика была яснее ясного и для пацанвы из домов, расположенных рядом с керосинной лавкой (именно так! потому что "керосиновыми" были лампа или, скажем, двигатель, а торговое учреждение и царивший там запах – "керосинными"). И вот пацаны из двора, считавшего, что лавка входит в сферу их юрисдикции (и правы они были, в чисто формальном плане, потому что жили, что называется, дверь в дверь, а до нашего дома было минут пятнадцать ходьбы – другое дело, что это была единственная лавка на весь район, но тут уже не их вина, а наша беда) – так вот, из стратегически благоприятно расположенного двора выходила ватага и окружала чужака, требуя выдачи, скажем, двадцати копеек из числа означенных восьмидесяти. Иначе – сами понимаете... Потому-то мы старались ходить за керосином в компании с соседскими ребятами, минимум по двое – для пущей уверенности. И если нас не признавали в лицо, хотя должны были признавать – ведь учились-то все в одной школе, то приходилось самим уточнять: "Да вы чего! Мы – с Деминского двора". Эта волшебная фраза означала, что трогать нас без особой нужды или без повода не рекомендуется. "Деминские" – был не просто пароль, но охранный грамота, диппаспорт. Тем же, кто задастся вопросом "А как же которые не-Деминские?", в качестве ответа могу только предложить цитату из классического еврейского анекдота: "Таки плохо".

Но вернемся к керосину. В начале пятидесятых его начал вытеснять другой вид бытового топлива – газ. Период активной газификации памятен достаточно глубокими траншеями, в которых прокладывали трубы достаточно большого диаметра. Разумеется, траншеи были вырыты минимум за полгода до привоза труб, да к тому же и после укладки их засыпали отнюдь не на следующий день, так что немало народу попадало туда и попереломало руки-ноги – как детки во время буйных игр, так и вполне взрослые жители, причем последние не обязательно в состоянии алкогольного опьянения, а просто в темноте или поскользнувшись на мокрой после дождя глине. Наконец, кухни украсились газовыми плитами, и, как справедливо отметила "Вечерка", "настал радостный момент: в домах москвичей вспыхнул голубой огонек, вызвавший всеобщее и столь естественное ликование". Кстати о терминологии – "голубым огоньком", разумеется, называли горящий синем пламенем газ, а до появления одноименной телепередачи оставалось еще не менее десяти лет, поскольку в начале пятидесятых и телевизор-то как таковой был редчайшей редкостью. Не то, чтобы один на квартиру, а хорошо если три-пять на весь дом. Владельцы телевизоров, нимало не ропща, а напротив – гордясь своей культуртрегерской миссией, принимали каждый вечер по несколько гостей, которые, впрочем, и не считали свои визиты гостевыми, а рассматривали их как сами собой

разумеющиеся, и приходили со своими стульями. В стране существовал тогда телевизионный приемник одной-единственной марки: КВН-49. Словарь сокращений русского языка разъясняет, что данная аббревиатура образована от фамилий его создателей (Кенигсон, Варшавский, Николаевский), а Клуб Веселых и Находчивых в словаре дается строчкой ниже, будучи – естественно – названием вторичным. Как и "Голубой огонек", который с большой буквы.

Газ, особенно на первых порах, был предметом любования, не хуже телевизора. Налив полкастрюли воды, ставили ее на конфорку и смотрели, как она закипает. А полученный кипяток ("жареную водичку") выливали в раковину за ненадобностью. С появлением газовой плиты соседи заключали нечто вроде общественного договора – о распределении конфорок. Не знаю, как в других квартирах, но в нашей он в целом соблюдался: тем более, что из четырех соседей – или, как было принято говорить, из четырех семей – только три имели право именоваться таковыми, а еще одна соседка попадала под определение "одинокая гармонь" (это выражение из популярнейшей песни Михаила Исаковского использовалось для именованя дам, не состоящих в браке несмотря на более чем продвинутый брачный возраст). Поскольку она уходила на работу утром, то практически весь день ее конфорка была в распоряжении остальных трех домохозяек.

Кстати о теме, любимой многими бытописателями коммунальной квартиры: замки на кастрюлях. Чтобы, с одной стороны, не стянули кусок мяса из супа, а с другой – не подсыпали бы в варево чего ни на есть неподходящего. "Только это не помогало, – как справедливо указывал Абрам Терц, он же Андрей Донатович Синявский. – Курицу, скажем, на огонь поставит и замочки повесит. Отпирает – дохлая кошка сварена в курином бульоне. Даже не ободранная, прямо в шкуре, с хвостом". Нет, ни в одной из московских коммуналок, в которых мне довелось жить, ничего даже относительно похожего не происходило. Хотя, разумеется, жизнь нашей (как, впрочем, и любой) общей квартиры можно было назвать мирной лишь условно, с натяжкой. Периоды относительно безмятежные регулярно чередовались с конфронтационными, и ничего удивительного – поскольку это вытекало из самой природы, из, так сказать, естества данного противоестественного социального явления. Толковый словарь русского языка дает ему (см. слово "коммунальный") нейтральное по возможности определение: "Квартира, занимаемая несколькими семьями" – при этом вступая в противоречие с самим собой, поскольку несколько выше слово "квартира" определяется как "отдельное жилое помещение в доме, состоящее из одной или нескольких комнат с кухней, передней и т.п."

Такого рода противоречия, с которыми не справиться даже лексикологам-русистам, были особенно мучительны для переводчиков. Вообще, советизмы (то есть, слова и обороты речи, отражающие жизнь и реалии советской эры) поддаются переводу с огромным трудом. Собственно, они и не поддается. Просто придумывается некий вариант, такой, чтобы он звучал не совсем уж бессмысленно на иностранном языке, а затем его объясняют: письменный переводчик в сноске, а устный –

отдельной фразой (а то и двумя-тремя). Взять, например, замечательное слово "невыездной", этот подлинный шедевр советского театра абсурда. Мой великий тезка, легендарный Суходрев, создал его английский эквивалент "untravelable", и с чисто формальной точки зрения все тут ясно: корень "travel" говорит о поездках и путешествиях, суффикс "-able" означает "возможность осуществления действия", тогда как приставка "un-" является отрицательной. Но все равно приходилось доразъяснять дорогим гостям, отчего и почему лицо, именуемое таким образом, лишено казалось бы естественной возможности свободно передвигаться по белу свету.

И вот когда в атмосфере тяжеловесной роскоши господского кабинета, сидючи за мощным полированным столом, торжествующий начальник обрушивал на иностранных гостей лавину цифр и фактов, призванных живописать коренное улучшение качества жизни подведомственных ему советских людей, то у нашего брата-переводчика (равно как и сестры-переводчицы) непроизвольно начинало ныть под ложечкой. Потому что мы знали: рано или поздно, то есть, на двенадцатой или на двадцать шестой минуте встречи, начальник обратится к одному из самых веских – с его точки зрения – аргументов: "Еще в прошлой пятилетке доля коммунальных квартир в жилом фонде города составляла столько-то, а на сегодняшний день уже столько-то семей получили отдельное жилье".

И горе переводчику, который заранее не ввел в обиход делегации это словосочетание – "multihousehold apartment" – на какое объяснение, кстати, могло уйти не менее получаса. То есть, слово "apartment" – "квартира" вопросов не вызывало, равно как и слово "household" – "семья, домохозяин"; элемент же "multi" худо-бедно известен каждому по словам "мультипликация" и "мультимиллионер". Но все вместе – воля ваша! Максимум, что соглашались уяснить иностранные граждане и подданные после первого раунда толкования, так это следующее: "несколько семей" означает, наверное, бабушку с дедушкой, папу с мамой и их деток, причем один из последних уже и сам состоит в браке. На дальнейшие терпеливые объяснения: дескать, между тремя, пятью, а то и десятью проживающими в квартире семьями нет и не было никаких родственных связей, интуристы "выпяливают глаза" (пользуясь идеальной в данном случае формулировкой Маяковского). Случалось также, что в ходе продолжения разъяснительной кампании на поверхность разговора всплывало хоть для кого оскорбительное словечко "slums", то есть "трущобы". Согласитесь, мало приятного, когда некий гражданин (и добро бы из штата Калифорния, а то ведь и из штата Гуджарат, который на северо-западе Индии) внятно давал тебе понять, что ты на протяжении минимум десятилетия вел трущобный образ жизни. Подобного рода получасовое толковище грустно и противно было вести даже в туристическом автобусе, подальше от начальственных (и всех прочих) ушей, но уж вовсе невозможно разъяснять все эти нюансы в ходе формальной беседы, да еще и в присутствии разного рода официальных лиц.

Так что проблемы общей квартиры продолжали преследовать даже тех, кому удалось тем или иным способом выбраться из коммунального плена. А ведь коммуналка была идейно обоснованным социальным злом – то есть, для кого злом, а для кого и добродетелью. И вот история в подтверждение этого, на первый взгляд, более чем странного и сомнительного тезиса. На Университетском проспекте (в Москве) в пятидесятые годы было построено несколько роскошных домов для университетских же преподавателей, причем квартиры там были четырех- и даже пятикомнатные: все на благо советского ученого, все, дабы создать ему идеальные условия для творческой работы, которой он занимается, естественно, двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. И вот одному ученому... ну, собственно говоря, скорее преподавателю... а еще точнее, администратору, параллельно допущенному к преподавательской работе... Но уж зато занимаемый им административный пост был весьма высок, даже в университетском масштабе. Так вот, решением ректората, парткома и месткома МГУ ему была выделена четырехкомнатная квартира. Казалось бы, что может быть лучше? Однако, на деле тут таилась глубоко скрытая подлянка: кое-кто из очень ответственных товарищей имел на него зуб, и потому вместо предоставления полагающейся по рангу трехкомнатной его внесли в четырехкомнатный список. И не без злорачества стали выжидать: как отреагирует счастливчик. Ведь если согласится, то тем самым проявит нескромность, отнюдь не подобающую коммунисту и администратору МГУ, пусть и с педагогическим уклоном. Но его реакция была мгновенной и блистательной: он предложил, чтобы одну из четырех комнат отдали факультетской машинистке. "А? как по-вашему? по-нашему – смышлен..." Неважно, что его семья теперь навек была обречена на жизнь в коммуналке. Неважно, что машинистке вряд ли улыбалось делить кухню и прочие места общего пользования с разъяренной женой коммуниста-администратора. Зато он разом заткнул пасти всем своим недоброжелателям и, согласно крылатой фразе из популярнейшего кукольного спектакля того времени, "тем посрамил дьявола" ("Чертова мельница", пьеса Исидора Штока, театр Сергея Образцова, премьера 1953 г.).

Нора Райхштейн

Лохматые блокнотики

Предисловие Александра Ласкина

Что там, в лохматых блокнотиках?

В 6 номере «Семи искусств» за этот год был опубликован замечательный текст петербургского режиссера Норы Райхштейн (1926-2013) - ее «Ненужное письмо дочери». Надо сказать, с середины девяностых Нора Абрамовна больше писала, чем ставила спектакли – дело, конечно, в возрасте и здоровье, но не только. В 2001 году у нее вышла отличная книга воспоминаний «Осколки памяти». В ней рассказывается о многих людях, с которыми ее сводила судьба, и, прежде всего, о М.О. Кнебель, Н.П. Акимове и И.П. Владимирове... Хорошо помню, как повлиял на автора новый статус «писателя»: она была явно взволнована и намерена развивать успех... Трудно сказать – планировалось ли что-то новое или расширенное издание старого, но работа началась. Для этой цели Нора Абрамовна обзавелась специальными блокнотиками, которые по мере их заполнения окончательно теряли первоначальный вид. Поэтому блокнотики получили название «лохматых». Впрочем, так она называла и свои записи. Причина, наверное, в том, что тексты, как и странички, рассыпались. Автор не ограничивала себя какой-то темой, и писала буквально обо всем. Серьезное и несерьезное существовало вперемешку. Тут находилось место и анекдотам (конечно, еврейским). Я бы не удивился, обнаружив здесь кулинарный рецепт (Нора Абрамовна хорошо готовила). Больше всего подошел бы рецепт пиццы – был бы повод написать, что и в этом случае у нее получилось нечто такое, когда в ход без особого разбора идет все.

Когда-то давно Нора Абрамовна объясняла мне, совсем юному автору, как надо писать пьесы (она предлагала совместную работу): следует отдельно расписать каждую сюжетную линию, а уже потом их соединить. Так она сочиняла свои многочисленные инсценировки, так же она работала над текстами. «Лохматые блокнотики» – не что иное как подготовительный материал, своего рода кирпичики, из которых потом возникнет что-то более основательное. Впрочем, может и не возникнуть – легко вообразить книгу, которую отличает, говоря театральным языком, импровизационность: как уже сказано, она записывала все подряд, без

оглядки на соседние тексты, следуя прихотливой логике новых обстоятельств.

Хотя тексты очень разные, но, без сомнения, узнаваемые. Что можно сказать об их авторе? Во-первых, одесситка. В юности ей было отмерено столько света и солнца, что она просто не могла стать пессимисткой. Ну и, во-вторых, – одесситка. Человек, радующийся тому, что жизнь сюжетна и в ней хватает самых неправдоподобных поворотов. В-третьих, петербурженка. Ее способность удивляться, конечно, одесская, но приправленная петербургским сплином. Да и рассказанная на этих страницах история ее первого мужа – петербургская. То есть это могло случиться и в Одессе, но в северных широтах такое происходило чаще. И еще она – режиссер. Смысл этой профессии в настойчивом вопрошании, в непременном желании понять. Вдруг останавливаешься: «Может быть, не надо задавать вопросов?..» и отвечаешь: «Хорошо. Больше не буду». А потом опять: «Но все равно: какая странная история...»

Александр Ласкин

Какая странная история...

Более чем полвека тому назад я, обогащенная знаниями в Москве, приехала в Ленинград, желая немедленно поразить весь театральный Ленинград своим появлением. Не случилось. Долго привыкала. Искала театр, который «раскрыл бы мне свои объятия». Еле нашла. Привыкла. Но чувствовала себя москвичкой. Часто ездила туда, для дела и без оного. Там встречалась с друзьями, кто остался работать в Москве. Среди них – Маргарита Микаэлян. Самостоятельная, интересная, крупная женщина. Падчерица драматурга Александра Крона и уже разведенная жена Сережи Микаэляна.

Сразу после института ей повезло – работа одна, потом другая, в общем – много. Мы часто встречались, иногда в Москве, иногда она приезжала в Ленинград. Однажды приехала с Галиной Волчек – покупала антикварную мебель. Постепенно я перестала посещать столицу, а Маргарита больше не приезжала за антиквариатом. Связь наша постепенно органично прерывалась. И так, она жила и процветала в Москве, я тоже самое пыталась делать в Ленинграде...

Прошло 25, а потом и 30 лет. И вот дней десять тому назад в одной из передач «Эха Москвы» промелькнула фраза о том, что издана книга Маргариты Микаэлян. Я вмиг оживилась, очнулась и враз помолодела. Схватила записную книжку, нашла Маркин телефон (только бы не изменился!) и давай накручивать 095.

Боже, как мы обрадовались, узнав друг друга! Воплям и крикам не было конца. Наконец, дошли до сюжета моего звонка. И, узнав, что у меня тоже вышла в свет книжка, она, естественно, захотела то же самое, что и я: книжками необходимо обменяться. Случай был подходящий: один из наших спектаклей ехал на днях в Москву. Я дала свою книгу нашей актрисе и попросила об одолжении: позвонить по указанному телефону, а Маргарита придет, принесет свою книгу и заберет мою. Прекрасно!

Прошло три дня. Возвращается наш спектакль с гастролей, и звонит мне сразу актриса, бывшая посредницей в обмене книгами. Но обмен не состоялся по очень простой причине: Марка не дождалась моей книги. Девять дней тому назад она сидела за столом, сидела – и вдруг... ушла в небывтие.

Это известие пригвоздило меня у телефона на какое-то время. А затем сразу возникла мысль – кому и как я могу задать вопрос. Мы не общались столько лет, я случайно (или не случайно?!) услышала, что она издала книгу. Я нашла ее телефон в старой записной книжке (случайно или не случайно?!). Мы обрадовались и решили соединиться, хоть в книгах... (И опять – случайно...) Я сама себе надоела этими вопросами. Но никто мне не ответит. Не у кого спросить. Так надо. Может быть, не надо задавать вопросов?.. Хорошо. Больше не буду. Но все равно: какая странная история...

февраль 2004 г.

Н.А. Райхштейн – студентка ГИТИС. 1948

История «чисто одесской национальности»

В один из моих приездов на каникулы, летом, по Одессе пополз слух, распространявшийся с таинственной скоростью. Якобы в районе 10-й станции фонтанов (это дачные места) в море появился... спрут. Были очевидцы, они клялись, что сами видели: из моря появлялся и скрывался спрут. Слух разрастался – спрут поймал в свои объятия девушку. Следующий этап – спрут плачет. Сидит на камне в Черном море, обнимает своими щупальцами девушку и сам при этом плачет.

Дело дошло до того, что в одной из газет появился целый подвал, где для сведения жителей было написано, кто такие спруты, где они обитают и почему они никак не могут объявиться у наших берегов. Все с сожалением успокоились. А потом из самых что ни на есть достоверных источников возникли подлинные контуры необыкновенного происшествия.

Сюжет в начале был прост. Все дачи на всех станциях (а их 16) фонтанов находились высоко над морем. Спускаться на пляжи надо было по извилистым дорожкам. Там, наверху, были дачи обкомовским работников. И вот однажды, под вечер, жена одного высокопоставленного чиновника, воспользовавшись тем, что муж уехал на какое-то заседание и должен был вернуться завтра, отправилась на пляж, да не одна, а с любовником, да не с простым, а с черным, т. е., с негром.

Они в сумерках так увлеклись друг другом, что слишком поздно услышали шум подъезжающих автомобилей: заседание в обкоме кончилось рано, и все его участники вместе с мужем вышеобозначенной дамы с радостью вечером отправились к морю. А когда до находящейся в весьма интимной мизансцене пары дошло, наконец, что они обнаружены и находятся уже в окружении всех ошеломленных чиновников, случилось необыкновенно-трагическое происшествие: они от страха физически не смогли расстаться. Такое бывает.

Итак, мизансцена: стоят ошеломленные мужики во главе с главным персонажем, мужем, почти в полной темноте, и не могут понять – что это такое черное держит что-то такое белое.

В это время из разных мест пляжа появилось несколько парочек, которые находились поблизости за камнями. Их привлекло сюда естественное любопытство, и на вопрос, заданный кем-то кому-то из плотного кольца окружения: «Что случилось?», был получен ответ: «Черный спрут поймал девушку, сейчас будем принимать меры, не мешайте нам».

Честь мундира превыше всего. Посторонних оттеснили, а несчастную черно-белую парочку положили в воду, то есть – в море, там, в воде, они смогли физически расстаться. Что было дальше – естественно, не знаю. Знаю только, что все это – и сюжет, и слухи, и сплетни – могло случиться только в городе моего прошлого, в радостной, эмоциональной, веселой Одессе.

Суперсклероз

Говорят, что если ты проснулся, и у тебя ничего не болит, значит – ты умер. Смешно. Но не очень. Ну, а если изредка, не всегда, конечно, действительно ничего не болит, а в процессе дня вдруг замечаются некоторые новые сигналы каких-нибудь органов человеческого таинственного организма? Обращать ли на них внимание? Ну, например.

Вхожу в знакомый гастроном. В молочный отдел. Огромный выбор продуктов. Все, как всегда, только продавщица незнакомая.

Здоровуюсь. Спрашиваю: «Есть маленький кефир...». И замолкаю. Надолго.

Она: «Какой кефир? Посмотрите – их полно».

Я: «Ну, этот...».

Она: «Какой?».

Я напряженно молчу. Наконец, меня осеняет: «На нем еще мужчина нарисован!».

Она протягивает мне кефир, на коробке нарисован мужчина, но явно не тот – это кефир «Доктор».

Я: «Нет, другой мужчина».

Она терпеливо забирает предложенный кефир обратно. Ждет, что я скажу. И я жду. Жду, когда пустота в моей голове заполнится. Вдруг меня осеняет.

Я: «Ну, он – почтальон...».

В глазах продавщицы вижу приговор себе: «Явно крыша поехала...». Я краснею, пытаюсь смеяться, дергаюсь и вдруг чувствую явное просветление: «Ну, этот, из мультфильма!»

Она облегченно вздыхает: «А, почтальон Печкин!».

Я: «Ну, конечно! Но кефир как называется?!».

Она: «Простоквашино!».

У меня наступило полное облегчение. И обе мы радостно вздыхаем: она оттого, что избавилась от рассеянной дамы, а я оттого, что кефир был все-таки по моей наводке куплен.

Я положила кефир в сумку. Там же и лежал мой паспорт. Новый. Но со старыми данными.

Старые еврейские анекдоты

К раввину прибегает за советом девушка. «Ребе, – говорит она, – я выхожу замуж. Ночью мне ложиться спать в рубашке или без?». Раввин медленно надевает очки, берет талмуд и говорит: «Болт», то есть, «Сейчас». Не успел он открыть талмуд, как в комнату врывается молодой человек. Раввин снимает очки, откладывает талмуд и спрашивает молодого человека, что привело его сюда. Молодой человек спрашивает: «Ребе, у меня есть деньги, и я не знаю, где их хранить: дома или в сберкассе?».

Раввин говорит: «Болт», то есть, «Сейчас». Берет в руки талмуд, надевает очки и долго читает. Потом откладывает талмуд, снимает очки и говорит, обращаясь к девушке: «Значит так! Ляжете вы сегодня в рубашке или без нее, вас все равно употребят». Затем поворачивается к молодому человеку: «Между прочим, это к вам тоже относится».

К старому еврею в Одессе, у которого хромая, горбатая, немолодая дочь, приходит сват и говорит: «Реб Хаим, хотите выдать замуж вашу дочь за графа Воронцова?». Старый еврей очень рассердился и говорит: «Не хочу!». Сват: «Ну почему же! Она будет жить во дворце!». Старый еврей: «Не хочу!». Сват: «Она будет есть кошерные яства с золотой посуды!». Старый еврей: «Не хочу!». Сват: «У нее будет много слуг!» и т. д. Наконец, старому еврею надоело, он махнул рукой: «Ну, ладно, по рукам». Сват, вытирая пот со лба, сказал: «Ну, слава Богу, половина дела сделано. Теперь остается уговорить графа Воронцова!».

Едут в поезде два еврея. Будем их называть I и II. И так, I спрашивает II: «И куда вы едите?». II: «В Конотоп, конечно. А что?». I: «А я в Жмеринку». Помолчали. I: «Знаете что? Сойдемте со мной в Жмеринке. Я вас приглашаю к себе в гости». II: «А если я не хочу?». I: «Напрасно! У меня дома хорошо!». II: «Не хочу, у меня дома тоже хорошо». : «Моя жена будет за вами ухаживать! Она так чудно готовит кнейдлах и фиш!». II: «Моя жена тоже хорошо готовит фиш и кнейдлах!». I: «Вы будете спать на перине, и мои дочки вам в постель будут приносить завтрак! И все это вам ни копейки не будет стоить!». II,

наконец, не выдерживает атаки и соглашается, и в эту минуту поезд останавливается в Жмеринке. И оба еврея, забрав свои шмотки, выходят из вагона. Они приходят в дом I еврея и все происходит так, как он говорил гостю: он спал на перине, жена ухаживала за гостем, носила завтрак ему в постель, едва он успел проснуться, дочки развлекали его целый день и т. д. Так длилось неделю. Наконец II еврей, удовлетворенный и довольный таким гостеприимством, решил, что надо уезжать и начал очень благодарить I еврея. И прощаться. Расцеловавшись с хозяином дома, гость хотел уйти, но был остановлен словами хозяина: «Позвольте! А где деньги? – «Какие деньги?» – «Вы только посмотрите на него! Он не знает, какие деньги! Вы жили у меня в доме? Вы спали на перине? Моя жена и дочери ухаживали за вами? Вы ели кнейдлах с гусиными шкварками? Так за все это надо платить! II еврей завopil: «Но вы же говорили, что это все бесплатно!» – «Мало ли что я говорил! Пошли к нашему ребе, пусть он рассудит!». И пошли они к ребе. И вошли в его дом. И рассказал I еврей всю историю с начала и до конца. И одел ребе очки, и взял талмуд, и, помедлив, сказал несчастному гостю: «Надо платить...». – «Ребе, но ведь я не хотел ехать к нему в дом, но он сказал, что приглашает меня и все будет бесплатно!». И сказал ребе: «Но вы спали на перине? Жена хозяина и его дочки ухаживали за вами? Вы ели кнейдлах с гусиными шкварками? Надо платить!». Неудачливый гость, внутренне чертыхаясь, расплатился при раввине с хозяином столь странного дома. Когда они вышли на улицу, и II еврей хотел, не прощаясь, уйти в другую сторону, он был быстро остановлен I евреем, который, весело улыбаясь, сказал: «Стойте! Возьмите свои деньги обратно. Они мне не нужны!» – «Так зачем вы все это сделали?» – «А я хотел спросить вас: теперь вы видите, какой поц наш ребе!!!».

В привокзальном буфете за столом сидит и ест пожилой еврей. Весь стол уставлен едой. Неожиданно к нему подходит другой еврей и радостно с ним здоровается: «Как я вас давно не видел, реб Хаим! Как вы живете? Как ваша жена?». Получает в ответ: «Умерла». – «Боже мой, что вы говорите? А как ваш брат?» – «Умер». – «Тоже? А как ваши две сестры?» – «Умерли. Вообще, когда я ем – для меня все умерли».

Раввин собрал в синагоге евреев и произносит горькую речь: «Евреи! Вы погрязли в пороке. Вы развратничаете, пьете, курите, сквернословите. Вы посещаете публичные дома...». В синагоге стоит гул от молящихся евреев, и один из них, продолжая бормотать молитву, не нарушая ритма молитвы: «О, я вспомнил, где я забыл свой зонтик!».

Мы познакомились в Одессе, на пляже, в августе 1948 года. Я занималась тем, чем занимаются на пляже, то есть загорала. Одна. И не заметила, как мое одиночество было нарушено: открыв глаза, я обнаружила около себя мужчину, довольно интересного, в очках, стекла которых были очень толсты. Наши взгляды встретились, и молчание было нарушено. «Можно около вас побыть», – спросил он. Я «очень остроумно» ответила, что пляж велик, а он «столь же остроумно» ответил, что везде, мол, сыро. Итак – с пляжа мы ушли вместе. (И дальше по жизни мы 25 лет шли вместе.) Мой спутник рассказал мне, что лечится у

знаменитого профессора Филатова, со зрением у него какие-то проблемы. Какие – я узнала несколько позже.

Если коротко – то два года ушли на улаживание каких-то личных дел и неурядиц у нас обоих, а в 1950 году, в той же Одессе, я пригласила М.И. в дом, к папе и маме, где он и сделал мне официальное предложение стать его женой. Далее он попросил согласия моих родителей. Получив его, мы сели все за стол, который конечно был сладким, он принес с собой бутылку «Столичной», папа поставил на стол рюмашечки, но М.И. взял стакан, налил его до краев и, когда был произнесен тост, «хлопнул» его одним глотком. Мама была в ошолоблении, папа – изумлен и был готов оказать первую помощь пострадавшему, но пострадавший был счастлив, и сватовство состоялось. Свадьба была в гостинице «Красная». И дальше началась наша жизнь в Ленинграде, правда, без жилплощади, но... Это скупое предисловие к тому, что я, наконец, узнала, почему у М.И. такое плохое зрение. Он написал об этом сам, и было это напечатано в ведомственной газете.

М.И. Лифшиц. 1940

Мой первый муж – Михаил Исаакович Лифшиц

М. Лифшиц

Когда и как я потерял зрение

За полвека мои знакомые и сотрудники часто у меня спрашивают о несчастье, постигшем меня в 1937 году, но я никогда ничего никому не рассказывал и делал все, чтобы забыть те страшные годы, ибо, помня их, я не мог бы честно и без обиды работать 50 лет и приносить пользу стране.

Я и на самом деле не мог осмыслить всего того, что со мною произошло. Я старался не думать об этом. И только теперь, когда все расставлено «по своим полочкам», после XX съезда партии, после известного выступления Н.С. Хрущева, после всего прочитанного с тех

пор, после докладов М.С. Горбачева и после XIX партконференции я смог осознать то место, которое капля моей жизни занимает в общем потоке событий тех страшных лет.

Пришла и мне пора рассказать о себе...

В 1935 году я с отличием окончил Ленинградский политехнический институт начал работать на заводе «Пирометр».

В 1937 году я уже был начальником лаборатории и под руководством известного профессора Г.П. Кульбуша разрабатывал новые авиационные приборы для оборонной промышленности.

В августе профессор Кульбуш был арестован, а через два месяца уволили с работы и меня как его ближайшего сотрудника. Мне было 27 лет...

В ночь на 14 октября 1937 года ко мне домой пришли шесть человек: управдом, дворник, два красноармейца и двое в штатском. Я спал, дверь открыла мать. Первый вопрос штатского с направленным на меня наганом: «Оружие есть?» – «Нет». – «Руки из-под одеяла!».

И начался повальный обыск. Длился он часов пять-шесть. Конечно, ничего «крамольного» не нашли, забрали всяческие студенческие тетради, записи и под утро увезли.

В тюрьме на улице Вошнова меня поместили в одиночный чулан, так называемый «собачник». На стенах – надписи карандашом: «Оставь надежду, всяк сюда входящий», «Кто не был, тот будет, кто был, тот не забудет» и другие столь же обнадеживающие. Часа через три-четыре вывели, обыскали, срезали все пуговицы, вытащили инурки, отобрали пояс, подтяжки, посмотрели во все отверстия тела и повели куда-то в камеру, где уже было человек двести.

Меня впихнули, и я встал у входа. Обросшие люди стояли за грубо сколоченными деревянными столами-топчанами, сидели на лавках. Был обед. Черпаком в алюминиевые миски наливали баланду. «Не бойся, здесь все такие, как ты», – сказал кто-то. На ближайшей лавке подвинулись, дали место. Я не хотел есть. Кто-то сказал: «Ешь, силы тебе пригодятся, ночью начнут бить».

К ночи начали укладываться спать. Одни легли на цементный пол, под голову – руку. Сверху поставили лавки, на лавки – топчаны, бывшие днем столами, и на топчаны улеглись люди, затем снова лавки и топчаны и снова люди. Всего три этажа. Выдерживался «табель о рангах»: внизу – свежие, далее – более «пожилые», со стажем, и наверху – уже добившиеся привилегий по стажу. Человек пять-десять сидели всю ночь – им не хватило места для лежания.

Ночью начались вызовы на допрос. Вызываемые переползали через людей; разбуженные толкали их ногами, ругались. Охранники за решеткой неистово орали, торопили. Люди выползали в коридор оборванные, грязные, кто в одном ботинке, кто в портянке... Так продолжалось всю ночь: одних вытаскивали, других запихивали обратно после допроса на свое «спальное место». Прекращались допросы в 7 часов утра, когда объявлялся подъем. Лавки и столы-топчаны возвращались на свои места, а люди выстраивались в очередь «на opravку» – к одной

ячейке две сотни человек. Только слышно было: «Звони». Это означало: спускай воду и выходи.

И начинался новый день. Приносили завтрак: кружку теплой воды и ложечку сахара – чай. И пайку хлеба – 400 грамм, но это на весь день. Днем обед: баланда и черпак каши «дуб». Ужина не полагалось.

Полгода меня не трогали: ни вызовов, ни допросов. Сутки за сутками. Ни свиданий, ни книг, ни газет. Теснота, грязь. Я оброс, в бороде – клопы. По ночам со сна давил их, до сих пор помню запах раздавленных клопов.

Через полгода ночью вызвали. Следователь Михайлов без всяких разговоров дал подписать заранее составленный протокол допроса. В нем была всякая чушь. Я, оказываясь, конструируя приборы, нарочно делал их неисправными, чтобы нанести урон нашей обороноспособности. Подписывать протокол я наотрез отказался. Начались «уговоры» и «убеждения», которые продолжались потом из ночи в ночь.

За ночь сменялось от трех до пяти «уговаривающих». У каждого свой «метод», свои кулаки. Помощник следователя по фамилии Рукояткин каждый допрос начинал присказкой: «Мы, ребята, хороши, пока с нами хороши». Признавайся в своей контрреволюционной деятельности, ... твою мать». Приходило и уходило начальство, после посещения которого я каждый раз оказывался на полу и не досчитывался зубов. Зато оставались синяки, отдавленные сапогами пальцы, отбитые почки... Я не подписывал ту чушь, которую мне подсовывали.

Через несколько дней начался «конвейер». В течение восьми-десяти суток я стоял на ногах без сна. И били по ногам. Ноги распухли, полопались вены. Отпускали в камеру только по утрам на 20-30 минут: позавтракать и помочиться кровавой мочой – и снова на допрос на следующие сутки. Я был молод и, приходя в камеру, не ел, а ложился на пол. Ложился за спинами сидящих на полу однокамерников, так чтобы не заметил надзиратель, и спал эти 20-30 минут. Я решил, что без еды я не умру, а без сна пропаду. И выдержал так все эти восемь или десять суток!

Потом меня снова на несколько месяцев оставили в покое.

Думаю, что выдержать этот первый «приступ» мне помогло то, что каждый раз, отправляясь на допрос, я убеждал себя, что иду на смерть. И то, что я все-таки оставался жив, придавало мне силы.

Спустя сколько-то месяцев допросы возобновились.

Кроме «обычного» мордобоя, кроме одиночной камеры, применявшихся постоянно, следователи придумывали и свои особенные изощренные издевательства. Михайлов бил линейкой по лицу, и это сначала показалось «мелочью». Но когда эта «мелочь» стала повторяться десятки и сотни раз, я ощущал страшную боль уже от движения воздуха, создаваемого линейкой. Я не видел своего лица, но сокамерники говорили, что оно было совершенно синим, и синева не сходила в течение недели после такого допроса.

Однажды (это было на втором году моего пребывания в тюрьме) я дежурил по камере и, разливая чай по кружкам, пролил его на пол. Сначала я не понял, как это случилось, но затем, пролив еще раз, я

осознал, что не вижу, не замечаю того момента, когда кружка наполняется. Что-то случилось с моим зрением. Со временем оно становилось все хуже и хуже.

Хотя мы были изолированы от всего мира, но кое-какие сведения с воли все-таки доходили. В одиночных камерах я хорошо освоил перестукивание и был в курсе многих событий тюремной жизни.

В конце 1938 года я узнал, что намечается снятие Ежова. Кто-то выступал, что будто бы Сталин где-то спросил Ежова: «Правда ли, что в НКВД бьют?». Тот ответил: «Да, я только недавно узнал об этом». На это Сталин сказал: «Плох тот нарком, который не знает, что делается у него в Наркомате».

Все с надеждой ждали перемен. И, действительно, вскоре началась передвижка заключенных. Мое следствие считалось законченным и подготовленным на суд Военной коллегии, председателем которой был незабвенный Ульрих. Меня перевели в так называемую «нижегородскую» тюрьму, где я пробыл три недели, ожидая, как несознавшийся и нераскаившийся, суда и обычного приговора: расстрел. Но никакого суда не было. В ночь под новый 1939 год меня перевели обратно на «Шпалерку». В камере, куда меня поместили, находился еще один человек – директор одного из ленинградских заводов, лицо мне известное. Не могу забыть эту встречу. Я был страшно голоден, а у него был хлеб. Я попросил одолжить мне до утра кусочек, чтобы «встретить» Новый год. «Нет, – сказал он. – А вдруг тебя ночью расстреляют, кто тогда вернет мне долг?». И не дал мне ничего. Я пробыл в этой камере несколько дней, а затем меня перевели в общую камеру. Больше меня с этим человеком встречаться не приходилось, и судьба его мне неизвестна. Но случай запомнился потому, что был единственным за время моего заключения. Обычно заключенные помогали и поддерживали друг друга, а в тюрьме я встретил много благородных людей.

Таким был встреченный мною в новой камере бывший начальник Северного морского бассейна (кажется, его звали Петр Чернышов, тогда ему было лет сорок-сорок пять). Заметив, как резко у меня падает зрение, он всячески подбадривал меня, уверяя, что все это излечимо, что я обязательно выйду на волю, и тогда мне следует от его имени обратиться к его другу – академику Владимиру Петровичу Филатову, и тот мне обязательно поможет. Забегая вперед, я должен сказать, что все так и случилось. Когда я вышел на волю, меня, уже почти слепого, сестра повезла в Одессу к Филатову. Академик принял меня в свою клинику, сделал пять операций, уникальных, никогда до того не практиковавшихся, и приостановил потерю зрения. Излечить полностью было невозможно. Филатов определил у меня редкое, но неизлечимое заболевание на почве эндокринного расстройства организма – «кератоконус обоих глаз с помутнением роговицы».

Пока академик был жив, я много раз ездил к нему в клинику «на поддержку зрения», и он демонстрировал меня всегда как уникальный результат операции и лечения редкой неизлечимой болезни...

В своих тюремных мытарствах я встретил много замечательных людей. В разное время моими сокамерниками были: директор сестрорецкого оружейного завода Говард, директор ленинградского завода имени Ворошилова Дюфур, профессор Военно-медицинской академии Федоров, директор дома инженерно-технических работников Фридендер, профессора Бериадос и Оберталлер. Одно время в нашей камере находился Лев Николаевич Гумилев, сын Анны Ахматовой, ныне известный профессор-этнограф.

Часто товарищи по камере уговаривали меня не противиться следователям, подписать что требуют, сберечь свое здоровье. Но на самом деле это не спасало. Помню, был в нашей камере простой человек, сапожник-айсор. Его сильно избили, и он подписал бумагу, которую ему зачитали, потому что он сам не умел читать. Но через некоторое время его снова вызвали на допрос и избили еще сильнее, чуть живого бросили в камеру. Теперь его обвинили в том, что он умышленно ввел в заблуждение следственные органы. Оказывается, в бумаге, которую он подписал, значилось, что он турецкий шпион и был ранее генералом турецкой армии. Очевидно, такие показания показались кому-то из начальства уж слишком неправдоподобными.

Среди многих эпизодов тех лет мне очень запомнился один – очная ставка с моим бывшим сотрудником Сергеевым. Это был молодой человек, лет двадцати пяти, талантливый инженер. Когда меня вызвали на очную ставку, Сергеев, отвернувшись, не глядя на меня, стал говорить, что я, работая над приборами, занимался вредительством. Я сразу понял, в чем тут дело. Вместе с нами в институте работал некто Паллей Семен Соломонович, мой бывший сокурсник, человек малых знаний и больших амбиций. Получив однажды выговор от профессора Кульбуша за свое недобросовестное отношение к делу, он стал всячески интриговать, настраивать против него молодых сотрудников, выдвигать против него политические обвинения. Когда Кульбуша арестовали, свои интриги Паллей обратил против меня. Услышав во время очной ставки Сергеева, я сразу понял, чьи слова повторяет этот в сущности неплохой, но, видимо, слабохарактерный человек, не устоявший против внешнего давления. Не дав Сергееву договорить, я, забыв, где я нахожусь, заявил, что его слова инспирированы Паллеем, и потребовал, чтобы мое заявление было занесено в протокол. Следователь тут же грубо прервал меня, в протокол, конечно, ничего не занес, а когда очная ставка закончилась, «заговорил» со мною знакомыми мне методами...

В ночь с 17 на 18 октября 1939 года меня вызвал следователь Дроздов. В очередной раз он предъявил мне все то же обвинение и потребовал, чтобы я сознался. Но когда я в очередной раз отказался признать свою вину, он неожиданно улыбнулся и сообщил, что я из-под стражи освобождаюсь «в связи с отсутствием состава преступления». И тут же он извинился передо мной за допущенную ошибку. Затем он дал мне несколько советов. Он рекомендовал мне вернуться на место прежней работы. «Пусть люди видят, что невиновных освобождают, – сказал он. – А если Паллей или кто-то еще будет цепляться, звоните». И он дал мне свой телефон.

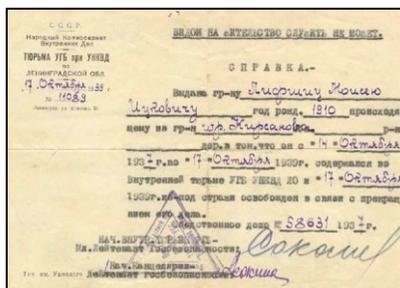
Мне трудно передать свое состояние в этот момент. Не стану описывать, как я вернулся домой и встретился с родными. Но я последовал совету Дроздова и на другой же день после освобождения пришел на работу. Товарищи встретили меня радостно, все обнимали и поздравляли меня. Но когда ко мне подошел Паллей и как ни в чем ни бывало протянул мне руку, я плюнул ему в лицо. Сергеева не было. Не пришел он на работу и в следующий день. А вскоре мы узнали, что он покончил с собой. Думаю, что и эта жизнь тоже на совести Паллея.

К работе я сразу вернуться не смог, нужно было спасать зрение. А когда после продолжительного лечения в Одессе у академика Филатова я вернулся в Ленинград, Паллея уже в нашем институте не было, он ушел на другую работу.

Филатов дал мне возможность жить и работать, но полностью зрение ко мне не вернулось, я остался инвалидом второй группы. Тем не менее, я как-то приспособился, включился в работу, приноровился. Товарищи помогли мне, и я старался работать в полную силу, не вспоминая о пережитом, о потерянных годах. За свой труд я награжден орденом «Знак Почета», двумя серебряными медалями ВДНХ, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», знаком «Изобретатель СССР».

Несмотря на все, что со мною случилось, я продолжал верить Сталину. Когда я узнал о его смерти – поехал в Москву на его похороны и едва не погиб там, перебежав под брюхом лошади конного милиционера, перегородившего улицу Горького у Пушкинской площади. Я верил Сталину вместе со всем народом и не мог даже допустить мысли, что все, что творилось страшного в нашей стране, делалось не только с его ведома, но, как оказалось, по его прямым указаниям, по продуманной им системе... Теперь мне стало все ясно. Ясно и то, что зрение я потерял тоже благодаря ему. Но до сих пор не пойму, как могут некоторые люди, сопротивляющиесяживительной перестройке нашего общества, все еще боготворить его, правдами и неправдами пытаться оправдать страшные беззакония сталинщины.

Все, что осталось у него после того, что этот ужас кончился – эта бумажная справка.

Он был сильным человеком. И лириком. Любил семью, стихи и женщин. Работал почти до конца дней. Работа была по тем временам

секретная. Но я знала, что он участвовал в строительстве ледокола «Ленин», и как приборист, занимался приборами в мавзолее Ленина.

Один из многих, бесконечно многих обманутых романтиков. Имя им – легион.

Маленькая девочка помнит... барана

Телефонный звонок. В трубке – звонкий женский голос. «Это Нора Абрамовна?» – «Да», – отвечаю я. – «Это Нора Абрамовна Райхштейн?» – «Да» – «Это Нора Абрамовна Райхштейн – режиссер?» – «Да», – говорю я, думая, что являюсь объектом какого-то розыгрыша. Ан нет! Допрос продолжается. «Это Нора Абрамовна Райхштейн, режиссер, которая жила на улице Рубинштейна 38?» – «А вот и нет, – обрадовалась я. – Я никогда не жила на улице Рубинштейна!». Пауза. Немножко подумав, я спросила с подковыркой: «А когда я жила на улице Рубинштейна?». И эта милая незнакомка вдруг бухнула: мне прямо, как камнем по голове: «В 1947 году!». То есть, в середине ТОГО столетия. Опять мне «намекают» на мой возраст! Я этого не любило! Тем более что в сорок седьмом году я еще училась в Москве в ГИТИСе. И вдруг меня осеняет: «Постойте! Постойте! Где-то в начале пятидесятых я, приехав в Ленинград и выйдя замуж, вместе с мужем жила в снятой комнате, так как у мужа не было своей жилплощади. Он ее лишился еще в 1937 году (надеюсь, по понятным причинам). Но жили мы в этой снятой комнате недолго, так как хозяйка, сдавшая нам комнату, занялась «национальным вопросом». Тогда сгущалась в стране эта тема, это было, по-моему, накануне знаменитого «дела врачей». Но было это в начале второй половины XX века, все-таки легче на душе. Мою собеседницу устроил ответ. Она сказала, что, действительно, наша несостоявшаяся надолго хозяйка страдала юдофобией.

Мы обе с облегчением вздохнули. После небольшой паузы слышу, как на том конце провода явно собираются с духом и, наконец, раздается уже знакомый, но дрожащий голос: «Нора Абрамовна, скажите, а у вас был... баран?». Боже мой! Что со мной сделалось! Как будто произошла вспышка, и все озарилось фейерверком: комната, душа, сердце! Был ли у меня баран?! Вот смешной вопрос! Конечно, был! Был у меня... баран! Я хохотала! Моя собеседница тоже была в восторге.

Я должна объяснить, в чем дело. Конечно, я не была пастухом, и барана как такового у меня не могло быть ни по каким параметрам. Баран, которым владела я, был очаровательной и красивой формой для выпечки. Сделанный из чугуна барашек с очень симпатичной мордочкой был как бы разрезан пополам. В одну половину аккуратно клали дрожжевое тесто, заполняя им все извилилки, ушки, носик, а другой половиной, пустой – накрывали. И все это отправлялось в духовку. Через какое-то время баран был готов. Происходило торжественное освобождение барана из формы: главное – не сломать ушки. Затем надо было спичкой выковырять глазки и вставить туда изюминки. Он сидел на блюде румяный и очень веселый. Резать его было жалко. Но хватит про барана! А вот каким образом таинственная незнакомка помнит полвека такую, казалось бы, милую игрушку? И почему именно сейчас, вдруг это вспомнила и как она меня

нашла? Эти вопросы я ей задала. А она в ответ: «Дело в том, что я только что долго болтала с моим братом. Он живет в Нью-Йорке. Он тоже помнит барана и спросил меня: «Интересно, а Нора Абрамовна в своей книге написала про нашу квартиру?». А вас я нашла очень просто – в интернете. Вы в Ленинграде одна Райхштейн Нора Абрамовна и ваш телефон там же».

Слов у меня не было. Только слезы детства были на глазах. Незнакомка не хотела называть себя – хотела остаться «маленькой девочкой». Но мне все-таки удалось узнать и ее имя, где она работает, и номер ее телефона.

Но я буду держать это в тайне. Пусть она остается «маленькой девочкой, которая помнит... барана». Пусть... Это для нее, а для меня... Какая грустная прелесть – звонок из «глубины веков»...

Н.А. Райхштейн с дочерью Леной
в мастерской Н.П. Акимова. 1966

Черно-белый человечек с длинными ушами, на четырех лапах, лишенный дара слова

Кто объяснит мне то, что нам показывают часто по ТВ в передачах о разных животных? Почему какая-то птичка знает, где надо вырыть ямку, чтобы снести там яйца? Каким образом она знает, как охранять своих птенцов от опасности? Кто сказал стаду слонов, когда идти на водопой? Откуда, по каким часам вся остальная живность знает, что сейчас притоптают слоны и надо освобождать им территорию? И т. д., и т. п... К чему это я? А вот к чему. При моем равнодушном отношении ко всем домашним животным я нынешним летом испытала нечто вроде шока. Приехали в Германию. К дочке. В гости. Все, как в прошлый приезд. Но семья увеличилась. Нас встретила симпатичная собачка. Это я сначала подумала, что это собачка... Это было ошибкой. Но поняла я это несколько позже. Итак, несколько дней ушло на вынужденное привыкание: заставить себя прикоснуться к ней, потом выдержать ее желание прикоснуться ко мне, лизнуть мою руку или доверчиво положить две лапы мне на колени и т. д. Наконец, я не выдержала: я ее погладила по

головке. Счастье было обоюдным. Далее все шло как у всех нормальных людей с нормальными домашними собачками. Звали ее Глаша. У нее было свое точное время для всего – когда есть, когда гулять, когда оставаться одной и, распластавшись на полу у дверей, ждать прихода хозяев. В общем, все как у всех, вероятно, домашних животных. Но все же однажды я поняла, что все не просто. Великая тайна наполняла ее существо, и ей не удалось скрыть это от меня.

Слева направо: Н.А. Райхштейн, Е. Шор, В.А. Кузин.
Германия. 2007

Однажды, когда я и Кузин* улеглись спать в спальне, приоткрылась дверь и показалась Глаша. Она вошла тихо-тихо, еле слышны были ее царапающиеся шашки. Беззвучно она не спеша подошла (именно подошла!) ко мне, остановилась, подняла свою очаровательную мордочку, внимательно и серьезно посмотрела мне в глаза своими умными серьезными глазками, и я явственно услышала ее беззвучный вопрос: «У тебя все в порядке?». Я ей тоже глазам ответила: «Все в порядке, спасибо тебе». Она постояла еще несколько секунд, опустила мордочку и пошла вокруг кровати, где мы лежали, и подошла к Кузину. С ним она проделала то же самое. И, беззвучно пожелав нам спокойной ночи, она удалилась в дверь. И тут я все поняла. Я проникла в ее тайну. Она была человеком. Или разновидностью человека. Человека, лишенного голоса. Но способности мыслить. Нет! Ни в коем случае! Она все делала сознательно. Я это поняла и сразу вспомнила Ахматову:

Но иным открывается тайна
И почиет на них тишина.
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

* Валерий Анатольевич Кузин (1931-2011) – второй муж Н.А. Райхштейн, заслуженный артист России, работал во многих театрах, в последние десятилетия жизни – артист театра Ленсовета и Александринского театра.

Нет, я не заболела. Но стала внимательнее заглядывать ей в глаза, как бы спрашивая: права ли я? Но ответа не было. И не будет. Нельзя, чтобы рушились основы мироздания. А вдруг все животные на земле – существа, наделенные умом, сознанием, соображением, но лишённые возможности выразить что-либо словом? А что было бы, если б весь животный мир заговорил на наших языках, а мы бы все умолкли? Интересно было бы их послушать, а нам – помолчать. Может быть, они умнее нас?!

Публикация Елены Шор

Лорина Дымова

Литературные страсти

Два рассказа

Подлинный талант

В один прекрасный день Ивана Мамочкина – кто бы мог подумать! – назначили талантом. Еще накануне его погнали в три шеи из «Панорамы», когда он стал доказывать, что его стихи ничуть не хуже всей этой белиберды, которую они печатают. А остряк-редактор даже поинтересовался: а не белиберды, дражайший пиит, у вас случайно не найдется?

Но примерно через час после ухода Мамочкина в редакции раздался звонок. Звонил прогрессивный критик Кукша, мнение которого в нынешние времена значило больше, чем звонок начальства в прошлые, и непонятно почему. Другой критик разнесет чьи-нибудь стихи в пух и прах – и ничего: пройдет неделя-другая, и снова, глядишь, поэт стихи читает по телевизору, а там и новая подборка в толстом журнале появляется. А Кукша – скривится при чтении, головой покачает, и песенка даже маститого писателя, считай, спета. Или наоборот, похвалит прогрессивный критик кого-нибудь, и тут же все журналы наперебой звонят «творцу», просят осчастливить рассказом или, скажем, циклом стихов. Слово, что ли, какое волшебное этот самый Кукша знал? Вряд ли. А впрочем, может быть, и знал.

Так вот, вскоре после ухода поэта Мамочкина знаменитый критик позвонил в редакцию.

– Можно вас поздравить? – спросил он.

– С чем? – удивился редактор, тот самый, который острил насчет дражайшего пиита.

– Как с чем? Я слышал, что Мамочкин предпочел вас «Литературному курьеру»? Или сплетни?

– К-какому курьеру? – изумился редактор. – К-как предпочел?

– Ну-ну, не беспокойтесь, – Кукша понизил голос. – Я никому ни слова. И статеечке дам ход, только когда подборка уже выйдет. Слово джентльмена!

– Да о ком вы говорите? – снова спросил непонятливый редактор и вытер ладонью вспотевший лоб.

– Как о ком? – удивился Кукша. – Разумеется, о Мамочкине. Или вы считаете, что сейчас есть кто-то более талантливый? Интересно кто?

- Н-ну... скажем, Ворошилов...
- Вы имеете в виду Климента Ефремовича? – сострил критик. – Не Константина же, весь лексикон которого состоит из... дай бог, двухсот слов?
- Да, я имею в виду именно Константина Ворошилова, - с вызовом сказал редактор, но как-то не очень уверенно. – А что касается лексикона, так у Георгия Иванова он был не больше, однако...
- Послушайте, любезный Борис Сергеевич...
- Сергей Борисович! – с раздражением поправил собеседника редактор.
- Прошу прощения. Так вот, любезный Борис Сергеевич, я вам советую сделать одну очень простую вещь: вчи-та-ть-ся. Просто вчитаться. И я думаю, ваш природный вкус заставит вас со мной согласиться. А впрочем... Действуйте согласно своим представлениям о литературе.
- И прогрессивный критик Кукша повесил трубку.
- Кто это? – спросил второй редактор, сидевший за тем же столом.
- Кукша, - сказал первый и недоуменно пожал плечами.
- Чего ему?
- Говорит, вчитайтесь...
- Во что?
- В творения Мамочкина. Говорит, талант...
- Он что, спятил? Дай-ка стихи!
- Мамочкина? Да нет их. Я послал его куда подальше вместе с его стихами...
- Воцарилось молчание.
- Слушай, а может, правда?.. – прервал паузу первый редактор.
- Что правда?
- Вчитаться надо?
- На лице второго редактора появилась страдальческая гримаса:
- Да во что там вчитываться!..
- Однако, помолчав какое-то время, он сказал:
- Знаешь, пусть все же принесет, поглядим...
- Но тогда придется печатать.
- Напечатаем, что делать. Не ссориться же с Кукшой!
- Подождав час, чтобы Мамочкин успел дойти до дома, первый редактор набрал номер его телефона.
- Это Калужный... – неохотно проговорил он. – Вот что Иван... Ты... того... будешь мимо проходить, забрось-ка нам свои стихи.
- Что??? – не поверил своим ушам Мамочкин.
- Стихи, говорю, принеси.
- Другие? – понятно поинтересовался поэт.
- Да какие хочешь. Завтра, послезавтра... Когда будешь мимо проходить.
- Да я сейчас! – засуетился Мамочкин. – Прямо сейчас! Через двадцать минут буду! Я такси возьму!
- Ну, зачем такси, – запротестовал редактор. – Не горит. Можно и через недельку.

– Я такси возьму! Я мигом! – заорал поэт, обалдев от счастья, и бросил трубку.

Через пятнадцать минут он уже протягивал редактору пухлую папку со стихами.

– А вы... это... а вы... того... – бормотал он.

– Иди, иди, – успокаивающе сказал редактор и похлопал поэта по плечу. – Все будет хорошо.

– А как же...

– Я позвоню.

Мамочкин, шатаясь, дошел до двери, обернулся и, махнув неопределенно рукой, исчез, а редакторы, и тот и другой, не сговариваясь, бросились к папке.

– По-моему, Кукша спятил! – сказал первый редактор, прочитав пять-шесть стихотворений.

– Определенно, – согласился второй и захлопнул папку.

– Что будем делать?

– Как что? – удивился второй. – Печатать. Что же еще?

– Отбери что получше.

– Да нет у него получше! Все бред. Бери наугад.

Первый, не глядя, вытащил из папки несколько листочков.

– Интересно, зачем это ему?

– Кому?

– Кукше.

– А леший его знает!

Оба замолчали и полезли за куревом.

На следующее утро в редакции снова зазвонил телефон. Нет-нет, это был вовсе не Кукша! Звонок был еще более удивительный, поскольку вот уже шесть лет два конкурирующих издания – «Панорама» и «Литературный курьер» – принципиально не имели никаких отношений, ни письменных, ни, тем более, телефонных. Каково же было изумление редактора «Панорамы» Калюжного, когда он услышал слегка сконфуженный голос главного редактора «Курьера» Бубукина.

– Это из «Курьера», – сказал Бубукин, не называя себя, будто Калюжный не знал его голоса!

– Слуш-шаю! – изумленно проговорил Калюжный.

– Я... э-э-э... вот по какому вопросу... У вас там лежат стихи Мамочкина... Так вот... вы не можете сказать, какие именно вы намерены печатать?

Калюжный злорадно усмехнулся.

– Это будет решаться на редколлегии в конце месяца.

На другом конце провода умолкли, потом пробормотали что-то нехорошее и бросили трубку.

– Неужели Бубукин? – догадался второй редактор.

– Он, – кивнул Калюжный.

– Про Мамочкина?!

– Угу, – опять кивнул первый. – Шиш они получат Мамочкина!

И потянулся к папке со стихами.

Когда через полчаса в редакцию позвонил Мамочкин, никто уже не удивился.

– Вот что, Ваня, – ласковым голосом сказал Калюжный. – Если хочешь, чтобы мы тебя напечатали, исчезни! И стихов, которые лежат у нас, – ни-ко-му!

– Но у вас слишком много! – запротестовал Мамочкин. – Я всё отдал, а мне нужно...

– Ты меня понял? – в голосе Калюжного послышались угрожающие нотки. – Ни-ко-му!

– Понял-понял, – заторопился поэт. – Никому так никому.

Калюжный удовлетворенно хмыкнул и положил трубку. Оба редактора посмотрели друг на друга. Они торжествовали.

Не будем подробно рассказывать, как прошел месяц, предшествующий выходу журнала, и так все понятно. Нет смысла описывать лазутчиков из «Курьера», заброшенных в тыл врага с целью похитить рукопись и опередить «Панораму». Не хочется упоминать и о том, как Мамочкин безуспешно пытался подкупить шоколадкой секретаршу Жанночку и выведать у нее, какие все-таки стихи отобрали в ближайший номер.

Расскажем только о том, как в понедельник в семь часов утра, вопреки своему обыкновению спать до двенадцати, а тем более после воскресения, Мамочкин, слегка пошатываясь то ли «после вчерашнего», то ли от нетерпения, отправился к газетному киоску и от волнения не сразу увидел на прилавке «Панораму», а в «Панораме» – свои стихи. Но всё оказалось на месте: и журнал, и подборка – да, да, в толстом, всеми уважаемом журнале! Расскажем и о том, как, вывернув все карманы, Мамочкин с трудом наскреб денег на два номера, хотя будь его воля, он скупил бы вообще все журналы во всех киосках города.

Можно еще упомянуть и о том, что журнал «Литературный курьер», хоть и с опозданием, но тоже воздал должное таланту поэта, присовокупив к публикации статью прогрессивного критика Кукши о творчестве молодого сорокапятилетнего дарования, где утверждалось, что поэт чудесным образом совмещает пушкинскую прозрачность строфы с наивностью народного лубка. Разумеется, после такого заключения жизнь круто изменилась: Мамочкина стали печатать все и даже нелитературные издания, а через год издательство «Круг» выпустило его первый, но весьма увесистый сборник стихов.

О дальнейшей карьере поэта Мамочкина можно было не беспокоиться, она покатила как по маслу, и это не вызывает никаких вопросов.

Невыясненным остается одно: зачем все-таки Кукше понадобилось звонить тогда в редакцию?

Злые языки утверждают, что неслучайно ровно через полгода после того звонка прогрессивный критик Кукша отбыл в командировку в Соединенные Штаты с чтением лекций в американских университетах, а командировками этими ведала, а вернее, держала их мертвой хваткой в своих руках некая Виктория Леопольдовна Мамочкина, которая, кроме того, что была однофамилицей нашего героя, являлась вдобавок еще и его

родной тетей. Завистники намекают на связь между этими двумя событиями, однако нам не хочется так плохо думать о людях. Мы не склонны верить разным злопыхателям и считаем, что дело только в таланте: подлинный талант так или иначе все равно пробьется.

Зигзаги княжеской души

– Будем печатать! – твердо сказал Лупило. – Это даже хорошо, что ваш рассказ не на злободневную тему. Хватит рассказов-однодневок! Читатель сыт ими по горло, скоро вообще журналы в руки брать не будет!

Я стояла и любовалась этим человеком, похожим на грузинского князя, статного, худощавого, с висками, тронутыми легкой седinou. Немного смущала, правда, его фамилия, но каких только фамилий не бывает на свете, ей-богу, не стоит их вообще замечать. Увидев мой восхищенный взгляд, он расправил плечи, стал выше ростом и улыбнулся, показав безупречно белые зубы:

– И хорошо, что вы так молоды. Читатель уже сыт по горло рассуждениями стариков о любви. Тех, кто давно уже забыл, что это такое. Так что – будем печатать!

Домой я летела на крыльях.

– Ну, всё! – торжествующе завопила я, ворвавшись в дом. – Кончилось время маразматиков и производственной литературы!

Муж молча посмотрел на меня и вопросительно поднял брови.

– Теперь прозой ведает Лупило, заместитель главреда! – захлебываясь, объясняла я. – Кузькина выгнали! Начинается новая эра! Будут печатать молодых и талантливых! То есть, меня!

– Ну и фамилия – Лупило! – муж неодобрительно покачал головой. – И ты поверила Лупиле?

– Да, представь себе! – сказала я, сразу ошетинившись. – А ты, Фома Неверующий, можешь сколько угодно сомневаться. Лупило сам сказал мне, что рассказы о любви – это теперь самое то! Я даже, знаешь, что думаю, – а не отнести ли ему "Знакомую незнакомку"?

– Не сходи с ума, – посоветовал муж и ушел к себе в комнату.

Через два дня я снова зашла в редакцию. Просто так, без определенной цели. Взглянуть еще раз на грузинского князя, напомнить о себе и, главное, получить подтверждение, что беседа с заместителем главного редактора мне не приснилась. Дверь его кабинета была приоткрыта, и я увидела сидящего напротив Лупило редактора отдела прозы. Они обсуждали, по-видимому, следующий номер журнала, и разговор велся на повышенных тонах, причем мне показалось, что прозвучало мое имя.

– А–а, очень хорошо, что вы пришли! – обрадовался грузинский князь, но тон его мне не понравился: в нем было больше раздражения, чем радости. – Что, принесли что-то новое?

Хотя я и понимала, что раздражение относится не ко мне, а к редактору отдела прозы, сказать про "Знакомую незнакомку" у меня язык не повернулся, и я отрицательно покачала головой.

– Тогда чего же вы хотите? – неприязненно поинтересовался Лупило, и я поняла, что его раздражение относится все-таки ко мне. – Я же вам сказал, что мы ждем от вас рассказов на злободневную тему. Наш журнал – современной литературы. Со-вре-мен-ной! Значит, мы должны печатать рассказы с современной проблематикой, а не разные там "охи и вздохи"!

– Как??? – изумилась я. – Вы же говорили...

– Именно это я и говорил. Принесите что-нибудь современное, и мы вас напечатаем.

Ошеломленная, я вышла из кабинета.

– Что с вами? Что-нибудь случилось? – участливо тронула меня за плечо Анна Матвеевна, секретарь, работающая в журнале дольше, чем я живу на свете.

Я очнулась.

– Да нет... Ничего... Просто... В прошлый раз... В прошлый раз Лупило сказал, что им как раз нужны такие рассказы, как у меня... А сегодня...

– А сегодня говорит прямо противоположные вещи, – докончила за меня фразу Анна Матвеевна. – Так его Главный пропесочил за то, что он слишком либерален и чересчур увлекается молодыми авторами. Причем сказал ему это в присутствии всего коллектива! Не огорчайтесь, милая! "И это пройдет", – как сказал Соломон.

Я кивнула и попыталась улыбнуться, хотя, по-моему, из этого у меня ничего не получилось.

– Я хочу забрать свои рассказы... – сказала я.

Анна Матвеевна порылась в папке и молча протянула мне рукопись.

– Ты был прав, – с трудом выдавила я из себя, входя в дом и увидев мужа, сидящего перед телевизором. – Им нужны рассказы на актуальные темы. И желательно, чтобы автору было не меньше восьмидесяти лет. Больше ноги моей там не будет.

– Не зарекайся, – муж поднялся и обнял меня за плечи. – Через два дня опять все может измениться.

Я уткнулась носом в его свитер.

Ровно через два дня мне позвонила Анна Матвеевна.

– Оленька, Лупило требует ваши рассказы. В следующий номер.

– Новые?

– Нет, те же самые.

– ???

– Да-да, те же самые. Главный уходит. Вернее, "его уходят". За то, что он "превратил художественный журнал в публицистическое издание", – как сформулировали наверху. Лупило с сегодняшнего дня и.о. главного редактора.

– Анна Матвеевна! Я так не могу!.. – почему-то я почувствовала себя виноватой перед этой женщиной. – Знаете что?.. Скажите ему, что я отдала рассказы в "Панораму". Только, пожалуйста, ничего ему не объясняйте, ладно? Сам должен понимать, не маленький.

– Скажу, – коротко ответила Анна Матвеевна, и я услышала в ее голосе одобрение.

Через пять минут снова зазвонил телефон.

– Ольга Сергеевна! Оленька, голубушка, – можно мне вас так называть? – пророкотал в трубке вальяжный голос.

Я не ответила. В трубке забеспокоились:

– Ольга Сергеевна! Это Лупило! Неужели не узнали?

– Узнала, – без всякого выражения сказала я.

– Ну, разве так можно, голубушка? – укоризненно зажурчал князь. – Сначала отдали рассказы нам, потом в "Панораму". Разве же так делают? Или там гонорары больше?.. Шучу, шучу!..

– Что вы хотите? – прервала я сладкие речи.

– Как – что? – изумился Лупило. – Вы же забрали рассказы, которые должны идти во втором номере! – И тут же по-деловому спросил: – Вы их сами занесете или прислать курьера?

– Но они не на актуальную тему! – уколола я его.

– Так это же хорошо! – не моргнув глазом, откликнулся Лупило.

– И мне не восемьдесят лет! – не унималась я.

– А это просто прекрасно! – воскликнул мой собеседник. – В восемьдесят лет нужно нянчить внуков или даже правнуков, а не носить по журналам рассказы! Так я высылаю курьера?

Я молчала. Я ждала, что он все-таки выдавит из себя слово "извините", но он, видимо, такого слова просто не знал, и, приняв мое молчание если не за согласие, то хотя бы за не-возражение, удовлетворенно проговорил:

– Ну и чудненько! Через полчаса курьер будет у вас. Желаю удачи!

И повесил трубку.

"Плюй в глаза – скажет, что божья роса", – сказала я сама себе, но все-таки полезла в ящик за многострадальными рассказами.

Прошел месяц или даже больше, Лупило не подавал никаких признаков жизни. По моим расчетам, второй номер давно должны были сдать в производство, и я не понимала, почему мне не сообщили, какие рассказы пошли.

Короче – я отправилась в журнал.

Первый, кого я увидела, был Лупило. Все-таки, как ни крути, он был хорош, особенно в этой, спортивного покроя куртке горчичного цвета. Действительно, князь – образ был найден точно!

Он шел, чуть ли не бежал по коридору мне навстречу, и я уже приготовилась поздороваться с ним, но... скользнув по мне рассеянным взглядом, он пронесся мимо, не сказав ни слова.

"Ни мне «здрасьте», ни тебе «спасибо», – вспомнила я некстати анекдот и подумала, что Лупило все время заставляет меня обращаться к фольклору.

– Анна Матвеевна, – заглянула я в комнату секретаря, – второй сдали? Вы не в курсе, какие мои рассказы идут?

– К сожалению, никакие, Оленька, – вздохнула Анна Матвеевна.
– Из прозы там только Терёхин и Буланов.

– Как – никакие? – удивилась я. – Но Лупило сам мне звонил, просил...

– Ему сейчас не до вас! – покачала головой Анна Матвеевна и, встретив мой непонимающий взгляд, удивилась в свою очередь: – Вы что, ничего не знаете? Лупило уходит в "Панораму".

– В "Панораму"? – я была ошарашена.

– Главным редактором, – кивнула Анна Матвеевна.

– Но "Панорама"? По сравнению с "Пламенем"?!

– Но главный! По сравнению с заместителем?

Анна Матвеевна была права.

– И что теперь?

– А что – теперь? Все то же самое. Живите, пишите, радуйтесь жизни. А дальше будет видно. Надо переждать.

– Я... заберу рассказы? – нерешительно спросила я.

– Не стоит, Оленька, пусть лежат, – посоветовала Анна Матвеевна. – Зачем каждый раз курьера гонять?

Через месяц я не выдержала и заглянула в журнал. Дверь в кабинет Лупило была открыта настежь, кабинет был пуст. В редакции стояла неестественная тишина. Никто не слонялся по коридорам, не слышно было завывающих голосов молодых авторов даже в отделе поэзии. Только неизменная Анна Матвеевна, как солдат на посту, сидела за своим столом.

– Что, новое начальство еще не появилось? – поздоровавшись, поинтересовалась я.

– Почему – новое? – удивилась Анна Матвеевна. – Начальство у нас то же самое, только оно сейчас в отпуске.

– Лупило?!

– Лупило.

– Не ушел?

– Не ушел. Решил, что "Панорама" не та фирма. Мелковата для него.

– Тогда... – я растерялась, – тогда я все-таки заберу рассказы, ладно?

Анна Матвеевна, как и в прошлый раз, молча достала рукопись.

– Забудь, что есть такой журнал, – посоветовал муж. – Ей-богу, "Панорама" даже лучше. Хотя бы тем, что в ней не водятся "лупилы".

Я промолчала. Мне вообще больше не хотелось ходить по журналам.

Однако, спустя примерно неделю, проснувшись утром, я обнаружила, что за окном – весна. Охрипшими и безумными голосами птицы возвещали миру о том, что жизнь волшебна, полна счастья, и что все мечты в конце концов все равно сбудутся. И сразу же захотелось всего – любви, цветов, дальних поездок, публикаций. Я пошла в парикмахерскую, коротко подстриглась, купила в магазине рядом с домом юбку "мини" кремового цвета и сиреневые тени для век. Потом взяла

злополучную рукопись и отправилась по совершенно новому маршруту – в редакцию журнала "Панорама".

В отделе прозы дверь была заперта, и я заглянула в соседнюю, за которой были слышны голоса.

За столом, вальяжно развалившись в кресле, сидел и говорил по телефону... Лупило. Увидев меня, он сделал приветливый жест рукой, приглашая войти и сесть, но я, остолбенев, осталась стоять в дверях. Он быстро свернул разговор и поднялся мне навстречу.

– Ольга Сергеевна! Рад вас видеть! – он протянул мне руку, и я, презирая себя, ее пожала. – Вы не поверите, я собирался вам позвонить, но у секретаря не оказалось вашего телефона, а звонить, спрашивать в "Пламени", не хотелось. Ну, вы меня понимаете?.. – он интимно мне улыбнулся.

Я молчала. Язык у меня прилип к нёбу и никак не отлипал. Впрочем, главному редактору речи мои были и ни к чему.

– Я собираюсь сколотить в этом журнале крепкий авторский коллектив, посильнее, чем в "Пламени", – он с любовью смотрел на меня, и его грузинские, полыхающие адским огнем глаза пытались прожечь дырку в моем сердце. – Если бы вы знали, Оленька... можно мне вас так называть?.. как трудно там было печатать стоящие вещи! Впрочем, кому я рассказываю? Вы это испытали, можно сказать, на собственной шкуре! Но здесь все будет по-другому, – он приосанился. – Несите ваши рассказы. А может быть, у вас есть что-нибудь поострее? Да-да, еще острее и окровеннее? Мы хотим переориентировать журнал на молодежь. Хватит этих ханжески–целомудренных рассказов, читатель сыт ими по горло!

Хоть мне и стыдно в этом признаться, но первым моим внутренним движением было сказать о "Знакомой незнакомке". Однако я представила себе насмешливую мину, которую скорчит муж, услышав о новой метаморфозе князя, и лишь неопределенно пожала плечами.

– Вот и славно! – обрадовался Лупило, вслед за мной поднимаясь из-за стола. Он снова первый протянул мне руку, и я – о позор! – снова ее пожала. – Итак, жду, Ольга Сергеевна, ваших рассказов. Они будут украшением нашего ближайшего номера!

И улыбнулся одной из своих самых обольстительных улыбок.

Через несколько лет мы уехали в Израиль. Не буду рассказывать обо всех перипетиях и трудностях первого года жизни в чужой стране, в новой, совершенно непривычной системе координат. Но когда, наконец, словно после долгого полета с горы, я встала на ноги, встряхнулась и, собрав свои наиболее подходящие для нового ландшафта рассказы, робко вошла в редакцию русскоязычного журнала, навстречу мне поднялся... Лупило.

– Ольга Сергеевна! Оленька... вы разрешите мне вас так называть?.. – голос князя дрогнул от волнения. – Счастлив видеть вас в здравии и благополучии! А я как раз сколачиваю коллектив талантливых

молодых авторов. Здешний читатель по горло сыт бездарными рассказами о любви, нужна настоящая литература!..

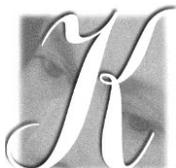
И я, впервые за целый год эмигрантской жизни, почувствовала себя дома.

Бахыт Кенжеев

Когда б умел я...

Стихи разных лет

Когда бы, предположим, я умел
варить стекло, то обожженный мел
с древесным пеплом и дробленным кварцем
в котел черночугунный поместил,
и пережил любовь, и стал бы старцем,
и многое бы господу простил.

Когда б умел я, скажем, растирать
яд скорпиона с корнем мандрагоры,
с драконьей чешуей, добавив пять
частей крысиной печени, и сорок
частей полыни – молча без тебя
я жил бы, о грядущем не скорбя.

Сколь многие, как знает госкомстат,
потомство незлопамятно растят,
владея смыслом сна, но ни ремесел,
ни колдовства не ведая. Оно
и славно. Пляска осеней и вёсен –
цветное, безвоздушное вино –

то буйствует, то близится к развязке,
покуда ночь рассказывает сказки
двум кукушатам в заячьей норе
об Африке, где всякий ястреб – чудо,
о том, что время – гусеница Будды,
и тьме, своей покойнице-сестре.

Любо мальчику-поэту с плоскою муки
не по ту бродить – по эту сторону реки,
исходить начальной речью, на рассвете дня
петь тенистое заречье, голову склоня.

Он поник душой, проникся рябью черствых нот,
он ладошкою из стикса влаги зачерпнет,

тесто липкое замесит, сладко засопит –
ничего любовь не весит, никогда не спит,

знай исходит легким паром, как учил харон.
Как кружатся дрожжи даром в воздухе сыром!
Всходит время, пузырится, голову кружа –
что ж ты, жизнь меня, девица, режешь без ножа?

Что ты злишься, что ты плачешь в топких берегах,
от кого улыбку прячешь, речь в шелках, в долгах –
а огонь родной вздыхает, и дитя во сне грустит,
птичьим взмахом полыхает, хлебной корочкой хрустит

Обнаженное время сквозь пальцы текло,
и в квартире прокуренной было тепло,
обязательной смерти назло.
Распевала предательница-звезда,
и журчала ей в такт простушка- вода,
утверждая: так будет всегда.

Говорливый товарищ, апрель городской –
уходили снега, наливаясь тоской
и восторгом, полынь пробивалась
сквозь беззвучные трещины в мостовых,
не библейская, нет, потому что в живых
оставалась прощальная жалость.

Перелетные сны, и любовную явь
я умел, как ученый, исследовать вплавь,
по-собачьи, державинский мел
зажимая в зубах и довольно кряхтя,
с петушком леденцовым простое дитя,
а еще – ничего не умел.

Надо пробовать жить. коли выхода йок.
Снится мне вечный свет, православный паёк,
и другие бездомные вещи.
Матерей, дурачок, - говорят, - трепещи,
по карманам веселия не ищи –
пусть полынью под ветром трепещет.

Нет, любовь, не состарился – просто устал.
Устает и младенец кричать, и металл
изгибаться. Как ласковый йод,
время льется на ссадины, только беда –
после тысячелетий глухого труда
и оно, как и мы, устает.

Вот сочинитель желтеющих книг лбом толоконным к окошку
припоминает, уставясь в окно, то, что им в юности сочинено.
приник –

Сколько он перья чужие чинил, сколько истратил дубовых чернил!
Счастье мужское – бутылка да стакан. Жалкие слезы текут по щекам.

А за окном, запотевшим стеклом, ветер и свежесть - конкретный облом.

Мутная осень, бездомная брага, царская химия бога живаго,

что растворяет любые слова, стёртые, будто старушка-Москва с карты отечества. Сколько труда! Слезы – учили нас – соль и вода.

Это не самый мудреный коан: капля воды – мировой океан, где инфузория гимны поет, в воздух загробный ресничками бьет.

Стаканы падают наземь, а души падают оземь,
и тают снежные хлопья, не достигая земли.
Ты жив ли еще? Похоже. Ты счастлив? Бывало и хуже.
Ночь пахнет настойкой опия. Оттепель. Гости ушли,

отдавши должное ужину, не засиживаясь, как положено,
и таксомоторы ловят, щурясь на мокрый снег,
и жалуются: мало либидо. Поделом: слишком много выпито,
держалась на честном слове жизнь, но почти уже нет

слов, тем более честных. Гаснут в домах окрестных
огни. Телеэкраны стынют в опустевших гостиных. Веб-
адреса ненадежны, там одноклассники обрывают друг другу
хлястики,
две минуты – и передвинут мебель в доме твоём, и хлеб

испекут поминальный. Чудны дела твои, Господи. Мало видела,
детская душа моя, пела мало – знай слушала плеск весла,
мечтала стать небесною рыбою или медведицей. Я попробую –
где наша не пропадала, не каялась, не звала...

мороз, твержу, и порох, мраз и прах –
очнулся, тень, уже в других мирах,

и глаза тень напряг, и ясно вспомнил я –
державин был мне бог, а вагинов – судья

и был невесел я, и телом нездоров,
но в виде книжечки сладчайший лотарев

лежал на тумбочке, смешон и фатоват
и желтоглаз, и жалкой славе рад,

и на пиру теней, сжимая свой стакан,
я в океан гляжу, как диоклетиан

на грядки пышные, и овощ головной
на языке живых беседует со мной

Я между телом и душой
не вижу разницы большой –
умрет одно, уйдет другая,
а кто же будет спать? Кто – петь?
Вороньим перышком скрипеть,
смотреть на месяц, не мигая?

Не мешкай, тьма, и не томи,
шепчу. Без магнияними
на память выцветшую землю,
где ёлки-палки, лес густой,
гуляет Ваня холостой
с евангелием под мышкой – тем ли,

где богоравный иудей
глаголом жег сердца людей,
или апокрифом вчерашним,
в котором воскресенье – храм,
а небо – крест, и по утрам
ползут по обнаженным пашням

акриды, с певчей простотой
стрекочущие? Эй, постой,
безумный Иоганн, куда ты,
и с кем ты затеваешь спор,
когда в одной руке топор,
в другой - смычок продолговатый?

Пролетала над садом, узбекская ласточка,
Выскользала из пальцев, вишневая косточка,
Хрустнула, словно майский жук под ногой
у подвыпившего. И не будет другой.
Или будет, но по-иному, к другому ластиться,
провозвестница, золушка в джутовом платье,

цыпки на голених, веснушки на круглых щеках,
косички резинками черными схвачены, ах,

ревность моя, зависть, ведь клялся, что верую
в то да сё, что успокоюсь, что сам стану серою
мышкою нелетучей, но не нашлось химического огня,
который успел бы под старость согреть меня.

Да, товарищ, плывут по Гангу плоты горящие,
За кремлевскими звездами рушатся настоящие,
Пусть и мне остается последнее, что под солнцем есть –
петь, смеяться, всхлипывать. Небольшая честь,

но единственная. Агнец в огне, Илия,
тёзка мой, расскажи, сумею ли жить в могиле я?
Столько десятилетий любви, тления, и труда
пропадут ли? Должно быть, нет, а скорее да.

...легко и мне стареть в возлюбленной стране,
где юный аргонавт выходит на дорогу.
"Не бреди меня", бормочет спящий. "Не
буди меня", мертвец лепечет Богу,

"и за спиной моею не итожь
грехов моих". Лечебные агаты
и янтари твердят: "ты тоже приплывешь
на берег счастья, кочевник небогатый".

Как обветшала ты, провинция моя!
Круты твои мосты, кирпич неплодороден.
"Я тоже человек, - мычит живущий, - я
не виноват, не свят, и Богу не угоден".

Стансы

Постарел, обнищал? Скулишь, смолишь натошак?
Разве смысл у жизни один? Как минимум шесть.
Пожилые люди всегда говорят о простых вещах.
По одежке встречают, хранят смолоду честь.

Не умеешь растить полынь - не беда, мой свет.
Закупи на станции у ровесницы невеликий букет
васильков, только не сетуй на власть немногих
пресмыкающихся, чешуйчатых, многоногих.

Воображаемый самодержец, подобный мне!
Разве ты не родился в бездрожжевой, но ржаной стране?

Не рыдал ли ты молодым, от блаженства едва дыша,
Над учебником ранней смерти для ВПШ?

Мысли мои вращаются вокруг смены времен года.
Лето сухое выдалось, а теперь – ну что за погода!
Под меховым зонтом семена на службу, сосед-скорняк
Знай бормочет, что суть в корнях, а василек – сорняк.

У кого там капал в стихах прохудившийся водопроводный кран?
Тот был – сверчок советский, а я – то ли цикада, то ли варан,
поднимающий рыльце к звездам – сколько им лет гореть,
ни состариться, ни влюбиться, ни умереть...

Никольский

Прения души и тела и их примирение

Спор

овстречались как-то душа и тело,
тело вмиг устало,
и душа совсем не того хотела,
не о том читала.
Их стянули вместе не клей, не власти
и не сила пара.
Они разной крови и разной масти,
и совсем не пара.
Не носить душе разноцветных маек,
не слабость глазами,
а судьбу Каштанок, Муму и Лаек
обливать слезами.
Телу нужно, чтоб завтрак был утром подан,
тело может быть глухо, слепо.
Это тело бывает покрыто потом,
если колет слева.
Тело носит джинсы, что есть в продаже,
может спиться.
А душе не холодно, если даже
минус тридцать.
Части тела – это запястье, локоть,
зубы, кожа.
Тело может просто себя потрогать,
а душа не может...
Не согласны больше душа и тело
и живут в раздоре.
Все, что есть на свете, любая тема –
только повод к ссоре.
И хотя им вместе всю жизнь вариться –
не получается договориться.

Примирение

Несмотря на то, несмотря на это,

они крепко сшиты.
И покуда сшиты — они со света
никуда не сжиты.
И пускай различья в душе и теле,
но годами кряду
засыпают рядом в одной постели,
чтоб проснуться рядом.
Бог обоих мерит по тем же меркам,
поднимает планку...
Вместе служат железнодорожным клерком,
вместе тянут ляжку
и влюбляются вместе в одну девицу,
что живет в Париже.
По дороге в школу, в кино, в больницу
я их часто вижу.

Путешествие под заглавием Эрос

Первопроходец и открыватель
по наезженной трассе с названием “Эрос”
на пружинном матрасе, двуспальной кровати,
словно рыба идет на нерест,
отправляюсь и расправляю парус
на баркасе или плоту.
Через пару дней тут я с любимой спарюсь,
в объятьях ее согреюсь,
Боже, что я плету...
В окне напротив в шесть тридцать за занавеской
ее силуэт нерезкий
снимает через голову водолазку
и от тени другой, мужской, принимает ласку.
В высотном доме стою с ней в лифте
замурованный, словно в крипте
или на дне колодца,
на панели на непонятном шрифте
написано, что делать в случае остановки:
взять ее за руки, и не нажимая кнопки,
смотреть в глаза, повторяя, что обойдется.
Каждый вечер она принимает ванну
за семью запорами в комнате без единой шелки,
и, скинув белье из шелка, мочит челку,
и можно лишь представлять, как пена, брызнув на щеку,
делает из нее ясновельможную панну,
мадмуазель, сеньору – из этой девушки из поселка.
Бег трусцой, мышцы, дрожащие под одеждой,
полузастегнутою, застиранною, небрежной.
Ткань шерстяная кажется ненадежной,
может порваться, раскрыться, покров обнажая кожный,

и тело твое в глубине городского сада
коснется ветра, солнца, моего голодного взгляда.
Позвони на автоответчик, оставь свой голос,
свой шепот, свое дыханье, пять минут монолога.
Пять минут немного – при чем тут хронос?
Это ты! За запись не уплатить налога, не рассчитаться
стихами лучшими, чем у Блока.
Нету таких словечек, фраз, предложений – лучше и не
пытаться,

Все выйдет плохо.
Я хочу, чтоб ты говорила долго,
а я, не слушая, соглашался: “Ага, ага...”
И у времени, моего единственного врага,
не было шанса. Пустышка и балаболка –
продолжай! До тебя не больше чем два шага,
я бы к тебе приблизился и прижался,
на груди лишь тоненькая футболка
и соски выступают, как крошечные рога.
Угости меня фруктовыми леденцами,
Выдерни несколько фотографий из толстой пачки,
покрасней, засмушайся и кинь их в печку,
перестань разговаривать с подлецами,
я совсем ошалел от качки,
от запаха девы во время течки.
Я хочу крем от загара в спину твою втереть,
а после можно и умереть.

.....
Человек, персоне, глазами вперяясь
в мир, видит один лишь Эрос.
Эрос для пресного быта, как соль и перец,
думать иначе – почти что ересь.

Здесь почти никого заточкой не протыкают
и жизнь человека через куртку не протекает,
а, выпавшись после вчерашней дури,
вчерашней бури,
выживший стучит по клавиатуре
и, выходные свои оплавав,
подготавливает презентации (или как их?).
И я свое тело к этой пристани пришвартую,
к пристани спокойной и не искрящей,
ежедневной, субботней, потом воскресной.
Где держать сигару? В руке? Во рту ли?
Объясните, я не курящий...
Не курящий и сам не местный.

Девы, которые искалечены парнями широкоплечими,
девы, чьи талии безупречные не выделить из овечьего
стада других красавиц,
в субботу – от вечера и до вечера
смотрят в мобильник, глядят, что им там отвечено.
Жены, которые между кухнями и столовыми
мужьями тщательно исцелованы,
или которые вовсе не избалованы,
в субботу – от первой неугасимой и до последней
звезды – вытирают пыль в гостиной, в большой передней.
Женщины фермеров, наркоманов и корабелов,
разбуженные едва уловимым криком
оробелых детей копошащихся в колыбелях,
пускаются в одиссею, бегут к аптеке,
мечутся в интернете и клик за кликом
ища утешенье и панацею, покой утрачивают навеки.
Высохшие на Западе, увядшие на Востоке,
которым посвящены восторги и эти строки,
потерявшие аромат и краски...
Хрупкая сердцевина, настой не стойкий.
В мире опасном, словно на стройке без белой каски.

Саркофаг с изображением Ореста, убивающего Эгиста и Клитемнестру

Что меня удивило и вас удивит.
Барельеф. Возле дев различим индивид.
Жизнь его раздавила – родился, влюбился в семитку,
разобрался в итоге, что мир ядовит.
А потом закровило, богиня взяла мотовило,
перерезала нитку.
Куда ни посмотришь окрест –
этот мир состоит из частей МВД и ОВИРа,
из присутственных мест,
новостей, выходных, дня танкиста...
И не надо гадать на воде, что готовят арест
за убийство Эгиста.
Вас еще удивит, удивит, удивит, удивит
девы вид со звездой Давида.
Как сказать в женском роде по-русски словцо «индивид»?
Индивида?
Путь в элизиум долог, запутан и непроходим,
много впадин и горок.
Незамужняя в сорок, бездетная в сорок один –
так напишет историк.
Расчищать на рельефе два темных пятна,
приговаривать «эка!» и «ну-ка!»

Это паросский камень, однако видна
на лице ее мука.
Поступить на истфак и, последние деньги проев,
описать саркофаг, описать барельеф,
где мужчина зарезан.
Нету денег, а деньги нужны позарез,
потому что сей мир и жесток, и телесен.
Здоровяк в середине – Орест,
он нам неинтересен.

Слишком большой дом

Допустим, родите еще одного (допустим),
зададите работы аистам и капусте –
все равно избыток спален, веранд, гостиных,
пусто даже на свадьбе, тем более на крестинах.
И если пригласите гостей (допустим)
останется ощущение, что это пустынь.
Потому что пустуют две трети спален,
в половине прихожих багаж не свален.
Слишком многоэтажен широк и долог.
Так построен и чересчур просторен.
В апельсине этом без счета долек,
в колосе, не сосчитаешь зерен.
Допустим, садовник, горничные (допустим)...
Река, целую море широким устьем,
все равно не может его наполнить.
Пусто между диванов и ламп напольных,
эхо, когда идешь по нему в ботинках,
и дело вряд ли исправится на поминках.

Певица

Надо было собраться в дорогу, набить чемоданы,
надо было забраться в автобус, уехать в столицу,
где сестрицы и братцы не видят друг друга годами,
где спокойное слово – не слово, где дамы – не дамы,
где ей хочется снова и снова...
И желание не утолится,
а утроится, учетверится, когда со скотами
надо будет смеяться, любезничать и веселиться.
И потом, в результате метаний...
с испанским акцентом...
ее голос медовый начнет в станционном буфете
на коротких волнах... Сладкий голос певички начнет на
бар-мишце,
и на диске компактном – везде – и в районной больнице
безнадежным, недужным, надежным, больным, пациентам.

И рассыплет слова, как конфеты, про то, что на свете
есть далекие страны и банки с надежным процентом,
одинокая леди, мужчина, пропахший брезентом,
есть лазурная Ницца, на пальцах агаты, вино на лафете...
И еще о закате, а после еще о рассвете...

Ты помнишь Бориса из пятого класса,
из темного прошлого помнишь Антона,
Ларису, конструкторы из плексигласа,
два тома растрепанных «Тихого Дона»?
Остались огрызки, пустые жестянки,
ни узкого лаза, ни черного хода,
ни заднего хода, плохая погода,
учила английский, работает в банке,
учили немецкий, потеют на складе,
горбятятся в замоскворецкой конторе,
сидят на окладе, живут по-советски,
копаются днями в открытом моторе.
Ты помнишь, два шекта надулись бурдюю?
Ты помнишь, из зала какое-то знамя...
Лапшу из пакета кипящей водою...
Нажали на кнопку, и жизнь приключилась
с избыточным весом, с тяжелыми снами.
Случилась
не с нами, не с нами, не с нами...
Не с нами
случилась, случилась, случилась...

Гуляла прекрасная пара, а после пропала,
она потерялась в тумане кухонного пара.
Того ли хотело прекрасное тело, того ли алкало –
бессонного года, икоты и запаха детского кала.
В тумане кухонного чада чертило лекало,
обычную линию: милое, славное чадо,
куриные блюда и праздники детского сада,
и было, как надо, совсем, как у прочего люда.
Болело, давило и жало, на грудь налегало,
как в западных странах полиция на нелегала,
по радио НАТО куда-то послало армаду,
садилась одежда, на кухне всходила опара,
а чадо взрослело и в баре искало менаду,
и, за руки взявшись с менадой, они выходили из бара,
звучала гитара, желала любви и ладу!
Какая прекрасная пара, прекрасная пара!

Город, возлюбленный город у края карты,

обрубленной по границе. Динамик врублен.
Люблин, облупленный город, столы и парты,
студенты третьего мира, их взгляд насуплен.
Там нежней кашемира у польки тело.
на ее футболке рисунок-смайлик,
у нее есть парень – Тадеуш, Марек...
Натоплено, чай заварен, она вспотела.
Войцех и Марсин, Марек, Тадеуш, Лешек.
Люблин прекрасен, жаль наш роман загублен
В этой игре не хватает орлов и решек.
В этой дыре меж неровностей и зазубрин.
Не случилось влюбляться в красоток классных
в комнатах институтских и залах классных.
Там на грязных бульварах сегодня праздник.
Не вышло их полюбить до потери пульса.
Не получилось с тысячей самых разных,
с которыми я в Люблине разминулся.

Путешествие в Швецию

1.

Вот Рождество, Новый год и подарки, и Святки.
Шведки одеты в меха от макушки до пятки.
В шведских лесах замерзают на ветках кукушки,
в будке – дворняга, в церквях лютеранских – старушки.
Детям под аркой громадного универмага
сто продавцов раздают шоколадки, хлопучки.
В залах лежат безделушки, салфетки и книги –
Линдгрэн и Стриндберга, «Каменный плот» Сарамого.
В зале, где ноты, развешаны Бахи и Эдварды Григи,
двое кассиров и каждый похож на варяга.
В шведском Стокгольме, кирпичном и огнеупорном,
в прямоугольном кино, где торгуют попкорном,
двое глядели какую-то модную ленту,
всё в объявлениях искали жильё понормальней,
чтоб не платить каждый месяц безумную ренту.
Кто-то родился в Стокгольме, а кто понаехал из Мальме,
кто-то редиса наелся, а кто-то подумал: «На кой мне?»;
кто-то хотел поспокойней и двинулся к шведским закускам.
Кто-то другой и родился, и умер в деревне под Курском.

2.

Кончится все одинаково, и в результате
все поскучнеют, точнее – начнут говорить о простате.
Мы потучнеем, некстати, потом поседеем.
Не разберешь – кто был меньше, а кто был злодеем,
кто прожил больше, кто меньше, кто в Осло, кто вовсе на
Ближнем Востоке.

Впрочем, зачем увлекаться процессом, поскольку в итоге...

Тот был с протезом...

А этот был весел и розов.

Жил-поживал, не отведав огрызков, отбросов,

не задавая вопросов и не получая ответов,

и, словно шведов, его миновали бомбежки, пожар и атаки
подлодок.

На сеновале, на даче лежал и чесал подбородок.

Он избегал подработок, покуда другие пахали,

смешивал что-то в бокале, покуда вокруг горевали.

Жил на привале, когда остальные в походе.

Семьи ютились в подвале, а он отдыхал на природе.

В Швеции он отдыхал, там столица, леса и озера!

Жил-поживал, и никто не одернул счастливица, нахала, позера.

Лариса Миллер

«СТИХИ ГУСЬКОМ»

Книга XV: июнь-июль 2013 г.

Май 2013:

я ничем не обременена.

Не знаю дат, не помню имена,
Ничьих стихов не помню наизусть,
И даже своих собственных. И пусть.
Зато я начинаю день с нуля,
Кочую без ветрил и без руля
В краях, в которых не бывал никто,
А коль бывал, не ведаю про то.

А Юрка выйдет? Выйдет Галка?
Не выйдет? Господи, как жалко!
Никто уже во двор не выйдет,
И в «штандер» поиграть не выйдет.
А я всё жду и всё канючу,
Стучу в окно на всякий случай,
И Галка, что сидит, скучает,
«Щас, одююсь», - мне отвечает.

Июнь 2013:

Но ты живёшь в такой стране,
Что, будь ты хоть в стальной броне,
Она спасёт тебя едва ли.
Здесь жить веками не давали,
Ищи покой на стороне.
Но фокус в том, что и покой
На стороне – он не такой,
Как ждёшь. А здесь, по крайней мере,
Понятно всё, что в атмосфере,
Знакомо всё, что под рукой.

По временам кончай с собой,
Кончай с собой вчерашним, прежним.
Живя в пространстве столь безбрежном,
Как ограничиться судьбой
Всего одной, где весь рассказ
Банальным кончится исходом?
А не пройтись ли нам по водам
Как посуху хотя бы раз?

Июль 2013:

Меня же кто-то пригласил
На белый свет. С какой же целью?
Чтоб я писала акварелью?
Плясала, не жалея сил?
Жевала яблоко ранет?
Снимала с летних суток сливки?
Чтоб выясняла цель побывки,
Сходя тихонечко на нет?

**Три «пары» (новое и старое стихотворения) из
книги «Праздники по будням»:**

* * *

Нет, мы не плачем, мы не плачем.
И, будь мы хвостиком собачьим
Любой длины и толщины
С рождения оснащены,
Мы им бы весело виляли,
Безумно радуясь, что взяли
Нас погулять на белый свет,
Где можно взять волшебный след.
2012

* * *

Идти на убыль не пора:
В смоле сосновая кора,
Сегодня солнечно и сухо,
И песнь, приятная для слуха,
Звучнее нынче, чем вчера;
И птица кончиком крыла
Черкнула на озёрной глади,
Что мы живём лишь Бога ради,
И взмыла в небо, как стрела.
1987

* * *

Чтоб здесь подольше задержаться,
Нужны какие-то зацепки.
Как солнышко начнёт снижаться,
Шалашиком поставим щепки,
И, коль погода не сырая,
Соорудим костёр вечерний –
Предполагаемого рая
Небесного Эдем дочерний.
Пусть между нами целый вечер
Танцует искорка живая,
С теплом и светом наши встречи
Хоть ненадолго продлевая.

2012

* * *

Нельзя так серьёзно к себе относиться,
Себя изводить и с собою носиться,
С собою вести нескончаемый бой,
И в оба глядеть за постылым собой,
Почти задохнувшись, как Рим при Нероне.

Забуть бы себя, как багаж на перроне.
Забуть, потерять на огромной земле
В сплошном многолюдье, в тумане, во мгле.
Легко, незначай обронить, как монету:
Вот был и не стало. Маячил и нету.

1990

* * *

Мне время внушает: «Учись у меня.
С задачей своей я прекрасно справляюсь,
Я с кем захочу без труда расправляюсь,
Одной лишь неверности верность храня».

Мне время внушает: «Забудь о корнях,
И связях, и узах – взглянула и мимо.
Что-что – ты сказала, - тобою любимо?
Отлично, я с этим покончу на днях».

2011

* * *

Как под яблоней неспелый,
Несъедобный плод лежит...
Видит Бог, хочу быть смелой,
А душа моя дрожит.

И чего она боится
Под неспелых яблок стук?

Страшно ей, что жизнь продлится,
Страшно, что прервётся вдруг.
2002

Проза: А наутро...

«Через не могу, - говорила бабушка, - надо уметь действовать через не могу». Такова была жизненная установка, которой руководствовалась бабушка в воспитании детей. Когда мама, будучи ребёнком, отказывалась есть гороховый суп, жалуясь на сильные боли в животе, бабушка принялась кормить её одним гороховым супом. «Через не могу», - твердила она плачущей маме, которую вскоре с сильнейшим приступом аппендицита увезли в больницу. Аппендицит оказался гнойным. Маму чудом спасли, а бабушке объяснили, что при аппендиците горох противопоказан.

Но бабушкин метод воспитания не изменился. Не растить же в самом деле белоручек и неженков. «Не можешь – научим, не хочешь – заставим». Бабушка была страстным адептом этого армейского девиза. Если бы не моя легкомысленная мама, я, наверное, все десять лет оставалась бы круглой отличницей. А так мне это удалось лишь в пятом классе в 51-м году, когда мама, выйдя замуж, уехала на год к отчиму в Лефортово, оставив меня на попечение бабушки. Вот когда бабушка наконец-то взялась за меня. Вот когда она смогла без помех проверить свою методу в действии. Несколько раз в неделю она поднимала меня в шесть утра и заставляла повторять устные уроки. Ей удалось добиться невозможного - того, что я, вечно плавающая в географии и биологии, могла безошибочно назвать и показать на карте все полезные ископаемые, металлургические центры, любую равнину и возвышенность, рассказать что чем омывается, и как в природе происходит опыление и зачатые. Бабушка приучила меня слушать «Пионерскую зорьку», складывать портфель с вечера, гулять только тогда, когда сделаны уроки. «Кончил дело, гуляй смело», - повторяла она. «Делу время, потехе час». И никакой беготни с мамой по театрам и киношкам, никаких поздних гостей и прочей вредной для ребёнка ерунды. Жизнь потеряла прежние краски, но приобрела новые. У меня появился азарт. Я вдруг поняла, что могу быть не хуже других. И даже лучше. Из унылых троешниц я выбилась в хорошистки, а потом – о чудо! - в отличницы. Как описать, что я чувствовала, когда всю дорогу из школы домой несла на вытянутых руках первую и последнюю в своей жизни похвальную грамоту!

«Не знаю как решать. Не понимаю», - говорила я, томясь над очередной задачей. «Быть того не может!», - восклицала бабушка и, усевшись рядом со мной, принималась звонким голосом читать условие задачи. Это была самая драматичная часть моей тогдашней жизни, потому что, обладая кипучей энергией, бабушка не обладала и малой толикой терпенья. Когда моя тупость достигала апогея, а бабушкин голос - самых высоких нот, добрый мой дед с криком «утоплюсь!» выбегал из комнаты.

Я тихо плакала, тупо глядя в учебник, и в слезах ложилась спать. А наутро... Нет. Об этом надо с красной строки.

Наутро я обнаруживала на столе возле дивана, на котором спала, раскрытую на первой странице чистую тетрадь с подробнейшим изложением решения задачи, в которую мне со страху не удалось вникнуть накануне. Вначале шло условие, красивым и чётким почерком переписанное бабушкой из учебника, а потом поэтапно три разных варианта решения. Бабушки уже не было дома. А рядом с тетрадкой стояла закутанная в платок каша. Всё это напоминало сказку не то про царевну лягушку, которая за ночь успевала наткать ковры, не то про каких-то добрых гномов, тайком помогавших сапожнику тачать сапоги.

Этот отнюдь непедагогичный бабушкин поступок, состоявший в том, что она решала за меня задачу, которую мне оставалось лишь переписать в свою тетрадь, был высшим достижением педагогики. Решённая задачка являлась чудесным знаком, доказательством того, что в жизни нет безвыходных ситуаций и всё разрешимо, как в сказке: ложись, мол, спать. Утро вечера мудренее.

«Утро вечера мудренее», - говорила бабушка, когда усталая возвращалась с работы. «Завалюсь-ка я на часок». Иногда она так и спала до утра, не раздеваясь, а когда я открывала глаза, её уже не было. Зато на спинке стула висел мой отглаженный белый фартук и к форме был пришит чистый кружевной воротничок. Значит, бабушка помнила про мой школьный сбор и всё успела приготовить.

Нет, это не породило во мне никаких, как тогда выражались, иждивенческих настроений. Зато поселило веру в то, что всё в конечном счёте будет хорошо. И сколько бы жизнь ни старалась это опровергнуть, детская вера оказывалась сильней.

Хоть и давно это было, я до сих пор слышу энергичное бабушкино: «Быть того не может!» И когда говорю себе: «Всё. Устала. Не могу больше» в ответ слышу десятки лет назад отзвучавшее: «А ты через не могу».

Если мне когда-нибудь и приходит в голову светлая мысль, то случается это в самый ранний час утра на границе между сном и бодрствованием. Потому что утро – это чистая тетрадь с решённой задачей, над которой я накануне лила горькие слёзы.

20 июля 2013 г.

И даже в солнечное лето
Мне нужен свой источник света
- Такой, что нужен только мне,
Свой личный нужен свет в окне.
При нём – темнеет ли, светает –
Мне света всё равно хватает.

2013

Но музыка мне обещала, что я не умру.
Она мне всерьёз бесконечную жизнь обещала,
И даже в какие-то тайны свои посвящала.
Неужто она лишь играла со мною в игру?
А, впрочем, кому же, кому же играть, как не ей?
Играй, моя музыка, хоть до скончания дней.

2013

А есть ещё газонов стрижка,
Какой-то воднолыжный слалом,
Комлот, любовная интрижка.
Короче, здесь всего навалом.
Здесь просто клуб по интересам.
А я б и в тот и в тот вступила,
Когда б на музу в каплю весом
Всё не ушло, что я скопила.

2013

Куда бы направиться на ПМЖ,
Но так, чтобы там прописали навеки?
Нужны мне отнюдь не молочные реки,
А срок бесконечный. Ведь гонят уже.
И чудится мне, что в какой-то момент,
За миг до того, как затянет в воронку,
Мне кто-нибудь радостно крикнет вдогонку:
«Постой. Начинается эксперимент.
Уже заселяется парочка мест,
Где можешь ты жить, пока не надоест».

2013

О том, о сём:

Выпускной бал

Белое платье мне сшили на мое шестнадцатилетие. Когда через год я надела его на выпускной вечер, талия оказалась не на месте да и юбка коротковата. И все это полностью соответствовало моему внутреннему состоянию. Я страшно не любила школьные вечера и почти никогда на них не ходила. Но как пропустить выпускной? Меня бы не поняли ни в школе, ни дома. Мама целый день пребывала в элегическом настроении, а вечером собралась пойти со мной на торжественную часть. Но я ее отговорила и отправилась одна.

Возле входа толпились пришлые парни, которых не пускали внутрь дежурные с красной повязкой на рукаве. Стараясь как можно

незаметней проскользнуть мимо подвыпивших парней, я вошла в раздевалку. По кафельному полу скользили белоснежки. У них были такие невообразимые прически, такие возбужденные лица, такой неестественно громкий смех, что я их едва узнавала. Ребята, одетые с иголочки, держались солидно и строго. Я сразу же потерялась, не зная куда приткнуться и к кому прилепиться. Во время торжественной церемонии в актовом зале было так душно, что я с тоской поглядывала на дверь, от которой оказалась безнадежно далеко. Вручали медали и похвальные грамоты. Меня среди награжденных не было и быть не могло. Я была отличницей только один раз - в пятом классе. Все остальные годы прожила хорошисткой, временами съезжающей на тройки.

После речей и наград все высыпали в коридор, где стояли накрытые столы и гремела музыка. Я погрызла яблоко, съела пирожное и запила все это лимонадом. А потом началось самое страшное - танцы. "Может, уйти?", - подумала я. Но что сказать маме, которая обязательно спросит, почему я так рано? Пришлось снова идти в зал, уже проветренный и свободный от стульев. Я прибилась к стайке разгоряченных одноклассниц, но так и не смогла влиться в беседу, если можно назвать беседой реплики, то и дело сопровождаемые взрывами хохота. Те, кто побойчее, уже танцевали. И среди прочих длинный и сутулый Пашка, лихо мотающий по залу очередную пассию. Когда-то он мне очень нравился, и я ему тоже. Но все это, увы, в прошлом. После меня он был влюблен в белокурую Инку с ямочками на румяных щеках, потом в интернатскую Ритку - обладательницу невероятно стройных ножек, а теперь в малорослую тоненькую партнершу по танцам. А вон Мишка, Пашкин друг, который, оттягивая пальцем близорукий глаз, пыгается кого-то высмотреть. Не меня, конечно. С ним мы тоже когда-то дружили. Но теперь у него есть верная подружка, которая вздыхала по нему с того самого дня, как нас объединили с мальчиками, то есть, с восьмого класса. И вздыхала так громко, что он, наконец, услышал и снизошел. Выходит, я везде ни при чем: ни медали, ни похвальной грамоты, ни друга, ни подружки.

И вдруг передо мной явился он - худой, высокий, с пышной копной русых волос - Михась, учитель физики. Обычно он носил военную форму, которую сохранил с войны. Но сейчас на нем был строгий костюм и галстук. Глядя мне в глаза и многозначительно улыбаясь, он взял меня за руку и отвел подальше от галдящих девчонок. Выбрав место потише, он склонился надо мной и заговорил. Я не понимала ни единого слова, думая лишь о том, что все на нас смотрят. Вот математичка, глядя в нашу сторону, что-то шепнула литераторше; вот оглянулся физкультурник; вот, хихикая, пробежали мимо нас девчонки из параллельного класса; вот, криво улыбаясь, профдефилировали парни. Стоя ко всем спиной и дыша мне в лицо винным перегаром, Михась говорил и говорил. Он говорил, что я должна его понять, что он давно ..., что ему очень важно... Потом он закашлялся и вынул из кармана ингалятор, с которым никогда не расставался. Немного отдышавшись, он взял меня за руку и принялся молча водить подушечкой большого пальца по краю моего ногтя. У меня свело зубы и к горлу подступила тошнота. Но что было делать? Он -

учитель, а я - ученица, которая к тому же ничего не смыслит в физике и получила в аттестате четверку лишь благодаря его доброму (как выяснилось, слишком доброму) отношению. "Пойдем ко мне в кабинет. Здесь шумно," - сказал он и, не выпуская моей руки, потащил за собой. Я в панике соображала как быть. Тут мимо нас пронеслась ватага ребят. "Михал Михалыч, мы на Красную площадь. Айда с нами!" И вдруг, неожиданно для себя самой, я сорвалась с места и бросилась за ними. "Ты куда?" - донёсся до меня голос Михася. "На Красную площадь", - крикнула я, сбегая по лестнице. Оказавшись на улице, я наконец остановилась и отдышалась.

Небо казалось низким и густо черным. Собиралась гроза, которая разразилась, едва я переступила порог дома. Мама не спала. Ждала меня. Еще бы. Такой незабываемый день. "Ну, девочка, рассказывай". "Что рассказывать?" "Как - что? Все подряд". "Ну, была торжественная часть, потом танцы". "А почему ты так рано? - мама с тревогой заглядывала мне в глаза. - Разве вы не собирались на Красную площадь?" "Собирались, но ведь гроза". За окном сверкнула молния. Все было, как в кино: летний ливень, выпускной бал, белое платье, любовное признание. Я разделась и легла в постель, но спать не могла. В голову назойливо лез старый стишок, сопровождающий игру, в которую я так часто играла в детстве: "Черный с белым не берите, да и нет не говорите. Вы поедете нас бал?" "Нет, - мысленно выкрикивала я запрещенное слово, - нет, нет и нет. Никогда, ни за что".

13 июля 2013 г.

А пользует меня светило,
Даёт волшебные пилюли.
Ах, если бы мне их хватило
Хотя бы до конца июля!
Росой прозрачной запивая,
Я их глотаю на рассвете,
Когда вода ещё живая,
И держит день свой план в секрете.
2013

И под Дамокловым мечом
Жизнь, как ни странно, бьёт ключом.
Причём она ключом всё время
Бьёт то в висок, то в лоб, то в темя.
А упадёт Дамоклов меч –
И голова, как ноша, с плеч.
2013

Стать бы снова дитём
И болтаться у всех под ногами...
Жизнь моя, ну пойдём

Золотыми от солнца лугами
Без дороги и вех
В те края, где так просто дышалось,
Где любила я всех,
У кого под ногами мешалась,
Для кого я была
Не помехой, а светом в окошке,
Кто, бросая дела,
Мог кормить меня, хворую, с ложки,
Кто условием был
Моего повседневного рая,
Обеспечивал тыл,
Чтоб мы жили в нём, не умирая.
2013

Я, слава Богу, не бездомная –
Жилплощадь есть, хотя и съёмная.
Здесь постоянной не дают.
На этой навозу уют.
Поскольку ставят сроки жёсткие,
Люблю я вещи не громоздкие –
Те, что привычны, как клише,
И умещаются в душе.
2013

О том, о сём:

Всё лето каждый понедельник

Летом 49-го, а может, 50-го я, как обычно, уехала с бабушкиным детсадом за город. С бабушкиным - потому что она работала там завпедом, то есть, заведовала педагогической частью. Будучи младшей школьницей, я на этот раз жила не в группе, а с бабушкой и руководимыми ею воспитателями. Всячески стремясь к тому, чтобы я провела лето с максимальной для себя пользой, бабушка обеспечивала меня пищей телесной и духовной. Что касается пищи телесной, то она покупала у местных молоко, клубнику и яички, которые, проделав в них крошечную дырочку, заставляла меня пить сырыми.

Что до пищи духовной, то воспитательница Лидия Наумовна, яростно борясь со сном, занималась со мной английским, а сама бабушка - арифметикой, что обычно сопровождалось грохотом, выкриками и низким сатанинским смехом. Для полного счастья не хватало только уроков музыки. Но и с музыкой все наладилось. Нет, преподавателя найти не удалось, но инструмент был найден. Позвонив со станции маме на работу, бабушка громко и требовательно сказала: "В воскресенье привези ноты. Но-ты. Я договорилась насчет музыки. Начинаем в понедельник".

В понедельник бабушка отвела меня туда, куда в дальнейшем я ходила сама. Дом стоял на краю поселка и был почти не виден из-за высоких тенистых деревьев. Пройдя по узкой тропинке, мы, спугнув двух кошек, ступили на крыльцо. "Ау-у-у, - крикнула бабушка, - хозяйшка-а-а". Из глубины дома вышла дама. Именно так я назвала ее про себя. Седовласая, спокойная, с тихим голосом и внимательными глазами, она казалась не такой, как все, хотя держалась просто и произносила обычные слова. Спросила как меня зовут, сколько мне лет, давно ли учусь музыке и что играю. Беседуя, она вела нас все дальше и дальше вглубь дома, которому не было конца: веранда, коридор, комната, веранда, лесенка наверх, снова комната, коридор и наконец - зал, а посреди него - огромный черный рояль. "Старый концертный", - сказала дама и назвала фирму, которую я, к сожалению, не запомнила. "Он сильно расстроен, я вас предупреждала, - обратилась она к бабушке, - и настраивать, увы, некому". "Ничего, лучше заниматься на расстроенном, чем не заниматься вовсе", - ответила бабушка и, пообещав прийти за мной через час, в сопровождении дамы вышла из зала.

Я осталась наедине с роялем, тишиной, кошками, прыгающими с одного потертого бархатного кресла в другое, с мерно тикающими старинными часами, с райской птичкой, вышитой на синем шелку покосившейся ширмы (за которую я, конечно же, заглянула, чтоб обнаружить там круглую шляпную коробку, точно такую же, как у нас дома на зеркальном шкафу). Самое неинтересное дело, каким можно было заниматься в этом странном месте, это играть на рояле мои гаммы, этюды и пьесы. Но бабушка, которой не удалось найти мне учителя, надеялась на мою сознательность, и я не могла ее подвести. Тем более, что мимо окон уже дважды прошла дама, наверняка недоумевающая, почему из зала не доносится ни единого звука.

Я развязала тесемки своей черной папки с оттиснутой на ней головой Чайковского и достала сборник этюдов Черни и распадающиеся листочки какой-то пьесы. Едва прикоснувшись к роялю, я поняла, что вся тайна дома, его прошлой и нынешней жизни, его зримых и незримых обитателей хранится в этих западающих или выпирающих, немых или слишком долго звучащих клавишах. Что бы я ни пыталась сыграть, рояль приглушенно и слегка картаво толковал о своем. Его поведение было непредсказуемо. Нажимая нужную ноту, я не знала, чего от него ждать - молчания или возгласа, дребезжания или вздоха. Я бы век не отходила от загадочного рояля, трогая и трогая его клавиши, перемещаясь то вверх, то вниз по клавиатуре, нажимая и отпуская скрипучую педаль. Но за мной пришла бабушка и увела меня туда, где все было знакомо и привычно: булочки с повидлом на полдник, игра в прятки с вечным "пора - не пора, иду со двора", "Оливер Твист" с Лидией Наумовной, звонки в Московскую станцию... "Скоро понедельник?" - приставала я к бабушке. "А какой сегодня день?" - отвечала она вопросом на вопрос. "Вторник". "Вот и считай". Считать приходилось долго.

И все же понедельник наступал, и я снова отправлялась на край света, где прятался за высокими деревьями дом-невидимка. Деревья окружали дачу таким плотным кольцом, будто хотели скрыть ее от чужих

глаз. Подходя к дому, я никогда не была уверена, что увижу его, и, ступив на крыльцо, спешила убедиться, что все на месте - и дама, и кошки, и часы, и главное - хранитель здешних тайн - черный рояль. Каждый понедельник я попадала в мир, не имеющий ничего общего с тем, в котором жила. Не его ли имел в виду дедушка, когда, рассказывая о чем-то давнем, говорил: "в старое время"? Я так часто слышала эти слова, что они слились для меня в одно неразъемное слово: "встароевремя". И все же, входя в этот дом, я попадала не "встароевремя", а в ИНОЕ - в то, которое, в отличие от старого, не проходит и пройти не может. Оно лишь способно затаяться и, если как следует прислушаться, различишь его шорохи, шаги, скрипы, вздохи.

Каждый понедельник я открывала калитку, за которой начиналось ИНОЕ. Я не могла да и не пыталась описать его словами. Мне достаточно было того, что оно существовало и разрешало мне войти в него и в нем раствориться. Каждый понедельник я вела с ним разговор, трогая клавиши рояля и слушая как они звучат. "Хочешь посмотреть, что там внутри?" - однажды предложила мне дама. Подняв и закрепив огромную черную крышку, она сперва взяла несколько аккордов, а потом попыталась что-то сыграть своими слегка дрожащими непослушными пальцами. "Видела, что там творится?" Видела. Там творилась сложная и таинственная жизнь. "Не надо настраивать рояль", - сказала я. "Почему?" - удивилась она. "Потому что тогда он станет, как все". Дама обняла меня за плечи и я восприняла это, как обещание.

В то лето я впервые осознала, вернее, почувствовала, что мир, который мне знаком и понятен, еще не весь мир, что существует нечто... Впрочем, трудно сказать, что я почувствовала в то лето, но каждый раз, когда я подходила к дому, стоящему на краю поселка, у меня екало сердце. Нет, я не разучила ни этюдов, ни пьесы, но услышала голоса, каких не слышала прежде.

Начав писать стихи (что случилось много позже моих визитов в старый дом), я не раз пыталась вернуться к событиям того давнего лета, но ничего не получалось. Одно из неудавшихся стихотворений начиналось, кажется, так:

Да будь благословенна тень
Тех лет, да будь благословенна,
Жизнь скоротечна и мгновенна,
Но "дольше века длится день",
Когда переступив порог...

6 июля 2013 г.

Хотите, опишу тоску?
Осенний дождик морозящий,
Листву последнюю гасящий –
Хоть дуло приставляй к виску.

Хотите, счастье опишу?

Всё тот же дождь осенний редкий,
Всё тот же лист, слетевший с ветки,
Стихи, которыми грешу.

2013

А кто на этом фото?

Кто-то,

Кого уж нет давным-давно.

Да и кому искать охота

Его? А мне не всё равно.

Ведь он – товарищ по несчастью,

По счастью брат мой. Мой земляк.

Он тоже жил тоской и страстью,

Он тоже был из тех гуляк,

Что упомянуты поэтом.

Он тоже, тоже, как и я,

Питал надежду, встав с рассветом,

Решить загадку бытия.

Он тоже знал мороз по коже,

Когда пленительный мотив

Звучал. Он тоже... так кого же

Поймал однажды объектив?

2013

Как хорошо, что ты нашёл меня,

А я – тебя. Нашли мы, что искали,

Раз мы с тобой ни дня не пропускали,

Ни одного подаренного дня,

Чтоб, думая о чём-то о своём,

Не проводить, не встретить день вдвоём.

2013

А счастье – понятие весьма растяжимое,

А, значит, вполне и вполне достижимое.

Устав мёдом-пивом стекать по усам,

Оно может к нам приходиться по часам

И прыгать по комнате солнечным зайчиком

Иль сонным младенцем свернуться калачиком,

Иль ковриком старым, что мира старей,

Дежурство нести у родимых дверей.

2013

Плывёт кораблик по ручью,

Ручей, как музыка, струится,

Внушая тем, кто жить боится,

Что всё закончится вничью.

И, хоть кораблик – не жилец,

Поскольку он – бумага, спички,

Зато не знает он привычки
Всё время думать про конец.

Струится музыка, она
Есть шанс волшебный объясниться
Всему, что грезится и снится,
В любви, которая без дна.

Плывёт кораблик, и бежит
Ручей, и музыка играет
И никогда не умирает,
Поскольку жизнью дорожит.

2013

О том, о сём Синий свет

Больше всех болезней я любила насморк, потому что тогда из недр зеркального шкафа извлекали лампу синего цвета. Всё в ней было прекрасно: блестящий металлический абажур, гибкая шея, позволявшая поднимать и опускать лампу, и главное - излучаемый ею необычайный свет. Плохо было одно: процедура прогревания длилась всего каких-нибудь десять, пятнадцать минут. А я готова была лежать под лампой часами. Потому что для меня это было не лечение, а событие, нарушающее привычное течение жизни. Я ложилась на диван, мама садилась рядом и, приказав мне плотно закрыть глаза, включала лампу. И тут начиналось то, что я так любила: наша тихая беседа. "Чего бы ты больше всего хотела?", - спрашивала мама. И я принималась фантазировать так, как можно фантазировать только с закрытыми глазами и при особом нездешнем освещении.

Синий свет напоминал мне о "Синей птице" - спектакле, который я была готова смотреть снова и снова. Моими любимыми персонажами неизменно оставались Насморк, чихавший так заразительно, что у меня начинало свербить в носу, и бабушка с дедушкой, чьё загробное царство было окутано таким призрачно синим светом, как будто где-то наверху кто-то невидимый держит громадных размеров лампу синего света.

Синий свет казался мне крылом Синей птицы, которая, коснувшись моего лица, неизменно улетала. "Всё, - говорила мама, выключив лампу, - можешь открыть глаза. Ну как, легче?" "Легче", - упавшим голосом отвечала я, следя за тем, как лампа исчезает в гардеробе. Следующая процедура - вечером. До неё ещё надо дожить: сделать уроки, которые предстояло узнать по телефону, позаниматься музыкой, постучать Галке Зайцевой в стенку со скуки, дождаться маминово возвращения с работы, подождать пока она приготовит ужин и придёт в себя. Ещё надо почистить зубы, прополоскать горло и лечь в постель. И лишь тогда в маминых руках наконец сверкнёт блестящий абажур. Мама

сядет рядом и, приказав мне закрыть глаза, включит лампу. "А ты бы хотела, чтоб...?" - таинственным голосом начнёт она долгожданную беседу.

29 июня 2013 г.

Я верю в слова, и они в меня верят.
Коль ставлю я их позади или перед
Каким-то другим, понимают они:
Отныне на свете они не одни,
Есть близкие души и слева и справа,
И вместе они – в пустоте переправа,
А, может быть, кровля, а, может, стена.
И сами – при деле, и я спасена.

«Гуляйте, пейте. Я плачу», -
Вот так я говорю лучу,
Теням танцующим и свету,
Кустам цветущим, то есть лету,
Которое продлить хочу.

За луч, скользнувший по плечу,
За луг, где ноги промочу,
За белизну июньской ночи, -
Я жизнью, что ещё короче
За лето станет, заплачу.

Я думала, что стану исключением,
Но, видимо, не стану, не смогу.
Я думала, что ангел с поручением
Слетит с небес, но ангел – ни гу-гу.
Ни ангела, увы, ни поручения
Меня бессмертной сделать, молодой.
Видать, моё земное приключение
Закончится обычной ерундой.

Ну как скажу: «Счастливо оставаться»,
Когда я не готова расставаться
Ни с ближними, ни с дальними, ни с той,
Глядящей в окна синевой густой,
Ни с отчим домом в хаосе родимом,
Ни с мыслью о конце неотвратимом.

Мне больше нечего отдать.
Ну разве что свою тетрадь,
В которой чуть не половина

Стихов про белый куст жасмина,
Про белый лист, про белый свет –
Про то, про что и слов-то нет.

Живём среди колющих, режущих
И взрывоопасных предметов,
Средь зорь упоительно брезжущих
И летних счастливых букетов,
Средь душ безнадежно загубленных,
Средь тьмы коридоров казённых,
Средь радостей только пригубленных
И песен, с небес занесённых.

А если уж ходить в героях или в звёздах,
То лучше бы за то, что ты умеешь воздух
Прозрачный написать – вечерний иль дневной;
А, может быть, за то, что дождик проливной,
Пока летел, звенел, с небес на землю лился,
С одним тобой своим секретом поделился
И, тайны все свои раскрыв тебе без слов,
Лишь на твоём холсте узнать себя готов.

О том, о сём Анна Васильевна с Олимпа

В пятом классе мы начали изучать мифы Древней Греции. Храмы, битвы, боги, чьи имена я запоминала с необыкновенной лёгкостью, меня завораживали. Единственную трудность представляла хронология: XII в. до н.э.; V в. до н. э. Я до рези в глазах вглядывалась в эти цифры, буквы, точки, но усвоить их не могла. Что значит ДО НАШЕЙ ЭРЫ? Я и нашу эру с трудом себе представляла. Воображение отказывалось мне помочь. Написали бы просто - ОЧЕНЬ ДАВНО. Разве этого не достаточно? Но и датам не удалось отбить у меня любовь к древнегреческим мифам. Тем более, что преподавала их Анна Васильевна. Когда она - высокая, статная, с огромным пучком пепельных волос на затылке - впервые вошла в наш класс своей величественной походкой, мне показалось, что она спустилась с Олимпа.

Что такое Олимп я уже знала - сперва от мамы, а позже от Жени, который короткое время был маминым мужем. Кандидат философских наук он очень красочно и бурно рассказывал мне про войну титанов и богов, про огненную колесницу Фазтона, про весёлого козлоногого Пана и его несчастную любовь к нимфе. Анна Васильевна говорила о том же, но совсем иначе - негромко, медленно, спокойно, как и следовало Олимпийке. Когда она в своём неизменном длинном тёмно-вишнёвом платье и большой белой шали бесшумно двигалась между рядами и, не прерывая повествования, подходила к доске, чтоб записать имя очередного бога или героя, все глаза были устремлены на неё. Кронос,

глотавший своих детей, Зевс, низвергнувший Кроноса, Гера - верховная богиня и жена Зевса - обо всём она говорила так, что сомнений не оставалось: она была там. Но кем она там была - в том непредставимом веке до нашей эры? Герой? Вряд ли. Уж больно Гера мстительна и ревнива. В конце концов я придумала ей роль таинственной безымянной олимпийки, стоявшей выше всех верховных богов и безучастной к их играм, страстям и битвам. Единственно, что не соответствовало её величественному облику, это неожиданно приветливая и ласковая улыбка, которую каждый мечтал заслужить. Всё своё домашнее время я тратила на историю, а на уроке изо всех сил тянула руку (чего делать не полагалось) или старалась перехватить взгляд учительницы.

Но однажды Анна Васильевна не пришла. Нам сказали, что она заболела и заменили историю физкультурой. Не пришла она и на следующий урок и через урок. Жизнь потеряла краски. Вызвав каким-то образом её адрес, я отправилась к ней домой. Как я на это решилась, сама не знаю. Держа в руках бумажку с адресом, я отыскала нужный переулок (благо он оказался неподалёку), вошла во двор и, увидев там тётеньку, развешивающую на верёвке бельё, показала свою бумажку. Она молча кивнула в сторону деревянного флигеля, но, едва я стала подниматься по ступенькам, крикнула “вниз”. Неужели в подвал? На лестнице пахло кошачьей мочой, а в кухне жареным луком. “Где тут Анна Васильевна?”, спросила я у тени, скользящей по тёмному коридору. “Сюда, пожалуйста”, - юным голосом ответила тень и повела меня за собой. Скоро мы оказались в узкой комнате, где царил полумрак. На кровати лежала женщина с размётанными по подушке волосами. “Кто пришёл, Аня?”, - услышала я слабый голос Анны Васильевны. Я назвалась. “А-а-а, очень рада, проходи, садись. Яблоко хочешь? Анечка! Принеси яблоко.” Девушка метнулась к буфету. “Это моя дочь Анечка. А я вот слегла с пневмонией.” “С чем?”, - спросила я, радуясь непонятному слову, как возможности поддержать беседу. “С пневмонией, с воспалением лёгких”. “А вы скоро придёте?”. “Как только встану на ноги. А ты пока читай. Хочешь дам тебе книжку про Троянскую войну”. “Спасибо, не надо, - зачем-то отказалась я, - У нас дома много книг про древний мир. Мамин муж - философ. Он всё знает”. “А-а-а, ну тогда другое дело”. Анна Васильевна поглядела на дочь и улыбнулась. Видя как ей трудно говорить, я стала прощаться. Анечка сунула мне в руку яблоко и повела по коридору. “У мамы глаза болят, поэтому мы в комнате света не зажигаем”, - сказала она на прощанье.

Поднявшись всё по той же вонючей и шатучей лестнице, я оказалась на свету. Домой шла медленно, припоминая всё случившееся. Что, собственно, меня так поразило? Убогое жилище? Да мы все жили примерно одинаково: в коммуналках, среди чада и смрада, с мышами и крысами. Но Анна Васильевна - величественная гордая олимпийка, самая верховная богиня. Могла ли я подумать, что и она живёт в подвальной конуре? Могла ли я представить, что именно оттуда она каждый раз приходила к нам, чтоб рассказать о подвигах Геракла, о Зевсе, Гере, Гебе...

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокопящий кубок с неба,
Смеясь на землю пролила, -

читала она на уроке своим глубоким грудным голосом. Не в силах расстаться с мыслью об эллинском происхождении Анны Васильевны, я решила сделать её

Персефоной, живущей в царстве Аида, или по крайней мере Деметрой, спустившейся в Тартар, чтоб навестить дочь. Но как я не пыталась приучить себя к этой новой версии, ничего не получалось: грязный двор, сырой подвал, вонючий коридор, полутёмное жилище никак не вязались со звучными греческими именами. В конце четверти открылась дверь и вошла Анна Васильевна - спокойная, статная, всё в том же тёмно-вишнёвом платье с белой шалью на плечах. Она улыбнулась нам своей удивительной улыбкой и сказала, что мы начнём новую тему. И вновь замелькали имена: Приам, Парис, Гекуба.

22 июня 2013 г.

И даже кастинг я не проходила.
Я прямо сразу родилась звездой,
За мной, и косолапой и худой,
Не отрываясь, камера следила.
Вертелся целый мир вокруг меня –
Послевоенный, оттепельный, разный,
И в этой ленте, часто несуразной,
Всегда хватало боли и огня,
И требовалось в ней в любой момент,
Чтоб ни случилось, действовать спонтанно.
А впрочем, надо ль объяснять пространно?
Здесь все – герои самых разных лент,
И ждёт ли ленту приз или провал,
Игра героя – выше всех похвал.

Хороший конец – это знаешь когда?
Когда он ничуть не печальней начала,
И, значит, судьба твоя не подкачала,
И вовсе не зря пролетели года.
Счастливым конец, будь он впрямь таковым,
И, ежели впрямь он счастливым бывает,
Он нас не уродует, не убивает,
И ты умираешь красивым, живым.

Когда я навела на резкость,
То увидала, обомлев,
Всё простодушие и детскость

Рассветных песен и дерев,
С которых песни доносились;
Узрела лихость сквозняков,
Что, как безумные, носились
Средь разноцветных пустяков,
Придав им живости и блеску,
И – Боже правый, что за прыть! –
То задевая занавеску,
То жизни тоненькую нить.

Как весело, Боже, ни доньшка, ни потолка,
Границ – ни единой ни в замысле и ни в зачатке,
А только зелёные и голубые шелка –
Их волны и кружево, и переливы, и складки.
Как весело, Боже, тому, кто усвоить успел,
Что он только временный житель на метрах квадратных,
Внезапно понять, что и он, что и он преуспел,
Раз вдруг очутился среди летних шелков необъятных.

О том, о сём: На лоне природы

Бабушка, закончившая два педвуза (чем очень гордилась), всегда считала, что и с познавательной и с медицинской точки зрения городскому ребенку необходимо как можно чаще бывать на лоне природы. И в первое послевоенное лето мы сняли дачу на станции Удельная. Бабушка пасла меня, а наша хозяйка - своих коз, чьим молоком меня усердно отпаивали. Когда я с отвращением подносила ко рту кружку, активно участвующая в процессе бабушка складывала трубочкой губы и шумно втягивала в себя воздух, будто пила. Если рядом оказывалась хозяйка, бабушка в очередной раз показывала ей мои торчащие ребра и рассказывала, как в эвакуации я погибала от диспепсии и дистрофии и как она меня выхаживала. Удельная и козье молоко были в моем сознании неразлучны, хотя мне очень хотелось, чтоб Удельная осталась, а козье молоко испарилось навеки. И чудо совершилось. Как-то раз, когда дедушка приехал вечером на дачу, бабушка подала ему на ужин кофе с молоком. Едва он допил стакан, она веселым и звонким голосом сказала: "Ну вот, выпил и не поморщился, а говоришь, что козье молоко терпеть не можешь". Дедушка покраснел, уставился на нее неподвижным взглядом, потом вскочил и, опрокинув табуретку, выбежал из комнаты. Бабушка бросилась за ним, я за бабушкой. Мы нашли дедушку за калиткой. Его рвало. Я смотрела на него с ужасом и восторгом, потому что понимала, что после всего случившегося бабушке вряд ли удастся влить в меня хоть одну каплю столь полезного для рахитичных дистрофиков напитка.

Неотъемлемой частью моего раннего детства была Малаховка, где жил с семьей дедушкин давний друг дядя Яша. Хотя его дом стоял на

бойком и совсем не дачном месте, поездки в Малаховку все же считались выездом на природу. Для меня - московского дворового ребенка, чьим любимым занятием было смотреть, как заливают асфальт, грызть кусочки черного блестящего вара и нюхать гашеный карбид, - пучок ранней ярко зеленой травы в Малаховке становился событием. А уж встреча Нового года в заваленном снегом поселке - рождественской сказкой.

Однажды дедушка вернулся домой раньше обычного и сообщил мне, что дядя Яша умер, и мы едем в Малаховку с ним прощаться. Всю дорогу он молчал, качал головой, вздыхал и кричал, а когда мы подошли к знакомому крыльцу, вдруг рухнул на колени и громко завыл. Он выл и причитал на том языке, на который они с бабушкой переходили, когда не хотели, чтоб я понимала. Я смотрела на дедушку и не знала как быть. Зачем он так раскачивается, всхлипывает и надрывно причитает? Зачем касается лбом ступенек? Почему никто из вышедших нам навстречу не бросается его поднимать? От страха я тихонько хныкала и грызла ногти. Вскоре дедушка поднялся и, слегка покачиваясь, пошел в комнату. Подойти к гробу я не решилась и дядю Яшу почти не видела. Больше, чем смерть, которую я и осознать тогда не могла, меня потряс странный дедушкин поступок. И лишь когда я подросла и дедушка рассказал мне о своем нищенском витебском детстве, о том, как возле его умершего отца, следуя давней традиции, целый день выли плакальщицы, я поняла, что случилось тогда на ступеньках малаховского дома.

Так устроена память, что стоит произнести хорошо знакомое имя или название, как немедленно всплывает одна-единственная навеки прилепившаяся к этому слову картинка или деталь. Так Удельная - это кружка ненавистного козьего молока, Малаховка, в которой я часто бывала и позже и даже снимала дачу, когда у меня родился сын, это навеки та Малаховка, где на крыльце дяди Яшиного дома качается и причитает дедушка.

Дедушке не везло с друзьями: многие из них рано умерли, а про некоторых у нас дома говорили шепотом и лишь тогда, когда думали, что я сплю. Вопросов про случайно подслушанное я, естественно, не задавала. "Когда посадили мужа, она задушила себя собственной косой", - донеслось до меня однажды. Я прислушалась. Речь шла о жене дедушкиного друга, старого большевика, о котором спустя годы мы узнали, что его расстреляли перед самой войной. У нас бывала их дочь Еничка, забегавшая поболтать с мамой. Однажды ранней весной она пригласила нас с мамой не то в Перхушково, не то в Полушкино - куда-то, где у них была дача. Мы долго ехали на дымящем, сныпящем, пронзительно свистящем паровичке. Сперва я, не отрываясь глядела в окно, а, нагледевшись, отправилась путешествовать по вагону. Добравшись до нужной станции, мы спустились по шатучим неудобным ступенькам и оказались в большой луже. Долго шли по талому снегу, по тонкому льду. Место казалось пустынным, безлюдным и не верилось, что мы недавно из Москвы. Наконец, остановились возле недостроенного забора. "Вот наша дача", - сказала Еничка. Мы пересекли огромный участок и подошли к дому без окон и дверей. Возле крыльца лежало гигантское серое обструганное дерево. "Милости прошу, - сказала хозяйка, - я покажу вам

дом. Вот здесь мы думали устроить папин кабинет, здесь спальню, здесь кухню...", - ее голос странно звенел.

Бродя по брошенному дому, слушая Еничку, глядя на ее длинные, красиво уложенные вокруг головы косы, я вспоминала произнесенные шепотом слова: "Она задушила себя собственной косой". Меня тянуло на улицу и, когда экскурсия завершилась, я с облегчением покинула зияющий пустотами дом и пошла бродить по участку. Меня почему-то заигнотизировало огромное сырое бревно, лежащее возле крыльца. Я его гладила, нюхала, садилась на него верхом. От него, как и от всего, что меня окружало, пахло свежестью, какой я не знала прежде. Когда я слышу Перхушково-Полушкино, я всегда вспоминаю эту небывалую весеннюю свежесть, пугающе длинные косы Енички, похожий на приведенное дом, талый снег, тонкое кружево льда, на которое так приятно наступать медленно и осторожно.

Неожиданных выездов на природу было в моем детстве не так уж много и каждый запомнился надолго. Помню длинный воскресный день, проведенный в Химках, где жила мамина близкая подруга Верушка. С ней у меня навсегда связаны загадочные слова "Блокнот агитатора", где она работала редактором, мистические буквы ГЛАВПУРКАКА, по-видимому, означающее место, где обретался этот самый "Блокнот", и часто мелькающее в разговорах Верушки и мамы короткое слово Штром. Потом оказалось, что такова фамилия Верушкиного друга, который жил в Ленинграде и лишь наездами бывал в Москве. Когда приезжал Штром, Верушка исчезала, а, появившись снова, забиралась в угол дивана и долго-долго шепталась с мамой, время от времени прикладывая к глазам сложенный треугольником носовой платок. А глаза у нее были светло-голубые и бесконечно добрые. Мне от этих глаз всегда становилось хорошо и уютно. А еще от того, что она называла меня точно также, как в своих письмах с фронта папа - Ларченок.

"Ларченок, - сказала она однажды, - приезжай с мамой ко мне в Химки". И мы приехали. Химки оказались далеко и ехать пришлось долго. Химки - это деревянные дома, палисадники, цветы, огороды, лавочки, куры, козы. Вокруг Верушкиного дома - сплошные кусты сирени. Наконец-то я увидела откуда берутся те небывалой величины букеты, которые она привозила в мамин день рождения. Букет сперва проплывал мимо наших окон на Полянке, потом врывался в коридор и уж потом в комнату. Только тогда можно было наконец разглядеть Верушку, ее сияющие голубые глаза. Когда мы появились у нее в Химках, она как раз кончала гладить оборки на платье, которое специально для меня сшила. Надев его, я сказала: "Оно парное". "Почему парное?" - удивилась Верушка. "Потому что теплое, как парное молоко". Платье пахло уютом, дом и сад - сиренью, а вечером пряно и горько пах табак, который рос под самыми окнами. Химки, сирень, душистый табак, Верушкины голубые глаза, платье с оборками. Счастье.

15 июня 2013 г.

А тема, как и прежде, не закрыта,
Открыт, как прежде, проклятый вопрос,
И всё течёт разбитое корыто,
А значит, есть на стихотворцев спрос,
На тех, кто в силах сделать мир чудесней,
Задачу не решая ни одну,
Лишь превращая всё на свете в песню
И с песней на устах идя ко дну.

2013

Хоть жизнь потрать на закорючки,
Хоть век на буквы потрать,
Дойди до точки и до ручки –
Всё бел твой лист, пуста тетрадь,
Всё чья-то длань бесстрастно стёрла,
Что сам Господь сказать помог.
И снова подступают к горлу
Не то слова, не то комок.

2013

Жизнь весьма коротка, но достаточно времени, чтобы
Раскусить и распробовать ту, что горька и сладка,
Что сверкает, как золото самой неслыханной пробы,
И блестит, как дешёвка, которой торгуют с лотка.

Жизнь весьма коротка, да к тому ж на мгновенья дробится,
Всё равно время есть, чтоб проникнуть в её закрома,
Чтоб устать от неё, а потом в неё снова влюбиться,
Разлюбить, а потом быть опять от неё без ума.

2013

Знаешь в чём наше редкое счастье, родной?
В том, что мы проживаем под крышей одной –
Будь то серенький шифер над нашей терраской,
Будь то небо, что свежей покрашено краской.

2013

А утро, как малыш грудной:
Претензий к миру – ни одной,
И ноль утрат, и ноль обид,
А только чуточку знобит
На холодке и на ветру.
И я такая поутру.

2013

О том, о сём:

А у нас во дворе

Мы с Галкой Зайцевой играли в дочки-матери в нашем дворе на Большой Полянке. Гнездышко для дочек - моей целлулоидной Мальвины и Галкиного пупса Машки - свили в одном конце двора, а "молоко" для них носили из другого, где всю весну не просыхала глубокая необъятных размеров лужа. Пока наши "дети" спали после обеда, я в очередной раз отправилась за "молоком". Возвращаясь с двумя полными ведерками, споткнулась о какой-то булыжник и упала. Попыталась подняться, но, почувствовав острую боль в колене, осталась лежать. Вот полегчает, тогда встану. Пустые ведерки валялись рядом, а я лежала и ждала, когда пройдет колено.

И вдруг во двор въехала большая черная машина и двинулась прямо на меня. Видя, что она приближается, я еще раз попыталась подняться, но не смогла. То ли действительно так болело колено, то ли страх помешал. Поняв, что мне не встать, я приготовилась к концу. Гибель под колесами протяжно гудящего черного чудовища казалась неминуемой. Я вжалась в землю и застыла. На секунду приоткрыв глаза, я, как в тумане, различила лица дворничихи тети Маруси, истопника дяди Пети, Галкиной мамы, портнихи Зины из квартиры напротив, Димки и Марика из бокового флигеля... Все они смотрели на меня долгим и скорбным взглядом: "Прощай, мол, девочка. Жаль твоих близких, но что поделаешь - от судьбы не уйдешь". Зажмурившись, я еще сильнее вжалась в землю и вдруг почувствовала, как чьи-то руки подняли меня и понесли. Я открыла глаза и увидела ЕЁ - ту, которая была постоянным предметом моей зависти и восхищения. Во-первых, потому что ей было четырнадцать, а мне шесть. Во-вторых, потому что она была сестрой Юрки Гаврилова, который учился в Суворовском училище и давно мне нравился. В-третьих, потому что ее звали, как и меня, но при этом она была высокой, стройной и, в отличие от меня, не косолапила. И вот девочка, к которой я и подойти не смела, несет меня на руках. Что же это делается? Только что была на волосок от гибели и вдруг оказалась наверху блаженства. А, может, я уже умерла и попала в рай, про который рассказывала тетя Маруся, когда приходила греть мне обед.

Лариса со мной на руках вошла в наш подъезд, позвонила в дверь и вручила меня ничего не понимающей бабушке. "Она упала и ушибла колено. Его надо промыть", - взрослым голосом сказала Лариса. Бабушка стала усиленно ее благодарить и, о счастье, пригласила в комнату. Пока Лариса пила чай с конфетами, бабушка возилась с моей коленкой. "Что ты дрожишь?" - спросила она. "Ей больно", - все тем же взрослым голосом объяснила Лариса. Меня действительно била дрожь, но не столько от боли, сколько от недавнего ужаса и сменившего его восторга.

Почти год я рассказывала об этом событии всем, кого считала достойным своего рассказа. Потенциальных слушателей становилось все

меньше, посвященных все больше, а событие не тускнело. Однажды, когда в нашем дворе появилась новенькая, я поняла, что должна срочно с ней поделиться. Тем более, что она поселилась в одном подъезде с моей спасительницей. "Ты знаешь Ларису Гаврилову?" - начала я издали. "Конечно", - ответила девочка. "А знаешь, что она спасла мне жизнь?" - я сделала выразительную паузу и, понизив голос, на одном дыхании произнесла: "Она выхватила меня из-под колес машины". Девочка потрясенно молчала. Теперь можно было изложить все по порядку. Но в этот момент вмешалась соседка, которая, луща семечки, сидела на той же скамейке: "Лариска-то? Да она клеptomанка". "Кто?" - не поняла я. "Клеptomанка", - повторила соседка. "А что это значит?" "Это значит, что она у вас что-нибудь украла. Вы ничего не хватились после ее ухода?". Я тупо смотрела на соседку. "Клеptomания - это болезнь, - продолжала она, - человек ворует даже то, что ему совсем не нужно. Он просто не может не воровать. Так что когда она в следующий раз спасет тебе жизнь и принесет домой, ты все же следи за ней повнимательней. И своим скажи, чтоб следили." Увидев, что я чуть не плачу, соседка жалилась: "Да ты не расстраивайся. Она хорошая, просто больная. И мать у нее больная. Но не клеptomанией. У матери падучая. Упадёт на пол и бьётся, бьётся, пока приступ не пройдет. Лариска с ней мается, бедная. Несчастливая семья. Отца на фронте убили, мать по больницам. Хорошо хоть Юрка мало дома бывает. Ладный такой, кудрявый. Может, хоть он здоровым вырастет".

Я долго не могла уснуть в ту ночь. "Клеptomанка, воровка, падучая", - вертелось у меня в голове.

Несколько дней спустя я осторожно спросила маму: "А правда, если бы не Лариска, меня бы не было в живых? Правда, она спасла меня?". "Ну, конечно", - ответила мама. "Правда машина бы меня раздавила?" - не унималась я. "Ну нет, не думаю. Зачем ей было тебя давить?". "Но ведь она ехала прямо на меня", - настаивала я, пытаюсь спасти то, от чего не в силах была отказаться. "Но водитель ехал медленно, он тебя отлично видел. Просто думал, что ты дурачишься, и гудел тебе, чтоб ты встала". "Но ведь вокруг были люди, и никто не подошел ко мне. Только Лариска." "Да, конечно, она добрая девочка, - согласилась мама, - но люди могли просто не видеть, что происходит, не придать этому значения". Я задыхнулась от обиды: "Как это не видеть? Они все смотрели на меня, а машина ехала, и колеса уже почти касались моих волос." "Ну что ты так переживаешь? - удивилась мама, - все кончилось хорошо. Скоро Новый Год. Хочешь позвем Ларису? Дед Мороз ей тоже принесет подарки." "А что такое клеptomания?" - не отвечая на мамин вопрос, спросила я. "Это когда...", - и мама повторила то же самое, что сказала соседка. Больше я свою историю никому не рассказывала.

Прошло несколько лет, в течение которых я лишь изредка видела, как Лариска пересекает наш двор. Она стала еще стройней и выше. Однажды весной я неожиданно столкнулась с ней лицом к лицу. Она была не одна. Рядом шел, вернее, неловко прыгал на костылях темноволосый молодой человек. Правая нога его была в гипсе. Лариска медленно шла рядом с ним, и в ее повернутом к нему лице было нечто такое, что мешало мне с ней поздороваться. Я уже почти прошла мимо, когда она

неожиданно окликнула меня: "Здравствуй, Лариса!" Я радостно оглянулась и ответила: "Здравствуй, Лариса!" А про себя добавила: "которая спасла мне жизнь, выхватив прямо из-под колес машины".

14 июня 2013 г.

Из эссе «О если б без слова...» (1933):

...У поэта сложные отношения со словом. Он жить без него не может, души в нем не чаёт, но иногда от слова устаёт, враждует с ним, теряет в него веру. Тому много свидетельств. Вот лишь некоторые:

Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!
(Александр Блок)

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...
(Ф. Тютчев)

Тишина, ты — лучшее из всего, что слышал.
(Борис Пастернак)

Сказав это, поэт опять нарушает тишину и будет, если бог даст, нарушать ее и дальше. Но существуют стихи, которые тишины почти не нарушают, едва сквозь нее проступая, как лик Христа сквозь Плат Вероники.

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездой говорит.
(М.Ю. Лермонтов)

«О если б без слова / Сказаться душой было можно!»
(А. Фет)

Томление по «неслыханной простоте» и есть томление по разговору, который выше, тоньше, точнее, бесспорнее слов. То есть томление по разговору без слов. Писать без слов – легче легкого и сложнее сложного. Легко – потому что такая поэзия почти лишена метафор. Эпитеты – первые попавшиеся, да и вообще она – простая, как мычанье. Сложно – потому что эти «никакие» слова должны (простите за эксплуатацию образа) совпасть с движением воздушного потока, что почти невозможно. Каждое такое совпадение – счастливый случай. Ошибись хоть чуть-чуть: усиль звук, укороти или удлини строку, и все пропало – стих не взлетит. Это как с воздушным змеем: то ли леска коротка, то ли змей

тяжеловат, то ли погода не вышла, но не летит. Зато если стихотворение взлетело, то летит вечно.

Слова? — Их не было. — Что ж было? —
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли
(Александр Блок)

http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/miller/bezsllov.html

Из эссе " «И другое, другое, другое... Владимир Набоков» (1994):

...Лучшие вещи Набокова — стихи ли, проза — завершаются не точкой, а многоточием (даже если его нет на бумаге), не тоникой, а лишь томлением по ней. И это вполне в характере русской речи, которую Набоков назвал «музыкально-недоговоренной». В России разговор не кончается, так как является самоцелью, а не способом решить проблему. Здесь не так важно договориться, как необходимо поговорить. («Перед тем, как умереть, надо же поговорить»). Г. Иванов). В России и вначале было слово, и потом, и вечно. И столько у него разных флексий, суффиксов и префиксов, способных менять смысл и оттенки смысла, будто от этих перемен зависит судьба. Власть над словом — великий дар. Владеющий словом может «справляться с такими небесами, переплавлять их в нечто такое, что можно отдать читателю, пускай он замирает». («Другие берега»).

Взявшись проследить за тем, как имеющий безграничную власть над словом, ее в одночасье теряет, чтоб столь же молниеносно обрести снова, я наверняка обрекла себя на неудачу: слишком загадочна планета «Набоков», чтоб можно было так запросто разгуливать по ней в роли исследователя. И все эти поползновения, их неизбежность и тщету предвидел мастер:

Увы! Чтоб ни сказал потомок просвещенный,
все так же на ветру, в одежде оживленной,
к своим же Истина склоняется перстам,
с улыбкой женскою и детскою заботой,
как будто в пригоршне рассматривая что-то,
из-за плеча ее невидимое нам.

http://www.pereplet.ru/text/miller_nab.html

Из эссе «Терзай меня - не изменюсь в лице. Арсений Тарковский и Владислав Ходасевич» (1996):

...Но если в поэзии Тарковского гармония дается читателю как незаслуженный дар, то в стихотворении Ходасевича она рождается на

наших глазах. Более того, возникает чувство, что она творится усилиями не только поэта, но и посвященного в это таинство читателя, который вместе с поэтом мучительно преодолевает «косную, нищую скудость безвыходной жизни своей».

«Терзай меня — не изменюсь в лице», — говорит Тарковский. Это великое свойство. Но иногда необходимо видеть, как лицо, искаженное страхом и болью, вдруг преображается и озаряется улыбкой счастья, а из губ вырывается не стон, а песня.

http://magazines.russ.ru:81/novi_mi/redkol/miller/stih/stihi109.html

8 июня 2013 г.

*«Товарищ Ворошилов, когда я подрасту,
Я встану вместо папы с винтовкой на посту»
Детский стишок 1940-х*

Спросите меня кем я стану,
Кем стану, когда подрасту,
И я отвечать не устану –
Мол, встану с ружьём на посту.
Я так отвечала в далёком,
В мифическом сорок шестом,
И Сталин сверлил меня оком,
Когда в папиросном густом
Дыму руку мамы держала
И звонко читала стишок.
Была за окошком держава,
А я была ростом с вершок,
А Сталин с большого портрета
Глядел, свою трубку жуя...
Хозяин того кабинета
Стал лагерной пылью. А я,
Как я, - ну спросите, спросите, -
Попала из давних времён
В сплетение новых событий,
В кружение новых имён.
Неужто осталось пространство
В душе, – ну спросите меня, –
Для новых безумств и шаманства
Ещё небывалого дня.

2013

Нельзя же на глазок.
Давай-ка поточнее.
Давай ещё разок.
Вдруг будут попрочнее
И тополь во дворе
И в доме половицы,

И сон наш на заре
Под щебетанье птицы.
2013

*Памяти Бориса Рыжего
и Дениса Новикова*

Борису и Денису

И гнездо почему-то не вьётся...
Не живётся вам здесь, не живётся,
Не живётся на тверди земной.
Только пьётся и дивно поётся,
Коль не слишком шумят за стеной.
Ну, надеюсь, теперь-то уж тихо,
Не мешают ни счастье, ни лихо,
Уж теперь-то, надеюсь, покой,
Не шуршит нитью жизни ткачиха...
Жаль, тетрабочки нет под рукой.
2013

Всё сбылось. И могло ли не сбыться,
Если время течёт и течёт,
Умудрившись ни разу не сбиться,
Не нарушить размеренный счёт.

Всё сбылось. Всё входило без стука,
Что зовётся словом «круговерть»:
И разлука, и счастье, и мука,
Даже, видимо, сбудется смерть.
2013

У меня есть одно неотложное дело –
Сделать так, чтобы счастье не знало предела,
Сделать так, чтобы жизнь не имела конца.
Если раньше немного мешала ленца,
То теперь занялась я всем этим вплотную:
Я для съёмки использую плёнку цветную,
Саундтреком я сделала горстку синкоп,
Под которую дождик танцует вдоль троп,
И т.д. и т.п. Я почти что у цели,
И, надеюсь, управлюсь на этой неделе.
2013

О том, о сём: Бессонница и часы с боем

В 17 лет я почему-то перестала спать. Всю ночь лежала с открытыми глазами, а под утро впадала в полузабытьё: слышала всё, что

происходит за окном или за стеной, но не могла пошевелиться. А тут ещё наши старые часы на буфете шипели и дзинькали каждые пятнадцать минут. Эти с младенчества знакомые и столь любимые мной звуки стали ненавистным и навязчивым фоном моей свирепой бессонницы: “Ш-ш-ш дзинь, ш-ш-ш дзинь, не спишь-шь-шь дзинь, не спишь-шь-шь дзинь”, - издавались они.

Мама повела меня к московскому “светилу” - старому доктору, жившему в одном из арбатских переулков. Его просторный кабинет походил на антикварный магазин: причудливой формы вазы, пушистые ковры, увитая фарфоровой виноградной лозой лампа на столе, под лампой - чернильница в виде разверстой львиной пасти, рядом изящные бронзовые пальчики, сжимающие пачку чистых рецептов. Но главное, что привлекало моё внимание, - это часы: напольные, настенные, настольные, с гириями, с маятником, с кукушкой - они непрерывно тикали, а в положенное время издавали разнообразные звуки: от высоких и мелодичных до низких и грубых. После стольких бессонных ночей, проведённых под шипенье и дзиньканье домашних часов, прийти за помощью туда, где, казалось, не было ничего кроме гуденья, звона и боя часов самого разного калибра - это ли не насмешка судьбы? Это ли не зловещий знак?

“Светило” вошло бесшумно и пригласило меня сесть поближе к столу. Маленькое лысое оно, сладко улыбаясь, принялось допытываться, не является ли моя бессонница следствием несчастной любви. Убедившись, что не является, оно поскучнело и, вытянув из бронзовых пальчиков чистый рецепт, выписало люминал. Тот самый, который глотала мама, когда не могла уснуть. Мне надлежало принимать его за полчаса до сна, а потом идти на прогулку. После люминального моциона я возвращалась домой разбитая, вялая, сонная, бухалась в постель, но, ненадолго забывшись сном, тут же просыпалась, чтоб снова слышать: “Ш-ш-ш- дзинь, ш-ш-ш- дзинь. Не спишь-шь-шь дзинь? Не спишь-шь-шь дзинь?”

Убедившись, что от люминала проку нет, мама призвала на помощь бабушку, для которой не существовало безвыходных ситуаций. Она стала ежевечерне проделывать путь из своего Лефортова к нам на Павелецкую, чтоб, действуя личным примером, доказать мне, что нет ничего проще, чем спать. Бабушка ловко расставляла раскладушку и, весело пожелав мне спокойной ночи, мгновенно засыпала. Теперь к шипению и звону прибавился бабушкин энергичный храп. Утром, едва проснувшись, она поворачивалась ко мне и, увидев мою унылую физиономию, восклицала: “Быть не может, чтоб ты не спала!”. Решительно поменяв тактику, бабушка самоотверженно бодрствовала часть ночи, рассказывая мне разные истории или читая вслух. Но постепенно голос её слабел, речь становилась невнятной, и она засыпала. Продержавшись месяц, бабушка сдалась. То есть она продолжала звонить маме, чтоб получать сводки с фронта, но ночевать у нас больше не оставалась.

Из всех мероприятий по спасению меня, которых, наверно, было немало, помню только одно - перемещение из большой проходной

комнаты в более тихую маленькую, где я оказалась лицом к окну, за которым раскачивался на ветру негасимый фонарь. Зимой вокруг него плясали снежинки. “Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.” Лишнее зачеркнуть. Лишней была аптека. Всё остальное повторялось с назойливым постоянством. Теперь, когда мы с часами оказались в разных комнатах, они звучали приглушенно, что, как ни странно, стало для меня источником дополнительных мучений. Отныне мне приходилось напряжённо вслушиваться, чтоб, не дай Бог, не пропустить очередную порцию издевательского шипения. Это вслушивание так меня изматывало, что я всё чаще впадала в полусонное состояние, благодаря которому, наверное, и держалась.

Долго ли, коротко - но спас меня труд. Тот самый, что создал человека. 18-ти лет от роду, меня, первокурсницу, отправили на целину. То есть, туда, где степь, ковыль, небо, звёзды, элеватор и зерно, зерно, зерно. Если мне что и снилось тогда, то потоки зерна, которое я выкидывала плицей из вагона, сгребала лопатой со дна грузовика, вытряхивала из резиновых сапог, но которое шло, шло и шло, грозя подмять и раздавить меня. Сон мой был крепким, но коротким. Коротким потому, что спать было некогда: то страда, то гульба. Но, едва добравшись до лежащего на полу матраца, я немедленно засыпала. Слава Труду! Слава степному воздуху! Слава прогулкам под луной.

Но и бессоннице слава. Благодаря ей одной я услышала ход времени в том нежном возрасте, в котором о нём обычно понятия не имеют. Услышала, как оно идёт - безостановочно и неумолимо. И не только услышала, но и вступила с ним в сложные, сугубо личные отношения: время дразнило меня, пугало, повергало в отчаяние. Оно стало моим кошмаром, бредом, единственным недремлющим свидетелем моей бессонницы, и по иронии судьбы олицетворяли его старые добрые часы с фигуркой безмятежно читающей женщины. Те самые, которые всё детство были для меня символом тишины и уюта. Онемевшие и ослепшие после неудачного ремонта, они и сегодня живут в моём доме, не ведая, какую сложную роль играли в моей судьбе.

Излечившись от бессонницы, я так и не избавилась от порождённой ею болезни. Как она зовётся - не знаю. Может быть, мания времени, хроническая хрономания. Долгие ночи, проведённые под тиканье и звон часов, не прошли даром. Время навеки загнипотизировало меня, околдовало, приворожило, приучило ловить каждый его вздох и шорох. Когда в начале 60-ых я начала писать стихи, одно из первых было посвящено часам, которые «в меня как будто встроены... / Чуть что, они: “тик-так, тик-так/ Не так живёшь, не так, не так”». С той поры я и твержу: время, время...

1998

1 июня 2013 г.

Оно само придумалось.
Я и не ожидала.
На свет на белый сунулась

И небо увидала,
И птицу невеликую,
Что пела – заливалась,
И вишню эту дикую...
Короче, зазевалась.
Влюбившись в листьев кружево,
В штрихи земной мороки,
Случайно обнаружила
В тетрадке эти строки.
2013

Да всё здесь для приёма внутрь,
Для ежедневного приёма.
Всё, начиная с окоёма
И зябких сумеречных утр,
До танца, полного огня,
До жара за печною дверцей,
До музыки, что рвёт мне сердце,
Не думая щадить меня.
2013

Чудеса в решете, ну а где им ещё находиться?
Ведь оттуда они так и сыпятся прямо на нас.
Если б не было их, то не стоило б даже родиться.
Надо только одно: чтоб всегда пополнялся запас.
Сеет дождик? Ура! Снегопад? Значит мелкую крупку
Просевают сквозь сито. И это за чудо сойдёт.
Ну а если уж роща надела зелёную юбку...
Ну а если уж ветер сиреневый майский метёт...
2013

На жизнь хватает. Жизни не хватает.
На жизнь хватает. И не на одну.
Но та одна, что есть, всё время тает
И улетает. Как её верну?

Всего хватает: и любви и смеха,
И слёз, и снов, и всяческих чудес.
Есть лишь одна серьёзная помеха:
Что времени, что времени в обрез.
2013

О том, о сём:

Человек играющий

Как ни сложен мир, в котором мы живем, все же самое сложное
– поддерживать порядок на вверенной тебе территории – в собственной

душе и устранять конфликты, постоянно возникающие на незримой границе между внутренним пространством и внешним. Казалось бы, чего проще: мотайся туда-обратно сколько хочешь. Ан нет. На границе бдят. И этот бдящий – ты сам. То, перекрыв себе ходы внутрь, с маниакальной жадностью заглываешь внешние впечатления. То, отрезав пути наружу, полностью погружаешься в себя. То легко выпускаешь в душу нечто недоброкачественное, то разбазариваешь драгоценное. Ни покоя, ни строя, ни лада. Они, конечно же, были, но давно, в детстве, когда все прозрачно, любые границы.

На внутренней территории идет своя загадочная, невесть кем и чем управляемая жизнь. Здесь своя эпоха, свой отсчет времени, редко совпадающий с тем, что снаружи. Здесь – тишина, а снаружи – грохот; здесь – расцвет, а там – распад. И наоборот: там – Ренессанс, а здесь – глухое средневековье; на дворе – распутица, а внутри – заморозки; на дворе – сплошные кануны, а твои часы еле ходят. Ты полагал, что они будут идти бесконечно долго, а оказалось, это – одно из заблуждений, на которые так щедра жизнь. Иллюзия – замена счастьем и основная жизненная веха. Продвигаясь от рубежа к рубежу, вернее, от миража к миражу, приходишь ... к миражу новому. Да и не к новому, а к старому, мильон раз возникавшему и исчезавшему прежде в других душах. Приходишь туда, где до тебя уже были, оставив многочисленные тому доказательства, которые и радуют (ура, не я один!) и огорчают (увы, не я один!). И все же твоя внутренняя территория – тэрра инкогнита, и ты на ней – Адам, которому Господь с удовольствием подыгрывает, даря свежие краски и яркие ощущения. “Первый снег”, – замороженно твердишь ты. – “Первая ласточка. Первая любовь”.

Ты полагал, что твое внутреннее пространство – безгранично, и вдруг обнаруживаешь, что истоптал его вдоль и поперек, исчерпал все источники, заглянул во все закрома. Нет там больше ничего и не предвидится. И даже товарообмен между двумя мирами – внешним и внутренним – невозможен: душа молчит, не принимает. Сколько ни колеси по белу свету, сколько ни открывай дверей с надписью “к себе”, “от себя”, твоя граница – на замке. Увы тебе. Ты протрезвел раньше, чем кончился пир, выбыл из игры прежде, чем она завершилась. Господь сотворил тебя ЧЕЛОВЕКОМ ИГРАЮЩИМ, заронил в тебя Божью искру, способную любую банальность превратить в откровение, как обыкновенный куст в неопалимую купину. Подарил тебе вдохновение, а ты ... Впрочем, Господь дал, Господь и взял. Кто знает, зачем и почему? Сколько ни строй предположений, все будут напоминать детский стишок, который звучит примерно так: “На свете жил слоненок, а может, поросенок, а может, крокодилчик, а может, и не жил...”

1996

Александр Матлин

**Бернард Нахес,
адвокат в законе**

Когда мы молоды, нам кажется, что мы достигли солидного возраста, и из нас так и прёт мудрость житейского опыта. Когда мы на самом деле достигаем преклонного возраста, мы забываем про житейский опыт и думаем, что всё ещё молоды.

Представьте себе, когда-то, давным-давно я тоже был молодым и тоже думал, что достиг преклонного возраста и устал от жизни. Я стал плохо спать. И мне стали редко сниться приятные сны. В основном, осаждала какая-то муть, вроде чаепития с вице-президентом Зимбабве.

Но в тот далёкий день, о котором пойдёт речь, случилась одна из редких удач. Приснился сон, наполненный радостью. Как будто я веду машину по гладкой, залитой солнечным светом дороге. По обе стороны дороги раскинулись леса, поля и луга, в общем – всё, чему полагается раскидываться по обе стороны дороги. Мир источает благодать. В небе суется мелкие облака. Сквозь ровный шум мотора проступает вкрадчивое чириканье птичек. Сначала оно едва слышно, потом становится громче.

Потом ещё громче.

Потом оно становится пронзительным.

Потом перерастает в непереносимый визг, и тут я просыпаюсь. Это визжат по асфальту колёса моей машины оттого, что я изо всех сил давя на педаль тормоза. Им вторит такой же визг колёс позади меня. Как говорили в футбольных репортажах...

Удар.

Ещё удар.

Первый удар был мой – по машине спереди. Второй – по моей машине, сзади. После этого всё замерло. Замолк усыпляющий шум мотора. Затихли птички. Даже мелкие облака растаяли в посеревшем небе. Из-под моего капота, вздыбившегося, словно кот при виде собаки, шёл лёгкий пар. Зада своей машины я не видел, но догадывался, что это тоже не самое привлекательное зрелище. Слава Богу, сам я не пострадал. Даже не успел испугаться.

Полицейская машина подлетела минуты через три. За ней – ещё одна. За ней – пожарная машина. За ней – скорая помощь. Потом начали подъезжать какие-то машины без опознавательных знаков, но явно имевшие право на участие в событии. Пока я думал, что делать –

выходить из машины или, наоборот, лечь досматривать свой сладкий сон – у моего окна вырос детина в форме.

– Сэр, как вы себя чувствуете? – взволновано кричит он.

Его волнение меня немного озадачило.

– Ничего, спасибо, – отвечаю я вежливо. – А вы как?

– Жалобы есть? – настаивает полицейский.

Я вижу, что он от меня не отстанет. Я говорю:

– Знаете, в моём возрасте грех ни на что не жаловаться. Вот, например, суставы болят по утрам. Бессонница мучает.

Это я специально навожу его на мысль. Чтобы не подумал, что я заснул за рулём. А он – своё:

– Хотите, скорая помощь доставит вас в больницу?

– Ещё чего! – говорю я. – С какой стати?

Тут я чувствую, как меня кто-то толкает в бок и слышу шепот:

– Соглашайся, дурак!

Смотрю, в машине рядом со мной уже сидит этакий пухлый белообрый субъект с бесцветными, как простокваша, глазами, в костюме и при галстуке. Костюм, правда, дешёвый и мятый. Я говорю:

– Извините, чем я могу вам помочь?

– Ничем, – говорит наглый субъект. – Это я могу вам помочь. Я буду вашим адвокатом.

Он суёт мне свою визитную карточку, потом перегибается через меня и кричит в окно полицейскому:

– Сержант, я – адвокат Бернард Нахес, представляю пострадавшего! Ему нужна срочная медицинская помощь. Прошу вас с ним не разговаривать, потому что он в шоке и не соображает, что говорит. Немедленно везите его в больницу. Я буду следовать за вами.

И опять толкает меня в бок, чтобы я помалкивал. Но я не хочу, чтобы какой-то наглец ущемлял мою свободу слова. Я говорю:

– Никакая помощь мне не нужна – ни медицинская, ни ваша паршивая адвокатская помощь. Так что, попрошу освободить мою машину.

– Неужели? – говорит белообрый, не обижаясь. – А деньги вам нужны? Подозреваю, что нужны. Вот и мне тоже, не меньше, чем вам. Тем более что Бобби в этом году идёт в колледж.

– Кто такой Бобби?

– Мой бойчик.

– В какой колледж идёт бойчик?

– В Корнель.

– Хороший колледж, – одобряю я. – Но очень дорогой; не знаю, как вы потянете.

– Даст Бог, с вашей помощью, – нагло заверяет белобрысый. – Так что, закройте глаза, а заодно – рот, и делайте то, что я говорю.

Тут подоспели санитары с носилками, вытащили меня из машины без всякого сопротивления с моей стороны, загрузили в скорую помощь и помчали в больницу. По дороге я снова задремал, но сладостный сон про светлую дорогу уже не вернулся...

Как вы знаете, в коротких рассказах время летит быстро. Прошло два месяца. Всё это время я послушно выполнял указания моего адвоката, которого теперь запросто называл Бёрни. Я не ходил на работу, но регулярно посещал врача. Врача тоже звали Бёрни, фамилию не помню. К нему меня направил адвокат Бёрни, строго запретив ходить к каким-либо другим врачам. Бёрни-врач и Бёрни-адвокат обсудили ситуацию и решили, что у меня пострадали шея и поясница. Бёрни-врач назначил мне лечение чем-то высокочастотным и велел приходить к нему через день. Бёрни-адвокат этого режима лечения не одобрил. Учитывая высокую стоимость колледжа, куда поступил его сын, он настоял, чтобы я наносил визиты врачу каждый день. При этом он строго запретил мне разговаривать с кем бы то ни было, а главное – отвечать на какие бы то ни было вопросы.

За мои визиты к врачу платила, как полагается, страховая компания. Я доплачивал двадцать процентов, но и это обращалось в чувствительную сумму.

– Не горюй, – утешал меня Бёрни Нахес. – Всё вернётся с лихвой.

– С какой лихвой?

– С хорошей. Как договорились, две трети тебе, одна – мне. Хотя, по справедливости, надо бы наоборот. Мне бы надо получить две трети этой самой лихвы. А ещё лучше – три четверти.

К этому времени мы с Бёрни уже близкие друзья. Поэтому я говорю по-дружески:

– Свинья ты, Бёрни, хоть и еврей! За что тебе три четверти?

– А тебе за что?

– Как за что? Я – потерпевшая сторона!

– Кто, ты? Это я потерпевшая сторона, – говорит Бёрни без тени иронии. – Ты лежишь себе в кабинете врача и в ус не дуешь. А я должен крутиться, как сумасшедший, между судами и страховыми компаниями, чтобы выбить тебе твою четверть.

– Бёрни...

– Ну, хорошо, треть.

– Я буду искать другого адвоката.

– Окей, окей, две трети, не надо возбуждаться.

Такой диалог с Бёрни происходит регулярно. Но это не мешает нашей дружбе, которая крепнет с каждым днём. Мы уже дружим семьями,

бываем друг у друга в гостях, сетуем друг другу на детей и на боли в пояснице. С моей мамой у Бёрни сложились особенно близкие отношения. Моя мама, как полагается всякой еврейской маме, несмотря на мой зрелый возраст, считает меня ребёнком. Бёрни жалуется ей на моё непослушание в выполнении его инструкций, и мама полностью разделяет его чувства.

– Вы мне будете рассказывать! – говорит она с пафосом. – А то я не знаю! Когда ему было восемь лет, я не могла заставить его вымыть руки перед обедом!

Самым неприятным во всей этой истории оказался запрет Бёрни-адвоката разговаривать с людьми и отвечать на их вопросы. Звонит мой старый друг Лифшиц.

– Привет, старик! – орёт. – Как жизнь?

– Извини, Лифшиц – говорю я. – На твой вопрос я не могу ответить. Обращайся к моему адвокату, мистеру Нахесу. Его телефон 908-364-2553.

– Старик, ты что, рехнулся? – говорит оторопевший Лифшиц.

– Извини, Лифшиц – говорю я. – На этот вопрос я тоже не могу ответить. Пожалуйста, обращайся к моему адвокату, мистеру Нахесу. Его телефон 908-364-2553.

Постепенно друзья перестают мне звонить. Жизнь тускнеет. Вокруг не остаётся никого, кроме зануды Нахеса. Мы с ним уже такие близкие друзья, что я с трудом его выношу. Поразмыслив, я нахожу способ отомстить Нахесу за его введливость. Я начинаю отвечать на телефонные звонки, которые раньше игнорировал. Звонят, например, из какой-то политической организации. Известно, зачем звонят: чтобы попросить денег. Я это знаю, и они знают, что я знаю. Но всё равно, сначала им полагается поговорить.

– Доброе утро! – кричит в трубку бодрый нахальный голос. – Вам выпала небывалая удача: вы избраны из десяти тысяч кандидатов, чтобы участвовать в опросе общественного мнения. Поддерживаете ли вы двадцать восьмую поправку к конституции, которая оздоровит нашу экономику и даст работу миллионам безработных граждан?

Я говорю:

– Извините, я не могу ответить на ваш вопрос. Обращайтесь к моему адвокату, мистеру Нахесу. Его телефон 908-364-2553.

– Прекрасно! – кричит мой незванный собеседник. В таком случае, можете ли вы пожертвовать нам 180 долларов с целью оздоровления экономики? Если разделить на год, то это меньше, чем 50 центов в день!

– Прекрасная идея, – говорю я, скрывая злорадство. – Обращайтесь к моему адвокату, мистеру Нахесу. Он такой человек, что обязательно пожертвует. Его телефон 908-364-2553.

После каждого подобного звонка Бёрни зреет.

– Зачем ты даёшь им мой телефон? – вопит он, разбрызгивая слюну.

– Бёрни, – говорю я ласково, – ты же сам велел мне ни с кем не разговаривать и всех направлять к тебе. Вот я и направляю.

Издваться над Нахесом было единственным развлечением в моей поскучевшей жизни. Вся эта жизнь заключалась в мучительном ожидании некоего ослепительного богатства, за которое сражался мой адвокат, и которое должно было обеспечить мне всю оставшуюся жизнь в истоме роскошного безделья. Так проходили недели и месяцы. С работы меня уволили, но меня это даже обрадовало. Теперь не надо было думать о карьере и трепетать в ожидании прибавки к моей ничтожной зарплате. Впереди сияло богатство.

Незаметно проскользнуло лето. Заиндевила трава на лужайках, затихло гудение кондиционеров, и улицы наполнились полуодетыми школьниками с рюкзаками за спиной. Моя утомительная дружба с Бёрни Нахесом продолжалась, но денег это всё никак не приносило.

И вот однажды он явился неожиданно, без звонка. Он был бледен, и в его бесцветных глазах мерцали слёзы.

– Бёрни! – обрадовалась мама. – Хорошо, что ты пришёл. Я как раз сварила борщ.

– Не надо борща, – печально сказал Бёрни. И, вздохнув, добавил с трагическим надрывом:

– Поздравляю! Дело закончено. Твоя доля – четыреста тысяч.

– Я получу четыреста тысяч долларов? – спросил я тревожно.

– Нет. Ты должен заплатить четыреста тысяч долларов, – сказал Бёрни и заплакал навзрыд.

Через некоторое время, утерев слёзы и съев борщ, он поведал страшную историю. Эти проклятые страховые компании, с которых он хотел сорвать несметные миллионы, раскопали документы о моих травмах, а вернее – об их отсутствии. Они затребовали рентгеновские снимки в больнице, куда меня отвезли после аварии, и убедились, что никаких травм не было. Далее, они затребовали документы у доктора Бёрни, и по каким-то, одним им известным признакам убедились, что диагноз его – липовый и что доктор Бёрни – такой же жулик, как и адвокат Бёрни, а я – авантюрист и симулянт. После долгих переговоров они согласились не возбуждать уголовного дела против нас, если мы оплатим им все юридические расходы, связанные с моим делом.

– Бёрни, скотина, – сказал я, стараясь в мамином присутствии сдержаться от более выразительных эпитетов, – кто заставил меня ехать в больницу, а потом идти к своему врачу?

– Я, – признался Бёрни. – Но ты должен быть мне благодарен. Я боролся за тебя, как тигр, и эти мерзавцы согласились взять с тебя только сорок тысяч вместо четырёхсот.

Больше он ничего не смог добавить, так как его снова начали душить рыдания.

Некоторое время мы молчали. Бёрни пытался подавить свою позорную плаксивость, а я пытался решить, что мне делать – выгнать его из дома или сначала дать по морде, а уже потом выгнать. Вмешалась мама.

– Ты видишь – человек страдает, – говорит она. – Неужели у тебя нет ни капли жалости?

– Вот именно, – соглашается Бёрни сквозь всхлипывания. – Нет ни капли. Что мне теперь делать?

Несмотря на трагичность ситуации, мне показалось смешным, что у Нахеса хватает не то наглости, не то глупости обращаться ко мне за советом. Я говорю:

– Поменяй фамилию Нахес на Цорес. Это поможет.

– Ты ещё остришь, – стонет Бёрни. – Как я теперь буду платить за Боббин колледж?

– Да, – поддерживает мама. – Бобику надо ходить в колледж. Ты должен ему помочь.

– Интересно, а кто мне поможет? Уж не Бобик ли?

– У тебя есть дом, – говорит Бёрни, хлюпя носом. – Ты можешь взять займы под дом.

– Пошёл вон! – сказал я, но не стал бить ему морду, чтобы не огорчать маму.

...Это – почти конец истории. Больше я не встречал Бёрни.

Прошли годы. Много лет. Жизнь вернулась в свою колею. Я нашёл работу, выплатил долги, похоронил маму, окончательно состарился, вышел на пенсию и никогда более не вспоминал ни про автомобильную аварию, ни про своего убогого адвоката. Моё существование вышло на медленную финишную прямую.

Однажды в этой скучной, бедной событиями жизни, меня пригласили в местную синагогу на какое-то полуоформальное празднование какого-то юбилея. Раньше я бы проигнорировал подобное приглашение. Но теперь охотно согласился, поскольку это вносило некоторое разнообразие в мою монотонную жизнь. Там я встретил своего знакомого, которого не видел много лет. Пока мы болтали, стараясь восстановить события этих пропущенных лет, мимо проковылял старый толстый человек невзрачной наружности. Он кивнул моему собеседнику и на мгновение задержал взгляд на мне.

– Кто это? – спросил я.

– Это Бёрни. – объяснил мой знакомый. – Когда-то он был очень известным адвокатом. В молодости он прославился среди своих коллег тем, что из простой автомобильной аварии сколотил целое состояние. Говорили, что он сумел обобрать не только страховые компании и автомобильную индустрию, но заодно ещё и своего клиента, и его врача. Некоторые юристы считают, что в их профессии это была совершенно оригинальная концепция, так сказать, новый подход к взаимоотношению адвоката и его подзащитного.

– Его фамилия Нахес?

– Да. Ты с ним знаком?

– Был знаком когда-то. Я и есть тот самый клиент. Интересно, узнает ли он меня.

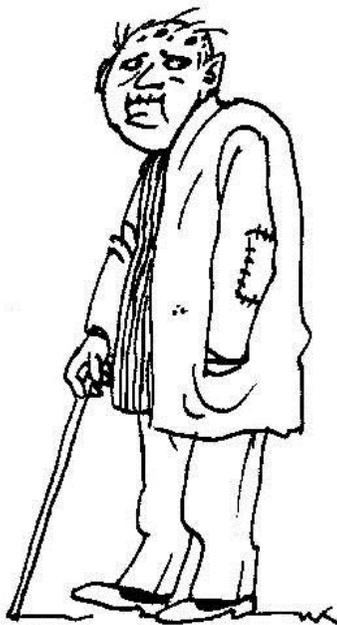
– Вряд ли. Говорят, у него Алзгаймер. Никого не узнаёт. Впрочем, говорят также, что на самом деле никакого Алзгаймера у него нет. Он его симулирует. Кого надо узнаёт, кого не надо – нет. Тебя он наверняка не узнает.

– Надо попробовать.

Я протолкался через толпу прихожан со стаканами в руках, нашёл Бёрни и с размаху хлопнул его по плечу.

– Привет, Бёрни, – сказал я, имитируя радость долгожданной встречи. – Узнаёшь?

В мутных глазах Нахеса замелькало что-то непонятное – то ли радость, то ли испуг.

– Извините, – сказал он, отводя взгляд. – У меня Алзгаймер.

– Знаю, знаю, – сказал я. – Можешь не узнавать. У меня только один вопрос: почему тогда, во время нашей последней встречи, ты так горько плакал? Неужели так хорошо притворялся?

– Ну что ты! – обиженно сказал Бёрни. – Я не умею притворяться. Мне было искренне жалко тебя. Я, хоть и адвокат, но ведь тоже человек.

И, тяжело вздохнув, добавил:

– Я бы тебя с удовольствием узнал, но не могу. Совсем замучил, проклятый Алзгаймер.

Он подмигнул и заковылял прочь.

Валерий Генкин, Александр Кацура

Дятлы-рояли

*Взойди в мой дом, и ты увидишь, как
посмешище — любой людской уют,
там птицы (поднебесная тоска!)
слова полузабытые поют.*

Виктор Соснора

«*П* ассказать или нет?» — думал Илья Игнатьевич, меняя стекло с мазком на предметном столике микроскопа. Совсем было собрался, но увидел, что у Ксении Ивановны сложный билирубин, и решил отложить до обеда. В обед, точно, удобнее, и боцмана не будет. Пальцы Илья Игнатьевича с профессиональным проворством орудовали стеклами, крутили микровинт, но мыслями он был далеко, не слышал стеклянного звяка посуды, которую боцман, наклонив медный затылок, составлял в сушильный шкаф, не замечал привычного шума центрифуги и лишь изредка бросал взгляд на Ксению Ивановну.

В два часа Василий Лукьянович, по обыкновению, отодвинул локтем штатив с пробирками, постелил чистую тряпицу на серое в проплешинах сукно стола и, заскрипев стулом, потянулся к своей кошелке. Кряжистая фигура боцмана внушала Илье Игнатьевичу известную робость — чувство, которого он стеснялся, особенно в присутствии Ксении Ивановны. И чего, казалось бы, робеть. Чего смущаться. Ему, врачу как-никак, — обыкновенного лаборанта. И человек Василий Лукьянович был не злой, хотя все больше молчал, а его тяжелые короткие кисти всегда были, если только он не возился с пипетками и мерными цилиндрами, сжаты в колючие рыжие кулаки.

На тряпицу легли два крутых, в трещинках, яйца, розовая луковица, шмат буженины собственного приготовления. Подталкиваемый в спину домашними запахами, Илья Игнатьевич вышел на улицу, чтобы там, в тополиной тени напротив крыльца лабораторного домика, дожидаться замешкавшуюся с последним анализом Ксению Ивановну.

Так сказать или нет? Ведь решит, что спятил. Она хоть женщина романтическая и начитанная, но все же женщина, а они в необычное верят с трудом. Скорее сбывшееся сочтут вымыслом, чем позволят себя провести болтуну и выдумщику. Илья Игнатьевич, правда, не имел особых оснований для столь широких обобщений по части женского характера. Сам он был с детства застенчив сверх меры. В школе тихоня, институт закончил в какой-то задумчивости. В больнице, где проходил интернатуру, боялся. Ответственности, начальства, анекдотов, коллег,

пациентов. Сам и попросился в лабораторию. Жене, впрочем, по душе был тихий его нрав, но потом, видимо, стал раздражать, и она уехала с немолодым, но напористым главным инженером какой-то стройки, оставив Илье Игнатьевичу почти взрослого сына и блокнот кулинарных рецептов, написанных крупным уверенным почерком. Прошло время. Сын стал студентом. По вечерам, пробираясь на кухню, Илья Игнатьевич огибал разбухшую вешалку, путался в чьих-то сапогах и слышал взрывы смеха за дверью, всегда закрытой. Увидав по телевизору фильм, в котором пожилой благообразный мужчина, сидя в тюремной камере, клеил конверты и чувствовал себя совершенно счастливым, Илья Игнатьевич ощутил непреодолимое желание и самому вести столь же покойную, единенную и бесполезную для общества жизнь.

После женитьбы сына квартиру разменяли. Переехав на окраину в собственную комнату, Илья Игнатьевич мало-помалу стал избавляться от робости и душевного неуютя. Быт его постепенно обрастал удобными мелочами и привычными занятиями. Гостей у него не бывало, и свое жилье в чреве панельного параллелепипеда он почитал за настоящую крепость в английском смысле этого слова. Самодельные стеллажи потихоньку заполнялись книгами. Там, в тисненых переплетах за листами папиросной бумаги, жили цветные птицы. Солнечная цапля с черными стрелами на распушенных желтых крыльях. Султанская курочка, ковыляющая на беспомощных лапках. Хмурый заспанный кагу с растрепанным сиреневым хохлом. Вечерами, когда, утомленный, откладывал Илья Игнатьевич книгу, представлялся ему густой красивый лес. Он лежит на маленькой поляне и вникает в птичью жизнь. В просветах ветвей синее небо, птицы поют свободно, и их язык становится все более привычным, все более понятным.

А на днях случилось вот что. Илья Игнатьевич приподнялся — читал, как маленькие соколы-чеглоки ловят лапками жуков-навозников, потом брюшко откусывают, а что осталось — на землю бросают. Жесткая привередливость чеглоков ему претила. Искалеченные жуки ползали, страдали, и он расстроился. Глаза уже смыкались. Илья Игнатьевич отложил книгу, потянулся выключить торшер, сонным взглядом ухватил какую-то неровность на стройном лаково-желтом стволнике, да сразу же и похоронил это впечатление в медлительных сонных мыслях. Утром, отставляя торшер от дивана, почувствовал укол. Осторожно убрал ладонь. На гладкой поверхности обозначилось шершавое вздутие. Торчал острый сучок с приклеенной будто тугой изюминкой-почкой.

Теплая загадочность события весь день дремала в его мозгу. Под вечер, когда почка заметно увеличилась, Илья Игнатьевич взволновался не на шутку. «Вы только подумайте, — бормотал он, шагая по комнате. — Нет, каково, а? Впрочем, я всегда знал, я чувствовал, я знал это», — говорил он в стену довольно бессвязно, ибо сам не очень понимал, что он должен был чувствовать и знать.

Наконец Ксения Ивановна, пожелав боцману приятного аппетита и тронув отраженную створкой шкафа короткую стрижку, спустилась к щуплой фигурке Ильи Игнатьевича, маячившей у крыльца.

По дороге в молочное кафе — десять минут ходьбы от больницы — Илья Игнатьевич для разгону заговорил о любимом предмете.

— Вот пеночку, Ксения Ивановна, о которой я вам вчера рассказывал, многие знают. Птица у нас известная, из породы славок. А то есть еще пуночка. Та побольше, с мою ладонь. Живет в тундре. И вот что интересно. Прилетают пуночки на север ранней весной. Сначала самцы. И каждый себе участок ищет. Как найдет — никого туда не пускает. Сам взлетит на валун повыше и поет. Часами напролет поет: «Пи-и!» Ну, потом уже самочки прибывают, и у каждой пары место определено. Можно сказать, квартирный вопрос решен...

Так и не добрался в тот день до главного. Духу не хватило. Зато на следующий день случилось такое, что молчать уже стало невозможно.

— Что это с вами сегодня, Илья Игнатьевич? Вы словно именинник, румянец даже,— спросила его Ксения Ивановна, когда они двинулись привычной дорогой.

— У меня, Ксения Ивановна, событие,— начал он вдохновенно, запнулся и продолжил тугим голосом.— У меня дома торшер. Такой, знаете ли, на деревянной ноге.

Ксения Ивановна улыбнулась.

— Торшер — это хорошо. Рада за вас.

— Вы вот смеетесь...— Он замолчал.

Ксения Ивановна посмотрела на него внимательно. И тут Илья Игнатьевич как в воду:

— Он у меня зацвел.

— Кто зацвел?

— Торшер.

— Торшер? Да вы шутник, Илья Игнатьевич!

— Сам понимаю, странно звучит. Но это так. Зацвел голубым цветком. Ветку пустил с листьями.

— И много их, цветов?

— Один.

— Один — это еще ничего. Не совсем, значит, совесть потеряли.— Ксения Ивановна засмеялась низким смехом и посмотрела на Илью Игнатьевича с интересом, какого прежде ее взгляд не выражал.

Но он этого не заметил. Обиделся.

А домой шел весь в ожидании. Что там? И увидел: ствол от вечернего солнца золотой и теплый, вторая ветка прогнулась, а первая еще два цветка дала. И не сдвинуть уже его с места — тонкими упругими нитками впился тяжелый блин в сырой паркет.

Смирив волнение, Илья Игнатьевич как ни в чем не бывало поужинал покупной котлетой с чаем, сел в кресло под торшером и открыл любимую книгу «Осы, птицы, люди».

Шли дни. Бесконечной чередой тянулись стекла и склянки с биоматериалом. После работы Илья Игнатьевич возвращался прямо домой. Если раньше, бывало, нет-нет да и сходит в кино или посидит часок на бульваре, а то пройдет по магазинам — просто так, поглазеть,— то теперь спешил он под сень своего чуда, ласкал пальцами теплый ствол, носил из кухни воду в стакане, опасливо плескал на

расползавшиеся корешки, следил, запрокинув голову, за уходящими вверх ветвями, отмечая путь древесного жука или божьей коровки. Голубых цветов становилось все больше, и в лаборатории он скучал по их слабому холодновато-горькому запаху.

В беседах с Ксенией Ивановной он избегал возвращаться к этой теме, боялся насмешки. Но как-то не выдержал:

— А знаете, Ксения Ивановна, отчего я сегодня проснулся?

— Не знаю, Илья Игнатьевич. От будильника, наверно.

— А вот и нет. Дятел над головой стучал. Так долбил!

— Ай-яй, Илья Игнатьевич, прямо беда с вами. Не доведут до добра ваши птицы.

— Опять не верите,— сказал он.— А вы...

И тут Илья Игнатьевич выпалил то, что, казалось, никогда и вымолвить не сможет:

— А вы приходите, сами увидите.

Выпалил и трусливо замолчал.

Ксения Ивановна тоже промолчала. А возвращаясь домой, дошла до подъезда, представила стерильный уют своей кухни, холод большой, чисто прибранной комнаты, повернулась и пошла в кино. Давали какую-то комедию, грустную и нелепую.

Рассказы Ильи Игнатьевича о птицах Ксения Ивановна слушала вполуха, хотя виду не подавала. Думала о своем. То мужа вспоминала, еще молодого, до болезни, то консерваторский класс с белым роялем, то медучилище, то ясные глаза мальчишки в детской комнате и голос его, очень искренний: «Я потому, тетенька милиционер, Сашка порезал, что он битую мою зажал. Хорошая бита, сам лил...» Тетенька милиционер не выдержала, сломалась.

Старалась, правда, не опускаться, следила за собой. Журналы покупала на автобусной станции, старик киоскер оставлял «Новый мир», «Иностранку», «Неделю». Ходила иной раз и в театр, на выставку. А на концерты, в оперу на живую музыку — никогда. Не могла смотреть на волшебные руки людей — там, на сцене или в оркестровой яме. Сразу ощущала два своих негнущихся пальца, боль возвращалась через тридцать почти лет. Зато дома, поставив пластинку на черный тяжелый диск, Ксения Ивановна начинала жить настоящей, а не выдуманной жизнью. Под звуки «Страстей по Иоанну» все это — анализы крови и желчи, мочи и ликвора, молочные обеды с Ильей Игнатьевичем, редкие письма и звонки дочери — исчезало, и она, перестав притворяться лаборантом и женщиной средних лет, восходила по бесконечным ступеням хоралов, выше, выше, сладко цепенела душа, и медленные слезы радости стекали по ее щекам.

«У птиц ведь свои композиторы, Ксения Ивановна. И свой Бах. Глухарь. Застаньте его на току — сколько размеренной страсти в глухаринной любовной песне...» Чудак Илья Игнатьевич! Убегает теперь после работы как ошпаренный. Вваливается, должно быть, в свою берлогу, достает из «Морозко» кислый крупчатый творог, ест с кефиром, повидлом мажет, чтоб не морщиться, и садится разглядывать цветные картинки при свете торшера. Вообразить его цветущим деревом! Это, однако... Да это

все равно что принять ее, Ксении Ивановны, комнату за старинную гостиную с барочной мебелью... Ксения Ивановна жила на втором этаже кооперативной башни, облицованной веселой зеленоватой плиткой. Широкая тахта в ее комнате застелена пушистым новозеландским пледом, в полках среди книг посверкивают хрустальные вещицы, голубеют за стеклом серванта высокие бокалы, привезенные дочерью из Чехословакии. Но сейчас она не замечает этого. Она отчетливо видит синие штофные стены в золотых медальонах, легкую лепнину потолка, ореховый узор паркета, голубую, под стать стенам, обивку диванов и кресел и множество людей, замерших в ожидании. Илья Игнатьевич, нахохлившись, сидит рядом с литой фигурой боцмана, на шелковом пуфе пристроился старик киоскер, за которым стоит ясноглазый паренек, так мастерски отливающий биты.

А вот другой мальчик, постарше, тоже ясноглазый, — вожак ватаги, оравшей в лучезарной тишине майского вечера:

В-Союзе-нет-еще-пока-команды-лучше-«Спартак».

Тогда он больно крутил ей запястье и приказывал кричать: «Спартак» — чемпион!» А сейчас сосредоточенно ждет, сидя между ее дочерью и худым сутулым мужчиной, отвернувшим лицо. Еще дальше, в полутьме, — сжавшаяся пара старичков, он и она, но лиц их тоже не разглядеть. Только что убрали ворох цветов с белой крышки рояля. Больше ждать невозможно. Она опускает руки, и в воздухе повисают нервные взрывы скрябинской сонаты.

Василий Лукьянович был молчалив оттого, что стеснялся грубого, громкого своего голоса, ставшего таким от прошлой его морской службы. А после контузии, поразившей Василия Лукьяновича в самом конце войны, стал он глуховат на правое ухо, отчего заговорил еще громче. Кончал он службу в тылу, сначала санитаром, потом фельдшером. Дело оказалось непустое, и продолжал бы он эту работу на гражданке, да только досаждали бестолковые, еле бормочущие пациенты, сами не знавшие, что с ними стряслось. Приходилось переспрашивать по многу раз, наклоня левое ухо. Василий Лукьянович поразмыслил и пошел в лаборанты.

В людях Василий Лукьянович ценил основательность, в речах — трезвость, в поступках — дисциплину и разумность. Ксению Ивановну уважал, угадав в ней характер за внешней мягкостью. Илья же Игнатьевич, хотя и врач и начальство, был, по его меркам, человек несерьезный, пустоватый человек, звенящий какой-то, а потому Василий Лукьянович своего коллегу жалел, внешне, правда, никак этого чувства не проявляя. Но то, что услышал он сейчас, случайно, конечно: курил после обеда на лавочке за кустами жасмина, когда Илья Игнатьевич и Ксения Ивановна прошли мимо, — поразило и расстроило Василия Лукьяновича. Скажите пожалуйста, дерево у человека в квартире выросло. Дятлы стучат. Заместо потолка — небо. Ну и наплел. Ну и гусь. И Ксения Ивановна хороша. Нет чтобы одернуть, коллегу в чувство привести. Эх, все-таки баба есть баба. Слабая порода.

Дятлов было два. Под их уютный перестук Илья Игнатьевич, умильно прикрыв веки — притворщик! — следил, как плавно движется

она по комнате, собирая на стол. Вначале покрыла его — Василисиным взмахом от себя хрусткой, в квадратах складок скатертью, уже лет пять не тревожимой в нижнем ящике гардероба. Поставила две тарелки толстого фаянса и рядом с каждой положила тронутую желтизной салфетку в серебряном потемневшем кольце. Птицы на миг угомонились, непривычная тишина заставила его поднять голову и потерять из виду стол и руки Ксении Ивановны. Оказалось, дятлы взлетели повыше и возились там с гнездом, притыкаясь былки и веточки. За последнее время торшер заметно вырос. Буйная крона скрыла, унесла вверх протечный потолок. Илья Игнатьевич вглядывался, любопытствуя увидеть знакомые желтые кляксы, но глазам открывались синие куски неба, где выше редких облаков висит темный крестик сапсана.

Он снова опустил глаза. Два невидимых — от чистоты и тонкости — бокала таяли друг против друга, а в стороне, на краю стола, теплым куриным духом исходила фарфоровая супница, оперенная ручкой половника. Ксения Ивановна, должно быть, решила, что он задремал. Тихо отвела рукой синеветную ветку, наклонилась и сказала:

— Илюша, Илюш, вставай-ай. Обед на столе.

Боже, хорошо-то как.

Худой мужчина и старички уже были на своих местах. Она скинула плащ, прошла в дальнюю комнату переодеться. К инструменту вышла в черном бархатном платье, села за клавиатуру и задумалась. Первый звук полоснул пространство. Он резал его и рвал, и в черные треугольные дыры лезли другие звуки. Вот они хлынули неостановимой лавиной — бантов, колпаков, чулок под летящими фалдами. Они хватают ее и тащат, она смеется и отбивается. Жарко горит солнце на рожке охотника. Пастушок идет краем поля, закинув голову к ликующему небу, и сквозь гуд недалекого леса пробиваются крики валторны. А там, за углом, за внезапно открывшейся крепостной стеной, за островерхими башнями тесного города взрывается ярмарка, заполняя собой кривые улочки, бульжные площади, колокольчиковое поле. Солнце заходит, светло и волшебю бегут по клавишам пальцы, а если и ошибаются, то ошибаются легко и лукаво. Так играл Иосиф Гофман.

Но вот невидимая сила сбила звуки в могучие упряжки, пальцы стали собранней, удары — резче и суровой. В игре проступила страшная размеренность и точность. Какая дерзкая поступь басов. Какие смелые порывы открыли дорогу вверх. Какие мертвые паузы отделили стремительный бег. И вдруг — в повисшем пустом пространстве с дивной загадочностью встает одинокий звук. Так играл Сергей Рахманинов.

Низкое небо опустилось над полем. В застоявшейся его зелени плыли подкрашенные розовым облака. Одна-единственная птица тонко звенела над умолкающей травой. По полю шла девочка в венке из ромашек. Она уходила к горизонту, не думая о дороге. Скажи, куда? Скажи, зачем? Звуки вопрошают, бьются, замирают. И вместе с теплым вечерним туманом все вокруг затопляет высокая светлая нежность. Так играет она, Ксения Адоскина.

В пятницу из кошелки Василия Лукьяновича, помимо обычной снеди, явились капустный пирог, пакет подсохшего зефира и бутылка без этикетки.

— Вот, — сказал он, поводя рукой над столом. — Это, значит... — И, опережая удивленно-сердитую морщинку на лбу Ксении Ивановны, добавил, кивнув на бутылку: — Легкое очень, домашнее...

Илья Игнатьевич, направившийся было к выходу, чтобы на улице поджидать Ксению Ивановну, застыл в дверях.

— Что вы сказали, Василий Лукьянович?

— Я в том смысле — день рождения у меня. Шаг, стало быть, к этой...

— Ну что вы такое говорите, Василий Лукьянович, — заторопилась Ксения Ивановна.

— К пенсии, говорю, шаг. Недолго, два годика осталось. Это вы молодежь, а я... Словом, давайте это... отметим, что ли.

Такую длинную речь в стенах лаборатории Василий Лукьянович произнес, пожалуй, впервые.

— Ах, ну право,— приговаривала Ксения Ивановна, нарезаая кулебяку, расставляя мензурки и бумажные тарелочки и передавая Илье Игнатьевичу миску с помидорами — мыть. Тот покорно, даже с готовностью, ушел.

— Я вот, Ксения Ивановна, хотел сказать вам, — начал Василий Лукьянович, — про Илью. Вы ведь тоже, наверно, заметили.

— Что я такого могла заметить?

— Птицы эти, деревья...

— Да, птиц он любит. А что?

— Птиц и я люблю. Особенно чаек. Я к тому, что заговаривается он. У него ведь птицы-то на этом... Только не думайте, не подслушивал я. Случайно вышло. А вы... нехорошо, Ксения Ивановна, подыгрываете вы ему. Вам бы урезонить человека.

— Господи, да о чем вы, Василий Лукьянович?

— О торшере его, о чем же еще. Дятлы у него там поселились, цветы лезут. Того гляди груши рвать начнет.

— Ах, вот что вас беспокоит, — сказала Ксения Ивановна ровным голосом.

— Ну да. Совсем ведь с катушек сойдет.

— Эх, Василий Лукьянович, голубчик. И все-то у вас прямо, и все-то у вас ровно. Ну торшер, ну цветы. Тут радоваться надо, коли такая удача. Не часто выпадает человеку, чтобы вот так. Я и сама недавно этого не понимала. А жизнь, она ведь... Да нет, не умею я объяснять. Знаете что? Приходите-ка вы лучше в воскресенье ко мне, с Натальей Павловной приходите. Я вам сыграю.

В комнату, толкнув коленом дверь, протиснулся Илья Игнатьевич. Левой рукой он прижимал к себе миску с умытыми влажными помидорами, а правой робко выставил букет привядших бордовых гладиолусов.

— Извините, цветы немного того. Но другие еще хуже были. Вот, Василий Лукьянович, мы с Ксенией Ивановной поздравляем вас. И пусть все ваши желания исполнятся.

— Уж не с вашего ли... не из вашего ли сада цветы?— басовито брякнул Василий Лукьянович, но в конце фразы поперхнулся и закашлялся. Кашлял долго, натужно, до слез.

— Будьте здоровы, Василий Лукьянович! — сказала Ксения Ивановна.— Это очень важно, чтобы желания исполнялись. Ведь тогда все будут счастливы. Вот у вас какое самое заветное желание?

Василий Лукьянович немного помолчал, разливая вино. Потом, когда уже выпили, сказал:

— Я, знаете, до войны под Мелитополем жил, у самого моря. А возвращаться не стал — не к кому. В разных местах бывал. Доучивался, работал. Здесь вот зацепился, а все туда тянет. Думаю себе, на пенсию выйду, уговорю Наталью, поедem в нашу Степановку. — Он еще помолчал и тихо добавил: — Лодку куплю, стану рыбу ловить.

Так, за разговором, они и не заметили, что кончился обед.

В этот день двери запирала Ксения Ивановна, и — такое случилось впервые — Илья Игнатъевич и Василий Лукьянович дождались ее. Некоторое время шли втроем. А когда она свернула к себе, мужчины продолжили путь по медленно остывающему бульвару. Илья Игнатъевич рассказал боцману об удивительной птице колпице с расширяющимся книзу клювом, странным образом похожим на лопату и на молоток. Василий Лукьянович, в свой черед, объяснил Илье Игнатъевичу, как берет кефаль на Бирючем острове, который и не остров вовсе, а самый край длиннющей Федотовой косы. Уже прощаясь, Василий Лукьянович сказал:

— Я чего спросить хотел, что это с Ксенией-то происходит?

Илья Игнатъевич смотрел не понимая.

— Эти ее разговоры о рояле, о том, будто играет она. Надо бы отвлечь ее от мыслей этих. Какая уж тут игра, сами понимаете.

— Да что вы, Василий Лукьянович, — вздохнул Илья Игнатъевич облегченно. Подумаешь, рояль. Ну появился у Ксении Ивановны рояль. Ну играет она на нем. Но ничего такого тут нет. А играет, между прочим, замечательно. Да ведь Ксения Ивановна и женщина необыкновенная. Понимаете ли вы это? Вы должны понять. Со мной тоже, скажу вам по секрету, удивительная история вышла. Вот у вас, например, есть дома торшер?..

Потом, когда Илья Игнатъевич, махнув рукой, юркнул в свой переулок, Василий Лукьянович замедлил и без того неторопливый шаг. Сейчас пройдет он мимо глухого куба бойлерной с намалеванными на грязной стене спадающими буквами — ЦСКА, минут перевернутую урну у подъезда, откроет визгливую створку с красной фанерной заплатой и станет подниматься, хрустя скорлупой у мусоропроводной колонны с вырванными крышками. Он войдет в квартиру, где делит стол и постель с женщиной, много лет назад пришедшей сюда, чтобы досадить другому (как и он привел ее, чтобы досадить Марианне и забыть ее плечи в соленых каплях), да и оставшейся — стирать и стирать, гасить в себе и в

нем вождедение и молчать, молчать, молчать. Он распахнет окно, выходящее на крутой подъем к нефтебазе, где надсадно воют бензовозы, он откроет окно, эх, дятлы-рояли, и высунется до пояса...

Илья Игнатьевич торопился. Он ждал сегодняшним вечером в гости Ксению Ивановну. Она обещала прийти на ужин к половине восьмого. Илья Игнатьевич летел домой. Сейчас он войдет к себе, отыщет кнопку среди корней, впустит этот задумчивый свет, похожий на свет забытого фонаря в листве ночного парка. И лишь две мысли слегка тревожили Илью Игнатьевича. Во-первых, дятлы селятся в дуплах и гнездах никогда не вьют. И во-вторых, он твердо помнил, что серебряные кольца для салфеток мать продала сразу же после войны.

Василий Лукьянович распахнул окно, выходящее на крутой подъем к нефтебазе, откинул створки, эх, дятлы-рояли, и высунулся по пояс. Он увидел красную глину азовского пляжа, вдохнул запах степи и моря, горечь и соль коснулись губ. Там, где вода теряет прибрежную желтизну и сливается с сине-зеленым небом, глаза схватили белый косой мазок — баркас чудака или городского бездельника: какой серьезный рыбак выйдет в море в этот час. Да и не ходят теперь рыбаки под парусами.

Но это был парус. А над ним, но ближе, на густо окрашенном холсте неба стремительную двойную линию выводила пара сизых точек. Чайки.

ЗоМя астер

Городские

Из «Кишинёвских рассказов»

Ночь

петух – вредное создание, и вредность его происходит от осознания собственной птичьей неполноценности. К такому выводу пришла Кира, пытаясь объяснить причину хронической ненависти хозяйского петуха к своей лучшей подруге. Завидя Лилю, петух начинал злобно клекотать, остервенело рыть жёлтой чешуйчатой лапой дворовую глину, затем распускал горчичные с сизым налётом крылья, разбежался и, подпрыгивая, как самолёт-кукурузник, отрывался от земли. На Киру он не обращал никакого внимания.

– Смотри-ка, петух ей не нравится, - возмущалась хозяйка, когда Лиля жаловалась на безнаказанную агрессию птицы, - меньше надо задом вертеть. Это тебе не город.

Хозяйку звали Нуца, на вид ей было хорошо за шестьдесят. Днём она хоть и с акцентом, но весьма прилично разговаривала по-русски, а ночью – только по-молдавски.

- Чине-й аколо?! Орькум нимик н-ам сэ вэ дау!¹ – дико вскрикивала она обычно часа в два ночи. – и резко садилась на широкой металлической кровати.

При свете ночника её лицо отливало неоновой зеленью, вытаращенные глаза, не отрываясь, сверлили стену, увешанную фотографиями детей и внуков.

- Оф, Доамне, че сэ фак?² – надрывно стонала она, раскачиваясь из стороны в сторону.

В одну из таких ночей, поняв, что постельные кошмары Нуцы неизбежны, как смена времён года, Лиля прошептала: «Я не выдержу ещё три недели этих воплей. Какого чёрта ей не спится? Мы тут мучаемся на этих долбанных раскладушках, а она на трёх перинах расслабиться не может. И смотри, во второй комнате, в каса маре, никто не живёт, а нас она туда не пускает, надеется, что дочка из города вернётся. Да ещё этот петух жить не даёт. Давай поищем другое жильё».

- А кто сказал, что там будет лучше? – ответила Кира. – Вот близняшки-скрипачки Маркины рассказывали вчера, что попали в семью,

¹ Кто здесь? Всё равно ничего не дам!

² Ой, боже мой, что мне делать?

где четверо чудных деток по ночам писают в жестяное ведро. Всю ночь – звон струи о жесть. И дух идёт... Представила? Или пианистки – в одной комнате, как в тюрьме – десять кроватей и стол. Только стульчака и решёток на окнах не хватает.

- Чине сынтец³? – озабоченно спросила Нуца, повернув голову на шёпот голосов и скрип раскладушек.

- Да мы это, - привычно ответила Кира, - вот пытаемся заснуть.

- Дакэ пря мулт вей дорми, нимень ну ва луа де невесте.

- Это она в том смысле, что если будем много спать, никто замуж не возьмёт.

Вот что старость и одиночество с людьми делают, - вздохнула Лиля и накрыла голову подушкой.

А Нуца, так же внезапно, как пробудилась, рухнула на спину и захрапела писклявым сопрано.

- Интересно, почему она всегда храпит в кварту: си бемоль – фа, си бемоль – фа? - спросила Кира, с детства любившая задавать философские вопросы. Но Лиля уже спала.

Утро

Под утро пошёл дождь, а к завтраку ветер отогнал облака за окраину села, и они громоздились там плотной гусеницей вздувшихся, складчатых пузырей. Над тентом-столовой образовалась белесая зальсына с неровными, подсвеченными анемичным осенним солнцем, краями. С брезентовой крыши тента стекали остатки воды, солома под ногами была сырой и мягкой. По ней, со стариковским бормотанием, разгуливали индюки, куры и гуси, выклёвывая какую-то мелкую гадость. На деревянных столах матово поблескивали алюминиевые мисочки с кашей, рядом с гранёными стаканами лежали толстые ломти аппетитного ржаного хлеба. Куски подтаивающего масла желтели в глубокой тарелке, за которой стояла кастрюля с чаем. Каша была горячеей, а чай еле тёплым и сладким до невозможности, потому что варили его в уже подсахаренной воде.

- Кормят хуже, чем Нуца свою свинью, - проворчала Лиля, - утром каша, в обед макароны, вечером опять каша с мясными обрезками. Мы здесь пашем, как негры на плантациях, так хоть бы кормили нормально.

- А мне жаль деревенских, - Кира закашлялась приторным чаем, - ты представь, мы здесь всего неделю и уже стонем: еда не та, магазин – одно название, холодно, сыро, сортир на улице, помыться толком негде. А они здесь живут с рождения до смерти, понимаешь? Весной слякоть, осенью – слякоть, зимой – вообще хоть волком вой. Я бы сдохла со скуки.

- Прям, бедные-несчастные. Ты хоть кого-то из местных на винограднике видишь? Нет, потому что они другим заняты – вино гонят и к свадьбам готовятся. Жаль ей! Кто бы нас пожалел. Только поступили в училище и вместо занятий – месяц ссылки. Скоро завшиведем тут. Говорят,

³ Вы кто?

завтра всех в баню отвезут, в соседнее село. Представь, как мало для счастья надо.

- Пшёл вон, козёл, - флегматично сказал Яша Скляр вспрыгнувшей на стол курице.

Та замерла, склонив набок хищную головку, уставилась на Яшу глубоко посаженными глазками цвета ржавчины, резко дёрнула шеей и клюнула его в руку. Яша вскрикнул и врезал курице по голове миской с остатками каши.

- Это она тебе за козла отомстила, - назидательно произнёс Жора Гулькин, гениальный пианист и редкий зануда.

Загребая когтистыми ногами хлебные крошки, курица помчалась по столу, но, наткнувшись на пирамидку грязных стаканов, остановилась и озабоченно стала склёвывать комочки каши с рыжих перьев.

- Так, кто *сделал* этот цирк? – за кастрюлей чая, покачиваясь с пятки на носок, стоял завуч. В сером двубортном плаще и мышинового цвета фетровой шляпе он напоминал чекиста тридцатых годов.

- Это Яша, его курица чуть инвалидом не сделала, - всё ещё хихикая, брякнула Лиля и осеклась, - а что такого?

- А ничего хорошего, потому что тебе, Скляр, я сниму стипендию на месяц.

- За что? – взвился Яша. – Она первая на меня напала.

- За то, что разбрасываешься народным добром, вот кашу испортил.

В Африке дети голодают, а тебя это не волнует. Ты, видно, к чёрной икре привык.

За столом стало тихо. Курица, зависнув на одной ноге, невозмутимо пила из чайной лужицы, а завуч продолжал: «Теперь все *до один* встали и пошли в поле. На роялях играть и дураки могут».

- Пошли, - Кира дёрнула подругу за рукав, - вообще-то, мне уже говорили, что Згардан – придурок, ну а что ты хочешь от преподавателя истории КПСС? Им чувство юмора иметь не положено.

Сразу за последним домом начинались виноградники. Они уходили за холм и потом, как на переводной картинке, проявлялись из низко стелящегося тумана словно уходящее за горизонт стадо зеленогорбых верблюдов. Пахло гниющими листьями и дымом. Под ногами с мягким треском лопались перезрелые виноградники.

- Так вдруг захотелось какао с корицей, - сказала Кира.

- И печенье «Стефания», трехслойное, из кулинарии на Комсомольской, - подхватила Лиля.

- Всем разбиться *на два человека* и разобрать корзины, - прокричал в мегафон Згардан. – Задание на сегодня – собрать *все по самый низ* гроздя на этом поле.

- Так ведь соседний виноградник даже не тронут, там никто не работает, урожай гниёт. Зачем здесь ползать весь день, собирая остатки? – поинтересовался неугомонный Яша.

- Не надо искать лёгких путей в жизни, - ответил Згардан, - лучше иди и покажи пример другим.

С холма медленно съезжала запряжённая волами телега. Высокий смуглый парень в клетчатой рубахе скидывал корзины на землю по обе стороны движущейся телеги. Они летели и шлёпались в грязь, а телега ехала дальше, оставляя глубокую борозду и рыхлые воловьи лепёшки.

День

Всё в Лиле было выпуклым: карие глаза под толстыми стёклами очков, высокая, почти под ключицы, грудь, пышные бёдра, на виолончельный манер подчёркивающие тонкую талию, и главное, упругий, соблазнительно выпирающий из-под любой одежды зад. Вот и сейчас, ползая вдоль виноградных кустов в давно потерявших форму спортивных штанах, Лиля привлекала внимание всех, кто проходил мимо.

- Девчонки, давайте я отнесу полные корзины и принесу новые, - предложил Яша.

- Не надо, сами справимся, - не глядя на него, буркнула Лиля.

- Ну, как хотите, - пожал плечами Яша и отошёл.

- Ты что, сдурела? – возмутилась Кира. – Сама же его утром подставила и вместо того, чтобы извиниться, теперь ещё хамишь?

Лилия неловко поднялась с земли, - вытянутые в коленках штаны были мокрыми, - сняла липкими руками запотевшие очки, вытерла их подолом вязаной кофты и сказала бесцветным голосом человека, решившегося на самоубийство: «Ты хорошо посмотри на меня. И на себя заодно. Мы же на людей не похожи, выглядим хуже сельских тёток. Наверняка от нас потом несёт. Глянь на свои руки в трещинах, на лицо, - нос обгорел, на лбу прыщи. И тут подходит Яша. Да лучше бы он меня вообще не замечал, чем такую».

- Ты что ли влюбилась в него? - оторопела Кира. – Когда ты успела?

- В автобусе, по дороге в эту ссылку. Он сидел наискосок, такой красивый, загорелый, анекдоты рассказывал, смеялся. Ты заметила, какие у него красивые зубы? Белые, ровные...

- ...как у лошади, - закончила Кира.

- Дура, - обиделась Лилия, упала на колени и уползла к следующей лозе.

Обед привозили прямо на виноградник, обычно это были макароны с брынзой или картошка в густом томате. Сегодня привезли суп, солёные огурцы и остатки утреннего хлеба. В супе плавали похожие на шелковицу кусочки мяса, редкие кружки морковки и четвертины картошки. Кира накрошила в суп подсохший хлеб.

- Смотри-ка, что это? – кивнула она на плавающий в ложке кусок картофельной кожуры.

- Ну-ка, ну-ка, покажи, - заинтересовалась Анфиса Мансурова, курившая под соседним кустом с подружками-четверокурсницами. Точно, очистки, - констатировала она и тут же демонстративно вылила свой суп на землю. - Вы, девки, привыкайте, вам ещё три года по колхозам мотаться. И не такое увидите, вот в прошлом году... - Не договорив, она вскочила на ноги и брезгливо стряхнула с рукава комок вонючей воловьей лепёшки с налипшей землёй.

- Какая сволочь швырнула эту гадость?!

Из-за стоящих неподалёку ящиков выскочили двое мальчишек лет десяти. На них была школьная форма, в руках затёртые портфели.

- Я уйтаци-вэ ла ачесте тырфе⁴, - закричал тот, что повыше, издаലെка тыча палкой в Анфису, - фумегэ ка ниште локомотиве!

- Мама ымь зиче, кэ тоате орашечеле сунт аша⁵, - подпел ему стриженный налысо второй пацан.

- Я вам сейчас покажу, паразиты такие! – заорала Анфиса. – Мы здесь корячимся за них, а они говном швыряют! Мама ему сказала! Где твоя мама сейчас? Небось, в городе на базаре торгует?

Оглядываясь и кривляясь, мальчишки убежали вверх по холму пока не скрылись за его желтеющей холкой. Анфиса вернулась вспотевавшая, краснотлицая; тонкие спортивные штаны прилипли к мясистым ляжкам, и уже было непонятно, в каких местах они потемнели от пота, а в каких - от впитавшегося виноградного сока.

- Сволочи! На весь день настроение испортили, - подытожила она и закурила новую сигарету.

После обеда распогодилось. Осеннее солнце прогрело землю. Кира сгребла сухие, хрустящие листья и растянулась на них, подложив под голову руки. Хорошо бы уснуть и проснуться дома на диване. Рядом мурлычет кошка, а их кухни пахнет жареной картошкой. Или нет, лучше очутиться в ванне с горячей водой. Зеркало покрыто плёнкой пара и пахнет хорошим немецким мылом. Кусочек такого мыла Кира засунула в сумку, для запаха. И правильно сделала, потому что оказалось, в местном магазине продаётся только стиральное. Вчера Нуца долго разглядывала белый овальный брусок, приняховалась, скоблила ногтем выбитые буковки, потом бережно положила обратно на железный рукомоиник. А сегодня утром мыло исчезло – только клейкий отпечаток на серой жести.

Кира почистила зубы, набрала в ладони воду прополоскать рот и закашлялась – рот был полон мыла. Даже сейчас одна только мысль об этом привкусе вызывает тошноту. А тогда Киру вырвало желчью, потому что желудок был пустой. Оказалось, Нуца растворила весь брусок в бачке рукомоиника. Зачем же каждый раз руки намыливать, когда мыльная вода – экономнее? И смотрела так, что не понять, то ли издевается, то ли всерьёз. Кира выудила обмылок, - завтра в бане пригодится.

Нуца – странная. Живёт впрок, будто впереди ещё лет немеряно. Купит по случаю скатерть, полотенце, что-нибудь из одежды – и в шкаф. Всё сложено аккуратными стопками, переложено нафталином и какими-то травками в самодельных полотняных мешочках. Белые пододеяльники с желтизной гп сгибах, неношенные халаты, ни разу не надетые лаковые туфли довоенного фасона. В прошлое воскресенье она освободила все полки в шкафу, разложила содержимое на кровати, перегладила, и в том же порядке вернула на место, педантично сложив белёх по тем же сгибам. И залежи еды: бесчисленные банки с закрутками, варенье, повидло,

⁴ Смотрите на этих проституток! Они дымят, как паровоз.

⁵ Моя мама говорит, что все городские такие.

компоты, помидоры, гивеч, мешки сахара и муки в матерчатых торбах про запас, как будто завтра война

Нуца ела мало и однообразно, и готовила практически без отходов. Из курицы получались бульон и жаркое. Ноги шли на холодец. Перья – на подушки. И только внутренности она швыряла вечно голодной, привязанной к будке собаке. У собаки не было имени, а её обтянутый кожей скелет напоминал учебное пособие по анатомии. Она бросалась на всех, кто проходил мимо забора или заходил во двор, включая собственную хозяйку.

- Почему ваша собака такая злая? Почему вы её не накормите? - как-то спросила Кира. - Она же постоянно лает.

- А зачем мне добрая собака? – искренне удивилась Нуца, с сожалением посмотрев на Киру. Сытая, он же дом охранять не будет.

Вот и сейчас из-за забора доносился визгливый собачий лай и ласковый голос Нуцы, кормившей кур: «Пуй-пуй-пуй, пуй-пуй-пуй». Петух расхаживал по двору, цепко впиваясь в землю когтями на кукурузных ногах. Словно сделанный из красной резины, гребень мотался на его подёргивающейся голове.

- Бежим в дом пока он занят жрачкой, - сказала Кира.

Лиля прибавила шагу. Петух перестал клевать, в горле у него что-то заклокотало, он скосил глаз в сторону бегущих девочек, пропустил Киру и помчался Лиле наперерез. С визгом, она влетела в дом, успев захлопнуть стеклянную дверь веранды. Петух досадливо пощёлкал клювом и вернулся к окружившим его курам.

- Я его чем-то отравлю, - мрачно пообещала Лиля.

Вечер

Когда девочки шли на ужин, начало темнеть, и контуры домов ещё угадывались в сгущавшихся сумерках. А на обратном пути уже приходилось идти на ощупь, потому что главную и единственную улицу освещали два сиротливых фонаря.

К дому Нуцы надо было сворачивать направо после второго, затем пройти мимо колодца, обойти невысыхающую лужу, в которой днём расслабленно похрюкивали свиньи, а ночью что-то плескалось и потрескивало, а уже потом, за кривой яблоней можно было нащупать калитку во двор. Самым неприятным был участок от второго фонаря до колодца – там вечно околачивались местные парни, и на всякий случай, в качестве защиты, Лиля носила при себе алюминиевые вилки. После ужина она всегда прихватывала с собой две-три и держала их в руке наготове, чем неизменно смешила Киру.

- Эти вилки сгибаются даже от варёной картошки.

- Мне так спокойнее, - вслух убеждала себя Лиля.

В доме горел свет. Дверь на кухню была заперта изнутри: каждую пятницу Нуца грела воду в пузатых зелёных кастрюлях и потом долго мылась в цинковом корыте, издавая стоны и побрякивая.

- Аша, аша, е бине⁶, - приговаривала она, поливая себя из белой с ягодкой по кругу эмалированной кружки.

- Ой, что-то у меня живот разболелся, - скривилась Лиля.

- Странно, как раз сегодня ужин был хороший. Почти как в ресторане, меню из трёх блюд: и свиные отбивные, и макароны по-флотски, и куриное жаркое. Говорят, комиссия из Кишинёва приехала. Почаще бы.

- Да? Значит, я такая удачная. Ой, мне срочно надо в сортир, а то поздно будет, сжав зубы пробормотала Лиля, схватила фонарик и выбежала в темноту двора.

Кира прошла в комнату. Посередине разобранной кровати Нуцы лежала байковая ночная рубаха в мелкую розочку с оборками на груди.

Две продавленные раскладушки были сдвинуты к стене. У окна, практически стоя, досушивались две пары клейких, насквозь пропитанных виноградным соком спортивных штанов. На подоконнике лежали несколько поклёванных птицами яблок. Пахло осенним дождём и уборной.

- Ки-и-ира! Ки-и-ира! Скорее!

- Хорошо, что не успела раздеться, - Кира помчалась на голос.

У дощатой полуоткрытой двери уборной в боевой позе стоял петух, а за дверью со спущенными штанами, на корточках сидела Лиля с фонариком в левой руке и длинной гнутой палкой – в правой.

– Пошёл вон, тварь, - кричала Лиля, тыча палкой в подпрыгивающую от ярости птицу. Петух наскакивал, пытаясь прорваться в уборную, и при этом злобно клевал палку, попадавшую ему то в грудь, то в голову.

- Я отвлеку, - крикнула Кира, - а ты пока надень штаны.

Она пнула ногой пышный петушиный зад и отскочила, оторопев от ненависти, умещавшейся в крошечной бусинке зрачка.

- Ах ты гад, - взвyla успевшая вскочить со стульчака Лиля, - и обрушила палку на петушиный гребень.

Петух рухнул на землю и затих. Из дома доносился шум переливаемой воды и звяканье вёдер.

- Что будем делать с телом? – по-деловому спросила Кира, пробуя тушку носком грязного кеда. – Может, закинем в кусты?

- Давай оставим как есть, хотя надо бы засунуть его головой в дерьмо, - мстительно процедила Лиля и твёрдым шагом победителя направилась к дому.

Суббота

Утром труп исчез.

- Наверное, кошки сожрали, - мечтательно сказала Лиля.

- Перестань, он хоть и птица, а живое существо.

- Да? А мне он больше нравится дохлым. Ты обратила внимание, как он вчера лежал - тихонечко так, ножки вытянул, коготки растопырил, клювом в землю уткнулся...

⁶ Вот так, вот так, хорошо.

- Ладно тебе злорадствовать, - Кира не выдержала и рассмеялась, - пойдём в соседнее село, с почты домой позвоним. Тем более, день такой тёплый.

- Ты знаешь дорогу?

- А что тут знать? До речки через сад, потом перейти мостик, а там спросим.

- А завтрак?

- К чёрту. Надоели со своими кашами. Нарвём яблок по дороге.

Сразу за сельским кладбищем начинался сад, но запах спелых яблок чувствовался задолго до поворота от свежавыкрашенных решётчатых ворот - к вытянувшимся вдоль речки яблоневым аллеям. Сквозь поредевшую листву проглядывало белесо-голубое небо, и утреннее солнце перебирало лучами тяжёлые ветви. При малейшем дуновении ветра яблоки с мягким стуком падали на вялую траву.

- Знаешь, - сказала Кира, - в старости я буду вспоминать аромат и вкус этих яблок; как я срывала с ветки самое красивое, надкусывала, бросала в траву, пробовала другой сорт, и третий, и каждое яблоко оказывалось вкуснее предыдущего. И эту тишину. Ой, смотри, ёжик бежит. Первый раз в жизни вижу ежика! Вот я поймала кусочек счастья, а через минуту или секунду всё это останется в прошлом.

- А я, если меня не хватит старческий маразм, постараюсь запомнить всё - и Нуцу, и петуха, и то, как Згардан позорил нас на линейке за то, что вместо положенных двадцати пяти дневных корзин собрали только двадцать.

- Тебе трудно будет жить.

- Это тебе будет трудно жить, принимая серое за розовое, - не согласилась Лиля. - Это то же самое, что не узнавать красный свет на переходе. Раздавят и не заметят.

- Ты не понимаешь, что счастье - это мелкие радости. В больших количествах на нас обрушиваются только неприятности. Вот посмотри, солнце светит, чистый воздух, тепло, речка извивается, или даже не речка, а канавка с бегущей водичкой, неважно. На мостике мальчишки играют или рыбачат. Короче, представь, что сейчас кто-то нас сфотографировал, и через много лет, глядя на снимок, ты, уже с развившимся артритом, морщинистым лицом и лёгким склерозом, пожалеешь, что не радовалась этим минутам покоя и тишины.

- По-моему, это те же пацаны, что кидали дерьмом в Анфиску, - забеспокоилась Лиля, близоруко щурясь. - Непохоже чтобы они рыбачили, да и что здесь можно выловить кроме лягушек? Эй, пацаны, унде еште почта⁷?!

Сидя на корточках, мальчишки продолжали ковыряться у себя под ногами, а когда Лиля почти вплотную подошла к ним, - ухмыльнулись и, подпрыгивая на шатких досках, сбежали по мостику на другую сторону. Перед тем, как скрыться в кукурузном поле, один что-то прокричал, но крик Лили был громче. Услышав её вопли, оба пацана высунулись из

⁷ Где почта? (ломаный молдавский).

кукурузных зарослей, брякнулись на землю и, дрыгая ногами, затряслись в конвульсиях смеха.

Лиля кряхтела, пытаясь освободить ногу, по колено застрявшую меж разобранных досочек мостика.

- Как же это, - растерянно бормотала Кира, переводя взгляд с выковырянных дощечек на всхлипывающую подругу.

- Сволочи, - прорыдала Лиля, когда ей удалось выползти на мостик, - это были мои новые брюки, тётка привезла из Болгарии. А теперь что? И нога болит, может, даже перелом... - Она осторожно потрогала расцарапанную, посиневшую щиколотку. - Убила бы гадёнышей этих. Ну что мы им сделали?!

- Да забудь о них, - неуверенно посоветовала Кира, - дети, им же заняться здесь больше нечем – ни кружков каких-нибудь, ни кинотеатра, ни парка, в конце концов.

- Если ты скажешь ещё хоть слово в защиту этих малолетних бандитов, я с тобой больше никогда в жизни не буду разговаривать, - рявкнула Лиля и зарыдала во весь голос.

Через час девочки добрели до дома. Нуцы нигде не было видно.

- Она же сказала, что пойдёт на крестины, - вспомнила Кира.

Безымянная собака заходилась лаем, натягивая цепь каждым рывком ссохшегося тела. Ошейник впивался в тощую шею, и тогда животное, не переставая рычать, отбегало к будке.

- Я люблю собак, но сытых и немых, - заметила Кира.

- Смотри, - прошептала Лиля и остановилась.

Навстречу им шёл петух. Если не считать некоторой вялости в походке, выглядел он как обычно.

- Слушай, - задумчиво сказала Кира, - а он чем-то похож на тебя.

Такая же роскошная грудь. И ходит по-балетному, носочек тянет. Только видишь, в отличие от тебя, он смотрит под ноги.

- Засунь свой сарказм знаешь куда? Вот что мне делать, я же бегать не могу и палки под рукой нет?

Не переставая трясти головой, петух поравнялся с девочками, окинул их туманным взглядом, заглотил висевшего поперёк клюва червяка и продолжил свой путь.

- Да, - озадаченно сказала Кира, - что-то с ним явно не так. Не вижу прежнего задора.

- Представляешь, в каком я виде если уже петух на меня внимания не обращает, - огорчилась Лиля. - Помоги, пожалуйста, подняться на крыльцо.

В доме было тихо и прохладно. В окне билась жирная осенняя муха. Ветерок шевелил оборки тюлевых занавесок. Муха упорно ползла наверх к открытой форточке и снова соскальзывала на подоконник, уставленный банками с ещё не успевшим остыть айвовым вареньем.

- Вот ползёт она и не соображает, что неминуемо свалится в варенье и там окончит свою вонючую жизнь, - скривилась Кира. - И мы с тобой тоже влипли с этим колхозом, как мухи, и непонятно, когда отсюда выберемся.

- Слушай, как спать хочется. Раз Нуцы нет, давай ляжем в каса маре, на ту роскошную кровать с сотней подушек, я на них ногу положу, болит очень.

- А Нуца?

- А что Нуца, в суд на нас подаст? И вообще, она только вечером вернётся. Мы чуть подремлем, она и знать не будет. Главное, потом подушки правильно сложить.

Во дворе тоскливо повизгивала собака, и Кире приснилось, что, та, устав от своей собачьей жизни, легла, положив голову на лапы, а потом на её месте оказалась мумия, которая каким-то образом продолжала лаять и звенеть цепью.

А потом сон закончился, но невозможно открыть глаза, когда тело утонуло в блаженной мягкости и тепле настоящей постели. Ещё немного, и она уедет туда, где есть горячая вода, ходят троллейбусы, в кафе едят мороженое, а по освещённым улицам можно гулять. Но почему так всё чешется? Как в детстве после клубники, когда живот и спина покрывались сыпью и хотелось содрать кожу, мама смазывала цинковой мазью, и покупала новую книжку, награду за страдания...

- Чёрт, тут же блохи. Кира, вставай, иначе они нас сожрут.

- Откуда блохи?!

- Не знаю, каким дерьмом набиты эти перины, - причитала Лиля, - может, собачьей шерстью. И главное, ничего не видно. Который час? Мы наверняка проспали и баню, и ужин...

- и Нуцу, - Кира кивнула на полуоткрытую дверь, через которую пробивался свет. Пахло домашним хлебом и бульоном.

- Бунэ сеяра, фетеле⁸, - произнёс сутулый силуэт Нуцы, - я вам воду нагрела, баня будет. Только мыться - в одном корыте по очереди. Потом покормлю.

- Шутит, что ли? - прошептала Лиля.

- Хай вставайте, в это время вредно спать - голова болеть будет.

- У меня уже болит, - пожаловалась Лиля. Держась за стены, она похромала в кухню, - и вот ещё нога...

- До свадьбы заживёт, - сказала Нуца, не поворачивая головы, - она вытаскивала из духовки хлеб, - а Митьку с братом его отец уже выпорол.

- Так вы знаете, что случилось утром? Откуда? - изумилась Лиля.

- В селе *не надо газеты и телефон*. Я у дочки в городе гостила и удивлялась сильно, как она с *трубкой на ухо* целый день ходит: суп варит - телефон, телевизор смотрит - телефон, муж с работы пришёл - нет до него дела. Такая вся городская стала, будто я её не на этой кровати родила, и не бегала она босая по селу, и не чистила курятник. И внучка тоже с ногтями ходит, волосы покрасила, хорошо хоть не курит, как эти ваши прости господа.

- Зато в городе есть туалет, горячая вода и газ, - возразила Лиля, отмокая в корыте.

- Это да, хорошо, удобно даже. Когда войны нет.

⁸ Добрый вечер, девочки.

- Какой войны?

- Какой, какой? Кто знает. Но если начнётся, городские снова сюда побегут – к огородам, печкам, да колодцам. На вот полотенце.

- Спасибо. А с чего вы взяли, что война начнётся?

- Так ведь прошлую тоже не ждали, объявили тогда по радио, что немцы напали.

- Странная вы, Нуца, - сказала Кира, заплетая волосы в мокрую косу, - а если не будет войны, то так всю жизнь и мыться в корыте?

- И что? Я вот не померла от такой жизни и ещё здоровее многих городских, потому что работаю на воздухе, кушаю с огорода, а не всякую гадость. Да что говорить. Лучше за стол садитесь, мамалыга готова. Брынзу покрошите. Вот бульон сварила. К утру холодец застынет.

- Я люблю горячий бульон, - Лиля благодарно улыбнулась и отхлебнула из широкой чашки с отбитой ручкой. – Мама часто варит, с лапшой и клёцками. Но ваш и правда вкуснее, пахнет по-особенному.

- Там укроп и травы. И это не синяя мороженная курица, как у вас в городе, а петушок. Он вот только бегал и свежее зерно клевал.

Лиля побледнела и замерла с полупустой чашкой у рта. – Какой петушок?

- Какой-какой? Мой. Один и был. Только вот заболел, вялый стал, на курочек не смотрит. Вчера ещё гонял их, а сегодня с утра ходит вроде как контуженный и голос хриплый. Я ему водки в клюв налила, может, думаю, простыл. Не помогло. Пришла с крестин, смотрю, а куры ему ноги до крови обклевали, им ведь одно от него нужно.

- И вы его зарезали?

- А на что мне этот инвалид? Завтра поеду на базар, другого куплю. А ты чего не доела? Теперь что, выливать?

- Больше не хочу, - сказала Лиля, - я уже не голодная.

- Ну, так не надо было полную тарелку наливать. Вот завтра холодец попробуете. Петушиное мясо нежное, не то что у цапли.

- А вы что, и цаплю ели? – спросила Кира, чувствуя, как каменеют скулы.

- Война была, кушать нечего, вот мы с соседкой и её братом младшим, ему лет двенадцать было, пошли на речку, там цапли водились. Глупые птицы, стоят в воде до-о-олго и не шевелятся даже. Вроде руками можно взять, а как - не знаем. Аурел в одну камень бросил, в шею попал. Она улететь хотела. Но цапли летают медленно, и мы сетку накинули, уже в воздухе поймали. Она билась *ка ун небун*, как ненормальная, и Марии крылом в глаз попала, у неё инфекция потом началась и глаз вытек. Да вы её видели – в магазине работает. Сварили мы эту птицу, а мясо горьким как полынь оказалось. Даже собаки не ели. Но перья красивые, серые с синим – вон в вазочке стоят.

- А вы ещё петушинные туда засуньте, - предложила Лиля, - букет будет.

- Дак это, кому они нужны, и так по всему селу валяются. А вот цапли здесь больше не водятся, после войны подевались куда-то.

Серые грузовики стояли под серым дождеком на серой от утренней измороси дороге – рисунок из тетрадки в косую линейку.

- Дождливая осень в этом году, - сказал шофёр.

Отработанным движением он закидывал в рот чёрные виноградины, потом надувал плохо выбритые щёки и сплёвывал косточки так, что они вылетали веером. – Вот, девчонки, возьмите, накройте, а то промокнете, - он кинул в кузов кусок брезента. – До города часа три, не меньше. Винограда хотите на дорожку? – Он протянул Кире гроздь «Изабеллы». Та молча покачала головой.

- Мы виноградом на всю жизнь наелись, - крикнула Раиса, высунувшись из кузова. Вы уж как-нибудь сами его доедайте.

В грузовике пахло резиной и сырой одеждой. По обе стороны дороги мелькали безлюдные поля и виноградники, кое-где перемежающиеся с перелесками и песчаными карьерами. Поздняя осень была неотличима от ранней зимы.

У железнодорожного переезда грузовики застряли. За придорожными акациями виднелось озеро. Издали вода напоминала больничный кисель. Вдоль прибрежной линии торчали застывшие серые комки.

- Надо же, цапли, - удивился водитель, - давно не видел их в наших краях. Если они не улетели на юг, значит, зима будет тёплой.

Последний вагон товарняка скрылся за поворотом. Неуклюже подпрыгивая на рельсах, грузовики выбрались на шоссе. До города было ещё далеко...

Игорь Ильин

Тот, кто пришел с дождем

Пояснительная записка

В осеней 2000 года, находясь по делам службы в Португалии, я принял любезное приглашение сеньоры Моника Грин посетить небольшой городишко на севере страны, где она подвизалась на ниве просвещения. Сие старинное местечко с видом на живописные развалины средневековой крепости находилось в стороне от «натоптаных туристских троп» в горной долине всего в полутора часах езды от Лиссабона. Не желая огорчать радушную сеньору Грин отказом, я, тем не менее, настоял на том, что оплачивать проживание буду сам, с той, однако, оговоркой, что ввиду ограниченных средств желательно подыскать мне приют подешевле, где можно было бы рассчитывать на чашку кофе по утрам, прохладный душ и ненавязчивость хозяев. Сеньоре Грин моя просьба не показалась чрезмерной, и вскоре у меня на руках было переданное по факсу сообщение, что в указанные мною сроки я буду принят неким сеньором Артуро де Ассунсао Перейра (*Arturo de Assunção Pereira*) в пансионе «*Quartos de Aluguer*» по адресу: *avenida Tenente Valadim*.

«Look up o senhor Arturo!», - несколько необычно отступая от формального стиля подобных посланий, гласил текст. Номер дома не был указан.

Едва успев на последний, совсем уж пустой проходящий автобус, что, как благополучно выяснилось за час до отправления, отходил отнюдь не от центрального автовокзала Лиссабона, а из предместья у конечной станции метро, я оказался в Торреш Ведраш в буквальном смысле слова на ночь глядя. Автостанция или, правильнее бы сказать, павильон на дюжину автобусов с крытой пристройкой на два окошечка для касс и насквозь прокуренным туалетом, располагалась на одиноком холме. С трех сторон холм обступали куда более серьезные горы, а с третьей – брезжили огоньки, что желтой змейкой, извиваясь, сползали в долину. Внизу огоньки рассыпались, как бисер по темно-зеленому бархату; оттуда доносился собачий лай и, вроде бы, тянуло теплом и дымом. Дальше – покуда мог окинуть взгляд – снова тянулись холмы и горы. По всей видимости, где-то в межгорье и находился искомый приют.

Спустившись вдоль безлюдного серпантина, освещенного жидким светом уличных фонарей, что утопали в неухоженной колючей зелени маслин и мандаринов, к подножию холма, я приступил к поискам ночлега, полагая, что с помощью прохожих (а если повезет, то и

всеведущих блюстителей порядка, как это принято в приличных европейских городах), сумею для начала добраться до нужной улицы. Проиграв по ходу необходимые вопросы и перебрав возможные ответы, преисполненный решимости поскорее принять душ и растянуться на чистых простынях, я приготовился завести разговор с первым же встречным. Но такового не было. Как не было ни одного случайного прохожего, как не было блюстителей порядка, бродячих псов и загулявших по весне котов. Город как будто вымер. Вдали заорал ишак. В ответ ему лениво отозвалась (судя по лаю) сытая, видно, хозяйская, собака. И снова наступила тишина. Под сердце стал подкатывать неприятный холодок.

Проблукнув не менее получаса, я уж совсем было пал духом – и в порыве отчаяния толкнул первую попавшуюся, выходящую на улицу дверь некоего публичного заведения под вывеской «Tres Gordos», что показалось мне то ли поздней кофейней, то ли ночным баром, в любом случае – местом достаточно значным, чтобы обойти его стороной. Внутри было не слишком людно: в углу гудел старый, чуть ли не трансформаторный телевизор, показывая футбольный матч, в котором игроки двоились, как после попойки, каким-то чудом ухитряясь играть двумя похожими, как две капли воды, мячами; у телевизора, едва ли не вплотную, сидели трое сухопарых старичков и пара степенных ширококостных матрон; за стойкой, облокотившись на руку, застыла мечтательная девушка помоложе. На мой приход никто внимания не обратил. Не смея отвлекать местных жителей от важного спортивного события, я обратился к безработной девушке за стойкой, попутно заказав чашку кофе, дабы не прослыть неблагодарным проходимцем в местах, где я рассчитывал пробыть еще неделю.

Девушка грациозно повела плечом, куда-то вышла, однако тут же воротилась в сопровождении мрачного – как цветом, так и выражением лица – пожилого джентльмена при бабочке, в кухонном фартуке и с ножом в руках. Несмотря на скромное телосложение, не соответствующее названию заведения (возможно, сухость в теле, суровость в облике и преждевременная седина и полагались в здешних местах главными признаками того, что называлось «gordo», то бишь «толстяк»), в данном обществе он, несомненно, имел определенный вес, поскольку рискнул прервать трансляцию матча вопросом, касательства к оному не имеющим: «Quem sabe onde esta aquela avenida ...eh... Tenente Valadim?» На мгновение мне показалось, что я приехал не туда: все дружно пожали плечами, не отрываясь от экрана, а самый старший, не оборачиваясь, поднял вверх ладонь, что должно было означать: «Один Бог ведает!»

На мое счастье, в футбольном матче образовался перерыв, старички кивнули человеку с ножом и с бабочкой и вышли подышать вечерней прохладой на лавочку подле «Трёх толстяков». «Mostra a nota!» - сказали они. «É buscando o senhor Arturo!» - воскликнули они хором минуто спустя, воздев обе длани горе, что на сей раз должно было означать: «Кто же не знает сеньора Артуро!». Еще через минуту самый молодой из них, даром что с палочкой, бодро вел меня пустынной улицей

к приюту сеньора Артуро. А еще две минуты спустя за массивной деревянной дверью звякнул колокольчик, и на пороге в неровном свете «летучей мыши» появился сам хозяин «Quartos de Aluguer» сеньор Артуро. Скрипучей винтовой лестницей он провел меня на второй этаж и отпер ближайшую к лестнице дверь с номером «три», где меня поджидала огромная – во всю комнату – дубовая кровать с тумбочкой, а также кувшин с водой и тазик для умывания, сокрытые за шифоньером слева от выхода на маленький балкончик, способный выдержать не более троих, и то, скорее всего, знакомых «gordos» самого сеньора. С балкона и впрямь открывался вид на развалины крепости, но это обнаружилась уже с утра. А с вечера, пожелав мне доброй ночи, сеньор Артуро удалился, оставив меня в раздумьях над последней депешей от сеньоры Грин, из которой явствовало, что по делам неотложного свойства она вынуждена спешно отбыть в город Лондон, что по ту сторону Ла-Манша, но, тем не менее, желает мне приятного времяпрепровождения в глуши португальской провинции, где я, безусловно, найду, чем заняться в ее отсутствие, «изучая патриархальный уклад одного из тех самобытных городков, коих все меньше и меньше остается на карте старушки Европы», – посоветовала на прощанье сеньора Грин.

Последующие два дня я провел не замечая сеньора Артуро, поскольку провел их опять же в Лиссабоне, в очередной раз поражаясь сходству древнего города с прозорливым описанием феодосийского литератора Александра Грина, где он выведен под названием «Лисс». На третий день наше общение с сеньором Артуро оказалось неминуемым: я просто вынужден был обратиться к нему за чашкой кофе на ночь, не имея иной возможности согреться после проливного дождя, настигшего автобус уже в горах при подъезде к Торреш Ведраш. Охотно признавая, что случайному читателю этих заметок и без напоминания известно, что такое гроза в горах, я, тем не менее, рискну поделиться своим переживанием. Первобытная стихия в местах нетронутой природной красоты, воздетых, как ладони к небу, вселяет едва ли не животный ужас, толкающий тебя забиться в расселину среди камней, прикрыть руками голову, зажмуриться и ничего не видеть и не слышать... Сеньор Артуро моей скромной просьбе не удивился, зачем-то поинтересовался, действительно ли я, как он выразился, «*um professor das linguas estangeiras*», и пригласил на кофе вниз, к стойке администратора, что ютилась почти впритык к скрипучей лестнице.

Снаружи приглушенно рокотало и громыхало, сквозь невидимые трещины во входной двери время от времени пробивался свет, но в коморке под лестницей было укомно и тепло, и не хотелось ни электричества, ни громких звуков, ни обзорного вида на грозу с двуспального подиума этажом выше. Мои ощущения, возможно, передались и сеньору Артуро, который водрузил на стойку неизменную «летучую мышь», что, по всей вероятности, досталась ему по наследству вместе с пансионом, потом вернулся с подносом, на котором между кофейником и чашками колебалось пламя свечи. «*Com licença*» – пробормотал он и вновь исчез за дверью справа от лестницы, где, как я мог предположить, находилась его собственная комнатка. На сей раз

он вернулся быстрее, чем в первый, в одной руке все так же неся свечу, а в другой - перетянутую лентой кипу старых тетрадок и разрозненных листов. Смахнув возможную пыль с верхней, он развел руками, как человек, сделавший все, что от него зависело, и вздохнул: «*Que pensa o senhor neste ... eh*», - он замялся, и я поспешил ему на помощь: «*Nesta caneta?*» «*Não, em que e escrito na caneta*», - качнул головой сеньор Артуро. Я уставился на стопку. На обложке верхней тетрадки виднелся типографский оттиск “*Kenneth Kaunda Foundation*,” а также «*UNESCO Children’s Fund*». Я вопросительно поглядел на сеньора Артуро, тот молча кивнул и принялся разливать кофе.

Я потянул за ленточку. Внутри все было исписано мелким почерком с многочисленными исправлениями, помарками и зачеркиваниями.

Некоторые записи выглядели так:

≠ **hinaba // gâwa / ûi geis**

Другие выглядели следующим образом:

Pokati kunyamakuti nuudhila muunyani wonale opwali uukume

wakula

Третьи, хвала небесам, начинались со слов: “**algum dia**”, что выказывали, наконец-то, европейский язык, а не какую-то тайнопись. Тем не менее, я пребывал в сильном замешательстве, не зная, что и думать, и уже готов был сознаться перед сеньором Артуро в своем бессилии, когда взгляд мой упал на фразу: «Храни Вас Господь». Фраза была написана крупно и по-русски. Я расценил ее как добрый знак, о чем и сообщил сеньору: «*Parece, que todo e escrito por um Slavico...*» «*Toma!*» - кивнул головой сеньор Артуро.

...Оставшиеся до отъезда дни Торреш Ведраш был погружен в густой туман, густой настолько, что было сокращено автобусное сообщение со столицей. Все эти дни я провел в добровольном затворничестве, листая потрепанные тетрадки, препорученные мне сеньором Артуро, отвлекаясь лишь затем, чтобы выпить кофе в тех же «Трех толстяках», где отношение ко мне изменилось в добрую сторону с тех пор, как выяснилось, что я не проходимец без роду без племени, а, несмотря на мой несвязный португальский, являюсь гостем почтенного сеньора Артуро. Поскольку всякий раз я возникал на пороге «Трех толстяков» не отрываясь от какой-либо из тетрадок, наверное, я производил впечатление слегка умалишенного (а таких во все времена полагалось шадить и лелеять), то на моем столике в углу всегда обнаруживалась лишняя чашка кофе, которую «забывали» включить в счет, а однажды даже появилась отбивная с картофелем и бутылкой красного вина, *vinho tinto*, за счет заведения. Предварительные мои разыскания, тем временем, состояли в следующем.

Значительная, если не подавляющая, часть рукописей была написана по-английски – то ли оттого, что автору легче было изъясняться на этом языке, то ли по каким-то иным, ускользающим от моего понимания, причинам. Более того, многие (хотя и не все) наброски на одном из языков банту тоже были снабжены английским комментарием, а то и дословным переводом (что в дальнейшем весьма облегчило работу

над текстом). Встречались вкрапления на португальском, в основном, в диалогах. Тем не менее, так же, как и сеньор Артуро, на чьем попечении долгое время находились тетрадки, я окончательно пришел к выводу, что записи были сделаны кем-то, для кого родным алфавитом была все-таки кириллица. Об этом свидетельствовали: во-первых, написанные тем же почерком, но не отправленные, письма, адресованные некоему или некоей И.В. или, может быть, Ю.В. (почерк неразборчив), которые, в виду их частного характера, воспроизвести здесь не представляется возможным. Во-вторых, косвенные намеки в самих текстах, на которые обратил внимание еще сеньор Артуро, справедливо полагая, например, что отмеченные *cantos dos rouxinois* («песни соловьев») скорее задевают бесшабашную славянскую душу, нежели улаждают «сумрачный немецкий гений». Кроме того, в записках наблюдалась известная стилистическая и синтаксическая небрежность, что вряд ли мог себе позволить носитель языка с более строгой и упорядоченной грамматикой, нежели русская.

Обо всем об этом я доложил хранителю рукописи в последний вечер перед отъездом. В свою очередь, тот сообщил мне дополнительно, что заподозрил в постояльце, что проживал в номере у лестницы (как показалось ему, долгие годы назад) *uma pessoa slavica* уже на том основании, что «тот сеньор сильно пил, причем не для удовольствия, а чтобы напиться». С точки зрения сеньора Артуро, уже один этот факт свидетельствовал о том, что тот сеньор скорее имел целью забыться («*colvidarse*») нежели провести приятный вечер в тиши и покое. «Он выпил, - сеньор Артуро для убедительности показал на пальцах, - семь бутылок виски в одиночку! - он постучал пальцем себя по лбу, - всего-то за одну неделю... Ни одной иной национальности не свойственно предаваться *auto-da-fe* путем внутреннего самосожжения», - пронизательно подметил владелец «*Quartos de Aluguer*».

Ничего более поведать об авторе странных записок сеньор Артуро не мог, ибо видел его всего лишь дважды, да и то при свете уже известной нам керосиновой лампы, коей пользовался еще по довоенной привычке, испытывая к электричеству двоякое чувство: пиетета в тихую погоду и безотчетной боязни в грозу. Так вот, обе встречи почтенного сеньора, страдающего ревматизмом и фобией грома и молнии, с постояльцем произошли в очень неблагоприятных погодных условиях *chuva de torrente*, то есть проливного дождя. Не решившись обратиться в полицию, поскольку, с одной стороны, нельзя было определенно утверждать, что постоялец пропал, если он оплатил проживание наперед, а перед уходом не забыл повесить на доску ключи, а с другой – опасаясь ненужных расспросов (по слабости зрения добрый сеньор не вел даже книгу учета проживающих), хозяин «*Quartos*» на момент нашего с ним знакомства пребывал в известном смятении. Если поначалу ему казалось, что, может быть, сами тетрадки прольют какой-то свет пусть не на нынешнее местонахождение *aquele senhor louco* («того сумасшедшего сеньора»), то, хотя бы, на его *identificação*, то со временем эти надежды развеялись. Ни адреса, ни каких-либо иных пометок, могущих способствовать его поиску, мимолетный странник не оставил. Более того,

забыл ли он свои тетрадки по рассеянности, усугубленной алкоголем, или же нарочно расстался с ними, подобно тому, как многие из нас бросают долгоношенные вещи, не зная куда их деть, прямо в гостиничных номерах на усмотрение *chambermaids*, тоже осталось загадкой. Природная бережливость, а также возникшее чувство чего-то недосказанного или недоделанного, а, может быть, и привитое еще в досалазаровское время уважение к письменному, в отличие от печатного, слову, не позволили сеньору Аргуру поступить с тетрадками так, как он поступил с бутылками из-под виски... На прощание сеньор-хранитель вздохнул, как показалось мне, с облегчением, и взял с меня слово как-нибудь уведомить его о результатах моих разысканий. Давая ему обещание, я не подозревал, что обречен на самый долгий и многотрудный «опыт перевода» в моей жизни.

...По прибытии на родину, довольно скоро, хотя и не без усилий, я выяснил, что «гаинственным» языком банту, на котором были сделаны черновые наброски *contos*, оказался язык племени кваньяма, одного из племен группы овамбо, что проживает на обширной территории пограничья Анголы и Намибии, на юго-западной оконечности африканского континента. Для дальнейшей работы над рукописями пришлось вооружиться раритетными для наших мест словарями: *Kwanyama- English Dictionary*, составленным бывшим сотрудником англиканской миссии в Овамболенде В.Н.С. Turvey и опубликованным в Йоганнесбурге под редакцией W. Zimmermann и G. В. Тааропи в 1974 году, *English – Kwanyama Dictionary*, составленным G.W.R. Tobias и В.Н.С. Turvey, о выходных данных которого ничего сообщить не могу ввиду отсутствия титульных страниц, а также *Tweetalige Woordeboek Afrikaans – Engels* доктора D.B. Bosman и проф. W.v.d. Merwe, изданного в Каапстаде/Порт-Элизабет (год неизвестен). Поскольку словарей оказалось недостаточно для толкования многих местных реалий, каковые, возможно, казались автору не требующими разъяснений, в поисках дополнительных материалов мне пришлось обратиться за помощью к моим зарубежным корреспондентам. Особую признательность за участие и затраченные усилия хочется выразить фрау Блюменкранц из Мюнхена и мистру Грегу Котляру из Нью-Йорка, которые, несмотря на свою занятость, изыскали возможность в кратчайшее время переслать мне необходимые сведения и справочники. Большим подспорьем в моей работе, таким образом, были: Edwin M. Loeb. In Feudal Africa, Bloomington, 1962; Herman Tönjes. Ovamboland, Berlin, 1911; Robert J. Rodin. The Ethnobotany of the Kwanyama Ovambos, from the Missouri Botanical Garden, vol. 9, 1985; Alice Werner. Myths and Legends of the Bantu, Natal, 1933; Im Zeichen der Ahnen: Chronik des Angolanischen Dorfes, Leipzig/Weimar, 1979. В русскоязычных источниках данный регион, если и рассматривался, то, прежде всего, в политическом аспекте. В частности, нельзя не отметить перевод кропотливого труда доктора Хорста Дрекслера «Юго-Западная Африка под германским колониальным господством 1884-1915» (изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, Москва, 1987) и на небольшую статью некоего И.Коробова в журнале «Азия и Африка сегодня» № 9 за 1983 год. Впрочем, в государстве натолько обширном, каким в то время

был Советский Союз, едва ли кто-то обратил на них внимание, кроме узких специалистов.

Поскольку в конце некоторых неотправленных писем, написанных тем же почерком, что и записки, стояла небрежная подпись «Ико» (что вполне могло быть чем-то вроде *combat name*), я посчитал справедливым ее сохранить и вынести в название.

Игорь Ильин

Тот, кто пришел с дождем

Fie ohatukongo odula osilonga sakuku.

Ptuh! Tupa odula ovakuatumghu nje.

«Мы жаждем дождя, вокруг все сухо.

Так принесите же (нам) дождь, о духи»

Заклинание на дождь, обращенное
духам предков вождя. Кваньяма.

Ekishi, inda, ekishi, inda, ekishi, dia po.

«Стынай, ekishi, стынай, ekishi, стынай себе, ekishi, прочь»

Редкий заговор, бытующий среди кваньяма.

Детская считалка.

Он заметил огонь по случайности. То ли ветер дохнул сквозь тростниковую крышу, бросив отсвет на выход, то ли огонь сам польхнул, преодолевая струйки воды; то ли кто-то прошел рядом с костром, и вслед за ним метнулось пламя – сейчас не вспомнить. Очень может быть, он и нарочно всматривался в дождь, подыскивая укрытие, и вовремя заметил пар среди ветвей. Так или иначе, в сумерках дождя меж ближайших стволов вдруг возникло очертание человека, а затем послышался его голос. Именно – «послышался». И вовсе не потому, что в местных диалектах овамбо и португальского так много шипящих, что они просто сливаются с потоками падающей воды, а потому что, как мне показалось, не успел он пошевелить губами, как наш проводник и толмач уже вскочил, протягивая ему руку.

Он протянул правую руку, левой придерживая ее за локоть – так, как в наших краях иногда просят подаяние, а в племенах овамбо принимают дары или здороваются с теми, чье присутствие уже дар. Судя по бормотанию толмача, который мало того, что поздоровался первым, но и сам же ответил на приветствие, причем несколько раз, словно боялся, будто ответ будет иным – вовсе не мы давали приют прохожему, а это нас почтили своим присутствием.

Сейчас я, конечно, понимаю, что «прохожий» - не самое удачное определение для человека, нашедшего приют в тепле среди посторонних; просто оно первым пришло на ум; ибо что есть «прохожий», как не тот, кто, мелькнув пред очи и едва коснувшись других своим явлением, спешит растаять в пелене былого, без сожалений расставаясь с теми, кто на задворках подсознания обрисовал его «прохожим», навсегда. Рискну

предположить, что как явление «прохожий» есть продукт урбанизации и спешки, сопряженной с ней.

Он никуда не спешил. И, похоже, не удивился странному строению среди бушей и тени темно-зеленых машин под навесом. Не испугали его и вооруженные люди у костра – скорее всего, он вообще ничего не боялся. И ничему не удивлялся. Он, как бы это сказать, существовал «помимо» примет цивилизации и пограничных чувств.

– *Oundjene* («тепло»), - сказал он, радостно улыбаясь головешкам и ни к кому, собственно, не обращаясь. Уже по одному этому слову можно было понять, что он-таки из овамбо, так же, как и наш проводник; а точнее – из кваньяма, поскольку только они различают тепло солнца, тепло воды, тепло ночной земли, тепло общения и тепло огня, называя все разными именами. В «лингва франка», который здесь строился на основе ндонга с привлечением корней африканс, английского и португальского, такой расточительности не наблюдалось.

– *Shili oundjene*, - подтвердил толмач, подстилая упрямо носимую им всегда с собою овечью шкуру поближе к огню, - *shili oundjene. Kaleke tandavela*.

(Для «садитесь» он тоже избрал неизвестное мне выражение, о котором впоследствии пришлось сделать специальную пометку. Как выяснилось, он тоже был из кваньяма, наш толмач, с легкостью спрингбока перескакивающий с одного языка на другой, словно по кочкам, никогда не проваливаясь в болото подсмислов, аллюзий и метафор – вполне законный способ выживания среди устных толмачей, в силу способностей и волею провидения занесенных на круги сильных, хищных и опасных мира сего).

–... А в общем-то, - признал он как-то после на досуге, раскрывая тайны глагола «сидеть», - все вроде и понятно, хотя бывает иногда смешно: когда, к примеру, говорят «*kale omutumba*» (что-то вроде английского «do sit down») нужно заранее знать или указать, куда садиться, иначе это все равно, как курице не дать насеста и не насыпать зерен, а вместо этого пытаться заставлять ее пылиться на дороге почем зря; «*hanjela*» – это греться на солнышке, как ящерица, собирающая мысли; «*amenda*» - прислониться к дереву или ограде; «*utumanena*» - это когда птица прячется в гнезде, охраняя своих птенцов; «*okulitonya olukata*» - «сидеть на узком месте, вроде циновки, и ноги под себя поджать»; а «*tandavela*» - это самое оно и есть: «устроиться, вытянув ноги», - хорошо! («Вот уж поистине, пока одни изыскивают средства для означения столь маловажных оттенков действия, другим довольно и того, чтобы долить в меха старинных слов вино из нынешнего урожая», - отчего-то с грустью припомнил я русский глагол «сидеть»).

– ... *Odula tai shela* («дождь светится») – подметил, выждав этикетную паузу, явный факт из жизни окружающего мира наш толмач.

–... *Tai duduma* («гремит»), - раздумчиво констатировал он спустя пару-тройку секунд.

Гроза приближалась. Черда зарниц, что польхали на окоме темных скал в пятнадцати милях отсюда, переползла в долину, от чего все, что было в ней за какие-то мгновения оказалось внутри клочущего

котла, наполненного мутным желто-зеленым светом, над которым непрерывно рокотали тяжелые барабаны. В такие минуты сдается, что барабаны то ли возвещают, то ль сами вызывают приход, если не сказать пришествие, чего-то невыразимого, чему пока что в языке не подыскали подходящих слов.

Но не происходило ничего. Кроме того, что у отверстого проема в устроенном на европейский лад прямоугольном шалаше с покатою крышей и свернутой на сторону грубой мешковиной, что закрывала вход (ибо глупо сидеть подле дождя, сквозь темень пляясь друг на друга) сплошным потоком выливалась река, в малахитовых пучинах которой, всякий раз заставляя вздрогнуть, то тут, то там вспыхивал ослепительно-белый отблеск, что, не медля и мига ресниц, с оглушительным треском и грохотом пропадал в черном чреве земли.

...Или все-таки происходило? Вначале в шуме водопада утонули все лишние звуки и сторонние голоса, кроме голоса самого дождя, затем зашипел костер, залитый ручьем, перехлестнувшим через водоотводный ров, и все, естественно, вскочили на ноги, ну а затем... затем исчезло время. То есть, оно, конечно, было – в виде фосфоресцирующих стрелок на командирских часах, но, как бы это выразиться, потеряло смысл. Надо признать, что когда на часах еще нет и пяти, а перед глазами – все одно, что ночь, и только слуху чудится, как будто там, в ночи, взбивая грязь копытами, проносится невидимое стадо обезумевших от страха зебр, то больше доверяешь чувствам, а не циферблату со стрелками, ибо, опять же, глупо протягивать часы к ночному небу, стуча по циферблату пальцем.

– И когда оно кончится?! – риторически простонал кто-то во тьме.

– *Mafiku*, - отозвался голос из дождя.

– *Koilya? Koilya! Koilya!* – вдруг заволновался наш толмач, пытаясь перекричать шум падающей воды. – *Onde estao as nossas latas de concerva?*

Не ожидая ответа, он нырнул в угол, где на возвышении лежали запасы провизии – так, на всякий случай, - выудил только-только заброшенную в здешние дебри *ring-pull can*, (о, сколько сил, а также и смекалки потребовалось, чтобы вскрыть такую в первый раз!) и подал гостю.

– *Koilya-koilya, nda pandula unene*, («кушать, кушать, спасибо большое»), - вот что он сказал.

Внезапно дождь прервался, вернее, не то чтобы совсем, а попросту уполз куда-то дальше, вглубь континента, оставив за собою хвост из редких капель.

– И что он там лепечет? – лениво поинтересовался все тот же голос, бурча скорее по привычке про себя, чем и вправду заботясь ответом.

– Он сказал «скоро» - сказал переводчик, и неловко (хотя, быть может, и наоборот, довольно ловко) опрокинул рюкзак с продуктами едва ли не в самую лужу.

– *Pobre diabo, eu tenho as maos de monteiga* («Черт, что-то все из рук валится») – пожаловался он. – *Sinto-me como o tempo* («чувствую себя

по погоде»), *completamente sem jeito; possivelmente, por causa da chuva* («вообще «никакой», похоже, из-за дождя»)… – продолжал сокрушаться он, хлопая грязью и едва ль не нарочито стуча рассыпанными жестянками. (Похоже, по какой-то причине он не желал нашего дальнейшего общения с пришельцем, мирно ковырившим ветчину пальцами в отсутствие других приспособлений) – ... *probably because of rain, man*, - добавил он зачем-то по-английски.

...Сейчас, когда я уже знаю прошедшее будущее, мне кажется, что *так* он подавал нам знак, умышленно соединив два слова: «дождь» и «человек» - в одно. Возможно, он хотел предупредить нас на незнакомом для незнакомца языке, но вот о чем?

Так ли это было, расспросить уже не удастся. Во всяком случае, на тайные послания, если таковые были, никто внимания не обратил.

– Он – что, у вас из тех, что вызывают дождь? – все так же, более из лени, нежели в попытке постичь истину, любопытствовал кто-то для поддержания беседы, выказывая определенное знакомство с местными обычаями и колдовством.

– Нет-нет, что вы – как раз наоборот, совсем наоборот! – заверил толмач.

– Выходит, если верить твоим словам, то это дождь вызывает его? – пошутил кто-то из дальних глубин шалаша.

– Именно это я и сказал, - пожал плечами толмач.

Говорят, что давным-давно, настолько давно, что этого никто уж и не помнит, и лишь Сидящие-в-ночи повторяют как заклинание, Калунга решил сделать так, чтобы каждому в этом мире нашлось место, а чтобы не было споров и распрей, дать каждому по чуть-чуть, чего тот сам пожелает, стараясь не обидеть и не обделить ни малых, ни больших.

Еще затемно пришли к нему рыбы. Рыбы захотели плавать, потому что воды было много, и Калунга дал им плавники, и дал хвосты, и гладкую, как лодка, чешую, но вот чего не дал им – ни рук, ни ног, ни речи, как ни просили они его.

А рано поутру все разом всполошились птицы. Птицы захотели неба, потому что неба было много, и Калунга дал им и легкость лета, и силу крыльев, и даже перья, чтобы те из них, кому по нраву, могли не бегать по земле, а выучиться летать. А когда захотели летать еще и разные другие: и пчелы, и цикады, и мухи, то оставались у Калунги только крылышки, но крылышки без перьев, на которых высоко в поднебесье не взлетишь, зато жужжать, порхать и стрекотать можно и среди деревьев, и среди цветов, и у самой земли.

И так все приходили, и приходили, и приходили к нему, а он все раздавал и раздавал, стараясь не обидеть никого, и дать им самое-пресамое, конечно, из того, что у него осталось.

Когда пришли люди, то ни плавников, ни крыльев давно уж не было, как не было ни быстрых ног, ни острых, как бамбук, клыков, ни могучих и страшных когтей, и даже длинный, как змея, язык успел забрать себе *опуатуауата, муравьед*. Еще оставалась земля, и никто не успел разобрать все звуки речи.

Но и среди людей единства не было: кто-то присмотрел себе место получше; кто-то взял тайну железных мотыг, наконечников стрел и ножей; кому-то приглянулось умение плести корзины; а кто-то захотел себе знания ядов, способных обездвижить рыбу и враз остановить стремительного зверя.

...Остался лишь один, забытый человек. Не мог он вовремя придти к Калунге, потому что солнце сжигало его белую кожу, и он скрывался в тени деревьев, ожидая вечера, когда он сможет выйти. Но к вечеру почти ничего не оставалось у Калунги, потому что побывали у него уже и те, кто выбрал себе ночь, и только попросил глаза, что зрячим взглядом пронизывают тьму. Не осталось даже лоскутка надежной темной кожи, чтобы без опаски можно было выйти днем.

– Неужели я должен буду всю свою жизнь просидеть под сенью деревьев, не смея выйти на палящий свет, чтобы меня не сожгло, и остерегаясь бродить ночами, потому что ночь ты уже раздал тем, кто видит ночью? - пожаловался этот человек.

Калунга задумался, что бы предложить человеку взамен.

– Ты сможешь идти с дождем, - подумав, нашелся он, – с дождем тебя не сожжет солнце и не съедят ночные звери.

– Неужто больше ничего мне не осталось? – снова пожаловался белый человек. Он выглядел словно проросший в темноте под скиром нечаянный росток, и так же, как росток, был маленьким и жалким, и не было вокруг такого же, как он. И ощущал себя он обделенным, поскольку дождь - такая малость среди просторов и земли и неба, и дня и ночи, и зноя солнца и настороженных теней луны.

Огляделся Калунга. В реках плавали рыбы, на отмелях затаились крокодилы, в песке зарылись черепахи; в небе парили птицы, среди деревьев замерли стрекозы, среди лугов порхали бабочки, среди цветов жужжали пчелы; по земле ходили люди, устраивая жилища; в земле копошились слепыши и черви; сквозь влагу опавшей листвы прорастал термитник, а у термитника, вытянув длинный язык, уже притаился *опуатуаната*. А в ожидании ночной добычи хвостом бил лев, и протирали глаза филины и совы – ничего, ничего не осталось вокруг, что бы ни испросили себе другие.

Так и сказал Калунга белому, как воздух, человеку.

– Тогда зачем же мне ходить с дождем? – спросил белый, как воздух, человек. – Дождь несет воду и вспаивает семена, и дарит моим соплеменникам радость, а я... зачем мне ходить вместе с ним?

Поглядел Калунга вокруг – ничего не осталось у него, ничего, что бы не запросили другие. И он совсем уж было развел руками, когда заметил (ведь, на то он и Калунга) белую, как воздух, правду, которую, то ли никто, кроме него, не видел, то ль не понадобилась она никому.

– ...Что ж, - сказал он, – ничего у меня не осталось, кроме белой, как воздух, правды.

Сказал он и повел рукою, как будто приглашая поглядеть.

– И я тоже буду нести соплеменникам радость? – обрадовался белый, как воздух, человек, уже собираясь в путь.

– Нет, - вздохнул Калунга, - радость уже разобрали другие.

– Тогда зачем мне приходиться к сородичам моим? – спросил навеки обреченный ходить с дождем несчастный белый человек. – Они прогонят меня и не захотят слушать.

– Хотя бы за тем, - рассердился на это Калунга, - что если ты перестанешь приходиться к людям, тебе нечего будет есть. А нечего тебе будет есть, потому что ты не сможешь выйти из тени – или тебя сожжет солнце, и ты не сможешь ходить в ночи, потому что тебя первого увидят те, кто выбрал себе ночь. И только дождь выпадает тебе, чтобы добыть еды – в обмен на правду.

– Но если они не захотят меня слушать?! – испугавшись голода, спросил белый, как воздух, человек, что собирался уходить с дождем, поскольку собирался дождь.

– Что ж, тогда они будут кормить тебя для того, чтобы ты молчал, - сказал Калунга.

– Но они будут гнать меня прочь! – уже в отчаянии закричал Тот-кто-ходит-с-дождем.

– Нет, - спокойно ответил на это Калунга, - этого они делать не станут. Потому что именно люди взяли у меня любопытство.

Когда пора дождей идет на убыль, тучи пролетают быстро. Как оказалось, не прошло и часу. На востоке все еще клубилась густая, как чернила, ночь, зато на западе уже опять зазеленела омытая дождем лесная зелень, отбрасывая предвечерний отсвет в воду, и, более того, среди запоздалых ключев уходящей тучи высоко меж горами пробился ясный луч.

– Тьфу-ты, - сплюнул, нарушая тишину, один из нас, а именно – шофер, с капота смахивая сбитую листву, с тоскою озирая лужи и озера, оставшиеся в память о колдобинах, ухабах, рытвинах и ямах, что в избытке ознакомили наш путь сюда.

– М-м-да-а... тут хорошо бы к завтраку поспеть, - вздохнул голодный кто-то. (О том, что речь пока идет об ужине, никто не вспомнил и не заикнулся даже.)

Возможно, один из «side-effects» («побочных», так сказать, «эффектов») пребывания в том, что называют «time-war» («дыра» или «провал» во времени) в том и состоит, что люди забывают о часах. Однако же существенней другой. В «провале» вдруг покажется, что время движется по кругу, совершая некий *временеворот*, определенный скоростью движения, глубиной «провала» и центробежной силой находящегося в нем предмета. И, если допустить, что это так, то есть, что время движется едва ли не по кругу, то настигает мысль (она-то движется быстрее), что все, что происходит с тобою ныне, уже когда-то было: пусть даже под другими именами, в других местах, в других одеждах и других дождях, но было, было, и ты уже стоял здесь, наблюдая за чем-то схожим. А посему – коль приглядеться пристальней, ты сможешь разглядеть и вспомнить, когда и как все это было прежде, что равносильно знанию того, что будет впредь.

...На ужин мы, конечно, не успеем. Как, впрочем, и на завтрак. С ругательствами нас перехватят по пути, но все на сей раз обойдется. А

до того в прощальном свете фар мелькнет нелепая согбенная фигурка смешного, жалкого, и белого, как воздух, человечка, в джутовом мешке, а верно – что и в двух, с прорезами для рук и головы. Одной рукой он оперся на посох, что вверху раздвоен, как подпорка у обессиленной плодами ветви старой груши – по-видимому, так удобней держать под мышкой, и можно защититься от змеи, если успеть прижать ей голову к земле. Другой рукой с неправдоподобно белою ладошкой он недолго помашет нам вослед, затем приложит ладонь к глазам, шурясь на закат, и улыбнется, как бы извиняясь за свой приход. Затем вернется в хижину, где по настояню толмача ему оставили запасы хлеба и банку ветчины. И пропадет из виду... Больше я его не встречу никогда. И что случится с ним, я тоже не узнаю.

Не думаю, что довелось и вам узнать бы обо всем об этом (ведь случай, как ни погляди, ничтожный), когда бы не стечение событий.

Есть у толмачей одна черта – та, что роднит их вопреки границам семьи и частной собственности, и государства со всеми атрибутами их власти. Отзывчивость ли это, или что другое, а впрочем, как ни назови, но люди переводческого склада всегда протянут руку помощи тому, кто так же, как они, сподвигся сделать шаг навстречу, хотя бы – через границу языков.

– Когда мы с ним прощались, ты сказал «*ekishi*», - потерябил я толмача наутро, когда он по привычке к погодным катаклизмам (коль давеча хитрец не обманул). Вокруг, как и вчера, ни зги было не видно, но невидаль скрывалась на сей раз не в тьме кромешной, а в белом, точно молоко, тумане, где «призрачность», суть, не метафора, но способ проявления и восприятия вещей.

– ... ты сказал «*ekishi*». Но имени его ты не спросил. Вы не были знакомы, а значит: «*ekishi*» - не имя собственное, но обращение. Выходит, ты меня не научил даже такому важному простому делу, как обращаться к людям? – попенял я толмачу наутро.

– «*Ekishi*»?! – удивился наш толмач. – «*Ekishi*» – и не человек совсем. То есть, он как бы человек, но... человеком-то его не назовешь. Человек, он кто – тот, у кого есть дети, есть коровы, есть ведомые всей округе предки, и есть лицо, и данное родителями имя. А у *ekishi* - ни своего лица, ни имени, ни стада, и кто детей захочет от него? Да и зачем к нему, к *ekishi*, обращаться? Наговорит такого, что и жить расхочешь! Нет-нет, спасибо, кого-кого, а уж меня увольте! Даже если мне сдохнуть прямо завтра, я не хочу об этом знать!

– Ты... шутишь? – удивился я, поддавшись безотчетным чувствам, пока что до конца не сознавая, чему же, собственно, я удивлен: то ль сверхъестественной способности увидеть будущее, то ли решимости не знать о нем. А впрочем, какая разница? О «сверхъестественном» в контексте бытия в местах, где оно столь *естественно* и вещно, что сами люди могут показаться лишь временным телесным воплощением потусторонних сил, особо не поспоришь. А рассуждать о личных предпочтениях, выказывая небрежение другим, не очень-то умно.

– А мне-то показалось, что ты его встречал как важного и дорогого гостя, - с подвохом сделал я попытку уличить толмача в лукавстве.

– Еще бы! – двуличья за собою толмач не замечал. – Во-первых, он с дороги, а кто прошел дорогу – тот много повидал. Кто много повидал, тот знает о дороге много, и выслушать его совсем не грех. А во-вторых, не знаю, как оно у всяких белых, зато у нас – тот, кто зашел к тебе с дороги, тем самым, прерывая путь, всегда желанный гость. Или почти всегда. Хозяин - угостит едою, гость – рассказом.

– Вот верные слова, но мне сдалось, однако, что ты ему и слова вымолвить не дал...

– Вот и неправда, - возразил толмач. – Я дал ему поесть, чтоб он успел подумать. Пока он ел – он думал.

– О чем?

–...Что говорить, что – нет.

– То-то я гляжу, что на прощанье он толковал все больше про еду («*eendya*» - легко запоминаемое, но – что еще важнее – полезное в разумных дозах слово, такое же, как «*food*», «*comida*» или «*foedsel*», способное творить буквально чудеса, когда от сотрясения воздуха простым набором звуков внезапно исполняются желанья, пусть даже лишь одно)

– Зачем же - «про еду», когда и бабуину ясно: поесть мы и без лишних слов дадим.

– Но как же – «*olu eendya*» - что-то вроде «долгой» или «обильной» пищи?

– Послышалось. Он говорил про *oluidi*, болезнь такая, что иногда приходит по следам дождей. Воды, сказал он, слишком много - «*omeva shi fike oro*», и, думаю – он прав...

Эх, мне бы расспросить побольше о болезни, однако же, призвав несчастный вид бледного, в бисере тумана, невыспавшегося толмача, я по недоразумению рассудил, что *oluidi* – скорей всего, какой-то местный редкостный недуг, знакомый только тем, кто знает само слово, и... прекратил дальнейшие расспросы.

– А как же он? Не страшно ль одному? – только и спросил я, мотнув головою назад над левым (поскольку я скрытый левша) плечом, что должно было означать «там и вчера».

– А что ему? – махнул рукой толмач. – Чего ему бояться? Зайдет повыше в горы, где гуляет холодный ветер, или наоборот – подается ниже, где камни и пески Намиб и Мосамедеш. Люди его не тронут – люди поесть дадут. А что еще? Львов на краю пустыни он обойдет. На мину не нарвется, поскольку ходит мимо накатанных дорог. Так... разве, что змею дурную не заметит, и то, еще нескоро – по старости усталых глаз. *Ekishi, oku neendunge. Ote tuene li-lungamene.* («*Экиши* – умный, сам побережет себя».)

Эх, мне бы расспросить побольше о неведомом недуге, но понадеявшись на то, что, буде в том потреба, все как-то образуется само, я записал в блокноте: «*oluidi*» с пометкой «*местная болезнь*», поставил знак

вопроса (?) и более не вспоминал о том... Что было дальше? Дальше – один из нас, тех, кто воочию видал *экиши* в тот самый дождь, уехал в отпуск. Из отпуска он не вернулся. «*Omeva shi fike opo*» - вода, когда она «большая», захлестывая поймы рек и заливая рытвины, ухабы и взбитую колесами лесную колею, за считанные дни уже «цветет», и в затхлом воздухе стоит неистребимый запах гнили. Бывает это очень редко – раз или два за много-много лет. «Цветущая» вода есть верный признак болотной лихорадки. В горячечном бреде он вовремя не вспомнил, а может, и не догадался, что за напасть его свалила с ног (в России на ту пору был февраль), когда в глубоком захолустье, где угораздило его когда-то появиться на божий свет, врачи беспомощно лишь развели руками.

– А все же... кто он такой, экиши? - спросил я толмача наутро. Наутро, неполных три полных луны погода.

– Примета, - ответил он, не удивившись. – Примета, больше ничего.

Как я успел заметить, по обыкновению, наш толмач не слишком-то вдавался в тонкости значений, не ведая особой в том нужды. И как меня ни раздирало любопытство, внезапно я ощутил предел тому, что можно знать. Что ж, все мы слегка трусливы, сталкиваясь с неизвестным. Особенно, когда оно грозит коснуться нас самих. Поэтому все главные вопросы я счел за лучшее оставить при себе.

В дальнейшем я предпринял несколько попыток разговорить *других людей*, расспрашивая, как бы ненароком, о том, кто приходил с дождем.

– Экиши – не бывает, - мне отвечали люди, - хотя бы потому, что не бывает человека без имени, ведь даже у коров и у собак есть имена, чтобы позвать их, и они придут. А как ты позовешь экиши, когда не знаешь имени? Да и зачем?

– Экиши - не бывает, - мне отвечали люди, - он белый, точно воздух, а разве есть у воздуха лицо?

– Нет-нет, экиши – это бабушкины сказки; такая сказка на ночь – угомонить нескатаи расшалившихся детей: пусть лучше слушаются взрослых, а то придет экиши–заберет. Поэтому нет-нет, да и услышишь, как дети, вызывая дождь, при первых капельках стремглав бегут домой, поближе к взрослым, в испуге повторяя: «*Ekishi, inda, ekishi, inda, ekishi, dia po!*»

Со временем меня почти что убедили. И лишь однажды в дождь привиделся мне сон. Приснилось мне, что я и есть экиши. Скрываюсь от жары. Иду с дождем. Высматриваю огонек, где мне дадут поесть.

Прозрачный, точно воздух, я невидим, и только дождь мне дарит очертания. Нет у меня лица. А свое имя знаю я один. Поэтому, как ни пытайся, меня не дозовешься. «Ступай, экиши, прочь!» – кричат мне дети в страхе, что я их заберу. И прячутся за спины взрослых, ища защиты. Но взрослые меня не тронут, не обидят, хотя, бывает, удивятся, что я есть.

Накормят и дадут подумать. А то, что расскажу, то можно и не слушать.
Кому какое дело до меня?

Михаил Юдсон

Француз

Рассказ

"...х, велик Тель-Авив, Холм Весны, где нон-стоп шум-гам трав и вер, и столбом врыт нисан! А я – а ля тля посередь листвы бумаг, пасу стада строк, сосу сок словец. Что ж, хлебнем напослед и зачнем, помолясь".

Михаил допил компот из слив, смял жесь и швырнул издалека в бак – попал, глядь! Ух, жарынь, духота, пот течет, чулан на съем осточертел, тоска ест. Вот то-то и оно – пора за труд!

Зевнув, он почесал нос дверным ключом от очага-на-холсте (увы, не золотой!), отогнал мух (Сартр насрал?), врубил тугим рычагом комп и стал набирать перстом: "Француз (рассказ). Иван сидел на печи и писал роман. "Эх, спектакль бы ишшо в пандан накострять – извлечь из-под глав! – мечтал он. – Трагедь! Как Степан Расин". За окном шел дождь. Лил, ныл, стучал – осенял. Иногда его сменял снег. Тогда бурчал буран, блажен – бу-у-у, иной раз мела метель, плела нить – ни-и-ин, а еще молчком трещал мороз – о, молоко и кровь щек, влекла свой текст гуртом пурга – румян-славян язык зимы тревог-фростуж, шумел-гудел ростопч-пожар Бородина! И выл хор вьюг, вихрь нес крупу (подвид манн), пел ветр – "Вернись в Смоленск!.."

А Иван, назло возне Мойр, смолил роман, торчал на печи, как сыч иль Емелиан. Апропо, тут всяк сверчок-дурачок дразнил-рифмовал его, чужака: "Француз-дрейфуз! Абрамосар-бейлисар! Золя, гля, сопля! Андре – по пеньке бежит во дворе!" Ну, и он им в ответ не спускал – томышь под стекло (да еще натолочь!), то махру в кашню, то плоть в мошну... А на Рождество, когда за заливным и оливьє мир начинал трындеть про тишь и сень олив – в лицо мацой хрустел... "А чаво, дикари жа кругом, – размышлял Иван, точка карандаш. – Русь, дичь, чудь, глушь... Живут в лесу, куют Храм Колесу. Гиль, гуль – и никаких гвоздей! Напишу – и шо, кто поймет, побежит в ночь благовещать? Оторвут кусок – и на гвоздь..."

Давным-давно пустил он здесь побег, жил, как все вокруг, писал муть, любил опосля парной нырнуть в сугроб, зело ценил ширь изб, гладь сиськ, синь глаз, лен волос, твердь льда на Иордань – но все равно, кузовной груздь, тосковал порой по желтизне звезд, миражей и песков родной земли Из, где зыбь, хамсин и кричит с холмов ночной раввин, наводя печаль, где пыль дорог да скрип дрог балагул, и сер мох камней – аваль зато умов хоть завались, интеллект в цвету! А тут лежи на печи и

паши пустоту! Акын-простота, записной исуун рукавиц – тяни-толкай плуг по льду строк, сей соль – «шаг быка», борозда навсегда! – глядишь, есть толк в письме без причиндал, для простецов (повторяй зады да зубри азы, читай-глотай, скользя глазами, считай ворон!) – один кифар, два струна, лишь причитай, что Бог чего-то там не дал (и сыр позеленел, и виноград), а вдаль послал! Куда ни Улисс, ни Дедал, крутя ус, не гоняя! За предел страниц, за обрез листа... Глиста – и та летит на свет! Ползет стремглав! Так что, влачи на печи труды и дни, Иван-Нави, сизиф-горгон – светись, трухляв, бревно бревном, аид-друид, на дворе трава, на траве дрова, на дровах – даарк... Эх, глупой француз! Пруст-куст, блум-сван! Стендаль-миндаль сидел на стене и вдаль глядел – мил-друг химер, горбат и искушен! Пляши, юрод, пиши навзрыд – мир сохранит, чтоб печь топить! Жил-был уже один такой ушан-лопоух, просвистел скворцом (не галл, так галк), звать-величать Франц – узь проз его у всех на слуху, извив теснин, резь тупиков (ну, например, Тезей как землемер метаморфоз), хруст замз и высь глубин (всмотришь – бездн вброд не перейти, тут батискаф какой-нито маракуй!) – титан, етиг твою, ан завещал все сжечь, все утопить...

Роман, каковой кой год клепал Иван (идуц на смерть, шлю салют те, Ролан! Кроши писак в салат, труби в рог!), взрос уже весьма толст, пухл и зван стал вслух "Путь на край слов" (для себя – "На задах"). Был роман про то, как один человек, беллетрист Игнат, день за днем не колулал в носу, а копал пером котлован – кропал нетлень-повестень "П.Н.С., е.б.ж.", том-кирпич о том, как пожилой драматург Антон хотел под конец жития-бытия из своих пяти пьес создать одну – "Уход".

Антураж в "Положить на стол" Игнат-бутафор предложил таков: лазурь, брег, морской прибор, пансион Рюс, стон пальм под окном, баловство птиц, письмеца с болтовней от Лик... Игнат натачал, что Антон гулял по песку в отлив, близ волн, протер пенсне от брызг полой сюртука, чихнул, почесал нос платком и записал на листке, ну, например: "Наш мозг – всего лишь комок желе в костяном ларце, пусть сие и физиологизм. И когда, в конце концов завершив свою чепуху чепух, мы пройдем босиком по льду сквозь тоннель на Тот Свет (ледники небес – и паром вмерз влет) – то там, как утверждал злой старик Толстой, нас волюет уже в ту семью (альмаман, стюдень!), что ни дать ни взять – холодец из медуз". Ах, не хотел Антон туда никак – в их штерб-штетл, в котел тел, в уху душ. Пушай мы не разлей вода, как нумера и Интеграл – а табачок врозь! Кисмет! Кис-кис, Мет! Карачун на мази! Умри, братан, ты сейчас, а я – опосля. Уезд-АИД (Алексей, Иван, Диман) – подождет, смердя! Мы еще поживем в сем хр-Шем из миров, еще узрим небовал и ров! А мать-тму и тетьмань из Магдал – попрошу не встречать! У, брус четырехгранн! Взгромоздьясь, одному куковать веселей – без Ольг-собак, вне Соф-Сонь, Наташ-Катюш. Четверг воскрес!.. Но такова жизнь и судьба, Лев и жена (дневник в сапоге), дар и болезнь – жри что дают! И шли часы с косою, срок уходил в песок, бежал брегет, кис мир и выжимал Господь лимон на биарриц, уста – кустам, устал людской пастух гнать монолог, блажить из куц огней, золы купин, лозы пустынь – иди гуляй с Моржом по бережку, и холодец крепчал, а Антон чах, слег, пал ниц – кап-

царап смерть, вагон-гроб, драматург-моллюск – от судеб не уйдешь, труха непрух и прах реникс, спаси и сохрани, е.б.ж. – едва ли «бей жидов», но поступим по столу, а точнее по печи...

Иван левой своей почесал нос, отогнал блох, вздохнул – Игнат-го, графоман, и рад гнать строку, дурак седьмой, певуч и косолап, а вот каково его, клопа, сочинять, наделять душой, вдвухать хоть и не жизнь, но жисть – тяжелы жернова письма! Хадж на восток слов! Сток в Стикс, сплав березины на сеновал... Слив в звуковой компот... Ведь речь, Бог даст и черт не съест – течет! Река морфем! Почти как Меф в кабаке вино добывал из столов – кир бурил! Ром, йо-хо-хо! Так и фонтан кирилл-мефодь!.. «Заткни, коль есть, – учил Козьма. – Садись на мель». Стиль – се человек, тут тебе не сень струй в цвету, не лаз под подол (срам и марсель), здесь вам не кружева плести, а ржавь сбивать...

Иван повелел так, что Игнат писал на пеньке в холодке, вишь, в саду, в лопухах, где забор. Вдали на скамье под кривой сосной кто-то смотрел в лорнет на закат. Вечерел небосвод, чертил круги воробей – нес гроздь гвоздей к столбцам, несло дымком костерка. О, св. Простота санбенит! Белизна одежд и саж – у нас горит Беньямин... Видок-офорт из Гойи – передвижной каприз, опричь ночной кошмар – свей песка, вой труб, медь змей, гвалт дум, былой дым изб, пар хат! Мессюсь, где Ты? Почему Ты?.. И т.д. – твори добро, рисуй закалак в тетрадь, а зодно, вводя закон пар, создавай и гад земных – шестерюг Числа... Навевал тоску кочевой крик квакш. Играл карась в пруду среди коряг, сверкал из вод чешуей жабр и фибр, бил хвостом – брьсь, брьсь, Зверь сметан! Из людской в мезонин лакей пронес квас (да-с, не Аи!), поднос дрожал в его руках – ах, дряхл Фирс, не пройти уж ему два-пять сфирот от и до, не достигь совершенств... Чужой мужик приволок под забор мешок железа – греметь над, мешать писать...

"Упал ранет, а Исачка все нет, пейсак вводя впросак... Закон-тайга – в уме беги на двор (я описал Русь, пардон, а Русь – меня!), жучь, жги, преображай – на то и угль-глагол! – бей поутру болтом о рельс, колоколь в ночи топором о лист и стилем луи по стволам, шишкой в речевом кедраче, чеши нос и язык, отогнав гнус с мошкаррой, шелуши дупло души, оседлай поводыря и камлай про узор щита, виршеплет, – приказал себе Игнат. – Суrow оброк строк!" Он черенком пера почесал нос, отогнал ос и похвалил себя: "Сам из бар – а трудовик! В Париж под мост не рвусь – лукамудить скрижаль про свист рачком, пишу где Бог даст и что Он послал... Эх, ходи, изба – топчи, печь, пляши, Вахх! Вон овсы взошли, вот-вот горох молотить начнут, мять вино, пруд зацвел, сова кричит, самовар кипит – красота!"

Михаил перечитал текст, заржал сперва – умри, Дионис, антр-ну, а как в каком-то там году да объявил француз войну! Но потом оттолкнул экран и покачал головой – эк понаписал, кудряш, куда прям мастерство девать, вязь затолкать, колдовство слов так и прет, не пропьешь, закусив рукавом (тут и ерш-компот, компатриот сивух, не спасет!), гармонизм не предашь ни за какой евбаз вечерь, ни за каких ев-баб в грешном саду ("Положи меня на Низ!" – как просил один молодой человек из Кариот) – писать всегда, писать везде (в подъезд уже войти нельзя)... Взалкал,

волостной писарчук? Грусти, грусти, сынок, сир и убог! А ведь у тебя, дедок, уже дед-лайн на носу, пора и о душе всплакнуть...

Вдруг, как снег на рош, как в хлеву звезда Рож, – дверь нараспах! – презрев стук, в чулан вошел Иван, а за ним вдогон Игнат и Антон. В руках мечи блестя, булат, так сказать – наверняка отмщать! Тю, щенок, озяб в конуре? Прижух, припекло? Шас кость-то разомнем!

"Приплыль я, – внял Михаил. – Из хазар в психоз. Дошел до кушет!.. На щите. Аль сон сякой чудной с бодуна де куртенз?"

– Эт чего у него наверху? – спросил Иван. – Шар как бы и волосня кругом...

– Голова, – объяснил Антон.

– Руби, – сказал Игнат. – От ней все зло!

– Власть тьмы-с, – подтвердил Иван, скифск и раскос. – Секир-башка!

– Был такой врач, француз Гильотен, гуманист... – произнес Антон.

– Рубай! – стоял на своем Игнат.

– И Омар Хайям, азиат, сему учил, – гудел Иван.

– Нехай, чихать, братернитэ – оревуар! – кашлянул Антон.

– Иван, карош! Кроши! – подогнал итог Игнат.

– Стой, стой! – завопил Михаил. – Постой-ка, брат мусью!

"Ой, бред сив! Ой, лап бег не в склад, не в лад, хучь плачь!" – решил Онфим (небольшой пацан-жидовин – белобрыс под горшок, смышлен, плюс грамотей, разумел, где "азь" выводить, где крест малевать – с бичом и Бытием наедине, «текст-а-текст»). Он почесал нос (ноготком – хоботок), отогнал пчел. И ведь не жалел Онфим изводить добро на черновики – не берег коры берез, вон в углу полно, благодаря Един, вчера надрал. И сил, как у коня, ага – значки-крючки текут, фарш букв аж вскачь из-под *перга*! Курдячь до дыр про куздр у шерб – нектар и убещур! Ан не мед густ зрел в туюске письма, не миф спел, как у слепых Го, Джо (да и Брейг – ель тех лесов, боян тож) – а выходил страм один, воск на доске... Банан в дневник – кол осин на языке родных иуд! Аз емь микроб, крохобокр, увы и ах! Как там их, друзей миазм – Михаил, Иван, Игнат, Антон – всех сквозных земель-лаптей сплел хорошо, кажись, а оживить не могу. Не франкенштейн чать – читать кадиш «Встань и иди!» Видать, ремеслом слаб, чердак приземлен – а гусь перу не указ! Ну, реп без проблем не добыть! «Помоги, что ль, ты, Перун – на худой конец! – взмолил Онфим. – Не подведи под монастырь, не опали купель!» Но истукан на столе молчал. Белобычок иных начал, на кругу ветров, на колу мочал! С козла молока, со златорыб молоко, корыт с травой морской! Ах, ты так, балда, – тогда щелк тебя в лоб! В чело!.. Чу, сам собой загремел засов ворот, в сенях шаги, голоса – на порог ступил Михаил, рядком зашли Иван, Игнат, Антон...

Но тут Моисей-шалопай (зачем, блин, сфинкс в плену? А катись с него, как с горы Синай!) остановил бег строк – омен, аменхотеп вам в бок! А и на кой вообще таки писать? Зубрить латынь и койн – тшета... Моисей почесал нос острием тростника (выдь на Нил, срежь ножом, что всегда с тобой, погляди туда и сюда – и зарой талант в песок), отогнал

вшей, жаб, тьму. Ей-ей, писать – что, встав в нисан, бродить средь пустынь, вороша посошком листву страниц. Знай осязай, обоняй – собирай в коробка! Вась-вась с Беск-существом (у, Един!) – от сих до сих... Да, да, исход букв. Гам песнь синтагм («гам» – тож, ивр.). Шумел камыш (учесть, что «шум» – чеснок). Фараон, гарадовой, отпусти народ мой!

За день Моисей-пострел провернул до фи́га дел – поиграл в бис на бис, аид-пирамид, натаскал воды в саркофаг, нарубил дров для ладьи Ра (ау, тимур, пионер-хромец!), намял гли́н – и тепе́рь зажег жир свеч, достал, малец, резец, да и давай вбивать клин, лепить пельмень-текст, развозить зерно по пластам куч, разводить размазню каш по столу, катать письмена, что твой скарабей...

А Рон-Старшой, вожак первостай (протоМоше наш, косноязык и могуч), в тот же миг, осерчав, отшвырнул тупой кременчуг во мрак, вглубь пещер, где у мешан шла борьба за огонь, за тепло мест у костра, и зло зарычал – бр, бр... Аж дрожь пробрела мурашом по хребту до пят! Шерсть у него росла на груди и спине, как кусты хвоща на бахче, мозг, почитай, с кавун, то есть с арбуз-дичок, не шучу, бугры мышц – великан-интеллектуал! Сошел с гор и слез с лесов Творца, оц-тоц, перевертоц! Лев пещер и саблезуб полян! Он почесал нос топором, проронив «тпр, тпр», и отогнал, фырча, мышей-летяг – фр, фр (мол, кыш, кыш!). Потом расщепил другой кремень, поострей – стрела времен, ан не неан, а кром!.. И Гончаром урча – хр, хр (де ург, ург) – на ходу изобрел колесо страстей – змей жрет свой хвост (да в ябл!.. очко!), изобразив на стене круг и хривой хрест – Ох...

Р.С. Драгой читатель, просвещенный светоч! Чать, утонченно докумекал с лету, что сей рассказ французисто наострян на языке андревнего Жида – звон ударенья всюду на последний слог, ох, ожидание (взашей!) преддверья послесловия – крыльца конца кольца...

Авром Суцкевер (1913-2010)

Старый Яффо в дождь

К столетию со дня рождения

Перевод с идиша Игоря Булатовского
Предисловие переводчика

Я там, куда достигает мое слово.

Авром Суцкевер

Из книги «Лесное» (1940)

«*М*ы видел такие видения, каких не видел никто». И правда: «Оснащенный маленькими крыльями летит миньян камней / А над ними — Врата Милосердия, отныне открытые». Что в этом видении невиданного? Открытые Врата Милосердия? Но это скорее невиденное, чем невиданное. Конечно — окрыленные камни, летящие на молитву. Что знал Авром Суцкевер об этих, увиденных им, камнях («Стихи из дневника», 1977)? Знал, что они дрожат, как арфы на осеннем ветру, что они — зеркала вечности, что они могут гореть и каменеть, и улыбаться, что они слышат, что они — уши, что у них есть вены и жилы. Откуда он все это знал? Видел? Как видел в Негеве «мастерскую Первотворенья» и «рыжеволосые города» из «мускулистых пламен», огненную колесницу над горой Кармель, Наполеона и зачумленных солдат в старом Яффо, пьяных от спирта матросов, «который век лежащих на дне у берегов Италии», и оживающий скелет Соломонова корабля в Эйлате, водяных музыкантов и танцовщиц в тель-авивском порту, поколение пустыни с вершины Синая и своего умершего деда, дрожащего от ветра на улочке Сморгони? И многое, многое другое. Данте, которого Суцкевер как-то пригласил «махнуться гееннами»? Но Дантов ад для него — все-таки аллегория. Рембо? Но тот, чтобы увидеть «салон на дне озера», приучал себя к «обыкновенной галлюцинации» всеми возможными, в том числе химическими, способами. Визионеры Меркавы? Но Суцкевер был военным корреспондентом и редактором журнала: «мастерскую Первотворенья», и говорящее двухтысячелетнее дерево в Хацеве, и «десницу», воздетую «из глуби колодца» в Беэр-Шеве, он видел во время контрнаступления «лис Негева», не постясь, не медитируя и не принимая молитвенной позы пророка Илии. Фантазии? «Никто не предупредил меня опасаться слов, опьяневших от

потусторонних маков. И я стал их рабом. И я не понимал, чего они хотят от меня. Любят они меня или ненавидят? Они сражались в моей голове, как термиты в пустыне. <...> Одержав победу над одним человеком, они явно решили покорять крепости, неуязвимые для слов. Победа над людьми, над ангелами, почему не над звездами? Опьяневшая от потусторонних маков, их фантазия разыгралась» («Зеленый аквариум», 1975). Метафоры? «*Во мне качается звуковая ветвь, как прежде, / Реки крови во мне — не метафора*» (стихотворение «Во мне», 1988). Тогда — что? «*Просто пить пустыню / Из кувшина ночи, / Просто пить видение / И видеть это видение в себе*» («Из старого и нового», 1982). Тогда — кто? Может быть, Мильтон... «*В сорок четыре... Мильтона поразила слепота. / Его слова / Сыграли с ним шутку: / Смог бы он любить вслепую / "Дерево", "собаку", "дождь"?* <...> / *В своей крови он искал плавающие солнца, / Чтобы прокалить черные мраморные слова в строфе, / До тех пор, пока... / Не разрешил задачу: / В своей крови он нашел / Потерянный рай... / В сорок четыре меня поразило видение... / Я всегда буду видеть / В моих венах мое слепое поколение, / Пока не найду мой потерянный ад*» («Оазис», 1960). «Ода голубю» (1957) — самая отчаянная попытка Суцкевера, «наследника бесследных видений», найти свой потерянный ад. Это звуковое, буквенное, буквальное, слоговое, словесное видение. Скорее услышанное, чем увиденное. Или — увиденное слухом (вполне в духе Суцкевера). Для него не нужно ни молитв, ни галлюцинаций. Нужен лист бумаги: его приносит голубь (который потом сам оказывается этим листком). Нужен взмах «*звуковой ветви*» или птичьего крыла, чтобы придать отваги «*растерянному стаду слов*». И вот уже «*гудят созвучья*», и вот уже ищутся «*слабые блестящие силлабы*» для прокорма листку-голубку. И вот уже строится храм из «*звуков-костей*». «*Детства дитя, голубок, дай наречье губам, дай реченье, / Плачу созвучий внемли, чтобы сна не померкло свеченье*». И вот уже в словах «*царапают рот*» вишни-рифмы. И вот уже душа танцует на «*ярком краешке Луны*». И вот уже бес выпрыгивает из огня, и свет становится серым, и «*дети-ничужки*» превращаются в «*пустые скелеты*», и «*яд в каждом созвучье*», и лица «*заостряются на шеях, как тени больших топоров*». И земля — трясина, и небо — трясина. И только листок бумаги «*зажилен от смерти*» в руке. «*Знаю: листок — голубок, он согреет в мороз мои пальцы, / Внуки-слова не забудут, как жили их деды-скитальцы*». И раскручивается, раскручивается «*египетский жернов*» видения, и захватывает в свое кружение весь мир. И растет звуковая сила мира, растет из «*лесной, морской, мирской*» песенки до рева труб «*под золотом ребер*», до пророческого львиного рыка. И обрывается... «*На берегу красноморском сижу. Оду волны допели. / Тихо. Лишь солнце вращает египетский жернов без цели*». А над берегом кружат чайки. Или это «*двадцатидвухкрылый алфавит*» («Скрипичная роза», 1974)?..

Игорь Булатовский

Авром Суцкевер Старый Яффо в дождь

Вступление

Историк Плиний говорит: «Порт с допотопных пор
Существовал». И как благословенье
Над портом, чуть сошла вода, Бог в небесах простер
Скрипичной декой радуги знаменье.

Ну, строки с первой радугой я сам присочинил:
Язычнику знак Божий не открылся;
Но Яффо поднял руку и подарок тот схватил,
И в жилистых камнях он растворился.

Потопа соль на языке. С чего бы, вот вопрос?
Ведь в Старый Яффо я приехал *после*.
Но плачу, как на списанной посудине — матрос
О том, что он не на море, а возле.

Лехаим, море! Плачь, матрос. Лехаим, ураган!
И волны — не Потопа ль? Что века им?
Словами иссеченный, я налью себе стакан
И чокнусь, хоть с дождем, крича: лехаим!

Маяк

Сквозь дождь, как ясновидящий, маяк дозор несет,
Наперечет все капли дождевые
В его луче, так Бог ведет стихам Танаха счет,
Лекарства составляя потайные.

Идут в зелено-фосфорных брезентовых плащах
По улицам созвездий Зодиака
На берег рыбаки, и мать с младенцем на руках
Им в небесах сопутствует средь мрака.

Где Андромеда нежная Персея дождалась,
К морской скале прикована цепями,
Там провожает рыбаков, за каждого молясь,
Мать юная с младенцем и цветами.

Благословенье рыбакам я за шлю за окоем,
Где, мрежи огневые простирая,
Плывут они, и буря бьет серебряным хвостом,
Фарсис и Ниневию поминая.

Гребни волн

Кораллы на кораллах, род на роде, на плечах,
До основанья стен, до дна, до лона.
И гребни волн срываются, взметая водный прах,
И рушатся стеной Иерихона.

А на горе, где солнце в клетке ливня золотой,
Сапожками блистаючи в азарте,
Стоит среди солдат, разбитых маршалом Чумой,
Священный коротышка Бонапарте.

Они к нему, как рыбы — на песок, впадая в транс,
Брошаются в бреду и салютуют.
Один солдат, беспальный, тянет руку: *Vive la France!*
Другие ножки карлика целуют.

И вот уже, как маков цвет, пятно на сапоге:
Смерть кожу до кости процеловала.
Знать не хотел, Наполеон, ты о таком враге,
Но все предвидел с самого начала.

Сокровища на базаре

Тут — сабля из Бомбея, Саладин грозит с коня,
Там — девственности пояс из Багдада,
Пол-Афродиты смотрит с подозреньем на меня.
История любой бирюльке рада.

С атласною подкладочкой цилиндр. Вот-те на!
В цилиндре этом рыжий спит котяра.
Вы, серьги, — две слезы Прекрасной Дамы, где ж Она?
Одним глазком бы глянуть! Вдруг мы — пара?

Вот шкаф времен Людовика Шестнадцатого, вот
Какие-то фламандцы безымянные,
Вопросы принца датского тот череп задает
Под яффских волн стенанья постоянные.

С тележкой сена ослик по базару семенит,
Как Будда улыбаясь и кивая,
История протиснется к тележке норовит,
Вдыхая райский запах, запах рая.

Безмолвие и шторм

В окошке башни в полночь солнца отблеск. Чем сходить
С ума, внимая стонущей пучине,

Схожу-ка я художников в той башне навестить,
Они там — словно голуби в руине.

«На сердце дождь», — поет Верлен. Оплачены счета
Дождя. Окошко вспыхнуло углями,
И вижу я: стоит слепой художник у холста
И выжженными смотрит в ночь глазами.

— Вопрос наивный у тебя, приятель, на уме.
Нет, я совсем не различаю цвета.
(Мешает краски.) Был бы я без них в кромешной тьме.
Я вижу ими, и не надо света.

Так и на дне, где солнце худосочнее всего,
Вся тварь живет им, всякое растенье,
И грезят, что когда-нибудь свершится торжество:
Безмолвия и шторма обрученье.

Бадхн

— Кому теперь бадхонес мне прикажешь сочинять?
Ищи-свищи того, кто знает идиш,
Умершего отца живому сыну не понять,
Допелся-доплясался я, как видишь.

Так мне в жилетку плакался в таверне «Морячок»
Из Лодзи старый бадхн, и на бражку
Все налегал, и закусью служил ему стишок:
— Ой, мне бы эту бражку да во фляжку!

И снова: — Ну зачем, скажи? Ведь это ж *ой-ун-вэй*,
Ведь это ж черти с нами пошутили:
Живые мертвым во какой отгрохали музей,
А говорить им там не разрешили!

И плачет бадхн пьяненький, и лезет он в карман,
И вот передо мной Псалмы раскрыты.
— Скажи, ты пепел или песнь? Ты бадхн иль обман?
Прах иль один из тридцати шести ты?

Ювелир из Салоников

Промокший, к ювелиру из Салоников вхожу,
Как под хупу, под полог лиловатый
И в лупу меж его бровей, как в третий глаз, гляжу,
И кланяюсь ему, как виноватый.

— Отец сокровищ, я уже с рассвета на ногах,

Всех ювелиров обошел и знаю:
Лишь у тебя сокровище найдется в тайниках
Для той, чье имя я благословляю.

Шкатулку достает он, и в печали голубой
Лежат сапфиры на его ладони и
Мерцают. — Не найдешь нигде гармонии такой,
Пожалуй, даже и в самой гармонии.

Но если хочешь мой совет: для той, что любишь ты,
Что сны твои ночные окрыляет,
В нить капли этого дождя чистойшей чистоты
Собрал бы я: дешевле не бывает.

Юность

Реальнее ножа и проще хлеба мой фантом,
Из глины ты, моя фата-моргана.
Не для того ли на берег я выплунут китом,
Чтоб слушать фортепьяно урагана?

Я слышу. Мне семнадцать. Стрелки башенных часов,
В который раз, на том же самом круге,
Показывают юность (время сдохнет без кругов):
Дождь, двое, и она дрожит в испуге.

Дрожит над нами красный зонт, сгорая со стыда,
Как будто он всего здесь неуместней,
И пьян благоуханием я раз и навсегда —
Дождя ли, тела, или Песни Песней?

О, девушка, чей зонт судьба над нами подняла,
Ты с той поры мне сквозь дожди светила,
Что ж ты меня лишь от воды тогда уберегла,
Что ж от огня меня ты не укрыла?

Матросы

У берегов Италии лежащие на дне
Который век матросики бедовые,
По пляжу уцелевший шкандыбают и в волне
Улыбки ваши ищет он фартовые.

О, юноши, о, юности бессрочная краса,
Над нами каждый мускул ваш смеется,
Настанет срок, когда подняв тугие паруса,
Мессия сквозь туманы к вам прорвется.

Мои матросы, пьяные от спирта до сих пор,
Кораллы вас в кораллы превратили,
Морских татуировок проступил на мне узор,
Пока читал я письма из бутылки.

Глубь неба на волне — вот ваша пристань. Как же быть?
Как мне до вас, я думаю, добраться?
Как мне до этой пристани хоть на слезе доплыть?
— По дождевому компасу держаться.

Метемпсихоз

Тут, за стеной, где от себя своей рукой привит
Был доктор Время, я укрыт надежно.
Решеткой забрано окно, стекло его дрожит,
Подзуживая нервы осторожно.

Арабской вязью на стекле струй дождевых трактат
Все пишется. Оконные решетки
Забуть не могут: бушевал как пламя маскарад —
Пираты, боги, демоны, красотки.

Я вглядываюсь в камень цитадели, чтобы в нем
Найти черты минувших поколений.
Я с ликами терновника, в сиянье голубом,
Беседую на языке знамений.

Я вслушиваюсь, жду, и вот опять (в который раз?) —
Из гроба в колыбель, и так — века мне.
Я тут родился. Умер тут. И навсегда увяз
В твоём, о Яффо, сокровенном камне.

1967

Терновник

1.

Впившись в грудь гранитную, терновые кусты
Ночью в черном пламени горят и не сгорают,
Счет моим шагам они ведут из темноты
И меня на Гору вдоль тропинки провожают.

Те кусты-костры в страницы пинкосов давно
Воткнуты синайскими паломниками были.
Думал я: легенда, слух, предание темно...
Но в Горе горят они — опасно трогать были!

Пьет жару терновник, словно птица пьет росу.
Жар... жар... жар... Нисходит и зовет все выше, выше.
Каждый куст свой малый кус от солнца на весу
Тянет и колочками блестит в гранитной нише.

Лишь в пещере Или темно. С крутых высот
Рушатся над ней жары солярные каскады.
Сердце кочевое, и в тебе полно темнот,
Ты — терновник, но в тебе блуждают сны-номады.

2.

Жар... жар... жар... Терновник, раскалясь до красноты,
Паром стал, и буквами тотчас же обернулся,
Врезанными искони в гранитные пласты;
Синий задрожал песок, но так и не очнулся.

Алфавит колючий, где, в какие дни, века
Я тебя узнал? Скажи, дорога далека ли?
Может, вправду, ангел мой забыл мне дать щелчка
Прежде чем на землю навсегда меня сослали?

Может, буквоцветы с раскаленного листа
Жадно припадают где-то там к первоистоку?
Не создать пунсонщику подобного шрифта,
Не сложить наборщику колючих литер в строку.

Знаю, знаю, спутник мой: «да будет свет!», скажи —
Вспыхнет свет; «да будет тьма!» — блеснув последним
бликом,

День зарежут в тот же миг порфирные ножи;
Скажешь «буря!», и она ответит львиным рыком.

3.

Здесь могу я тишину сквозь слезы увидеть
(Зацветет она вот-вот во влаге той теплицы),
Слушать слух ее, глядеть в глаза ее, вдыхать
Вдохновение ее горящей небылицы.

Запах детства. Корень мой, мой стебель, мой побег.
Тень орла свой черный нож все точит о камня,
Искры брызгают, точь-в-точь на вкус как первый снег.
Только в детстве были мне такие откровенья.

Были в детстве, на Горе, три тыщи лет назад?
Годы — капли в море, не считай: несметны сроки.
В паутине солнца я оставил там свой взгляд,
Грифель мой оставил там начертанные строки.

Нынче мог бы осушить всю чашу утра я,
Чтобы крылья дать строке, теперь мне света мало.
Нынче на колени встать должна душа моя,
Чтоб новехонькой войти во влажное зеркало.

4.

В реку синюю смотрю с Горы. Там, в глубине,
Рыбы нет, лишь кости человечьи там клубятся.

Синяя нездешность, острова, которых нет,
Ищет их Вчера — никак ему не доискаться.

Вижу я Пустынный Род с вершины. Коротка
Память у него, тем страх трудней забыть порою.
Дюны, крылья синие, влекут его, пока
Род пустынный наконец не вступит в спор с Горюю.

Волны океанские идут под ветром так
Штурмовать скалистые уступы стража-кряжа.
Но пока ведут они осаду, пеня шаг,
Не дождутся милости пеняющего стража.

Род Пустынный больше не тоскует ни о чем,
Синяя нездешность — их любовь, и страх, и слава.
Вижу я с вершины: над песчаным костяком
В форме львиной головы навек застыла лава.

5.

Неужели эта честь лишь мне принадлежит?
Может быть, кого-то этой честью обошли, эй?
Может, деда моего, что на ветру дрожит?
Может, улицу мою, что пляшет над Вилией?

Их устами говорю, устами их травы,
Мертвые мой слух на эхо неба наострили.
Мой терновник, раскали себя до синевы,
Чтоб вживую из тебя они заговорили.

Словно хлеб, я разделю все почести мои
По куску на ненасытном пиршестве скелетном.
Осветилась темнота в пещере Илии
Колесницей огненной в пространстве межпланетном.

Тень орла мне застит свет. В порфировой тени
Корчится терновник. И осколками на скалы
Падают виденья. Но со мной, со мной они
Там, где солнце катится в кипящие кораллы.

1971

Альберто Моравиа

Мыслитель¹

Перевод с итальянского: Моисей Борода

типично римском – вернее сказать, трастeverианском – ресторане "Марфوليو", где я работал официантом, поначалу всё складывалось у меня хорошо.

Голова моя была как полный, звонкий сосуд – как раковина, что попадают на морском берегу: улитка, жившая в ней когда-то, давно-давно умерла.

И когда клиенты говорили мне "Спагетти под соусом" – в моей голове отдавалось "спагетти под соусом"; заказывали "Zuppa inglese²" – в голове звучало эхом: "Zuppa inglese" – и больше ничего. В общем, я не думал ни о чём, был официантом и вовне, для клиентов, и внутри меня – настолько, что ночью, уже засыпая, слышал, как в голове моей звучит "спагетти под соусом... zuppa inglese..." – ну, и так далее, всё то, что я слышал от клиентов в течение дня.

Я сказал, что голова моя была пуста, но точнее было бы сказать, что всё в ней как бы замёрзло – как вот вода в маленьких горных озёрах, что зимой застывает льдом. Весной же этот лёд начинает таять под лучами солнца и в одно прекрасное утро становится водой, и вода эта свободно течёт, покрываясь рябью от ветра.

Но так или иначе, пуста ли была моя голова или в ней всё замёрзло – официантом я был образцовым – настолько, что как-то одна из посетительниц сказала своему спутнику, указывая на меня: – Посмотри на этого официанта вон там, какое у него лицо! Типичное лицо официанта! Никем другим он не может и быть: родился официантом и умрёт официантом.

Что это такое – лицо официанта, спросите Вы? Ну, наверное, это такое лицо, которое нравится клиентам. Им-то „лицо клиента“ иметь не

¹ Alberto Moravia. Il pensatore. *Racconti romani*.

² Zuppa inglese – сладкое блюдо, состоящее из перемежающихся слоёв: бисквита, пропитанного кремом, и бисквита, пропитанного крепким ароматным итальянским ликёром. Истоки рецепта, распространённого, начиная с позапрошлого века, во многих городах региона Emilia Romagna, неясны; возможно, они, как и название, относятся к более раннему времени. (см. напр. http://it.wikipedia.org/wiki/Zuppa_inglese).

нужно, они не обязаны кому-то нравиться, а вот официант, если он хочет работать официантом, должен иметь именно лицо официанта.

Ну, вот. Весь год я не думал ни о чём вообще, и только выполнял заказы клиентов. И даже когда какой-нибудь грубиян кричал мне: Ты дурак или притворяешься? – в голове у меня отдавалось только „Ты дурак или притворяешься?“ – больше ничего.

Хозяин ресторана был мной доволен и часто говорил другим официантам: – В моём ресторане не хочу никаких историй. Берите пример с Альфредо... от него слова лишнего не услышишь... образцовый официант.

Но вот, в один прекрасный вечер это началось – как тающий под лучами солнца лёд превращается в воду, и она начинает течь.

Один из посетителей, старик, с тёмным как у старого козла лицом и мелко завитыми седыми волосами – как будто ему снегом голову посыпало – стал мне хамить, может быть, желая произвести впечатление на свою спутницу, невыразительную блондинку – стенографистку, наверное, или модистку. Был он всем недоволен, и когда я принёс ему блюдо, которое он заказал, он сразу на меня обрушился: – Что это за еда? Где мы вообще находимся? Не знаю, может, мне швырнуть это блюдо вам в лицо?

Он был неправ: заказал тушёный бычий хвост, я ему и принёс тушёный бычий хвост. Будь это раньше, его слова просто бы отдались эхом в моей голове. Но в этот раз, вместо того, чтобы сдержаться, я совершенно неожиданно для себя подумал: Гляди, какое лицо у этого рогоносца – как у старого козла.

Мысль эта была, понимаю, не бог знает какая значительная, но для меня она была важной: за всё время работы в ресторане это был первый раз, когда я о чём-то подумал.

Потом я пошёл на кухню, заменил блюда, принёс этим двоим, старику и его спутнице, две порции молочного барашка по-охотничьи – и опять пришла мысль: На, чтобы ты подавился! – вторая мысль, тоже не очень значительная, но всё же мысль.

С этого вечера я начал мыслить, то есть я хочу сказать, что делал одно, а в голове было другое – это ведь, как я понимаю, и называется „мыслить“.

Например, поклонившись, спрашиваю: „Что господа желают заказать?“ а внутри мысль: „Погляди на этого франта, ну и длинная же у него шея – как у молодого гусака“. Или, например, спрашиваю заботливым тоном: „Сыр, синьора?“, а думаю: „Э, милочка, у тебя усики! Обесцветить-то ты их обесцветила, а всё равно видно“.

Но всё же чаще в моей голове вертелись угрозы, оскорбления, бранные слова: „Дурак, идиот, болван, голодранец! Язык бы у тебя отсох! Чтоб ты сдох!“ – и тому подобное. Это было сильнее меня, в голове моей постоянно кипело – как вот кипит в кастрюле под крышкой фасоль.

В конце концов я заметил, что мысленно заканчиваю фразы, которые говорю клиентам. Например, спрашиваю: „Вам масло и лимон?“ – а в голове заканчивается: „В морду тебе, болван, урод!“. Или:

„Пробовали вы уже наши фирменные блюда?“ – и заканчиваю мысленно: „Еда дрянь, а счёт будет ого!“.

В один прекрасный день я вдруг заметил, что фразы эти произношу не только мысленно, в голове, но и на самом деле – правда, тихо-тихо, так, чтобы это не могли слышать другие. Одним словом, я начал осторожно проговаривать мои мысли.

Итак: сперва вообще никаких мыслей, потом начал мыслить про себя, в голове, а кончилось тем, что стал думать вслух.

Хорошо помню, когда я заговорил в первый раз.

В один из субботних вечеров к столу, который я обслуживал, подседа типичная субботняя парочка. Она – скорее всего „одна из этих“: высокая, с пышными формами, волосы, осветлённые перекисью водорода, накрашенная, надушенная, крикливо яркая, с нахальным видом. Он – блондин с красным лицом, острым носом, завитыми волосами, низкорослый, широкоплечий, в синем костюме и жёлтых туфлях. Она была, скорее всего, с севера, он же, с его короткими „у“ – так, как это произносят жители *Viterbo* – был, скорее всего, оттуда.

Он взял в руки меню – так, словно это было объявление войны, начал с мрачным видом читать, и читал довольно долго. В конце концов он выбрал нечто обычное, но сытное: спагетти по-карбонарски, мясо молочного барашка с картофелем, салат из чикорея и анчоусы, она же выбрала лёгкие блюда. Я записал заказ и направился в кухню, но перед тем, как пойти, не удержался от того, чтобы бросить на него взгляд, и почувствовал, как мои губы проговаривают, пусть шёпотом, но достаточно ясно: „Ну и хамская же морда!“

Он в это время изучал меню, и ничего не заметил, но она со своим тонким женским слухом услышала, подскочила на стуле и вытаращила на меня глаза.

Я отправился на кухню и заорал что есть силы: – Консомэ и спагетти по-карбонарски.

Потом, вернувшись, стал у стены, невдалеке от них, и увидел, как она с раскрасневшимся лицом, прижав руку к груди, не переставая хохочет, а он, разобиженный этим смехом, наклонился к ней и, видимо, спрашивает, чему она смеётся. Но она, не отвечая, продолжала хохотать, прижимая руку к груди и тряса головой.

Наконец она немного успокоилась, наклонилась к нему и, указывая на меня, что-то ему сказала. Он повернулся и посмотрел в мою сторону, смерив меня взглядом, я же, притворяясь, что не чувствую его взгляда, смотрел некоторое время мимо него. Когда я снова посмотрел на них, то увидел, что она по-прежнему, не переставая, хохочет, а он, нагнув голову – как баран перед броском – сверлит меня взглядом полным бешенства.

Наконец, он позвал меня: „Официант!“

Она прекратила смеяться, я же не спеша подошёл к их столу. Подойдя, я, хотя мне и было немного страшно, не удержался от того, чтобы прошептать – теперь уже убеждённо: „Так и есть: хамская морда“, и только потом спросил: – Что прикажете?

Он, подняв на меня глаза, произнёс с угрозой: – Официант, незадолго до этого вы высказали определённое суждение.

Я притворился ничего не понимающим: „Суждение... не понимаю, о чём вы говорите“. Он: „Нет, вы высказали суждение... синьора это услышала“. Я: „Синьора ослышалась“. Он: „Нет, синьора не ослышалась. Она всё услышала правильно“. Я: „Не понимаю, может быть господину не нравятся спагетти, мы можем заменить другим блюдом“. Он: „Официант, вы хорошо знаете, что вы нечто произнесли“.

В этот момент она наклонилась к нему и попросила: „Послушай, брось это!“, он же: „Позовите хозяина“.

Пришёл хозяин, выслушал, что-то говорил, пытался спорить. Она всё это время, не переставая, смеялась, а спутник её всё больше и больше мрачнел. Потом хозяин подошёл ко мне и произнес тихим голосом: „Обслужишь сейчас клиентов, и кончим с этим, но в дальнейшем смотри! Повторится такое – будешь уволен“. – „Но я...“ – „Молчок! Иди на место!“

Я продолжал их обслуживать – в полном молчании. Она продолжала смеяться, он же сидел с мрачным видом, почти не притрагиваясь к еде. В конце концов они, не заказав фруктов и не оставив чаевых, ушли.

После этого первого случая я, вместо того, чтобы исправиться, сделался ещё хуже. Теперь я уже не мыслил – говорил. В дни, когда клиентов было мало, и официанты стояли около столов или вдоль стены, я начинал говорить сам с собой, быстро-быстро шевеля губами, так что другие официанты, видя это, со смехом спрашивали меня: – Ты что, молишься? Розарий читаешь?

Нет, я не молился и не читал розарий, но глядя на сидящую за столом семью из пяти человек – отец, мать и трое маленьких детей – бормотал: – Он не хочет тратить: скуп или не имеет денег, она глупа, в голове ничего кроме капризов, заказала дорогие блюда – только что появившиеся овощи и фрукты сезона, лангусты, грибы, сладости, он аж перекопился в лице. Она, ехидная тварь, наслаждается, видя, как он страдает, дети уже начали капризничать... тяжело ему сейчас.

Или, глядя на лицо клиента с большой бородавкой на лбу, я говорил себе: – Посмотри на эту картофелину у него на лбу! Ну и странное же должно быть чувство – иметь эту толстую штуку на себе, шупать её... И как он, интересно, шляпу надевает? Закрывает эту картофелину или сдвигает шляпу на затылок?

В общем, я говорил сам с собой, и чем дальше я говорил с собой, тем реже говорил с другими. Хозяин больше уже не ставил меня в пример, но наоборот, смотрел на меня косо, с подозрением. Думаю, он считал меня не совсем в себе, слегка помешанным, и ждал только случая, когда сможет меня уволить.

И случай представился.

В один из вечеров, когда ресторан был ещё полупустым и трастевринский оркестр играл перед пустыми столами *Anema e core*³, я, зевая от скуки, переминался у большого стола, заказанного на десять персон. Клиенты, для которых был заказан стол, пока не появились, но я уже знал заранее, что это будет за публика, и не ждал ничего хорошего.

Наконец они появились у ярко освещённого входа. Женщины в вечерних платьях – яркие, с вызывающим видом, говорят, громко, возбужденно, то и дело оборачиваясь к следующим за ними мужчинам. Мужчины – все в темно-синих костюмах, руки в карманах, живот вперёд, самонадеянные, самодовольные. В общем, то, что называется "чистая публика". Ну, были ли эти "чистая публика" или нет – мне они не понравились по многим причинам, прежде всего потому, что обращались ко мне на "ты": "Принеси стул... дай мне меню... двигайся быстрее... давай... иди... беги".

Они обращались ко мне на "ты" – так, как будто бы мы были братьями. Я же не чувствовал себя ничьим братом, а уж их братом – тем более. Они, правда, обращались на "ты" ко всем, и к другим официантам, и даже к хозяину. Но мне это было всё равно. Пусть тыкают кого угодно, хоть господ бога, но меня – нет.

Ну а потом: как только вошли, сразу началась комедия с рассаживанием: Джулия сядет здесь, Фабрицио – там, Лоренцо рядом со мной, с Пьетро хочу сесть я, Джованна сядет между мной и тобой, Мариса – на почётном месте.

Наконец с божьей помощью все уселись на свои места. Я принёс меню и передал его сидящему во главе стола мужчине. Был он толстый, лысый, с потухшими глазами, с носом похожим на птичий клюв, и белой, тщательно присыпанной тальком шеей. Он взял меню и, изучая его, спросил: – Ну, что нам посоветуешь?

Я подумал, что вот и он меня "тыкает", и пробормотал "Beccamorto"⁴, но он, к счастью, меня не расслышал из-за всеобщего

³ *Anema e core* - <Всем сердцем и душой> - популярная итальянская <неаполитанская> песня (текст – Domenico Titomanlio, музыка популярного итальянского автора Salvatore D'Esposito), имевшая в 50-х гг. исключительный, далеко вышедший за пределы Италии успех. Впервые исполнена в 1950 Тито Скипа (см.

http://it.wikipedia.org/wiki/Anema_e_core_%28brano_musicale%29;

http://en.wikipedia.org/wiki/Anema_e_core_%28song%29)

⁴ Beccamorto. Это слово, особенно как ругательное, допускает множество значений – от "гробок" (наиболее близкое к изначальному смыслу слова "beccamorto": могильщик или человек, который сжигает трупы в крематории // *necroforo* (*o anche becchino, beccaio o beccamorto*) è una persona che per mestiere seppellisce le bare o i cadaveri dei defunti, o si occupa della loro cremazione. - <http://it.wikipedia.org/wiki/Necroforo/>) до (нейтральных по отношению к *Beccamorto*) "негодяй", "мерзавец", etc. Ввиду множественности ругательных значений слова переводчику показалось предпочтительным оставить здесь и ниже итальянский оригинал.

кудахтанья по поводу меню. Кто желал спагетти, кто закуску, один хотел что-то специфически римское, другой – не хотел, кто хотел красного вина, кто белого. Особенно громко галдели женщины – как куры в курятнике перед тем, как заснуть. Я, стоя с поклоном позади толстого, которому подал меню, не мог удержаться, чтобы не пробормотать сквозь зубы: – Взгляни-ка на них: куры, да и только.

Он, видимо, услышал, поскольку привстал от удивления и спросил меня: – Что ты сказал? Куры?

– Да, ответил я, – варёные куры.

– Какие к чёрту варёные куры! – заорал кто-то из компании. – Мы хотим поесть по-римски: бобы с ветчиной, пальята.

– Что такое эта пальята?

– Пальята, – сказал тот, кто вчитывался в меню, – это внутренности телёнка, который ещё не пробовал травы, а питался только молоком матери – внутренности, сваренные со всем, что там есть – и с экскрементами.

– Экскременты... ух, какой кошмар, – произнёс кто-то из компании.

– Именно их я желал бы для каждого из вас, – подумал, или, вернее, пробормотал я, по-прежнему стоя в поклоне за спиной толстого.

На этот раз он что-то услышал, потому что спросил, не веря услышанному: – Что?

– Я ничего не говорил.

– Ты говорил, и произнес определённые слова, – ответил он твёрдо, но пока без раздражения.

В этот момент – не знаю почему, все вдруг замолчали, воцарилась тишина не только за этим столом, но и во всём ресторане. Даже оркестр – бог знает, по какой причине – перестал играть. И в этой тишине я услышал, как я тихим голосом произнёс: – Обращаться ко мне на ты... *Beccamorto*.

Он мгновенно подскочил на стуле и с яростью в голосе произнёс: – Сказать *Beccamorto* мне?! Да ты знаешь, с кем говоришь?

– Я ничего не сказал.

– '*Beccamorto*' – мне?! Негодяй, мерзавец, каналья, я тебя сейчас проучу! Он встал, схватил меня за воротник и отбросил к стене. Сидевшие за столом тоже встали – и кто старался его утихомирить, кто наоборот, напал на меня. Я тоже разгорячился, всё время повторяя: – Я ничего не сказал, руки прочь!

– Ах, ты ничего не сказал? Ты ничего не сказал?

– Я ничего не сказал, – продолжал я повторять, пытаясь от него освободиться. И в какой-то раз добавил тихим голосом: *Beccamorto*.

Вот так это слово сорвалось у меня с языка во второй раз.

К счастью, появился директор, гибкий как тростник, стелющийся, извивающийся ужом. “Прошу Вас, уважаемый... прошу... прошу”. Тот же, неотесанный мужлан, орал: “Да я ему морду разобью!” В конце концов директор взял меня за руку и сказал: “А ты пойдёшь сейчас со мной”

И опять это “ты”. Поднимаясь по лестнице, видя этих людей, поднявшихся на ноги, чтобы получше всё видеть, я не смог удержаться, чтобы не мыслить вслух – теперь уже громким голосом: – Вот и ещё один *Beccamorto*, который меня тыкает.

Хозяин, пока мы шли, не ответил ничего, но когда мы пришли на кухню, он, закрыв дверь, проорал мне в лицо: – Так ты говоришь ‘*Beccamorto*’ клиентам... а теперь сказал это мне?

– Но я не говорил ничего... *Beccamorto*.

– Настаиваешь на своём, значит... но *Beccamorto* есть ты... и убирайся, убирайся немедленно.

– Хорошо, я ухожу... *Beccamorto*.

В общем, губы мои двигались вопреки моему желанию, я не мог этому помешать. Уже выйдя на улицу, я продолжал протестовать, почти громко: – Говорить мне ‘ты’, как будто мы с ними братья... и кто их видел, кто их вообще знал... почему не соблюдают должную дистанцию?

В этот момент полицейский, видя, что я говорю сам с собой, подошёл ко мне и спросил: – Выпил, а? И сколько? Как следует, или? Давай отсюда, убирайся, нечего здесь стоять.

– Кто выпил? – запротестовал я. И сразу после этих слов слетело с моих губ то самое слово, из-за которого меня выгнали из “Марфорно”. Хотел поймать его, прежде чем произнес, но оно уже вылетело – как вот вылетает мотылёк из-под шапки, которой ты его накрыл. Эх, слетело оно, и уже нельзя ничего поделать. Ну и: арест за оскорбление полицейского, ночь в камере предварительного заключения, суд, приговор.

Выйдя из тюрьмы, я заметил, что голова моя опять заморожена. Отключённый, обалдевший, я, переходя улицу около моста Витторио, чуть не попал под машину – ещё немного, и она бы меня раздавила. Шофёр, не удовлетворившись тем, что видит меня дрожащим, заорал на меня: “Спишь на ходу!”

Я смотрел, как он удаляется на своей машине, а в моей голове эхом отдавалось, как и год тому назад, то, что я услышал: “Спишь на ходу! ...Спишь на ходу! ...Спишь на ходу?!”

Розалия Степанова

Уж лучше бы Ленин нашёл ему мазь...

Скрытие псевдонимов – уловка, которую не назовёшь невинной. Обычно к ней прибегают не для разжигания праздного любопытства, а в попытке выставить на всеобщее обозрение качество, которое автор себе приписывает или же, чтобы привлечь интерес либо скрыться от нежелательного внимания. Один автор заранее подсказывал, как его следует воспринимать (Горький, Сталин, Молотов, Скиталец и пр.), другой подписывался К.Р. и больше ничего, боясь нанести урон своему высокому положению Великого князя Константина Романова. Ну, многие ли способны запомнить фамилию, Калогеропулос, Шверубович или же Храпинович, захотят ли выкрикивать её из партера или с балкона? - А Каллас, Качалов или Гердт – совсем другое дело.

Завоевавшим известность псевдонимом автор обычно дорожит, с ним не расстаётся, даже когда надобность в нём отпадает - маска уже как бы «приросла» к лицу, сделалась общественно ценимой и узнаваемой.

Все эти соображения, казалось, не должны были иметь отношения к такому, на первый взгляд, самому обычному случаю. На второй год Великой Отечественной под карикатурами в газетах и на плакатах в окнах ТАСС стали появляться не бог весть, какой сложности, но боевитые стишки, подписанные явным псевдонимом, над выбором которого ломать голову явно не пришлось: Д. Боевой. Ни тогда, ни, тем более, впоследствии разгадчиков псевдонимов этот персонаж несколько не заинтересовал.

И напрасно. Причём вовсе не потому, что псевдоним этот был двухслойный. – Настоящая фамилия Д. Боевого - Придворов была мало кому известна, к тому же - времена-то были советские - заметно отдавала духом отжившего придворного мира. А вот отказ от предыдущего псевдонима Д. Боевого ставил в тупик. Он был не просто известен каждому. Это было имя официального классика. О его популярности уже вскоре после окончания Гражданской войны свидетельствует общий двухмиллионный тираж его книг (больше, чем у самых популярных писателей того времени – Горького, Маяковского и Пильняка, вместе взятых), и то, что его именем названы были даже острова в Карском море.

Под этим псевдонимом с самого рождения советской власти, он, хоть и на правах младшего брата, но входил в обойму партийных вождей. О его ценности для новых правителей говорит то, что обретающийся в

день взятия Зимнего у себя на даче, где-то на Карельском перешейке, он по прошествии всего 4-х дней получил из рук Дзержинского постоянный пропуск в штаб большевиков - Смольный. Нарождающейся власти нужны были новые песни, свой воспеватель и беспощадный критик отжившего, свой Беранже. Ради столь нужного человека шли на экстраординарные меры. Когда его оставшиеся на даче дети оказались в отделившейся Финляндии, их вызволили, обменяв на пленных финских офицеров.

И это неудивительно - «на дружеской ноге» с будущими вождами он был задолго до Октября. В 1912 году, прослышав, что Ленин похвалил его агитационные стихи, он отправил ему письмо. Завязалась переписка, об уровне которой говорит такой пассаж: «Голова что-то плохо варит. Напишите мне два теплых слова о себе. Пришлите мне свой «патрет». Если Вы тоже лысый, то снимитесь, как я - в шапке. У меня, впрочем, спереди еще ничего, а сзади плешь. “Изыдет плешь на голову твою за беззакония твои!” Не знаете ли Вы хорошего средства, Господи, ну хоть что-нибудь выдумайте для меня хорошее! Хоть мазь для волос! А впрочем, “лыс конь - не увечье, плешивый молодец - не бесчестье”. Глупые волосы, вот и все...». Плешь тогда явно не давала нашему герою покоя.

Когда в 1918 году правительство перебралось в старую столицу, наш герой взят был в Москву. В Кремле, в так называемом Кавалерском корпусе, разместились: Ленин, Бонч-Бруевич, Сталин, Ольминский. На первом этаже жил Свердлов, на третьем - Курский, Ворошилов и он. Пора, наконец, назвать его не каким-то Д. Боевым, а именем, под которым он стал всенародно известен: Демьян Бедный.

Псевдоним этот пришёл к Ефиму Алексеевичу Придворову из его опубликованного в дореволюционной «Правде» стиха, в котором:

*Демьян Бедный, мужик вредный
Просит братьев-мужиков
Поддержать большевиков.*

Пришёл, да так и прилип. Пережившему в те годы полный идеологический слом начинающему поэту он помогал отмежеваться от вызывающей нежелательные ассоциации фамилии и своих первых стихов, выдержанных в духе казённого монархического «патриотизма».

Примкнув к большевикам, Демьян Бедный превратился в неутомимого агитатора, усердно доводившего заданную идеологию до наинизших слоёв общества - деревенской бедноты, городского люмпена, доморощенной, полуграмотной рабоче-крестьянской массы. В этом амплуа он оказался особо востребованным в годы Гражданской войны. Удачно подделываясь под немудрящие вкусы большинства красноармейцев, он не только умело внедрял в их сознание заданные идеологические штампы, но реально поднимал боевой дух. Чего стоят одни только его разухабистые фронтовые частушки «Танька-Ванька», в которых «форсовитой Таньке», с которой расхрабренный Ванька справился, заставив раскинуть «копыта врозь», поэт-агитатор уподоблял вызывавшие панику среди красноармейцев белогвардейские танки,

убеждая, что перед Ванькиным напором они тоже раскинут «колёса врозь».

Неудивительно, что командование вызывало его на самые ответственные участки фронта. Его стихотворные листовки даже сбрасывали на позиции противника, о чём он не без гордости сообщал:

*Гудит-ревет аэроплан,
Летят листки с аэроплана.
Читай, белогвардейский стан,
Посланье Бедного Демьяна!*

В трудах по созданию в народном сознании новых шаблонов и укладыванию в них партийных установок всё шло у него в дело – излюбленный им жанр - басни, фельетоны, песенки, агитподписи к плакатам, речовки, частушки. И на этом пути ему не просто сопутствовал успех - он стал кумиром российского плебса, его, написанная в 1918 г. красноармейская песня «Проводы», даже стала народной.

Как и все его произведения, она несла политический заряд. Здесь и «сколько сразу нам теперь земли привалило», и «утеснений прежних нет» и запугивание возвращением «барского сброда» и «кабалы самой лютой». Но главное – она маскировала принудительность набора, создавая впечатление, что в Красную Армию Ванёк идёт добровольно. А звучало всё подкупающе весело и непринуждённо:

*Как родная меня мать
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:
«А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванёк,
Да в солдаты!
В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.
Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты!*

Шумный успех поэзии подобного рода отразился в горьких строках Сергея Есенина:

С горы идёт крестьянский комсомол

И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Весёлым криком оглашая дол.
Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Увы, певец русской деревни, по меткому выражению Ахматовой - «поэт одной темы», востребован уже действительно не был. Другое дело наш герой, с готовностью колебавшийся вместе с линией партии. Вот уж к кому ахматовское определение не подходило. В 1925 году, когда начало выходить 10-томное полное собрание его сочинений Демьян Бедный дополнил список тем, над которыми работал в предыдущие годы, таким впечатляющим перечнем, охватывающим даже успехи Чан кай-ши: «...О хлебоготовках, о подпольных антипартийных листовках, о борьбе за культуру, о пьяницах, пьющих все, даже политуру, о поповском дурмане, о нэпманском кармане, о торговом секторе, о фининспекторе, о Госплане, об индустриализации, о московской канализации, о косности мужика, о твердом знаке, о коверканье русского языка, о языколомном «кремекаке», об автомобилях и о волах, о китайских делах, о Чемберлене и ему подобных, о русских белогвардейцах злобных».

Что и говорить, его заслуги перед партией были велики. И оценены они были по наивысшей шкале. На фронтах Гражданской войны он не голодал и холодал, ему выделен был так называемый «протекционный» спальный вагон, в котором он мог развезжать с женой, филологическими словарями и энциклопедией Брокгауза и Эфрона. Немереные тиражи (это в 20-е то годы!) приносили более чем внушительные доходы, дававшие возможность вести роскошную по тем временам жизнь. Средства и положение позволили ему, страстному библиофилу, составить крупнейшее, насчитывавшее 30 000 томов собственное собрание, которое он не брезговал пополнять из разоряемых усадебных и городских личных библиотек. Когда у Демьяна разыгрался диабет, его в 1928 году отправили лечиться в Германию, не пожалев валюты на сопровождающих - жену и переводчика.

И поэт не оставался в долгу. Если требовалось, воспевал кого надо: Троцкого, из рук которого первый среди писателей получил орден боевого Красного знамени и титул «меткого стрелка по врагам трудящихся и доблестного кавалериста слова»: (*Ленин с Троцким - наша двойка – Вот попробуй-ка, покрой-ка!*), других вождей. Когда же пора переменялась, с готовностью стал именовать «презренным Иудой», который - «пятки стер и совесть», «с пеною у рта» заливается «в фашистском вое», превратился в «бандита», который «с паспортом гестапо» «срочно выехал в Берлин!».

Но настоящую «биографическую нежность» Демьян Бедный питал к набиравшему силу Сталину. Поначалу это чувство казалось взаимным. Когда в 1925 году старые партийцы, недовольные роскошной

жизнью певца бедноты, привычно разъезжавшего по личным делам в своём синем вагоне, хотя война давно кончилась, предложили выделять ему такую возможность только по служебным надобностям. Ведавшей тогда партийным контролем Марии Ильиничне Ульяновой было поручено узнать мнение Сталина. Тот не выразил колебаний: «Пусть отберут у Демьяна вагон». И, выдержав паузу, добавил: «И отдадут ему мой». Всё немедленно вернулось на свои места. Расставаясь, друзья обменивались подробными письмами, по пунктам излагая друг другу свои мысли и планы, делились написанным. Растроганный Демьян перешёл было даже на обращение «Родной!», гордился тем, что «оказался в лестной и приятной роли о с е л к а (*разрядка не моя! Р.С.*), на котором вы оттачиваете свой кинжал», наивно не числа себя среди тех, на ком этот кинжал будет испробован. Лечась в Эссентуках, звал Сталина приехать и хорошо развлечься, как он выразился, неосторожно процитировав немудрящую песенку, высмеивающую грузинский акцент: «*Будем на Тифлис гулялялся*». Тогда это сошло ему с рук. В числе избранных он приглашаем был на дачу вождя, Сталин с удовольствием пользовался книгами из уникальной личной библиотеки Демьяна. Ему этот владелец книжных сокровищ, скрепя сердце, прощал даже то, что, листая их, он мусолил пальцы.

Однако неожиданным образом в списке писателей, представленных к награждению Орденом Ленина в связи с 10-летием Октября, его, партийного любимца и баловня не оказалось, причём вычеркнут он был владельцем жирных пальцев самолично. А в 1930 году опубликованные в «Правде» демьяновы фельетоны были беспощадно раскритикованы, даже удостоены отдельного Постановления Секретариата ЦК ВКБ(б). Автор был обвинён в огульном охавании России и всего русского, причём, что странно, - именно того, что привычно входило в партийную идеологическую обойму - отказ от проклятого царского прошлого, искоренение «религиозного дурмана», утверждение интернационализма, призывы к мировой революции.

Ещё недавно им были весьма довольны, когда он «расправлялся» с религиозным суеверием. Да и как тут было обойтись без Демьяна, у которого по закону Божьему в аттестате была пятёрка, причём – единственная? Об этом предмете он высказывался без опаски:

*Стремясь рассеять знанием
Души народной мрак,
Я – враг всех бабьих выдумок
И всех поповских врак.*

Опора была на ленинскую антирелигиозную непримиримость и собственное одобренное основоположником политическое чутьё, о чём он на всякий случай напоминал:

*Во времена оны,
Читая мои боевые фельетоны,
Ильич сказал (должно быть, не зря), -
«У нашего Демьяна хорошая ноздря».*

До недавних времён политический нюх его ещё не подводил. В 1925 году он опубликовал в «Правде» «Новый завет без изъяна от евангелиста Демьяна». О развязности, чтобы не выразиться крепче, с которой в нём излагались христианские мифы, в частности Благовещение, судите сами:

*И вдруг к невесте недотроге,
Когда у нее была свадьба на пороге,
Подлетел какой-то Гаврилка,
Сказал, обхватив ее, «Милка!
Такая-сякая, пригожая,
Ни на кого не похожая!
Не ломайся, брось!»
А она и копыта врозь!
Крути, Гаврила!
Невесть чего натворила.
Нет разведки сильней, чем бабья разведка
Но ни одна самая глазастая соседка
Не назвала тётку Марью
Распутной тварью,
Поведенья в девичестве дурного,
Не принесшей мужу приданого инога,
Опречь вышерешего брюха,
Что ей набил Гаврюха.*

Вскоре по рукам стал ходить приписываемый Есенину ответ на этот неуклюжий выпад. Автор взволнованных стихов (им оказался некто Н.Н.Горбачёв), сдёрнул с Ефима Алексеевича Придворова Демьянову маску и бросил ему в лицо слова, заканчивавшиеся заслуженным оскорблением:

*Ты сгустки крови у креста
Копнул ноздрёю, жирный боров.
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов.*

Сегодня мы бы назвали это откликом в самиздате, об официальной же реакции гадать не приходилось. Тогда никому бы и в голову не пришло обвинить Демьяна Бедного в неуважении к русским святыням. Теперь эти обвинения прозвучали, и тучи над Демьяном продолжали сгущаться. В 1932 году последовало выселение из Кремля. И хотя взамен Демьяну была предоставлена просторная трёхкомнатная квартира в центре Москвы, для него это был «крысиный сарай с перегородками». Отказано ему было и в госдаче. Это раньше он гулял в удельном лесу, отдыхая в подмосковной Тарасовке – на втором этаже Держинский, на первом он. Но эти времена миновали.

Столь явная перемена представлялась ему необъяснимой, ведь он так старательно проводил партийную линию - зарифмовывал лозунги, вбивал в народное сознание подобные, с позволения сказать, стихи -

Елейные:

*При советской власти сталося,
О чем прежде в сказках мечталось.
Или открыто кровожадные:
Осатанелая кулацкая порода,
Мы этой гадине, неукротимо злой,
До часу смертного воинственно активной
Утробу распилим стальнойю, коллективной
Сверхэлектрической пилой.*

А когда понадобилось, то и призывающие (прямо по Салтыкову-Щедрину) «самообыскаться»:

*Так жаждешь в винтик превратиться,
Ремнём по валику ходить,
В рабочей массе раствориться
И в общем фронте победить.*

Наметившийся перелом не был им воспринят как неминуемый закат, тем более что в 1931 году, согласно решению Секретариата ЦК ВКП(б), его имя было восстановлено в списке получателей эмигрантских газет и журналов, что приравнено было к доступу к секретным материалам. К своему пятидесятилетию (1933 г.) Демьян Бедный всё-таки получил Орден Ленина, а через год с трибуны Первого всесоюзного съезда писателей похвалу его околелитературным изделиям пропел даже такой ценитель, как Пастернак. Борис Леонидович искренне завидовал успешному опрощению собрата по перу («Наверное, я удивлю вас, если скажу, что предпочитаю Демьяна Бедного большинству советских поэтов»). Задолго до этого среди неожиданных поклонников Демьянова творчества успел отметиться и такой знаток и ценитель, как Луначарский («У нас есть два великих писателя: Горький и Демьян Бедный и один другому не уступает...»). Правда, тут Анатолий Васильевич явно слукавил - истинное своё отношение он выразил в эпиграмме:

*Мой друг, ты мнишь себя уже
Почти советским Беранже.
Ты, может б..., ты может ж...,
Но уж никак не Беранже.*

В печати заслуги певца пролетарских масс превозносились до небес, на полном серьёзе велась речь об «одемьянивании литературы» - сведении всего её многообразия к одному образцу - к поэзии Демьяна Бедного. Возникло даже целое направление, так и названное - «демьяноведение».

Влияние Демьяна Бедного в партийных верхах казалось прочным. Неудивительно, что именно на его помощь рассчитывал Пастернак после грянувшего в 1934 году первого ареста Мандельштама. Он помнил, что за несколько лет до этого, отказывая Осипу Эмильевичу похлопотать за кого-то, Демьян Бедный пообещал заступиться, если дело коснётся самого поэта. В искренности этих слов сомневаться не приходилось – в отличие от подыгрывающего примитивным вкусам Демьяна Бедного, истинный ценитель поэзии образованный Ефим Алексеевич Придворов знал толк в русской словесности, был тонким ценителем поэзии, в частности, искренним почитателем стихов Мандельштама. Однако его ответ Пастернаку был категоричен: «Ни вам, ни мне вмешиваться в это дело нельзя».

Увы, всё обстояло, действительно, так. Он ведь уже знал, что причиной ареста поэта была данная им безошибочная, опередившая своё время характеристика тирана – стихотворение, от которого в ужасе отшатывались те, кому автор доверил его услышать:

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, кует за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина.*

Необязательно было быть Демьяном Бедным, чтобы понимать, что впоследствии за ознакомлением «кремлёвского горца» с этой убийственно точной оценкой, от которой ему уже не избавиться. А ведь, заблаговременно беспокоясь о своём историческом имидже, Сталин недаром и не без некоторого успеха пытался «приручить» и Горького, и Пастернака, и Булгакова – тех, кто, как он уже понимал, останется в памяти потомков. А за Мандельштамом не доглядел. Однако именно сам Демьян и (о, ужас!), не только он, мог догадаться, от кого Осип Эмильевич, известный точностью поэтических деталей, мог знать о толстых пальцах вождя и кое о чём ещё. Откровенные высказывания подвыпившего Демьяна в кругу близких неосторожно или «по совместительству» записывал его секретарь Михаил Презент.

Какими бы ни были намерения злополучного летописца, но уже в 1930 году, за 5 лет до этой ещё одной сталинской жертвы записи

бедняги были доставлены по назначению. Помимо «толстых пальцев» там было зафиксировано многое, к примеру, то, что «Сталин жрёт землянику, когда вся страна голодает». Или похлеще: «если б вы знали, чем он разрезает книгу! Пальцем! Это же невозможно. Я ему говорю: если бы Сталин подлежал партийной чистке, я бы его за это вычистил из партии». Так что заступничество, да ещё за автора криминального стихотворения могло не просто произвести обратный эффект, но опасно аукнуться самому заступнику. Он-то знал, что ему было чего опасаться и помимо подобных опрометчивых высказываний. Мало кому пришлось бы в голову, что опасная «собака зарыта» в его биографии.

Казалось бы, спасибо демьяноведам, всё было, как на ладони - история жизни поэта угнетённых царизмом трудящихся была подробно изложена в специальной брошюре, изданной ещё в 1925 году. Никому не казалось странным, что, не ожидая исследователей, Демьян лепил своё жизнеописание сам, украшая политически выдержанными красочными деталями, такими как собственный словесный портрет, сразу расставлявший политические акценты: «Детина – в шесть пудов весом. Крепкая чёрная кость». Или фрагмент выступления перед красноармейцами, в котором Демьян Бедный «поделился» с оторопевшей аудиторией из ряда вон выходящим откровением: «Моя мать была б..дь». Этого ему показалось мало, и он пояснил: «б...дища». Было ли это всплеском излишней откровенности, проявлением простоты, которая, как говорится, хуже воровства, намеренным эпатажем или чем-то иным, например, сигналом будущим ищейкам о том, что политического криминала здесь не нароешь? – Как бы то ни было, сейчас он подозревал, что копать «родные органы», похоже, уже начали.

Опубликованная биография Демьяна Бедного полностью соответствовала идеологически выверенным стандартам. Из неё мы узнаём, что будущий пролетарский поэт родился в 1883 году в селе Губовка далёкой Херсонской губернии. Всего несколько десятилетий назад это ещё был «медвежий угол», проглоченные, но не переваренные Россией земли. Именно сюда покупал «на вывод» мёртвые души незабвенный Павел Иванович Чичиков. Проблему освоения новых территорий правительство Александра I решало переселением на них аракчеевских военных поселенцев. Из их числа был дед Ефима Алексеевича Придворова Софрон, на собственной шкуре отведавший палочной дисциплины.

Сын его Алексей был церковным сторожем в Елисаветграда (нынешний Кировоград). С ним, а почему-то не с оставшейся в деревне матерью, жил маленький Ефимка. По достижении семи лет он был отправлен за 20 вёрст в Губовку, где пробыл у мамы до 13 лет, и это были его тягчайшие годы. Справедливости ради, надо сказать, что оценку, столь демонстративно публично зафиксированную сыном, Екатерина Кузьминична заслужила сполна. Женщина красивая, жестокая и чудовищно распутная, она глубоко ненавидела мужа и всю свою тяжёлую ненависть вымещала на мальчике. Пинками, побоями и бранью она вселила в него ужасающий страх, который постепенно превратился в непреодолимое отвращение. Прибывавший из города на побывку отец бил

гуляющую жену смертным боем, а та сторицей возвращала побои сыну. Пятаки, которые зарабатывал грамотный Ефимка, мать обычно пропивала.

Дом Придворовых по-своему был чем-то вроде заезжего двора. Сюда, к Екатерине Кузьминичне заглядывали и становой, и урядник, и сельские власти, и проезжавшие с обозами мужики, и конокрады, и дьячок, и вызываемые в управу крестьяне. Ловкая и оборотистая, она не брезговала ничем, в том числе продажей бабам собственного снадобья для вытравливания плода, и другими услугами особого свойства. К ним она стала привлекать грамотея Ефимку. Когда у матери появлялась «заказчица», он строчил коротенькую записку: "крещёное имя Мария, при сём рубль серебром", и "тайный плод любви несчастной" препровождался в город.

Несмотря на оказываемую помощь, мать по-прежнему тиранила сына. Предаваясь бесстыдному разгулу, она по целым дням оставляла его без еды. Однажды вконец изголодавшийся мальчик обшарил в избе все уголки и, не найдя ни крошки, в отчаянии бросился на пол и заплакал. Лёжа, он неожиданно увидел под кроватью дивное зрелище: на вбитых в деревянное дно гвоздях, на веревочках подвешены были: колбаса, рыба, баранки, сахар, несколько бутылок водки, сметана, молоко — словом, целая лавочка. Позвал деда Софрона. Старик только крикнул: "Вот почему она, стерва, всегда такая красная!" Но тронуть запасы голодные старик и мальчик побоялись.

Беспросветному существованию пришёл конец осенью 1896 года, когда способный парнишка был не только принят в Киевскую военно-фельдшерскую школу, но зачислен на казенный кошт. В теплых, просторных, сверкающих чистотой комнатах, где его бесплатно учили, он сразу почувствовал себя переполненным возвышенной радостью. Далеко позади остались свирепая мать, побои, драки, увечья, похабные разговоры, беременные девки, подкидыши – всё, от чего он хотел было бежать, уйдя в монахи. Жадно прислушиваясь к каждому слову преподавателей, прилежный воспитанник проникался их верой и убеждениями, о чём свидетельствуют его первые стихи. Их он посвятил выступлению царя на Гаагской конференции 1899 года по разоружению:

*"Звучи моя лира: Я песни слагаю
Апостолу мира Царю Николаю!"*

И далее в том же церковно-патриотическом духе. Об этом четырёхлетнем периоде своей жизни маститый Демьян Бедный говорил: "Когда мне предлагают написать об "ужасах" военного воспитания в военно-фельдшерской школе, мне становится просто неловко. Какие там ужасы, когда я в школе впервые почувствовал себя на свободе. Высокие белые стены, паркетные полы, ежедневно горячие обеды — да мне такое и во сне не снилось никогда. Я был на десятом небе от блаженства".

На этом чудесные жизненные перемены не кончились. Успешно завершив учёбу и отслужив ротным фельдшером положенный срок в Елисаветградском госпитале, Ефим Придворов в 1904 году был зачислен на историко-филологическое отделение Санкт-Петербургского Университета и с тех пор посвятил свою жизнь поэтическому творчеству. Лекции он слушал до 1908 года, а действительным студентом числился до

1914-го, что позволяло продолжать жить в столице и заниматься литературной деятельностью.

Но, позвольте, мог бы сказать мало-мальски знакомый с дореволюционной жизнью читатель. Не слишком ли много счастливых случайностей или явных натяжек? Ну, положим, выдержать вступительные экзамены в специализированное военное училище и получить казённое содержание способному пареньку из дальней деревни удалось, несмотря на пресловутый циркуляр 1878 года о «кухаркиных детях». Но как это, не имея аттестата об окончании классической гимназии с её латынью и греческим, и избежав призыва на русско-японскую войну, смог он поступить в столичный университет, да ещё, вознамерившись изучать не медицину, что соответствовало бы имеющимся у него знаниям, а словесность – особый предмет, как правило, избираемый образованными молодыми людьми, не обременёнными заботой о пропитании?

Без могущественного источника благоденствий, нисходивших на воспитанника училища, а потом и студента Ефима Придворова, как бы, «в сиянье ангела лучистом», здесь, действительно, не обошлось. И хотя плечи этого иконописно красивого ангела-хранителя осеняли не сверкающие крылья, а золотые погоны, фигурой он был по-настоящему сиятельной – Его Сиятельством, Великим князем Константином Константиновичем Романовым.

Этот типичный в остальном член царской фамилии, писал стихи в классическом стиле. Их он подписывал инициалами К.Р. На слова августейшего поэта сочиняли музыку Чайковский, Рахманинов, Глазунов, Гречанинов, Глиэр. Наиболее известны романы Чайковского: «Растворил я окно», «Я вам не нравлюсь», «Серенада : О, дитя!». В поэзии великого князя представлена также военная лирика. Особняком в ней стоит тематика, к которой сам он относился особенно пристрастно, она посвящена русскому солдату. Стихотворение К.Р. «Умер бедняга в больнице военной» легло даже в основу популярной народной песни. Константина Романова считали знатоком живописи, театра, музыки, он был неплохим переводчиком, пианистом и композитором.

Разносторонние таланты Великого князя получили высокую оценку, когда в 1889 году он был назначен Президентом Императорской Академии Наук – случай для членов царствующего дома уникальный. За двадцать с лишним лет его пребывания в этой высокой должности последовал ряд благотворительных реформ, в особенности в отношении русского языка и словесности, была создана постоянная комиссия помощи нуждающимся литераторам, музыкантам, ученым. На счету К.Р. числится немало добрых дел и другого рода. Его активные хлопоты позволили поэту Афанасию Фету, которого он считал своим учителем, получить высочайшее разрешение быть внобь причисленным к дворянской семье Шеншиных, от которой в юности был отторгнут немилосердной судьбой.

Однако по основному роду занятий великий князь был военным. Здесь его таланты также были востребованы широко и многосторонне. За неустанные заботы о курсантах и воспитанниках Военно-учебных

заведений, Главным начальником которых он был назначен, его называли «отцом всех кадет». В высших же кругах были недовольны его излишней добротой и доступностью во время инспекционных поездок, таких как посещение в 1900 году Киевской Военно-фельдшерской школы. Здесь как лучший выпускник и подлинная опора престола ему был представлен 17-летний Ефимий Придворов.

Так что вовсе не удивительно, что со снимка, стоявшего на письменном столе Демьяна Бедного, на него смотрели чуть выпуклые прозрачно голубые глаза Константина Романова. Об этом поразительном факте, а также о многом другом поведал знавший Ефима Алексеевича с давних дореволюционных времён Иван Михайлович Гронский (Федулов), крупный партийный и общественный деятель, входивший в главный штаб партийного управления литературой. Будучи посвящён в Демьяновы тайны, он понимал причину столь рискованной неосторожности, за которую можно было поплатиться арестом. От старого друга Демьян не скрыл то, о чём знали в его семье. Августейший Константин Константинович был его отцом!

Эта сенсационная новость вносит ясность в логически не стыкующиеся моменты биографии Демьяна Бедного - туман редает, головоломный пазл начинает складываться. Теперь не покажется странным другое свидетельство Гронского о том, что в Санкт-Петербургском университете Ефим Придворов был белоподкладчиком (так называли преданных престолу франтоватых студентов из высших слоёв общества) и писал верноподданнические стихи.

Объяснимым становится ещё одно откровение Гронского. Со слов Демьяна он знал, что после его обращения к революционной публицистике, ему наносил визиты комендант императорского двора и просил – обратите внимание – не требовал, а просил вернуть всё, что у того было от его сиятельства Великого князя. И Ефим Алексеевич вернул. А портрет оставил. И это ещё не всё. Среди поразительных фактов, о которых поведал старому другу Демьян, было и такое. Находясь на лечении в Германии, он узнал, что с ним очень хотела поведаться графиня Клейнмихель, его настоящая мать...

Что же касается его законных родителей, Алексея Софроновича и Екатерины Кузьминичны, то и здесь вскрывались сенсации, правда, совсем другого рода. Уезжая из Елисаветграда на учёбу в Санкт-Петербург, сын этих ненавидевших один другого супругов надеялся навсегда забыть картины своего горестного детства. Но на вокзале его ждала растрёпанная не совсем трезвая мамаша. Грозя в его сторону кулаком, она дико кричала на весь перрон на родном украинском: «А, щоб тобі туди нэ доіхати і назад нэ вернутись...». Таково было её материнское благословение. С тех пор Екатерина Кузьминична долго не давала о себе знать. Но в 1912 году, работая в петербургской публичной библиотеке, Ефим Алексеевич случайно наткнулся на небольшую заметку в елисаветградской газете: "Дело Екатерины Придворовой об истязании малолетних". Вскоре мать приехала в Петербург, разыскала сына и, не глядя ему в глаза, угрюмо бросила: "Его вбылы". – "Кого?" – "Батька". И путаясь, рассказала, что на базаре в Елисаветграде, в отхожем месте

нашли тело отца. Труп совсем разложился, но на пальце сохранился серебряный перстень с надписью: Алексей Придворов.

Из расспросов Ефим Алексеевич выяснил, что у нее была крупная ссора с отцом из-за дома в деревне. Придворов-старший хотел его продать и куда-то уехать, что жену не устраивало. В то время она торговала на базаре, и её рундук находился недалеко от отхожого места. Слушая её сбивчивые показания, сын пришел к твердому убеждению, что она причастна к убийству. Но Екатерина Кузьминична умело держала язык за зубами.

В годы советской власти, когда Демьян Бедный стал всесоюзно известен, она разыскала его уже в Кремле и взялась навещать, каждый раз увозя деньги и подарки. Однако уезжая, неизменно обворовывала сына, а в Елисаветграде на базаре не стеснялась выкрикивать: "Вот шапка Демьяна Бедного за три карбованца". На вопрос об убитом отце отвечала злобной бранью. И только на смертном одре покаялась и созналась - убить мужа ей помогли два любовника. Устроив для всех троих обед, она опоила Алексея отравленной водкой, после чего те двое удавили его и сбросили в отхожее место.

Что же до августейшей родни Демьяна Бедного, то после революции на гранитном пьедестале памятника Александру III в Ленинграде, были высечены слова Демьяна Бедного, посвящённые новоявленному «родственнику» (кузену великого князя Константина Константиновича):

*Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.*

Имела ли основание версия о родстве с царской фамилией – вопрос, который мы пока отложим. Ясно другое - учитывая близость и личную преданность Гронского «кремлёвскому горцу», этот криминал был тому известен. Но Сталин умел выжидать. Вообще-то, людьми с подмоченным прошлым он не брезговал, даже любил их выдвигать. Ими можно было манипулировать, не опасаясь, что «взбрыкнут». Однако подобная милость распространялась лишь на тех, кто прошёл проверку на абсолютную, до самых печёнок преданность. А Демьян испытания не выдержал и подлежал отбраковке, тем более что поросль молодых воспевателей уже подрастала.

Чтобы уловить монаршее, то бишь, сталинское неудовольствие, не обязательно было иметь особенно «чуткую ноздрю». Ещё в декабре 1930 года после принятия постановления Секретариата ЦК ВКП(б), осудившего стихотворные фельетоны Бедного «Слезай с печки» и «Без пощады», он обратился к Сталину с униженным письмом, в котором, жалуясь, что для него «дело до петли доходит», намекал на самоубийства Есенина и Маяковского («Может быть, в самом деле, нельзя быть крупным русским поэтом, не оборвав свой путь катастрофически») и заверял вождя в своей особой преданности. Он ещё не забыл времена,

когда обращался к нему в письме: «Дорогой мой хороший друг», «Нежный вы человек» и считал естественным сообщать ему о содержании сахара в своей моче.

Теперь Сталин ответил Бедному письмом, в котором с неприкрытой резкостью продемонстрировал, что знает, «как надо читать поэтов». Отвергая всякое подобие прежнего панибратства со стороны Бедного даже по части литературы, он, как бы фиксировал новый статус-кво и заявлял бывшему другу-приятелю, что тот больше не «на равных с вождами», тем более с ним самим. Недогадливый адресат должен был уяснить себе, что прошли те времена, когда среди партийной верхушки Сталин считался серым, малокультурным, и не стеснялся давать начитанному Демьяну на просмотр свои трактаты и глотать наёмки на его акцент («Будем на Тифлис гулялся»). Однако, как это ни странно, письмо это впервые, причём со значительными купюрами, было опубликовано лишь через семь лет после смерти растоптанного Демьяна.

Подходящий для начала расправы момент настал, когда, покончив с политическими противниками, Сталин решил навести порядок на литературном фронте. В ноябре 1936 года постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) пьеса Демьяна Бедного «Богатыри» была изъята из театрального репертуара и запрещена, после чего в «Правде» о ней была напечатана статья председателя Комитета по делам искусств П. Керженцева с красноречивым названием «Фальсификация народного прошлого». Последовали разгромные собрания, и колесо завертелось. Пытаясь нащупать твёрдую почву, Демьян под именем некоего антифашиста Конрада Роткемпфера попытался опубликовать поэму «Борись или умирай», посвящённую борьбе с фашизмом. И опять невпопад. Он не догадывался, что Сталин уже вынашивал союз с Гитлером. Ничего не могло помочь бывшему любимцу властей, на него уже смотрели, как на списанную фигуру. Демьян был запуган, деморализован и сломлен. События катились по накатанной колее.

В разгаре репрессий 1937 года вождь направил ответственному редактору «Правды» короткое и жёсткое письмо «на имя Демьяна», которое надлежало «зачитать» баснописцу на заседании редколлегии. Адресат был обрисован едко: «Новоявленному Данте, т. е. Конраду, то бишь, ... Демьяну Бедному», а само сочинение названо «литературным хламом». Это был приговор. Исполнение его было отложено, но подготовка шла полным ходом.

По запросу Сталина НКВД составил «Справку о поэте Демьяне Бедном», представляющую его «враждебным советской власти человеком». Среди длинного перечня его «преступлений» - и тесная связь с лидерами правых и троцкистско-зиновьевской организации, и резко антисоветское и злобное отношение к руководству ВКП(б), в частности, к Сталину и Молотову, и «криминальные» высказывания о том, что «срезается вся старая гвардия, истребляются все старые большевики, всё поколение Ленина», что «историю Гражданской войны надо выбросить в печку - писать её нельзя». Или такие: «Оказывается я шёл с партией, 99,9 процентов которой шпионы и провокаторы. Сталин ужасный человек и руководствуется личными счётами. Всех истребил, все уничтожены.

Подобное было только при Иване Грозном». Так что, к расправе всё было готово.

Однако, чтобы в полноте насладиться зрелищем мести Сталину необходимо было растянуть удовольствие, разделив его на разработанные мизансцены. По его режиссёрскому замыслу нужно было провести публичную порку на Комиссии партийного контроля, приперчив её осуждением со стороны друга по партии с дореволюционных времён. На эту роль был запланирован Гронский. В 1937 году отказывать Сталину было - как бы это помягче сказать - немодно, но Иван Михайлович осмелился. По его позднему свидетельству: «Подозревая, чем это может кончиться, я заявил, что буду против ареста поэта и участия в этом принимать не хочу». Но после того как Сталин вынужден был дать ему «слово революционера», что арестован Демьян не будет, Гронский сдался. Далее всё шло точно по Шиллеру: «Мавр сделал своё дело, мавр может удалиться». Арест всё же последовал, но посажен был сам посмевающийся ставить условия «мавр».

А через две недели, это был уже 1938 год, Демьян Бедный был исключен из партии «за резко выраженное моральное разложение», затем — из Союза писателей, после чего ему запрещено было печататься. Но предьявить Сталину счёт Гронский уже не мог. На свободу он выпущен был только при Хрущёве. Да и обещания воздержаться от этих мер Сталин предусмотрительно не давал и мог усмехаться в усы - «слово революционера» он сдержал.

Бедный Демьян, лишённый средств к существованию, жил исключительно продажей мебели красного дерева и антиквариата из личной библиотеки, каждый день ожидая ареста. Старый соратник и сосед по жизни в Кремле Бонч-Бруевич, занимавший пост директора Московского государственного литературного музея, помог ему, приобретя для музейного фонда его уникальную библиотеку.

Печататься опальному народному поэту разрешили только в середине Великой Отечественной войны и только под псевдонимом Д. Боевой. Ефим Алексеевич снова стал публиковать подписи к карикатурам и плакатам, басни и пр. Но во всех этих вымученных опусах не было и тени прошлого. Как к его прежнему творчеству ни относиться, у Демьяна Бедного был свой безошибочно узнаваемый, боюсь сказать, стиль – тон и строй речи. Теперь его сочинения было не отличить от сложившихся массовых стереотипов советской пишущей братии. Все его попытки доказать, что он еще жив, что автором всего, что выходит в печати под псевдонимом Д. Боевой, является не кто иной, как он собственной знаменитой персоной, были заведомо обречены.

Всё же, частичное воскрешение состоялось, а приближавшееся в 1944 году столетие со дня смерти Ивана Андреевича Крылова, которое страна готовилась широко отмечать, внушало надежду на большее, ведь на тот момент самым известным и плодовитым русским баснописцем, действительно, был Демьян Бедный – не даром в печати его называли внуком дедушки Крылова. Свой первый сборник басен он опубликовал ещё в 1913 году. Увы, в обширном списке организаторов готовящихся торжеств своего имени он не нашёл. И он решил.

Это было его последнее письмо Сталину. В нём он не без оснований напоминал, что когда «выпавшая из рук умершего Крылова» «басня как словесное оружие» превратилась в практически «вымершую литературную форму», только он это обронённое оружие поднял и поставил на службу партии. «И вот, - возвращался Демьян в сегодняшний день, - приключился такой казус: ... на столетние поминки дедушки Крылова внука-то и не пригласили».

То, что впоследствии, выглядело как неожиданное великодушие. Но правдоподобней было бы считать это многоходовой комбинацией, выстраивать которые Сталин умел как никто. Так или иначе, через десять дней после первого официального сообщения, озаглавленного «К столетию со дня смерти И.А.Крылова», в той же «Правде» было опубликовано второе, причём под тем же заголовком. Теперь помимо прежней информации в нём сообщалось, что «Совет Народных Комиссаров утвердил т. Демьяна Бедного заместителем председателя Всесоюзного комитета по ознаменованию столетия со дня смерти великого русского поэта-баснописца И.А.Крылова», и постановил «издать полное собрание сочинений И.А.Крылова под редакцией Д. Бедного». Обратите внимание – Демьяна Бедного, а не Д. Боевого!

Окрылённый тем, что им было воспринято как начавшийся процесс высочайшего прощения, исстрадавшийся, перенёсший инсульт Ефим Алексеевич с головой ушёл в дела. Он разработал одобренный в верхах сценарий проведения готовящегося ритуального действия и выступил на нём с докладом в качестве законного наследника и продолжателя «дедушки Крылова». Теперь уже литературные шавки, подкусывавшие пребывавшего в немилости старика, приутихли.

Из партии он был по-прежнему исключён, однако постепенно его снова начали звать на официальные мероприятия, где он занимал место в президиуме. Но однажды приключился конфуз. Когда вскоре после окончания войны он был в очередной раз приглашён и, придя, привычно направился в президиум, его грубо одёрнул сидевший там Молотов. В былые времена он захаживал к Демьяну в гости. Теперь же, сверкнув стёклами пенсне, он прошипел: «Куудаа?!». - Не посмеив вернуться к сановному лицу спиной (совсем по Беранже: *«Ведь я червяк в сравнение с ним! В сравнение с ним, с лицом таким...»*), Ефим Алексеевич, пятясь, вышел из зала, приплёлся домой и вскоре скончался...

Казалось бы, он уже умер от страха. Что ещё могло потревожить его душу, если она ещё витала в Москве через долгие годы после того, как её бывший хозяин покинул эту бrenную землю? Но у Демьяна Бедного было и посмертное существование со своей особой историей.

Начиналось оно благозвучно – некролог был напечатан в «Правде» и выдержан в духе официального восхваления. Через несколько лет последовали настоящие милости - в 1950 году вышел сборник «Избранное», а в 1951 - «Родная армия». Однако в 1952 году грянул настоящий гром. По поводу двух этих невинных публикаций было принято Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О фактах грубейших политических искажений текстов произведений Демьяна Бедного».

Выдержанное в неслыханно грубых и резких выражениях («самоуправство», «произвол», «фальсификация», «невежественность», «политическая беспечность») и заканчивающееся ни больше, ни меньше как Постановлением ЦК ВКП(б), пестрящим начальственными окриками: «освободить от работы», «объявить строгий выговор», даже «запретить привлечение к изданию художественных произведений», и вообще – «навести порядок в издательствах» - это постановление отчётливо отражало бешенство вождя. Чтобы так разгневаться по, в общем-то, незначительному поводу, занятый плетением масштабных внутри- и внешнеполитических кровавых интриг дряхлеющий деспот должен был иметь настоящие, лично его затрагивающие причины. И их можно рассмотреть.

В последние годы своего правления Сталин озаботился тем, чтобы войти в историю ещё и как интеллектуал, знаток литературы и языкознания и доказать себе и отправленным на тот свет партийным умникам - «кто в доме хозяин». Одна из его многоходовых заготовок состояла в том, чтобы в своих публикуемых трудах продемонстрировать потомству не только то, как он уличал, обезвреживал и побеждал, но и, как блистательно владел искусством литературной полемики, например, поучая такого литературного мэтра, как Демьян Бедный. По этой задумке в вышедший в 1952 году очередной том своего Собрания сочинений вождь распорядился включить собственное до тех пор не публиковавшееся разгромное письмо 1937 года Демьяну Бедному, умершему в 1945 году. То самое, в котором он научил поэта политическому и литературному уму-разуму, после чего тот всё осознал и исправил.

Ради этого-то эффекта и выведен был из общественного небытия придушенный баснописец, позволено ему было напомнить читателям о своём существовании, даже выступить с докладом на мемориальных крыловских торжествах. Более того, вразрез с секретным циркуляром 1947 года органам советской цензуры, запрещавшим публиковать не напечатанные ранее произведения ряда авторов, в том числе Демьяна Бедного, высочайше разрешено было издать кое-что из его последних, написанных для газет и плакатов сочинений.

Ну, умер адресат – это даже к лучшему – не порадуетя своему пятитомнику, который с учётом высочайших корректировок приказано было выпустить в ближайшем году. Зато подобранные в нём тексты эффектно оттенят прозорливые замечания и мастерскую правку вождя. А тут какие-то издательские ничтожества посмели поломать всю тщательно выстроенную драматургию! Было от чего рвать и метать, заходясь в праведном гневе. Вывихнутую ситуацию Сталин ещё надеялся выправить – «не такие крепости брали большевики!»! Однако ближайшим-то годом был 1953-й, в котором суждено ему было испустить дух, валяясь в луже собственной мочи. Сценарием это не было предусмотрено. Как не предусмотрено было и то, что всего через три года списанный в утиль Демьян Бедный восстанет из пепла. Он будет с помпой посмертно восстановлен в партии, его имя присвоят улицам 32 городов бывшего

СССР, включая Москву и Ленинград, и ещё - посёлку, теплоходу и даже целому городу, изобретательно названному Беднодемьяновск!

Эти этапы посмертной судьбы Демьяна Бедного инициированы были Никитой Хрущевым, одним из его преданных почитателей, выходцем из низов, на интеллектуальный уровень которых и были рассчитаны высмеивающие и разжигающие низменные инстинкты хлётские агитки усердного партийного агитатора. На этом взлёте посмертная история нашего героя задержалась до наступления 2005 года. Но прежде, чем перейти к главному завершающему её эпизоду, уместно разобраться, наконец, в версиях о происхождении Демьяна Бедного.

Как мы уже упоминали, Иван Михайлович Гронский сообщал, что когда в 1928 году Демьян Бедный лечился в Германии, с ним безуспешно пыталась встретиться его настоящая мать, графиня Клейнмихель. Зверское отношение к маленькому Ефимке Екатерины Кузьминичны, его законной родительницы, не говоря уже о её криминальных «художествах», позволяет усомниться в материнстве этой в дальнейшем бездетной женщины. Станным образом, до семи лет мальчик проживал в городе с отцом и только потом был отправлен к матери в Губовку, хотя естественной была бы обратная последовательность. Почему-то жена не жила в Елисаветграде, где муж имел должность, жильё и твёрдое жалование сторожа женского епархиального училища, и растил их сына. Переезд же Ефимки в деревню, скорей всего, был вызван не вспышкой материнских чувств, а тем, что подростку мальчику нельзя было дальше жить на территории женского училища. Если к этим соображениям присовокупить ещё и знакомство оборотистой Екатерины Кузьминичны с «дорожкой» в Воспитательный дом, куда она за вознаграждение от баб сплавляла нежеланных младенцев, то не покажется необоснованным предположение о том, что чей-то тайный ребёнок был отдан в семью Придворовых. Тем более, если учесть, что главе семьи дана была «хлебная» для крестьянина из дальней деревни должность в городе, а в дальнейшем юному Ефиму Придворову были оказаны, такие милости, как приём в Киевское военно-фельдшерское училище на казённый счёт и представление самому Великому князю.

Казалось бы, Ефим Алексеевич должен был с радостью встретиться с графиней Клейнмихель и узнать правду о своём происхождении. Однако ничего подобного не произошло. И это не выглядит странным, если учесть, что одиозный для буржуазного запада Демьян Бедный лечился и развезжал по Германии инкогнито, и что в письме оттуда Сталину он именовал приставленного к нему переводчика «сопровождающим от ГПУ». Ефим Алексеевич и так рисковал, сохранив портрет Великого князя Константина Романова и называя его в кругу близких своим отцом. Усугубить дело ещё и аристократкой-матерью значило не только подложить мину под свою успешную политико-литературную карьеру певца пролетарских масс, но подвергнуть опасности собственную жизнь.

Но кто же был, в действительности, его отцом? Неужели светлейший Константин Константинович? - Тут мы подошли к последним,

я надеюсь, эпизодам посмертной истории Демьяна Бедного - к событиям, произошедшим в 2005 году. Одно из них – малозначительное и не такое уж редкое в советской истории. - По решению Государственной Думы городу Беднодемьяновск Пензенской области, в котором, кстати, Демьян Бедный ни разу не бывал, возвращено было имя Спасск. Другое - существенное и значимо связано с судьбой нашего героя.

Великий князь Константин Константинович, поэт К.Р. всю жизнь вёл дневник. С юности жёстко скованный рамками принадлежности к царской фамилии, сословными и общественными табу, полностью откровенным он позволял себе быть только в дневнике. От природы он был наделён необыкновенной красотой, сделал успешную военную карьеру, вступил в традиционный для Романовых брак с немецкой принцессой, родившей ему 9 детей, имел разносторонние таланты. Как мы упоминали, на посту президента Императорской Академии Наук, он принёс много пользы, в особенности, российской словесности, а в качестве Главного начальника Военно-учебных заведений проявил себя заботливым и благожелательным попечителем молодого поколения (вспомним его высокое вмешательство, открывшее путь Ефимию Придворову в Петербургский университет). Его даже называли «лучшим человеком в России». Почему же в расцвете сил этот баловень судьбы просил у Александра III разрешения уйти в монастырь?

Ответ явствует из строк дневника, который К.Р. завещал опубликовать через 90 лет после своей смерти. Этот срок наступил в 2005 году, и вот, какие безжалостные признания он содержал.

«...мне, стоящему во главе воспитания множества детей и юношей, должны быть известны правила нравственности». «Как поражены были бы все те люди, которые любят и уважают меня, если бы знали о моей извращённости!» «Вождедения мои всегда относились к простым мужикам, вне их круга я не искал и не находил участников греха». «Мой тайный порок совершенно овладел мною. Было время, и довольно продолжительное, что я почти победил его ... Но ... я опять поскользнулся и покатился и до сих пор качусь, как по наклонной плоскости, все ниже и ниже».

В свете таких откровений по-другому воспринимаются замечания об «излишней благосклонности к нижним чинам» того, кто считался «отцом всех кадет» и кого называл отцом благодарный Ефим Придворов. К нему К.Р., по-видимому, действительно, долго испытывал особые чувства, которые сыграли поворотную роль в судьбе молодого человека и выливались в ощутимые знаки благоволения. На их-то возврате Демьяном Бедным (он тогда уже принял этот псевдоним) и настоял в 1914 году комендант императорского двора, опасаясь компроматации царствующей фамилии. Теперь не столь удивительным выглядит прорвавшееся в письмо к Ильичу отчаяние Ефима Придворова по поводу плеша, которая появилась у него на затылке. По новому прочитываются и ранние его стихи, ставящие в тупик искушённых демьяноведа. В них явно слышатся отзвуки переживаний автора, связанных с К.Р. и «греховным наваждением»:

*От блеска почестей, от сонмища князей,
Как от греховного бежал я наважденья.
В иной среде, иных друзей
Нашел я в пору пробужденья.*

Введение этой фигуры умолчания в сотканную демьяноведами биографическую канву поэта снимает многие неясности и нестыковки, придаёт всему логику и завершенность.

Что же касается августейшего благодетеля, то портрет его будет неполным, если обойти вниманием ещё одну черту этого «отца всех кадет». Оказывается, любил он не всех без разбору военных воспитанников.

Нежнейший Константин Константинович был инициатором принятого в 1912 году первого и единственного расистского закона Российской империи, по которому к приёму в кадетские корпуса не разрешалось допускать сыновей и внуков лиц, родившихся в иудейской вере, Всё предшествующее законодательство не предусматривало никакого ущемления прав тех, кто был христианином по рождению или по выбору веры. Инициатива этого закона выдвигалась великим князем еще в 1904 году, и хотя, благодаря активному сопротивлению министра просвещения Г.Э. Зенгера проект этот провалился, политика подобного запрета незаконно проводилась светлейшим Константиновичем ещё с 1905 года. В подобном грехе этот «лучший человек в России» не посчитал нужным покаяться хотя бы на страницах своего дневника.

Ну, а кто был соавтором греха графини Клейнмихель и был ли он истинным отцом малыша Ефимки, бедный, действительно бедный Демьян Бедный, по-видимому, так и не узнал. Почему бедный? – Да потому, что всю свою жизнь, - угождал ли Великому князю или служил Вождем всех народов, он следовал лакейскому принципу: «Чего изволите-с?» Так что, для всех было бы лучше, если бы Ленин нашёл ему мазь...

Библиография

«Баловень судьбы» Великий князь К.К.Романов в письмах и воспоминаниях. «Новый мир» №4, М. 1994

Войтоловский Л. Демьян Бедный. «Печать и революция», 1925.

Гордеева В. Расстрел через повешение. Невыдуманный роман в четырех повестях о любви, предательстве, смерти, написанный «благодаря» КГБ. М., 1995.

Гронский И.М. Из прошлого. М., 1991

История жизни великих людей. Демьян Бедный (Придворов Ефим Алексеевич). tonnel.ru Биографии.

Кондаков И. «Басня, так сказать», или «Смерть автора» в литературе сталинской эпохи», Журн. «Вопросы литературы» 2006, №1

Сарнов Б. Сталин и писатели: Сталин и Демьян Бедный.»Эксмо» М. 2009

Лина Городецкая

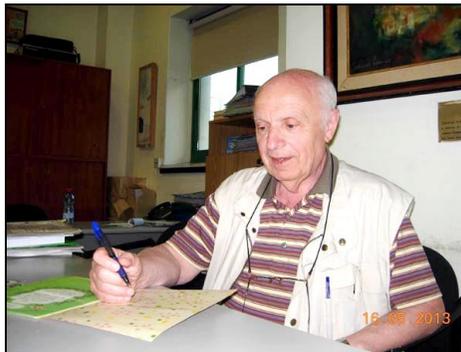
Сказочник Вадим Левин и его детская "взрослость"

*Казался сладким жребий – слыть поэтом.
Не славы ждал, а просто был беспечен:
Я это бремя сам взвалил на плечи,
И мне теперь не сбросить ноши этой.*

Вадим Левин

Вадим Александрович Левин маленьким был очень-очень давно. Но иногда кажется, что тот краткий миг нашей жизни под названием "детство" зацепился крепко-накрепко за краешек школьной формы, тихо перепрыгнул на новые "солидные" рубашки, и сопровождает его в жизни взрослой.

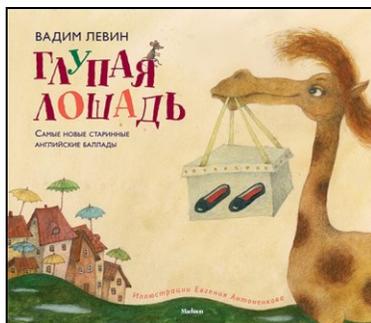

Иначе, как можно написать такие замечательные строки:

Лошадь купила четыре калоши -
Пару хороших и пару поплоше.
Если денек выдается пригожий,
Лошадь гуляет в калошах хороших.
Стоит просыпаться первой пороше –
Лошадь выходит в калошах поплоше.
Если же лужи по улице сплошь,
Лошадь гуляет совсем без калош.

Что же ты, Лошадь, жалеешь калоши?
Разве здоровье тебе не дороже?

Стишок "Глупая лошадь" сам уже вырос. Ему более сорока пяти лет. Соответственно давно выросли и его первые читатели, и даже их дети. А он такой же молодой, смешливый и задорный. Потому что мы – все родом из страны "Детство", просто иногда торопясь, мы выбрасываем ключ от ее волшебных ворот и не находим туда больше дороги. Становимся умными, солидными, образованными и часто нудными. Обыкновенными взрослыми людьми.

А Вадим Левин ключик этот сохранил и вместе с ним – доверие, дружбу и общий язык с детьми. А также – с их родителями и педагогами, которым он помогает открыть большой Мир маленького человека.

Итак, хочу представить читателям своего собеседника. Вадим Левин, известный детский поэт и песенник, педагог, кандидат психологических наук, соавтор современного "Букваря" и учебников по русскому языку. Автор многочисленных книг по педагогике. Бывший харьковчанин, сегодня Вадим Александрович живет в немецком городе Марбурге. А в середине мая он был гостем нашей страны. Шестнадцатого мая в литературном клубе "Иерусалимского журнала" в Доме наследия Ури Цви Гринберга состоялась его творческая встреча. Ее вел редактор

"ИЖ" Игорь Бяльский и дополняла музыкой бард Ариэла (Марина) Меламед.

Люди, которые пришли на эту встречу – истинные поклонники творчества Левина и его педагогической методики. И еще важнее отметить, что многие из них пришли с детьми. Да, да, с мальчиками и девочками, для которых родной язык уже – иврит. Но они, открыв огромные глаза, слушали стихи в исполнении Левина. Про приключения совершенно обаятельных, думающих и говорящих котов, лошадей, бегемотиков, слонят. Их образы оживали в воображении. Так слушают добрых сказочников.

А мне повезло пообщаться с Вадимом Александровичем по дороге из Хайфы в Иерусалим.

- Вадим Александрович, хотелось бы побольше узнать о вашем детстве. Его ведь в самой середине пересекла война.

- Да, мне было восемь лет, когда началась война. Она началась для меня с того, что из-под Бреста к нам в Харьков добрались жена моего дяди с шестилетним сыном. Там, в Бресте, остался ее муж, родной брат моей мамы, капитан артиллерийских войск Саша Красильщиков. Потом мы узнали, что он пропал без вести. А его жена и сын Виля бежали из города прямо под бомбежками, и у мальчика был тяжелый нервный стресс. Я помню, что он рисовал "на чем попало" фашистскую символику и испортил кожаную офицерскую сумку моего отца. К счастью, со временем состояние мальчика улучшилось. А потом к нам приехала и сестра моей мамы, ее муж тоже ушел на фронт.

- Расскажите немного о своей семье.

- Мой отец был слесарем-лекальщиком. Надо заметить, что очень хорошим слесарем. А мама закончила Харьковский институт железнодорожного транспорта и работала инженером. Мою маму, Йохевет Абрам-Хаймовну, в советском быту, называли Евой Абрамовной. Ее мама работала белошвейкой, а дедушка – приказчиком в магазине. Мы эвакуировались вместе с ними.

- Где прошли ваши годы эвакуации?

- Сперва мы поехали к сосланному брату моего отца, в город Бузулук. Но там уже находились много других эвакуированных родственников. Сестры отца с детьми. Отец рос в многолетней религиозной семье. Дедушка мой был служкой при синагоге в Днепропетровске. Из Бузулука мы отправились в Ташкент. Знаете, детская память выхватывает какие-то яркие эпизоды. Помню, нас поселили в зале какого-то клуба. Люди лежали на своих вещах. А нам досталась сцена. И ближе к ночи кто-то кричал из зала: "Тушите свет!" Свет выключался на сцене... Еще одно страшное воспоминание тех дней: смерть маленькой девочки, заболевшей тифом. Я запомнил ее приоткрытые глаза...

А потом мы поселились в узбекской семье. В девятиметровой комнате нас было восемь человек. И я спал в цинковом корыте. Мы, конечно, стеснили хозяев дома, но они к нам очень хорошо относились.

Сейчас вспомнились первые дни войны в Харькове. Самолеты высоко в небе и вокруг белые облака. Это стреляли из зениток. А мы бегали собирать осколки. Нет стройных воспоминаний, а вот такие же осколки...

- Ваш отец в это время был на фронте?

- Мы не успели эвакуироваться, как от отца пришло письмо: "Лежу в госпитале, немного царапнуло руки". Мама сразу собралась к нему. Он был командиром роты и под Киевом, где-то в районе Броваров, его серьезно ранило. Вернее, ранений было три, в правую руку, в ногу, а одна из пуль прошла в двух сантиметрах от сердца. Отец долго лечился, но рука так и не сгибалась до конца его дней. Ни на фронт, ни к станку он вернуться не смог. Около года лежал в госпиталях, а потом нашел нас в Ташкенте. Это было уже в 1942 году. Отец был из первых боевых офицеров, попавших в город, и он открыл военно-учебный пункт для призывников, давая им важные навыки. У нас сохранились письма ребят-новобранцев, благодаривших отца за то, что его учебный курс многим из них сохранил жизнь.

- Когда вы вернулись в Харьков?

- Город освободили 23 августа 1943 года. И мы вскоре приехали. А моя тетя с двоюродным братом, те что бежали из-под Бреста, остались жить в Ташкенте. Позже он назвал своего сына Александром, в честь отца, погибшего в первые дни войны.

- Вадим Александрович, вы - один сын в семье?

- К сожалению. В виде компенсации всегда дружил с двоюродными братьями и сестрами. У меня тоже одна дочь. Но думаю, что золотая середина – трое детей в семье.

- Помните ли вы любимую книгу вашего детства?

- Я помню, что подбором литературы для меня занималась моя тетя, еврейская поэтесса Хана Левина. Она советовала маме читать мне книги, которые уже экранизированы. Это были первые фильмы режиссера Александра Роу - "По щучьему велению", "Василиса Прекрасная"... другие сказки. А любимыми книгами моего детства были сказки Вильгельма Гауфа. "Маленький Мук", его цикл сказок "Трактир в Шпессарте". Занимаясь преподаванием детской литературы в

пединституте, я много читал о Гауфе и был просто поражен, сколько успел этот молодой человек за двадцать пять лет своей короткой жизни.

- Расскажите немного о поэтессе Хане Левиной.

- Она была сестрой моего отца и в начальный период эвакуации мы были вместе. Знаете, как ее поэзию переводили на русский язык? Три ее близкие подруги, украинские писательницы Наталья Забила, Оксана Иваненко и Мария Пригара переводили стихи Ханы с идиш на украинский, а затем – на русский язык. Муж Ханы Левиной, Доля Виноградский был чтецом в филармонии. Он читал произведения Шолом-Алейхема на идиш. Но во время известной борьбы с космополитами его вызвали на худсовет и руководство филармонии заявило, что идиш – мертвый язык, и запретили его выступления. Дяде Доле не оставалось ничего, как перестроиться и проводить их на русском языке. Через некоторое время начальство вновь вызвало его на худсовет. Тогда сказали ему, что он читает Шолом-Алейхема с еврейским акцентом. И уволили с работы. Дядя Толя потерял рассудок. Вспомнилось мне это, потому что моя тетка, думаю, чудом осталась нетронутой в те времена. Она была членом Антифашистского комитета, на периферии уцелело лишь несколько человек из этой группы.

- Когда в вашу жизнь пришла поэзия?

- Думаю, что не ошибусь, если скажу, что в лет пять, когда я начал самостоятельно читать детские стишки.

- А свое первое стихотворение помните?

- О-о, это отдельная история, которая произошла со мной между третьим и четвертым классом. В первый послевоенный год. Тогда мы учились в отдельных классах, но в пионерском лагере были все вместе - мальчишки и девчонки. А воспитателей с педагогическим образованием хронически не хватало. Так что многие этим занимались, как летней "халтурой". И вот, в лагере нас обучали танцам. Я танцевал в паре с девочкой Надей, которая по всей вероятности, мне очень понравилась. Но она после занятий танцами бежала к подружкам и совершенно не обращала на меня внимания. И тогда я посвятил ей стихи, что-то кошмарное. В то время в учебнике у нас было патриотическое стихотворение, которое заканчивалось "... это ты моя Родина, ты". Я, видимо, перефразировал легонько это стихотворение. А "поэзия" моя попала в руки воспитательницы, которая ничего не придумала умнее, чем выстроить наш отряд и объявить, что я украл стихотворение. Помню, что я жутко обиделся и убежал с линейки. И как я "отомстил"? Вечером не пошел со всеми в кино... Когда же я стал писать стихи, то подумал, что тот инцидент можно считать полезным - ведь это была первая встреча с критикой.

- И когда же после этого инцидента вы вернулись к поэзии?

- Где-то в шестом классе я выпускал сатирическую классную газету "Еж". Я писал эпиграммы на своих товарищей, при этом рисовал портреты одноклассников, но получались – карикатуры. Вот тогда я второй раз встретился с критикой, потому что кто-то из одноклассников за эпиграмму врезал мне. Ну а потом стихи я начал писать, когда учился в политехническом институте.

- А почему, Вадим Александрович, перед учебой на филфаке Харьковского университета вы сделали такой виток к образованию техническому?

- Опять же по совету своей тетки, поэтессы Ханы Левиной. Она сказала мне очень дипломатично, что писатель, чтобы не быть зависимым от редактора, должен уметь заработать себе на кусок хлеба. Мне легко давалась математика, я любил механику. И тогда я выбрал политехнический институт, о чем не жалею сейчас. Я стал инженером – теплотехником.

- А как произошел резкий поворот к литературной деятельности?

- Это было в 1959 году... В Харьков приехал Евгений Евтушенко. Произвел он на меня колоссальное впечатление. Я понял, что существует другая литература, не только хрестоматийная, которая в школе заканчивалась на поэзии Маяковского. И вдруг, я слышу поразительные стихи, открытые, гражданские, непривычные мне. Особенно запомнилось стихотворение "Мед". И я пошел в литературную студию, познакомился с творчеством Цветаевой, Ахматовой, Пастернака. Мне показалось, что школа меня обворовала, и что это все я должен был узнать на уроках русской литературы.

- Школа того времени обворовала не только вас...

- Вот-вот, целое поколение. И я предложил взять на себя нагрузку вожакого – производственника в подшефной школе. Тогда я работал в НИИ. Когда я стал заниматься с детьми в группе продленного дня, то сделал первые педагогические выводы. Во-первых, я понял, что дети любят загадки, потому что им важно не только слушать, но и участвовать в литературном процессе. Я понял, что стихи могут стать средством общения и сближения взрослых с детьми. Также я обратил внимание, что дети 5-7 классов, когда им читают литературное произведение, не интересуются им. Но как только я организовывал литературные игры – они принимали в них активное участие.

И вот два вывода: маленькие дети воспринимают стихи, как возможность общения со взрослыми, а где-то с четвертого класса пропадает интерес к литературе. Мне показалось, что методисты чего-то не учитывают и нужно разработать новую методику. Вот тогда я открыл первую детскую литературную студию, накапливал опыт, придумывал игры с детьми. А затем я вел литературную студию в харьковском Дворце пионеров. Первый год преподавал по выходным, продолжая работать инженером. А через год я попросил у своей жены разрешения уволиться и заняться только литературно-педагогической работой. Это был 1963 год.

- Это был рискованный шаг?

- Это был непростой шаг. К тому времени меня повысили до должности старшего инженера и я успел запатентовать изобретение. Но пришлось выбирать. И я до сих пор благодарен своей жене Элле, поддерживавшей меня в этом решении.

- У вас в это время подрастала дочь, чем увлеклась она?

- Наша Оля с пяти лет ходила во Дворец пионеров в кружок шашек. И это оказалось для нее не простым увлечением. На первых порах я выигрывал у нее, а затем дочка ушла далеко вперед. Она была

четырёхкратной чемпионкой мира по международным шашкам и многократной чемпионкой СССР. Сегодня Ольга живет в Хайфе, создала школу личностного развития и ведет тренинговые программы.

- Вадим Александрович, а когда ваша методика обучения детей получила признание и в чем она заключалась?

- Это было в начале девяностых, когда о ней узнали в Москве, и мы получили субсидии на ее разработку. Наша методика называлась НЛЮ, что означает начальное литературное образование. Я считал, что литература в начальной школе должна стать первым предметом, где у ребенка формируется потребность и способность выбирать. Даже если в хрестоматию вошли самые лучшие стихи и сказки, у детей нет выбора, и у них не формируется вкус и индивидуальный интерес. И была разработана модель мировой библиотеки детской литературы - пять книжных полок в классе. На первой полке стихи, на второй - сказки, на третьей - рассказы и повести, на четвертой - собрания сочинений отдельных авторов, которые работали в разных жанрах. Первым на этой полке я поставил Самуила Маршака, затем - Льюиса Кэрролла, Редьярда Киплинга, и пятая полка - мозаика, на ней - детские альманахи, журналы, а также - басни, мифы, пьесы.

Дети, получая раз в пять больше произведений, чем в хрестоматии, имели возможность выбирать. Так литература во всем своем разнообразии приходила в их жизнь.

- Поговорим о вашей поэзии. Ваша первая популярная книга "Глупая лошадь" вышла в Новосибирске. Так далеко - от Харькова. Почему вашу "Лошадь" сослали в Сибирь?

- В действительности "Глупая лошадь" была уже моей четвертой книжкой детских стихов, просто именно она стала известной. Первые три маленькие книжки вышли в Москве в издательстве "Малыш". А с "Глухой лошадью" получилась любопытная история. Борис Заходер, с которым я был дружен, познакомил меня с редактором издательства "Детская литература". Редактору мои стихи понравились. А через полгода я получил от него письмо: "Ваша книга у нас не может быть напечатана". Я понимаю, что на редактора было влияние сверху. Поэт с фамилией Левин центральному московскому издательству не подошел. Борис Заходер отнес мои стихи в "Литературную газету". И вскоре они там были опубликованы. А как-то ко мне попала детская книжка донецкого автора Семена Когана, изданная в новосибирском издательстве. И я послал туда подборку стихов "Глупая лошадь". Письмо попало к главному художнику издательства Спартаку Калачову, который сделал все, чтобы пробить выход в свет этой книги. Он сам иллюстрировал ее. И она быстро стала популярной. После ее публикации я познакомился с Сергеем и Татьяной Никитиными, которые запели мои песни.

- Рождение книжек привело вас в Союз писателей?

- Когда появились первые две книги, харьковское отделение союза писателей приняло меня в свои ряды, я руководил секцией детской литературы. Но это ничего не значило без утверждения сверху, из Киева. А там со всеми рекомендациями меня благополучно проваливали, даже с рекомендацией Бориса Заходера, который написал: "Неужели Союз

писателей Украины до отказа набит хорошими детскими писателями. До отказа Вадиму Левину?" Но и это не помогло. Десять раз в течение четверти века проваливали мою кандидатуру. Слава Богу, что я не зависел от них. Кроме инженерного образования, приобрел профессию педагога, затем защитил кандидатскую работу по психологии. И книжки мои понемногу увидели свет.

- Борис Заходер больше не пытался вам помочь?

- Это тоже очень интересная история. Он предложил мне обратиться к Сергею Михалкову. Я слышал, что это плохой человек, и по наивности своей подумал, что Заходер этого не знает. И осторожно спросил: "Борис Владимирович, а разве Сергей Владимирович – хороший человек?" Заходер ответил настоящим афоризмом: "Вадим, никогда не обращайтесь за помощью к хорошим людям. Хорошие люди ничем помочь не могут".

- Должен ли быть детский поэт немного детским психологом?

- Думаю, что да. Во всяком случае, он должен чувствовать ребенка в себе. Корней Чуковский, блистательный поэт, рассказывал, что когда он писал детские стихи, то скакал и прыгал на одной ножке. Маршак великолепно чувствовал детей. Мог бы непонимающий детей человек написать следующие строки:

Как зритель, не видевший первого акта,
В догадках теряются дети,
Но все же они ухитряются как-то
Понять, что творится на свете.

Это блистательное понимание сути ребенка, открывающего для себя мир.

- Что же для вас первично: поэзия или психология?

- Профессионально – психология. Сейчас я пишу гораздо больше методической литературы, чем детских стихов. Может быть, потому что младшая внучка уже выросла, а правнуки еще не появились. Хотя в эти дни в Израиле родилось кое-что новое.

- А "взрослые" стихи Вам пишутся?

- Я издал небольшую книгу, когда оставлял Харьков. В нее вошли мои стихи для взрослых. Книга называется "Куда уехал цирк".

- Это стихотворение, ставшее популярной песней, писалось вами на заказ?

- Не совсем. Я вообще не умею работать на заказ. Делал это только для Сергея Никитина. Например, когда Сергей должен был создать песни к телефильму "Сэр Вальтер Скотт. Страницы жизни и творчества", то он позвонил мне прямо с Шаболовки и попросил написать стихи в английском стиле. И тогда родились многие баллады, в том числе "Мария-Анна", которую Сергей поет до сих пор.

А стихотворение "Куда уехал цирк", ставшее в исполнении Валерия Леонтьева популярной песней, появилось при следующих обстоятельствах. Мой добрый знакомый, Валерий Харченко снимал фильм "Фантазии Веснухина". А так как в фильме много сцен с детьми, то

Валерий попросил меня поработать с ним переводчиком с "детского" языка на "взрослый". В фильме снимались известные актеры и славные детки, всех уже не помню, запомнил мальчиков – тройняшек и Яночку Поплавскую, будущую "Красную Шапочку". По сюжету фильма, в город приезжает цирк, главный герой очень привязывается к нему, но в конце цирк из города уезжает. Вот к финалу я и написал песню: "Куда уехал цирк". Правда, в фильме она не прозвучала. Редактор посчитала ее слишком привязанной к сюжету. Там, за кадром Алла Пугачева исполняет "Куда уходит детство".

- Как же ваша песня пробила себе дорогу к популярности?

- Знаете, когда я стал писать стихи, то решил спокойно относиться к тому, что меня не публикуют. Я решил, что если произведение хорошее, то оно пробьет себе путь в большую жизнь.

И как-то ко мне обратилась редактор киевского телевидения с предложением послать ей тексты для молодых композиторов. Я послал несколько стихотворений, в том числе и "Куда уехал цирк". А его прочитал композитор Владимир Быстряков. Он поставил слова на попипитр и тут же сыграл мелодию. Через некоторое время ее взял в свой репертуар Валерий Леонтьев. И должен вам сказать, что один период, когда у меня были перебои с работой, популярность этой песни материально помогала нашему семейному бюджету.

- Вадим Александрович, вы уже двенадцать лет живете в Германии. Хотелось бы узнать, как вам живется в этой стране?

- Мы живем в маленьком средневековом городе Марбурге. Там когда-то учился Ломоносов, там учился и был влюблен Пастернак. Но в ней есть даже немцы, которые прошли гюр и стали иудеями, гораздо более ортодоксальными, чем мы, светские евреи. В целом, в городе обстановка толерантная. Хотя думаю, что если бы антисемитизм не сдерживался властями, он мог бы и проявиться.

- А что в вашей жизни значит Израиль?

- Мы с женой Эллой бываем здесь почти каждый год. Здесь живут наши дочь с внучкой. Когда мы приезжаем в Израиль, то чувствуем себя дома. В Германии - мы в гостях.

- Вы продолжаете публиковать свои книги в России?

- Конечно. Я даже стал лауреатом Литературной премии имени Корнея Чуковского. И вообще, я дожил до таких светлых времен, когда не я предлагаю свои произведения издательствам, а издательства ищут меня.

С Вадимом Левиным можно бесконечно разговаривать, о детях, о поэзии, вообще, о жизни. Но каждой беседе приходит конец. И тогда открываешь его книжки и продолжаешь общение...

Май 2013 г.

Ирина Чайковская

Владимир Маяковский и Лиля Брик: сходство несходного

осторожностью принимаюсь за это эссе: уж больно щекотливая тема. Мне бы не хотелось уподобиться тем, кто пишет об этой паре в духе желтой прессы. В этом смысле особенно всегда доставалось Лиле. В годы моей юности (1970-е) ее усиленно бросали вниз головой с палубы их с Маяковским общего парохода, упорно старались исключить из биографии поэта. Получалось плохо. В своей статье о наконец-то опубликованных Лилиных воспоминаниях («Пристрастные рассказы», 2003) я писала, как школьницей спросила однажды у сотрудника музея Маяковского: кто эта женщина? Речь шла об обложке поэмы «Про это», на которой красовалось женское лицо с большими широко раскрытыми, даже слегка выпученными глазами. Но странное дело, экскурсовод, словно не слыша вопроса, отвернулся и отошел от меня подальше.¹ Даже поместив в витрине прижизненное издание поэмы Маяковского, музейщики, а вернее, музейное начальство боялось называть Лилю, идентифицировать ее с героиней любовных признаний поэта.

Чего боялось начальство?

Попробую угадать. Лилия не была официальной женой Маяковского, она была женой Осипа Брика, все трое жили в одной квартире. Караул! Безнравственность! Лилия была еврейкой. В 1950-1970 годы евреи не пользовались доверием и любовью «партии и правительства», наоборот, в стране процветал антисемитизм, насаждаемый и поощряемый сверху. И наконец, старшая сестра Маяковского Людмила Владимировна, ставшая как раз в эти годы Лилиным врагом, стояла на страже приличий и камуфляжа в биографии брата².

Помню, в 1970-е фотографии Лили Брик бесплатно раздавали на туристических тропах Грузии, там же туристы могли получить портреты

¹ См. Ирина Чайковская. Пристрастный свидетель. Нева, № 8, 2004

² Едва ли не единственным местом, где тогда висели портреты Лили Брик, был музей поэта в одной из московских школ, чей замечательный директор Семен Рувимович Богуславский шел наперекор тогдашнему тренду.

Татьяны Яковлевой. Ее имя тогда тоже было под запретом – как эмигрантки.

С того самого случая в музее меня мучило любопытство - хотелось побольше узнать об истории отношений Маяковского и его подругавшейся остракизму подруги.

К нашему времени свидетельств собралось достаточно.

Особо отмечу исследования шведа Бенгта Янгфельдта, именно этого «варяга» недоставало маяковсковедению, чтобы заполнить некоторые ощутимые лакуны в биографии поэта и его музы³. В этом эссе мне бы хотелось задержать внимание читателей на некоторых не до конца проясненных вопросах, связанных с Владимиром Маяковским и Лилей Брик.

Как они оказались вместе – такие разные?

Он, родившийся на окраине империи, плохо образованный, с не слишком изящными манерами, «пролетарий» по своим привычкам и образу мыслей, и она, родившаяся в Москве в обеспеченной еврейской семье, воспитанная гувернантками, начитанная, знавшая с детства немецкий и французский... Но приглядевшись, увидим, что были у этих, на первый взгляд, разных людей точки соприкосновения.

Привычки

Начну с малого. Маяковский и Лиля в самом начале их знакомства обменялись «обручальными» кольцами-печатками. На кольцо для Лили Маяковский просил выгравировать три буквы ее имени: Лиля Юрьевна Брик – ЛЮБ. Размещенные в ряд, они давали бесконечные ЛЮБЛЮ. Лиля, в свою очередь, просила гравера выгравировать на

кольце две латинские буквы инициалов поэта , помещенные одна над другой. Графически получалось зеркальное отражение одной и той же буквы. Меня поразило, что в ответ на графический трюк Маяковского Лиля смогла предложить тоже что-то весьма оригинальное.

Не обладая грандиозным талантом Маяковского, она умела ему «соответствовать». Связывалась с издательствами на предмет публикации его книг, писала сценарии, снималась вместе с ним в кинематографе, гоняла по Москве на привезенном им из Парижа «Реношке». Между прочим, Лиля - одна из первых московских женщин-автолюбителей. Работала в Окнах РОСТА, и, по-видимому, угловатая резкая графика карикатур Маяковского и Михаила Черемных, которые она раскрашивала, ей, «даме из буржуазных кругов», не претила.

В ее записках то и дело наталкиваешься на стиль Маяковского: «Запосещали иностранцы. Японцы через переводчика спрашивали, кто тут Маяковский, и почтительно смотрели снизу вверх»⁴. Не была

³ Бенгт Янгфельдт. Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг. Пер. Со шведского Аси Лавруши и Бенгта Янгфельдта. КоЛибри, М., 2009.

⁴ Лиля Брик. Пристрастные рассказы. Нижний Новгород. Деком, 2003, стр. 53

домашней курицей, тем более наследкой, была весьма революционно настроенной гражданкой и, в отличие от матери и сестры, осталась в Советской России. Одна из первых оценила стихи Маяковского, поняла его масштаб. И говорили они на одном языке, включая тот придуманный ими любовный язык, который многих так раздражает в их переписке. Да, это особый «детский» язык, но ведь и влюбленные – дети, и эти уменьшительно-ласкательные прозвища – Личик, Киса, Лилек, детик, обращенные к ней, и Волосик, Волосит, Волосеночек, Щенит – к нему, эти бесконечные целую целую целую, люблю люблю люблю и твой твой твой, эти подписи-рисунки в виде Щенка и Кисы, - все это родом из детства и говорит о трогательной нежности друг к другу.

А эта их общая любовь к зверью, к собакам и кошкам! Обычно серьезный на фотографиях, Маяковский улыбается на той, где в руках у него живой черный комочек, собачонок Скотик. Лиля же улыбается, даже держа в руках львенка из Берлинского зоопарка. Лишенная возможности иметь детей, Лиля детей любила, а они любили ее. У нее воспитывалась Луэлла Краснощекова, когда ее отец оказался в тюрьме; мальчиком Василий Васильевич Катаян, несмотря на то, что его отец ушел от них к Лиле, находил у нее ласку и понимание. Что до Маяковского... нет у меня уверенности, что он разделял любовь Лили к детям.

Те семь шоколадок, которые он привозил Луэлле Краснощековой – по одной на каждый день недели, - ни о чем не говорят. «Я люблю смотреть как умирают дети» - сказано им, и хотя легко выдать эту строчку за обычный для Маяковского издевательский вызов буржуазному читателю, все же эта фраза была написана его рукой, рука повернулась ее написать.

Оба - Маяковский и Лиля Брик – были игроками, причем азартными. В карты в своей компании играли порой до утра. Играли в экзотический маджонг и в пинг-понг. Маяковский упоенно сражался на бильярде, любил выигрывать – и это опять-таки черты неизжитого детства.

Так же постоянно играл со словами, строчками, рифмами. Меня всегда потрясал в этом смысле «Наш марш», написанный в год революции и суперреволюционный по всем параметрам – содержанию, строфике, рифмовке, ритму, словесным находкам:

Дней бык пег.
Медленна лег арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.

А желание делать подарки! Даже представить себе трудно, как они оба находили, покупали, собирали, а потом переправляли в Москву те гостинцы, провизию, мануфактуру, пантагрюэлевский перечень которых то и дело возникает в их письмах. Целые горы! И нельзя сказать, что только Маяковский бегал по Парижу с Лилиным списком (как-то даже с Татьяной Яковлевой, своей парижской любовью), Лиля тоже привозила из своих поездок неподъемные коробки с подарками, причем доставались

они всем друзьям и соседям, включая домработницу. Щедрость и страсть дарить были присущи им обоим.

Это о бытовых привычках.

Но есть и более важные вещи, которые их сближали.

Тяга к самоубийству

14 апреля 1930 года, тридцати семи лет от роду, – возраст смерти гениев - Владимир Маяковский выстрелом в сердце покончил с собой... Но и до рокового выстрела поэт был склонен к суициду. Об этом говорят его поэмы, об этом вспоминает Лиля Брик, называя мысль о самоубийстве «хронической болезнью» Владимира Владимировича.⁵ Маяковский боялся старости. Характерный разговор приводит Янгфельдт. Роман Якобсон говорит Лиле, что не может себе представить Маяковского старым, на что Лиля отвечает так: «Володя до старости? Никогда! Он уже два раза стрелялся, оставив по одной пуле в револьверной обойме. В конце концов попадет»⁶.

Совсем в духе героев Лермонтова Маяковский играл с жизнью в «русскую рулетку»: чет – нечет. Можно предположить, что и стихи, написанные им на безвременную смерть Сергея Есенина, повесившегося в 1925 году в гостинице Англетер, были своего рода суеверным разговором. Так бывает: человек с помощью слова хочет «заговорить» свои тайные мысли, свою судьбу, свой дремлющий до времени страх. Когда-то написание романа «Страдания юного Вертера», в котором молодой человек кончает с собой на почве неразделенной любви, помогло его автору уйти от самоубийства. Маяковский взялся за стихи «На смерть Сергея Есенина», полагая, что сможет спасти многих «подражателей» и почитателей умершего поэта (о себе он, естественно, не говорит), рассказав о трагедии в ироническом ключе и обезвредив гипнотическое воздействие предсмертных строчек ушедшего своим парафразом.

Есенинскому

«В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей».

Маяковский противопоставил свое:

«В этой жизни
помереть

⁵ Бенгт Янгфельдт. К истории отношений В.В. Маяковского и Л.Ю. Брик. В кн. В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка 1925-1930. Almqvist and Wiksell International, Uppsala, 1982, стр. 38 -39

См. также Лиля Брик. Пристрастные рассказы. Деком, Нижний Новгород, 2003, стр. 132-134

⁶ Бенгт Янгфельдт, там же, стр.38. Этот же разговор в несколько ином варианте приводится в книге Лили Брик «Пристрастные рассказы», стр. 133.

не трудно.
Сделать жизнь
значительно трудней».

Был ли Владимир Владимирович уверен, когда сочинял свой *ответ* Есенину, что лично ему удастся «сделать жизнь»?

По иронии судьбы, застрелившись спустя пять лет после Есенина, Маяковский тоже оставил предсмертные стихи, только что не написанные кровью. И там, в этом четверостишии, говорится, что «любовная лодка разбилась о быт». Что означает здесь «быт», следует подумать, об этом еще напишу, важно, что главной причиной самоубийства указана *любовь*. Погиб от любви. Это, конечно, не вся правда, но для нас важно, что *сам* поэт осознает (или указывает) *главной причиной* своего ухода из жизни несложившуюся любовь. В своем эссе - в соответствии с предсмертными строчками поэта - я буду говорить именно об этой причине его самоубийства.

Итак, Владимир Владимирович тяготел к суициду.

Но задумывались ли мы над тем, что и в биографии Лили Брик мы встречаемся с повторяющимися попытками самоубийства?! И жизнь свою она оборвет, как и Маяковский, сама. По какой причине, мы достоверно не знаем. Известно, что она была «безнадежно» лежачей больной, так как повредила себе шейку бедра, а в те времена это не лечили. В недописанной предсмертной записке причины самоубийства она не сообщает: «В смерти моей прошу никого не винить. Васик⁷, я боготворю тебя. Прости меня! И друзья простите...».

Лили, как известно, несколько раз спасала Маяковского в тяжелые моменты, когда он был в шаге от самоубийства. После гибели поэта Лили Брик писала сестре в Париж: «Если б я или Ося были в Москве, Володя был бы жив... Я проклинаю нашу поездку».⁸

И в то же время, сама Лили Юрьевна не была свободна от «тяги к самоубийству».

Бенгт Янгфельдт, основываясь на неопубликованных письмах и воспоминаниях Лили Брик, а также на магнитофонных записях бесед с нею, воспроизводит несколько важных для нас эпизодов.

Родившись в 1891 году (на два года раньше Маяковского) в семье адвоката и пианистки, Лили Юрьевна Каган с юности привлекала к себе внимание мужчин, была для них магнитом. Родителям приходилось «глядеть в оба» за юной дочерью, чье поведение не всегда вписывалось в привычные рамки. В 17 лет она забеременела от молодого учителя музыки Григория Крейна, за этим последовал принудительный аборт в Армавире (где жила сестра матери), мать и тетка настояли на нем против желания самой Лили. Восприняв эту операцию как оскорбление, она спустя некоторое время проглотила целиком содержимое пузырька с цианистым калием. Ждала, что умрет, но почему-то не умерла. Позднее ей

⁷ Василий Абгарович Катанян, муж Лили Брик.

⁸ Аркадий Ваксберг. Пожар сердца. Кого любила Лили Брик, М., Астрель, 2010, стр. 258

станет ясно почему. Мать, Елена Юрьевна, в поисках писем от Крейна, обшарила ее письменный стол и, найдя там страшный пузырек, высыпала из него яд, вымыла и наполнила содой.⁹ Немножко все это отдаст романом, но поверим Лиле, ей хотелось рассказать эту отдающую мелодрамой историю молодому шведу (своему бы, скорей всего, не рассказала, да и не расспрашивали «свои», это было время запрета на ее имя).

В книге того же Янгфельда читаем, что в декабре 1924 года, тяжелейшего и для Маяковского, и для Лили Брик, когда их отношения разладились из-за Лилиной страсти к Александру Краснощекову, она писала Рите Райт:

«А. Т.(обинсон) очень болен. Он в больнице. Вряд ли я его увижу. Думаю о самоубийстве. Я не хочу жить». «Тобинсон», ставший причиной этих настроений, - псевдоним Александра Краснощекова. Александр Михайлович Краснощеков был человеком необычным. Выйдя из бедной еврейской семьи, рано примкнул к революционерам, сидел в тюрьмах, эмигрировал, попав в США, закончил факультет права Чикагского университета, а, вернувшись после революции в Россию, возглавил Дальневосточную республику; будучи затем вызван в столицу, занимался финансами, возглавил Промбанк, стал крупным работником партийного и госаппарата. Однако в 1923 году был арестован по обвинению в финансовых злоупотреблениях, посажен в тюрьму, где тяжело заболел. Тогда-то у Лили и родилась мысль о самоубийстве.

В тот раз дело не пошло дальше намерения: Краснощекова через полгода, в январе 1924 года, освободили¹⁰, настроение Лили изменилось.

У Бенгта Янгфельдта описывается еще один случай – в этот раз почти осуществившегося самоубийства, предпринятого Лилей. Она «страстно влюбилась», как пишет Янгфельдт, в кинорежиссера Всеволода Пудовкина и, не встретив ответа, пыталась покончить с собой, выпив большую дозу снотворного. Шел 1928 год. Ее откачали, хотя выздоравливала она несколько месяцев. Можно сказать, что желание отравиться возникало у молодой Лили в связи с сильными эмоциональными переживаниями. Очень похоже на Маяковского.

⁹ В книге Янгфельдта сообщается также, *кто и для* чего снабдил Лилю смертельным ядом. См. стр. 51. Любопытно, что там, где Янгфельдт точно указывает на имевшие место события и их последовательность, другие исследователи, например, Аркадий Ваксберг, выдвигают *предположения*, говоря об отсутствии материала. См. Аркадий Ваксберг. Указ. соч., стр. 21-22. Шведский ученый, владеющий неопубликованными архивными источниками, звукозаписями, сам лично общавшийся с Лилей Брик, Катаньянами, Романом Яковсоном, Татьяной Яковлевой и Вероникой Полонской, осведомлен не в пример лучше многих своих коллег.

¹⁰ Краснощекова первоначально приговорили к шести годам тюремного заключения. В 1937 году Александр Краснощеков был повторно арестован и казнен.

Последняя попытка самоубийства, предпринятая Лилей Юрьевной 4 августа 1978 года, и тоже с помощью снотворного – она проглотила одиннадцать таблеток намбулала¹¹, - удалась.

Получается, что Лиля, как и Маяковский, постоянно возвращалась к мысли о самоубийстве. Эта мысль не покидала ее в течение жизни. Хочется даже сказать, что такой способ решения «последних», жизненно важных вопросов был органичен для обоих.

В порядке сопоставления. Анна Ахматова, юной девушкой пытавшаяся покончить с собой, позже этих попыток не повторяла. И наоборот, за Мариной Цветаевой, наложившей на себя руки 31 августа 1941 года, мы не знаем юношеских попыток свести счеты с жизнью.

Понятно, что за спиной 86-летней Лили Юрьевны, сломавшей шейку бедра и решившейся противопоставить этому несчастью волевой акт ухода из жизни, стояли и ее собственные повторяющиеся суицидальные попытки, и самоубийство Маяковского. Последнее – особенно. В роковом для Маяковского 1930-м ей приснился сон, явно из разряда «пророческих»: «Приснился сон – я сержусь на Володю за то, что он застрелился, а он так ласково вкладывает мне в руку крошечный пистолет и говорит: «все равно ты то же самое сделаешь»¹².

Еще одно добавление. Лет за десять до смерти у Лили Юрьевны, по-видимому, уже были мысли о суициде. Именно к этому времени относится ее завещание, где она просит развеять ее прах где-нибудь в Подмоскowie. ¹³ И так, самоубийство было возвращающейся точкой в сознании и Маяковского, и его подруги. Пережив поэта на 48 лет – целая жизнь! - Лиля в итоге избрала для себя похожий конец – смерть от собственной руки.

Но сходство этим не ограничивается.

Кошка, которая гуляет сама по себе

О встреченной в 1928 году в Париже Татьяне Яковлевой Маяковский скажет:

«Ты одна мне ростом вровень». Татьяна и в самом деле была девушкой высокой. Любопытно, что в недавнем телевизионном фильме о Маяковском, показанном на канале «Культура», Татьяна Яковлева не только очень высока, но и наделена всеми атрибутами «модели», в частности, походкой «от плеча». И при встрече она к нему идет этой своей «модельной» походкой. Выглядит смешно. Досадная эта деталь несколько испортила мое впечатление от в общем хорошего, талантливого фильма. Мне кажется, что в метафорическом смысле невысокая Лиля тоже была Маяковскому «ростом вровень». И, возможно, даже в большей степени, чем парижская Татьяна.

Лиля всю жизнь больше всего не выносила, когда ей навязывали, диктовали образ жизни и поведения. Она хотела «гулять сама по себе». И

¹¹ См. Рассказывает Юлия Добровольская. Чайка, № 21 (89), 2006

¹² Бенгт Янгфельдт. Указ соч., стр. 604

¹³ См. Аркадий Ваксберг. Указ. соч., стр.506. Камень - над развеянным по округе прахом Лили Брик – поставлен в Звенигороде.

часто ее поступки выходили за грань «разумного». Бенгт Янгфельдт приводит один из таких поступков, о котором слышал от самой Лили Юрьевны.

До отъезда в Мюнхен для занятий скульптурой двадцатилетняя Лиля проводит время с неким Гарри, молодым, подающим надежды художником. Однажды он признается ей, что болен сифилисом. Диагноз мог оттолкнуть от него кого угодно, но не Лилю.

Ее он наоборот привлек. Цитирую: «этим восклицанием Гарри завоевал ее сердце»¹⁴.

Такое ощущение, что Лиля Брик жила, словно пушкинский Вальсингам, «бездны мрачной на краю», испытывая потребность в острых ощущениях.

Словно не была она обычным человеком, молодой привлекательной женщиной, которой в случае венерического заболевания, пришлось бы долго лечиться - причем, с неизвестным исходом, - объясняться с родителями и врачами, короче, попасть в малоприятную ситуацию. Но она как будто даже об этом не думает, объясняя свою близость с Гарри совсем просто: «Очень мне было его жалко».¹⁵ Подобное поведение можно классифицировать и как инфантильность, и как некое импульсивное безрассудство. Обычно, идя на такое, человек произносит: «Эх, была не была!» или «авось, пронесет!» Верила ли Лиля в свою особую звезду? То, что она прошла через 1920-1950 годы, не ощутив на себе когтей террора, - настоящее чудо. Рассмотрев ее жизнь в сталинскую эпоху, можно увидеть, что она *все время* жила в ситуации «вызова судьбе».

Много ли в сталинской Москве было семей, напоминающих «тройственный союз» Лили, Оси и Маяковского? И легко ли было не бояться (в ту эпоху особенно!) открыто жить не как все? Любопытно, что человек, узнавший Лилю в очень поздние годы (и сразу в нее влюбившийся), двадцатидевятилетний француз Франсуа-Мари Банье, написал о ней так: «... для Лили как человека безрассудного никакого расчета не могло быть ни в чем и никогда. Безрассудство, какая-то бесшабашность, если хотите, все это было для нее стимулом к жизни».¹⁶

Итак, безрассудство. Это как бы другая сторона жажды свободы.

Но и у Маяковского эта черта преобладала. В дневнике, который Маяковский вел во время двухмесячной разлуки с Лилей в 1923 году (она обнаружит этот дневник много позже) он выделяет две главные черты своего характера:

- 1) Честность, держание слова, которое я себе дал...
- 2) Ненависть ко всякому принуждению¹⁷.

¹⁴ Бенгт Янгфельдт. Указ соч., стр. 52. В книге Л.Ю. Брик «Пристрастные рассказы» история с Гарри дана в редуцированном варианте.

¹⁵ Бенгт Янгфельдт, там же, стр. 53.

¹⁶ Аркадий Ваксберг, там же, стр. 503.

¹⁷ В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915-1930. Almqvist and Wiksell International Stockholm/Sweden, Upsala, 1982. Составление, подготовка текста, введение и комментарии Бенгта Янгфельдта, стр. 115.

Об этой «ненависти ко всякому принуждению» Маяковский в эти же дни говорит и несколькими иными словами: «Если у меня не будет немного «легкости», то я не буду годен ни для какой жизни... любовь не установишь никаким «должен», никакими «нельзя» - только свободным соревнованием со всем миром. Я не терплю «должен» приходиться! Я бесконечно люблю, когда я не «должен» приходиться торчать у твоих окон. Ждать хоть мелькания твоих волосиков из авто»¹⁸.

Служа «атакующему классу», Маяковскому приходилось себя смирять, наступать «на горло собственной песне». Это тяжело любому, а уж человеку, ненавидящему принуждение, вдвойне. Поэту, как и птице, хорошо поется на свободе. Работа под прессом самопринуждения в итоге должна была привести к срыву, к катастрофе, что и случилось. Кстати, сам Маяковский сформулировал невозможность для себя долгого существования в искусственной для него ситуации принуждения (в данном случае «самопринуждения») – когда в 1923 году в течение двух месяцев устроил для себя, по инициативе Лили, некое подобие тюрьмы: жил на Лубянке один, с любимой не виделся. В дневнике, который он вел в те дни, записано:

«Можно ли так жить вообще? Можно, но только не долго» (1 февраля 1923)¹⁹.

Однако было в характерах, а главное, - во взгляде на любовь - Маяковского и Лили Брик и нечто несходное, что сыграло роковую роль в судьбе поэта. Но придется начать издали.

Не везет мне в смерти – повезет в любви

Вообще этот «горемный» дневник Маяковского раздрает душу²⁰. 5 февраля того же 1923 года Маяковский задает себе вопрос: Люблю ли я тебя? Подчеркивает эти слова как заглавие и сам себе отвечает: «Я люблю, люблю, несмотря ни на что и благодаря всему, любил, люблю и буду любить, будешь ли ты груба со мной или ласкова, моя или чужая. Все равно люблю. Аминь». Дневник рассчитан на то, что она его прочтает. Поэтому он добавляет: «Смешно об этом писать, ты сама это знаешь».

Прозрение приходит постепенно. Говорю это о себе. Часто получается, что ты ошибаешься даже не по своей вине – просто в нашем обществе принято было скрывать какие-то факты, особенно если они вредили спущенной сверху «общей установке».

Хорошо помню, что в колонках одного известного газетчика советской эпохи, говорилось, якобы со слов самой Лили Брик, что к середине 20-х годов она уже не привлекала Маяковского как женщина, по какой-то причине союз их распался, сохраняя лишь внешние формы.

¹⁸ Лили Брик. Пристрастные рассказы, стр. 88

¹⁹ В.В. Маяковский и Л. Ю. Брик: Переписка 1915-1930, стр. 112

²⁰ И это при том, что полная версия дневника не была напечатана; Янгфельдт ее читал, но воспроизводить ее Лили Брик ему не разрешила (см. Бенгт Янгфельдт. Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг, стр. 258)

Сейчас думаю, сам ли газетчик придумал эту версию или ее действительно поведала ему Лиля. Она могла сделать это в целях самосохранения. На самом деле, все обстояло *с точностью до наоборот*. Маяковский продолжал любить ту, в которую влюбился с первого взгляда.

Ускользала она.

Лиля Брик, как известно, была мужней женой, и ее муж, Осип Брик, кажется, был единственным мужчиной, которого она по-настоящему любила всю жизнь. В ее записках рассказана история их взаимоотношений, начавшаяся еще в гимназические годы. Осип был старше, вел в классе Лили – ей было тогда 13 лет - политический кружок (дело было в 1905 году). И барышне, легко влюблявшей в себя мужчин, не сразу удалось завоевать его внимание. Трудно представить гордую и победительную Лилию непослушным языком, в какой-то отключке, раз за разом произносящую: «А я вас люблю, Ося!». Но это было. В течение бурных семи лет, наполненных до краев событиями и романами, это чувство в ней вызревало. «Мне становилось ясным даже после самой короткой встречи, что я никого не люблю, кроме Оси»²¹.

Они поженились в 1912 году, и первые два года были абсолютно счастливы. Впоследствии Осип Брик нашел себе подругу, жену кинорежиссера Жемчужного, Евгению Соколову-Жемчужную, и оказалось, что эта простая женщина, без особых талантов, вполне его устраивает. Странность заключалась в том, что, даже женившись на Жене, Осип остался жить в одной квартире с Лилей, а еще раньше то же самое сделала Лиля: уйдя к Маяковскому, продолжала делить кров с Бриком. В воспоминаниях Лиля говорит, что они с Осипом поклялись друг другу, что бы ни случилось, жить вместе. Так? Или была еще какая-то причина? Почему-то никто из исследователей не предположил, что свою роль мог сыграть такой насущный для всех москвичей послереволюционной поры фактор, как «квартирный вопрос».

Лиля не сразу соединила свою жизнь с Маяковским. Встретившись с ним в июле 1915 года («радостнейшая дата» в автобиографии «Я сам» Маяковского), она долго не решалась изменить свою судьбу. Бенгт Янгфельдт пишет, что перелом в отношениях Лили Брик и Маяковского произошел в 1918 году. А это было время, когда «буржуев» уплотняли, квартиры профессоров и адвокатов превращали в коммунальные, заселяя их семьями из рабочих и крестьян, а также работниками советского аппарата. Вопрос жилья нависал над людьми во всей своей драматической неразрешимости.

Однако не буду настаивать на этой версии, нигде мною до сих пор не встреченной, - она, увы, не способна распутать сложный узел завязавшихся взаимоотношений. Видимо, разгадка все же в другом. Когда-то Гейне написал печальное автобиографическое стихотворение: «Юноша девушку любит, а ей полюбился другой, а тот не ее, а другую назвал своей дорогой (пер. Льва Гинзбурга). Сложная эта цепочка, как кажется, присутствует и в истории любви Маяковского.

²¹ Лиля Брик. Пристрастные рассказы, стр. 153

Лиля Брик любила говорить, что для нее и ее спутников - Маяковского и Осипа Брика - образцом семейной жизни были отношения, описанные в романе Николая Чернышевского «Что делать?»²² Но Вера Павловна никогда не жила в одной квартире со своим первым и вторым мужем, соответственно с Дмитрием Лопуховым и Александром Кирсановым. Лопухов, придя к выводу, что Верочка полюбила его друга, благородно удалился, разыграв самоубийство, чем помог созданию новой пары. Маяковский, читавший мало и несистематически, роман Чернышевского читал и перечитывал. Может, видел свое сходство с «особенным человеком» Рахметовым?

Он ведь тоже и своим огромным ростом, и мощной фигурой, и низким красивым голосом, и ни на кого не похожей повадкой, и новаторскими стихами словно предьявлял окружающим патент на «особость». Но на этом сходство кончается. Внешне самоуверенный, казавшийся окружающим человеком беззастенчивым, Маяковский был на самом деле раним и не очень в себе уверен. В «железном» Рахметове такой раздвоенности не было.

Возможно, говоря о роли романа «Что делать?» в их жизни, Лиля Юрьевна имела в виду удивительные отношения между мужчинами-соперниками, описанные Чернышевским, - отношения в высшей степени дружеские, деликатные и даже трогательные, хотя автор и пытается объяснить их сухой теорией разумного эгоизма.

По рассказам Лили Брик, отношения Маяковского и Брика были того же рода. Брик, первым открывший поэта Маяковского, спонсировавший издание «Облака в штанах», благодаря новому знакомству перестроивший свою жизнь и начавший заниматься теорией стиха, поэта обожал. Выписываю важное место из записок Лили Брик под заглавием «Как было дело»: «Мы с Осей больше никогда не были близки физически (с 1915 года, - ИЧ), так что все сплетни о «треугольнике», «любви втроем» и т.п. – совершенно не похоже на то, что было. Я любила, люблю и буду любить Осю больше, чем брата, больше, чем мужа, больше, чем сына. Про такую любовь я не читала ни в каких стихах ни в какой литературе... Эта любовь не мешала моей любви к Володе. Наоборот: возможно, что если б не Ося, я любила бы Володю не так сильно. Я не могла не любить Володю, если его так любил Ося. Ося говорил, что для него Володя, не человек, а событие. Володя во многом перестроил Осино мышление, взял его с собой в жизненный путь, и я не знаю более верных друг другу, более любящих друзей и товарищей»²³.

Если проанализировать этот отрывок, получится, что Лиля любила Маяковского через посредство Осипа, то есть какой-то «отраженной», головной любовью. Мужчиной ее жизни оставался тот, кому она девочкой призналась: «А я вас люблю, Ося». И второе: лично у

²² По словам ЛБ, роман «Что делать?» был последней книгой, которую Маяковский читал перед смертью (См. Лиля Брик. Пристрастные рассказы, стр. 120).

²³ Бенгт Янгфельдт. К истории отношений В. В. Маяковского и Л.Ю. Брик. В кн. В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик: Переписка 1915-1930, стр. 22.

меня вызывает сомнение безоговорочность дружеских чувств Маяковского к Осипу Брику. Поэт был ревнив и, конечно, знал о месте Осипа в сердце Лили. И наконец, третье. Лиля пишет: «Все мы решили никогда не расставаться и прожили жизнь близкими друзьями»²⁴. И здесь снова возникают у меня сомнения: кто решил? Ощущение, что решили она и Осип, а вернее, решила она сама, а Маяковский и Брик просто подчинились. По восточной поговорке: «Мужчина голова, женщина шея. Куда повернется шея, туда повернет и голова».

Во времена Чернышевского трое сотрудников журнала «Современник» устроили свою жизнь по схожей модели. Жена писателя и издателя журнала Ивана Панаева, Авдотья Яковлевна Панаева, стала подругой поэта и соиздателя «Современника» Николая Некрасова. Жили они в одном помещении с редакцией, в разных половинах. Панаева с мужем не разъезжалась, носила его фамилию, Иван Иванович Панаев вел жизнь вполне свободную и до и после того, как Авдотья Яковлевна связала себя с Некрасовым. После смерти Панаева в 1862 году Некрасов на Панаевой не женился, что, по-видимому, было для нее серьезным ударом. Вместе с тем, кажется, что именно Иван Панаев был ее подлинной любовью. Как видим, кое-что совпадает с ситуацией «Брики-Маяковский». Женщина в обоих случаях уходит к поэту, безумно в нее влюбленному, только начинающему свой путь. Она становится его музой и помощницей (занимается совместной работой: Панаева пишет с Некрасовым повести для Журнала, Лиля Брик работает с Маяковским в Окнах РОСТА), устраивает быт. При этом мужу отводится роль друга и сотрудника.

После двухмесячного добровольного «сидения», в ходе которого создавалась поэма «Про это», измученный Маяковский и взволнованная Лиля встретились на Октябрьском вокзале, будущем Ленинградском, и отправились почти в «свадебное путешествие» в Петроград. Любимая была снова рядом. А это было главным условием его счастья, даже нет – его пребывания на земле. В конце своего дневника, написанного в его московской «Редингской тюрьме» он писал: «Какая жизнь у нас может быть, на какую я в результате согласен? Всякая. На всякую. Я ужасно по тебе соскучился и ужасно хочу тебя видеть»...²⁵

Он был согласен на *всякую* жизнь – только чтобы она была с ним.

Навек любовью ранен

В исследованиях Бенгта Янгфельдта говорится о кризисе, потрясшем союз Маяковского и Лили Брик в 1922-1924 годах. Но прежде чем коснуться этого вопроса, напомним читателю неординарную историю знакомства этих двух людей. Ведь Маяковский ухаживал за Эльзой, младшей из сестер Каган, а вовсе не за замужней Лилей. Эльза привела его в дом Бриков в Петербурге, и там он впервые прочел перед аудиторией «Облако в штанах». Можно представить себе удивление и негодование Эльзы, когда после чтения, сидя с ней рядом, он неожиданно

²⁴ Лиля Брик. Пристрастные рассказы. стр. 168.

²⁵ В.В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка, стр. 115

спросил у Лили: «Можно посвятить поэму вам?» и вывел под заглавием «Лиле Юрьевне Брик». Было это посвящение первым в череде посвященных ей стихов и поэм (даже собрание сочинений Маяковский посвятил Лиле!). Что до Эльзы... то этот феномен истории известен. Шекспировский Ромео до того, как встретил Джульетту, был без ума от некоей Розалины.

Маяковский сделал свой выбор, и его не смутило, что у Лили был любимый муж, что она на два года старше – разве обращает внимание ураган на сметаемые им деревья? У Стефана Цвейга это называлось «амок». Часто слышу рассуждения, что Лиля не была красавицей и что Эльза была намного красивее. По мне, Лиля красавицей была – стоит только посмотреть на ее фотографии, сделанные Родченко. Отмечаются дефекты ее фигуры – слишком тонкие ноги, круглая спина – да значат ли они что-нибудь? Красавица, по слову Пушкина, – та, от которой «не можно глаз отвести». Так вот, на Лилю хочется смотреть, у нее подвижное живое лицо, блестящие глаза. А вот Эльзе не хватало той изюминки, той живости и того огня, которые были дарованы ее сестре. Опять добавлю о недавно увиденном фильме «Маяковский. Два дня».

В нем Лиля в исполнении Дарьи Досталь вовсе не рыжеволоса, лишена обаяния и живости. Однако актриса точнохватила такие черты героини, как сила, властность, способную управлять людьми и ситуацией. И как результат – образ получился, хотя и с некоторыми потерями.

Знавшая Лилю уже в старости переводчица-итальянистка Юлия Добровольская говорила мне, что, не потеряв в поздние годы своего магнетического обаяния, красоту Лиля Юрьевна потеряла. Ее красота заключалась в красках – ярко рыжих волосах, очень белой коже, темно-карих лучистых глазах. В старости она стала чрезмерно краситься, что ее уродовало, делало похожей на «петрушку» (фотографии это отражают). Добровольская передавала мне рассказ косметички, знавшей ЛБ в возрасте 40-50-и лет: «У нее кожа светилась, словно внутри была зажжена лампочка».

Маяковский взял Лилю приступом, осадой, отвоевал ее у Осипа Брика, и пусть не сразу, сделал своей. По признанию Лили, был он не вполне в ее вкусе – слишком громок, слишком отличался от тихого Осипа. И в общем ей было с ним тяжело. А в какой-то момент – невольно.

Они по-разному понимали любовь. Маяковский хотел, чтобы любимая принадлежала только ему, ему одному. Лиля же хотела быть свободной.

А я и не знаю, где ты и с кем

В книге Янгфельдта практически впервые в маяковсковедении уделено подбающее место человеку, связь с которым стала для Лили Брик одним из побудительных мотивов к разрыву с Маяковским. Это имя уже упоминалось – Александр Краснощеков, в прошлом – уроженец местечка Чернобыль Абрам Краснощек. Сын портного, еще до революции вырвавшийся из местечка и получивший университетское образование в

США, в 1920 годы, после того как был отозван с Дальнего Востока, он занимал пост директора Промбанка.

Вот как о нем пишет Янгфельдт: «...в Пушкине... Краснощекков снимал дачу недалеко от Маяковского и Бриков. Ему было сорок два, он был высок, широкоплеч, обаятелен, начитан и образован, его окружал ореол приключений и героизма»²⁶.

Семейная жизнь Краснощеккова именно в это время - случайно ли? - дала сбой – его жена уехала с младшим сыном в Америку. Можно предположить, что раздражение Лили против Маяковского, ее усталость от него имели подоплекой события и эмоции, связанные с Краснощекковым. В 1923 году он был обвинен в хищениях и осужден на шесть лет тюрьмы, которые отбывал в одиночной камере Лефортова. Лилиа его навещала, привозила все необходимое, взяла к себе его 14-летнюю дочь Луэллу. В тюрьме Краснощекков, у которого были больные легкие, серьезно заболел и был переведен в правительственную больницу. А потом, в январе 1925 года, был неожиданно помилован. Все это время Лилиа была близка к самоубийству, болела.

В книге Янгфельдта приводится потрясшая меня записка, написанная Лилей Брик весной 1924 года и обращенная к Маяковскому: «Ты обещал мне: когда скажу, спорить не будешь. Я тебя больше не люблю. Мне кажется, что и ты любишь меня много меньше и очень мучиться не будешь».²⁷

Можно представить, как подействовали на Маяковского эти слова, жесткие, без всяких эвфемизмов - «Я тебя больше не люблю». Не люблю, - сказала ему та, которой он писал во время их двухмесячной разлуки: «Без тебя (не без тебя «в отъезде», внутренне без тебя) я прекращаюсь»²⁸.

Внешне жизнь течет в прежних рамках, его союз с семьей Бриков продолжается, но изменилось главное. Лилиа перестала быть женщиной Маяковского. Печальным образом сбылось то, что он предвидел: «... если я кончаюсь, то я вынимаюсь, как камень из речки, а твоя любовь опять всплывает над всем остальным. Плохо это? Нет, тебе это хорошо, я б хотел так любить...».²⁹

Так любить – у него - не получается. Он пытается себя смирить, не ревновать, найти ей замену. Наташа Брюханенко, Татьяна Яковлева, Нора Полонская. Не получается. Он, как тот азр из гейневского романа с его самохарактеристикой «Я из рода древних азров, /Полюбив, мы умираем». Тут у них с Лилей явное несовпадение. Роковое несходство. И это несовпадение, это несходство, как кажется, приводят к крушению его любовной лодки.

Уйдя от Маяковского «в свободное плаванье», Лилиа однако не теряет его из виду, держит на коротком поводке. Он может влюбляться, проводить время с другими женщинами, но возвращаться должен к ней и

²⁶ Бенгт Янгфельдт. Ставка – жизнь, стр. 292-293.

²⁷ Там же, стр.316.

²⁸ В.В. Маяковский и Л. Ю. Брик. Переписка 1915-1930, стр. 113.

²⁹ Там же, стр. 114.

стихи посвящать – только ей. Те два стихотворения, что посвящены парижанке Татьяне Яковлевой, должны были вызвать у Лили, человека страстного, прилив сильных и не очень контролируемых эмоций. В Лиле Брик было много от мадам Виардо, музы Ивана Тургенева. Полина не хотела, чтобы Тургенев женился, с беспокойством осведомлялась у него об «украинке» (Марко Вовчок), об актрисе Марии Савиной, гостившей у него в усадьбе, - обе казались ей претендентками на роль жены немолодого уже писателя. Лиля Брик просила Маяковского, чтобы он не женился на Наталье Брюханенко, хотя этот брак, как всем казалось, был уже сложен³⁰. Впрочем, сам Маяковский никуда не мог уйти от Лили, все его возлюбленные вспоминают, что его постоянный разговор - был о ней.

Лилина любовь от него ушла – и его лодка начала тонуть.

Перечитала сейчас предсмертную записку Маяковского – и нашла в ней последний крик утопающего. Вот он: «Лилия - люби меня».

³⁰ В фильме о Маяковском есть сцена, где Лиля «нарочно» читает вслух в присутствии Маяковского письмо от Эльзы, где рассказывается о свадьбе Татьяны Яковлевой. Мне представляется, что такой ход сценаристов (Н. Павловская и А. Инин) вытекает из логики характера и вполне оправдан.

Яков Корман

Галич и Высоцкий¹

1

Александр Галич и Владимир Высоцкий – две наиболее яркие фигуры в советской авторской песне, и неудивительно, что до сих пор они вызывают неутихающие споры.

Галич был фактически единственным писателем, который длительное время находился на вершине советской писательской номенклатуры, но нашел в себе мужество отказаться от благополучной жизни и «выбрать свободу». Какое-то время он был защищен своими регалиями и высоким общественным положением, но когда последовали реальные угрозы и репрессии, не сломался, а пошел до конца и жестоко поплатился за свой выбор.

Высоцкому же отказываться было не от чего: он с самого начала не был защищен ни регалиями, ни высоким общественным статусом – в этом отношении он находился в более тяжелом положении по сравнению с Галичем, по крайней мере до середины 1970-х, когда все же сумел добиться для себя полуофициального признания и возможности относительно свободно выезжать за границу.

Свои острейшие «уличные» песни Высоцкий начал писать, будучи еще безвестным актером, перебивавшимся эпизодическими

¹ Впервые этот материал под названием «Личные взаимоотношения Высоцкого и Галича» был опубликован в моей книге: *Корман Я.И. Высоцкий и Галич*. М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2007. С. 54 – 69. Далее, в значительно дополненном и переработанном виде, он вошел в мою новую книгу «Александр Галич. Полная биография», вышедшую в 2012 году в издательстве «Новое литературное обозрение» под псевдонимом «Михаил Аронов» (С. 337–360). В 2012 году материал, вновь дополненный, был опубликован в двух выпусках альманаха «В поисках Высоцкого» (глав. ред. – В. Перевозчиков). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2012. № 5 (август). С. 68 – 80; № 6 (ноябрь). С. 18 – 32. И, наконец, последняя, также дополненная, редакция этой главы вошла в сборник: *Кормановские чтения: статьи и материалы Межвузовской конференции* (Ижевск, апрель 2013), посвященной профессору Б.О. Корману / Ред.-сост. Д.И. Черашняя. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. Вып. 12. С. 343 – 371. Эту последнюю редакцию я и предлагаю вниманию читателей Интернет-журнала «7 искусств».

ролями в слабых фильмах, и за эти песни сразу же «заработал» себе негативную репутацию у властей. Тогда же на него обрушились самые настоящие гонения. Приведем фрагмент из интервью 1991 года Ольги Леонидовой, жены троюродного дяди Высоцкого Павла Леонидова: «У Володи было трудное время, когда КГБ ходил за ним буквально по пятам. И он часто скрывался в нашем доме. Однажды прибежал Паша: “Уничтожай пленки! За Володей охотятся!”. И все записи, все песни пришлось уничтожить. Бобины были большие, они были раскручены, и мы мотали, мотали тогда с этих бобин... Ведь вся черновая работа над песнями шла в нашем доме. Приезжал Володя в 2-3 часа ночи в очень тяжелом душевном состоянии, потому что он метался. А он же был искренний, и всё это выливалось в песни. А песня – это была импровизация: садился за гитару и начинал играть. Они писали на стационарном “Днепре”, потом прослушивали и что-то исправляли. А дети были маленькие, и я всё время ругалась: “Володя, тише! Я тебя выгоню! Я не могу это терпеть: нас арестуют вместе с вами!”. В течение года было такое тяжелое состояние. Самый тяжелый период его гонений. Это было до 1964 года, до работы в Таганке. В 12-1 час ночи мы закрывались на кухне, и тут он всё высказывал нам... То, что сейчас говорят об этой партии, они говорили тогда, 30 лет тому назад. Я узнала о Ленине от них – Паша глубоко знал всё это... Приезжал Володя, подвыпивши. Никогда не ел почему-то. Выпивал. Брал гитару, и пошло... Они пели про всё, и про Советскую власть. Они от этого умирали, наслаждались, а я боялась, что кто-то услышит, дрожала»².

Однако с началом работы Высоцкого в Театре на Таганке репрессии не прекратились, а, наоборот, продолжились с удвоенной силой: «Высоцкий потом рассказывал мне, – вспоминает Мария Розанова, – что его вызывали на Лубянку, грозили, что если он “не заткнется”, ему придется плохо. Ему было тяжело, очень тяжело в то время. Но держался он удивительно достойно»³.

В это время как раз арестовали Андрея Синявского, мужа Розановой и учителя Высоцкого, а вскоре изъяли у них дома записи Высоцкого, где среди прочего был и антисоветский «Рассказ о двух крокодилах»⁴. После этого друзья Высоцкого были уверены, что следующая очередь – его: «Мы же были убежденные антикоммунисты, убежденные антисоветчики, – говорит Геннадий Ялович, – но ни Володя,

² Интервью Ларисе Симаковой (расшифровка из архива А.А. Красноперова, г. Ижевск).

³ *Перевозчиков В.* Владимир Высоцкий: Правда смертного часа. Посмертная судьба. М.: Политбюро, 2000. С. 326.

⁴ Как сказано в протоколе обыска от 23 декабря 1965 года: «Пленки на кассетах № 1, 4-9, 12 и 13 содержат записи песен и рассказов на воровском жаргоне с употреблением нецензурных выражений, а на пленке 6-й кассеты среди подобных песен записан пасквильный рассказ, порочащий имя В.И. Ленина и Н.К. Крупской» (Арест. Это было у Никитских ворот... // Андрей Синявский. Хранить вечно [Специальное приложение к «Независимой газете»]. 1998. 6 февр. № 1. С. 4).

ни Сева [Абдулов] туда не пошли! А пошел Андрей Донатович Синявский. Да и он тоже пошел через творчество. Посадить-то могли и любого из нас! Завтра же! Когда посадили Синявского, мы думали, что Володе кранты! Всё – вместе с Синявским погорел и Володя. Я не помню, как эта ситуация разыгрывалась, но помню, было ощущение, что надо Вовку спасти»⁵.

29 ноября 1967 года Высоцкий давал концерт в Куйбышеве. Многие зрители, присутствовавшие на нем, знали ранние песни Высоцкого и поэтому все время кричали: «Нинку!» «Гатуировку!» «Ленинградскую блокаду!» «Зэка Васильев!» и т.д. Попутно они бомбардировали его записками с просьбой спеть эти песни. Реакцию Высоцкого запечатлел самарский коллекционер Геннадий Внуков: «В какой-то момент Володя остановился, глотнул воды, подобрал записки, прочитал их и сказал: “Я уже говорил, что эти песни не мои, их мне приписывают. Эти песни я никогда не пел... да если бы и пел, никогда не стал бы петь здесь – вот из-за этих трех рядов...” – показал рукой на первые три ряда кресел в зале.

Потом я его спросил: “Володя, а почему именно из-за “этих трех рядов” ты не стал петь?” Он посмотрел мне в глаза и ответил: “Да потому что там сидит одно начальство, одни коммунисты. Наверняка есть и чекисты из КГБ. А от них я уже натерпелся. Но то, что это я пою, что мои пленки ходят по России, – этого не докажешь. Голос на пленке – не улика. Пусть они нам лапшу на уши не вешают <...> Посмотри уголовный кодекс. Там прямо сказано, что магнитофонная запись не является доказательством”»⁶.

Осенью следующего года они встретились вновь, на этот раз у Театра на Таганке, и между ними произошел такой диалог:

– Случилось что-нибудь?

– Опять, суки, звонили. Пытали, да мозги пудрили, – отвечает зло.

– Звонили? А кто? – интересуюсь я.

– С одной из четырех площадей, из Портретбюро! <...> Сметут когда-нибудь и меня, как всех сметут. Вот и получается – от ЦК до ЧК – один шаг! Один лишь шаг... через площадь!»⁷

Режиссер Александр Стефанович, в 1987 году снявший фильм «Два часа с бардами», рассказывал о том, как в конце 60-х КГБ сорвал его первую картину, в которой должны были играть Высоцкий и Влади: «В самой первой, под названием “Вид на жительство”, должны были сниматься Володя Высоцкий и Марина Влади, но в один черный день меня вызвали в КГБ, где два полковника спросили: “Как вам пришло это в

⁵ Ялович Г. По окончании студии нам всем повезло больше, чем Володе // Белорусские страницы-34. Владимир Высоцкий. Из архива И.Рогового / Сост. В.Шакало. Минск, 2005. С. 18 – 19.

⁶ Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы. Год 1967-й / Сост. Б.Акимов, О.Герентьев // Студенческий меридиан. 1990. № 12. С. 67 – 68.

⁷ Внуков Г. От ЦК до ЧК – один шаг! (история одной встречи) // Третья сила. Самара. 1991. № 2 (нояб.). С. 6.

голову?». – “Что?” – переспросил я. “Пригласить на главную роль этого антисоветчика”. – “А что такого? – начал я косить под наивного. – Он снимается в Одессе у моего друга Говорухина”. Разговор стал жестким. “Это вам не Одесса: ‘Мосфильм’ – эталонная студия страны. Если хотите дальше работать в кино, и конкретно на ‘Мосфильме’, забудьте эти фамилии, а о нашем разговоре – никому”»⁸.

Из свидетельства одного из организаторов несостоявшегося концерта Высоцкого в Ленинграде 27 июня 1972 года, бывшего председателя культурно-массовой комиссии при профкоме Агрофизического института Сергея Милещенко становится ясно, что эти репрессии были санкционированы на самом верху: «...мы с шофером Валентином Муравским собирались уже ехать за Высоцким в “Асторию”, тут появился порученец из Выборгского райкома партии. Вы, говорит, понимаете, что сам факт выступления Высоцкого – антисоветский акт, что вы льете воду на мельницу сионистской разведки, что Высоцкий сам агент сионистской разведки и руководитель антисоветского подполья?! Имейте в виду, сказал райкомовский товарищ, что на очень высоком уровне уже принято решение гнать из нашего общества всех, кто когда-либо поддерживал с Высоцким какие-либо отношения!»⁹

Здесь необходимо затронуть такой аспект, как феномен воздействия песен Высоцкого и Галича на власть имущих. Можно согласиться с Юлием Кимом, который сказал об этом: «Режим не мог его [Галича] терпеть, конечно, потому что он пел о советском режиме, хотя, главным образом, о сталинском, но, тем не менее, обкомы, горкомы – всё это перетекало, и КГБ было прежнее, и потому все эти обкомы, горкомы и КГБ, конечно, выносить этого не могли. Должен вам сказать, что когда Высоцкий поет: “Сколь веревочка ни вейся, а совьешься ты в петлю...”, это всё про то же КГБ, безусловно, но когда это КГБ называется, тогда уже всё, тогда уже КГБ вздрагивает и начинает нервничать»¹⁰.

Именно поэтому от Галича, в конечном счете, было решено избавиться, а Высоцкого власти продолжали терпеть, скрепя зубы, хотя и не упускали случая вставить палки в колеса. Более того, во второй половине 1970-х на Высоцкого было заведено несколько уголовных дел в связи с нелегальными концертами. Но не только эти дела висели на

⁸ Интервью А. Стефановича киевскому еженедельнику «Бульвар Гордона». 2010. 13 апр. (№ 15).

⁹ Шмелев К. Высоцкого могли посадить лет на пять. Но почему-то не посадили // Секрет [СПб.]. 2001. 29 июля – 4 авг. (№ 378). С. 105.

¹⁰ Юлий Ким о Владимире Высоцком и Александре Галиче / Интервью, подг. текста и примеч. А. Красноперова // Кормановские чтения: Материалы межвуз. конф., посвящ. 75-летию проф. Б.О. Кормана / Сост. Д.И. Черашняя и В.И. Чулков. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1998. Вып. 3. С. 308 – 309. См. также это интервью (без примечаний): Юлий Ким о Владимире Высоцком и Александре Галиче: Юлий Ким – Алексей Красноперов, 13 декабря 1994 года (*Стенограмма*) // *Красноперов А.А. Воздух судьбы: Мои встречи с бардами* / Ред.-сост. Л. Роднов. М.: Nonпаралель, 2011. С. 99.

Высоцком. Еще в июне 1966 г., когда он заключал с рижской киностудией договор на песни к фильму «Последний жулик», его арестовал КГБ. «Ведь он же был очень опасным для государства, – вспоминает Михаил Шемякин. – Недаром же ему и шили дело, и сидел он на Лубянке, и, как он мне говорил, что если бы вот кто-то его не спас в тот момент, в одну из ночей, он уже накануне, когда его должны были освободить, хотел повеситься. Он раздобыл, выклянчил ремень и хотел повеситься, потому что ему шили совершенно страшное дело – изнасилование и убийство девочки в Риге. То есть дел шили много ему. Потом извинялись, потом выпускали, но, в общем-то, он был опасен для них, страшен»¹¹.

Вместе с тем, получив в 1973 г. возможность выезжать за границу, Высоцкий вынужден был платить за это лояльностью по отношению к властям – в частности, отчитываться о своих поездках перед высокопоставленными чинами из КГБ, что стало известно из интервью сотрудника Одесской киностудии Владимира Мальцева (разговорный стиль оригинала сохранен): «Поехал за границу. Вот он мне сам рассказывал: “Приезжаю и сразу еду туда, к своим, как говорится, хорошим знакомым, друзьям. Полковники, генералы КГБ. Сажусь. Включают несколько магнитофонов, и начинаю рассказывать: что делал, где был, ходил, с кем встречался. Там с Шемякиным, а там с тем, а там с этим”. – “Много рассказывал?”. – “Да. Много. Потому что если б я им не рассказал, они все равно знают, они за мной следили. Поэтому рассказал им процентов девяносто. А те вещи, которые они никак не могли знать, я, конечно, им не рассказывал – что обязательно встречался, там приехал Солженицын... Поэтому после всего, когда все им для отчета сам рассказал: «Ну все, ребята. Коньячок на стол. Гитарку». И давай. “Володя, давай эту, давай ту! Самые антисоветские!” Он мне говорил лично...»¹².

2

Несомненный интерес представляет анализ личных взаимоотношений двух поэтов. В большинстве воспоминаний говорится о более чем положительном отношении Галича к Высоцкому, но вместе с тем – о сложном отношении Высоцкого к Галичу, где уважение и восхищение переплетались с ярко выраженной неприязнью. Вот красноречивое свидетельство коллекционера Михаила Крыжановского о том, как в мае 1968 года он записывал Высоцкого (коллекционеры датируют эту запись 9 июня – в ней содержится восемнадцать песен, причем пять из них принадлежат другим авторам): «Тут же я повез запись Галичу, который на тот момент находился в Ленинграде. Он прослушал и прямо-таки заболел: “Ну вот, надо же так!..”.

Галич очень любил песни Высоцкого. Прямо балдел – и всё просил послушать новые песни. Как бы это странно не выглядело. Но настолько же Высоцкий не любил Галича. Помню ряд его высказываний.

¹¹ Телепередача «Временно доступен. Михаил Шемякин» (ТВ-Центр, 23.11.2009).

¹² Белорусские страницы-12. Владимир Высоцкий в воспоминаниях современников / Сост. А.Линкевич. Минск: ООО «Ковчег», 2004. С. 92.

Галич мне многократно: “Володичка, Володичка...”. И потом, бывало, несколько раз по телефону: “Да, Мишенька, Володька-то застрелился!” Сколько раз у него было – то повесился, то застрелился»¹³.

Сюда примыкает свидетельство Михаила Шемякина, относящееся ко второй половине 1970-х: «Володя не очень любил Галича, надо прямо сказать. Он считал Галича слишком много получившим и слишком много требовавшим от жизни. А я дружил с Сашей, очень дружил»¹⁴. Таким образом, негативные отзывы Высоцкого о Галиче относятся не к его творчеству, а к его судьбе «благополучного советского холуя», как впоследствии называл себя сам Галич.

Двойственность отношения Высоцкого к Галичу прослеживается во многих воспоминаниях. Например, по словам Ивана Дыховичного, Высоцкий «очень осторожно относился к Галичу. И вообще был ревнив по отношению к кому-то другому с гитарой в руках»¹⁵, а вот, к примеру, режиссер Одесской киностудии Валентин Козачков, часто общавшийся с Высоцким начиная с 1967 года, наоборот, вспоминает, что тот очень уважительно относился к Галичу. Сохранился его рассказ о совместном выступлении двух бардов в одесском порту: «Во времена выступления на причале в первый раз не было записи. А во второй раз, когда были Галич и Володя, кто-то записывал. В тот раз Петя Тодоровский созвал столько народу! Договаривался-то насчет причала я по просьбе Тодоровского. Там мои товарищи работали старостами причала.

Галич тогда Говорухину песни писал к “Робинзону Крузо”. На титрах фильма “Робинзон Крузо” – Песни Александра Галича. Говорухин специально его вызвал, чтобы тот написал песню, зная, что у Галича очень тяжелое материальное положение. За песню тогда платили 150 рублей.

Высоцкий тоже оказался в Одессе – уж по каким делам, не помню. Он часто у нас бывал.

Галич с Высоцким были уже знакомы. Володя очень уважал Галича, он его называл “Александр Аркадьевич”. В разговорах – либо “Галич”, либо “Александр Аркадьевич”. Высоцкий очень хорошо о Галиче отзывался. Пел и его песни. Помню, была “Ах, осыпались с ветки елочки...” [так! – Я.К.] – на смерть Пастернака. Еще то ли “Парамонову”, то ли “Отвези меня шеф в Останкино”¹⁶. “Про физика” – что-то не

¹³ Крыжановский М. О ленинградских, и не только, записях Высоцкого // Владимир Высоцкий. Белорусские страницы-8 / Сост. В.Шакало, Ю.Сидорович. Минск, 2002. С. 75.

¹⁴ Перевозчиков В. Владимир Высоцкий: Правда смертного часа. Посмертная судьба. М. Политбюро, 2000. С. 315 – 316.

¹⁵ Рубинштейн И. Французский сон. Интервью Ивана Дыховичного. Часть 1 // http://www.liveinternet.ru/community/vladimir_vysotsky/post72091291/

¹⁶ Об исполнении Высоцким этой песни есть и прямое свидетельство: «...высоцковед из Латвии В.Бакин писал мне, что он слышал песню Галича “Тонечка” в исполнении Высоцкого, но запись не сохранилась» (Цыбульский М. Жизнь и путешествия В.Высоцкого. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 20).

припоминаю, чтобы пел. Может – да, может – нет, потому что были очень сильные возлияния. Водка литрами лилась, уже не говоря про вино.

Галич Высоцкого хвалил, и Окуджаву вспоминал. Но он был грустный-грустный. Видимо, что-то предчувствовал и почти что не пил ничего. Хотя он был любитель, большой любитель, Александр Аркадьевич»¹⁷.

Фильм «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» был выпущен Одесской киностудией в 1972 году. Правда, Галич в титрах не упомянут, да и в самом фильме никаких песен нет. Может быть, Козачков видел титры еще до того, как фильм был утвержден цензурой, а после утверждения песни Галича, уже исключенного к тому времени из Союза писателей, и его фамилия были вырезаны? Такая версия представляется наиболее вероятной, однако в деле этого фильма, хранящемся в РГАЛИ¹⁸ и охватывающем период с 18 января 1971 года по 10 ноября 1972-го, никаких упоминаний Галича нет.

Но продолжим разговор о взаимоотношениях двух поэтов.

По словам В. Козачкова, было одно их совместное выступление в кругу кинематографистов¹⁹. Еще одно подобное (или то же самое?) выступление упомянул Иван Дыховичный: «...был один концерт, на котором они выступали вместе. Это было в каком-то институте, и за этот концерт вызывали и того, и другого. Галичу сказали, чтобы он не дергался, что если еще хоть один раз... А Володю просто пожурили, но он держался твердо»²⁰.

Отношение Галича к Высоцкому всегда было достаточно ровным. По словам фотографа Леонида Лубяницкого, «Галич был один из самых порядочных людей, с которыми я когда-либо встречался. Он ни о ком не говорил плохо, а Володе всегда симпатизировал»²¹.

Как на практике Галич симпатизировал Высоцкому, видно из свидетельства Валерия Лебедева, в котором речь идет о начале 1970-х гг: «Еще в начале знакомства спрашивал его о Высоцком. Оценил высоко. Даже в незамысловатых (как бы) стихах сразу выделил строчку: “Ведь массовик наш Колька дал мне маску алкоголика”.

– Это, – сказал Александр Аркадьевич, – очень хорошо. И это – тоже: “Хвост огромный в кабинет / из людей, пожалуй, ста, / Мишке там

¹⁷ Козачков В. Одесса помнит Владимира Высоцкого // Белорусские страницы-54. Владимир Высоцкий. Из архива Льва Черняка. Минск, 2008. С. 19 – 20.

¹⁸ Ф. 2944. Оп. 4. Ед. хр. 2209.

¹⁹ По следам одной полемики [Галич и Высоцкий] // Мир Высоцкого. Вып. 2. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1998. С. 435.

²⁰ Живая жизнь: Штрихи к биографии Владимира Высоцкого / Интервью и сост. В.Перевозчикова. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 217.

²¹ Цыбульский М. Время Владимира Высоцкого. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. С. 231.

сказали – нет, / Ну а мне – пожалуйста”. Пожалуй, ста и пожалуйста – это просто здорово»²².

Вслед за Михаилом Крыжановским о влюбленности Галича в песни Высоцкого говорит и Станислав Рассадин: «Галич щедро расхваливал мне помянутого Кукина, влюблял, по правде сказать, не совсем преуспев в этом, в Высоцкого»²³.

Также и Михаил Львовский, рассказывая в одном из интервью об исполнении Галичем блатных песен («городского романса»), привел такую деталь: «Галич был их образованным и тонким знатоком. Он, к примеру, подхватил одну из самых ранних песен Высоцкого “Их было восемь”: “В тот вечер я не пил, не пел, я на нее всю глядел...”»²⁴. Что значит «подхватил»? Вероятно, надо понимать так, что эта песня ему нравилась, и он любил ее напевать. (Кстати говоря, у обоих поэтов были двоюродные братья, отсидевшие в лагерях: у Галича – Виктор, у Высоцкого – Николай. И это, несомненно, послужило, одним из источников появления в их творчестве лагерной и «блатной» тематики).

Галич действительно высоко ценил песни Высоцкого, и поэтому нас не должно удивлять признание Михаила Шемякина о том, что «Охоту на волков» он впервые услышал... на дому у Галича, когда они оба уже были в эмиграции: «Я услышал ее у Галича и был потрясен. В песне не было ни одной фальшивой ноты, в ней было всё – ритм, цвет, композиция, гармония. Речь шла об облаве на наше поколение бунтарей, инакомыслящих. Гениальная вещь!»²⁵

Так что во многом благодаря Галичу мы теперь имеем высококачественные «шемякинские» записи Высоцкого: во время очередного приезда Высоцкого в Париж они познакомились, и в течение пяти лет Шемякин записывал его в своей студии на лучшей в то время музыкальной аппаратуре. Об этих записях, конечно же, вскоре узнал и Галич, что следует из признания Шемякина, прозвучавшего во второй серии 4-серийного документального фильма Алексея Лушников «Высоцкий» (2001): «Я очень любил Галича. Мы с ним дружили, и он очень хотел, чтобы я тоже сделал его пластинку, но, к сожалению, нелепая смерть оборвала его жизнь». Между тем шестью годами ранее Шемякин вспоминал об этом совсем иначе: «С Галичем мы не раз встречались в Париже, ему я помог выпустить один или два диска – и здесь я тоже выступал в качестве звукооператора. Я считаю, что добился определенных успехов, заслужив даже похвалу такого

²² *Лебедев В.* Вы слышите благовест, Александр Аркадьевич? // Вестник. Балтимор. 1998. 27 окт. (№ 22). С. 60.

²³ *Рассадин С.* Поющий шестидесятник // Новая газета. 2003. 3 июля.

²⁴ *Петров А.* Когда он вернулся. 19 октября исполнилось бы 85 лет Александру Галичу / Беседа с Михаилом Львовским // Вечерняя Москва. 2003. 19 окт.

²⁵ *Кваскова Е.* Жить назло всем. Заповеди Михаила Шемякина // Русский курьер. 2007. 20 авг. (№ 28).

суперпрофессионала-звукооператора, как Михаил Либерман» 26 .
Интересно: о каких дисках идет речь?

Находясь за границей, Высоцкий, естественно, не мог публично высказываться о «злостном невозвращенце» Галиче: если бы он это сделал, то не исключено, что путь обратно в СССР был бы ему закрыт – власти уже давно намекали Высоцкому, что не будут возражать, если он останется на Западе, и искали повод избавиться от него (однажды чиновник из ОВИРа прямо ему заявил: «Вы так часто ездите – может быть, вам проще там остаться?»²⁷). Поэтому, как вспоминает переводчик Давид Карапетян: «Интервью на политические темы Высоцкий за границей избегал. Особенно интересовало журналистов его мнение о Галиче. Володя убедительно просил их не задавать о нем вопросов. Имея на руках советский паспорт, он обязан был вести себя лояльно: “Хвалить Галича в моем положении значило лезть в политику, критиковать же изгнанника я не хотел и не мог”. И с легкой иронией добавил:

– Сейчас Галич меня всячески расхваливает, всем рекомендует слушать»²⁸.

Последняя фраза Высоцкого говорит о том, что во время поездки за рубеж он встречался с Галичем. Такую же информацию приводит сотрудник радиостанций «Немецкая волна», «Би-Би-Си» и «Свобода» Артур Вернер. По его словам, Высоцкий «нередко бывал в Париже и всегда приходил к Галичу, называя его своим учителем»²⁹. А Михаил Львовский вспоминает, что «в одну из моих первых встреч с Высоцким он сказал, что считает Галича своим учителем. Да это было и без его признания видно»³⁰ . Кстати, молва приписывает Высоцкому и следующее изречение: «Мы все вышли из Галича, как из гоголевской “Шинели”»³¹.

Давиду Карапетяну во второй половине 1960-х Высоцкий также говорил о Галиче как о своем учителе: «Да, он мне помог всю поэтическую форму поставить»³². А 27 июня 1974 г., через два дня после вынужденной эмиграции Галича, Высоцкий, находившийся вместе с Театром на Таганке на гастролях в Набережных Челнах, на вопрос корреспондента газеты «Комсомолец Татарии» (Казань) о его отношении

²⁶ *Нузов В., Шевченко Е.* «Моя идеология – работа» / Интервью с Михаилом Шемякиным // Вестник. Балтимор. 1995. 10 янв. № 1 (103). С. 38.

²⁷ *Перевозчиков В.* Владимир Высоцкий: Правда смертного часа. Посмертная судьба. М. Политбюро, 2000. С. 339.

²⁸ *Карапетян Д.* Владимир Высоцкий: Между словом и славой. 2-е изд. М.: Захаров, 2005. С. 266.

²⁹ *Вернер А.* МемуАрики // Урал. 2006. № 5. С. 194.

³⁰ *Львовский М.* Галич молодой... еще без гитары // Вечерний клуб. 1992. 5 июня

³¹ Передача Михаила Ноделя и Вячеслава Ивановского «Поэзия Александра Галича и Владимира Высоцкого» на Радио России, 04.12.1993 (расшифровка из архива А.А. Красноперова, г. Ижевск).

³² *Карапетян Д.* Указ. соч. С. 266.

к Галичу прямо сказал: «О Галиче вы теперь уже не напишете. Да, я любил многие песни Галича. Он – профессионал. Правда, один элемент у него сильный и преобладающий – сатирический. Может, поэтому музыкальный и текстовый отстают. Да меня ведь тоже ругают за однообразность песен. Но ведь они – все разные»³³. Это высказывание, разумеется, вырезали, и лишь 22 января 1989 г. оно было опубликовано той же газетой в полном тексте интервью.

Однако и Галич не остался в долгу. В ноябре 1974 г. на «Свободе» он также не слишком лицеприятно высказался о песнях Высоцкого – на сегодняшний день это едва ли не единственное его критическое высказывание о поэзии Высоцкого: «Высоцкий более жанров [чем Окуджава], но он, к сожалению, я бы сказал, более неразборчив: у него есть замечательные произведения, но рядом с ними идет поток серых и невыразительных сочинений. А потом опять вырывается какая-то поразительная, прекрасная и мудрая песня. Вот если бы я мог давать советы, то я бы ему посоветовал (смеется) строже подходить к тому, что он делает. Потому что он способен делать вещи замечательные»³⁴.

Подобным же образом Галич высказался о Высоцком и незадолго до своей эмиграции в присутствии Александра Мирзаяна: «...о Высоцком Александр Аркадьевич сказал, что Владимир Семенович свой дар не туда направляет. Что он должен быть трибуном. Что он должен идти вот по этой линии. То есть он знал, что должен делать Высоцкий, да? И он говорил даже иногда такие не сильно лицеприятные слова: “А, Володя вообще не туда пошел. Не то делает”»³⁵.

Галич хотел, чтобы все песни Высоцкого были такими же остросоциальными и мощными по своему воздействию, как «Банька побелому» и «Охота на волков», однако у Высоцкого была на этот счет другая позиция. В отличие от Галича, искупавшего свою жизнь благополучного драматурга острейшими политическими песнями, он не стремился жечь мосты, а наоборот, хотел «вписаться в поворот», добиваясь легализации своего поэтического творчества. Поэтому на публичных выступлениях «разбавлял» программу многочисленными жанровыми песнями, которые не были такими острыми, да и репертуар его заранее согласовывался с соответствующими инстанциями, а в первых рядах всегда сидели чиновники и сотрудники КГБ, бдительно следившие за ходом концерта. Но и даже в такой ситуации Высоцкий иногда позволял себе спеть одну-две песни, не предусмотренные цензорами, но вместе с тем постоянно следил, что у него не вырвалось какое-нибудь

³³ Тиунов Н. «...Я приду по ваши души» // Вагант-Москва. 1999. № 7-9. С. 85.

³⁴ Цит. по фонограмме. См. также публикацию этого фрагмента: «Верю в торжество слова» (Неопубликованное интервью Александра Галича) / Публ. А.Крылова // Мир Высоцкого. Вып. 1. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1997. С. 374.

³⁵ Фрагмент из интервью А.Мирзаяна, не вошедший в фильм «Без “Верных друзей”». Двойная жизнь Александра Галича (телеканал «Россия», 2008).

резкое слово в адрес действующего режима или власть имущих. Об этом свидетельствует Михаил Шемякин: «Он говорит: “Мишка, у каждого из нас свой обрыв. У тебя твой обрыв – это когда тебя, арестованного, вели по этому нескончаемому коридору коммунальной квартиры. А мой обрыв – это край моей сцены. Я сказал не то слово или слишком погорячился, или слишком громко крикнул то, что меня мучает, – это и будет моим концом”»³⁶.

Возможно, из-за приведенного выше высказывания Галича на радио «Свобода» Высоцкий первое время избегал встреч с ним за рубежом, о чем стало известно из рассказа артиста Театра на Таганке Дмитрия Межевича. В 1975 году он спросил Высоцкого, только что вернувшегося из Парижа, встречался ли тот с Галичем. Высоцкий ответил: «Да знаешь, нет желания»³⁷. Однако вскоре они «помирятся», и встречи будут возобновлены. А о влиянии Галича на свое раннее творчество Высоцкий скажет и в 1976 году во время беседы с запорожским фотографом Вячеславом Тарасенко, который, правда, прервет его на самом интересном месте: «А кто твои учителя по цеху?» – «К песенному творчеству, конечно, Окуджава подтолкнул. Вот сейчас я и он – по Союзу. Ну, Галич очень сильно, конечно, но...». – «А Визбор, Кукин?». – «В отношении Визбора ничего не скажу. А Кукин? Так тот хоть ни на что не претендует...»³⁸.

Бывало даже, что один из бардов играл на гитаре другого. Например, в 1975 году, когда Галич уже был в эмиграции, Высоцкий, снимавшийся в фильме «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», вместе с режиссером этого фильма Александром Миттой приехал на квартиру авторов сценария – Дунского и Фрида (они жили в том же писательском доме у метро «Аэропорт», через стенку). А когда Высоцкий захотел спеть две песни, ему принесли «личную» гитару Галича!³⁹.

По информации от петербургского журналиста Льва Годованника, такая же ситуация возникала и годом ранее: «Кстати, мне рассказывали про еще один случай, когда Высоцкий аккомпанировал себе на гитаре, которой до того пользовался Галич, – это произошло в редакции ленинградского журнал “Аврора” в октябре 1974 года»⁴⁰.

Любопытно, что не только Высоцкий играл на гитаре Галича, но и наоборот! Вот эпизод из воспоминаний художника Николая Дронникова,

³⁶ Цит. по видеозаписи интервью М. Шемякина для газеты «Комсомольская правда», 26.11.2009 («Две судьбы: Михаил Шемякин и Владимир Высоцкий» // <http://kp.ru/daily/24401.4/576805>).

³⁷ *Межевич Д.* Нас сблизил концерты / Беседовал В.Громов // Высоцкий: время, наследие, судьба. Киев, 1995. № 20. С. 3.

³⁸ «Мы с тобой еще увидимся...» / С Владимиром Высоцким беседовали Юрий Сушко и Вячеслав Тарасенко // Вагант-Москва. 1999. № 4-6. С. 55.

³⁹ Каштанов А.: «Мы не пишем в стол» // Служили два товарища: Книга о жизни кинодраматургов Дунского и Фрида / Сост. З.Осипова. М.: Зебра Е, Эксмо, 2003. С. 444.

⁴⁰ *Годованник Л.* Тайные гастроли. Ленинградская биография Владимира Высоцкого. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб., 2011. С. 86.

где речь также идет о второй половине 70-х годов, когда Галич уже был в эмиграции: «В библиотеке висит гитара, купленная на Кузнецком с однополчанином Керовым. В Москве ее подарил одной француженке.

Только добрая душа возвратила гитару в Париже, приходит Галич. Взяв пару аккордов, передал ему, сказав: “На ней играл в Москве Высоцкий”»⁴¹.

Что же касается отношения Высоцкого к эмиграции, особенно в последние годы его жизни, то на этот счет имеются разные свидетельства. По словам Михаила Шемякина, Высоцкий «понимал, что на Западе ему нечего делать. В этом он убедился прежде всего на примере Галича. И когда мы с ним обсуждали, смог ли он жить на Западе, Володя говорил: “Ну что, два-три концерта, как у Саши Галича? А потом что? Петь в кабаках?”»⁴².

Для сравнения приведем более раннее интервью Шемякина, где встречаются другие детали: «Володя знал с моих слов печальную судьбу в эмиграции Александра Галича. <...> И он мне говорил: “Мишка, ну что я могу? Я бы хотел, допустим, жить, условно скажем, на Западе и работать. Языка не знаю. Как Галич, дам два-три концерта, а потом что? Петь где-нибудь в ресторанах? Я этого не хочу”. Но когда он вернулся из Америки, она настолько его увлекла, что он стал говорить (по-моему, у меня где-то даже письмо есть): “Мишка, мы с тобой должны жить в Америке!” В Америку он просто влюбился»⁴³.

Хотя Высоцкий не участвовал ни в каких политических акциях протеста и вообще сторонился диссидентского движения, а весь свой конфликт с властями «прятал» в стихи и песни, однако к нескольким наиболее известным диссидентам (помимо Шемякина) – например, к Сахарову⁴⁴, Солженицыну⁴⁵ и Григоренко⁴⁶ – относился с большим уважением.

⁴¹ Дронников Н. Ноктюрн в прозе. Париж, 2001. С. 2.

⁴² Шемякин М.: «Пьянели и трезвели мы всегда поочередно» // Известия. 2010. 23 июля.

⁴³ Шемякин М.: «Сначала надо возрождать себя, а потом – свою страну» / Беседовал Владимир Желтов // Невское время [Спб.]. 2009. 9 апр.

⁴⁴ Бывший сталинский зэк Вадим Туманов рассказывал, что Высоцкий «восхищался академиком А.Д.Сахаровым» (Туманов В. Жизнь без вранья // Старатель: еще о Высоцком. М.: Аргус, 1994. С. 329), а через несколько дней после высылки Сахарова в январе 1980-го Высоцкий пришел Туманову «и стал уговаривать поехать вместе в Горький к Андрею Дмитриевичу... Говорил, что нужно выступить в западной прессе... “Надо показать им всем!”. Нервы у него были тогда на пределе. Хотя он, конечно, понимал, что все равно ничего не изменится...» (Перевозчиков В. Неизвестный Высоцкий. М.: Вагриус, 2005. С. 198). Однако Туманов отговорил его от этой поездки.

⁴⁵ По воспоминаниям Давида Карапетяна, вскоре после процесса Якира – Красина осенью 1973 года, «показывая мне у себя дома фотографию Солженицына в журнале “Пари матч”, Володя с расстановкой произнес: “Ну, его-то они никогда не сломают”» (Карапетян Д. Владимир

Галич же, как известно, дружил и с Сахаровым, и с Григоренко, причем последнему даже посвятил знаменитую песню.

Общность наблюдается и в реакции обоих поэтов на вторжение советских танков в Чехословакию.

Галич, узнав об этом, написал «Петербургский романс». Высоцкий же, хотя ничего такого специально не написал, однако отнесся к этому событию, как и подобает порядочному человеку. Рассказывает детский хирург Станислав Долецкий: «...летом 1968 года Мариночка [М.Влади. – Я.К.] должна была выступать в Зеленом театре парка им. Горького. А меня кто-то из них с Володей пригласил туда. Но вдруг объявили, что наши войска вступили в Чехословакию, и Марина заявила, что перед людьми государства, которое совершило такое, она выступать отказывается. Я точно помню эти слова, и горе, и огорчение: они с Володей приходили тогда ко мне. <...> Разговор я помню четко, потому что мой друг был командиром десантных войск, которые высадились в Праге, – он агрессию и осуществлял»⁴⁷.

3

Вместе с тем личное отношение Высоцкого к Галичу всегда оставалось сложным – он ревниво относился к его успеху у многих ценителей авторской песни, в том числе и потому, что при сравнении оценки часто были не в пользу Высоцкого.

В апреле 1970 года у коллекционера Валентина Савича другой коллекционер Михаил Крыжановский, специально приехавший из

Высоцкий: Воспоминания. 2-е изд. М.: Захаров, 2005. С. 288). А вот какой разговор с Высоцким состоялся в 1980 году у сценариста Игоря Шевцова: «О А.И. Солженицыне:

Несколько раз вспоминал при мне и каждый раз – с огромным уважением:

– Он один сотряс такую махину, которая казалась вечной.

– Сидит там [в Вермонте], пишет. Ростропович сказал, что он готовит сразу шесть романов. Вот врешет!

– “Архипелаг” – гениальная вещь!» (*Перевозчиков В.* Страницы будущей книги // Библиотека «Ваганта». М., 1992. № 9. С. 25; «Живая жизнь», книга 2).

⁴⁶ Тот же В. Туманов вспоминал: «Как-то приехал ночью и рассказал, что к ним в театр приходил генерал П. Григоренко и они очень долго беседовали. Володя с огромным уважением относился к этому человеку» (Старатель: еще о Высоцком. М.: Аргус, 1994. С. 329).

⁴⁷ Долецкий С.: «Он был супертворческой личностью» / Беседу вели В. Громов и Л. Симакова // Высоцкий: время, наследие, судьба. Вып. 15. Киев, 1994. С. 4. Похожую реакцию Высоцкого описал Павел Леонидов: «...совсем недавно мы вместе с ним орали на Семена, его отца, моего дядю, в день, когда советские танки подмяли Прагу. Семен, сияя глупыми синими глазами, сказал: “Верно! Надо бы еще заодно и в Румынию войти!” – и мы с Вовой заорали наперебой, а Семен сделался белый – в генеральском доме были тонкие перегородки, – и начал шептать: “Тише, ради Бога, тише!”» (*Леонидов П.* Владимир Высоцкий и другие. Красноярск: Красноярск, 1992. С. 83-84).

Ленинграда, записывал Высоцкого. Тот прибыл на машине, быстро спел «Песню о масках», «Песню про первые ряды» и «Ноты» и уже собрался уходить, как вдруг Крыжановский начал возмущаться: что это я, мол, приперся из Питера ради каких-то трех песен?! «Короче говоря, я в тоске. Три песни. Говорю: “Ну ладно, тогда что ж, поеду-ка я к Галичу. И тут второй раз я увидел его во гневе. Он крутанулся этак на одном месте, улыбочка такая с пружинкой: “Ну ты, б...ь, ну поезжай к своему Галичу!”»⁴⁸.

Похожий случай произошел в конце 1970-х, уже после смерти Галича. Высоцковед Борис Акимов, друживший с Высоцким и помогавший ему готовить к печати сборник его стихов, однажды пришел к нему домой, и они начали разбирать рукописи: «И тут я говорю: “Владимир Семенович, а вот эта строка (сейчас уже не помню, какая) похожа на галичевскую”. Он сразу: “Какая?” Я показал, он взглянул и тут же сказал: “Иди домой, мне сейчас некогда”. А собирались как раз поработать подольше...»⁴⁹.

Между тем, встречались они довольно часто.

Сокурсница Высоцкого по МХАТу Таисия Додина рассказывала: «Когда мы учились на третьем курсе, на сцене нашей студии репетировали “Матросскую тишину” Александра Галича. Репетировали актеры будущего театра “Современник”. Уже тогда Володя встречался и общался с Галичем. А следующая встреча произошла в Риге. Высоцкий распределился в Театр Пушкина вместе с Буровым, Ситко и Портером. И уже летом они поехали на гастроли в Ригу. У меня был свободный диплом, я поехала вместе с ними. В Прибалтике мы встретили отдыхавшего там Галича. И я хорошо помню, что мы собирались в нашем большом номере, много разговаривали, и Галич пел. Пел и Володя»⁵⁰.

Поскольку Высоцкий поступил во МХАТ летом 1956 года, а генеральная репетиция «Матросской тишины» состоялась уже в январе 1958-го, то, судя по всему, знакомство Галича с Высоцким датируется 1957 годом. Об этом периоде сохранились также воспоминания Марины Добровольской: «...когда мы учились на третьем курсе, будущий “Современник” репетировал “Матросскую тишину”. Репетировал на нашей учебной сцене. <...> Когда спектакль “Матросская тишина” запретили, мы хотели ставить эту пьесу в своем молодежном экспериментальном театре. И даже все вместе ходили к Галичу домой, он жил у метро “Аэропорт”. И Высоцкий был вместе со всеми. Галич тогда дал нам свою пьесу»⁵¹, а также актера и музыканта Валентина Никулина: «...я с ним [с Галичем] был, слава Богу, – так посчастливилось – очень

⁴⁸ Крыжановский М. О ленинградских, и не только, записях Высоцкого // Владимир Высоцкий. Белорусские страницы-8 / Сост. В.Шакало, Ю.Сидорович. Минск, 2002. С. 66 – 67.

⁴⁹ Цыбульский М. Жизнь и путешествия В.Высоцкого. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 22.

⁵⁰ Живая жизнь: Штрихи к биографии Владимира Высоцкого / Интервью и сост. В.Перевозчикова. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 146.

⁵¹ Перевозчиков В. Неизвестный Высоцкий. М.: Вагриус, 2005. С. 63.

хорошо знаком. И это всё начиналось тогда, когда еще мы только-только с Владимиром Семёновичем Высоцким (для меня – Володей) были в студии Художественного Театра, мы к нему уже приходили и просили его ЧТО-ТО НАПИСАТЬ»⁵².

А в Театр Пушкина Высоцкий поступил в 1960 году, по окончании МХАТа, и, исходя из воспоминаний Т.Додиной, летом того года же состоялась их очередная встреча.

В начале 1962 года в московском Театре миниатюр ставилась смешная миниатюра Галича «Благородный поступок». На сцене было юбилейное торжество в честь того, что театр получил, наконец, постоянное помещение в саду «Эрмитаж» на Большом Каретном. Миниатюру поставил Марк Захаров, а в массовке был занят чуть ли не весь состав – актеры попеременно выходили на сцену.⁵³ И среди них был 24-летний Владимир Высоцкий, поступивший в этот театр в феврале 1962 г. и в мае вновь вернувшийся в театр Пушкина.

⁵² Передача «Вполголоса о главном» на Радио-1 (бывшее Всесоюзное радио, Москва), 27.02.1998. Ведущая – Ольга Кордюкова.

⁵³ Из интервью актрисы Театра миниатюр Тамары Витченко Б. Акимову (Москва, 30.01.1988). Цит. по: Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы. Годы 1961 – 1962 / Сост. Б.Акимов, О.Терентьев // Студенческий меридиан. 1988. № 6. С. 58. По словам руководителя Театра миниатюр Владимира Полякова, главную роль в спектакле сыграл Зиновий Высоковский: «Отлично играл он героя пьесы “Благородный поступок”. Исполнилось десять лет с того дня, когда герой пьесы вернул старушке забытую ею на скамейке сумочку. Это событие отмечается чувством героя. Надо видеть лицо Высоковского, его удовлетворение собой, гордость, значительность. Его чувствуют, ему поют песни, пионеры приветствуют его, а он стоит и плачет от умиления, и настоящие слезы катятся у него из глаз» (*Поляков В.С. Товарищ смех. М.: Искусство, 1976. С. 170*). Более подробный рассказ принадлежит артисту Театра миниатюр Александру Кузнецову: «Была еще у нас миниатюра-пародия по Галичу “Благородный поступок”. Первая режиссерская работа Марка Захарова – он же там играл главную роль [неточность. – Я.К.], и он же оформил ее как художник. Трон на сцене. Выбегает конференсье: “Сегодня мы отмечаем 10-летний юбилей со дня совершения благородного поступка Никодимом Петровичем”. Появлялся монстр-юбиляр. Первыми его поздравляли пионеры стихами: “Прошло уж ровно десять лет, / И мы вам шлем большой привет! / Запомнит каждый пионер / Ваш положительный пример. / И все мы будем – как один, / Как дядя Зуев Никодим!”. Потом выходил композитор и исполнял песню: “Ах, сумочка зеленая, / Родимый хлорвинил...”. Потом появлялся алкаш, зять героя, которого играл я. А суть пародии в том, что герой как-то на скамейке в парке нашел сумочку и отнес ее в милицию. Лёва Лемке играл ведущего. Высоцкий мог играть и ведущего и композитора – это маленькие роли. А мог и зять играть, так как я ему мог уступить эту роль» (*Кузнецов А.: «Мы были приятелями...» / Беседовал Лев Черняк // Вагант-Москва. 2003. № 4-6. С. 25*).

Вполне могла состояться встреча Высоцкого с Галичем и в 1963 году, поскольку актер Владимир Трещалов вспоминал, что Эльдар Рязанов «в фильм “Дайте жалобную книгу” по сценарию Галича пробовал Володю. Я видел эту фотопробу, потому что сам тоже пробовался, когда снимался в картине “Русский народ”»⁵⁴. Судя по всему, Высоцкому предназначалась роль одного из двух главных героев, которые в одном из эпизодов поют под гитару куплеты рядом с домом директора ресторана «Одуванчик» Тани Шумовой.

Сохранилась афиша, приглашавшая всех желающих на вечер бардов в Доме культуры МГУ 19 января 1966 г.: «Уважаемый товарищ! Приглашаем Вас на первое заседание КЛУБА ИНТЕРЕСНЫХ ВСТРЕЧ». Среди авторов-исполнителей, которые должны были там выступить, названы: М.Анчаров, А.Васильев, Б.Вахнюк, Ю.Визбор, В.Высоцкий, А.Галич, А.Загот и Б.Хмельницкий⁵⁵.

Однако на этот раз встреча Высоцкого с Галичем не состоялась, поскольку, как записала в своем дневнике 16-летняя школьница Ольга Ширяева, которая была лично знакома с Высоцким: «19.01.66. Вечер бардов в МГУ на Ленинских горах. Принимали участие В.В., Шапиро, Вахнюк, Визбор. Хмельницкий и Васильев приехали чуть позже, с выступления, кажется, на “Серпе и молоте”. <...> Анчаров вывихнул ногу, а у Галича – сердечный приступ, оба участия в вечере принять не смогли»⁵⁶.

Однако велика вероятность того, что в начале 1967 года на дому у математика Юрия Манина состоялся «квартирник» с участием Высоцкого, Галича и Михаила Анчарова. Упоминание об этом содержится в письме Аркадия Стругацкого к своему брату Борису: «Вчера был у Манина, праздновали день рождения Высоцкого.⁵⁷ Я

⁵⁴ Трещалов В. По моей просьбе звукооператоры телевидения записали Высоцкого // Белорусские страницы-58. Владимир Высоцкий. Из архивов Б.Акимова, В.Тучина. Минск, 2009. С. 16.

⁵⁵ Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы. Годы 1965 – 1966 / Сост. Б.Акимов, О.Терентьев // Студенческий меридиан. 1989. № 7. С. 56.

⁵⁶ Ширяева О. Таганка: Хроника // Высоцкий: время, наследие, судьба. Киев, 1995. № 21. С. 3. См. также в Интернете: Таганка: хроника Ольги Ширяевой // <http://otblesk.com/vysotsky/taganka.htm>

⁵⁷ Дополнительные подробности об этом дне рождения сообщил физик и писатель Владимир Захаров, живший в то время в Новосибирске: «Я приехал в столицу с важной для себя миссией, сделать доклад на семинаре Капицы. Это было нечто вроде посвящения в “научное дворянство”. Все прошло удачно, и я на крыльях фортуны приехал к Манину, у которого остановился. И представьте себе, в квартире математика справлял свой 29-й день рождения актер Театра на Таганке Владимир Высоцкий. Была его первая жена Иза Высоцкая, уже тогда любимый мною Аркадий Стругацкий, актер Георгий Епифанцев, впоследствии ставший героем одной из песен В.В. И Высоцкий вдохновенно работал новые песни, а я записывал их на магнитофон. И не зря! В Академгородке они имели оглушительный успех. Да, на дне

подарил ему от обоих нас рукопись полной “Улитки”⁵⁸ – он был очень растроган. Между прочим, они собираются созвать у Манина небольшой концертик: Высоцкий, Галич и Анчаров. Это будет, вероятно, очень интересно. (Письмо Аркадия брату. 26 января 1967)»⁵⁹.

Популяризатор авторской песни Сергей Чесноков рассказал о встрече двух поэтов в 1968 году: «Александр Аркадьевич мне лично говорил, что к нему “...вчера приходил Владимир, спел новую песню”. Он записал ее и показал мне запись, это была только что написанная “Банька”. Галич очень высоко отзывался о ней и о Высоцком как о поэте. Разговор происходил в квартире Галича, на Черняховского, 4, в присутствии его жены Ангелины Николаевны. Дату точно не помню, но это определено было в конце шестидесятых, вероятно, осенью 1968 года»⁶⁰. Причем по свидетельству анонимного современника: «Не мне лично, но в моем присутствии Галич однажды сказал, что мечтал бы быть автором “Баньки по-белому”»⁶¹.

Известно еще одно свидетельство С.Чеснокова, относящееся, вероятно, к той же его встрече с Галичем: «Я помню, что Галич говорил при мне и даже, в общем, мне, потому что я был в это время у него дома: “Владимир – потрясающий поэт. Он не очень заботится о тщательном отделывании своих стихов”»⁶².

Вероятно, Галич, с его стилистической изощренностью, полагал, что тексты Высоцкого производят столь мощное впечатление, несмотря на их недостаточную «отделку», или наоборот – производят впечатление благодаря этому, вследствие так называемого «обаяния ошибки» (хотя ошибочность если и была, то мнимая).

Алена Архангельская рассказывала, как в 1968 году после Новосибирского фестиваля вынуждена была уйти из Театра им. Моссовета, куда она получила распределение после ГИТИСа, и стала

рождения Владимир Семенович пил только сливовый сок, когда все остальные коньяк» (*Чигрин Е.* Телескоп судьбы // *Иные берега* [журн.]. 2008. № 4 (12); <http://www.inieberega.ru/node/115>).

⁵⁸ Имеется в виду повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Улитка на склоне» (1966).

⁵⁹ АБС и Высоцкий – 1 (25.01.2013) // <http://bvi.livejournal.com/515833.html>

⁶⁰ По следам одной полемики [Галич и Высоцкий] // *Мир Высоцкого*. Вып. 2. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1998. С. 431.

⁶¹ <http://leonid-b.livejournal.com/489894.html?thread=9422502#9422502> (запись от 27.07.2008).

⁶² Передача «Время гостей» на радио «Свобода», посвященная 70-летию В.Высоцкого, 25.01.2008. Ведущий – Владимир Бабурин. На своем вечере, посвященном Галичу, в Доме-музее М.Цветаевой (24.01.2001) Чесноков рассказал об этом так: «Я помню, у меня однажды был разговор с ним. Высоцкий написал песню “Банька”. И вот Владимир пришел к нему и принес кассету. И они слушали с Ангелиной Николаевной. И он сказал: “Да, это очень хорошая песня. Но Высоцкий недостаточно аккуратно работает с текстом”, то есть он не отделяет его так, как можно было бы отделять».

искать работу в других театрах. Вениамин Смехов, который был знаком с Юрием Авериним (вторым мужем Валентины Архангельской – матери Алены), привел ее в Театр на Таганке, и они вместе посмотрели спектакль «10 дней, которые потрясли мир» с участием Высоцкого: «Потом мы пришли в примерку, и Веня познакомил меня с Высоцким. Володя сказал, что он очень любит и уважает Александра Аркадьевича и что они с Веней хотели бы мне помочь. На что я ответила, что мне очень нравится все, что они делают, но я актриса совсем другого плана и просто не сумею работать в вашем театре. <...> В ребятах было столько доброжелательности и открытости; они так хотели мне помочь, так дружно мне говорили: “Ну хочешь, мы уговорим Юрия Петровича тебя посмотреть?” Я помню, что очень упиралась, я боялась – это был совсем не мой театр»⁶³.

В свою очередь и Галич, по словам Алены, тепло отзывался о Высоцком: «Я думаю, что и отец не раз встречался с Володией Высоцким. Во всяком случае, папа очень любил его и не раз говорил о нем как об интересном актере и поэте»⁶⁴.

Другое свидетельство о встрече известно от фотографа Валерия Нисанова, которому Ольга Ивинская рассказывала, как однажды у нее на кухне Высоцкий и Галич пели по очереди свои песни⁶⁵.

Еще одна встреча поэтов состоялась в конце 60-х или начале 70-х годов – после того, как в 1969 году франкфуртское издательство «Посев» выпустило (без ведома автора) сборник Галича «Песни», где ему приписали заодно два чужих стихотворения. Сценарист Игорь Шевцов вспоминал свой разговор с Высоцким, состоявшийся в 1980 году:

О Галиче:

– А-а... “Тонечка”!.. “Останкино, где ‘Титан’-кино”... Когда вышла его книжка в “Посеве”, кажется, – он еще здесь был, – там было написано, что он сидел в лагере. И он ведь не давал опровержения. Я его тогда спрашивал: “А зачем вам это?” Он только смеялся⁶⁶.

Этих «опровержений» в те годы было, увы, немало. В ноябре 1972 года «Литературная газета» напечатала письмо Булата Окуджавы, в котором он отказывался от вышедшего на Западе сборника своих стихов с «антисоветским» предисловием. Тогда же было опубликовано покаянное письмо Анатолия Гладилина. Более того, 23 февраля в «Литературке» появилось письмо Варлама Шаламова, где он отрекался от публикации «Колымских рассказов» журналом «Посев» и говорил, что проблематика этих рассказов «давно снята жизнью».

⁶³ Архангельская А.: «Мой отец – Александр Галич» / Беседовала Т.Зайцева // Вагант. 1990. № 10. С. 7.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Цыбульский М.* Жизнь и путешествия В.Высоцкого. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. С. 20.

⁶⁶ *Перевозчиков В.* Страницы будущей книги // Библиотека «Ваганта». М., 1992. № 9. С. 25 («Живая жизнь», книга 2).

Не зная, как поступить в сложившейся ситуации, Галич решил спросить совета у Станислава Рассадина: «Помню, Галич, смущенный, советовался с наивной беспомощностью: как быть?»

– Да никак! Не давать же опровержение в “Правду»»⁶⁷.

И действительно: публикация такого «опровержения» в тех условиях могла означать только одно: признание своего поражения. Дал бы Галич «опровержение», и все. Конец автору диссидентских песен. Нет уж, увольте, такой путь неприемлем!

Между тем отношение его к Высоцкому всегда оставалось доброжелательным – вот что, например, рассказывал бард Александр Дольский, в гости к которому Галич приезжал в 1971 году: «Когда однажды я встречал его в свердловском аэропорту Кольцово и мы потом ехали в Свердловск, он мне рассказывал о Высоцком. <...> Он с большим уважением о нем говорил и даже с большой теплотой. Из этого я сделал вывод, что они знакомы очень хорошо»⁶⁸.

Интересно, что Галич любил слушать песни Высоцкого не только в авторском исполнении, но и в хорошем исполнении других бардов. Один из таких случаев описал Леонид Жуховицкий: «Я помню, мне позвонил Сережа Чесноков и сказал: “Заболел Александр Аркадьевич, давай к нему сходим”. <...> И я вот помню, он лежал на кровати, полуприкрытый пледом. <...> Это было где-то, наверное, уже года через два после фестиваля, и уже Александра Аркадьевича выдавливали из страны. Мы понимали, что он должен уехать. Вадим Делоне, который был тогда на фестивале, он уже сидел. <...> Я помню, Галич сказал: “Ну вот, Вадим уже как бы на выходе”. Ему там год, по-моему, оставалось сидеть. Сережа спел тогда под гитару только что написанную песню Володи Высоцкого “Охота на волков”. Галичу песня понравилась. Мы его попросили почитать или спеть что-то новое. И он почитал и спел нам свою прекрасную поэму о Януше Корчаке...» ⁶⁹ . Сохранились воспоминания об этом визите и Сергея Чеснокова⁷⁰. Он рассказывал, что врач по неосторожности занес Галичу инфекцию, и тот лежал в Ленинграде дома у Раисы Берг. Эта история описана в «Генеральной репетиции» и имела место в апреле-мае 1971 года. Следовательно, этим же временем датируется и визит к Галичу Жуховицкого с Чесноковым.

После того, как в «Вечернем Новосибирске» была опубликована разгромная статья Мейсака, артист Театра на Таганке Рафаэль Клейнер принес эту статью Высоцкому. Тот, прочитав ее, грустно сказал: «Значит

⁶⁷ *Рассадин С.Б.* Книга прощаний. М.: Текст, 2004. С. 209. По другой версии самого же Рассадина, он сказал Галичу в шутку: «Ну, дай опровержение в “Правде”» (*Рассадин С.* Судьба после жизни. Александру Галичу исполнилось 90 // Новая газета. 2008. 20 окт.).

⁶⁸ Цит. по фонограмме вечера памяти Галича во Дворце культуры Ленинграда, октябрь или декабрь 1987 г. Ведущий – Евгений Клячкин (запись из фонотеки Михаила Баранова).

⁶⁹ Фрагменты из интервью, не вошедшие в фильм «Без “Верных друзей”» (2008).

⁷⁰ Фонограмма из архива Владимира Гордюшенко.

скоро и до меня доберутся»⁷¹. И действительно: через месяц с небольшим, 31 мая, газета «Советская Россия» разразилась статьей В.Потапенко и А.Черняева «Если друг оказался вдруг», которая положила начало кампании травли Высоцкого в советской прессе.

Добавим, что в семье коллекционера Михаила Крыжановского хранится гитара, на деке которой с левой стороны оба поэта оставили свои автографы. Сначала расписался Галич: «Мише! Которого я люблю. Александр Галич», а через некоторое время и Высоцкий: «И которого я тоже люблю, и у него лучшие записи. Мише. Высоцк»⁷².

4

Хотя Галич и был театралом, но – удивительный факт: живя в Советском Союзе, он ни разу не видел «Гамлета» в постановке Юрия Любимова! И это тем поразительнее, что вскоре после премьеры этого спектакля 29 ноября 1971 года с Высоцким в главной роли он написал песню «Старый принц», где примерял образ Гамлета к самому себе. Причем уже в 1936 – 1937 годах, еще до рождения Высоцкого, учась в студии Станиславского, Галич репетировал роль короля Клавдия!

А в эмиграции он видел этот спектакль лишь однажды – в знаменитом парижском дворце Пале де Шайо (Palais de Chaillot) в ноябре 1977 года, за месяц до своей гибели (один из «Гамлетов» был сыгран 17 ноября). Об этом рассказал актер Театра на Таганке Дмитрий Межевич: «Последний раз с Александром Аркадьевичем мы виделись в 1977 году. Наш театр на Таганке был на гастролях в Париже. И он пришел на спектакль “Гамлет”. У меня было предчувствие – почему-то я его должен увидеть. И действительно, через шерстяной занавес, который был в “Гамлете”, я смотрю в партер: он сидит довольно близко, в ряду шестом, с Ангелиной Николаевной. Сердце у меня забилося. Это был где-то ноябрь 1977 года. И после спектакля я подошел к нему. Он не ожидал этого. От неожиданности он обернулся. Его первые слова: “Милый мой!..” И мы обнялись. Поговорили очень мало. Я спросил: “А вы что, видели этот спектакль в Москве?”. Оказывается, нет, не видел он “Гамлета”. Только вот в Париже в этот день. Что-то немножко спросили друг друга, и Ангелина Николаевна заволновалась: “Лучше вам все-таки с нами не находиться – мало ли кто может присутствовать, и из ваших тоже...”. И мы так вот распрощались, кивнули друг другу. Но это выражение лица, выражение глаз – оно до сих пор незабываемо»⁷³.

⁷¹ <http://www.galichclub.narod.ru/ngk.htm>

⁷² Д/ф «Александр Галич. Непростая история» (2003).

⁷³ Цит. по видеозаписи церемонии открытия барельефа на мемориальной доске Галичу в Москве на ул. Черняховского, 4 (25.04.2002). После этой церемонии состоялись домашние посиделки в мастерской скульптора Александра Чичкина, изготовившего этот барельеф, и там Межевич сказал, что Галичу понравился «Гамлет». Несколько месяцами ранее он эту историю рассказал на вечере памяти Галича в музее Высоцкого на Таганке: «Когда мы были в Париже в 1977 году, мне довелось его увидеть. Было какое-то предчувствие, что хоть на несколько минут мы увидимся. Он пришел на спектакль “Гамлет”, в котором я был занят, с Ангелиной

В 1995 году было опубликовано интервью Межевича, где он приводил другие детали своей встречи с Галичем: «А в декабре 1977-го в Париже Александр Аркадьевич приходил на наш “Гамлет” – уже постаревший, с палочкой. Страдавший от ностальгии. Я тогда (по-моему, единственный) подошел к нему после спектакля, хотя, конечно, очень боялся – сами понимаете, какое время»⁷⁴.

Корреспондент «Литературной газеты» Аркадий Ваксберг в своих мемуарах приводит дополнительные подробности: «...в Париже (ноябрь 1977 года), когда мы встретились в Пале де Шайо: Любимов, грозясь подать в суд на “ЛГ”, почему-то кричал на меня, словно я был главным редактором, а потом развлекался, усаживая пришедших смотреть его “Гамлета” так, чтобы позлить. Советский посол оказывался рядом с изгнанным Галичем, военный атташе – с Володией Максимовым, а лубянский резидент с Аксеновым, который только что оторвался от коллег навязанного ему соседа, выбрался из Берлина и примчался в Париж»⁷⁵.

Речь идет о «Литературной газете», приписавшей Любимову негативную оценку готовившегося венецианского фестиваля «Культура диссидентов» (15 ноября – 15 декабря 1977 года), в котором будет принимать участие и Александр Галич⁷⁶. Здесь стоит процитировать поистине уникальный документ – докладную записку Аркадия Ваксберга, адресованную главному редактору ЛГ Александру Чаковскому в качестве отчета о поездке. Копия этой записки в декабре 1977 года была передана Ваксбергом в ЦК КПСС: «Считаю необходимым сообщить Вам об инциденте с Ю.П. Любимовым, главным режиссером театра на Таганке. Инцидент произошел в Париже, на первом представлении “Гамлета” в театре Дворца Шайо.

Николаевной. И я через шерстяной занавес увидел, а он сидел недалеко – там таким амфитеатром Пале Шайе зал, очень большой. После спектакля я подошел к нему. Он не ожидал. Он уже проходит и направляется к выходу. Я иду сзади. Я говорю: “Александр Аркадьевич!” Он оборачивается. Первое слово было: “Милый!” Мы немного поговорили. И потом Ангелина Николаевна сказала: “Ну, наверно, вам не надо с нами так долго общаться”. <...> Я спросил: “А как спектакль?”. – “Спектакль понравился”. – “А в Москве вы не видели?”. – “В Москве не видели, только в Париже”. Был он с палочкой, седые виски» (цит. по видеозаписи вечера памяти Галича в ГКЦМ В.С. Высоцкого, 17.12.2001; съемка Бориса Феликсона). А самый первый известный нам рассказ Межевича прозвучал на его собственном вечере в конце 80-х годов, посвященном Галичу (фонограмма из архива Владимира Гордюшенко).

⁷⁴ *Межевич Д.* Нас сблизил концерты / Беседовал В.Громов // Высоцкий: время, наследие, судьба. Киев. 1995. № 20. С. 3.

⁷⁵ *Ваксберг А.И.* Моя жизнь в жизни. В 2 т. М.: Терра-Спорт, 2000. Т. 2. С. 366.

⁷⁶ Юрий Любимов: «Я возмущен махинациями организаторов “биеннале”» / Записал М.Максимов // Литературная газета. 1977. 2 нояб. С. 9.

Это был хотя и не первый, но по существу главный спектакль Театра, и именно на него собрался “весь Париж”. Ю.П. Любимов стоял у главной лестницы, встречая гостей. Среди них были сотрудники советского посольства и советские журналисты, но также и весьма многочисленные представители эмиграции, в том числе Максимов, Галич, Некрасов, Синявский, семья Некрасова (самого В. Некрасова не было) и другие. Всех их в равной мере – с одинаковым почтением и радушием – приветствовал Ю.П.Любимов. Жене Некрасова он выразил сожаление из-за того, что “Виктор Платонович не смог прийти”.

Увидев меня, Любимов громко – “на публику” – заявил: “Я подаю на вас в суд”. Поскольку я не мог принять это заявление всерьез, то обратил его в шутку, но Любимов шутку отверг и очень серьезно (даже сердито) повторил: “Я вас засужу”. Думая, что его угроза относится ко мне лично, я попытался выяснить, чем перед ним провинился. Он ответил раздраженно: “Речь идет не о Вас лично, а о газете, которая меня осрамила перед всем миром и захотела поссорить меня с итальянскими коммунистами и итальянским зрителем”. Далее он рассказал, что уже направил в “Униту” опровержение интервью, появившегося в “ЛГ”, и что, возвратившись в Москву, он на основе новой Советской Конституции подает на “ЛГ” в суд за то, что та исказила его интервью... В присутствии многочисленных гостей – как советских, так и французских – он сообщил, что беседовал в тот день с членами политбюро ФКП [Французской компартии. – Я.К.] и что он с ними “нашел общий язык”. Он назвал “их очень хорошими ребятами, которые прекрасно все понимают”. Стоявший рядом зав. корпунктом АПН в Париже В.К. Катин очень миролюбиво заметил: “Хорошо, что хоть с Вами они так говорят”. Любимов отреагировал крайне резко: “С Вами им, конечно, говорить не о чем. Ведь это интеллигентные люди, и они не привыкли беседовать с теми, кто не умеет признавать свои ошибки”. Катин попробовал ему возразить: “Вы же не знаете историю вопроса...”, но Любимов оборвал его: “Я все знаю. Пора уже научиться признавать ошибки”, причем понять, о каких “ошибках” идет речь, было невозможно.

В течение всего этого разговора непрерывным потоком шли гости, Любимов приветствовал их; лицо одного гостя показалось мне очень знакомым, и я спросил Любимова, кто это. Он очень возбужденно ответил: “Вам хочется узнать, как я буду реагировать на Ваш вопрос? Пожалуйста: это Галич. Вы довольны? Ах, Вы его не узнали?! Еще бы!.. В Москве у него был изможденный, заморенный вид, а здесь он стал наконец походить на человека”.

Присутствовавший при всем этом директор театра И.А. Коган, воспользовавшись тем, что Любимов отвлекся, тихо сказал мне и В.К. Катину: “Лучше отойдите от него, он Вас скомпрометирует»»⁷⁷.

Что же касается публикации в «Литературке», то и сам Галич, который в эмиграции регулярно читал эту газету, конечно же, всё понял и, более того, высказался о Чаковском в своей передаче на радио «Свобода»

⁷⁷ Главному редактору «Литературной газеты» тов. Чаковскому А.Б. // Коммерсантъ-Власть. 2006. 12 июня. № 23 (677). С. 61.

от 5 декабря 1977 года: «...недавно по телевидению выступал редактор этой газеты, Александр Борисович Чаковский, и очень потряс французских телезрителей. Ну, то, что он говорит неправду, это поняли все, разумеется. Но одна моя знакомая парижанка спросила меня: “Скажите, почему он все время улыбался, ему наверно было стыдно, да?”. И мне очень трудно было убедить ее в том, что Чаковскому – главному редактору “Литературной газеты”, депутату Верховного Совета не может быть стыдно, потому что ему не может быть стыдно, как говорится, никогда...». А в передаче от 9 декабря он рассказал и о цензурных запретах, с которыми регулярно сталкивается Театр на Таганке: «Да вот читаю опять газетку. Ну, на сей раз для разнообразия решил почитать не “Литературную газету”, а “Советскую культуру”. Я уже говорил о том, что в Париже можно купить почти в любом киоске почти любые советские газеты. Вот я купил “Советскую культуру”. Сижу, читаю. Над Сенной сижу. И читаю как раз такую корреспонденцию, которая называется “Москва на берегах Сены”. Корреспонденцию эту написал некий Широков – корреспондент ТАСС специально для газеты “Советская культура”. Ну что ж, вот я прочел первый абзац этой заметки. Цитирую: “Парижская печать высоко оценивает спектакль ‘Мать’ по одноименному роману Максима Горького, которым открылись парижские гастроли Театра драмы и комедии на Таганке”. Ох, неправда! К сожалению, неправда! Невысоко оценивает парижская печать спектакль “Мать”, которым открылись гастроли Театра драмы и комедии на Таганке. Совсем наоборот. Во всех крупнейших газетах, за исключением разве “Монда”, спектакль этот оценивается весьма и весьма низко, чтоб не сказать более крепкого слова. И “Фигаро”, крупнейшая газета Франции, и “Франс Суар”, одна из самых читаемых газет Франции, очень невысоко оценивают этот спектакль. Ну ладно, почитаем дальше, что же дальше пишет товарищ Широков: “Парижские зрители и художественная критика французской столицы единодушны в том, что гастроли во Франции московских артистов стали крупным событием в театральной жизни Парижа”. Ай-ай-ай-ай-ай-ай-ай! Опять неправда. Опять неправда! Ни французские зрители, ни французские критики, ни французские литературоведы, театроведы невысоко оценивают спектакли, привезенные советским театром в Париж, ни фильмы, ни выступления актеров, поэтов, музыкантов. К сожалению, всё это не совсем так.

Но я должен сказать – тут мне уже хочется перестать острить и говорить таким шутовским тоном: я очень люблю Театр на Таганке. И мне очень жалко, что вынужден был этот театр привезти в Париж вовсе не те спектакли, которые создали ему заслуженную славу среди советских зрителей. Вынужден он был привезти не “Мастера и Маргариту” Булгакова, не “Обмен” Трифонова, не пьесу Абрамова [«Деревянные кони». – Я.К.], не даже горестный спектакль о войне “А зори здесь тихие” – спектакль очень интересный и по-своему драматический, лирический. Вынужден он был привезти спектакли “Мать”, “Десять дней, которые потрясли мир”, спектакль о Маяковском... Непонятно, кто утверждал спектакли, которые должны поехать из Москвы в Париж. Непонятно, чьи чиновные мозги заставили Любимова и Театр на Таганке привезти в

Париж вот этакий репертуар. Мне всегда кажется, что в таких случаях и на этих заседаниях, где решались вопросы о гастролях театра, непременно присутствует один из героев цикла песен моих Клим Петрович Коломийцев, который однажды на встрече рабочего класса с интеллигенцией, посвященной вопросу инакомыслия, сказал так (поет под гитару): «Попробуйте в цехе найти дурака, / Чтоб мыслил чегой-то не то. / Мы мыслим, как мыслит родное ЦК / И лично... Вы знаете – кто! / И пусть кой-чего не хватает пока, / Мы с Лениным в сердце зато. / Мы мыслим, как мыслит родное ЦК / И лично... Вы знаете – кто!». Вот так, вероятно, и мыслил тот унылый чиновник, который заставил Театр на Таганке привезти в Париж спектакли, чуждые парижской публике, не понятные парижской публике. Да собственно, они уже давно и советскому зрителю и чужды, и непонятны. А газета – ну что ж (горестно усмехаясь), газета свое дело знает... Они ведь все у нас на одно лицо (поет под гитару): «Ох, до чего ж фантазирует / Ваша газета буйно, / Ох, до чего же пускает / По белому свету дым! / Если на клетке слона / Вы увидите надпись “Буйвол”, / Не верьте, не верьте, пожалуйста, / Не верьте глазам своим!»⁷⁸.

Кроме Дмитрия Межевича, незадолго до своей кончины Галич встречался и с другими артистами Театра на Таганке, причем сам же пришел к ним в гостиницу – настолько сильно соскучился по своему зрителю. Об этом рассказала актриса Театра на Таганке Виктория Радунская: «С Галичем в Париже мы встречались. Он пришел к кому-то в номер. И несколько человек сидели всю ночь и слушали песни Галича. <...> Мы пришли послушать. Сидели и слушали Александра Аркадьевича, который всю ночь пел. Потом мы уехали в Лион и Марсель. Из Марселя – прямо домой в Москву. Когда прилетели в Москву, узнали о том, что погиб Галич»⁷⁹.

10 декабря 1977 года театр вернулся в Москву, а Высоцкий остался в Париже еще на некоторое время – ему предстоял ряд концертов. 15 декабря он выступал с концертом в Париже. А накануне они с Михаилом Шемякиным хорошо погуляли, и на следующий день состояние Высоцкого было критическим: «Володе прислали записку о том, что умер Галич, и попросили сказать что-нибудь о нем. Володя же ничего об этом сказать был просто не в состоянии – его за кулисами с ложечки отпаивали шампанским. Я не знаю, просто не понимаю, как он выдержал тот концерт, и каких усилий ему это стоило. Он был очень болен»⁸⁰.

⁷⁸ Рубрика «Александр Галич в Париже читает советские газеты» на радио «Свобода». Передача от 9 декабря 1977 года цит. по фонограмме. См. также ее сокращенную и небрежную расшифровку: *Галич А.А.* Я выбираю Свободу / Сост. А.Шаталов. М.: Лит.-худ. журнал «Глагол», 1991. № 3. С. 86-87.

⁷⁹ Белорусские страницы-12. Владимир Высоцкий в воспоминаниях современников / Сост. А.Линкевич. Минск: ООО «Ковчег», 2004. С. 185.

⁸⁰ *Цыбульский М.* Время Владимира Высоцкого. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. С. 400.

А на записку из зала с просьбой что-нибудь сказать о Галиче Высоцкий не ответил потому, что как «советский гражданин» вынужден был вести себя лояльно и не хотел лишний раз нарываться. По этому поводу имеется уникальное свидетельство парижского барона, а также поэта, музыканта и педагога Павла Сергеевича Бенигсена (р. 1944). Зафиксировано оно ижевским писателем Львом Родновым: «Рассказывает о своем друге, Володе Н., который с детства просто боготворил Высоцкого. И вот Высоцкий приехал в Париж, устроили концерт. А как раз в это время убило (или – убили?) советского изгнанника Александра Галича, нелепо: проводом от антенны приемника... Высоцкий об этом с сцены – ни слова.

– Мы потом сразу за кулисы. Как же так, Володька?! Хоть бы безотносительно сказал, хочу, мол, посвятить песню одному моему недавно погибшему другу...

А Высоцкий в ответ:

– Э, ребята, вы здесь, а я там.

И всё. Умер бог. Русского от советского в самом себе не отличишь»⁸¹.

Однако, вернувшись из Франции, Высоцкий в своей машине возле Дома кино после премьеры какого-то фильма передал Алене Архангельской фотографии с похорон ее отца, на которых присутствовал весь цвет французской эмиграции⁸². Более того, в передаче радиостанции «Голос Америки» от 5 августа 1980 года, посвященной памяти уже самого Высоцкого, диктор и вовсе заявил: «После трагической смерти Александра Галича Владимир Высоцкий включал в программы своих концертов песни этого знаменитого поэта-барда»⁸³. Однако подтвердить справедливость данного высказывания пока не представляется возможным.

Таким образом, если отношение Галича к Высоцкому всегда оставалось в целом положительным, хотя и не лишенным критики, то отношение Высоцкого к Галичу было двойственным: имеются как отрицательные высказывания – о том, что он «не любил» Галича, относился к нему «с осторожностью» или вообще избегал встреч (М.Крыжановский, М.Шемякин, И.Дыховичный, Д.Межевич), так и положительные (А.Вернер, Д.Карапетян, В.Козачков, В.Тарасенко, А.Архангельская-Галич, интервью Высоцкого в Набережных Челнах).

Кроме того, если верить Людмиле Варшавской, на квартире которой в 1967 году в Алма-Ате состоялся концерт Галича, то Высоцкий

⁸¹ Роднов Л. Парижские Матанечки // День и ночь. 2004. № 11-12 (дек.). С. 189.

⁸² Архангельская А.: «Мой отец – Александр Галич» / Беседовала Т. Зайцева // Вагант. 1990. № 10. С. 9.

⁸³ Цит. по фонограмме. См. также расшифровку этой передачи: Радиостанция «Голос Америки» о Владимире Высоцком (передача вторая) // Попов В. Письма о Высоцком: Документально-публицистическая повесть. Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2000. С. 241.

во время своих приездов в Казахстан пел, кроме и так неоднократно исполнявшейся им «Баллады про маляров, истопника и теорию относительности»⁸⁴, еще целый ряд его песен: «Многие песни Александра Галича разошлись с подачи Владимира Высоцкого. Тут песни про ужасную историю про Москву и про Париж, про то, как шизофреники вяжут венки, про товарища Парамонову, про прибавочную стоимость и многие другие. Высоцкий выступил популяризатором Галича. Входили в то число и его казахстанские песни»⁸⁵.

Поскольку Высоцкий действительно бывал с концертами в Казахстане – в частности, в 1970 и 1973 годах, – логично предположить, что на домашних концертах (хотя, возможно, и публично) он, помимо собственных песен, пел и песни Галича. Кстати, все песни, которые перечислила Л.Варшавская, – шуточные и сатирические, причем «Красный треугольник», «Баллада о прибавочной стоимости» и «Право на отдых» («Баллада о том, как я ездил навещать своего старшего брата, находящегося на излечении в психбольнице в Белых Столбах») – откровенно антисоветские.

Что же касается «казахстанских песен» Галича, то здесь имеются в виду две: «Песня про генеральскую дочь» (1966) и «Баллада о том, как одна принцесса раз в месяц в день получки приходила поужинать в ресторан “Динамо”», написанная, по словам жены Александра Жовтиса Галины Плотниковой, во время его первого приезда в Алма-Ату в конце февраля – начале марта 1967 года.⁸⁶ Таким образом, Высоцкий исполнял и эти две песни, а ведь Варшавская добавила, что он пел «и многие другие»... Не исключено, что именно поэтому, скажем, песню «Право на отдых» так упорно приписывали Высоцкому авторы разгромных статей о нем.

Приписывались Высоцкому и другие песни Галича – например, «Красный треугольник». Очевидцем такого случая оказался Сергей Никитин: «Я однажды в Подмосковье, в дачных местах, гулял по лесу и наткнулся на костер. Вокруг костра сидели отдыхающие, видимо, из какого-то предприятия, рабочие. И вот одна женщина, такая дородная, говорит: “Давайте я вам сейчас расскажу Высоцкого”, и начинает рассказывать: “Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать?”...»⁸⁷.

⁸⁴ Ср., например, с комментарием Высоцкого перед ее исполнением на домашнем концерте в Москве в июне 1965 года: «А вот песня Галича про физиков. Знаете, да?»; или – 17 апреля того же года на концерте в Ленинграде дома у Г.Рахлина: «Я, пожалуй, начну с Галича, с “Песни про физиков”» (цит. по: *Ковнер М.* Моя коллекция // Нева. 2000. № 12. С. 194).

⁸⁵ *Варшавская Л.* «Но я выбираю Свободу»: В этом году Александру Галичу (Гинзбургу) исполнилось бы 85 лет // Давар. Казахстан. 2003. № 6-7 (сент. – окт.). С. 21.

⁸⁶ Там же. С. 20.

⁸⁷ Передача Евгения Киселева «Наше всё» на радио «Эхо Москвы», 17.06.2007. Гости – Наталья Иванова и Сергей Никитин.

Вот и косвенное доказательство того, что Высоцкий исполнял эту песню⁸⁸, причем ее заключительные саркастические строки: «Она выпила “Дюрсо”, а я перцовую – / За советскую семью образцовую!», – перекликаются с горьким сарказмом концовки песни Высоцкого «За хлеб и воду», которая также датируется 1963 годом: «За хлеб и воду, и за свободу / Спасибо нашему советскому народу! / За ночи в тюрьмах, допросы в МУРе / Спасибо нашей городской прокуратуре!»

Вообще слово «советский» Высоцкий чаще всего произносил именно как «советский»: «Не дам порочить наш советский городок...», «Встречаю я Сerezку Фомина, / А он – Герой Советского Союза», «И хоть я во всё светлое верил, / Например, в наш советский народ...», «И всю валюту сдам в советский банк», а на нескольких фонограммах исполнения «Пародии на плохой детектив» встречалось даже: «Жил в гостинице “Советской” / Несоветский человек», «Сбил с пути и с панталыку / Несоветский человек», «А в гостинице “Советской” / Поселился мирный грек», а также в исполнявшейся им песне Ахилла Левинтона «Стою я раз на стреме...» (известной и в исполнении Галича⁸⁹): «Он предложил мне денег / И жемчуга стакан, / Чтoб я бы ему передал / Советского завода план».

Не менее любопытно объяснение, которое давал Высоцкий этому нарочитому искажению: «Народ советский ведь слепой, как сова: живет и не видит, что творится вокруг. Вот и придумал я аллeгорию, как в баснях, с совой. Так что на самом деле народ-то не советский, а советский – слепой!»⁹⁰.

У Галича же слово «советский» всегда звучит вроде бы правильно, но неизменно с едким сарказмом, как в вышеприведенной цитате из «Красного треугольника». Приведем еще несколько примеров: «Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл: / Начало делать, так уж делай, чтоб не встал!», «А им к празднику давали сига... / По-советски ж, а не как-нибудь там!», «Центральная газета / Оповестила свет, / Чтo больше диабета / В стране советской нет <...> Доступно кушать сласти / И газировку пить... / Лишь при Советской власти / Такое может быть!»,

⁸⁸ Вероятно, именно по этой причине на концертах его часто просили ее спеть – например, в 1972 г. в ответ на подобную просьбу он ответил: «Вы знаете, я довольно часто слышу – меня просят “Парамонову”. Но дело в том, что это песня не моя. Я пою только свои песни» (концерт в Научно-исследовательском институте вирусологии имени Д.И. Ивановского Академии медицинских наук СССР. Москва, май 1972).

⁸⁹ Как утверждает Руфь Зернова, одну строфу для этой песни придумал сам Галич: «Тут дальше, через несколько лет, пошла строфа – вернее, куплет – Галича. Настолько хороший, что при публикации мне одна газета его собственноручно вписала. Вот он: “Советская малина / Собралась на совет. / Советская малина / Врагу сказала: нет!”» (Зернова Р. Женские рассказы. США: Эрмитаж, 1981. С. 22).

⁹⁰ Внуков Г. От ЦК до ЧК – один шаг! // Третья сила. Самара. 1991. № 2 (нояб.). С. 6.

«Народы Советского Союза приветствуют и поздравляют братский народ Фингалии со славной победой!».

И еще одна переключка, связанная с «Красным треугольником». Эта песня начинается следующими словами: «Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать! / Вот стою я перед вами, словно голенький», а в ноябре 1971 года на одном из домашних концертов Высоцкий спел короткое «больничное» четверостишие и объявил его прологом к «Песне про сумасшедший дом»: «...кругом, словно голенький. / Вспоминаю и мать, и отца. / Грустные гуляют параноики, / Чахлые сажают деревца». Заимствование из песни Галича очевидно. Объясняется оно очень просто: для поэзии Высоцкого очень характерен мотив «оголенности» его лирического героя (который при этом, разумеется, может выступать в разных масках): «Лежу я, голый, как сокол...» («Ошибка вышла», 1976), «Голая Правда божилась клялась и рыдала» («Притча о Правде и Лжи», 1977), «Я из дела ушел, из такого хорошего дела! / Ничего не унес – отвалился в чем мать родила» («Я из дела ушел», 1973), «Кольчугу унесли – я беззащитен / И оголен для дровиков и стрел» (черновик стихотворения «Я скачу позади на полслова...», 1973), «Хоть всё пропой, протарабань я, / Хоть всем хоть голым покажись...» («Мне скулы от досады сводит...», 1979), «...Будто голым скакал, будто песни орал...» («Путешествие в прошлое», 1967), «Без одежи да без сна / Вечно он в дороге...» (черновик «Разбойничьей песни», 1975), «Какие песни пели мы в ауле! / Как прыгали по скалам нагишом!» («Летела жизнь», 1977).

По свидетельству безвременно ушедшего исследователя бардовской песни Алексея Красноперова, автор ряда публикаций о Высоцком Людмила Томенчук сообщила ему в одном из писем, что слышала фонограмму, где Высоцкий объявлял: «А сейчас я спою три песни Галича», – и на этом, к сожалению, запись обрывалась.

В беседе с автором этих строк А.Красноперов сообщил также, что его близкий друг Олег Антонов (самодельный автор, член ижевского КСП, сам родом из Новосибирска) рассказывал, как однажды, будучи еще совсем юным, услышал в Новосибирске в 1967 года пленку, где Высоцкий пел три песни Галича: «Право на отдых», «Автоматное столетие» (авторское название – «Жуткий век») и еще одну, название которой Красноперов запомнил. А поскольку в 1967 года Высоцкий действительно выступал в клубе «Под интегралом» (или, по крайней мере, прилетел с такой целью в Новосибирск⁹¹), то есть вероятность, что именно эту пленку и имел в виду Олег Антонов⁹².

⁹¹ См. дневниковую запись Ольги Ширяевой за 4 октября: «В.В. летал на выступление в Новосибирск в клуб “Под интегралом”. (Мог летать туда и летом. Когда он там был точно, я не знаю)» (*Ширяева О.* Таганка: Хроника // Высоцкий: время, наследие, судьба. Киев, 1995. № 24. С. 7 – 8). Имеется информация и о том, что в 1967 году Высоцкий выступал в Новосибирском электротехническом институте (НЭТИ): «Я старый почитатель песен Высоцкого. Имею магнитозаписи концерта на площади около НЭТИ 1967 года», – такую запись 25 января 2011 оставил один из участников форума

Так что со временем вполне могут обнаружиться неизвестные фонограммы с песнями Галича в исполнении Высоцкого, а таких песен, как выяснилось, немало: «Про физиков», «Красный треугольник», «Баллада о прибавочной стоимости», «Право на отдых», «Жуткий век», «Тонечка», «Памяти Б.Л. Пастернака», «Песня про генеральскую дочь», «Баллада о принцессе с Нижней Масловки». И, вероятно, это еще далеко не полный список.

P.S.

О творческих параллелях между Высоцким и Галичем разговор пойдет в следующих выпусках журнала.

Ижевск

«Славянское наследие»

(<http://www.nasled.org/forum/viewtopic.php?f=15&t=8498#p68989>). Эта информация подтверждается письмом к Высоцкому от его поклонника Сергея Бродского за 28.08.1969: «Я студент вечернего отделения НЭТИ, Вы должны помнить этот институт, вы там выступали» (О Высоцком: Фрагменты писем / Сост. Ю. Тырин. М.: Изд-во кн. маг-на «Москва», 2000. С. 42).

⁹² Впрочем, есть сведения и о посещении Высоцким Новосибирска в 1968 году. Об этом свидетельствуют дневниковые записи Валерия Золотухина: «22.08.1968. Потерялся Высоцкий, удрал в Новосибирск. 23.08.1968. Вчера прилетел из Новосибирска Высоцкий с подарками от художников и бутылкой армянского коньяку» (*Золотухин В.С. Секрет Высоцкого: дневниковая повесть. М.: Алгоритм, 2000. С. 39*).

Юрий Моор-Мурадов

Маяковский versus Цветаева

Из книги "Как закаляется стиль"

азвание статьи может ввести в заблуждение – речь не идет о какой-то тяжбе между двумя великими русскими поэтами, у меня нет сведений об их ссоре или конфликте. Напротив, Марина Цветаева посвятила несколько добрых строк своему более удачливому собрату (памятник, площадь имени!) У всех любителей творчества Цветаевой на слуху ее стихотворение "Маяковскому", начинающееся так:

*Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ —
Здорово, в веках Владимир!*

После гибели поэта, ссылаясь на его известные строки:

*"И мне бы писать романсы для вас –
доходней оно и прелестней,
но я себя смирял, становясь,
на горло собственной песне",*

Цветаева сказала: "Маяковский наступил на горло своей песне, та долго терпела, наконец, восстала и убила его".

Так в чем же они противостояли – Маяковский и Цветаева?
В эстетике.

Маяковский в своей поэзии возвел на престол рифму. Считал ее чуть ли не самодостаточной.

А как создать незагертую рифму? Поставив в конец строки слова, которые там обычно не появляются, и среди прочего – предлоги, частички, вводные, вспомогательные слова.

Несколько примеров.

*...Я хочу быть понят своею страной,
А не буду понят – что ж,
По родной стране пройду стороной
Как проходит слепой дождь.*

(я здесь выделяю **болдом** выведенные на рифму необязательные, вспомогательные слова и частички).

Сергею Есенину

- Прекратите!

Бросьте!

Вы в своем уме ли?

Дать,

чтоб щеки

заливал

смертельный мел?!

Вы ж

такое

загибать умели,

что другой

на свете

не умел.

...И несут

стихов заупокойный лом,

с прошлых

с похорон

не переделавши **почти**.

В холм

тупые рифмы

загонять колом -

разве так

поэта

надо бы почтить?

Левый марш

Эй, синеглазые!

Рейте!

За океаны!

Или

у броненосцев на рейде

ступлены острые кили?!

Музыканты смеются:

"Влип как!

Пришел к деревянной невесте!

Голова!"

А мне - наплевать!

Я - хороший.

"Знаете что, скрипка?

Давайте -

будем жить вместе!

А?"

На чешуе жестяной рыбы

прочел я зовы новых губ.

*А вы
ноктюрн сыграть
могли **бы**
на флейте водосточных труб?
...Болтали так до темноты -
до бывшей ночи **то есть**.
Какая тьма уж тут?
На "ты"
мы с ним, совсем освоюсь.
("Необыкновенное происшествие...")
...И нечего доказывать - идите и берите.
Умолкнет газетная нечисть **ведь**.
Как баранов, надо стричь и брить их.
Чего стесняться в своем отечестве?
("Гимн взятке")*

Не помню где это у него:

*А вывод
Сделайте вы **вот**.*

Цитировать можно бесконечно. Завершу знаменитым слоганом первого советского копирайтера:

*Нигде **кроме**
Как в Моссельпроме*

Обычно на рифму поэты выводят важные для них слова и понятия. А какую нагрузку призваны нести все эти "ли", "кроме", "как" "почти", "бы", "ведь", "то есть"? Да, они помогают создать необычную рифму – но и только. Ничего не имею против этой прихоти Маяковского, но все же процитирую Генриха Гейне: "*Красивые рифмы нередко служат костылями хромым мыслям*".

У Цветаевой в корне иная эстетика. В принципе иной подход к отбору.

Проанализируем строки поэтессы, написанные к 100-летию гибели Пушкина.

*Прадеду – товарка:
В той же мастерской!
Каждая поправка -
Как своей рукой.*

Марина безжалостно выжала текст, избавилась от всех необязательных слов, частичек и прочей воды. Вот что было в тексте до введенного ею режима поэтической экономии:

*(Я великому) **прадеду** – (равная) **товарка**:*

(Мы с ним как бы трудимся) в (одной и) той же мастерской!

Каждая (сделанная им) **помарка** (правка)

Как (бы сделана) **своей** (моей) **рукой**.

Или – из стихотворения "Попытка ревности":

*Как живется вам с чужою,
Здешнюю? Ребром - любя?
Стыд Зевесовой возжжою
Не охлестывает лба?*

Обязательно ли во второй строке разжевывать: "Ставлю вопрос ребром – она вам любя?"

И насколько изящнее ее (из упомянутого выше стихотворения "Маяковскому"):

*Оглоблей гребет — крылом
Архангела ломового.*

Хотя привычнее –

"Оглоблей гребет как крылом" ... -

Посмотрите, сколько необязательных глаголов, местоимений, прилагательных вычеркнула она из этого своего шедевра:

*Вчера еще в глаза глядел,
А нынче - всё косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, -
Всё жаворонки нынче - вороны!
Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женицин всех времен:
"Мой милый, что тебе я сделала?!"
И слезы ей - вода, и кровь -
Вода, - в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха - Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.
Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
"Мой милый, что тебе я сделала?"
Вчера еще - в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, -
Жизнь выпала - копеекой ржавою!
Детобийцей на суду*

*Стою - немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
"Мой милый, что тебе я сделала?"
Спрошу я стул, спрошу кровать:
"За что, за что терплю и бедствую?"
"Отцеловал - колесовать:
Другую целовать", - ответствуют.
Жить приучил в самом огне,
Сам бросил - в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе - я сделала?
Всё ведаю - не прекословь!
Вновь зрячая - уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.
Само - что дерево трясти! -
В срок яблоко спадает спелое...
- За всё, за всё меня прости,
Мой милый, - что тебе я сделала!*

Пытаясь передать новый ритм, Маяковский стал писать "лесенкой". Многие – даже его поклонники – не видят принципиальной разницы в написании сплошной строкой или ступеньками. У любого поэта можно вот так строку разбить:

*Мой дядя
самых честных
правил
Когда
не в шутку
занемог...
Чем это отличается от:
Вы ж
такое
загибать умели,
что другой
на свете
не умел (?).*

И я понимаю ту учительницу литературы из Сибири, которая где-то в середине 1970-х на вопрос учеников, зачем великий пролетарский поэт писал лесенкой, простодушно ответила: "Чтобы получилось больше строк, и был побольше гонорар".

Марина тоже ставила перед собой задачу изменения гладкого ритма стиха, стремилась уйти от усыпляющего песенного напева. И добивалась своего. Тем, что разрывала фразу в непривычном месте. У нее это были не формальные изощрения, новая форма у нее была отражением, выражением, воплощением нового содержания. Это мы видим и в

предыдущем ее стихотворении ("Вчера еще в глаза глядел"), и вот в этом (выделяю места нестандартного разрыва фразы):

Попытка ревности

*Как живется вам с другою, -
Проще ведь?- Удар весла!-
Линией береговую
Скоро ль память отошла
Обо мне, плавучем острове
(По небу - не по водам)!
Души, души!- быть вам сестрами,
Не любовницами - вам!
Как живется вам с **простою**
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергли (с одного сошед),
Как живется вам - хлопчется -
Ежится? Встается - как?
С пошлюхой бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?
"Судорог да **перебоев** -
Хватит! Дом себе найму".
Как живется вам с любовью -
Избранному моему!
Свойственнее и **съедобнее** -
Снедь? Приестся - не пеняй...
Как живется вам с подобием -
Вам, поправшему Синай!
Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром - любя?
Стыд Зевесовой возжжою
Не охлестывает лба?
Как живется вам - здоровится -
Можется? Поется - как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?
Как живется вам с **товаром**
Рыночным? Оброк - крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с **трухой**
Гипсовой? (Из глыбы **высечен**
Бог - и начисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной -
Вам, познавшему Лилит!
Рыночною новизною
Сыты ли? К волибам остыв,
Как живется вам с **земною***

*Женщиною, без шестых
Чувств?...
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин -
Как живет, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?*

Может, Марина просто не умеет нестандартно выводить на рифму *вспомогательные* слова? Если "прошерстить" все стихи Цветаевой, и у нее мы встретим рифмы на вспомогательные слова. Но делает она это редко. Причем, тогда и так, что вызывает восхищение.

Вот Марина выводит в конец строки, под рифму частичку "не" – чтобы еще раз подчеркнуть вселенскую важность этого отрицания в своем стихотворении-признании:

*Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, **не**
Упоминаете ни днем, ни ночью - всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!*

В "Попытке ревности" она выводит на рифму частичку "как" – и каким же значением нагружает ее!

*Как живет вам - здоровится -
Можется? Поется - как?
С язвою бессмертной совести
Как справляйтесь, бедняк?*

Да, она в миллионный раз рифмует "кровь-любовь", глаголы "трясти-прости", сходно созданные слова "любовница-садовница". Но какая порывистая напряженность! Какой накал!

Она выразила доверие ко мне, своему читателю, польстила моему уму, сделал меня своим соавтором. И – пленила мое сердце.

Перечел и вижу, что получилась ода Цветаевой. Что ж, заслужила.

Может, еще и вот этим своим стихотворением?

ЕВРЕЯМ

*Кто не топтал тебя - и кто не плавил,
О купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос:
Израиль! Приближается второе*

*Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! - Пророки! - Торгаши!
В любом из вас, - хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке -
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.
По всей земле - от края и до края -
Распятие и снятие с креста.
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!*

Об авторах

Евгений Беркович – главный редактор журналов «Заметки по еврейской истории» и «Семь искусств», издатель альманаха «Еврейская Старина».

Григорий Полотовский – доцент кафедры геометрии и высшей алгебры Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.

Борис Горобец – доктор геолого-минералогических наук, кандидат физико-математических наук.

Мина Полянская – член немецкого Пушкинского общества и немецкого отделения международного ПЕН клуба.

Феликс Фельдман – доцент, преподаватель философии, кандидат философских наук.

Виктор Каган – доктор медицинских наук. Член Союза Писателей Санкт-Петербурга.

Андрей Алексеев – социолог, кандидат философских наук, автор книги о «драматической социологии».

Артур Штильман – скрипач, автор книг о музыкантах.

Марк Цайгер – геолог-нефтяник.

Евгений Брейдо – математик, программист и филолог.

Ольга Янович – музыкант, педагог, художественный руководитель Вашингтонского молодежного камерного оркестра.

Виктор Гопман – переводчик.

Нора Райхштейн (1926-2013) – российский театральный режиссёр.

Александр Ласкин – историк, прозаик, профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусств.

Лорина Дымова – поэт, прозаик, переводчица.

Сергей Никольский (литературный псевдоним: Никольский) – художник, поэт.

Бахыт Кенжеев – поэт, автор многочисленных стихотворных и прозаических книг.

Лариса Миллер – поэт, прозаик, эссеист, член Союза Российских писателей и Русского ПЕН-центра.

Александр Матлин – инженер-строитель, печатается в периодической прессе.

Валерий Генкин – литератор, главный редактор
издательства «Текст».

Александр Кацура – художник и литератор, член Союза
российских писателей, а также член Международного
Художественного фонда.

Зоя Мастер – музыкант, литератор

Игорь Ильин – менеджер и преподаватель английского
языка.

Михаил Юдсон – писатель, литературный критик.

Авром Суцкевер (1913-2010) – поэт и прозаик/

Игорь Булатовский – поэт, переводчик, эссеист/

Альберто Моравиа – итальянский писатель, новеллист и
журналист.

Моисей Борода – композитор, писатель, поэт.

Алла Цыбульская – театровед, журналист

Розалия Степанова – бакалавр иудаики, литератор.

Лина Городецкая – экономист, журналист, пишет рассказы.
Живёт в Израиле.

Ирина Чайковская – прозаик, критик, драматург,
преподаватель-славист.

Яков Корман – исследователь советской авторской песни.

Юрий Моор-Мурадов – драматург, прозаик, публицист,
переводчик.

Журнал «Семь искусств», август 2013
Главный редактор Евгений Беркович

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой
449 стр. 25,0 а. л.

«Семь искусств»
Ганновер 2013